

Иван В. Грудочко

## Курганы с «усами»

Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н. э.)

Ivan V. Grudochko

## Kurgans with 'moustache'

The epoch of the late prehistory  
and Early Middle Ages of the  
Ural-Kazakhstan steppes (4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> AD)

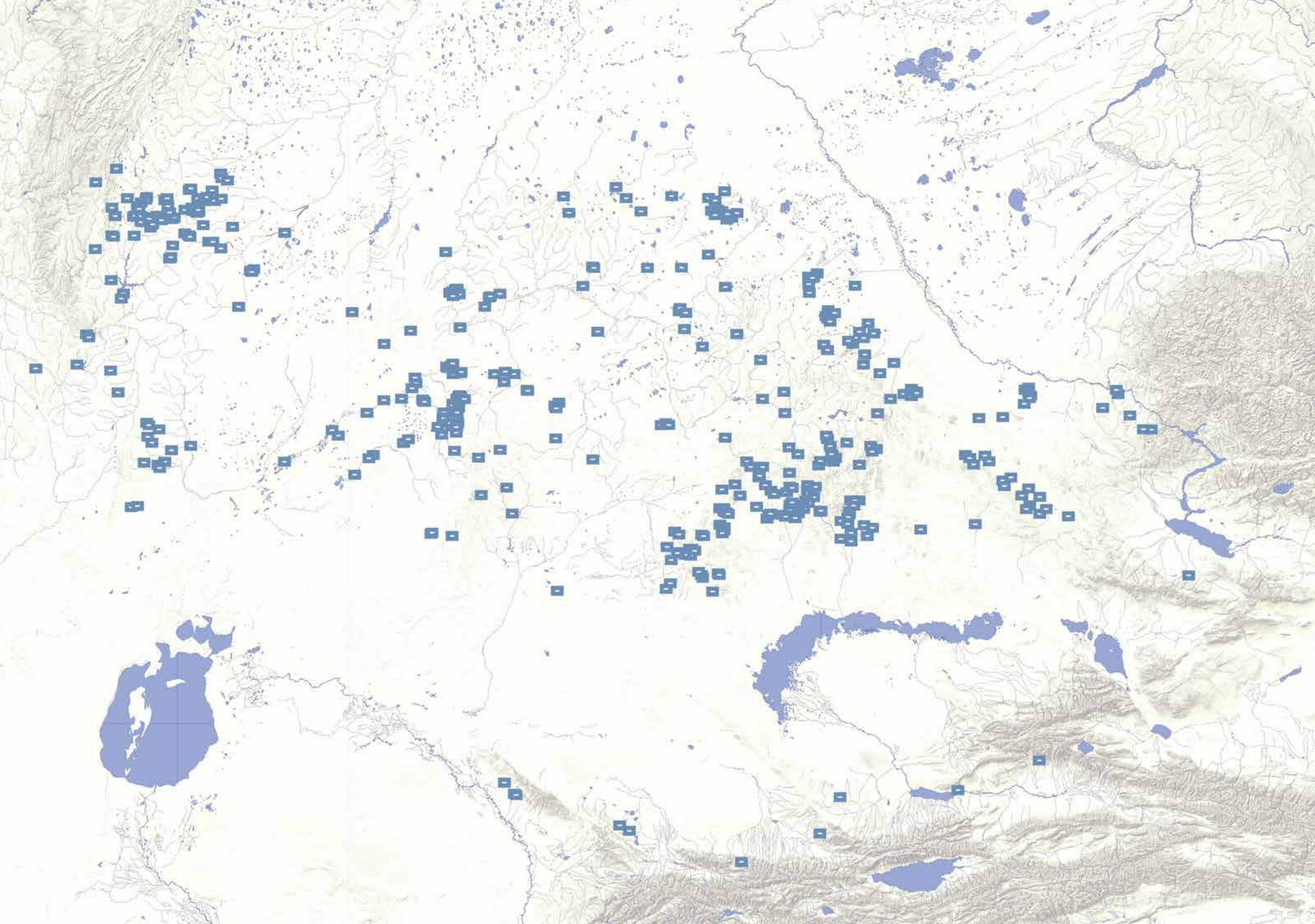


MARTIN OPITZ KIADÓ

PÁZMÁNY PÉTER KATOLIKUS EGYETEM RÉGÉSZETTUDOMÁNYI INTÉZET

BÖLCSÉSZETTUDOMÁNYI KUTATÓKÖZPONT

MAGYAR ŐSTÖRTÉNETI TÉMACSOPORT



Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia

A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai

Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology

Volume 16

Bölcészettudományi Kutatóközpont

Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok

Volume 9

Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia  
A PPKE BTK Régészettudományi Intézetének kiadványai  
Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology

Bölcsészettudományi Kutatóközpont  
Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok

*Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia*  
*nemzetközi szerkesztőbizottság /*  
*International Advisory Board*

Heinrich Härke  
Eberhard Karls Universität (Tübingen, D)

Oleksiy V. Komar  
Institute of Archaeology of NUAS (Kiev, Ua)

Abdulkarim Maamoun  
Damascus University (Damascus, Syr)

Denys Pringle  
Cardiff University (Cardiff, UK)

Dmitry A. Stashenkov  
Samara Regional Historical Museum (Samara, Ru)

*BTK MÓT*  
*sorozatszerkesztő*

Fodor Pál  
BTK  
főigazgató

Иван В. Грудочко

## КУРГАНЫ С «УСАМИ»

Эпоха поздней древности и раннего средневековья  
урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н. э.)

Ivan V. Grudochko

## KURGANS WITH 'MOUSTACHE'

The epoch of the late prehistory and Early Middle Ages of  
the Ural-Kazakhstan steppes (4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> AD)



BUDAPEST 2020



PÁZMÁNY PÉTER  
CATHOLIC UNIVERSITY



Bölcsészettudományi  
Kutatóközpont

Книга была реализована в рамках проекта «Археологическое исследование контактов между Венгрией и Востоком» («Наше восточное наследие»), Междисциплинарная исследовательская группа по истории и археологии Католического университета им. Петра Пазманя; TUDFO / 51757-1 / 2019 / ITM) при поддержке программы Thematic Excellence Министерства национальных исследований, развития и инноваций

The book has been realized within the project framework entitled: Archaeology Research on the Contacts between Hungary and the East (Our Eastern Heritage, PPCU History and Archaeology Interdisciplinary Research Team; TUDFO/51757-1/2019/ITM), with the support of Thematic Excellence Program, National Research, Development and Innovation Office.

*Редакторы / Editors:*

Сергей Г. Боталов – Attila Türk

*Дизайн обложки и графика / Borítóterv:*

auri grafika

© Иван В. Грудочко

© Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Bölcsészet és Társadalomtudományi Kar, Régészettudományi Intézet

© Bölcsészettudományi Kutatóközpont Magyar Őstörténeti Témacsoport

© Martin Opitz Kiadó

ISBN 978-963-9987-72-2

HU-ISSN 2064-8162

HU-ISSN 2064-9916

Все права защищены, включая воспроизведение, публичную демонстрацию, использование в радио- и телепередачах всей книги или её отдельных частей.

All rights reserved, including reproduction, public presentation, the rights of radio and television broadcasting and translation, as well as the individual chapters.

*Издатели / Publisher:*

Martin Opitz Kiadó – PPKE BTK Régészettudományi Intézet – BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport

*Типография / Press:* Pauker Nyomdaipari Kft.

## СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора / EDITORS PREFACE (С. Г. Боталов) .....	7
ВВЕДЕНИЕ .....	9
1. ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ С «УСАМИ» .....	13
1.1. Полевые исследования и накопление источников .....	14
1.2. Проблема типологии курганов с «усами» .....	21
1.3. Дискуссионные вопросы хронологии курганов с «усами» .....	25
2. АРЕАЛ И ТИПОЛОГИЯ КУРГАНОВ С «УСАМИ» .....	33
2.1. Физико-географическая характеристика урало-казахстанских степей .....	34
2.2. Районирование курганов с «усами» и обзор источников .....	36
2.3. Типология и основания для датировки курганов с «усами» .....	47
3. АРХИТЕКТУРА И МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ В КУРГАНАХ С «УСАМИ» .....	59
3.1. Архитектура центрального сооружения .....	60
3.2. Архитектура гряд-«усов» .....	72
3.3. Проблема технологии и строительства курганов с «усами» .....	80
3.4. Следы ритуальной практики в курганах с «усами» .....	85
4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУРГАНОВ С «УСАМИ» .....	95
4.1. Предметный комплекс .....	96
4.1.1. Вооружение .....	96
4.1.2. Предметы конского снаряжения и уздечные украшения .....	102
4.1.3. Предметы одежды .....	105
4.1.4. Украшения в полихромном стиле .....	107
4.1.5. Каменные изделия .....	112
4.2. Керамика .....	113
4.3. Хронология и культурная принадлежность курганов с «усами» .....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....	125
РЕЗЮМЕ .....	129
SUMMARY .....	141
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ .....	153
ПРИЛОЖЕНИЕ (ТАБЛИЦЫ) .....	169
ИЛЛЮСТРАЦИИ .....	205





Эта книга посвящена курганам с «усами», дискуссии о которых начались больше 20 лет назад. Тогда мы высказывались о том, что период IV–VII вв. урало-казахстанских степей представляет собой «смутное время», о котором мы, собственно говоря, почти ничего не знаем и здесь сложно почерпнуть или раскрыть что-то новое, а сами курганы с «усами» почти не рассматривались в качестве раннесредневековых комплексов. Однако в определенный момент было замечено, что относительно курганов с «усами» что-то кажется некорректно, не в силу чьих-то заблуждений, а в силу того, что это очень бедный археологически (образно говоря, «неблагодарный») памятник. Здесь нужно представить, что в результате трудоемких раскопок одного комплекса в руки археолога попадают кости и горшок грубой лепки (иногда – и вовсе без горшка). То есть это очень сложный, очень непонятный памятник и нужно было пройти определенное время, чтобы вначале мы с моими коллегами, И. Э. Любчанским и А. Д. Таировым, ввели эти памятники в арсенал раннесредневековой истории.<sup>1</sup> Однако на следующем этапе было необходимо более качественное обоснование, поскольку не всем коллегам это оказалось достаточным. К примеру, наши казахстанские коллеги либо отстаивают «древнюю» датировку курганов с «усами», либо растягивают их существование от раннесакской до раннесредневековой эпохи, подразумевая почти тысячелетнюю историю. Для того, чтобы четко типологизировать, доказать, привести скрупулезно все аргументы, которые существуют в хронологии, типологии и в этнокультурной интерпретации этих памятников, то нужна была работа, с которой, как мне представляется, И. В. Грудоchко справился.

Эта книга основана на материалах, которые уже были известны, но в этих материалах есть несколько памятников, которые раскапывал сам автор. К тому же за последнее десятилетие был введен еще целый ряд комплексов и радиоугле-

This book is dedicated to kurgans with a “mustache” that have been discussed more than 20 years. Then we spoke out that the period of 4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries AD in the Ural-Kazakhstan steppes was a “troubled time” we, in fact, have known almost nothing of, and it’s difficult to learn or discover something new here, and the mounds with a “mustache” as a whole were hardly considered as early medieval complexes. However, at a certain point it was noticed that something seemed incorrect about the kurgans with a “mustache”, not because of someone else’s misconceptions, but because they are archaeologically very poor sites (figuratively speaking, «ungrateful»). We need to keep in mind that laborious excavations of such a complex usually yield nothing but the animal bones and a pot of rough modeling (sometimes without a pot at all). Thus, they are very complex, very incomprehensible sites and it was necessary a certain time to pass since my colleagues I. I. Lyubchansky and A. D. Tairov and I introduced these sites into the arsenal of early medieval history.<sup>1</sup> However, a better justification was necessary at the next stage, since not all colleagues had found this sufficient. For example, our Kazakhstani colleagues either defend the “ancient” date of the kurgans with a “mustache”, or stretch their existence from the Early Saka to the early medieval era, implying almost a thousand-year history. In order to clearly typologize, prove, and thoroughly find all the arguments that exist in the chronology, typology, and ethnocultural interpretation of these monuments, a great deal of work was needed, and it seems to me, I. V. Grudochko successfully coped with the challenges.

The book is based on materials that have already been known, but there are several sites that the author excavated himself. In addition, a whole series of complexes and radiocarbon dates requiring systematization with previously known ones have been introduced over the past decade. And it seems to us, I. V. Grudochko succeeded. In particular, he managed to build a chronology and a typology, con-

<sup>1</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006.

<sup>1</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006.

родных дат, требующие систематизации с ранее известными. И, как нам кажется, И. В. Грудочко это удалось. В частности, он сумел построить хронологию, типологию, связать их между собой и наложить на географическую карту. По сути, это сразу же дало результат, поскольку стало очевидно, что традиция курганов с «усами» распространяется от Восточного Туркестана и Восточного Казахстана до Зауралья и Мугоджар, по времени совпадая с ключевыми событиями поздней древности и раннего средневековья – гуннской и раннетюркской эпохи. В разных территориях эти памятники действительно строились на более древних сакских или сарматских могильниках. Это одна из черт и особенностей кочевого населения, которые интуитивно чувствовали своих прапредков и поэтому занимали их площадки.

Думаю, что книга И. В. Грудочко сегодня подводит определенный итог изучения курганов с «усами» и будет полезна всем тем, кто занимается и интересуется историей и археологией кочевников урало-казахстанского региона.

*Доктор исторических наук С. Г. Боталов*

nect them together and put on a geographical map. In fact, this immediately yielded result, since it became obvious that the tradition of mounds with a “mustache” extends from East Turkestan and East Kazakhstan to the Trans-Urals and Mugodzhar, coinciding in time with key events of late antiquity and the early Middle Ages – the Hunnic and Early Turkic eras. In different territories these sites were really built on the more ancient Saka or Sarmatian burial grounds. This is one of the traits and characteristics of the nomadic population, who intuitively felt their great-grandfathers and therefore occupied their sites.

I think that the book by I. V. Grudochko today sums up a certain result of the study of the kurgans with a “mustache” and will be useful everybody who are interested in the history and archeology of the nomads in the Ural-Kazakhstan region.

Prof. Dr. Sergey Botalov

*Посвящаю моим любимым дочкам  
Гале и Вере*

## ВВЕДЕНИЕ

Курганы с «усами» являются оригинальными археологическими объектами, открытие которых относится к первой половине XX в. Они обнаружены на огромной территории урало-казахстанских степей, от верховьев Иртыша до Зауралья. В классическом виде этот памятник представляет собой курганную насыпь, от которой в восточном направлении тянутся две дугообразные каменные выкладки, длиной до двухсот и более метров.

Со времени открытия и до сих пор продолжается процесс осмысления курганов с «усами», которые до сих пор не получили однозначную оценку. На первоначальном этапе исследователи обратили внимание на отсутствие предметного комплекса под насыпями. В попытках хронологической и культурной атрибуции, к середине XX в. были высказаны две точки зрения: о раннекочевнической<sup>1</sup> и раннесредневековой<sup>2</sup> принадлежности курганов с «усами».

Во второй половине 50-х гг. XX в. к изучению курганов с «усами» приступил М. К. Кадырбаев, который включил их в круг памятников тасмолинской культуры раннесакского времени Казахстана.<sup>3</sup> Им же разработана типология, согласно которой курган с «усами» является ритуальным объектом большого погребального сооружения раннесакского времени. Впоследствии эта концепция отразилась в ряде фундаментальных работ<sup>4</sup>, поэтому тасмолинская принадлежность не вызывала сомнений, даже несмотря на обнаружение в курганах с «усами» вещей эпохи Великого переселения народов. Одна из таких находок в комплексе Коктал даже позволила М. К. Кадырбаеву высказать мысль о тысячелетней традиции сооружения этих памятников.<sup>5</sup>

В последнем десятилетии XX в. основным исследователем курганов с «усами» Казахстана становится А. З. Бейсенов, развивший тасмо-

линскую концепцию М. К. Кадырбаева.<sup>6</sup> Весь раннесредневековый материал, который на тот момент насчитывало уже более десятка комплексов, был обозначен А. З. Бейсеновым впускным. Параллельно с этим интерес к курганам с «усами» проявляется в южноуральской научной среде. В 1996 г. С. Г. Боталов инициировал пересмотр хронологической позиции всех памятников этого типа в пользу средневековья.<sup>7</sup> В частности, им указано на то, что курганы с «усами» сооружались вблизи или непосредственно на памятниках более ранних эпох, что и стало причиной неверной интерпретации М. К. Кадырбаева. Итогом работ челябинских археологов стал выход монографии «Курганы с «усами» урало-казахстанских степей»,<sup>8</sup> в которой не только были собраны все известные на сегодняшний день материалы, но и обосновывается принадлежность памятников к поздней древности – раннему средневековью.

Однако вопрос о хронологии курганов с «усами» по-прежнему остается открытым. Проблема часто возникает при неоднозначной трактовке предметного комплекса, который с точки зрения типологии, обладает датирующими возможностями. Сторонники тасмолинской версии считают, что предметы середины I тыс. н. э. были впущены в насыпи курганов с «усами», а сторонники поздней (раннесредневековой) принадлежности полагают, что курганы с «усами» сооружались на площадках памятников ранних кочевников. Таким образом, в конце XX и начале XXI вв. вопрос о хронологической принадлежности курганов с «усами» находится на стадии обсуждения.

После выхода монографии 2006 г. корпус источников продолжает пополняться благодаря активным полевым исследованиям, преимущественно на территории Казахстана. Введенный

<sup>1</sup> Грязнов 1956, 9–10; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 10.

<sup>2</sup> Маргулан 1949, 3–36.

<sup>3</sup> Кадырбаев 1966, 303–433.

<sup>4</sup> Маргулан и др. 1966; История Казахской ССР 1977; Степная полоса 1992.

<sup>5</sup> Кадырбаев 1959, 97.

<sup>6</sup> Бейсенов 1997.

<sup>7</sup> Боталов 1996, 203.

<sup>8</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006.

в научный оборот целый ряд комплексов,<sup>9</sup> обуславливает потребность их обобщения с ранее известными материалами.

Помимо этого, происходит качественно новый сдвиг в решении проблемы абсолютной хронологии методом радиоуглеродного датирования. Сегодня известно уже более десятка дат из курганов с «усами», демонстрирующие их принадлежность эпохе поздней древности – раннему средневековью.

Насущной проблемой сегодня является отсутствие единой карты курганов с «усами». После выхода в свет Археологической карты Казахстана<sup>10</sup> и первого картирования памятников, предпринятых М. К. Кадырбаевым,<sup>11</sup> этой работе долгое время не уделялось внимания. Лишь в 1996 г. А. З. Бейсенов приводит количественную сводку по разным регионам Казахстана<sup>12</sup>. В начале XXI в. публикуются региональные своды памятников археологии, в которых содержится информация по курганам с «усами»<sup>13</sup> и отдельные статьи.<sup>14</sup> В это же время применяется метод дешифрирования аэрофото- и космоснимков (рис. 135–137), которые значительно расширили поисковые возможности по этим памятникам. В данной работе мы попытались собрать все известные на сегодняшний день данные (610 комплексов) для составления единой картографической базы данных курганов с «усами», работа над которой, безусловно, должна быть продолжена в будущем.

Одним из интересных сюжетов последнего времени стало изучение архитектуры и геологии курганов с «усами». Определение горных пород в составе памятника, а также поиск ме-

ста сбора каменного сырья могут дать информацию об особенностях процесса строительства, трудозатратах, знаниях и навыках архитектурно-строительного дела. То есть те стороны жизни, которые напрямую связаны, прежде всего, с практикой и технологическими возможностями, нежели с ритуалом или духовной сферой.

Пожалуй, самой главной проблемой является культурно-хронологическая атрибуция курганов с «усами». Мы можем вспомнить две основные версии в трудах южноуральских исследователей. И. Э. Любчанский считает их «хионито-эфталитскими» памятниками, а С. Г. Боталов – «раннетюркскими», с некоторыми уточнениями в хронологии.<sup>15</sup>

Следует иметь в виду, что время поздней древности и раннего средневековья – необычайно сложная эпоха, особенно на фоне того, что после прекращения существования яркой позднесарматской/гунно-сарматской культуры II–IV вв., в урало-казахстанских степях для второй половины IV–VI вв. известно всего около десятка ингумационных погребений, в связи с чем может сложиться впечатление о «промежуточном» или «пустующем» характере региона в эпоху Великого переселения народов. Однако нам кажется, что огромное количество курганов с «усами» свидетельствуют об обратном и при комплексном подходе (анализ архитектуры, обряда, региональных особенностей длин гряд, типологии инвентаря, радиоуглеродных дат и т. д.) эти памятники обладают реальным потенциалом для выделения и раскрытия отдельной эпохи в истории кочевников урало-казахстанских степей IV–VII вв. н. э.

<sup>9</sup> Бейсенов 2017; Бейсенов и др. 2016; Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017; Бейсенов и др. 2018; Бейсенов и др. 2018а.

<sup>10</sup> Археологическая карта Казахстана 1960.

<sup>11</sup> Кадырбаев 1966, 308, рис. 1.

<sup>12</sup> Бейсенов 1996, 36–38.

<sup>13</sup> Зданович и др. 2003; Свод памятников 2010; Свод памятников 2007; Кукушкин и др. 2016; Кукушкин и др. 2017; Варфоломеев и др. 2018.

<sup>14</sup> Любчанский 1998; Мамедов 2015; Бейсенов и др. 2017; Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.

<sup>15</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 147–161.

## БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь хочется выразить признательность моему учителю и бессменному научно-руководителю Сергею Геннадьевичу Боталову. Автор глубоко благодарен коллегам Научно-образовательного центра евразийских исследований (Южно-Уральский государственный университет), в особенности А. Д. Таирову, А. В. Епимахову, Н. А. Берсеновой за постоянную поддержку, консультации, предоставление неопубликованных материалов и знакомство с «миром» радиоуглеродного датирования.

Выражаю благодарность казахстанским археологам: Б. А. Байтанаеву, А. З. Бейсенову, Г. А. Базарбаевой (г. Алматы), А. С. Жуниسخанову (г. Нур-Султан), А. А. Бисембаеву, А. М. Мамедову (г. Актобе) за отзывчивость, совместную работу и оказанную помощь по памятникам Казахстана.

Особенно автор признателен коллегам из г. Костанай А. В. Логвину, И. В. Шевниной, А. М. Сеитову, собравшие и предоставившие солидные материалы по распространению курганов с «усами» в Тургайском бассейне. Неопубликованные материалы по южноуральским комплексам были любезно предоставлены Н. С. Батаниной. Без их помощи карта курганов с «усами» была бы неполной.

Я искренне рад знакомству с А. А. Ковалевым, археологом и депутатом законодательного

собрания Санкт-Петербурга, который познакомил с китайской литературой о самых ранних курганах с «усами» из Синьцзянь-Уйгурского автономного района КНР.

Я также признателен коллегам, благодаря которым состоялась защита диссертации, легшая в основу этой книги: В. В. Овсянников, Н. С. Савельев, В. А. Иванов, Ф. А. Сунгатов (г. Уфа), Д. А. Сташенков (г. Самара). Искренне благодарю А. Г. Ситдикова, И. Л. Измайлова, Ф. Ш. Хузина (г. Казань), И. Э. Любчанского (г. Челябинск) за вычитку, консультации и ценные замечания.

Издание этой монографии оказалось возможным благодаря поддержке Института археологии Венгерской Академии наук и лично А. Тюрка.

Отдельно хочется сказать спасибо первым учителям – С. В. Марковой, С. В. Маркову, И. Ю. Банниковой, благодаря которым еще в школьном возрасте состоялось первое знакомство автора с археологией и «усатыми» курганами.

Хочу отметить и то, что получение археологического материала невозможно без кропотливых и трудоемких полевых работ, через которые прошли многочисленные отряды школьников и студентов. Без вашей помощи эта книга не вышла бы в свет. Благодарю за поддержку моих родителей, друзей и соратников.

1. ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ  
С «УСАМИ»

## 1.1. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАКОПЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

История изучения курганов с «усами» начинается сравнительно недавно. Впервые они были открыты в Казахстане в первой половине XX в. По-видимому заслуга открытия и первичного описания принадлежит краеведу Л. Ф. Семенову, который во второй половине 1920-х гг. возглавил большую работу по поиску и регистрации археологических памятников Акмолинской области.<sup>16</sup> В 1927 г. во время обследования урочища Сым-Тас (Асанкайгинский район Акмолинской области) им обнаружен курган, от которого в восточном направлении шли каменные дуги.<sup>17</sup> Сделав краткое описание и схематический набросок плана этого объекта, он направляет письмо в Государственную Академию истории материальной культуры с просьбой о научной консультации по неизвестным памятникам Акмолинского округа.<sup>18</sup> В период с 1927 по 1930 гг. им зафиксировано 6 курганов с «усами».<sup>19</sup>

Примерно в то же время группа геологов (Б. Н. Жданов, П. И. Преображенский и др.) проводит раскопки в районе города Кокчетав. В 1930 году Б. Н. Ждановым исследован курган с «усами» на берегу озера Большое Чебачье, откуда получена коллекция предметов эпохи ранних кочевников. Тогда же он получил сообщение о том, что другой такой же памятник на озере Куртукуль (Котырколь) был разрыт старателями и в нем найдено «порядочно золота и медное зеркало».<sup>20</sup>

В 1932–1933 гг. в СССР на местах великих строек проводятся широкомасштабные археологические исследования. Так, в Карагандинской области работала Нурина археологическая экспедиция, возглавляемая П. С. Рыковым. Территория работ включала долину р. Шеру-

бай-Нура, где под руководством М. И. Артамонова, одного из участников этой экспедиции, был раскопан курган с «усами» могильника Дандыбай (*рис. 10. 1*).<sup>21</sup>

Позже археологическое изучение курганов с грядами в Карагандинской области продолжает С. В. Киселев совместно с сотрудниками Карагандинского областного музея под руководством Л. Ф. Семенова. В 1937 г. ими были зафиксированы и исследованы курганы с «усами» недалеко от с. Бесоба.<sup>22</sup>

За пределами Казахстана в довоенное время курганы с «усами» стали известны Нижнем Поволжье на территории Калмыкии. В 1933–35 гг. во время работ в урочище «Три брата» П. С. Рыков описывает «каменное сооружение в виде плоской, из одного ряда уложенных камней, дуги длиной 150 м». Это сооружение располагалось между двумя курганными группами. П. С. Рыков передает слова местных жителей о том, что прежде дуга была хорошо заметна, и они считали ее дорогой между двух курганных групп.<sup>23</sup> В 1948 г. И. В. Синицин публикует план этого памятника (*рис. 73. 2*) и дополняет полевые наблюдения П. С. Рыкова. Им отмечен ритуальный характер всего сооружения.<sup>24</sup> Полная публикация полевых материалов П. С. Рыкова осуществлена В. П. Шиловым (*рис. 73. 1, 3*).<sup>25</sup>

Первое упоминание о курганах с «усами» Южного Урала относятся к 1945 г. Тогда на территории Башкирской ССР Б. А. Коишевским описано «сооружение из 5 курганов, из которых средний – наиболее крупный, а боковые – уменьшаются к краям. От крайних курганов идут две дуги из поставленных стоймя камней, образующих кольцо, замыкаемое двумя кругами. Вну-

<sup>16</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, 18.

<sup>17</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а, 162.

<sup>18</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а, 162; МАРГУЛАН И ДР. 1966, 305; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 9–10.

<sup>19</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, 87, 91, 154, 195, 356.

<sup>20</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, 18; ГРЯЗНОВ 1956, 10; КАДЫРБАЕВ 1959а, 162.

<sup>21</sup> ГРЯЗНОВ 1956, 10; КАДЫРБАЕВ 1959а, 162; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 10, 179; ТИХОНОВ 2009, 187–189.

<sup>22</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, 19, 155; КАДЫРБАЕВ 1959а, 162.

<sup>23</sup> РЫКОВ 1936, 115–116.

<sup>24</sup> СИНИЦИН 1948, 158, *рис. 23*.

<sup>25</sup> ШИЛОВ 2009, 103, 171, 177, *рис. 3. 9*.



тренность кольца площадью около 1,5 га». Этот памятник зарегистрирован под именем «II Давлетовские курганы».<sup>26</sup>

В послевоенные годы изучение курганов с «усами» проходит, в основном, в Казахстане и связано с работами Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), организованной и возглавленной А. Х. Маргуланом. В 1946–1948 гг. проводятся ширококомасштабные археологические разведки, главными целями которых были «определение основных типов найденных в Центральном Казахстане памятников, сбор сведений для составления археологической карты и установление предварительных соображений для уточнения хронологических стадий развития материального производства в Центральном Казахстане».<sup>27</sup> Именно в рамках этой большой работы начинается планомерный поиск и изучение курганов с «усами», к которым А. Х. Маргулан проявлял немалый интерес.<sup>28</sup> Ряд открытых и зарегистрированных комплексов позволил исследователю впервые очертить ареал «от Чингизского хребта до верховьев р. Тобола».<sup>29</sup> Одним из районов исследований стал Улытау, где в 1946 и 1947 гг. были обследованы и произведены раскопки комплексов Орезаир (Орезайыр) и Тогузбайкуль (Тогызбайколь)<sup>30</sup> (рис. 54. 1, 2), в которых не оказалось каких-либо находок. Другая группа курганов с «усами» открыта восточнее, на р. Куланутпес.<sup>31</sup> Более многочисленные и разнообразные комплексы удалось обнаружить в восточных районах Сары-Арки по рекам Нура, Токраун, Бегазы, Джинишке и их водоразделах. В составе некоторых комплексов А. Х. Маргулан описывает каменные стелы, давшие исследователю основание

датировать курганы с «усами» второй половиной I тыс. н. э.<sup>32</sup>

Полевые работы 1951–1957 гг. проходили в Коунрадском и Шетском районах Карагандинской области. С этого времени начинает формироваться опорная источниковая база исследованных курганов с «усами» – Карасай, Бес-Оба, Былкылдак (1951 г.), Бугулы, 37 воинов (1952 г.), Толагай (1956 г.). С 1957 г. по инициативе А. Х. Маргулана начинает работу отдельный отряд раннего железного века ЦКАЭ, возглавленный М. К. Кадырбаевым.<sup>33</sup> С его именем связано дальнейшее целенаправленное изучение курганов с «усами», которые прочно вошли в сферу научных интересов этого исследователя до середины 1960-х гг. В 1957 г. под руководством М. К. Кадырбаева проводятся раскопки на могильниках Киик-Су, Ельшибек, Кара-Бие (Карабье), Канаттас, Егиз-Койтас.<sup>34</sup> Результаты своих и более ранних исследований он обобщил в нескольких публикациях и кандидатской диссертации.<sup>35</sup> Кроме Сары-Арки М. К. Кадырбаев единожды проводит раскопки в Южном Казахстане. В 1958 г. в Таласском районе Джамбульской области А. Г. Максимовой был открыт курган с «усами» Коктал, который, в связи с угрозой разрушения, в том же году исследован М. К. Кадырбаевым.<sup>36</sup> С 1959 г. вектор полевых исследований М. К. Кадырбаева смещается в северо-восточные районы Сары-Арки (Экибастузский район Павлодарской области). В среднем течении р. Шидерты он исследует несколько ярких раннекочевнических могильников – Тасмола, Карамурун, Нурманбет. Другой отряд, возглавляемый А. М. Оразбаевым, в этом же году изучил могильник Ак-Булак II.<sup>37</sup>

<sup>26</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА БАШКИРИИ 1976, 196.

<sup>27</sup> МАРГУЛАН 1949, 3.

<sup>28</sup> МАРГУЛАН 1948; МАРГУЛАН 1949, 9.

<sup>29</sup> МАРГУЛАН 1949, 9; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 10; ХАБДУЛИНА 2007, 183.

<sup>30</sup> МАРГУЛАН 1948, 122, 123; КАДЫРБАЕВ 1958, 96; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, 143; ТОКТАРБАЕВА 2013.

<sup>31</sup> МАРГУЛАН 1949, 9–10; КАДЫРБАЕВ 1958, 96, табл. I. 7; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, 146.

<sup>32</sup> МАРГУЛАН 1949, 11–12.

<sup>33</sup> ХАБДУЛИНА 2007, 183; ТОКТАРБАЕВА 2013.

<sup>34</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а.

<sup>35</sup> КАДЫРБАЕВ 1958; КАДЫРБАЕВ 1959а; ХАБДУЛИНА 2007, 184.

<sup>36</sup> КАДЫРБАЕВ 1959.

<sup>37</sup> КАДЫРБАЕВ 1962; МАРГУЛАН И ДР. 1966, 311–386.

К концу 1950-х гг. количество раскопанных курганов с «усами» достигло 23.<sup>38</sup> Итоги этих и более ранних работ обобщены М. К. Кадырбаевым на страницах издания «Древняя культура Центрального Казахстана».<sup>39</sup> Была определена хронологическая и культурная принадлежность курганов с «усами», которые были отнесены к кругу памятников тасмолинской культуры, а также впервые разработана типология. В своих исследованиях М. К. Кадырбаев старался всесторонне изучать полевые материалы: остеологические определения костных останков, минеральное содержание и состав сплавов металлических изделий. С конца 1960-х гг. М. К. Кадырбаев практически не занимался курганами с «усами» и последующие раскопки в Казахстане ведутся другими археологами.

В 1960–70-х гг. география полевых исследований курганов с «усами» значительно расширилась. В 1961 г. на Улытау А. М. Оразбаев исследует комплекс Джанайдар, который продемонстрировал оригинальную и редкую для данного типа памятников архитектуру гряд.<sup>40</sup> Позже, в том же районе под руководством Э. Р. Усмановой проведены раскопки комплекса Батыр-Булак.<sup>41</sup>

Первые раскопки на Южном Урале проведены в 1965 и 1972 гг. Н. А. Мажитовым. Недалеко от II Давлетовских курганов, открытых Б. А. Коишевским в 1945 г., он раскопал центральное сооружение кургана с «усами» у деревни Нижнее Давлетово, в окрестностях г. Сибай (Баймакский район).<sup>42</sup>

В это же время курганы с «усами» открыты в Восточном Казахстане – Шемонаихинском и Уланском районах Восточно-Казахстанской

области под руководством А. Х. Арслановой. Раскопкам подверглись пять объектов могильников Зевакино и Кызылтас, из которых получен материал IV–V вв. н. э.<sup>43</sup> Позже список восточно-казахстанских комплексов был дополнен пятью объектами из северных склонов Тарбагатай.<sup>44</sup>

В 1974 г. отрядом Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции был открыт курган с «усами» в долине речки Белеутты, в западной части Бетпак-Далы.<sup>45</sup> Затем, в 1975 г. тем же отрядом, под руководством С. М. Ахинжанова, в урочище Бесарык был исследован комплекс Беркутты с раннесредневековым материалом.<sup>46</sup>

С конца 1980-х гг. ряд новых памятников открыт и исследован в северных районах Казахстана. Активные разведочные работы В. Ф. Зайберта, А. М. Кисленко, А. Г. Шалагина (Северо-Казахстанская археологическая экспедиция), М. К. Хабдулиной, А. Н. Свиридова (Ишимская археологическая экспедиция) в 1988–1992 и 2006 гг. выявили более 20 курганов с «усами» в пределах р. Ишим и Кокшетауской возвышенности.<sup>47</sup> Примечательно, что М. К. Хабдулиной и А. Н. Свиридовым здесь было переобследовано несколько комплексов, которые впервые были открыты в 1927 г. Л. Ф. Семеновым и опубликованы М. П. Грязновым в 1956 г.<sup>48</sup> Раскопки на памятниках Ак-Кайракты и Шидерты (Акмолинская и Павлодарская области) получили освещение в работах А. Н. Свиридова и Г. Ю. Пересветова.<sup>49</sup> Наконец, совсем недавно, в 2012 г. А. Досымбаевой исследован курган с грядами из Ерейментауского района Акмолинской области.<sup>50</sup>

<sup>38</sup> Хабдулина 2007, 184.

<sup>39</sup> Кадырбаев 1966.

<sup>40</sup> Оразбаев 1969.

<sup>41</sup> Усманова 1987.

<sup>42</sup> Археологическая карта Башкирии 1976, 185–196; Мажитов–Султанова 2010, 152.

<sup>43</sup> Арсланова 1975.

<sup>44</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998.

<sup>45</sup> Ахинжанов 1977, 73.

<sup>46</sup> Ахинжанов 1977, 74–75.

<sup>47</sup> Свод памятников 2007.

<sup>48</sup> Свод памятников 2007, 503–505.

<sup>49</sup> Свиридов 2004; Пересветов 2001.

<sup>50</sup> Досымбаева–Нускабай 2012, 34, 44, 45, рис. 10; Досымбаева 2013, 562, 563; Досымбаева и др. 2013, 197–203.

В результате разведок Карагандинского университета им. Е. А. Букетова в 1976, 1978, 1980, 1983, 1991 гг. под руководством В. Г. Ломана, И. А. Кукушкина, В. В. Евдокимова, К. М. Карабаспакова, А. Д. Таирова, О. Гуменчук, И. В. Рудковского серия новых памятников открыта в Каркаралинском районе Центрального Казахстана.<sup>51</sup>

В последней четверти XX в. курганы с «усами» обнаружены в западных районах, на Тургае и Мугоджарах. Это территории Акмолинской и Костанайской областей (до 1997 г. Тургайской и Кустанайской областях), где в период с 1983 по 1993 гг. работала Тургайская археологическая экспедиция, возглавляемая В. Н. Логвиным. Поисковые маршруты охватывали бассейн реки Тургай, северо-западные склоны Улытау, среднее течение Ишима и Верхнего Тобола, где зафиксировано в общей сложности 32 кургана с «усами». В 2013–2015 году А. В. Логвиным собрана информация о местонахождении еще нескольких десятков комплексов из этих районов, обнаруженных им при дешифровке космоснимков (рис. 135. 198, 199, 151–154 рис. 136. 182; рис. 137. 146, 187–189). В итоговой работе 2017 г., учитывающей, в том числе, архивные материалы, здесь удалось обобщить данные по 120 курганам с «усами»<sup>52</sup> (рис. 9).

Еще западней курганы с «усами» выявлены в Актюбинской области на восточных склонах Мугоджар. В 1970-х гг. новые памятники открыты группой геологов (Р. А. Сегедин, Н. Н. Голубев, В. В. Родионов, Г. А. Костик), которые в ходе своих работ большое внимание уделяли описанию и регистрации памятников археологии, в том числе курганов с «усами». В общей сложности ими было зафиксировано 8 комплексов, один из которых (Усуп I) исследован в 1974 г. Актюбинским отрядом Института истории, ар-

хеологии и этнографии АН КазССР совместно с Актюбинским областным краеведческим музеем под руководством М. К. Кадырбаева.<sup>53</sup> Другие памятники в разные годы с 1979 по 2014 гг. открыты В. А. Могильниковым, В. В. Ткачевым, А. А. Бисембаевым. К 2015 г. сведения обо всех этих комплексах обобщены в работе А. А. Мамедова (рис. 8).<sup>54</sup>

На территории Челябинской области курганы с «усами» стали известны благодаря активной работе Урало-Казахстанской археологической экспедиции, возглавляемой Г. Б. Здановичем и Лаборатории археологических исследований Челябинского государственного педагогического университета под руководством Н. Б. Виноградова. В 1979 г. на р. Карагайлы-Аят открыт Елизаветпольский курган с «усами».<sup>55</sup> В 1982 г. разведкой Ю. В. Тарасова<sup>56</sup> в том же микрорайоне обнаружено еще несколько комплексов – Суходол (рис. 139. 2), Сарбулат-1/Варшавское 12 (рис. 139. 1), Каменный Амбар 7 (рис. 138. 3), из которых первые два раскопаны в начале 2000-х гг. Указанные памятники входят в состав насыщенного археологического микрорайона Каменный Амбар.

Раскопки в Челябинской области начинают проводиться со второй половины 1980-х гг. В 1986–1989 гг. на юге области исследуется ряд жертвенно-поминальных сооружений, в числе которых были курганы с «усами». В 1984 г. С. Г. Боталовым исследован селенташский комплекс Елантау (курган 4).<sup>57</sup> В 1987 г. А. Г. Гаврилюк, Н. О. Иванова ведут раскопки Александровских курганов и комплекса Крутая Гора на р. Большая Караганка.<sup>58</sup> Позже, в 1988–1989 гг., в зоне строительства Андреевского водохранилища на р. Синташта С. Г. Боталовым и А. Д. Таириным изучены могильники Крутой Овраг, Селенташ, Кайнсай.<sup>59</sup>

<sup>51</sup> Ломан и др. 2004.

<sup>52</sup> Бейсенов и др. 2017; КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ 2017.

<sup>53</sup> Кадырбаев 1975.

<sup>54</sup> Мамедов 2015.

<sup>55</sup> Шевцова–Боталов–Артемova 1980.

<sup>56</sup> Тарасов 1983.

<sup>57</sup> Боталов–Маламуд 1985.

<sup>58</sup> Иванова 1988.

<sup>59</sup> Боталов 1989.

Курганы с «усами» привлекали внимание еще одного известного уральского археолога В. П. Костюкова, долгое время работавший сотрудником археологической лаборатории ЮУрГГПУ. В 1988 г. в районе с. Анненское Карталинского района Челябинской области под его руководством раскопан комплекс Оленина Отнога.<sup>60</sup> В 1990 и 1998 гг. на Каменном Амбаре он начал исследование поминальных сооружений курганной группы Суходол (*рис. 18. II*), в которую входил курган с «усами». В 2003 г. на том же берегу реки (6 км к западу) полностью исследован комплекс с двумя центральными насыпями Сарбулат-1 (Варшавское 12). В составе этой экспедиции работал С. Г. Захаров, сделавший петрографическое описание каменного материала.<sup>61</sup> Параллельно с этими работами, С. Г. Боталов и А. Д. Таиров исследовали комплекс Елизаветпольский.<sup>62</sup> Продолжение и завершение раскопок на Суходоле, как и завершение работ в этом микрорайоне были осуществлены в 2004–2007 гг. уже под руководством С. Г. Боталова и С. В. Маркова (*рис. 139. 2*).

За период с 1990-х гг. до настоящего времени на юге Челябинской области был исследован еще целый ряд комплексов. В 1997 г. комплекс Городищенское IX в Варненском районе показал датированные находки в центральной насыпи.<sup>63</sup> В 2003–2004 гг. в Кизильском районе на берегу р. Большая Караганка И. Э. Любчанский проводит детальные раскопки комплекса Новокондуровский I, где, пожалуй, впервые удалось проследить интересное архитектурное оформление гряд: чередование участков, выложенные разными породами камня.<sup>64</sup> В 2012 г. в Брединском районе исследован центральный курган комплекса Рымникский с грунтовыми грядами<sup>65</sup> (*рис. 18. I*).

В 1992 г. в верховьях р. Тобол Э. Р. Усманова и А. П. Мазниченко исследовали серию курганных сооружений на могильнике Кызыл-Жар (Костанайская область), в том числе курганы с «усами».<sup>66</sup>

Значительные результаты получены в ходе археологических работ на территории Оренбургской области. В Кваркенском районе, в 1993–1995 гг. году под руководством А. Д. Таирова и И. Э. Любчанского был открыт, а затем исследован курган с «усами» Солончанка I (*рис. 19; 140; 141*).<sup>67</sup> Получен богатый материал середины I тыс. н. э., давший веские основания пересмотреть хронологию всех памятников подобного типа. Позже И. Э. Любчанский исследует комплекс Солончанка IX из того же микрорайона. В 1997 г. Орской археологической экспедицией в Гайском районе под руководством О. Ф. Бытковского проведены раскопки комплекса Новоактюбинский I, где удалось проследить не только оригинальные архитектурные элементы, но и стадии строительства.<sup>68</sup>

На территории Башкортостана в 1996 г. Ф. А. Сунгатовым предприняты исследования кургана с «усами» у деревни Султантемирово (Зилаирский район) с предметным комплексом V в. н. э.<sup>69</sup>

В Казахстане с конца 1980-х гг. – начала 1990-х гг. основным исследователем курганов с «усами» стал А. З. Бейсенов. В 1996 г. публикуется его работа, где на основе выборки из «не менее 270 сооружений» (из которых 233 поддаются типологическому определению), открытых на территории Республики Казахстан, исследователь предлагает новую типологию, уточняет территорию распространения, а также анализирует обрядовые и архитектурные особенности курганов

<sup>60</sup> Костюков 1991; Любчанский 2006, 391–398; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 36–37.

<sup>61</sup> Костюков 2004.

<sup>62</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 85–88; Таиров 2008.

<sup>63</sup> Боталов–Гуцалов 2000, 204–206.

<sup>64</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 384; Любчанский–Таиров 2007.

<sup>65</sup> Грудочко, 2013.

<sup>66</sup> Усманова–Мазниченко 1992; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 40–42; Бейсенов и др. 2017.

<sup>67</sup> Таиров 1997; Любчанский–Таиров 1999.

<sup>68</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 374–383.

<sup>69</sup> Сунгатов 2003, 216–224.

с «усами».<sup>70</sup> К сожалению, эта, несомненно полезная, работа, собравшая накопленный к тому времени материал по Казахстану, так и не была опубликована в более широком виде. В последние годы А. З. Бейсенов ведет обобщающую работу по раскопанным и зарегистрированным курганам с «усами». По его данным, на территории одной Карагандинской области задокументировано уже более 250 (270) курганов с «усами», которые скоро будут введены в научный оборот.<sup>71</sup>

С начала XXI в. А. З. Бейсеновым ведутся активные полевые работы в Центральном Казахстане. В 2000–2002 гг. он проводит разведки в Карагандинской области. Тогда же под его руководством исследовано 2 кургана с «усами» на могильнике Нуркен-2 и комплекс Караоба.<sup>72</sup> Нуркен-2 был открыт и начинал исследоваться еще в 1960-х гг. М. К. Кадырбаевым. В 2015 г. А. З. Бейсенов представил новые результаты раскопок из комплекса 37 воинов (Корпетай) с радиоуглеродными датами из близлежащего сооружения.<sup>73</sup> В этой же работе приведен план этого интереснейшего памятника, так и не опубликованный со времен раскопок 1951 г. (рис. 106. I). В 2010–2013 гг. были исследованы объекты урочища Назар, в который входило два кургана на могильнике Назар-2 и курган с «усами» Назар.<sup>74</sup> В могильнике Назар-2 курганов с «усами» не было, однако в контексте данной работы он интересен нам впускным женским захоронением гуннского времени, синхронный, по нашему мнению, курганам с «усами». В 2015 г. исследован один из двух курганов с «усами» в составе могильника Байке-2.<sup>75</sup> В последние 3 года в научный оборот введен еще целый ряд памятников (Жамантас, Койтас, Бесоба, Кырыкунгир, Тан-

дайлы 2, Атасу-2, Кызылшилик, Кабантау), из которых получены радиоуглеродные даты, а из Атасу-2 – комплект украшений в полихромном стиле второй половины V в.<sup>76</sup>

Таким образом, можно говорить, что во второй половине XX и начале XXI вв. сформирована опорная источниковая база по курганам с «усами». Несмотря на обширную географию этих памятников наиболее хорошо изученными пока являются два региона – Центральный Казахстан и Южное Зауралье.

С 1990-х гг. применяется новый метод поиска курганов с «усами» – дешифровка аэрофотоснимков. Такая работа проделана сотрудниками центра «Аркаим» И. М. Батаниной, Н. В. Левит, И. Э. Любчанским. Благодаря этому удалось зафиксировать местонахождения многих комплексов, в том числе уничтоженных к настоящему времени.<sup>77</sup> Основные результаты по картографированию южноуральских комплексов, а также сравнительная характеристика с казахстанскими содержится в работах И. Э. Любчанского.<sup>78</sup> Полная сводка курганов с «усами» Кизильского района изложена на страницах Археологической карты Кизильского района.<sup>79</sup> Недавно вышла карта памятников бассейна Карагайлы-Аят, где приводятся данные о 23 курганах с «усами».<sup>80</sup> В настоящее время, для поиска этих памятников, помимо дешифровки аэрофотоснимков, появилась возможность привлекать космоснимки (Google Earth, SAS Planet). С их помощью А. В. Логвину удалось обнаружить несколько десятков комплексов из Кустанайской области, которые тоже использованы в данной работе<sup>81</sup> (рис. 135. 198, 199, 151–154; рис. 136. 182; рис. 137. 146, 187–189).

<sup>70</sup> Бейсенов 1996.

<sup>71</sup> Бейсенов 2015, 524; Бейсенов 2015б, 28.

<sup>72</sup> Бейсенов 2002; Бейсенов 2007, 173–181.

<sup>73</sup> Бейсенов 2015б.

<sup>74</sup> Бейсенов–Китов 2013; Бейсенов 2016.

<sup>75</sup> Бейсенов–Дуйсенбай 2015.

<sup>76</sup> Бейсенов 2017; Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016; Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017; Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017; Бейсенов–Касеналин 2018; Бейсенов и др. 2018; Бейсенов и др. 2018а.

<sup>77</sup> Зданович и др. 2003, 226–228.

<sup>78</sup> Любчанский 1998; Любчанский 2006.

<sup>79</sup> Зданович и др. 2003.

<sup>80</sup> Vatanina et al. 2014.

<sup>81</sup> Бейсенов и др. 2017.

Междисциплинарные методы довольно редко привлекались для курганов с «усами». Примером полноценной и всесторонней обработки полевых материалов является комплекс Солончанка I. Помимо представления полного описания раскопок,<sup>82</sup> были проведены палеопочвоведческие исследования,<sup>83</sup> П. А. Косинцевым и Д. И. Ражевым проведен остеологический анализ костных останков лошадей из насыпей.<sup>84</sup> А. Ф. Бушмакиным, В. В. Зайковым, А. М. Юминовым, А. Д. Таировым рассмотрен состав золотых изделий и вставок полихромных украшений.<sup>85</sup>

Сравнительно недавно начались исследования, посвященные технико-технологическому анализу керамики из курганов с «усами».<sup>86</sup> В работе А. З. Бейсенова и В. Г. Ломана обработано 13 сосудов из комплексов Центрального Казахстана. В результате удалось выделить две гончарные традиции, соответствующие разным этнокультурным группам.<sup>87</sup> Другая работа посвящена керамическому комплексу Измайловского могильника, где на фоне преобладающей бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской, встречена немногочисленная серия кочевнической посуды, находящей аналогии керамике из курганов с «усами». Несмотря на явное типологическое различие, авторы констатируют морфологическое (структурное) и технологическое сходство, которое должно указывать на преемственность гончарных традиций поздней бронзы к эпохе ранних кочевников.<sup>88</sup>

Интересные результаты удалось получить в ходе петрографических обследований нескольких южноуральских комплексов (Новокондуровский, Суходол, Сарбулат-1) с привлечением специалистов-геологов. В задачи этих работ вхо-

дили определение горных пород, слагающие комплекс, и поиск вероятных источников строительного материала (коренных выходов). Так, установлено, что гряды-«усы» сложены чередующимися участками светлых и темных пород камней типа «зебры». Помимо кульново-ритуального значения этого архитектурного элемента, В. Ю. Никольский предположил видеть в нем технологическую сторону, маркирующую этапы строительства.<sup>89</sup>

В научном осмыслении курганов с «усами» с начала 1990-х гг. происходят значительные перемены. Новый взгляд на их хронологическую принадлежность внес челябинский археолог С. Г. Боталов. Обобщая материалы раннесредневековых памятников, полученные раскопками на Южном Урале в 1980-х – начале 1990-х гг. он выделяет селенташский тип памятников, который стал «отправной точкой» к переосмыслению хронологической и культурной принадлежности всех курганов с «усами».<sup>90</sup> До этого, со времен М. К. Кадырбаева, курганы с «усами» рассматривались как памятники раннекочевнического (тасмолинского) круга. Об этом подробнее будет сказано ниже. Отметим, что в Казахстане с начала 1990-х гг. курганами с «усами» активно занимается А. З. Бейсенов, выступающий сторонником теории М. К. Кадырбаева.

Одним из сторонников раннесредневековой теории является И. Э. Любчанский. Во второй половине 1990-х гг. он рассматривает хронологию отдельных типов курганов с «усами».<sup>91</sup> Затем выходят работы, посвященные архитектурным и обрядовым особенностям,<sup>92</sup> реконструкции конского снаряжения.<sup>93</sup> И С. Г. Боталов, и И. Э. Любчанский особое внимание уделяли реконструкции историко-культурных процессов,

<sup>82</sup> Любчанский–Таиров 1999.

<sup>83</sup> Чернянский и др. 1999.

<sup>84</sup> Косинцев–Ражев 1999.

<sup>85</sup> Бушмакин 1999; Бушмакин–Таиров 1999; Бушмакин и др. 1999.

<sup>86</sup> Бейсенов–Ломан 2008; Ермалаева–Тепловодская 2013.

<sup>87</sup> Бейсенов–Ломан 2008, 40.

<sup>88</sup> Ермалаева–Тепловодская 2013, 306–307.

<sup>89</sup> Никольский–Грудочко 2015.

<sup>90</sup> Боталов 1996; Боталов 1996а.

<sup>91</sup> Любчанский 1997, 1998.

<sup>92</sup> Любчанский 2006.

<sup>93</sup> Любчанский 2009а.

связанными с появлением и распространением курганов с «усами».<sup>94</sup>

Важным событием стал выход монографии челябинских археологов – «Курганы с «усами» урало-казахстанских степей», обобщающей накопленные к 2006 г. материалы по всем курганам с «усами».<sup>95</sup>

Определенным прорывом последнего десятилетия стало применение метода радиоуглеродного датирования. С 2008 по 2015 гг. было получено 7 дат из 6 комплексов Южного Зауралья (Суходол, Сарбулат-1, Городищенское IX, Кайнсай (курган 14), Селенташ, Рымникский), которые относят время их сооружения к V–VIII вв. н. э.<sup>96</sup> В 2015 г. даты зауральских курганов с «усами» были проанализированы автором совместно с А. В. Епимаховым.<sup>97</sup> После этого постепенно публикуются даты из Центрального Казахстана, которые в большинстве находят согласование с южноуральскими, однако несколько из них явно выпадают из общей колонки значений.<sup>98</sup>

Как мы увидели, изучение курганов с «усами» занимает отдельное место в археологической науке. Интерес к ним был проявлен еще в довоенное время (Л. Ф. Семенов, Б. Н. Жданов). Специальное изучение началось со второй половины 1940-х гг., благодаря активной работе ЦКАЭ и ее руководителя А. Х. Маргулана. Более углубленное изучение с конца 1950-х гг. продолжил М. К. Кадырбаев, который разработал типологию курганов с «усами» и определил их культурную принадлежность в рамках раннекочевнического горизонта. В 1960-е – 1980-е гг. раскопные работы редки, зато многие памятники открыты активными разведками в различных регионах урало-казахстанских степей. С начала 1990-х гг. изучение курганов с «усами» активизируется и теперь проходит в двух концептуальных течениях. Одно из них начато в Зауралье в рамках челябинской археологии (С. Г. Боталов, И. Э. Любчанский), второе, в Казахстане, продолжило и развило концепцию М. К. Кадырбаева (А. З. Бейсенов<sup>99</sup>, М. К. Хабдулина, А. Н. Свиридов).

## 1.2. ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

Накопление материала ставило перед исследователями задачу типологического распределения курганов с «усами». Обнаружилось, что количество центральных насыпей могло быть более одной, а их расположение относительно центральной оси разное (как правило, в широтном или меридиональном направлении). Обнаружилось также, что ряд объектов содержал человеческие захоронения, в то время как большинство сооружений являлось непогребальными ритуальными постройками. Таким образом, главные задачи, которые ставили перед собой исследователи курганов с «усами», стали выявление всего

разнообразия планиграфических форм и определение функции всего комплекса.

Первую типологию предложил М. К. Кадырбаев в 1966 г. (рис. 12). В ее основе лежит тезис о том, что комплекс курган с «усами» включает три составные части (элемента искусственных сооружений): большой курган с погребением человека, малый с захоронением коня и глиняным сосудом и каменные гряды.<sup>100</sup> Курганы с «усами», имеющиеся в его распоряжении, он разделяет на четыре типа.

Тип I состоит из основного кургана большого размера и примыкающего к нему с восточной

<sup>94</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 147–161.

<sup>95</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006

<sup>96</sup> Боталов 2009, 2012, 2013.

<sup>97</sup> Грудочко–Епимахов 2015.

<sup>98</sup> Бейсенов 2017; Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016; Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017; Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016; Бейсенов–Касеналин 2018.

<sup>99</sup> Необходимо отметить, что в своих последних трудах А. З. Бейсенов считает актуальным вопрос о хронологической принадлежности курганов с «усами».

<sup>100</sup> Кадырбаев 1966, 309.

стороны или расположенного на значительном расстоянии малого кургана небольшой высоты и отходящих от него на восток двух каменных гряд. Основной курган включает в себе погребение, которое сопровождается, если оно не разграблено, большим количеством разнообразного инвентаря. Малый курган не имеет могильной ямы. Под его насыпью, в центре, на уровне погребенной почвы обычно находят конский скелет или его отдельные кости (череп, кости ног), а в восточной части – один, реже – два глиняных сосуда.

Тип II включает сдвоенные курганы, когда малый курган расположен не с восточной, а с южной стороны от большого кургана. В этом случае они, как правило, одного размера.

К типу III относятся комплексы, где малый курган сооружен на вершине большого.

Тип IV включает комплексы, где под одной насыпью сливаются два кургана.<sup>101</sup>

М. К. Кадырбаев считал, что классическим (исходным) типом курганов с «усами» является тип I. Он подчеркивал, что комплекс кургана с «усами» должен рассматриваться как единовременное погребально-поминальное сооружение. «Рассмотрение в отдельности какой-либо составной части в конечном счете приводит к неправильному пониманию всего комплекса в целом. Именно в этом состоит основная ошибка исследователей, определявших курганы с «усами» как памятники только ритуального назначения».<sup>102</sup> Однако уже тогда в распоряжении М. К. Кадырбаева был ряд раскопанных памятников, не содержащих человеческих захоронений.<sup>103</sup> Проблемы возникали и в дальнейших полевых исследованиях, когда другие археологи, следуя типологии М. К. Кадырбаева, «искали» большой погребальный курган рядом с комплексом с «усами».<sup>104</sup> Назревшие противоречия позволили А. З. Бейсенову констатировать не-

достаток типологии М. К. Кадырбаева, который заключался в неверной трактовке простой (классической) разновидности кургана с каменными грядами. Воспользовавшись предположением С. С. Сорокина<sup>105</sup> о неодновременности кургана с грядами, пристроенного к погребальному сооружению, он делает вывод, что простейшим типом является комплекс с «усами», состоящий лишь из одной поминальной насыпи.<sup>106</sup>

Классификация памятников А. З. Бейсенова 1996 г. (рис. 13. 1996) основана, главным образом, на двух визуальных планиграфических признаках, характеризующих центральное сооружение. Признак 1 – количество курганов, входящих в комплекс. Признак принимает следующие значения: 1) одиночный курган; 2) два кургана расположены по линии З–В; 3) несколько курганов, расположенных по линии С–Ю. Признак 2 – Характеристика курганных сооружений. Этот признак определяет два значения: 1) наличие однотипных сооружений; 2) наличие разнотипных сооружений.<sup>107</sup> В результате А. З. Бейсеновым выделено 3 типа курганов с «усами» включая варианты для типов 2 и 3.

Тип 1 Комплекс состоит только из одного курганного сооружения (насыпи), от которого отходят гряды. Иногда центральное сооружение представлено оградками или кольцевыми выкладками.

Тип 2 состоит из двух сооружений, вытянутых по линии З–В. Делится на два варианта. Вариант 2а состоит из двух разнотипных сооружений, из которых западное является по размеру и конструкции основным курганом, а восточное представлено небольшим по размеру и простейшим по конструкции малым курганом-спутником. Гряды отходят от последнего. Вариант 2б состоит из двух однотипных сооружений.<sup>108</sup>

Тип 3 состоит из двух или нескольких сооружений, вытянутых по линии С–Ю. Аналогично

<sup>101</sup> КАДЫРБАЕВ 1966, 309, 310, рис. 2.

<sup>102</sup> КАДЫРБАЕВ 1966, 309.

<sup>103</sup> БЕЙСЕНОВ 1996, 34.

<sup>104</sup> ОРАЗБАЕВ 1969; АРСЛАНОВА 1975.

<sup>105</sup> СОРОКИН 1981, 24–25.

<sup>106</sup> БЕЙСЕНОВ 1996, 39.

<sup>107</sup> БЕЙСЕНОВ 1996, 35.

<sup>108</sup> БЕЙСЕНОВ 1996, 36.



типу 2 выделяется два варианта: Вариант 3а состоит из разнотипных сооружений. Вариант 3б – из однотипных.<sup>109</sup>

Обе типологические схемы (М. К. Кадырбаев, А. З. Бейсенов) построены на одинаковом принципе группировки (по планиграфии центрального сооружения), поэтому может показаться, что они практически не отличаются друг от друга.<sup>110</sup> Однако А. З. Бейсенов вносит ряд изменений. В своей типологии он отказывается от типа III М. К. Кадырбаева. Видимо, исключительный случай комплекса Кара-Бие, где малый курган был сооружен на вершине большого, не находил более примеров. Еще одной новацией является введенный признак 2 (однотипные/разнотипные сооружения, добавляющий буквенный индекс к типам 2 и 3: 2а, 2б, 3а, 3б), означающий поминальный или погребально-поминальный характер центрального сооружения.

Соотношение типов А. З. Бейсенова выглядит следующим образом. Тип 1 – с одной насыпью – является ведущим типом. «Именно указанная разновидность сооружений является собственно курганом с каменными грядами».<sup>111</sup> Он приобретает тип 2, когда пристроен к погребальному сооружению с востока. Тип 3 назван им «промежуточным» между типами 1 и 2. Главным позитивным моментом работы А. З. Бейсенова является вывод о том, что определяющим фактором типовых различий является «автономность расположения собственно системы кургана с грядами-выкладками или привязка этого культурно-ритуального комплекса к обыкновенному погребальному сооружению».<sup>112</sup> Однако, указанные замечания не поставили под сомнение синхронизацию курганов с «усами» с курганами более раннего времени. На деле «автономность» курганов с «усами» проявлялась еще в том, что они могли не только пристраиваться, но и надстраиваться над объектами более ранних эпох.

Также есть свидетельства того, что старые насыпи могли быть включены в ансамбль кургана с «усами». Этим, собственно и объяснялся бы случайный характер обнаруживаемых погребений не только в типе 3, но и в типе 1. Комплексы Карамурун, Большое Чебачье, Кара-Бие, Тасмола, так же, как и тип 2, демонстрируют «автономность» кургана с «усами» относительно сооружения, на котором он стоит. Однако неустойчивое наличие погребений сводилось к типологическим различиям в рамках тасмолинской культуры – признак 2 (однотипные/разнотипные). Еще одной проблемой отнесения к тому или иному типу являются приведенные А. З. Бейсеновым комплексы с двумя меридиональными насыпями (с «усами»), пристроенные к большому кургану, обозначенные автором как осложненные варианты,<sup>113</sup> и которые, следуя логике типологии, можно было бы отнести к скомбинированному типу «2–3б».

Пересмотр относительной хронологии и отказ от тасмолинской версии позволил южноуральским исследователям, С. Г. Боталову и И. Э. Любчанскому, по-иному интерпретировать типовые различия курганов с «усами» (рис. 14; 15). Единодушным стало мнение о существовании ведущих курганов с «усами» только двух типов – II и IV (по М. К. Кадырбаеву) или 1 и 3 (по А. З. Бейсенову). Собственно, они и являются основными типами для курганов с «усами», возведенных в период V–VIII вв.<sup>114</sup>

Под сомнение была поставлена реальность типа I М. К. Кадырбаева (тип 2 А. З. Бейсенова), где курган с «усами» пристроен к погребальному сооружению с востока. С. Г. Боталов в ряде работ объясняет их появление разновременностью сооружения центральных насыпей, пристройкой или надстройкой кургана с «усами» к насыпи более раннего кургана,<sup>115</sup> а поэтому относит к варианту комплексов с одной

<sup>109</sup> Бейсенов 1996, 39.

<sup>110</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 18.

<sup>111</sup> Бейсенов 1996, 39.

<sup>112</sup> Бейсенов 1996, 39.

<sup>113</sup> Бейсенов 1996, 39, рис. 2–4.

<sup>114</sup> Любчанский 1998, 306; Боталов–Гаиров–Любчанский 2006.

<sup>115</sup> Боталов 1996а; 2000.

центральной насыпью.<sup>116</sup> И. Э. Любчанский писал, что об этом типе «ничего конкретного сказать нельзя». «Интуитивно чувствуется их значительная отдаленность от круга памятников тасмолинского круга. В данный момент нет и веских аргументов в сторону сохронологизации их с комплексами II и IV типов».<sup>117</sup> Позднее, в коллективной монографии этот тип рассматривается как отдельный, наряду с типами I и 3 А. З. Бейсенова с поправкой, что они сооружались вблизи курганов ранних кочевников.<sup>118</sup> Авторы приходят к выводу, что «типы I и III М. К. Кадырбаева и 2 А. З. Бейсенова, а также их производные демонстрируют, как правило, либо двойную стратиграфию, либо разнокультурную и разновременную планиграфию».<sup>119</sup>

Уточнение этих замечаний содержится в одной из последних крупных работ С. Г. Боталова. Он выделяет два переменных типа курганов с грядами, основные элементы которых, составляющие единый комплекс, были сооружены одновременно (рис. 15). Первый тип образуют комплексы с одним центральным курганом. Сюда входят комплексы с двумя насыпями, расположенные по линии З–В (тип I М. К. Кадырбаева), а также «совмещенные» типы III и IV М. К. Кадырбаева.<sup>120</sup>

Второй тип составляют комплексы с двумя и более центральными курганами, расположенные по линии С–Ю.<sup>121</sup>

Другим важным вопросом являются региональные особенности курганов с «усами» на всей территории их распространения. А. З. Бейсенов проследил распределение типов по Казахстану и пришел к выводу, что наиболее многочисленным для всего ареала является тип 1.<sup>122</sup> Наблюдения И. Э. Любчанского позволили

выделить особенности и различия южноуральских и казахстанских комплексов. В Южном Зауралье представлены, в основном, типы II и IV (по М. К. Кадырбаеву). Средняя длина гряд южноуральских комплексов больше, а «усы» могли быть грунтовыми. Различия также касаются и топографического размещения памятников. Так, комплексы с двумя меридионально расположенными насыпями занимают первые надпойменные террасы небольших уральских речушек, а комплексы с одной насыпью – водоразделы и высокие сопки.<sup>123</sup>

Кроме типологических разработок профессиональных археологов (М. К. Кадырбаев, А. З. Бейсенов, С. Г. Боталов) существуют наблюдения биолога П. И. Мариковского.<sup>124</sup> Его интерес к курганам с «усами» был связан с поисками их археоастрономического содержания, которые мы не будем здесь рассматривать. Путешествуя по Казахстану, он составлял схематические планы ряда комплексов и, несмотря на то, что в задачи исследователя не входили вопросы типологии, его наблюдения значительно расширяют представление об архитектурном и конструктивном разнообразии курганов с «усами». В нескольких работах он приводит 9 схематических рисунков («вариации курганов с грядами»), которые существенно дополняют варианты вышеизложенных типов (в основном, типов I, II, IV М. К. Кадырбаева): центральные насыпи расположены дугой, как бы перетекая в гряды, или выстроены по прямой линии; начало «усов» находится по прямой линии центральной насыпью или смещены к востоку и др.<sup>125</sup>

В 2017 г. А. З. Бейсенов скорректировал свою типологическую схему.<sup>126</sup> Классической моделью по-прежнему является ритуальный ком-

<sup>116</sup> Боталов 2000, 292.

<sup>117</sup> Любчанский 1998, 306.

<sup>118</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 76–89.

<sup>119</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 91.

<sup>120</sup> Боталов 2008, 373–374.

<sup>121</sup> Боталов 2008, 366.

<sup>122</sup> Бейсенов 1996, 38.

<sup>123</sup> Любчанский 1998, 305.

<sup>124</sup> Мариковский 1983.

<sup>125</sup> Мариковский 1983, 27, рис. 1.

<sup>126</sup> Бейсенов 2017.

плекс с одной насыпью (рис. 13. 2017). Типы 2 и 3 почти повторяют планиграфию центрального сооружения по версии 1996 г. Отмечено, что тип 3А приобретает форму 2Б, когда пристроен к большому погребальному сооружению. Ранее эта форма не была отмечена в схеме 1996 г. Введен новый признак – наличие погребения, который определяет различие между вариантами 3А и 3Б, а в типе 2 является постоянным. Автономность комплекса с «усами» подчеркнута в типе 2, однако в типе 3 это не отмечается. Это обстоятельство по-прежнему затрудняет определение собственно комплекса «курган с «усами». Сам автор подчеркивает, что схема остается рабочей гипотезой, требующей дополнительных данных, но констатирует, что тип 3Б является редким и особым типом и его отличия от типа 2 «должно иметь под собой определенную идейную основу».<sup>127</sup> К сожалению, подчеркнутая «автономность» по-прежнему не допускает возможность того, что курган с «усами» и погребальный комплекс – это объекты разных эпох.

Подводя итог, можно отметить, что решая проблему типологических особенностей курганов с «усами», исследователям приходилось обращаться к следующим аспектам: во-первых, к планиграфическим особенностям центрального

сооружения – количеству насыпей и их взаиморасположению; во-вторых, функции центральных сооружений – погребальная или непогребальная; в-третьих, поиску «простейшего» или «эпонимного» варианта кургана с грядами; в-четвертых, датировке и проблеме относительной хронологии объектов, входящих в комплекс курган с «усами». В развитии взглядов на типологию происходило упрощение: если М. К. Кадырбаев выделял четыре типа, то А. З. Бейсенов – три, а С. Г. Боталов и И. Э. Любчанский – только два. Типологии М. К. Кадырбаева и А. З. Бейсенова напрямую зависят от несомненной тасмолинской принадлежности комплекса «курган с «усами», и поэтому дают некоторые «сбои». То, что строительство этих памятников происходило намного позже и не имеет отношение к тасмолинской культуре позволило С. Г. Боталову говорить лишь о двух типах. Нам кажется, что последняя схема наиболее точно отражает археологическую реальность, однако, это связано с другим острым историографическим вопросом – вопросом хронологии. Необходимо отметить, что существенной проблемой на сегодняшний день является отсутствие информации по многим памятникам, которые позволили бы точнее определить типовые различия по разным регионам.

### 1.3. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

С самого начала исследований, включая эпизодические раскопки до Великой Отечественной войны, курганы с «усами» демонстрировали практически полное отсутствие датирующего материала, поэтому их хронологическая принадлежность получала самую разную оценку – от эпохи ранних кочевников до раннего средневековья. С начала 1990-х гг. формируется две основных версии о времени сооружения курганов с «усами», одну из которых можно условно назвать «тасмолинской», вторую – «раннесредневековой».

В довоенные годы П. С. Рыков, анализируя материалы могильника Три Брата, условно предлагал относить курганы с грядами к «скифо-сарматским» памятникам.<sup>128</sup>

А. Х. Маргулан, публикуя материалы разведок второй половины 1940-х гг., датировал их второй половиной I тыс. н. э. Основанием для этого было нахождение в составе комплекса кургана с «усами» в долине реки Джинишке высоких, хорошо обтесанных стел, «на верхней части которых, имеющих форму головы, заметны грубые черты лица, а также непонятные знаки, напоминающие орхонское письмо». Исследователь предположил возможность их создания в период сложения Тюркского каганата и датировать их эпохой, предшествующей появлению в Центральном Казахстане племенного союза кыпчаков. Обнаруженные стелы, которые, по его мнению, выступают прототипом поздней-

<sup>127</sup> Бейсенов 2017, 36.

<sup>128</sup> Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 10.

ших балбалов, создавались не позднее VI в. н. э.<sup>129</sup> Раскопки двух комплексов в Улытау не дали датированного инвентаря.<sup>130</sup>

Позже М. П. Грязнов в статье 1956 г. предложил связывать их с культурой ранних кочевников.<sup>131</sup> Основанием послужили находки I тыс. до н. э. из комплекса Большое Чебачье (рис. 99. 2–5), которые небесспорно могут быть отнесены собственно к кургану с «усами». В качестве еще одного доказательства он приводит курган с «усами» из могильника Дандыбай, под центральной насыпью которого никаких находок не оказалось. Но по соседству с ним находился еще один курган, «вероятно, одновременный ему».<sup>132</sup> Под насыпью последнего обнаружено безинвентарное захоронение с пробитым черепом. М. П. Грязнов предполагает, что сквозное отверстие в черепе нанесено чеканом с округлым сечением ударного стержня, форма которого известна «в Сибири только по памятникам ранних кочевников». Собственно, это и дало основание датировать соседний курган с «усами» («вероятно, одновременный») тем же временем.

Таким образом, первые попытки датировки курганов с «усами» так или иначе сталкивались с объективной проблемой отсутствия датированного материала под насыпями. Исследователи были вынуждены опираться на косвенные данные: возможную единовременность возведения курганов с «усами» и близлежащих объектов. К сожалению, интересный факт наличия стел у р. Джинишке и их подробные описания не были развиты в следующих работах. Что касается вышеуказанного комплекса Большое Чебачье, то вызывает сомнение, что предметы эпохи ранних кочевников оставлены во время сооружения кургана с «усами». На плане видно, что насыпи двух центральных курганов сливаются, что может свидетельствовать о пристройке комплекса с грядами к другой насыпи, более ранней эпохи (см. раздел 2.3.).

Можно говорить о том, что к 1956 г. сформировалось две альтернативные точки зрения на хронологическую принадлежность курганов с «усами»: эпоха ранних кочевников или I тыс. н. э.

М. К. Кадырбаев, который начал специальное изучение курганов с «усами», принял точку зрения своего учителя М. П. Грязнова. Он выделил тасмолинскую археологическую культуру ранних кочевников Центрального Казахстана (VII–III вв. до н. э.) и включил туда курганы с «усами», насчитывающие к тому времени уже более 30 раскопанных памятников.<sup>133</sup> Большинство из них исследовано в составе могильников и не имело датированного инвентаря. Их датировка была установлена по близлежащим объектам. В первой публикации комплекс Толагай находился вблизи оградки с находкой бронзовых стремчовидных удил, а Бугулы – с курганом, содержащим раннесакское погребение.<sup>134</sup> Сами курганы с «усами» были объединены на основании типологической близости керамики (37 воинов, Бугулы) и обряда. Следующая крупная публикация<sup>135</sup> освещала ряд комплексов на рр. Сарысу (Кик-Су, Ельшибек) и Нуртай (Кара-Бие, Канаттас, Егиз-Койтас), из которых лишь центральный курган Канаттас (курган 19) содержал погребение гуннского времени. Все остальные комплексы по-прежнему не содержали инвентаря, но стояли в непосредственной близости от курганов ранних эпох. Особенно многочисленной и устойчивой оказалась традиция пристройки к восточной стороне к большому погребальному сооружению. В дальнейшем, эта особенность отразилась на типологии М. К. Кадырбаева, согласно которой оба объекта должны рассматриваться как цельный погребально-поминальный комплекс – погребение человека в большом кургане и поминальный ритуал кургана с «усами».

Важную роль на последующее представление о хронологии курганов с «усами» оказали памятники на реке Шедерты (Тасмола, Нурманбет,

<sup>129</sup> МАРГУЛАН 1949, 12.

<sup>130</sup> МАРГУЛАН 1948.

<sup>131</sup> ГРЯЗНОВ 1956, 10.

<sup>132</sup> ГРЯЗНОВ 1956, 9.

<sup>133</sup> КАДЫРБАЕВ 1966.

<sup>134</sup> КАДЫРБАЕВ 1958, 97–100.

<sup>135</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а.

Карамурун), к которым М. К. Кадырбаев приступил с 1959 г.<sup>136</sup> Здесь исследовано несколько курганов с «усами», расположенных на площадках могильников ранних кочевников. Один из них, курган 19 могильника Тасмола, по-видимому, сыграл решающую роль в раннекочевнической хронологии курганов с «усами». Под центральной насыпью было обнаружено захоронение ранне-тасмолинского времени, однако, судя по описаниям раскопок, эта насыпь могла быть неоднократно использованной. Позже могильник дал название «тасмолинской» археологической культуре, а раннекочевническая принадлежность курганов с «усами» надолго закрепились в историографии.

Наряду с Канаттасом, М. К. Кадырбаев исследует комплекс Коктал в Южном Казахстане, из которого происходит яркий предметный комплекс эпохи Великого переселения народов. После раскопок последнего исследователь предположил, что «... последние курганы с каменными грядами доживают до середины I тыс. н. э.», подразумевая вероятность 1000-летней датировки этих памятников.<sup>137</sup>

Несколько дальнейших полевых изысканий в очередной раз продемонстрировали «омолаживающий» курганы с «усами» предметный комплекс. Раскопанные в Восточном Казахстане комплексы на могильниках Зевакинский и Кызылтас датированы Ф. Х. Арслановой III–V вв. н. э.<sup>138</sup> С. М. Ахинжанов, исследовавший курган с «усами» Беркутты датировал его VII–VIII вв. н. э.<sup>139</sup>

Положение М. К. Кадырбаева о цельности погребально-поминального комплекса с «усами» впервые было скорректировано С. С. Сорокиным. Он впервые высказывает мысль о разновременности большого кургана и малого с грядами.<sup>140</sup> Рассматривая следы поминальных актов на примере различных памятников, он предположил, что в курганах с «усами» за-

хоронение коня или костных останков, а также устройство каменных гряд совершались позже, чем погребение человека. Сам комплекс «курган с грядами» связан не с ритуалом погребения, а с поминальными торжествами. В качестве примера неодновременности С. С. Сорокин приводит курган 19 могильника Тасмола I, где «насыпь с сосудами, по форме и материалу близкими сосудам из курганов с грядами, устроена поверх насыпи кургана, перекрывающего захоронение человека».<sup>141</sup>

В 1990-х гг. А. З. Бейсенов, вслед за М. П. Грязновым и М. К. Кадырбаевым, относит курганы с «усами» к тасмолинской культуре эпохи ранних кочевников. Приняв поправку С. С. Сорокина, он пересматривает типологию М. К. Кадырбаева. Как мы указывали выше, новым в его типологии является осознание автономности кургана с «усами». Тем не менее, это не привело к пересмотру датировки «автономного» кургана с «усами», пристроенного «рядом» или «на» памятники тасмолинского времени. Захоронения с вещами гуннского или более позднего времени, которых к тому времени было известно около 10, трактовались как впускные.<sup>142</sup>

Примерно в одно время с выходом работы А. З. Бейсенова, южноуральскими исследователями высказан новый взгляд на хронологию курганов с «усами». В 1996 г. С. Г. Боталовым был предложен кардинальный пересмотр хронологической позиции всех курганов с «усами», которые были датированы эпохой раннего средневековья. Основанием послужила серия памятников селенташского типа раннего средневековья, подкурганый обряд которых имел ряд схожих черт с обрядом курганов с «усами»,<sup>143</sup> а также находки предметов поздней древности – раннего средневековья в некоторых южноуральских комплексах (Кайнсай, Городищенское IX). Важное значение имели условия находок – на

<sup>136</sup> КАДЫРБАЕВ 1962.

<sup>137</sup> КАДЫРБАЕВ 1959, 97.

<sup>138</sup> АРСЛАНОВА 1975, 128–129.

<sup>139</sup> АХИНЖАНОВ 1977, 75–80.

<sup>140</sup> СОРОКИН 1981.

<sup>141</sup> СОРОКИН 1981, 24–25.

<sup>142</sup> БЕЙСЕНОВ 1996.

<sup>143</sup> БОТАЛОВ 1996.

древнем горизонте под центральной насыпью кургана с «усами», который ранее в большинстве случаев вовсе не содержал никаких датирующих предметов. Но особенно ярко поздняя датировка подтвердилась с исследованием комплекса Солончанка I,<sup>144</sup> где обнаружен многочисленный материал гуннского времени (рис. 142), синхронный ранее открытым комплексам Канаттас и Коктал.

Датируя курганы с «усами» эпохой раннего средневековья и анализируя опубликованные материалы М. К. Кадырбаева, С. Г. Боталов обращает внимание на то, что они сооружались поблизости или непосредственно на объектах других эпох. *«Такая двойная планиграфия отразилась на первичной типологии [М. К. Кадырбаева]. Включенные туда каменные насыпи, на наш взгляд, явно не вписываются в единую планиграфическую схему культово-погребальных комплексов типа курган с «усами». Сам автор [М. К. Кадырбаев] относит различия между ними к разряду типологических особенностей. На самом деле, как нам представляется, это были объекты разных эпох».*<sup>145</sup>

В нескольких статьях И. Э. Любчанского обсуждается хронологическая принадлежность отдельных типов курганов с «усами».<sup>146</sup> По его мнению, эти памятники начали сооружаться в V в. Где-то в промежутке от 526 до 558 гг. происходит замещение курганов с «усами» типа II (Солончанка I, Джанайдар, Зевакино, курганы 1, 2) на комплексы IV типа (Беркутты, Кайнсай, Кызылжар). Для ранних памятников характерно сохранение хуннских традиций, для поздних – влияние государственной культуры Тюркского каганата.<sup>147</sup>

Как уже говорилось, итогом работ южноуральских археологов стал выход в 2006 г. монографии, где обосновывается их принадлежность к поздней древности – раннему средневековью.<sup>148</sup> В хронологическом распределении наи-

более раннюю позицию занимают Канаттас, Коктал, Зевакино, Солончанка I. Поздние комплексы составляют Кызыл-Жар, Кайнсай, Ижевский-2. Большинство же комплексов занимают рамки V–VIII вв.<sup>149</sup>

Пересмотр хронологической принадлежности в среде южноуральской археологии неизбежно породил начавшуюся в 1990-х гг. дискуссию, которая сформировала два взгляда на культурно-хронологическую принадлежность курганов с «усами»: раннекочевническую (тасмолинскую) и раннесредневековую. Оба течения неоднозначно трактуют предметный комплекс, который, с точки зрения типологии, обладает датирующими возможностями. Сторонники тасмолинской «версии» считают, что предметы I тыс. н. э. были впущены в насыпи курганов с «усами» (А. З. Бейсенов), а сторонники поздней (раннесредневековой) принадлежности полагают, что курганы с «усами» сооружались вблизи и на раннекочевнических памятниках (С. Г. Боталов). Кроме того, обе стороны констатируют малочисленность хорошо датируемых находок.

Один из сторонников тасмолинской концепции, М. К. Хабдулина, считает, что в определении хронологии курганов с «усами» важными являются несколько факторов: расположение курганов с «усами» на одном могильном поле с курганами раннего железного века; курганы с «усами» с «безупречной датировкой» VII–V вв. до н. э. (Тасмола (курган 19), Большое Чебачье); неоднократные случаи совмещения деталей, встречающиеся либо только в курганах с «усами», либо только в каменных насыпях раннего железного века (Карамурун, Нурманбет).<sup>150</sup> Хотя на деле все эти факторы логичней объясняют лишь «впускной» характер курганов с «усами» на могильники раннего железного века. Что касается комплексов с «безупречной датировкой» Большое Чебачье и Тасмола, то планиграфия и описания раскопок, на наш взгляд, скорее сви-

<sup>144</sup> Любчанский–Таиров 1999.

<sup>145</sup> Боталов 1996; Боталов 2000, 289, 290.

<sup>146</sup> Любчанский 1997; Любчанский 1998, 306–307.

<sup>147</sup> Любчанский 1998, 307, 308.

<sup>148</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006.

<sup>149</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 137, 138.

<sup>150</sup> Хабдулина 2007, 187.

детельствуют о неоднократном использовании насыпей в разное время (об этом подробно будет сказано в разделе 2.3.). Однако М. К. Хабдулина приводит и другие стратиграфические наблюдения, показывающие прямо противоположную картину одновременности сооружений, предложенную С. Г. Боталовым. «В 2001 году А. З. Бейсенов при исследовании могильника Караоба, раскопал курган диаметром 6 м, стоявший на каменной гряде крупного кургана с усамы. Под насыпью кургана в грунтовой могильной яме, перекрытой крупными плитами, расчищено погребение женщины головой на ЗСЗ. Сопровождающий инвентарь представлен каменным жертвенником на четырех ножках. Автор раскопок специально подчеркивает, что при сооружении могильной ямы был разобран участок каменной гряды. Погребальный обряд и каменный жертвенник датируют курган VI–V вв. до н.э. Из этого следует, что курган с каменными грядами был возведен раньше».<sup>151</sup> Однако, как нам кажется, факт разборки гряд выявить очень сложно, учитывая их небольшую мощность, не ниже древней поверхности, и возможную потревоженность всего сооружения в более позднее время, например, в новое и новейшее время. В этой же статье М. К. Хабдулина возвращается к ранее высказанной М. К. Кадырбаевым «длинной» датировке курганов с «усами». Признавая даты V–VIII вв. для комплексов Солончанка I, Султантемировский и др. исследователь принимает, «хотя бы в виде рабочей гипотезы», идею о бытовании курганов с грядами целое тысячелетие. Принятие такой гипотезы, признает исследователь, влечет за собой серьезные теоретические последствия, идущие вразрез с современными концепциями культурогенеза раннего железного века Южного Урала и Центрального Казахстана, по которым складывание и трансформация культур происходят вследствие пери-

одических миграций с северо-западного Китая (по А. Д. Таирову). «При всей значимости теории миграций в сложении культур раннего железного века, думаю, никто не исключает и роли местных племен».<sup>152</sup>

Несмотря на многочисленные нюансы, связанные с отнесением курганов с «усами» к раннекочевнической эпохе, ряд казахстанских исследователей начала XXI вв. придерживается тасмолинской концепции Кадырбаева-Бейсенова. Комплекс Шедерты датирован VII–VI вв. до н. э., несмотря на нетипичность для Тасмоли найденного в нем сосуда.<sup>153</sup> В работе И. А. Кукушкина, посвященной семантическому аспекту, происхождение курганов с «усами» связывается с тасмолинской культурой.<sup>154</sup> В статье Ж. Н. Токтарбаевой о вкладе ЦКАЭ в изучение памятников раннего железного века, значительная часть текста освещает историю исследований курганов с «усами» в Казахстане.<sup>155</sup> В публикации нового кургана с «усами» Кырыкунгир автор У. У. Умиткалиев также относит его к тасмолинской культуре, приводя, при этом, весьма интересные наблюдения о ритуальной практике.<sup>156</sup> Статья А. Р. Гатаулина посвящена дискуссионным вопросам хронологии курганов с «усами». Автор приходит к выводу об их тасмолинской принадлежности.<sup>157</sup>

Отнесение курганов с «усами» к тасмолинским памятникам кратко отстаивается в работе Л. Н. Ермоленко, Ж. К. Курманкулова и А. Д. Камсеновой.<sup>158</sup> Здесь публикуются новые находки изваяний сакской эпохи. Одно из них обнаружено «возле кургана с «усами» № 2 в северо-западной части могильника Атасу». Другое лежало «возле выкладки, от которой отходит одна из гряд курганов с «усами». На основании датировки изваяний VII–V вв. до н. э. исследователи делают вывод, что факт нахождения этих изваяний возле курганов с «усами» следует рассматривать как

<sup>151</sup> Хабдулина 2007, 188.

<sup>152</sup> Хабдулина 2007, 189.

<sup>153</sup> Пересветов 2001, 283.

<sup>154</sup> Кукушкин 2004, 33.

<sup>155</sup> Токтарбаева 2013.

<sup>156</sup> Умиткалиев 2015, 109.

<sup>157</sup> Гатаулин 2019.

<sup>158</sup> Ермоленко–Курманкулов–Камсенова 2015.

свидетельство в пользу возведения самих сооружений в раннем железном веке.<sup>159</sup>

Недавно опубликованный комплекс Унирек-2 содержал комплект предметов первой половины I тыс. н. э.<sup>160</sup> Тем не менее авторы датируют его ранним железным веком на основании наличия стел I тыс. до н. э. в составе «усов», констатируя вторичное использование центральной насыпи.<sup>161</sup>

В ряде нескольких работах А. З. Бейсенов высказывает мысль о совпадении географии курганов с «усами» с ареалом погребальных памятников тасмолинской культуры. В то же время он признает, что «настоятельной проблемой для данной категории памятников является определение их культурной принадлежности».<sup>162</sup> В публикации результатов исследования кургана с «усами» Назар, где в малом (собственно, кургане с «усами») был обнаружен кинжал гуннского времени, А. З. Бейсенов по-прежнему допускает возможность впускного характера этой находки, которое, по его словам, требует доказательств. «В другом случае мы в перспективе должны будем констатировать факт некоего «гуннского феномена» в степях Центрального Казахстана».<sup>163</sup> С появлением радиоуглеродных дат автор констатирует «и сакскую и гуннскую даты этих сооружений», оговаривая что для окончательного решения этого вопроса необходимы новые данные,<sup>164</sup> тем более что один из комплексов – Кырыкунгир, действительно показал раннесакское время.<sup>165</sup> В публикации комплекса Атасу-2 с богатым инвентарем гуннской эпохи тоже отмечается что «памятники этой категории имеют неоднозначную датировку».<sup>166</sup>

Таким образом, вопрос о хронологии курганов с «усами» в настоящее время не решен и

находится на стадии обсуждения. В последнее десятилетие, несмотря на историографическую прочность тасмолинской версии, появляются перспективы к пересмотру старых устоявшихся взглядов. С одной стороны, казахстанские специалисты (А. З. Бейсенов, М. К. Хабдулина, И. А. Кукушкин, А. Н. Свиридов и др.) отстаивают идею о сооружении курганов с «усами» в эпоху ранних кочевников. В то же время, в своей работе М. К. Хабдулина не исключает и «длинную» датировку – почти в тысячу лет, что в краткой тезисной форме допускал в свое время М. К. Кадырбаев. В фундаментальном издании «Западный тюркский каганат. Атлас»<sup>167</sup> курганы с «усами» рассмотрены в канве памятников раннего средневековья (автор раздела – С. Г. Боталов). В последних работах А. З. Бейсенов оставляет этот вопрос открытым.<sup>168</sup>

История исследования курганов с «усами» показывает, что в настоящее время, в связи с накоплением качественно новых материалов существует серьезная потребность решения ряда вопросов, связанных с типологией и культурно-хронологической интерпретации курганов с «усами».

В заключении первой главы попробуем обозначить основные этапы их изучения.

I этап (1927–1937 гг.) начинается с открытия и первичного осмысления курганов с «усами» как отдельной разновидности памятников. Основная заслуга принадлежит краеведческой деятельности Л. Ф. Семенова в Акмолинской области. Раскопки, если таковые проводились, носили эпизодический характер и не были постоянными или целенаправленными. Первая публикация, кратко освещающая ранний этап

<sup>159</sup> Ермоленко–Курманкулов–Касенова 2015, 26, 29, 31.

<sup>160</sup> Благодарю авторов раскопок, Ж. К. Курманкулова, Ж. Р. Утубаева, А. Д. Касенову, – за консультацию и предоставление полевых материалов.

<sup>161</sup> Курманкулов–Утубаев–Касенова 2018.

<sup>162</sup> Бейсенов, 2015, Бейсенов 2015в.

<sup>163</sup> Бейсенов 2016, 89.

<sup>164</sup> Бейсенов 2017, 35.

<sup>165</sup> Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016.

<sup>166</sup> Бейсенов и др. 2018, 112.

<sup>167</sup> Западный тюркский каганат 2013.

<sup>168</sup> Более того, в настоящее время исследователь активно вводит в научный оборот новые данные, которые еще будут обсуждаться в дальнейшем; здесь мы оперируем материалами, опубликованные на момент 2018 г.



этих исследований, вышла позже, в 1956 г.<sup>169</sup> Планы, описания раскопок М. П. Грязнов заимствовал из дневников и отчетов Л. Ф. Семенова и Б. Н. Жданова.

II этап (1946–1966 гг.). Начало этапа связано с открытием ряда памятников в ходе широкомасштабных разведок, организованные ЦКАЭ в Центральном Казахстане. Научный интерес к курганам с «усами» проявил А. Х. Маргулан. С начала 1950-х гг. проводятся полевые исследования, сформировавшие первую источниковую базу. Тогда же раскопками и специальным изучением занимается М. К. Кадырбаев, который создал первую типологию, определил хронологическую и культурную принадлежность, относящую курганы с «усами» к тасмолинской культуре эпохи ранних кочевников. Основные положения изложены в труде «Древняя культура Центрального Казахстана».<sup>170</sup>

III этап (конец 1960-х – начало 1990-х гг.). На этом этапе продолжают полевые исследования. Наряду с менее интенсивными раскопками

проводятся активные разведки, значительно расширившие данные о географии курганов с «усами». С конца 1980-х гг. определенных результатов удалось достичь на территории Южного Урала, впоследствии давшие основания к переосмыслению культурно-хронологической принадлежности курганов с «усами» на следующем этапе.

IV этап (1996 – наши дни). Современный этап характеризуется новым всплеском интереса к изучению курганов с «усами». В 1996 г. С. Г. Боталов предложил пересмотреть их хронологию, А. З. Бейсенов продолжает исследование в русле тасмолинской концепции М. К. Кадырбаева. После этого их интерпретация проходит в руслах двух концепций: устоявшейся тасмолинской (А. З. Бейсенов, М. К. Хабдулина) или раннесредневековой (С. Г. Боталов, И. Э. Любчанский). Современные исследования выходят на новый качественный уровень, что делает перспективным и небесполезным дальнейшее научное обсуждение проблем курганов с «усами».

<sup>169</sup> Грязнов 1956.

<sup>170</sup> Маргулан и др. 1966.



## 2. АРЕАЛ И ТИПОЛОГИЯ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

## 2.1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЕЙ

Курганы с «усами» обнаружены на обширной территории и занимают, в целом, срединную часть степной Евразии. Подавляющее большинство памятников расположено в урало-казахстанских степях и полупустынях. Менее представительная серия находится в пределах Семиречья и Южного Казахстана, единичные комплексы открыты в Нижнем Поволжье (Три Брата) и Северном Причерноморье (Новогригорьевка).

Наиболее хорошо курганы с «усами» изучены в урало-казахстанском регионе, который ограничен Урало-Мугоджарской горной системой на западе и долиной Иртыша на востоке (рис. 1–7). Исходя из географии распространения большинства курганов с грядами, более детально границы можно очертить следующим образом. На западе она проходит по восточным отрогам Урало-Мугоджарской горной системы, доходя на юго-западе до р. Шет-Иргиз (правого притока р. Иргиз). Далее южная граница широтно идет по нижнему течению Иргиза, затем выходит к южным склонам Улытау, в течении р. Байконыр, и проходит по южной кромке Казахского мелкосопочника, включая северное побережье оз. Балхаш и достигает на юго-востоке северных склонов Тарбагатай и северо-западных предгорий Алтая. Здесь памятники обнаружены в верхнем течении р. Иртыш между гг. Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Далее граница идет по северо-восточной границе Казахского мелкосопочника в районе гор Каркаралы, Баянаул и города Экибастуз. Северная граница примерно очерчена Кокшетауской возвышенностью, не выходя севернее широты города Кокшетау, и включает участок широтного течения р. Ишим. Северо-западные пределы урало-тобольским водоразделом и зауральским пенепленом.

Южно-казахстанская и семиреченская группа памятников отделена от урало-казахстанской пу-

стынными районами северного Приаралья, Бетпак-Далой и оз. Балхаш. С запада на восток они тянутся по северо-западным и северо-восточным предгорьям Каратау, северным предгорьям Киргизского Алатау (Северный Тянь-Шань) и южного предгорья Джунгарского Алатау.

Если исключить немногочисленные памятники Южного Казахстана, то основную территорию распространения курганов с «усами» можно обозначить традиционным термином урало-казахстанские степи, выступающие не только цельной географической областью, но и единой, исходя из археологических данных, историко-культурной территорией. Эту территорию можно разделить на три крупных региона – Южное Зауралье, Северный Казахстан и Центральный Казахстан.<sup>171</sup> А. А. Чибилёв, с точки зрения широтной протяженности, предлагает деление на Урало-Мугоджарские, Тургайские и Центрально-Казахстанские степи,<sup>172</sup> либо на четыре ландшафтно-исторические области: Урало-Мугоджарскую и Тургайскую, охватывающие казахстанскую часть Урала и Тургайскую столовую страну, Центрально-Казахстанскую – от Ишима до Иртыша и Восточно-Казахстанскую – от Иртыша до гор Алтая.<sup>173</sup>

С точки зрения ландшафта территория исследования расположена в степной зоне умеренного пояса, которая меридионально делится на северную подзону разнотравно-злаковых степей и южную подзону сухих типчаково-ковыльных степей (рис. 2). Южнее памятники занимают часть полупустынной зоны умеренного пояса.<sup>174</sup> Далее, к югу от полупустынь курганы с «усами» не встречаются, тем самым граница основной территории исследования естественным образом ограничена поясом пустынной зоны с песчаными массивами Большие и Малые Барсуки (к северу от Аральского моря), Приаральские Каракумы (севернее нижнего и среднего течения р.

<sup>171</sup> ТАИРОВ 2007, 7; ТАИРОВ 2017, 14.

<sup>172</sup> ЧИБИЛЁВ 2013, 96–104.

<sup>173</sup> ЧИБИЛЁВ 2013, 78.

<sup>174</sup> ЧУПАХИН 1970, 128–134, табл. 6; АТЛАС СССР 1983, 120.

Сырдарья) и Бетпак-Далой (между оз. Балхаш и р. Сарысу).<sup>175</sup>

Климатические особенности урало-казахстанских степей обусловлены его географическим положением в южной (суббореальной) половине умеренного пояса, а главное – в глубине евразийского континента. Континентальность – основная черта климата азиатских степей, определяющая все другие его свойства, такие как преобладание в течение года малооблачной антициклональной погоды и, как следствие, значительная продолжительность солнечного сияния (число часов солнечного сияния за год в степях за Уралом 2100–2300). Несомненное влияние на климат оказывает рельеф. Главными орографическими барьерами на пути воздушных масс служат горы Южного Урала и Алтая. Меньшее препятствие создают горно-сопочные массивы Центрального Казахстана. Важнейшей особенностью атмосферной циркуляции в холодное время года является распространение вдоль всей полосы азиатских степей устойчивого Азиатского антициклона, в результате чего атмосферные осадки в это время крайне скудны и погоды отличаются малой облачностью. В теплое время года антициклональный режим отчасти ослабевает, за Урал вместе с западным переносом проникают воздушные массы с Атлантики, играющие главную роль в адвекции атмосферной влаги. Поэтому в теплое время года здесь выпадает около 70% годовой суммы осадков. Вместе с тем, нередко происходит приток континентального тропического воздуха с юга – Средней Азии, сопровождаемый установлением особенно жаркой и сухой погоды. Повторяемость засух в степях увеличивается с севера на юг от 20–25 до 50%, а число дней в году с относительной влажностью воздуха менее 30% угрожающе нарастает в том же направлении: от 25–30 на севере до 50 и более на юге. Сумма активных ежегодных температур колеблется от 2200 до 2600° С при годовой сумме атмосферных осадков 320–420 мм.<sup>176</sup>

В орографическом плане исследуемая территория включает, прежде всего, Уральскую, Тургайскую, Центральнокзахстанскую страны, а также часть Алтайской горной страны (по В. А. Николаеву). Центральнокзахстанская страна также именуется Казахским мелкосопочником.

Восточная часть Уральской страны представляет собой Зауральскую холмистую равнину (Зауральский пенеплен). Абсолютные высоты достигают 400–450 м и плавно понижаются с С–СЗ на Ю–ЮВ, достигая 200–190 м.<sup>177</sup> Южнее, уже в пределах Казахстана, Уральская горная страна представлена платообразными высокими равнинами, расчлененными долинами рек и невысоким Мугоджарским хребтом, который продвигает степные ландшафты далеко на юг вплоть до плато Устюрт и Приаральских пустынь.<sup>178</sup> Своеобразие Мугоджарской области определяется общим погружением тектонических структур в южном направлении, сложным строением Мугоджарского антиклинория, являющегося генетическим продолжением Восточно-Уральского антиклинория. В отличие от лежащего к северу Приюжноуралья, данная территория за неоген четвертичное время поднялась на 300–400 м, что позволило ей возвыситься над обширными Арало-Каспийскими аккумулятивными равнинами. В ландшафтном отношении Мугоджарская область представляет собой горно-степной полуостров среди полупустынь Арало-Каспия. Южная оконечность хребта Шошкакколь достигает зоны пустынь умеренного пояса. Климат области сухой, резко континентальный. В течение года выпадает от 200 до 300 мм осадков. Из-за небольшой высоты основных хребтов высотная зональность в Мугоджарах выражена слабо. Преобладает горно-степная зона. Глубокие распадки и места выклинивания грунтовых вод заняты березово-осиновыми колками с фрагментами лугов. Фоновая растительность области представлена ковыльно-разнотравными, ковыльно-полынными

<sup>175</sup> ЧУПАХИН 1970, 6.

<sup>176</sup> НИКОЛАЕВ 1999, 7, 8, 10, 11, табл. 1.

<sup>177</sup> ЛЕВИТ 2005, 13; СИГОВ–ШУБ–ГУЗОВСКИЙ 1968, 31.

<sup>178</sup> ЧУПАХИН 1970, 6; ЧИБИЛЁВ 2013, 96.

ми, чернопопынными ассоциациями, развитыми на каштановых и светло-каштановых солонцеватых почвах и солонцах.<sup>179</sup>

Характерной особенностью локализации большинства зафиксированных курганов с «усами» Уральской горной страны является их привязка к водным, как правило, речным ресурсам. В Южном Зауралье это Урало-Тобольский водораздел с развитой сетью притоков Тогузак, Аят, Желкуар (Тобол) и Зингейка, Караганка, Суундук (Урал). Меньшее их количество встречается вдоль правобережья р. Урал, где начинается Уральский горный массив. Восточно-Мугоджарские памятники сосредоточены в бассейне р. Ирғиз, питающийся водами Кайрақты, Талдык, Ащисай, Кайынды и Шет-Ирғиз. Сама р. Ирғиз является крупнейшим притоком реки Тургай, бассейн которой расположен уже в Тургайской стране.

Степная часть Тургайской столовой страны, расположенная между Уральскими горами и Казахским мелкосопочником, включает плоско-волнистую Предтургайскую равнину с абсолютными высотами около 200 м и расположенное южнее Тургайское столово-ступенчатое плато, достигающее 250–330 м над уровнем моря. В меридиональном направлении их пересекает Тургайская ложбина (впадина), сквозным коридором соединяющая Западно-Сибирскую и Туранскую равнины. Ее плоское дно лежит на отметках 100–126 м. С севера ложбину дренирует р. Убаган (приток Тобола), на юге – р. Тургай, несущая свои воды в солончаковую впадину Челкар-Тенгиз.<sup>180</sup> Геолого-геоморфологическую основу провинции составляют Тургайская столово-останцовая равнина. В центральной части с севера на юг равнину пересекает Тургайская ложбина, врезанная в плато на 70–100 м. Вдоль ложбины и на самом плато рассеяно огромное количество степных соленых и пресных озер. Климат Тургайских степей резко континентальный с суровой зимой (средняя температура января -17–-18°C), высокими летними темпера-

турами (средняя температура июля 21–24 °C), малой продолжительностью весны и осени, большими годовыми и суточными колебаниями температуры, сухостью воздуха. Количество осадков сильно колеблется по годам, составляя в среднем 300 мм в год. Естественная зональная растительность области представлена разнотравно-злаковыми степями на обыкновенных и южных черноземах, ныне полностью распашанных. Южнее темно-каштановых, каштановых и светло-каштановых почв сменяют друг друга типчаково-ковыльные и злаково-попынные степи. Значительные территории заняты песчаными разнотравно-ковыльными степями, а также солончаками и сорами, имеющими либо эрозионное, либо дефляционное происхождение. Вблизи Тургайской ложбины, главным образом, к западу от нее получили развитие массивы донно-бугристых эоловых песков, занятых нередко сосновыми борами и редколесьями.<sup>181</sup>

В верхнем течении р. Тургай имеет притоки Каинды, Ащитасты, Кара-Тургай, несущие воды с западной части Казахского мелкосопочника (Улытау). Именно на этих притоках сосредоточена «тургайская» группа курганов с «усами». Количество памятников заметно сокращается к центральной части Тургайской страны – Тургайской ложбине. Очевидно, это объясняется тем, что в Тургайской стране зоны степи, полупустыни и пустыни заметно смещены к северу по сравнению с теми же зонами в Центральном Казахстане.<sup>182</sup>

На степной территории Казахского мелкосопочника сложно сочетаются возвышенные массивы мелкосопочника и увалистые равнины. Район представляет собой древнюю сильно разрушенную горную страну, абсолютные высоты которой колеблются от 200–300 м на равнинах и до 800–1500 м в горах, а в среднем 500–600 м. Среди важнейших орографических элементов необходимо указать Кокчетавскую возвышенность с островным низкогорьем Кокчетая на севере. С юга к ней примыкает Атба-

<sup>179</sup> ЧИБИЛЁВ 2013, 97.

<sup>180</sup> ЧУПАХИН 1970, 6–7; НИКОЛАЕВ 1999, 6–7.

<sup>181</sup> ЧИБИЛЁВ 2013, 99.

<sup>182</sup> НИКОЛАЕВ 1999, 141.

сарская и Тенгизская равнины, а с юго-востока – Селетинская равнина и Экибастузский мелкосопочник. Последний тянется вплоть до семипалатинского Прииртышья. На западе расположен Улытауский горно-сопочный массив, с запада ограниченный Тургайской ложбиной, а с востока к нему примыкает Сарысу-Тенгизский мелкосопочник и Казахское нагорье – центральная часть Казахского мелкосопочника. Восточная часть центральноказахстанской страны более приподнята, останцевые горы встречаются чаще, к ней относятся горы Кзылрай, Каркаралинские горы, Чингизтау (Чингизов хребет). Восточная часть оканчивается мелкосопочником западного Призайсанья, представляющая собой группы невысоких сопок и гряд, которая граничит с Алтайской горной страной и Тарбагатаем.<sup>183</sup> Возвышенный рельеф степей Казахского мелкосопочника обуславливает повышенное увлажнение (до 400 мм осадков в год) и более низкие летние температуры по сравнению с Тургайскими степями.<sup>184</sup> В Северо-Казахстанском регионе важнейшей водной артерией является р. Ишим, берущая начало в горах Нияз. В верхнем течении она имеет преимущественно широтное направление, в основном в узкой долине, в скалистых берегах. Ниже г. Астана долина расширяется. После г. Державинск русло берет С и СВ направление, параллельно Тургайской ложбине. На этой луке в Ишим впадает р. Терсаккан, берущая начало в Улытау. Северной административной границы Акмолинской области курганы с «усами» по р. Ишим не встречаются. Главными речными артериями Экибастуз-Карагандинской провинции являются долины рек Селеты, Оленты и Шидерты. В Каркаралинской провинции Казахское нагорье образует водораздельное поднятие, с которого радиально расходятся водотоки бассейнов: Нурина – на северо-западе (Нура, Шерубай-Нура), Иртышского – на северо-северо-востоке, Балхашского – на юге,

Сарусуйского – на юго-западе.<sup>185</sup> Необходимо отметить, что в Каркаралинской провинции и примыкающих к ней Центрально-Казахстанских районах сосредоточена большая часть курганов с «усами». Видимо, это связано с тем, что горные степи Каркаралинской провинции служат ценными летними пастбищами, освоенных кочевниками с раннего железного века. Продуктивность местных горно-степных естественных кормовых угодий колеблется в пределах 3–5 ц/га сухой массы.<sup>186</sup> Особенностью Каркаралинской провинции является то, что она представляет собой не равнину, а нагорье. В отличие от других провинций Западносибирско-Казахстанского степного региона, провинция приподнята до 1000–1500 м над уровнем моря. Однако при глубоком внутриконтинентальном положении и общей монолитности куполовидного поднятия, этих высот недостаточно для возникновения типичных для гор спектров высотной поясности. Эффект поясности сказывается в другом – существенном смещении зоны степей на юг.<sup>187</sup> Особенно это хорошо это наблюдается в большом количестве кочевнических памятников, сконцентрированных в пределах Казахского нагорья.

Восточная группа памятников верхнего Прииртышья расположена в пределах Калбинского хребта и, согласно физико-географическому районированию, занимает крайне западное положение Русскоалтайской области Алтае-Хангае-Саянской горной страны. Группа памятников обнаружена также на северных склонах Тарбагатая, который относится к окраине самостоятельной Гоби-Джунгарской физико-географической стране.<sup>188</sup> Несмотря на то, что эти районы имеют самостоятельное физико-географическое положение и отдалены от Центрально-Казахстанских памятников, они являются крайне восточным крылом культурного ареала курганов с «усами».

Территория исследования, как мы увидели, достаточно обширна – широтная протяженность

<sup>183</sup> ЧУПАХИН 1970, 7; НИКОЛАЕВ 1999, 6–7, рис. 1.

<sup>184</sup> ЧИБИЛЁВ 2013, 101.

<sup>185</sup> НИКОЛАЕВ 1999, 210, 226–227.

<sup>186</sup> НИКОЛАЕВ 1999, 237.

<sup>187</sup> НИКОЛАЕВ 1999, 244.

<sup>188</sup> ЧЕРНЫХ–ЗОЛОТОВ 2011, 247–248, рис. 1.

ареала курганов с «усами» составляет примерно 1800 км. При всем разнообразии физико-географических характеристик, можно выделить общие факторы в расположении памятников. Прежде всего, курганы с «усами» находятся в пределах степной и полупустынной ландшафтных поясов. Весьма заметны их концентрации в зонах пенеппена (Зауралье, Кокшетау, Казахское нагорье) и, вместе с тем, привязка к верховьям и

средним течениям рек. Все это вполне соответствует кочевому скотоводческому хозяйственно-культурному типу и позволяет рассматривать урало-казахстанские степи (с прилегающими территориями) цельной культурно-хозяйственной областью, активно используемой кочевым населением в период IV–VII вв. В данном контексте курганы с «усами» мы склонны рассматривать как маркеры хозяйственного освоения степи.

## 2.2. РАЙОНИРОВАНИЕ КУРГАНОВ С «УСАМИ» И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Проблемы районирования и географии курганов с «усами» поднимались в литературе, однако обычно носили либо краткий обобщенный, либо узко локальный характер. В послевоенное время А. Х. Маргулан впервые очертил ареал курганов с «усами» «от Чингизского хребта до верховьев р. Тобола»,<sup>189</sup> т. е. преимущественно на территории Центрального Казахстана. Им описаны памятники на восточных склонах Улытау на западе, и далее к востоку по рекам Куланотпес, Нура, Токраун, Бегазы. Впоследствии М. К. Кадырбаев уточнял географию. «С запада – район Улутаусских гор и верховьев р. Ишим, с севера – южные районы Кокчетавской области до района Щучинска и оз. Борового, отсюда – на юго-восток до районов Баян-Аула Павлодарской области, в этом же направлении до хребта Чингис-Тау. Южная граница проходит с Коунрадского района севернее пустыни Бетпак-Далы».<sup>190</sup> В фундаментальном издании 1960 г.<sup>191</sup> приведены данные о более чем 50 курганах с «усами». Помимо самой насыщенной территории от Восточной Сары-Арке до Улытау, несколько этих комплексов зафиксированы в пределах Кокшетауской возвышенности, а один – к западу от Джунгарских ворот.

Впоследствии курганы с «усами» обнаружены и исследованы в Восточном и Южном Ка-

захстане.<sup>192</sup> В последней четверти XX и начале XXI вв. значительно пополнились данные по их местонахождению в Северном Казахстане.<sup>193</sup> В этот же период открыты новые курганы с «усами» – в бассейне р. Тургай, на западных склонах Улытау и в Восточных Мугоджарах, однако информация о них долгое время не появлялась в печати.<sup>194</sup> В это же время восточные границы ареала «расширены» до северных склонов Тарбагатай.<sup>195</sup> Более пятидесяти новых комплексов в конце XX в. было открыто в Южном Зауралье. Такой результат получен благодаря большой работе по дешифрированию аэрофотоснимков, результатом которой стала карта курганов с «усами» урало-тобольского водораздела в рамках Челябинской области.<sup>196</sup>

Обобщение сведений о районировании курганов с «усами», со времен А. Х. Маргулана и М. К. Кадырбаева, в 1996 г. предпринял А. З. Бейсенов. Им учтено 270 комплексов этого типа в Казахстане. По его данным, большая их часть сосредоточена в Северных и Центральных районах Казахстана (231), причем подавляющее большинство находится в Восточной Сары-Арке (133). Другие районы намного уступают в количественном отношении: по 11 комплексов известны в Восточном и Южном Казахстане, 9 – в Западном Казахстане (актубинские и атыра-

<sup>189</sup> МАРГУЛАН 1949, 9.

<sup>190</sup> КАДЫРБАЕВ 1958, 104.

<sup>191</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960.

<sup>192</sup> КАДЫРБАЕВ 1959; САВЕЛЬЕВА 1973, 206; АРСЛАНОВА 1975; АХИНЖАНОВ 1977.

<sup>193</sup> Свод памятников 2007.

<sup>194</sup> МАМЕДОВ 2015; БЕЙСЕНОВ и др. 2017; КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ 2017.

<sup>195</sup> ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998.

<sup>196</sup> ЛЮБЧАНСКИЙ 1998, 310, рис. 2; ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 386–389, рис. 4.15; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, рис. 1.



уские), 8 – в Семиречье.<sup>197</sup> Позднее общее количество известных курганов с «усами» возросло до 500, а в последних публикациях А. З. Бейсенов приводит цифру о более чем 250 этих комплексов на территории одной Карагандинской области.<sup>198</sup> В Южном Зауралье, где на момент 1996 г. было известно «не менее 30 курганов данного типа»,<sup>199</sup> активную работу по картографированию провел И. Э. Любчанский. Он проанализировал около 50 памятников<sup>200</sup> и провел сравнительную характеристику длин гряд и особенностей топографии казахстанских и южноуральских курганов с «усами».

В 2006 г. южноуральскими исследователями предложено районирование курганов с «усами» по 4 компактным группам их концентрации: 1) сары-аркинская (включая восточноказахстанские); 2) улутауская; 3) мугоджарская; 4) зауральская. Количество памятников указано лишь для зауральской группы – 112 комплексов, известных на территориях Челябинской, Оренбургской, Актюбинской, Кустанайской областей и Республики Башкортостан. Сюда же включены памятники с Восточных Мугоджар, хотя этот регион обозначен как отдельный, но примыкающий к южноуральской группе.<sup>201</sup>

Подытоживая накопленную к настоящему времени информацию, можно говорить о более чем 500 курганов с «усами». Однако сведения для значительной их части ограничены общей сводкой количественных данных без указания конкретных местонахождений. В данной книге собрана информация о 610 комплексах (рис. 1; табл. 1) из различных районов урало-казахстанских степей, Южного Казахстана и Семиречья. Данная цифра не окончательная, однако довольно наглядно иллюстрирует ареал курганов с «усами» с местами их концентраций. В целом, следуя принципу районирования 2006 г.,<sup>202</sup> мы считаем, что территориальное распределение должно быть более дробным. Предложенное

ниже деление учитывает места компактных скоплений курганов с «усами» и физико-географические районы.

I. Зауральская группа расположена в пределах урало-тобольского водораздела (рис. 3. I).

II. Мугоджарская группа локализуется, в основном, в бассейне реки Ирғиз и восточных склонах Мугоджар (рис. 3. II).

III. Тургайско-Улытауская группа занимает западную часть Сары-Арки с хребтом Улытау и бассейном р. Тургай (рис. 3. III).

IV. Северо-Казахстанская группа расположена в бассейнах рр. Ишим, Селеты и на Кокшетауской возвышенности (рис. 3. IV).

V. Центрально-Казахстанская группа занимает центральную и восточную часть Казахского мелкосопочника от гор Чингизтау (Канчингиз) до рр. Атасу и Куланутпес. Северное, возможно, обособленное положение занимает группа памятников Экибастуз-Карагандинской провинции (рис. 3. V).

VI. Восточно-Казахстанская группа довольно четко выделяется своим крайне восточным положением от памятников Центрального Казахстана. Расположены в пределах Калбинского и Тарбагатайского хребта (рис. 3. VI).

VII. Южно-Казахстанскую и Семиреченскую группы составляют немногочисленные памятники, расположены широтной цепочкой вдоль северных склонов Тянь-Шаньской горной системы (рис. 3. VII).

Наконец, единичные объекты известны в Поволжье и Северном Причерноморье (рис. 42; рис. 73).

Наиболее многочисленны курганы с «усами» Казахского мелкосопочника, их можно условно рассматривать как Сары-Аркинские (рис. 3. III–V). Деление между северными и южными группами проведено по широтному течению реки Ишим,<sup>203</sup> что также примерно совпадает с ландшафтным делением северной

<sup>197</sup> Бейсенов 1996.

<sup>198</sup> Бейсенов 2015, 523–524.

<sup>199</sup> Бейсенов 1996.

<sup>200</sup> Любчанский 1998; 2006.

<sup>201</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 9, 14–15.

<sup>202</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 9.

<sup>203</sup> Гаиров 2007, 7.

и южной подзон степного пояса. Следует учитывать условность такого деления, поскольку равномерное распределение памятников с севера на юг очевидно отражает меридиональный характер пастбищно-кочевой системы. Например, шидертинские памятники Центрально-Казахстанской группы расположены на северо-восточной окраине мелкосопочника, примерно на равном расстоянии как от каркаралинских (на юге), так и от Северо-Казахстанских. То же самое наблюдается в переходе от тургайских к Северо-Казахстанским. На юге очень насыщено Казахское нагорье, где памятники компактно локализируются по крупнейшим в этом районе рекам Атасу, Нура, Шерубай-Нура, Карасай, Токраун, Жарлы, Талды, Егиндибулак.

Следующие, мугоджарскую и зауральскую группы, исходя из физико-географических соображений, целесообразно объединить в Зауральскую область (рис. 3. I–II). Значительная меридиональная протяженность друг от друга с очевидными скоплениями по рр. Иргиз, с одной стороны, и Тобол и Урал, с другой, позволяет выделить северную (собственно зауральскую) и южную (мугоджарскую) группы. В этом случае переходное срединное положение между Югом и Севером занимает небольшая группа комплексов в орь-илекском междуречье на севере Мугоджар (Медес, Чаушский, Каргалы, Мамыт, Усуп).

Естественной границей между Зауральской и Сары-Аркинской областью служит Тургайская ложбина. Восточней Тургая наблюдается почти пустующее пространство в районе среднего течения р. Сарысу и оз. Тенгиз. Комплексы Чингистау, Семейтау и Кокентау включены нами в группу «Центральный Казахстан», однако они могут рассматриваться, в том числе, как переходные от Восточно-Казахстанской к Центрально-Казахстанской группам.

Таким образом, курганы с «усами» расположены в трех крупных областях: Сары-Арка,

Зауралье и Восточный Казахстан. Эти территории и следует считать основной зоной обитания населения, оставившего эти памятники. Нахождение немногочисленных комплексов в Южном Казахстане и Семиречье указывает на их контакты с оседлыми культурами северной окраины Средней Азии. Единичные памятники в Нижнем Поволжье и Поднепровье скорее всего маркируют участие данных кочевых групп в западных миграциях. Для того, чтобы сориентироваться и лучше понять обширную источниковую базу учтенных памятников, проведем подробный обзор по выделенным группам.

Зауральская группа (I). Курганы с «усами» этой группы концентрируются на урало-тобольском водоразделе (рис. и табл. 1. 1–90; рис. 4; рис. 138; 139). На западе ареал ограничен восточными отрогами Уральских гор, на востоке – верхним течением р. Тобол. Северная граница зауральских курганов с «усами» не выходит выше широтного течения р. Тогузак (в Челябинской области). Много комплексов обнаружено по рекам Караганка и Зингейка (притоки р. Урал) (рис. 17). Значительная часть курганов с «усами» стали известны благодаря целенаправленному поиску с помощью дешифровки аэрофотоснимков. Результаты этой работы изложены в Археологической карте Кизильского района.<sup>204</sup> Один из комплексов – Новокодуровский I, детально исследован под руководством И. Э. Любчанского.<sup>205</sup> Ранее А. Г. Гаврилюк раскопал комплекс Крутая Гора, воздвигнутый на могильнике эпохи бронзы.<sup>206</sup> На западе, вдоль правобережья р. Урал, серия курганов с «усами» протянулась меридиональной цепочкой у восточного подножия Уральского хребта. Из них исследованы Нижне-Давлетовский и Султантемировский. Восточную половину региона занимают комплексы по притокам р. Аят (Караталы-Аят, Карагайлы-Аят), среди которых исследованы и не раз фигурировали в литературе Городищенское

<sup>204</sup> Зданович и др. 2003.

<sup>205</sup> Любчанский 2005; Любчанский–Бытковский 2006, 383–385; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 35–36; Любчанский–Таиров 2007.

<sup>206</sup> Иванова 1988; Гаврилюк–Иванова–Любчанский 2004; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 70–72.

IX,<sup>207</sup> Оленина Отнога<sup>208</sup> и три памятника микро-района Каменный Амбар: Суходол (*рис. 18. II*), Сарбулат-1, Елизаветпольский.<sup>209</sup> Свод комплексов долины р. Карагайлы-Аят вышел в свет в 2014 г.<sup>210</sup>

На юге Челябинской области интерес представляет несколько курганов с «усами» на р. Синташта. В 2012 г. здесь исследован курган с «усами» Рымникский.<sup>211</sup> Ниже, в районе Андреевского водохранилища, расположена группа памятников, на которой необходимо остановиться подробнее. В урочище Селенташ в 1989 г. исследована серия жертвенно-поминальных комплексов<sup>212</sup> (*рис. 86; 87*), которые позже было предложено относить к памятникам селенташского типа. По концепции С. Г. Боталова, они представляют собой упрощенную и более позднюю форму поминальных сооружений, происходящую и культурно связанную с курганами с «усами». Еще позже, при дешифровке аэрофотоснимка 1976 г. (*рис. 86. I*), на площадке могильника обнаружены грунтовые «усы», которые ко времени проведения раскопок были уничтожены распашкой. В 2009 г. эти «усы» предложено относить к курганам 5 и 6.<sup>213</sup> Поскольку генетическая связь памятников селенташского типа и курганов с «усами» признается не всеми авторами,<sup>214</sup> то привязка «усов» к курганам 5, 6 должна была стать еще одним доказательством концепции С. Г. Боталова, на чем исследователь и заострил внимание.<sup>215</sup> На самом деле, сведение плана могильника, аэрофото- и космоснимков убеждает в том, что гряды лежат на расстоянии 130–270 м западнее вышеуказанных объектов и, видимо, относились к другому сооружению. Впрочем, не исключается существование когда-то «усов» и на курганах 5 и 6, поскольку ко времени осуществления аэрофотосъемки пло-

щадка памятника уже была распахана. В целом, мы разделяем точку зрения С. Г. Боталова, о том, что селенташские поминальные традиции возникают в эпоху не ранее появления курганов с «усами» и относятся к явлениям единокультурного порядка. Косвенным свидетельством в пользу этого является скопление подобных памятников в указанном микрорайоне. В 6,5 км к востоку от урочища Селенташ, на том же берегу находится могильник Кайнсай с курганом с «усами» (курган 14), который в первой публикации только предположительно был отнесен к типу курган с «усами». На другом берегу реки, в 600 м к югу от Селенташа, расположен могильник Крутой Овраг, также содержащий несколько селенташских комплексов и тоже поврежденный распашкой. Резюмируя наблюдения по группе памятников урочища Селенташ, отметим следующее. Грунтовые «усы» аэрофотоснимка 1976 г. и обнаруженные в 2009 г. бесспорно присутствовали на могильнике Селенташ, но не относились к курганам 5 и 6. Сам же комплекс Селенташ (курганы 5, 6) мы склонны относить к курганам с «усами», поскольку соответствует таковым по всем признакам подкурганного обряда и близко расположенными насыпями.

Южнее, на р. Суундук в 1993 г. раскопан курган с «усами» Солончанка I с богатым предметным комплексом V в. (*рис. 140–142*), а позже – Солончанка IX.<sup>216</sup>

Итак, обобщение всех доступных нам сведений о зауральской (урало-тобольской) группе, позволяет говорить, что памятники чаще сооружались одиночно, во всех случаях привязаны к руслам рек (*рис. 17–19*). Южнее зауральскую группу продолжают мугоджарские памятники.

Мугоджарская группа (II). Памятники занимают восточные и северные склоны Мугоджар.

<sup>207</sup> Боталов–Гуцалов 2000, 204–206; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 35.

<sup>208</sup> Костюков 1991; Любчанский 2006, 391, 393; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 36–37.

<sup>209</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 39, 40, 59–62, 85–87.

<sup>210</sup> Vatanina et al. 2014.

<sup>211</sup> Грудочко 2013.

<sup>212</sup> Боталов 1989.

<sup>213</sup> Боталов 2009, 128.

<sup>214</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 159.

<sup>215</sup> Боталов 2009, 128–129.

<sup>216</sup> Таиров 1997; Любчанский–Таиров 1999; Любчанский–Бытковский 2006, 376–383.

Их открытие начинается с 1970-х гг. силами сотрудников геологоразведочной службы. Тогда же и до настоящего времени исследованы комплексы Усуп, Каргалы-II, Медес,<sup>217</sup> расположенные в Орь-Илекском междуречье. Остальные, неисследованные, но привлекающие внимание оригинальной в ряде случаев архитектурой, относятся к бассейну р. Иргиз. Сбор и обобщение информации по мугоджарским комплексам (рис. 8) проведены А. М. Мамедовым.<sup>218</sup> Согласно его и нашим данным здесь находится 21 комплекс (рис. и табл. 1. 91–111). Самым западным является комплекс Акмола.<sup>219</sup> Все курганы с «усами» данной группы привязаны к речным системам и занимают различные топографические ниши: на склонах водоразделов, на надпойменных террасах, увалах.

Тургайско-Улытауская группа (III) включает курганы с «усами» р. Тургай и Кара-Тургай (с ее притоками Тасты, Тюлькисай, Саба (Улькен-Сабасалды-Тургай), Каракенгир и Терсаккан (рис. 5; 9; рис. 135. 198, 199, 151–154; рис. 136. 182; рис. 137. 146, 187–189). С севера группа примыкает к Ишиму, с востока ограничена руслом р. Сарысу ее притоком Каракенгир, а с запада – Тургайской ложбиной. Орографическим ядром группы является хребет Улытау. Здесь курганы с «усами» впервые зафиксированы разведкой А. Х. Маргулана во второй половине 40-х гг. Тогда же им было раскопано два комплекса в урочище Орезаир (Орезайыр) и озере Тогузбайкуль (Тогузбайколь) (рис. 9. 1, 2).<sup>220</sup> В 1961 г. А. М. Оразбаевым исследован комплекс Джанайдар на р. Каракенгир (рис. 31. 1),<sup>221</sup> а в 1984 г. Э. Р. Усманова провела раскопки на могильнике

Батыр-Булак (рис. 9. 4).<sup>222</sup> По р. Каракенгир недалеко от мавзолея Алаша-хана зарегистрирован оригинальный комплекс с тремя грядами.<sup>223</sup> Самое южное положение занимает комплекс Актас на р. Байконыр.<sup>224</sup> В 1980-х – начале 1990-х гг. разведками под руководством В. Н. Логвина новые курганы с «усами» открыты на северо-западных склонах, в бассейне р. Тургай (рис. 20–23).<sup>225</sup> В 2015 г. А. В. Логвин передал нам сведения о местонахождении еще ряда курганов с «усами» в этом регионе<sup>226</sup>, которые мы также включили в карту. Интерес представляют группы памятников, сконцентрированные на компактных территориях (Мирное, Ащитасты, Жанакала 5, Кулик). Группа Мирное включает 17 комплексов на площади 21 × 13 км, Жанакала – 11 комплексов на площади 6,3 × 3,3 км, Кулик – 7 комплексов на площади (!) 3 × 1 км. Примечательно, что в состав каждой из групп входят как короткие (от 35 до 50 м), так и длинные (от 120 до 240 м) «усы». Обычно курганы с «усами» имели одиночное положение. В некоторых случаях они входили в курганные могильники. Данные об этих комплексах обобщены в 2017 г.<sup>227</sup> К этому же ареалу мы отнесли несколько комплексов из Нуринского района, которые географически занимают промежуточное положение между Центрально-Казахстанской и Тургайско-Улытауской группой – Ак-Кошкар, Шаймерден, Шубароба.<sup>228</sup>

Всего в Тургайско-Улытауской группе нами учтено 120 памятников (рис. и табл. 1, 112–231; рис. 20–24).

Северо-Казахстанская группа (IV) включает памятники, расположенные по р. Ишим и в пре-

<sup>217</sup> КАДЫРБАЕВ 1975; ТКАЧЕВ 1994; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 32.

<sup>218</sup> МАМЕДОВ 2015.

<sup>219</sup> Искренне благодарен А. М. Мамедову за сообщение об этом комплексе.

<sup>220</sup> МАРГУЛАН 1948.

<sup>221</sup> ОРАЗБАЕВ 1969.

<sup>222</sup> УСМАНОВА 1987.

<sup>223</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2119 (здесь и далее в некоторых местах будет приводиться порядковый номер археологического памятника согласно реестру издания).

<sup>224</sup> ЧИНДИН, 1989.

<sup>225</sup> ЛОГВИН 1974; ЛОГВИН 1981; ЛОГВИН–КАЛИЕВА 1981, 52; ЛОГВИН–ЗАЙДУЛИН 1982, 22; ЛОГВИН–ГРЕБЕНЮКОВ 1985, 4; ЛОГВИН 1990, 43, 45; ЛОГВИН 1992, 7–9; ЛОГВИН 1993, 7, 8.

<sup>226</sup> MOTUZAITĖ MATUZEVICIUTE ET AL. 2016.

<sup>227</sup> БЕЙСЕНОВ И ДР., 2017; КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ 2017.

<sup>228</sup> КУКУШКИН И ДР. 2016, №№ 48, 90, 91, 237.

делах Кокшетауской возвышенности. Курганы с «усами» здесь открыты в еще довоенное время (Л. Ф. Семенов, Б. Н. Жданов), некоторые из них тогда же исследованы. Первую краткую информацию по Северо-Казахстанским комплексам дает М. П. Грязнов.<sup>229</sup> Обобщение содержится в Археологической карте Казахстана.<sup>230</sup> В последнее время их число значительно пополнилось, наиболее актуальные данные приведены в Своде,<sup>231</sup> где собраны результаты разведок с конца 1980-х до 2006 г., а также данные о ранее открытых памятниках. Из раскопок последних лет необходимо указать исследование кургана с «усами» Карагайлы 2-3 на территории Государственного национального природного парка «Буйратау» под руководством А. Досымбаевой в 2012 г. (рис. 57). На восточных окончаниях комплекса обнаружены каменные изваяния.<sup>232</sup>

В районе верхнего течения р. Ишим к северо-востоку от Астаны Л. Ф. Семенов в 1927 г. впервые открыл курганы с «усами».<sup>233</sup> Позже они зарегистрированы в Карте 1960 г. М. П. Грязнов, используя дневники Л. Ф. Семенова, публикует планы обоих комплексов под именами Кой-Сайган и Джаман-Куянды. В настоящее время эти комплексы переобследованы и им присвоены названия Софиевка I и Софиевка V. Однако на страницах Свода 2007 г. Софиевка V ошибочно идентифицирована с № 1165.<sup>234</sup> Сравнение описаний и приводимых иллюстраций всех трех источников позволяет заключить, что Софиевка V соответствует № 1168<sup>235</sup> и Джаман-Коянды<sup>236</sup> (табл. 1. 288, 289).

Ниже по течению Ишима интересен исследованный могильник Ак-Кайракты с че-

тырьмя курганами с «усами».<sup>237</sup> Западной находится компактная группа в окрестностях поселков Двуречный и Ушкарасу (рис. 25). На участке примерно 9 × 9 км насчитывается 11 курганов с «усами», девять из которых открыты разведками В. Н. Логвина,<sup>238</sup> остальные два – М. К. Хабдулиной.<sup>239</sup> Курганы с «усами» здесь расположены одиночно, парно или среди обычных курганных насыпей.

На северо-востоке памятники концентрируются юго-западной оз. Селетытенгиз (здесь отмечено не менее 17 комплексов курганов с «усами»). Севернее широты г. Кокшетау курганы с «усами» не обнаружены.

Таким образом, для Северо-Казахстанской группы нами учтено 59 курганов с «усами» (рис. и табл. 1. 232–290).

Центрально-Казахстанская группа (V). Основное ядро памятников составляет комплексы Казахского нагорья, полосой с СВ на ЮЗ, протянувшиеся от гор Едрей и Аркалык до бассейна р. Атасу (рис. 6; 7; 10; 136. 431; рис. 137. 415, 517, 518). Граница с Северо-Казахстанской группой проходит по р. Силеты и широтному течению р. Ишим. На востоке Центрально-Казахстанская группа ограничена горами Чингизтау, на западе – р. Сарысу. У подножия гор Едрей (правобережье р. Тундык) сконцентрировано 7 могильников с 10 курганами с «усами», 4 из которых находятся в составе могильника Шан 2.<sup>240</sup> Многочисленную группу составляют курганы с «усами» по правобережью р. Жарлы вдоль западных склонов гор Каркаралы, и у Кентских гор, в бассейне р. Талды, из которых А.З. Бейсеновым исследован могильник Нуркен 2.<sup>241</sup> Воз-

<sup>229</sup> Грязнов 1956, 8–10.

<sup>230</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960.

<sup>231</sup> Свод памятников 2007.

<sup>232</sup> Досымбаева–Нускабай 2012, 34, 44, 45, рис. 10; Досымбаева 2013, 562, 563; Досымбаева и др. 2013, 197–203.

<sup>233</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №№ 1165, 1168.

<sup>234</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960.

<sup>235</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960.

<sup>236</sup> Грязнов 1956, 9, рис. 1. 4; Свод памятников 2007, №№ 807, 809.

<sup>237</sup> Свиридов, 2004.

<sup>238</sup> Логвин–Гребенюков, 1986, 3–11.

<sup>239</sup> Свод памятников 2007, 315.

<sup>240</sup> Ломан и др. 2004, 148, 152, 154, 156, 158.

<sup>241</sup> Бейсенов 2007, 173–197.

можно, один курган с «усами» входит в состав могильника Талды 2.<sup>242</sup> Далее, юго-западной находятся получившие известность в печати комплексы с верховьев р. Токраун. В составе одного из них А. Х. Маргулан наблюдал стелы – урочище Былкылдак<sup>243</sup> (рис. 10. 10). Здесь же находятся могильники Сыпраоба и Егиз-Койтас<sup>244</sup> (рис. 32). Ниже по течению р. Токраун, в горах Бегазы, находятся памятники Джинишке (рис. 10. 4) и комплекс «в 5 км от слияния рр. Бегазы и Токраун». Эти комплексы, обследованные А. Х. Маргуланом, имели стелы и изваяние со знаками, «напоминающие орхонское письмо».<sup>245</sup> Возможно, он является комплексом из могильника Бегазы 10<sup>246</sup> (рис. 35. 4).

Следующая известная группа памятников расположена в верховьях р. Нуртай (Нуртайозек) – 37 воинов, Кара-Бие, Канатгас (рис. 10. 6; рис. 26. I; рис. 27. I). При знакомстве с публикациями может возникнуть некоторая путаница с локализацией этих комплексов. Так, комплекс 37 воинов «помещался» не только на р. Нуртай,<sup>247</sup> но и р. Карасай,<sup>248</sup> из которых последняя локализация неверная. Следует иметь ввиду, что курганы с «усами» всех трех вышеуказанных могильников составляют довольно компактную группу на участке примерно 5 × 4 км<sup>249</sup> (учитывая данные космоснимков, здесь не менее 7 курганов с «усами»). Примерно в 40 км к западу, в долине р. Жанбай-Карасу (Карабидайык) находятся курганы, в том числе с «усами», «к северу от горы Толагай», один из которых исследован М. К. Кадырбаевым<sup>250</sup> (рис. 10. II; рис. 83).

Северней от них ряд памятников расположен в бассейне р. Шерубай-Нура: Дандыбай, Бугулы I, II (рис. 29. I; рис. 30), Бес-Оба (колхоз им. Сталина), Былкылдак I (то же название, что и в верховьях р. Токраун), (рис. 10. 2 а, б; рис. 31. II) и др.<sup>251</sup> С комплексом Бес-Оба (колхоз им. Сталина) тоже возникают нестыковки. Он исследован в 1951 г. Впервые его опубликовал М. К. Кадырбаев в 1958 г., с указанием длины гряд 198 м и 183 м. В Археологической карте Казахстана (1960) этому описанию в целом соответствует № 2318, кроме длины гряд – 235 и 245 м. Судя по космоснимкам, верны данные Археологической карты.

Южное положение занимают Киик-Су и Ельшибек (рис. 29. II) вблизи р. Мойынты, исследованные и опубликованные М. К. Кадырбаевым<sup>252</sup> и комплекс в урочище Дюйсенбулак.<sup>253</sup> Совсем недавно по этому району начали появляться новые данные (комплексы Сарыбулак, Дюйсенбулак).<sup>254</sup>

Комплексы по р. Атасу составляют интересную группу (рис. 7), и до 2017 г. в печати упоминались отрывочно или в краткой форме. Наиболее известные среди них – Сангуыр II<sup>255</sup> и Айдарлы<sup>256</sup> (рис. 26. III; рис. 33). По-видимому, к последнему комплексу относится находка каменного изваяния, стоящее «у западной части южной оградки кургана с «усами»,<sup>257</sup> правда, даны разные указания: курган с «усами» находится «в 4,5 км к северу от слияния с р. Атасу», изваяние – «в 1,5 км...». В статье П. И. Мариковского приведено 6 памятников под именем

<sup>242</sup> Ломан и др. 2004, 213 и по данным космоснимков.

<sup>243</sup> Маргулан 1949, 11.

<sup>244</sup> Кадырбаев 1959а, 183–190; Археологическая карта Казахстана 1960, №№ 2308, 2309, 2310, 2312.

<sup>245</sup> Маргулан 1949, 12, рис. 5; Археологическая карта Казахстана 1960, №№ 2448, 2453.

<sup>246</sup> Кукушкин и др. 2017, № 168.

<sup>247</sup> Кадырбаев 1958, 99; Бейсенов, 2015б, 6.

<sup>248</sup> Кадырбаев 1966, 345; Археологическая карта Казахстана 1960, 168.

<sup>249</sup> Археологическая карта Казахстана 1960, №№ 2373, 2375, 2378.

<sup>250</sup> Кадырбаев 1958, 97; Археологическая карта Казахстана 1960, №№ 2381, 2382.

<sup>251</sup> Грязнов 1956; Кадырбаев 1958, 99–102; Маргулан и др. 1966, 186, 206, рис. 95; 105; Археологическая карта Казахстана 1960, №№ 2257, 2264, 2292, 2295, 2305, 2306, 2318, 2285.

<sup>252</sup> Кадырбаев 1959а, 163–168; Археологическая карта Казахстана 1960, №№ 2360, 2362.

<sup>253</sup> Археологическая карта Казахстана 1960, № 2844.

<sup>254</sup> Ахияров 2017, № 92–94.

<sup>255</sup> Археологическая карта Казахстана 1960, № 2340; Кадырбаев 1961; Бейсенов 2015а, 114.

<sup>256</sup> Маргулан и др. 1966, 183, 184, рис. 92; Археологическая карта Казахстана 1960, № 2347.

<sup>257</sup> Археологическая карта Казахстана 1960, № 2345.

«Атасу».<sup>258</sup> А. З. Бейсенов, делая обзор курганов с «усами» с р. Атасу в 2015 г., помимо ранее известных Сангуыр II и Айдарлы, упоминает еще три: в урочище Койшоки, возле поселения Атасу и горы Кабантау.<sup>259</sup> В работе Л. Н. Ермоленко, Ж. К. Курманкулова и А. Д. Касеновой также содержатся упоминания атасуских курганов с «усами». Их статья посвящена находкам каменных изваяний сакской эпохи. Одно из них происходит из местности Косагалы (Жанааркинский район, Карагандинская область), судя по приведенным координатам, обнаружено на правом берегу среднего течения р. Атасу, в 2014 г. Сообщается, что обломок верхней части изваяния найден году возле выкладки, от которой отходит одна из гряд кургана с «усами».<sup>260</sup> Другая находка изваяния сделана «в 1977 г. М. С. Нурмухамбетовым возле кургана с «усами» № 2 в северо-западной части могильника Атасу».<sup>261</sup> Наиболее полный свод памятников атасуского микрорайона, в том числе курганов с «усами», сделан И. К. Ахияровым и др.<sup>262</sup> Совсем недавно опубликованы исследованные здесь комплексы курганов с «усами» Атасу-2 с украшениями в полихромном стиле второй половины V в. и Кабантау.<sup>263</sup>

Самую западную позицию Центрально-Казахстанской группы занимают комплексы р. Куланотпес, впадающей в оз. Тенгиз. Здесь А. Х. Маргулан обнаружил и обследовал курганы с «усами» в районе колхоза Комсомол – не менее 3 комплексов.<sup>264</sup>

К СВ от г. Караганды по течению р. Нура известны памятники Бесоба (широко распро-

страненный топоним) и Ботакара (рис. 27. II). Первый из них описан А. Х. Маргуланом.<sup>265</sup> В состав второго входило 5 курганов с «усами», три из которых исследовал М. К. Кадырбаев в 1959 г.<sup>266</sup>

На северо-востоке Казахского мелкосопочника по правому и левому берегу р. Шидерты находятся могильники Тасмола, Карамурун (рис. 34), Нурманбет, Шидерты.<sup>267</sup> Еще один курган с «усами» с оригинальной архитектурой центральной насыпи в виде прямоугольной ограды, приводится М. К. Кадырбаевым в сводной таблице памятников под названием «Акмолинская область, горы Ереймен-Тау».<sup>268</sup> Ранее план этой ограды, без «усов», был опубликован А. Х. Маргуланом.<sup>269</sup> Правда, ни в одной из перечисленных статьей не обговаривается название или более точное местоположение этого сооружения. Самая последняя сводка по ранее неизвестным курганам с «усами» Баянаульского, Экибастузского районов опубликована в 2010 году на страницах Свода памятников Павлодарской области.<sup>270</sup> В этом же районе находится совсем недавно введенный в научный оборот могильник Кызылшилик.<sup>271</sup> Наконец, в 2016–2018 гг. были изданы Археологические карты Нуринского, Актогайского и Шетского районов Карагандинской области<sup>272</sup> (рис. 35).

Комплексы хребта Чингистау до начала XXI в. были практически неизвестны. В 1960 г. здесь упоминается могильник на р. Шаган, в который входят курганы с выкладками из камней «типа «усов», «хвоста» кометы, овала».<sup>273</sup>

<sup>258</sup> МАРИКОВСКИЙ 1983, 28, рис. 2. Г, Д, Ж, З, К, Л.

<sup>259</sup> БЕЙСЕНОВ 2015а, 114.

<sup>260</sup> ЕРМОЛЕНКО–КУРМАНКУЛОВ–КАСЕНОВА 2015, 26.

<sup>261</sup> ЕРМОЛЕНКО–КУРМАНКУЛОВ–КАСЕНОВА 2015, 29.

<sup>262</sup> АХИЯРОВ–БЕЙСЕНОВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017; АХИЯРОВ 2017.

<sup>263</sup> БЕЙСЕНОВ и др. 2018, БЕЙСЕНОВ 2018а.

<sup>264</sup> МАРГУЛАН 1949, 9, 10; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №№ 2090, 2092, 2093.

<sup>265</sup> МАРГУЛАН 1949, 10, 11; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2207.

<sup>266</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1225; МАРГУЛАН и др. 1966, 345–348.

<sup>267</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1162; КАДЫРБАЕВ 1962; МАРГУЛАН и др. 1966, 311–314, 355–357, 367–368; СОРОКИН 1981, 24, 25; БОТАЛОВ–ГАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 45–48, 58–59; ХАБДУЛИНА 2007, 187, 188.

<sup>268</sup> КАДЫРБАЕВ 1958, 96, табл. I. 10.

<sup>269</sup> МАРГУЛАН 1949, 11–12, рис. 4.

<sup>270</sup> Свод памятников 2010.

<sup>271</sup> БЕЙСЕНОВ–КАСЕНАЛИН 2018.

<sup>272</sup> КУКУШКИН и др. 2016; КУКУШКИН и др. 2017; ВАРФОЛОМЕЕВ и др. 2018.

<sup>273</sup> АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2432.

В 2015 г. опубликован курган с «усами» Кырыкунгир.<sup>274</sup> Разведками 2012–2013 гг. было выявлено 36 курганов с «усами» из Абайского, Аягузского, Жанасемейского и Жарминского районов<sup>275</sup> (рис. 36–40). Сейчас открываются новые комплексы из Кокентау и Семейтау.<sup>276</sup>

Итак, в Центрально-Казахстанском ареале нам известно 293 комплекса курганов с «усами», опубликованные или увиденные по космоснимкам (рис. и табл. 1. 291–583). Они концентрируются на Казахском нагорье, Атасу, Чингистау, в Баянаульском, Шидертинском районах. Часто сооружались в речных долинах, урочищах, на площадках более ранних памятников, особенно вблизи больших курганов, по всем признакам, эпохи ранних кочевников. Нередки скопления нескольких курганов с «усами» в группы или в составе одного могильника.

Восточно-казахстанская группа (VI) занимает крайне восточное положение всего ареала курганов с «усами». Данная группа стала известна благодаря работам Ф. Х. Арслановой, предпринятыми ей на могильниках Зевакино и Кызылтас<sup>277</sup> (рис. 11. 6–10; рис. 41). В работе, посвященной археологическим памятникам Шульбнской ГЭС<sup>278</sup> показан курган с «усами» в составе могильника Джартаc. В 1998 г. публикуется несколько памятников Тарбагатая<sup>279</sup> (рис. 11. 1–5), для которых, к сожалению, не указано точное местоположение. Наконец, два комплекса обнаружены по космоснимкам (рис. 135. 588, 589), один из которых имеет нетипично

длинные для этого района гряды (210 и 196 м). Всего здесь нам известно 16 комплексов (рис. и табл. 1. 584–599).

Информация по курганам с «усами» Южного Казахстана и Семиречья (VII) появляется в статье М. П. Грязнова, который приводит сообщение А. Н. Бернштама о данных комплексах в нижнем течении р. Чу.<sup>280</sup> В издании 1960 г.<sup>281</sup> подобные памятники отмечены в составе могильников Берккаринский и Тамдинский, а также на юго-востоке Казахстана в среднем течении р. Или. Первая сводка курганов с «усами» Южного Казахстана и Семиречья приведена М. К. Кадырбаевым.<sup>282</sup> Чуть ранее, в 1959 г. им раскопан курган с «усами» Коктал с полихромным украшением.<sup>283</sup> Еще один комплекс раскопан С. М. Ахинжановым в Каратау<sup>284</sup> (рис. 82). Всего нам известно здесь 11 памятников (рис. и табл. 1. 600–610).

Общее количество использованных в данном издании курганов с «усами», составило 610 комплексов. Отметим, что чаще всего они расположены одиночно, реже парно или группами. Они неравномерно рассредоточены по регионам. Наибольшее количество известно в Центральном Казахстане (293 памятников – 48%), затем в Тургайско-Улытауском районе (120 шт., 20%) и в Зауралье – 90 (15%). Менее представительны серии в Северном Казахстане (59 шт., 10%), Мугоджарах (21 шт., 3%), Восточном и Южном Казахстане (16 шт., 3% и 11 шт., соответственно, по 2%).

<sup>274</sup> Умиткалиев 2015; Бейсенов, Умиткалиев, Кулькова, 2016.

<sup>275</sup> Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.

<sup>276</sup> Айткали–Жунисханов–Бесетаев 2016; Исин и др. 2018; Айткали и др. 2019; Айткали и др. 2019а. Автор благодарен лично А. Жунисханову за консультацию и любезно предоставленную информацию по неопубликованным памятникам (рис. и табл. 1. 538–544).

<sup>277</sup> Арсланова 1975.

<sup>278</sup> Археологические памятники 1987, 117, рис. 61.

<sup>279</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998.

<sup>280</sup> Грязнов 1956, 8.

<sup>281</sup> Археологическая карта Казахстана 1960, №№ 3130, 3525, 3798.

<sup>282</sup> Кадырбаев 1966, 308, рис. 1.

<sup>283</sup> Кадырбаев 1959.

<sup>284</sup> Ахинжанов 1977.



### 2.3. Типология и основания для датировки курганов с «УСАМИ»

Курган с «усами» представляет собой археологический комплекс, включающий два главных элемента: две дуговидные гряды и центральное сооружение (как правило, курганного типа). Гряды берут начало от центрального сооружения. Следы жертвенно-поминальных действий обычно выявлены под насыпью центрального кургана.

Опыт классификации и типологии курганов с «усами»<sup>285</sup> показывает, что главными признаками различий являются планиграфия центрального сооружения, относительная хронология составляющих его элементов и их функции (погребальная или поминальная). С 1990-х гг. единодушным стало мнение о том, что простейшей формой кургана с «усами» является комплекс с одной центральной насыпью.<sup>286</sup> Реже встречается разновидность с двумя или более насыпями, сооруженные одновременно. Как правило, насыпи в этом случае расположены меридионально. В то же время, особенно в Центральном Казахстане, существовала устойчивая традиция возведения комплекса с «усами» на площадках ранних могильников и их пристройки к ранним сооружениям (тип 2 А. З. Бейсенова). Известны также случаи переиспользования ранних насыпей и включение этой насыпи в ансамбль центрального сооружения. Эти обстоятельства создавали и до сих пор создают ряд трудностей, влияющие в конечном итоге на культурно-хронологическую интерпретацию курганов с «усами». Наиболее конструктивный анализ курганов с «усами», проведенный южно-уральскими археологами, позволил прийти к выводу, что основными и определяющими типами являются два – II и IV М. К. Кадырбаева (или типы 1 и 3 А. З. Бейсенова). Остальные типы демонстрируют либо двойную стратиграфию, либо разнокультурную и разновременную планиграфию.<sup>287</sup> Таким образом, главной задачей типологии является идентификация комплекса кургана с «усами», т. е. определение того, что является курганом с «уса-

ми», а что инородным (инокультурным) объектом.

Основываясь на выводах челябинских исследователей, уточненных в работах С. Г. Боталова, нам кажется, что типология должна быть основана на двух взаимодополняющих друг друга признаках (рис. 16). Первый – количество и расположение курганов центрального сооружения. Второй – наличие (или отсутствие) ранней насыпи в ансамбле кургана с «усами». Что касается наличия человеческих захоронений, то они, ввиду их исключительности, должны быть рассмотрены индивидуально, с учетом возможности их отнесения не только к кургану с «усами», но и к более ранней эпохе. Следовательно, в последнем случае погребение не может иметь отношение к комплексу курган с «усами». Сам факт погребения в предлагаемой нами классификации не является типобразующим признаком.

I – комплекс с одной центральной насыпью

Ia – комплекс возведен автономно, без участия или использования ранних объектов

Ib – центральная насыпь сооружена на кургане раннего времени

Ic – центральная насыпь сооружена перед курганом более раннего времени. Как правило, воздвигался с восточной стороны, на некотором расстоянии или вплотную к нему

II – комплекс с двумя центральными меридионально / субмеридионально расположенными насыпями

IIa – комплекс возведен без участия или использования ранних объектов

IIb – курган или курганы центрального сооружения возведены на кургане раннего времени или насыпь раннего кургана также мог быть использован в ансамбле

IIc – комплекс сооружен перед курганом более раннего времени

<sup>285</sup> Кадырбаев 1966, 309; Бейсенов 1996; Боталов–Гаиров–Любчанский 2006; Боталов 2000; Боталов 2009.

<sup>286</sup> Бейсенов 1996; Любчанский 2006; Боталов–Гаиров–Любчанский 2006.

<sup>287</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 91.

III – комплекс с тремя или более меридионально расположенными насыпями. В разных вариантах могли выстраиваться по прямой или дуговидно

IIIa – комплекс возведен без участия ранних объектов

IIIb – курган или курганы центрального сооружения возведены на кургане раннего времени

IIIc – курганы построены с восточной стороны от большого кургана раннего времени

Планиграфию комплекса обозначают римские цифры (I, II, III), а индексы «а», «b», «с» отражают наличие или отсутствие объекта ранней эпохи, к которой пристроен комплекс курган с «усами» (рис. 16).

К типу I может быть отнесено большинство рассматриваемых памятников, имеющие одну центральную насыпь. Однако только исследованные памятники позволяют выделить среди них единовременные (Ia) и разновременные (Ib) сооружения.

Несомненное отношение к единовременному типу Ia, по материалам раскопок, в Зауралье имеют Оленина Отнога, Новокондуровский, Городищенское IX, Суходол, Рымникский, Медес, Новоактубинский, Солончанка IX, Кызыл-Жар<sup>288</sup> (рис. 43–53; 67; 68; 138; рис. 139. 2). Под насыпью на древней поверхности обнаружены сосуды (кроме комплексов Медес и Рымникский) и другие следы ритуальных действий (кости животных, прокалы, угли). В Тургайско-Улытауской группе к этому типу относится комплекс Батыр-Булак<sup>289</sup> (рис. 48), ранее отнесенный к сложному сооружению с тремя центральными насыпями.<sup>290</sup> Нам кажется, что этому послужили нетипично крупные размеры начальных выкладок «усов», хотя общая планиграфия соответствует простому типу курганов с

«усами». Центрально- и Северо-Казахстанские комплексы объединяют Дандыбай, Былкылдак (курган 16), Ботакара (курган 55), Шидерты, Ак-Кайракты, Карагайлы 2-3, Акмустафа 2, Атасу-2, Унирек<sup>291</sup> (рис. 10. 1; рис. 55–57; 61–64) под насыпями которых при отсутствии погребений, были обнаружены сосуды и кости животных. В случае с комплексом Атасу-2 инвентарь был обнаружен в двух ямах глубиной 0,25 и 0,5 м.<sup>292</sup> В Восточном Казахстане это Зевакино (курган 3) и Кызылтас (курган 2).<sup>293</sup>

Перечисленные выше памятники демонстрируют типичную картину жертвенно-поминальных традиций курганов с «усами», главными чертами которой являются каменная архитектура насыпи (кроме Рымникский), отсутствие человеческих погребений, установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного предметного комплекса (кроме Городищенское IX, Былкылдак, Унирек, Атасу-2), остатки продуктов горения, отдельные кости животных (как правило, лошадь) или целые туши. Типологическая близость керамики, узкие радиоуглеродные даты (Рымникский, Городищенское IX, Суходол), согласующиеся с типологической датировкой наконечников стрел (Городищенское IX) в пределах V–VII вв., позволяют идентифицировать простейший тип курганов – тип Ia. Именно этот тип следует считать индикатором историко-культурного комплекса «курганы с «усами».

В то же время известна серия комплексов, где наряду с обычными признаками типа Ia обнаружены погребения различного времени или предметный комплекс разных эпох. Среди них – Тасмола (курган 19), Кара-Бие, Кайнсай (курган 14), Каргалы II, Канаттас (курган 19), Толагай, Егиз-Койтас (курган 4), Джанайдар, Беркутты.<sup>294</sup> На них необходимо остановиться подробнее,

<sup>288</sup> Усманова–Мазниченко 1992; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 32–42; Любчанский–Бытковский 2006; Грудочко 2013.

<sup>289</sup> Усманова 1987.

<sup>290</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 73.

<sup>291</sup> Грязнов 1956, 9; Кадырбаев 1958, 102; Пересветов 2001; Свиридов 2004. Досымбаева 2013, 202; Бейсенов и др. 2018; Курманкулов–Утубаев–Касенова, 2018.

<sup>292</sup> Бейсенов и др. 2018, 105.

<sup>293</sup> Арсланова 1975, 118, 119, 121, рис. 1.

<sup>294</sup> Кадырбаев 1958, 97; Кадырбаев 1959а, 170–173, 179–182, 188, 189; Кадырбаев 1962, 71–78; Оразбаев 1969; Ахинжанов 1977; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 43, 56.

поскольку именно они создают круг проблем, связанный с хронологическим определением курганов с «усами».<sup>295</sup> Речь идет о поиске различий единовременных (Ia) и разновременных (Ib) комплексов.

В комплексе Джанайдар (*рис. 79*) на древней поверхности обнаружены фрагменты сосудов, обычные для курганов с «усами», а также элементы узды раннесакского времени (*рис. 79. 2*). Связь сосудов и узды сомнительна, поскольку последняя обнаружена в насыпи кургана.<sup>296</sup> Вероятно, здесь была использована насыпь раннего железного века в более позднее время, хотя А. З. Бейсенов исключает такую возможность.<sup>297</sup>

Асинхронность двух горизонтов, раннекочевнического и раннесредневекового, комплекса Кайнсай (*рис. 74*) подтверждается датировкой центрального погребения III–II вв. до н. э. (*рис. 74. 4, 7*) и более поздней, раннесредневековой, датой фрагмента кушнарниковской керамики и большого вазовидного сосуда на древнем горизонте (*рис. 74. 5, 6*). С последнего получена радиоуглеродная дата, совпадающая с типологической датировкой кушнарниковской керамики – в пределах конца V–VII вв. н. э. Таким образом, комплекс Кайнсай демонстрирует практику переиспользования площадки-насыпи раннего железного века для оборудования кургана с «усами».

Относительно позднее положение комплекса с «усами» Кара-Бие на большом раннекочевническом кургане вполне очевидно (*рис. 78. 3*). Малый курган был сооружен на вершине большого, так что в конечном виде сооружение приобрело форму ступенчатой насыпи. Абсолютные даты этих стадий установить практически невозможно, однако, учитывая традиционную черту установки керамического сосуда (здесь он обнаружен на вершине нижнего кургана), этот комплекс должен быть синхронен большинству курганов с «усами».

Сложную ситуацию демонстрирует Толагай (*рис. 83*), который состоит из большого курга-

на и примыкающего с восточной стороны малого. Приводимый М. К. Кадырбаевым план не исключает отнесение его к распространенному в Центральном Казахстане типу Ic (тип 2a А. З. Бейсенову или тип I М. К. Кадырбаева).<sup>298</sup> Авторами указанной выше монографии он рассмотрен как совмещенный тип (с одной насыпью и погребением). Действительно, гряды берут начало именно от большого кургана, а малый плоский курган, судя, в том числе по космоснимку, не примыкает вплотную к большому кургану, а находится примерно в 10 м к востоку, во внутреннем пространстве «усов» (*рис. 83. 1, 2*). Эта выкладка не исследовалась, поэтому о времени ее сооружения ничего конкретного сказать нельзя. Учитывая ее явную планиграфическую удаленность от основного сооружения, весь комплекс с «усами» следует относить к типу I. Под насыпью обнаружена разрушенная могильная яма (*рис. 83. 3*), а над ней – целая и непо потревоженная каменная кладка с костями лошади, что свидетельствует о повторном использовании насыпи раннего времени – тип Ib. Технически – это то же самое, что и в вышерассмотренных комплексах. Абсолютная датировка кургана с «усами» ранее была установлена по стремечковидным бронзовым удилам (VII–VI вв. до н. э.), обнаруженные в одной из двух плиточных оградках, «прилегающие к кургану с «усами» с СЗ стороны».<sup>299</sup> Однако следует иметь в виду, что указанные плиточные оградки расположены в 25 м от основной насыпи кургана с «усами» и не могут играть решающей роли в датировке последнего.

Каменная кладка («каменный завал») была зафиксирована в комплексе Беркутты (*рис. 82*). Его мощность – 0,3 м (в Толагае – 0,4 м), он также был расположен над ямой. Автором раскопок он интерпретирован как каменный завал над ямой, однако нельзя исключать тот же характер его возникновения, что и в Толагае, поскольку в пределах этой кладки (завала) обнаружены раннесредневековые предметы, относящиеся к кур-

<sup>295</sup> См. например: Хабдулина 2007; Гатаулин 2019.

<sup>296</sup> Оразбаев 1969, 177–179; Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 27.

<sup>297</sup> Бейсенов 2017, 35.

<sup>298</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 48.

<sup>299</sup> Кадырбаев 1958, 97.

гану с «усами» (рис. 82. 2–5). На том же уровне в стороне лежал сосуд. В самой яме на глубине 1,5 м обнаружен костяк плохой сохранности без инвентаря. Возможно, эта яма, как и сам курган, неоднократно использовалась, поскольку на глубине 0,5 м обнаружены «фрагменты лепной керамики и мелкие обломки костей».<sup>300</sup>

В кургане комплекса Каргалы II (курган 1) была выявлена могильная яма с безынвентарным человеческим погребением (рис. 80). Сама яма, судя по полевым наблюдениям, ранее уже была разграблена и повторно использована для вскрытого археологами захоронения.

В кургане Кырыкунгир на материке в анатомическом порядке лежали кости передних ног лошади (рис. 72). На том же уровне обнаружены фрагменты лепного сосуда. Полученная радиоуглеродная дата относит курган к раннесакскому времени, несмотря на полное соответствие поминального обряда, а значит и типу Ia курганов с «усами».<sup>301</sup>

В комплексе Тасмола (курган 19) зафиксированы фрагменты двух сосудов на древнем горизонте и могильная яма с погребением раннесакского времени (рис. 76; 77). Мнение о разновременности этого памятника предположил С. С. Сорокин.<sup>302</sup> Если исходить из описаний раскопок, то могильная яма здесь зафиксирована в центре, но четкие ее контуры удалось проследить только в северной части. На верхнем уровне ямы фиксировался каменный завал («перекрытие»), ориентированный ЮВ–СЗ, в то время как сама яма ориентирована по линии СЮ. К тому же ширина завала была уже ширины ямы на 80 см, а сама яма «наполовину была забита обломками каменного перекрытия».<sup>303</sup> Все это, скорее всего, демонстрирует попытку разграбления, когда, по какой-то причине не добравшись до основного захоронения, яму забросали камнем. Об этом косвенно свидетельствует и овальная в плане форма насыпи, незначительно вытянутая с ЮВ на СЗ, совпадающая с ориен-

тировкой каменного завала. Факт потревоженности насыпи проявляется также в условиях обнаружения сосудов – в радиусе одного метра, на древней поверхности в юго-восточной части насыпи, тогда как в большинстве случаев сосуд в целом виде устанавливался в материковое углубление. Опубликованные материалы и вообще археологические возможности не позволяют установить последовательность совершения захоронения, сосуды на древней поверхности и возможную потревоженность насыпи. Однако это же дает веские основания считать, что раннесакское погребение этого комплекса не может определять датировку кургана с «усами».

Для сравнения с тасмолинским приведем комплекс Канатгас (курган 19), показавший погребение гуннского времени (рис. 58–59). Под каменной насыпью обозначился завал из каменных плит, которые перекрывали погребение (рис. 58. 3). Плиты были подвержены сильному воздействию огня, остатки которого – слой золы и угля, достигали мощности 7 см. На этом же уровне в восточной части обнаружен керамический сосуд (рис. 58. 2), в отличие от тасмолинского комплекса, не в разбросанном, а в раздавленном виде.<sup>304</sup> Учитывая раздавленный вид сосуда, соответствие контуров ямы каменному перекрытию, четкую стратификацию углисто-золистого слоя, комплекс Канатгас следует считать закрытым. Здесь, в отличие от тасмолинского, есть возможность четко установить последовательность: совершение захоронения – перекрытие ямы – установка сосудов и разведения огня. Таким образом, более вероятно, что центральное сооружение комплекса с «усами» Каннатас может быть датировано согласно погребению, т. е. гуннским временем (рис. 59; 60). Даже если принять вероятность разновременного совершения погребального и поминального актов, то последний произошел не ранее первого, то есть не ранее конца IV–V в. н. э.

<sup>300</sup> Ахинжанов 1977, 77–78.

<sup>301</sup> Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016.

<sup>302</sup> Сорокин 1981.

<sup>303</sup> Кадырбаев 1962, 71–78.

<sup>304</sup> Кадырбаев 1959а, 180.

Не ясно, относилось ли человеческое захоронение кургана 4 комплекса Егиз-Койтас (рис. 81) к кургану с «усами».<sup>305</sup> Сосуд, краткое описание которого содержится в публикации, в целом, соответствует керамике из других курганов с «усами», однако его рисунка нет. Пока, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют относить этот комплекс к единовременному типу Ia с человеческим погребением.

Говоря о случаях человеческих захоронений, следует обговорить Южно-Уральский комплекс Султантемировский (рис. 65; 66) с человеческими костями и вещевым набором V–VI вв. н. э.<sup>306</sup> В отличие от других случаев, данное захоронение было выполнено на уровне древней поверхности и впоследствии сильно потревожено. Фрагменты человеческого скелета (нижняя челюсть, плечевая кость и фрагмент черепной коробки) лежали в непосредственной близости от сосуда (рис. 65. V, 1–5). В стороне от них, южнее находилось компактное скопление предметов – колчаный крюк, наконечники стрел, удила, железный стержень (рис. 65. V, 6). Ф. А. Сунгатовым он определен как жертвенный комплекс. Здесь довольно сложно проследить особенности человеческого захоронения: было ли оно ограблено либо это редкая форма погребальной практики. Однако учитывая «наземный» характер всех находок, вероятнее всего, и погребение, и комплект железных предметов относились к комплексу курган с «усами».

Таким образом, рассмотренные выше комплексы Канаттас (курган 19), Султантемировский и, возможно, Егиз-Койтас (курган 4) следует относить к единовременному типу Ia с человеческим захоронением.

Другие комплексы: Тасмола (курган 19), Кара-Бие (курган 1), Кайнсай (курган 14), Джанайдар, Толагай, Каргалы II (курган 1), Беркутты можно отнести к типу Ib, характеризующиеся тем, что сооружены на погребальных курганах

более ранней эпохи, при этом подкурганый обряд на древнем горизонте полностью совпадает с большинством обычных курганов с «усами». Одним из индикаторов этой разновидности может также считаться нетипично большая центральная насыпь (например, Кара-Бие, курган 1), однако окончательно это могут подтвердить только раскопки. В несколько иной планиграфической форме разновременные комплексы демонстрирует следующий тип – Ic.

Тип Ic образуют многочисленные Центрально-Казахстанские комплексы, из которых раскопаны Назар, 37 воинов, Бугулы (курган 13), Бес-Оба – колхоз им. Сталина (курган 2), Кара-Бие (курган 15), Канаттас (курган 12а), Киик-Су, Ельшибек, Сангуыр II (курганы 1–3), Нуркен 2 (курган 6), Ботакара (курган 1), Ак-Булак II (курган 1), Нурманбет II (курган 4), Койтас, Бесоба, Жамантас, Тандайлы-2, Каратобе (курган 6)<sup>307</sup> (рис. 104–113). В Восточном Казахстане – Зевакино (курган 2) (рис. 69. 2), Кызылтас (курган 1)<sup>308</sup> (рис. 114. 1). В Южном Зауралье к нему относится Елизаветпольский<sup>309</sup> (рис. 102–103). Эта группа памятников вызывает, пожалуй, больше всего вопросов о типологической трактовке курганов с «усами». Напомним, что изначально этот тип был назван М. К. Кадырбаевым классической разновидностью курганов с «усами» (тип I М. К. Кадырбаева). Затем А. З. Бейсенов отнес его к своему типу 2 и интерпретировал как пристройку простейшего кургана с грядами к погребальной насыпи, при этом оба сооружения, по видению автора, представляют собой единокультурные постройки. Мы, вслед за С. Г. Боталовым, склонны рассматривать этот тип как простейшая разновидность кургана с «усами», пристроенная к насыпи другой, более ранней эпохи, то есть не имеющая этнокультурного и близкого хронологического отношения к последней. В отличие от предыдущего типа Ib, он не надстраивался, а возводился рядом, с восточ-

<sup>305</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а, 188–189.

<sup>306</sup> СУНГАТОВ 2003.

<sup>307</sup> КАДЫРБАЕВ 1958, 99, 100–102; КАДЫРБАЕВ 1959а, 164–168, 174–176, 178; КАДЫРБАЕВ 1961; КАДЫРБАЕВ 1966, 345; 348–349; БЕЙСЕНОВ 2007; БЕЙСЕНОВ 2016; БЕЙСЕНОВ 2017; БЕЙСЕНОВ и др. 2016; БЕЙСЕНОВ–ДУЙСЕНБАЙ–СВЯТКО 2017; АЙТКАЛИ и др. 2019.

<sup>308</sup> АРСЛАНОВА 1975, 118–121.

<sup>309</sup> ТАИРОВ 2008; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 85–87.

ной стороны от насыпи ранней эпохи. Согласно устоявшейся в литературе терминологии, центральный курган комплекса с «усами» именуется «малым», а второй, к которому он пристроен, – «большим».

Большинство комплексов характеризуются тем, что сооружены с восточной стороны на незначительном расстоянии насыпей более раннего времени. В ряде случаев наблюдается «скошенность» осевой линии всего ансамбля. Причем малая насыпь, от которой, как правило, отходят дуговидные гряды, содержат обычные для курганов с «усами» следы ритуала (кости лошади, сосуд, в некоторых случаях следы огня).

Под большим курганом комплекса Кара-Бие (курган 15) вскрыта разграбленная могильная яма с каменным перекрытием (рис. 104. 2, 6, 7). Под малым курганом обнаружены зубы, обломки костей ног лошади и глиняный сосуд<sup>310</sup> (рис. 104. 9).

Комплекс Бес-Оба находится в составе могильника из 6 больших курганов, и в целом может относиться к простейшему типу I. Головной курган комплекса с «усами» находится в 7 м от большого, так что вполне вероятно пристройка именно к этому сооружению (или использование насыпи большого кургана для возведения кургана с «усами»). Здесь на древней поверхности обнаружен костяк лошади, уложенной на боку – типично для курганов с «усами».<sup>311</sup>

К центральному кургану комплекса Бугулы (курган 13) с западной стороны примыкал курган, «но гораздо больших размеров». Под насыпью, в северной части вместе с золой обнаружены фрагменты сосуда.<sup>312</sup>

Канаттас (курган 12а) расположен в группе андроновских оград, с восточной стороны. Яма большого кургана разграблена – плиты перекрытия сломаны и сброшены вниз. Под малым

курганом на древней поверхности обнаружены фрагменты сосуда.<sup>313</sup>

Под насыпью большого кургана комплекса Ботакара (курган 1), на глубине 0,8 м от верха насыпи, обнаружено разрушенное перекрытие могильной ямы, состоящее из обломков крупных каменных плит. Сама яма разграблена.<sup>314</sup>

Большой курган Киик-Су имел разрушенную могильную яму с каменным жертвенником раннего железного века. Под насыпью малого кургана, на древней поверхности обнаружен конский череп.<sup>315</sup>

Относительную разновременность демонстрирует комплекс Ельшибек (рис. 105). Он был устроен в непосредственной близости насыпи раннего железного века, причем часть ранней насыпи разобрана для устройства малой насыпи, что хорошо читается на плане: в конечном виде обе насыпи оказались слиты, а часть камней стасцена в сторону малого кургана (рис. 105. 1). Сосуд обнаружен под восточной полкой большого кургана (или западной части малого) и, видимо, относился к поминальному мероприятию во время сооружения кургана с «усами» (рис. 105. 5). Об этом говорит типологическое сходство с другими сосудами из 37 воинов и Бугулы.<sup>316</sup>

Похожее использование ранней насыпи показывает Нурманбет II (курган 4), который содержал в большом кургане разрушенную могильную яму и сосуд в восточной части. Под насыпью малого кургана зафиксирован ненарушенный грунт.<sup>317</sup> Сосуд, аналогично предыдущему комплексу, обнаружен в насыпи большого кургана, что также свидетельствует об использовании именно этой насыпи (или всей площадки) в ритуальном мероприятии кургана с «усами».

Ак-Булак II (курган 1) имел аналогичную конструкцию. Под западной насыпью выявлена

<sup>310</sup> Кадырбаев 1959а, 174–176.

<sup>311</sup> Кадырбаев 1958, 102.

<sup>312</sup> Кадырбаев 1958, 100.

<sup>313</sup> Кадырбаев 1959а, 178.

<sup>314</sup> Кадырбаев 1966, 345.

<sup>315</sup> Кадырбаев 1959а, 163–165.

<sup>316</sup> Кадырбаев 1959а, 166–168.

<sup>317</sup> Кадырбаев 1966, 367, 368.

разрушенная могильная яма, под малой – глиняный сосуд, аналогичный ботакаринским.<sup>318</sup>

Двойная стратиграфия прослежена и на трех атасуских комплексах могильника Сангуыр II.<sup>319</sup> Насыпь большого кургана 1 имела в центре ограду из вертикальных плит, края которых выступают над насыпью. Под насыпью выявлено 7 каменных ящиков, относящиеся к эпохе бронзы (рис. 110). Другой комплекс (курган 2) того же могильника включал большой курган с огражденной могильной ямой и малый курган с сосудом под насыпью (рис. 111). Третий комплекс с «усами» (курган 3) имел большой курган, где под тридцатисантиметровым слоем камня расчищены плиты, идущие наклонно от основания насыпи к центру. Центральная часть насыпи потревожена грабителями. Относительно позднее положение малой насыпи (от которой идут «усы») хорошо прослежено по стратиграфическому разрезу, где западная пола малого кургана перекрывает наклонные плиты большого кургана. На плане обе насыпи сливаются (рис. 112).

Полы насыпей комплекса Нуркен 2 (курган б) касаются друг друга. Большой курган на глубине 2,2 м содержал каменный ящик, в котором совершено парное захоронение мужчины и женщины. Под малой насыпью обнаружен каменный шар, диаметром 8 см, фрагменты черепа лошади и фрагменты глиняного сосуда.<sup>320</sup>

Большой (ранний) курган комплекса 37 воинов (рис. 106. 1) был окружен кольцевой каменной оградкой, имеющей разрыв в юго-восточной части. В этот разрыв был помещен малый курган, а несомкнутые концы оградки органично переоформлены под начала гряд. Вероятней всего, изначально оградка была сомкнута и полностью окружала большой курган, а затем юго-восточная часть была разобрана. К сожалению, никаких находок, ни большой, ни малый курган не дали,<sup>321</sup> поэтому о одновременности комплекса свидетельствуют косвенные данные.

Во-первых, это серия сосудов, типологически схожая с керамикой из курганов с «усами», локализация которых, к сожалению, остается неясной<sup>322</sup> (рис. 106. 3). Во-вторых, это более ранние радиоуглеродные даты погребения одной из 37 выкладок (№ 11) с северной части ансамбля (рис. 106. 2). То есть имеющиеся данные позволяют говорить, как минимум, о двух культурно-хронологических горизонтах. К наиболее раннему следует относить цепочку северных выкладок (или часть выкладок) и большой курган (не имеющий архитектурных аналогов в эпоху сооружения курганов с «усами»). Ко второму – курган с «усами» и серия керамики.

В последнее время в научный оборот введен интереснейший комплекс Назар (рис. 107), в котором прекрасно прослеживается факт одновременной и разнокультурной ситуации. Он состоит из большого (раннего) кургана, окруженного кольцевой каменной оградкой. Разрыв кольцевой оградки фиксируется в восточной части – там, где помещен малый курган (рис. 107. 2). На общем плане «до раскопок» малый курган немного перекрывает восточную полу насыпи большого кургана, что указывает на отнесенность последовательности этих сооружений.<sup>323</sup> После снятия верхнего слоя выявлено и второе, внутреннее кольцо большого кургана. Оно практически соприкасается с малой насыпью. В малом кургане, на древней поверхности обнаружен лепной сосуд (донная часть) и кинжал гуннского времени – IV–V вв. н. э. (рис. 107. 5). Условия обнаружения последнего не совсем понятны, автором кратко указано, что он обнаружен «в кургане-спутнике». В большом кургане открыто дромосное погребальное сооружение, отнесенное к раннесакскому периоду VIII–VI вв. до н. э. (рис. 107. 3, 4). Еще два кургана того же времени находились в 2 км к востоку. Их ранняя дата подтверждается наличием аналогичных дромосных конструкций,

<sup>318</sup> Кадыръбаев 1966, 348–349.

<sup>319</sup> Кадыръбаев 1961.

<sup>320</sup> Бейсенов 2007, 180.

<sup>321</sup> Бейсенов 2015.

<sup>322</sup> См. Кадыръбаев 1958; Боталов–Таиров–Любчанский 2006; Бейсенов 2015.

<sup>323</sup> Бейсенов 2016, 90, рис. 2. 2.

бронзовым наконечником стрел в одной из них и радиоуглеродными датами. Но в насыпь одного из этих курганов было впущено погребение гуннского времени с мечом и колчаном из железных ромбических наконечников стрел.<sup>324</sup> Таким образом, здесь довольно уверенно прослеживается ранний – раннесакский горизонт, в рамках которого оставлены все большие курганы с дромосными погребениями.<sup>325</sup> И поздний – впускное погребение гуннского времени и курган с «усами». Указанные находки позднего горизонта (наконечники стрел, меч, кинжал) хорошо согласуются с радиоуглеродными датами нескольких курганов с «усами» типа Ia и Ic.

Для комплексов Тандайлы 2 и Жамантас<sup>326</sup> со всех объектов центрального сооружения получены радиоуглеродные даты (*рис. 108. 2; рис. 109. 2*), закономерно указывающие на значительный интервал между их постройками. Даты из большого кургана относятся к раннему железному веку, в том числе по инвентарю (*рис. 108. 3, 4; рис. 109. 4–7*), тогда как головной курган комплекса с «усами» был сооружен на 700–800 лет позже (подробней о радиоуглеродной хронологии – в разделе 4.3).

Тип II включает две насыпи центрального сооружения, под которыми обнаружены следы жертвенно-поминальных действий с сосудом и костями животных на древнем горизонте. То есть функционально тип II ничем не отличается от предыдущего типа, кроме количества насыпей. Курганы расположены меридиональной цепочкой. Аналогично вышерассмотренным памятникам здесь нередки случаи использования площадок более ранних сооружений (IIb).

К типу IIa относятся Сарбулат-1, Егиз-Койтас (курган 5), Ботакара (курган 48), Кабантау, Коктал, Ижевский-2, Селенташ, Нижне-Дав-

летовский, Зевакино (курган 1)<sup>327</sup> (*рис. 69. 1; рис. 84–92*).

Под насыпью северного кургана комплекса Сарбулат-1 (*рис. 89*) на уровне погребенной почвы встречались отдельные угли, сажистые включения. В СВ секторе в материковом углублении стоял лепной сосуд. Более выразительные следы костра зафиксированы под южной насыпью, также на древней поверхности. В центре площадки обнаружен точильный камень, юго-западной – бабка лошади. Сосуд аналогично соседней насыпи находился в СВ части.<sup>328</sup>

Под насыпями курганов комплекса Егиз-Койтас (курган 5) (*рис. 32*) материк не нарушен. Под южным курганом, в центре обнаружено два сосуда. Под северным, в восточной части – один.<sup>329</sup>

Комплекс Нижне-Давлетовский (*рис. 88*) состоял из двух курганов, под насыпями которых на уровне древней поверхности выявлены следы прокалов, уголь и кальцинированные кости. Под южным курганом в центре площадки найден железный наконечник копья, а в северо-восточном секторе фрагменты небольшого плоскодонного сосуда<sup>330</sup> (*рис. 88. II, 1–4*).

Под насыпью южного кургана комплекса Ботакара, на уровне древней поверхности лежал целый костяк лошади, в 1,5 м к северо-востоку от него находился раздавленный глиняный сосуд. Под северным курганом также лежал целый костяк лошади и в 0,9 м к востоку от него – сосуд. Материковых углублений нет.<sup>331</sup>

Комплекс Коктал состоял из двух насыпей (*рис. 84*). Под южным курганом не обнаружено ни находок, ни материковых углублений (*рис. 84. 3*). Под северным курганом в восточной части лежали фрагменты глиняного сосуда. Также здесь обнаружены железные удила, наконечник копья, наконечники стрел, фрагмент золотой

<sup>324</sup> Бейсенов–Китов 2013.

<sup>325</sup> Данные параметров курганов приведены А. З. Бейсеновым: Бейсенов 2016, 86, табл. 1.

<sup>326</sup> Бейсенов и др. 2016; Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017.

<sup>327</sup> Кадырбаев 1959; Кадырбаев 1959а, 186–188; Кадырбаев 1966, 345, 346; Арсланова 1975, 117–118; Боталов 1989; Боталов–Таиров–Любчанский, 59–62, 68–70, *рис. 39; 47; 48*; Бейсенов 2007, 180; Бейсенов и др. 2018а; Мажитов–Султанова 2010, 152–153.

<sup>328</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 61.

<sup>329</sup> Кадырбаев 1959а, 187, 188.

<sup>330</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 74–76.

<sup>331</sup> Кадырбаев 1966, 345–346.



пластины с инкрустацией из полудрагоценных камней (рис. 84. 2, 4–8). В центре, по мнению М. К. Кадырбаева, зафиксированы следы широкого грабительского раскопа в могильную яму.<sup>332</sup> По мнению южноуральских археологов, могильной ямы вообще не было. Вероятно, здесь «имела место каменная оградка, типичная для курганов с «усами», в центр которой на дневную поверхность помещался комплекс предметов, связанных с конем и вооружением. К тому же под этим курганом не найдено ни одной кости человека».<sup>333</sup>

Под южным курганом комплекса Зевакино обнаружены зуб и ребро лошади, обломки глиняного сосуда и кусочки древесного угля (рис. 69. 1). Под насыпью северного кургана лежали обломки трубчатых костей овцы, фрагменты дна глиняного сосуда (рис. 69. 4). Здесь же зафиксирована могильная яма с сопроводительным инвентарем IV–V вв. н. э. (рис. 70).<sup>334</sup> Более подробных описаний, позволяющие установить совершение этого погребения, нет, однако судя по датировке это редкий случай практики человеческого захоронения в кургане с «усами».

В насыпи северного кургана комплекса Ижевский-2 найдена подквадратная плитка с чашеобразным углублением (рис. 85. 3). Под насыпью найдено подпрямоугольное углубление глубиной 0,15 м (?), не содержащее никаких находок. Выше найдены кости ног, зубы верхней и нижней челюсти лошади и «две тонкие длинные кости человека». В северо-восточной части в материковом углублении стоял глиняный сосуд (рис. 85. 5). В насыпи южного кургана найдены мелкие кости животного и железный черешковый наконечник стрелы (рис. 85. 2, 4). К западу от центрального сооружения кургана с «усами» находится более поздний курган с захоронением VII–VIII вв. н. э.<sup>335</sup>

Насыпь северного кургана комплекса Кабантау содержала сосуд в восточном секторе, поставленный в небольшую материковую ямку

глубиной около 10 см. В южной насыпи, тоже в восточном секторе, на 10 см выше материкового уровня найден полуистлевший фрагмент ребра лошади и два мелких фрагмента от неопределенных костей и 7–8 расколовшихся зубов лошади. Все кости лежали в виде полосы по линии север – юг, длиной 0,5 м. В южной части под курганной площадки обнаружено керамическое пряслице.<sup>336</sup>

К разновременным комплексам IIb относятся Большое Чебачье, Карамурун I (курган 4).<sup>337</sup>

Большое Чебачье включал два кургана, расположенные «рядом вплотную так, что насыпи сливаются» (рис. 99. 1). В северном кургане в северо-восточной части на древней поверхности обнаружены фрагменты двух глиняных сосудов, бабки и зубы лошади. В южном кургане вскрыта частично ограбленная могильная яма, перекрытая каменными плитами. Сопроводительный инвентарь уверенно датирует погребение VII–VI вв. до н. э. (рис. 99. 2–5). Имеющиеся материалы, конечно, не позволяют полностью установить разновременность сооружений, однако слывшиеся насыпи делают более вероятной версию о переиспользовании центральной насыпи.<sup>338</sup>

Комплекс Карамурун (рис. 98) состоял из двух курганов, из которых южный содержал обломки глиняного сосуда и зольные полосы мощностью, при отсутствии материковых углублений и ям. Под северным курганом в восточной части обнаружен глиняный сосуд, в центре – ограбленная могильная яма, перекрытая каменными плитами. В ней, среди костей человека найдена костяная игла с навершием в виде стилизованной головы хищной птицы эпохи ранних кочевников (рис. 98. 2). На плане видно, что северный курган «выбивается» из общего комплекса с «усами». Северная гряда своим западным окончанием направлена скорее к южному кургану, тем самым нарушая симметрию ансамбля (ср. рис. 34. II).

<sup>332</sup> Кадырбаев 1959, 90–91.

<sup>333</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 63.

<sup>334</sup> Арсланова 1975, 123.

<sup>335</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 69, 70.

<sup>336</sup> Бейсенов и др. 2018а, 67–68.

<sup>337</sup> Грязнов 1956, 9–10; Кадырбаев 1966, 355–357.

<sup>338</sup> Грязнов 1956, 9, рис. 1, 2.

Хотя наличие керамического сосуда здесь явно свидетельствует о желании включить раннюю насыпь в комплекс кургана с «усами».<sup>339</sup>

К типу Пс относится ряд комплексов из Центрального Казахстана. В работе А. З. Бейсенова 1996 г. приведены Шоман (курган 4) и Кызылшилик (курган 2),<sup>340</sup> где комплекс курган с «усами» состоит из двух насыпей и пристроен к большому кургану с восточной стороны (аналогично типу Ic). Материалы последнего недавно опубликованы<sup>341</sup> (рис. 115). Большие курганы имеют кольцевую и прямоугольную оградку с разрывом для помещения в нем комплекса с «усами» (рис. 115. 2). Аналогичный способ использования ранних насыпей приведен нами выше: 37 воинов и Назар, Тандайлы 2 и др. (тип Ic). К примеру, описывая 37 воинов, А. З. Бейсенов подчеркивает, что разрыв кольца предназначен для малого кургана-спутника и начальных участков «усов»,<sup>342</sup> однако вероятней всего изначально разрыва не было. В комплексе Кызылшилик один из курганов наплывает на ранний, так что разобрана не только внешняя кольцевая ограда, но и часть крепиды большого кургана.<sup>343</sup> Впускной характер комплекса с «усами» также хорошо виден на плане комплекса Шоман, где центральное сооружение и начала гряд несимметрично вписаны в прямоугольную оградку большого кургана.

Тип Ша включает комплексы с тремя насыпями. Насыпи располагались по прямой линии или дуговидно. К исследованным или частично исследованным относятся Карасай (курган 2), Солончанка I.<sup>344</sup>

Полностью исследован комплекс Солончанка I (рис. 93–96). Он состоял из трех каменно-земляных курганов, вытянутых цепочкой с севера на юг (рис. 140. 1). Под насыпью каждого кургана на древней дневной поверхности находилась костяк лошади, лежащей на боку в южной половине подкурганной площадки (рис. 118. 1;

рис. 141). Центральный курган ограблен, поэтому под его насыпью, помимо костяка лошади в северо-восточном секторе найден лишь большой плоскодонный кувшин, впущенный в неглубокую ямку. В центре южного кургана, на древней дневной поверхности, в пределах углисто-золистого пятна, выявлен многочисленный инвентарь: железные наконечники стрел, фрагменты колчана и сложносоставного лука, уздечный набор, золотые обкладки луки седла, предметы ременной гарнитуры и прочее. Среди камней насыпи обнаружен сильно деформированный бронзовый сосуд. В северо-восточном секторе найдены остатки плоскодонного сосуда, впущенного в неглубокую ямку. В северном кургане среди камней насыпи находились железные наконечники стрел, фрагменты колчана и уздечный набор. В северо-восточном секторе подкурганной площадки найден развал плоскодонного сосуда, стоящий в неглубокой ямке.<sup>345</sup>

Комплекс Карасай (курган 2), вероятней всего, состоял из трех насыпей и находился в составе могильника (рис. 97). По публикации М. К. Кадырбаева в могильнике раскопано три объекта, из которых курган 2 был с «усами». Там же приведен план этого комплекса «Коунрадский район, р. Карасай», где «усы» отходят от двух насыпей, а третья насыпь находится в стороне от центрального сооружения (рис. 97. 1). Однако по данным космоснимков (рис. 97. 2), единственный похожий комплекс в долине р. Карасай представляет собой тип III (с тремя центральными насыпями, аналогично Солончанке I), здесь же (рис. 97. 2) видны три раскопа (по-видимому, начала 1950-х гг.), диаметры которых соответствуют приводимым в статье М. К. Кадырбаева и, что особенно показательно, большой курган, также отраженный на рисунке публикации 1958 г. Мы предполагаем, что здесь была допущена некоторая неточность: все сооружение было описано как комплекс с двумя, а не с тремя цен-

<sup>339</sup> Кадырбаев 1966, 355, 356, рис. 48–49.

<sup>340</sup> Бейсенов 1996, 39, 40, рис. 2–4.

<sup>341</sup> Бейсенов–Касеналин 2018.

<sup>342</sup> Бейсенов 2015, 7.

<sup>343</sup> Бейсенов–Касеналин 2018, 87, рис. 2.

<sup>344</sup> Кадырбаев 1958, 103; Любчанский–Гаиров 1999.

<sup>345</sup> Любчанский–Гаиров 1999; Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 73–75.

тральными насыпями. Таким образом, здесь был исследован лишь южный курган, под насыпью которого, на уровне дневной поверхности, обнаружены полуистлевший череп, шейные позвонки и кости передних ног лошади.<sup>346</sup>

К разновременному типу Шв относится комплекс Крутая Гора в Южном Зауралье (*рис. 100; рис. 101*). Из всего комплекса не исследовался северный курган, насыпь которого была сильно повреждена в результате добычи камня. Центральный курган сооружен на разрушенном кургане эпохи бронзы (*рис. 101*). В центре кургана под его каменной насыпью, но на поверхности кургана эпохи бронзы, найдены кости ног лошади. Здесь же обнаружены три фрагмента керамики и пластинка золотой фольги. Под центром насыпи южного кургана зафиксирован прокол (?), но без следов огня в виде угольков или золы.<sup>347</sup>

Посмотрим, как географически распределяются описанные типы (табл. 2). Из известных нам памятников планы насыпей и конфигурация их расположения известна для 467 (100%) комплексов. Наиболее распространенным и многочисленным для всех территорий является автономный комплекс с одной насыпью (260) – 56%, в числе которых и тип Ib, построенный непосредственно на объекте ранней эпохи – в большинстве случаев они выявляются только в процессе раскопок. Меньшее количество составляют комплексы с двумя (54) – 11% и тремя (22) – 5% насыпями. Наибольший интерес представляет разновидность Ic, представленная 121 памятниками (26%). Если в Южном Зауралье их встречено всего 2, то на Тургае их уже 7, а в Центральном Казахстане – 103. Более сложные сооружения IIc и IIIc вовсе не встречены в Зауралье, зато они известны в Центральном Казахстане (6 и 1, соответственно).

Показательно привести соотношение типов по конкретным регионам. В Южном Зауралье из 70 (100%) известных памятников к типам Ia и Ib относится 55 (78%) комплексов, и всего 2 (3%) к типу Ic. Другую ситуацию демонстрирует Цен-

тральный Казахстан, где из 228 (100%) памятника 91 (40%) составляют разновидности Ia и Ib и 103 (45%) – Ic. Данное региональное различие, по нашему мнению, может характеризовать поведение мигрантов, желающих приобщиться к сакральным площадкам древних предков – обитателей этих мест. Это можно объяснить тем, что Центральный Казахстан (Восточная Сары-Арка) насыщен большими курганами раннесакской эпохи, которые, если исходить из рационального подхода, были удобной сырьевой строительной базой. Именно поэтому большинство курганов с «усами» сооружались в непосредственной близости от больших курганов. По мере удаления на запад курганы с «усами» приобретали все большую автономность. Традиция каменной архитектуры сохранилась, однако уже не было такого обилия каменных курганов.

В заключении данного раздела необходимо еще раз подчеркнуть, что все типы курганов с «усами», если отбросить очевидные инокультурные элементы, объединяются схожими чертами, которые заключались в одноразовом жертвенно-поминальном акте. В «чистом» виде они проявляются в подтипах «а» (Ia, IIa, IIIa). В исключительных случаях в них совершались человеческие захоронения (Канаттас, Зевакино, возможно, Султантемировский, возможно, Егиз-Койтас). Выделенные типы (I, II, III) отличаются количеством насыпей, но функционально объединяются теми же жертвенно-поминальными традициями. Среди главных признаков можно назвать каменную архитектуру насыпи, наземный характер жертвенно-поминальных действий, стабильное отсутствие человеческих погребений (с исключениями), установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного предметного комплекса, остатки кострищ, отдельные кости животных (как правило, лошадь) или целые туши. Все эти признаки хорошо продемонстрированы в типах Ia, IIa, IIIa, в которых достоверно прослежено отсутствие инокультурных включений. Определяющим и наиболее распространенным

<sup>346</sup> КАДЫРБАЕВ 1958, 103.

<sup>347</sup> ИВАНОВА 1988; ГАВРИЛОК–ИВАНОВА–ЛЮБЧАНСКИЙ 2004, 41–43; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 70–72.

типом является тип I, к чему пришли исследователи в 1990-х гг.<sup>348</sup>

Специфической особенностью подтипов «b» и «с» (Ib, Ic, IIb, IIc, IIIb) является то, что курганы с «усами» воздвигались на площадках могильников или непосредственно на курганах раннего времени, причем зачастую («с») были пристроены с восточной стороны насыпей больших размеров. Особенно показательна эта традиция проявляется в Центральном Казахстане,

при этом следует отметить, что насыпь ранней эпохи была органично включена в архитектурный ансамбль кургана с «усами» (37 воинов, Назар и др.). Археологически эти факторы фиксируются резким различия архитектуры курганов с «усами» по отношению к более ранним, частыми случаями перекрытия большого кургана малым, и никогда наоборот. То есть в случаях двойной стратиграфии курган с «усами» уверенно занимает более позднее положение.

---

<sup>348</sup> Бейсенов 1996; Боталов–Тайров–Любчанский 2006.

### **3. АРХИТЕКТУРА И МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ В КУРГАНАХ С «УСАМИ»**

### 3.1. АРХИТЕКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ

Центральное сооружение комплекса курган с «усами» представляет собой одну, реже две или несколько насыпей курганного типа. Формы насыпей и конструкций могли быть округлыми, четырех- или многоугольными, во всех прослеживается использование камня. Как правило, истинную форму и структуру курганов можно проследить только после непосредственного археологического исследования. Хотя часто краткость публикаций или методический уровень раскопок не позволяет полностью определить те или иные конструктивные особенности.<sup>349</sup>

К типу Ia относится большинство курганов с «усами», из которых наиболее хорошо и детально опубликованы комплексы Южного Зауралья: Оленина Отнога, Кызыл-Жар, Городищенский IX, Солончанка IX, Новокондуровский, Суходол, Новоактюбинский I, Медес, Султантемировский I, Рымникский (рис. 43–53; 65; 67; 68; 138; рис. 139. 2).

Центральное сооружение комплекса Оленина Отнога (рис. 47. 2) представлено насыпью (исходный размер 10 × 8 м) в виде каменной конструкции, по форме очень близкую к квадрату с несколько размытыми углами, со стороной около 6,5 м. Углы конструкции ориентированы по сторонам света. Учитывая вероятное искажение первоначальной формы насыпи, можно допустить, что при сооружении ей могла быть придана форма 5- или 6-угольника. Современное состояние насыпи позволяло с полной уверенностью констатировать лишь ее неокруглость, поскольку прямизна границ была хорошо выражена на участках значительной протяженности. Основная насыпь представляла собой каменный панцирь, сложенный из гранитного плитняка средних и мелких размеров и покрывающий небольшую по площади и толщине грунтовую насыпь. Мощность панциря в центре (2–3 слоя камня) уменьшалась к краям (до 1 слоя). Следы

обрядовых действий зафиксированы на погребенной почве, которую перекрывала немощная грунтовая насыпь (подсыпка?), отмеченная выше.<sup>350</sup>

Центральный курган (курган 3) комплекса Кызыл-Жар (рис. 68. 1) представлял собой каменный панцирь, диаметром 12 м, камни которого в восточной половине уложены плотно, в западной редко. Ближе к центру курганной насыпи (в западной половине) зафиксирован земляной провал в форме подпрямоугольника 4 × 2 м, образовавшийся, вероятно, как и западная часть насыпи, в результате разрушения насыпи в более позднее время. Нам кажется, что изначально конструкция представляла собой ограду. Размеры камней варьируют от 10 × 15 до 50 × 60 см. Камни крупных размеров располагались преимущественно по периметру окружности. В центральной части камни лежат в 2–3 слоя. Замечено, что крупные камни обкладывались мелкими. Форма насыпи обозначена авторами исследования как правильный круг, хотя с западной и, особенно, с восточной стороны прослеживается спрямленный участок периметра, так, что можно предполагать либо овальную, либо подпрямоугольную форму основной конструкции.<sup>351</sup>

Главное сооружение комплекса Городищенское IX (рис. 50) представляло собой сложную конструкцию общим диаметром 10,5 м, высотой 0,9 м. Определение формы конструкции вызывало некоторые сложности. Автором раскопок С. Г. Боталовым она была определена как подквадратная с размерами стенок 7,5 × 7,5 м. И. Э. Любчанский, основываясь на опубликованных материалах, предположил ее многоугольность – пяти-, возможно, шестиугольную форму.<sup>352</sup> Опубликованные рисунки<sup>353</sup> действительно затрудняют идентификацию формы, поскольку изображают лишь ограду с различ-

<sup>349</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 92.

<sup>350</sup> Костиюков 1991; Любчанский 2006, 393.

<sup>351</sup> Усманова–Мазниченко 1992; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 40.

<sup>352</sup> Любчанский 2006, 391.

<sup>353</sup> См. например: Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 36, рис. 18.

ной шириной стен, в центре которой камни отсутствуют, хотя разрез насыпи полностью «заполнен» каменной кладкой. Знакомство с полевыми (и неопубликованными) чертежами<sup>354</sup> дополняют опубликованные данные: курган в целом представляет собой подквадратный (трапециевидный) каменный массив (рис. 50. 2), ориентированный СЗ–ЮВ; с южного угла фиксируется полукруглый выступ, образовавшийся, вероятно, как дополнительная выкладка. Не исключено и то, что ЮВ часть насыпи оказалась разрушенной, поэтому насыпь изначально имела пятиугольную форму (и без дополнительной выкладки). Мощность основной ограды достигала 3–4 слоев камней на краях, в том числе на вышеуказанном выступе (дополнительной выкладке) и постепенно уменьшалась к центру. В западной половине ограды, преимущественно по краю прослежены более десятка вертикально стоящих камней. Каменная насыпь (ограда) лежала на грунтовой площадке, которая использовалась для проведения обряда. Эта площадка ограничена крупными камнями, равномерно расставленные по овалу или прямоугольнику.

Солончанка IX имела центральную насыпь в виде округлой ограды с общим диаметром 7 м и шириной стен до 2 м (рис. 43. 3). В центре фиксировался провал, а также яма, образовавшиеся в результате более позднего ограбления. С западной стороны основной ограды примыкает дополнительная каменная выкладка прямоугольной (или трапециевидной) формы, ориентированная строго по сторонам света. Вся выкладка практически горизонтальна, имела четкие очертания, камни «пролиты» (просыпаны) каким-то гумусно-илистым грунтом. Ее сооружение относится ко времени строительства комплекса с грядами.<sup>355</sup>

Центральная насыпь комплекса Новокудуровский I (рис. 48. 3, 4) представляла собой развал каменной конструкции почти правильной шестиугольной формы. Центральная часть кон-

струкции состояла из туфо-базальтов и гранитов, уложенные в 1–2 ряда, периферийная – из больших стеловидных гранитов в 2–3 слоя так, что центральное сооружение представляло собой ограду с шириной стены до 1 м. После удаления камней верхнего горизонта в центральной части обнажена небольшая выкладка трапециевидной формы, являющаяся, по-видимому, нижним слоем центральной части насыпи.<sup>356</sup>

Центральный курган комплекса Суходол (рис. 45. 3) представляет собой овальную в плане конструкцию, размерами 10,5 × 12 м, вытянутую по оси ЮЗ–СВ. Хотя, учитывая незначительную растащенность камней в С и ССВ краях, а также спрямленные участки СЗ и ЮВ краев не исключается изначальная многоугольная форма. Конструкция выстроена из плит и булыжников гранита серого цвета и габбро-диорита зеленоватых оттенков, реже встречаются кварцевые булыжники светло-коричневых оттенков, плиты сланца темно-серого цвета.<sup>357</sup> Средние размеры камней – 20–40 см в поперечнике, наиболее крупные глыбы имели размеры до 70 см. Никаких закономерностей в локализации крупных камней не выявлено: в целом насыпь можно определить как мало упорядоченную вымостку, в которой камни уложены в один-три слоя, по преимуществу, на большую грань. Мощность слоя камней возрастает от периферии насыпи к центру. В центре толщина слоя камней достигала 0,35 м. В центральной части насыпи нижний слой камней лежал на глиняной площадке, на которой зафиксированы следы обряда.<sup>358</sup> Отметим также, что по профилю насыпи читается незначительный провал в центральной части, так что конструкция могла представлять собой и сильно оплывшую ограду.

Курган комплекса Новоактюбинский I (рис. 52. 1, 2) представлял собой руинизированный подквадратный каменно-земляной массив, ориентированный по линии ВСВ–ЗЮЗ, размером 10,5 × 9,5 м, мощностью 0,2 м. Под ним

<sup>354</sup> Выражаю благодарность С. Г. Боталову.

<sup>355</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 377–378; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 32, 35.

<sup>356</sup> Любчанский 2005, 5; Любчанский 2006, 393; Любчанский–Таиров 2007, 159.

<sup>357</sup> Выражаю благодарность С. В. Маркову за предоставление полевых материалов.

<sup>358</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 39–40.

выявлена площадка со следами прокала, обнесенная ровиком. Наблюдения автора раскопок О. Ф. Бытковского позволили проследить последовательность совершения обряда и возведения насыпи: сначала была сооружена площадка, обнесенная ровиком, затем сформирована каменно-земляная насыпь, не выходящая за пределы ровика. На третьем этапе были проведены работы по просыпке ровика и, после проведения основных ритуальных мероприятий с оставлением жертвенного животного, в центре была сооружена подквадратная каменная насыпь. Законченный вид конструкция приняла после того, как со всех сторон была отсыпана земляная насыпь мощностью 0,3 м.<sup>359</sup>

Центральный курган Султантемировский I (изначальный диаметр 8 м, высота – 0,6 м) представлял собой конструкцию округлой или многоугольной формы в виде каменной выкладки (рис. 65. II). Наиболее плотно, доходя до уровня погребенной почвы, камни лежали по краям, образуя как бы крепиду, что также дает возможность предполагать наличие ограды.<sup>360</sup> В центре фиксировался заметный прогиб, образованный в результате провала или ограбления могильной ямы.<sup>361</sup> В целом, эта картина напоминает ситуацию центральной насыпи комплекса Городищенский IX.

Курган комплекса Медес (рис. 53. 3) включал подквадратную каменную конструкцию размерами 2,5 × 2,5 м. С Ю и СВ сторон наблюдаются выступы. Четко прослеживается спрямленность западной и восточной сторон. Наибольшая концентрация и плотность камней прослеживается с края насыпи. Здесь они, в отличие от центральной части, достигают уровня погребенной почвы, образуя крепиду конструкции.<sup>362</sup>

Курган комплекса Рымникский (рис. 46. 2) представлял собой каменно-земляную насыпь диаметром 10 м, высотой 0,15 м. Камни, обнаруженные после снятия грунта, не составляли

какой-либо конструкции и выглядели как однослойный наброс с общим размером 4,5 × 4 м. Камни лежали разбросанно, не соприкасаясь друг с другом, лишь в ЮВ секторе они составляли концентрированное скопление. Можно отметить, что здесь наблюдается намного меньшее количество камней, чем для основной массы курганов с «усами». Каменный наброс окружал прямоугольный со скругленными сторонами ровик, разомкнутый в СВ секторе. Другое скопление камней обнаружено в ЮЗ части насыпи, за пределами ровика. Именно здесь локализовалась яма, образовавшаяся при возведении насыпи.<sup>363</sup>

В Центральном и Северном Казахстане к типу Ia отнесены курганы с «усами» Былкылдак (курган 16), Ботакара (курган 55), Шидерты, Ак-Кайракты, Карагайлы 2-3, Дандыбай, Канаттас (курган 19), возможно, Егиз-Койтас (курган 4), Кырыкунгир, Унирек, Атасу-2, Акмустафа 2; на Улытау – Батыр-Булак (рис. 54–64; 72; 81). Подробная информация о формах и структурах центрального сооружения первых шести комплексов в публикациях отсутствует. Отметим лишь то, что диаметр насыпей этих комплексов варьировал от 7,5 до 13 м.

Курган 19 могильника Канаттас (рис. 58. I, 4) представлял каменную насыпь округлой формы, диаметром 9 м, высотой 0,7 м. Никаких закономерностей в расположении крупных камней не отмечено. Под насыпью обнаружены следы огня, раздавленный глиняный сосуд и перекрытие могильной ямы с инвентарем V в. н. э. Судя по профилю и описанию раскопок, сооружение насыпи и гряд относится к этому же времени<sup>364</sup> (подробней см. раздел 2.3.).

Курган 4 Егиз-Койтас (рис. 81) имел каменную насыпь диаметром 5 м и высотой 0,5 м. Форма насыпи в северной части имела полукруглую форму, а в южной части ярко выраженные прямые стороны, ориентированные на ЮВ и ЮЗ. Под курганом обнаружена могильная яма.<sup>365</sup>

<sup>359</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 374–375.

<sup>360</sup> Любчанский 2006, 393.

<sup>361</sup> Сунгатов 2003, 216.

<sup>362</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 32; Также благодарю автора раскопок А. А. Бисембаева за консультацию.

<sup>363</sup> Грудочко 2013, 164.

<sup>364</sup> Кадырбаев 1959а, 179–182.

<sup>365</sup> Кадырбаев 1959а, 188.



Курган комплекса Унирек-2 (рис. 64. 3) был сложен из рваных гранитных камней разного размера. Насыпь, частично разрушенная, имела диаметр 12, высоту 0,2 м. По периметру укреплена двойным рядом крепиды, сооруженных из поставленных на ребро каменных плит. Авторы исследования полагают, что насыпь кургана была использована вторично, судя по находкам на древнем горизонте, в раннем средневековье. В то же время констатируют, что «определить это по стратиграфии кургана затруднительно из-за разбора насыпи для хозяйственных нужд местным населением».<sup>366</sup> Нам кажется, что условия залегания находок вполне соответствуют обычному обряду большинства курганов с «усами», а приводимый разрез насыпи вряд ли свидетельствует о ее потревоженности.

В комплексе Атасу-2 (рис. 61. 2) центральное сооружение представляло собой каменное кольцо общим диаметром 8,3 м с шириной кольца 2–2,45 м. Внутреннее пространство свободное от камней составляло 3,3 м в диаметре. Мощность кладки достигала 4 слоя камня. Под насыпью обнаружено 2 ямы с материалом V в.<sup>367</sup>

Насыпь кургана Кырыкунгир, диаметром 12 × 11, высотой 0,5 м, была сложена из грунта вперемешку с небольшими камнями (рис. 72. 1). На плане видно, что крупные камни концентрируются вдоль северного и СВ края.<sup>368</sup>

Восточно-казахстанские комплексы типа Ia – Зевакино (курган 3), Кызылтас (курган 2) (рис. 69; 114). Курган 3 могильника Зевакино (рис. 69. 3) состоял из одного кургана округлой в плане формы, диаметром 8 м,<sup>369</sup> хотя на плане можно увидеть подпрямоугольные очертания, где углы ориентированы по сторонам света. С южной стороны к насыпи примыкала небольшая выкладка. Камни конструкции залежали на 1 слой.<sup>370</sup> Центральная насыпь комплекса Кызылтас (курган 2) имела диаметр 9 м и высоту

10–15 см. Насыпь сложена из скального кварца и гранита. У западного края было едва заметное углубление овальной формы (2,5 × 1 м). Вся центральная часть кургана свободна от камней.<sup>371</sup> Здесь, в отсутствие дополнительных данных, можно предполагать наличие ограды или попытку ограбления.

Тип Ib объединяет комплексы, сооруженные на более ранних курганах. В некоторых случаях это хорошо отразилось на стратиграфии и особенностях архитектуры центрального сооружения. В Южном Зауралье к ним относятся Каргалы II и Кайнсай (курган 14) (рис. 74; 80).

Курган комплекса Каргалы II (рис. 80. 1, 2) представлял собой кольцевую ограду диаметром около 8,5 м. Камни конструкции лежали довольно разреженно, что связано с неоднократным использованием насыпи и центральной ямы для человеческих захоронений.<sup>372</sup>

Центральное сооружение комплекса с «усами» Кайнсай (курган 14) было воздвигнуто на насыпи кургана раннего железного века. Ранняя насыпь (рис. 74. 2) составляла 18 м в диаметре, на восточной ее стороне была построена прямоугольная каменная оградка размерами 6 × 8 м, от которой сохранилась лишь восточный фрагмент (рис. 74. 3). Опубликованные рисунки<sup>373</sup> изображают ровик прямоугольной формы, ориентированный углами СЮ–ЗВ. Судя по полевым материалам, ровик фиксировался лишь на дополнительном разрезе СЮ в восточном секторе и его форма в плане «восстановлена» на послеполевом этапе. Другой разрез, центральный, сам по себе малоинформативный, поскольку заметная часть насыпи была испорчена землеройными животными. Бесспорным можно считать лишь наличие фрагмента ровика в восточной части и его несомненное отношение к возведению головного сооружения кургана с «усами». На вероятную

<sup>366</sup> Курманкулов–Утубаев–Касенова 2018, 291–292, 294, рис. 2. 1.

<sup>367</sup> Бейсенов и др. 2018, 104, 108, рис. 4.

<sup>368</sup> Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016, 250, 251, рис. 1. 1.

<sup>369</sup> Арсланова 1975, 120.

<sup>370</sup> Арсланова 1975, 118, рис. 1.

<sup>371</sup> Арсланова, 1975, 121.

<sup>372</sup> Ткачев 1994; Боталов–Таиров–Любчанский, 2006, 43.

<sup>373</sup> См. например: Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 57, рис. 38. 2.

параллель «прямоугольности» ровика может указывать расположенный поблизости (6,5 км к западу, на том же берегу р. Сынтасты) комплекс Селенташ (курганы 5, 6, тип Па), из которых курган 6 (южный) имел каменную оградку с достоверно прослеженным прямоугольным ровиком (рис. 86. 4). Оба комплекса (Кайнсай и Селенташ) содержали фрагменты кушнаренковской посуды, большой вазовидный сосуд, имеют близкие радиоуглеродные даты, что позволяет рассматривать Кайнсай и Селенташ в единокультурном контексте со схожими архитектурными и поминальными традициями.

В Центральном Казахстане к типу Ib относится ряд комплексов, из которых более-менее полные описания центрального сооружения имеются для Тасмола (курган 19), Кара-Бие (курган 1), Толагай (рис. 76; 78; 83).

Курган 19 могильника Тасмола (рис. 76. 1, 2) имеет оплывшую каменную насыпь диаметром 8 м, высотой 0,3 м. В плане насыпь вытянута по линии СЗ–ЮВ. Под ней на древнем горизонте обнаружены фрагменты двух сосудов, лежащие в радиусе около 1 м. Могильная яма (с погребением VII–VI вв. до н. э.) (рис. 76. 3; рис. 77) имела признаки частичной разрушенности на верхнем уровне.<sup>374</sup> Все это, а также вытянутость насыпи, позволяет предполагать ее неоднократное использование (подробней в разделе 2.3).

Сложное сооружение представлял собой курган 1 комплекса Кара-Бие. Он представлял собой ступенчатую насыпь (рис. 78. 3). Нижняя диаметром 20 м, высотой 0,6 м, диаметр верхней – 10 м, высота – 1,4 м. Вся конструкция имеет прогиб. Под верхней насыпью обнаружен раздавленный сосуд, а под нижней – разрушенную могильную яму.<sup>375</sup> Этот комплекс хорошо демонстрирует использование насыпей раннего времени для создания курганов с «усами», четкую двойную стратиграфию, а главное, относительную хронологию – курган, с обычным для курганов с «усами» обрядом, сооружен после возведения центральной насыпи.

Комплекс Толагай (рис. 83. 1, 2) состоял из кургана, диаметром 17 м, высотой 1,15 м, с восточной стороны к которому примыкает небольшая каменная выкладка. «Под каменной насыпью в направлении с востока на запад шла каменная кладка (3,2 × 2,3 м) прямоугольной формы», мощностью 0,4 м, а под кладкой оконтурилась могильная яма с каменным ящиком.<sup>376</sup> Последняя была ограблена, а на уровне кладки зафиксированы следы поминальных действий, поэтому не исключено, что насыпь кургана неоднократно использовалась, в том числе позднее, во время сооружения гряд. На разрезе центральной насыпи (рис. 83. 3) показана округлая каменно-земляная конструкция (основное тело насыпи), под ней слой кладки и, ниже, каменный ящик,<sup>377</sup> при этом кладка целая, а каменный ящик разграблен. Небольшая каменная выкладка с восточной стороны основной насыпи не исследовалась. Опубликованные рисунки изображают план и разрез большого кургана.

Тип Ic представляет собой комплекс кургана с «усами», пристроенный рядом (как правило с восточной стороны) с объектом ранней эпохи. Такая разновидность наиболее распространена в Восточной Сары-Арке.

Единственный исследованный в Южном Зауралье тип Ic – комплекс Елизаветпольский (рис. 102). Он состоял из кургана с «усами», который пристроен с восточной стороны более ранней насыпи. Малый курган (вымостка, курган 2) представлял собой каменную вымостку размерами 5,2 × 5,2 м и высотой до 0,1 м, ориентированную по сторонам света с незначительными отклонениями (рис. 102. 1, курган 2). Вся конструкция представляет собой каменно-земляной массив, где камни уложены в 1–2 слоя и доходят до уровня материка. Наиболее крупные, в том числе стеловидные камни зафиксированы в южном и западном краях насыпи. Большой курган (курган 1) представлял собой в форме сложную, возможно, изначально округлую насыпь, сложенную из земли и камня, размером

<sup>374</sup> Кадырбаев 1962, 71–78.

<sup>375</sup> Кадырбаев 1959а, 170.

<sup>376</sup> Кадырбаев 1958, 97.

<sup>377</sup> Кадырбаев 1958, 97, рис. 1.

8,4 × 5,6 м и высотой до 0,4 м (рис. 102. 1, курган 1). По краям камни лежали в 1–2, а центре – в 3–4 слоя. Часть насыпи по краям, особенно в северной части, была разобрана. Следы выемки камня хорошо заметны у северо-восточного и восточного краев кургана. Под насыпью большого кургана был обнаружен кенотаф с предметным комплексом V в. до н. э. (рис. 103). К этому же времени относится надмогильное сооружение. Что касается подквадратной вымостки с грядами (малый курган), то ее возведение произошло намного позже – не ранее чем в конце IV в. н. э. Не исключено, что для ее сооружения, а также сооружения гряд, использован каменный материал большого кургана.<sup>378</sup>

В Центральном Казахстане, в отличие от Южного Зауралья, тип Ic составляет многочисленную группу. В нее входят комплексы 37 воинов, Бугулы, Киик-Су, Ельшибек, Кара-Бие (курган 15), Канатгас (курган 12а), Сангуыр II (курганы 1, 2, 3), Ботакара (курган 1), Ак-Булак II (курган 1), Нурманбет II (курган 4), Бес-Оба (колхоз им. Сталина) (курган 2), Каратобе (курган 6), Тандайлы 2, Жамантас, Назар (рис. 104–113).

Интересный архитектурный ансамбль демонстрирует комплекс 37 воинов (Корпетай) (рис. 106). В составе центрального сооружения находится большой курган, диаметром 35 м, и примыкающий с восточной стороны малый, диаметром 11 м, высотой 0,63 м. С СЗ и С сторон, комплекс с «усами» обрамляет ряд из 37 небольших (5–8 м в диаметре) курганов, протянувшиеся ровной дуговидной цепочкой на расстояние около 390 м. Большой и малый курганы окружены системой из небольших кольцевидных выкладок диаметром до 1,2 м. Они образуют большое округлое кольцо с разрывом в юго-восточной части. От разомкнутых концов берут начало гряды-«усы». С северной стороны большого кольца цепочкой-полудугой устроены 7 «восьмикаменных» выкладок дуговидной в

плане формы. Обращенная к большому кольцу сторона каждой выкладки не сомкнута и здесь установлены менгиры – от одного до четырех для каждой выкладки. Высота менгиров варьирует в пределах 1,2–2,1 м.<sup>379</sup>

Курган 13 могильника Бугулы состоял из двух курганов. Насыпь малого кургана овальной формы, вытянута по линии В–З, размерами 4,3 × 5,3 м, высотой 0,3 м. По основанию насыпи – кольцевая кладка из плит, положенных плашмя. С западной стороны примыкал такого же типа курган, но гораздо больших размеров – от него в восточном направлении идут «усы».<sup>380</sup> К сожалению, в публикациях отсутствует более подробная информация.

Киик-Су состоял из большого кургана диаметром 18 м и высотой 2 м. Под его насыпью обнаружено разрушенное погребение эпохи ранних кочевников. Малый курган, диаметром 7,5, и высотой 0,8 м, находился с восточной стороны от большого. С запада к большому кургану примыкала еще одна каменная выкладка.<sup>381</sup>

Центральное сооружение комплекса Ельшибек (рис. 105. 1, 2) представляло сложную одновременную конструкцию из трех насыпей. Малый курган диаметром 7 м, от которого шли «усы», расположен с восточной стороны от большого кургана, диаметром 12 м. На плане видно, что восточная пола большого кургана разобрана и его камни, судя по всему, стаснены в сторону малого. С западной стороны большого кургана расположена небольшая выкладка диаметром 4 м.<sup>382</sup>

Комплекс Кара-Бие, курган 15 (рис. 104. 1, 2), имел большую насыпь диаметром 20 м и высотой 2 м. С восточной стороны расположен малый курган, диаметром 6 м, высотой 0,8 м, от которого отходят «усы».<sup>383</sup>

Курган 12а Канатгас состоял из большого кургана, диаметром 6,5 м, и пристроенного с восточной стороны от него малого, диаметром

<sup>378</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 87; Таиров 2008.

<sup>379</sup> Бейсенов 2015, 7.

<sup>380</sup> Кадырбаев 1958, 100; Кадырбаев, 1966, 187, рис. 95.

<sup>381</sup> Кадырбаев 1959а, 163–165.

<sup>382</sup> Кадырбаев 1959а, 167.

<sup>383</sup> Кадырбаев 1959а, 174–175.

5 м. Весь комплекс расположен с восточной стороны от группы андроновских оград.<sup>384</sup>

Комплекс Сангуыр II, курган 1, состоял из большого кургана, размером  $16 \times 14,5$  м, высотой 1,2 м и примыкающего к нему с восточной стороны малого, диаметром  $4 \times 6$ , высотой 0,25 м (рис. 110. 1, 3). Большой курган имеет в центре ограду из вертикальных плит, края которых выступают над насыпью. У северо-западной подошвы насыпи выступают две кольцевые и одна прямоугольная оградка из поставленных на ребро камней. В кургане обнаружено 7 каменных ящиков андроновского времени и впускное захоронение раннекочевнического времени. Насыпь малого кургана содержала сосуд и кости лошади.<sup>385</sup> Следует обратить внимание, что подобные оградки, также с северной стороны большой насыпи зафиксированы в разновременном комплексе 37 воинов.

Сангуыр II, курган 2 состоит из большого кургана, размером  $11 \times 8$  м, высотой 1 м, и примыкающих к ней с востока двух малых насыпей, диаметром 3 м средняя и диаметром 6 м восточная. Большой курган содержал разрушенное погребение, восточный – сосуд под насыпью (рис. 111. I, III). Сангуыр II, курган 3 состоит из двух слившихся каменных насыпей (рис. 112. 1), вытянутых по линии СЗ-ЮВ (по оси комплекса с «усами»), одинакового диаметра (6 м) и высоты (0,6 м). Под большим (северо-западным) курганом обнаружено разрушенное погребение, под юго-восточным – сосуд. В северо-западном кургане зафиксирована кладка из плит, идущих наклонно от основания к центру, на профиле хорошо видно (рис. 112. 3), что малый курган перекрывает эту конструкцию.<sup>386</sup>

Комплекс Ботакара, курган 1, состоял из большого кургана, вытянутого по линии СЮ (размеры  $15 \times 11$  м), высотой 1 м. Малый (вос-

точный) курган с «усами» диаметром 5 м. Могильная яма с каменным ящиком большого кургана разрушена.<sup>387</sup>

Ак-Булак II, курган 1, состоит из большого кургана, диаметром 9 м, и расположенного от него с восточной стороны малого, диаметром 7,5 м с отходящими от последнего грядами. Насыпи сложены из камня, незначительной высоты.<sup>388</sup>

Комплекс Нурманбет II, курган 4, состоял из большого кургана, диаметром 12 м, высотой 0,3 м, и малого (восточного), диаметром  $10 \times 9$  м (вытянут по линии З-В), высотой 0,4 м. Оба кургана сложены из земли и камня, по основанию их прослеживается кольцо из крупных камней.<sup>389</sup>

Комплекс Бес-Оба с большой долей условности может быть отнесен к типу Ic. В публикациях он обычно фигурирует как курган с «усами» с одной центральной насыпью. Сам комплекс расположен среди больших курганов Раннего железного века, один из которых находится в 7 м к востоку от головного сооружения комплекса с «усами». Поэтому, нам кажется, что вполне позволительно его отнесение к типологическому ряду Ic. Диаметр малой насыпи составлял 9 м при высоте 1,7 м.<sup>390</sup>

Тандайлы 2 состоял из большого кургана диаметром 21 м, окруженный оградой диаметром 28 м. Малый курган сооружен внутри этой ограды и вплотную пристроен к восточной поле большого кургана (рис. 109. 3); основной ряд крупных камней кольцевой ограды, судя по всему, не нарушен.<sup>391</sup>

Ранний большой курган Назар имел диаметр 20, высоту 1,6 м. Головной курган комплекса с «усами» был помещен с юго-восточной стороны большого (рис. 107. 2). После снятия верхнего слоя камней выяснилось, что внешнее каменное кольцо было частично разобрано. Размеры малого кургана: 8 м в диаметре и 0,4 м в высоту.<sup>392</sup>

<sup>384</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а, 177–178, рис. 11.

<sup>385</sup> КАДЫРБАЕВ 1961, 48–49, 54.

<sup>386</sup> КАДЫРБАЕВ 1961, 56.

<sup>387</sup> КАДЫРБАЕВ 1966, 345.

<sup>388</sup> КАДЫРБАЕВ 1966, 348–349.

<sup>389</sup> КАДЫРБАЕВ 1966, 367–368.

<sup>390</sup> КАДЫРБАЕВ 1958, 102.

<sup>391</sup> БЕЙСЕНОВ И ДР. 2016, 234–236, рис. 2. 2.

<sup>392</sup> БЕЙСЕНОВ 2016, 85.

Для территории Восточного Казахстана более-менее полная информация представлена для отдельных объектов могильников Зевакино (рис. 69. 2) и Кызылтас.<sup>393</sup> Кызылтас, курган 1 (рис. 114. 1), состоял из двух насыпей, расположенных по линии З–В. Диаметр большого кургана 12 м, высота 0,5 м. Малый курган, расположенный с востока, диаметром 6 м, высотой 0,3 м. Обе насыпи имели округлые формы.

Северо-Мугоджарский комплекс Усуп I (курган 2) (рис. 8. 5) имел земляную с камнем насыпь диаметром 8 м и высотой 0,32 м, от него отходили «усы». Большой курган расположен на значительном расстоянии – в 30 м к западу.<sup>394</sup>

Следующий тип – Па, представляет собой комплексы, состоящие из двух меридионально расположенных центральных насыпей, возведенные одновременно. Из исследованных памятников к ним относится Сарбулат-1, Нижнедавлетовский, Селенташ (Южное Зауралье), Егиз-Койтас (курган 5), Ботакара (курган 48), Ижевский-2, Кабантау (Центральный Казахстан) и Коктал (Южный Казахстан) (рис. 84–92).

Комплекс Сарбулат-1 состоял из двух меридионально расположенных насыпей на расстоянии около 2 м друг от друга (рис. 89. 2). Северный курган, диаметром 8 м и высотой 0,3 м, после расчистки камней представлял собой почти правильный квадрат с длиной сторон около 8,5 м, ориентированный углами по сторонам света. Конструкция целиком выстроена из глыб гранита серого цвета и габбро-диорита зеленоватых оттенков, среди которых лишь изредка встречаются кварцевые булыжники светло-коричневых оттенков. Средние размеры камней – 0,3–0,5 м в поперечнике, наиболее крупные глыбы имели линейные размеры до 0,9 м. Никаких закономерностей в локализации крупных камней не выявлено: в целом насыпь можно определить как мало упорядоченную вымостку, в которой камни уложены в один-три слоя, по преимуществу, на большую грань. Для периферийных участков характерно одно-

слойное залегание камней, для центральных – в два–три слоя. В центре толщина слоя камней достигала 0,45 м. Камни лежали на погребенной почве. Основу южной насыпи, диаметром 11 м и высотой 0,4 м, составляло сооружение, по форме представляющее собой более или менее правильный пятиугольник. Длину его северной стороны можно оценить в 8,5 м, длину северо-восточной – в 7 м, юго-восточной – в 8,5 м, юго-западной – в 8 м, северо-западной – в 8 м. Впрочем, допускается возможность создания шестиугольной или, возможно, более сложной фигуры, в которой сопрягались квадрат и круг. Что касается состава насыпи и иных ее параметров, то здесь нет практически никаких отличий от северной насыпи. В центральных отделах (за исключением собственно центра, ограниченного диаметром 2,5–3 м, где визуально фиксировалось понижение поверхности на 10–15 см, что, очевидно, связано с попыткой ограбления кургана, в результате которой изъятые и вновь сброшенные в грабительский вкоп камни оказались на верхнем материковом уровне), толщина слоя камней достигала 0,45 м.<sup>395</sup>

Нижнедавлетовский состоял из двух курганов, расположенных по линии С–Ю и третьего, который примыкает к северному с южной стороны и занимает срединное положение (рис. 88. I). Диаметр южного кургана 7 м, северного 6 м, примыкающего к северному – 4 м. Высоты 0,65 м, 0,55 м и 0,2 м, соответственно. Все насыпи сложены из земли и камня. На схематичных рисунках насыпи обозначены округлой (южный) или овальной фигурой. В нашем распоряжении есть план и разрез южной насыпи (рис. 88. II). На плане камни равномерно и неплотно рассредоточены по всей площади насыпи. В профиле камень заполняет все тело насыпи кургана, наибольшее возвышение фиксируется у западной стороны и здесь же, вероятно, можно проследить крепиду из крупных камней.<sup>396</sup>

Комплекс Егиз-Койтас, курган 5, состоял из двух меридионально расположенных каменных

<sup>393</sup> Арсланова 1975.

<sup>394</sup> Кадырбаев 1975.

<sup>395</sup> Костюков 2005, 4–7; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 59–61.

<sup>396</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 75, 76, 38, рис. 20. I, 1; Мажитов–Султанова 2010, 152–153.

насыпей. Диаметр южного кургана 8 м, высота 0,6 м. Диаметр северного 9 м, высота 0,6 м.<sup>397</sup>

Курганы комплекса Ботакара (курган 48) располагались по линии С–Ю. Южный курган имел вытянутую форму. Диаметр его по линии С–Ю 5 м, по линии З–В 10 м. Северная насыпь, тоже незначительно вытянутой формы, диаметром по С–Ю – 4 м, по З–В – 5 м. Высота 0,4 м. Несмотря на вытянутость курганов (особенно южного), указывающие на возможную позднюю потревоженность, под насыпями оказались скелеты лошади.<sup>398</sup>

Для комплекса Коктал имеется два разреза центральных насыпей (рис. 84. 2, 3). Северный курган (рис. 84. 2), по мнению М. К. Кадырбаева, содержал в себе захоронение и был разграблен, в результате чего в центре образовалось пустое пространство свободное от камней.<sup>399</sup> Однако по мнению челябинских археологов, здесь имела место каменная оградка, типичная для ряда курганов с «усами», под которой, на древней поверхности, помещался инвентарь.<sup>400</sup> Действительно, недавно опубликованный комплекс Атасу-2 (рис. 61. 2) полностью соответствует этой ситуации, тем более что в обоих памятниках были обнаружены золотые украшения в полихромном стиле.<sup>401</sup>

Следующий тип IIb включал две центральные насыпи. Как уже обсуждалось выше, общая планиграфия соответствует типу IIa, с той разницей, что один из курганов возведен на насыпи более ранней эпохи, либо ранняя насыпь была переоборудована для ритуальной площадки кургана с «усами». В Центральном и Северном Казахстане к данному типу отнесены Карамурун (курган 4) и Большое Чебачье, соответственно (рис. 98; 99).

Комплекс Карамурун, курган 4, состоял из двух каменных насыпей (рис. 98. 1, А, Б). Северный курган (А) незначительно вытянут с севера на юг (диаметр 10 × 9 м, высота 0,6 м), южный –

диаметром 9 м с незначительной насыпью. Под северным обнаружены обломки глиняного сосуда на древнем горизонте и могильная яма с костяной иглой I тыс. до н. э. (рис. 98. 2) Под южным (Б) обнаружен сосуд и следы огня без следов погребения. Общая планировка центрального сооружения напоминает единовременный комплекс типа 3 (по А. З. Бейсенову), однако приводимые планы показывают, что комплекс курган с «усами» был сооружен на площадке среди курганов раннего времени, а «усы» своими западными конечностями направлены в сторону южного кургана<sup>402</sup> (рис. 34. II; рис. 98. 1). Северный курган, видимо, также был использован в данном ритуальном действии, от которого остался установленный керамический сосуд.

Две насыпи комплекса Большое Чебачье расположены вплотную, так что насыпи сливаются (рис. 99. 1). Под насыпью южного кургана вскрыта могильная яма с предметами времени ранних кочевников. Насыпь северного кургана содержала сосуд и кости животных на древнем горизонте.<sup>403</sup> Это аналогичный предыдущему случай, когда насыпь более раннего времени использована позже – при создании кургана с «усами».

Немногочисленные памятники типа IIc почти не исследовались. Комплекс Кызылшилик (курган 2) состоял из большого кургана диаметром 25 и высотой 1,8 м (рис. 115. 2). По периметру кургана на расстоянии 7 м от насыпи проходит внешняя ограда, составленная из вертикально установленных плит. Первый малый курган, диаметром 10 и высотой 0,6 м, вплотную примыкает к большому с юго-востока. Второй малый курган (2б) сооружен на некотором расстоянии от большого. Следует заметить, что кольцевая ограда была разобрана в том месте, где располагались малые насыпи. По мнению А. З. Бейсенова, это могло произойти сразу (или в течение непродолжительного времени) после возведения боль-

<sup>397</sup> Кадырбаев 1959а, 186.

<sup>398</sup> Маргулан и др. 1966, 345–346.

<sup>399</sup> Кадырбаев 1959, 90–91.

<sup>400</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 63.

<sup>401</sup> Бейсенов и др. 2018.

<sup>402</sup> Кадырбаев 1966, 355–356, рис. 48; 49.

<sup>403</sup> Грязнов 1956, 9–10.

шой насыпи,<sup>404</sup> хотя, мы полагаем, что для этого утверждения нужны более веские основания.

Тип Ша состоит из трех центральных насыпей. В Южном Зауралье к нему относится комплекс Солончанка I, в Центральном Казахстане – Карасай (рис. 93; 97). По поводу последнего известно, что раскопан лишь один курган (южный), диаметром 11,7 и высотой 0,25 м.<sup>405</sup>

Три центральных насыпи комплекса Солончанка I были вытянуты по линии С–Ю (рис. 93. 2; рис. 140. 1). Центральный курган (курган 2) представлял собой сложную конструкцию, состоящую из каменной насыпи и окружающей ее каменной кольцевой оградки. Внутреннее сооружение имело неправильную шестиугольную форму со сторонами от 3 до 4,5 м, общим диаметром 7 м. Наиболее выразительно прямизна границ прослеживается с западного, юго-западного и юго-восточного края. Сложено это сооружение из 3–4 слоев камней различного размера (преобладающим является размер камней 0,4–0,6 × 0,25–0,35 м). Наиболее крупные камни располагались по краям конструкции и в нижнем слое, лежавшем непосредственно на древней дневной поверхности. Все это сооружение окружалось оградкой неправильной шестиугольной формы со сторонами от 4,5 до 6 м, общим диаметром 12–12,5 м. Наиболее четко, в виде прямой линии, зафиксирована внутренняя часть ее южной стороны. Углами оградка ориентирована на З, СЗ, СВ, В, ЮВ, ЮЗ. Ширина каменного кольца колебалась от 0,9 м до 2 м. Камни ограды лежат нерегулярно. В восточной стороне в ней фиксируется разрыв шириной 1 м. В отличие от центрального сооружения, оградка сложена из одного (изредка двух) слоев камней, также уложенных на древнюю дневную поверхность. Ориентировка углов центрального сооружения и оградки не совпадают – углы сооружения направлены приблизительно на середины сторон оградки. Расстояние от центрального сооружения до оградки колеблется от 0,65 до 1,85 м, увеличиваясь с запада на восток. На ЗЮЗ центральное сооружение смыкается с оградкой

короткой каменной перемышкой шириной около 3 м. Такая же перемышка шириной около 2 м отмечена и на ССВ конструкции.

Крайние насыпи (курганы 1, 3) представляли из себя более простые, подквадратные каменные конструкции, ориентированные углами по сторонам света. Для южного кургана (курган 1) отчетливо фиксировались северо-восточная и юго-западная стороны, а также северный, восточный и западный углы. Восстановленные размеры составили 5,5 × 5,5 м, при высоте 0,6 м. Сложена конструкция не менее чем из 4–5 слоев камней. Наиболее крупные плиты и плитообразные камни отмечены по краям сооружения; центр насыпи заполнен, преимущественно, камнями мелкого размера.

Размеры кургана 3 (северный) были меньше, чем южного, и составили 4,5 × 4,5 м при высоте 0,7 м. Для кургана четко зафиксированными оказались северо-западная и северо-восточная стороны, а также западный и северный углы. Насыпь сложена из 4 слоев камней. Так же, как и в кургане 1, крупные плитообразные камни располагались по краям сооружения, но со смещением в северо-западный сектор.<sup>406</sup>

Единственный комплекс типа ШЬ из Южного Зауралья представлен курганом с «усами» Крутая Гора. Он, как и Солончанка I, состоял из трех насыпей, выстроенных по линии С–Ю. Расположенный в центре курган был сооружен на разрушенной насыпи эпохи бронзы, в его западной половине. Курган комплекса с «усами» представлял собой каменную конструкцию (панцирь), сложенную из 3–4 слоев камней (0,4–0,5 м) в центральной части и менее мощной к краям (рис. 101. 1). Общий диаметр конструкции 8 м (по плану 6 × 4 м), западная половина частично разрушена. Центральная часть каменного панциря слегка прогнулась вниз (очевидно, из-за собственного веса в грунт, разрыхленный грызунами). Форма насыпи могла быть четырех- или многоугольной. Прямизна края прослеживаются в ЮВ и СВ части периметра. В насыпи, преимущественно ближе к южному и северному

<sup>404</sup> Бейсенов–Касеналин 2018, 89.

<sup>405</sup> Кадырбаев 1958, 103.

<sup>406</sup> Любчанский–Тайров 1999, 7–14; Любчанский 2006, 390–391.

краям видны камни более крупных размеров и продолговатых пропорций. Ровик, окружающий каменную конструкцию, относился к насыпи эпохи бронзы. Курган 1 (южный), диаметром 7 м, высотой 0,7 м, представлял собой аналогичный предыдущему каменный панцирь мощностью до 0,6 м (4–5 слоя камня) в центре. Ближе к полам наблюдается постепенное уменьшение мощности кладки. Насыпь представляла собой четырехугольную (трапециевидную), а, скорее всего, пятиугольную в плане фигуру, в которой можно проследить прямую северную (около 5 м), ЮЗ (около 5 м), СВ и ЮВ (около 3 м каждая), западную (около 2 м) стороны. Среди каменного материала обнаружены камни продолговатых пропорций, локализующиеся по краю насыпи, в западном, северном и СВ секторах. Северный курган, насыпь которого сильно повреждена в результате добычи камня, не исследовался.<sup>407</sup>

Не менее интересные и оригинальные архитектурные элементы можно проследить на нескольких комплексах с восточных склонов Мугоджар.<sup>408</sup> Они не исследованы, однако тоже заслуживают описания. Центральный курган комплекса Бала-Талдык, диаметром 9 м и высотой менее 1 м, сложен из каменных глыб (рис. 8. 1). В плане имеет округлую форму и углубление в центральной части. По периметру курган окружен «лучами» – примыкающими радиальными выкладками из мелких камней длиной 0,65–0,8 м. В нескольких метрах к западу от центрального кургана находится куча камней диаметром 3 м. В 6 м к западу-юго-западу находилось еще одно скопление камней, трактованное как антропоморфная выкладка: «имеет общую продолговатую форму с круглыми дугообразными выступами по бокам, напоминающим оттопыренные уши, два углубления среди камней соответствует глазам, несколько камней обозначают положение рта, а внизу лица, в направлении центрального кургана, клинообразный выступ бородки из камней. Ось каменного портрета, ориентирована под острым углом к оси могильника».

Шийлисай состоял из двух округлых в плане курганов с размерами 0,7 × 9 м (западный) и 0,8 × 7 м (восточный) (рис. 8. 3). Расстояние между курганами составило 3 м. От основания обеих курганов во все стороны отходят «лучики». К северо-западу и юго-западу от западного кургана находятся небольшие скопления камней.

Комплекс Табылгысай состоит из двух курганов (рис. 8. 11). Западный курган имеет диаметр 9 м, высоту 0,7 м, второй расположен в 3 м к востоку. Его размеры составили: диаметр 7 м, высота 0,8 м. По основанию восточного кургана, на небольшом отдалении наблюдается неравномерный разброс мелких камней, связанные между собой редкой цепочкой более крупных камней. Кроме того, к северу и юго-востоку от восточного кургана находились две небольшие каменные кучи.

Интересную картину демонстрирует комплекс Кайракты II, состоящий из меридионально расположенных двух курганов одинаковых параметров (диаметр 8 м, высота 0,1 м) (рис. 8. 6). От обоих курганов в северо-восточном направлении отходят гряды. От южного кургана во внутреннее пространство «усов» отходят три небольшие длиной от 6 до 10 м каменные валы. К этому же кургану с юго-западной стороны примыкает небольшой каменный курган диаметром 5 м и высотой 0,1 м. Помимо этих лучеобразных элементов оригинальность ансамблю придает общая планировка: два кургана расположены на значительном удалении друг от друга и при просмотре сверху создается впечатление, что центральная насыпь или несколько центральных насыпей вообще отсутствует, а курганы – это начала гряд. Не исключено, что запланированное центральное сооружение так и не воздвигли после того, как «усы» были готовы.<sup>409</sup>

Оригинальны восточные – тарбагатайские памятники. Комплекс Сынтас (рис. 11. 5) состоял из двух насыпей, незначительно отличающиеся диаметром (9,5 м западный, 8 м восточный), расположенных по линии З–В.<sup>410</sup> В этом же

<sup>407</sup> ИВАНОВА 1988, 44–68; ГАВРИЛЮК–ЛЮБЧАНСКИЙ–ИВАНОВА 2004, 41–43; ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ–БОТАЛОВ 2006, 70–72.

<sup>408</sup> МАМЕДОВ 2015.

<sup>409</sup> МАМЕДОВ 2015.

<sup>410</sup> ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998, 223, рис. 1. 1.



регионе представлен тип курганов с «усами» с двумя меридионально расположенными насыпями – Сок-2 (рис. 11. 4). Курганы расположены близко друг к другу, полы обеих насыпей почти касаются друг друга.<sup>411</sup> Комплекс Шалкак (рис. 11. 2) включает одну центральную насыпь значительных размеров (диаметр 30 м, высота 2 м). От кургана отходили тоже значительных размеров гряды. Во внутреннем пространстве гряд находится еще один большой курган (диаметром 40 м) и не исключено, что оба кургана были сооружены в более раннее время, а затем использованы для постройки «усов».<sup>412</sup> Комплексы Байгали-4 и Жиланды-2 были устроены вблизи курганов с кольцевыми оградками. Байгали-4 (рис. 11. 3) пристроен с юго-восточной стороны от большого кургана, малый и начало его гряд находится во внутреннем пространстве кольцевой ограды, а оставшийся отрезок гряд – за ее пределами. Кольцевая ограда, судя по плану, не разомкнута.<sup>413</sup> Комплекс Жиланды-2 (курган 12) находится в составе большого могильника (рис. 11. 1). Курган с грядами расположен вплотную к кургану с кольцевой оградой, находясь с его СВ стороны.<sup>414</sup>

Таким образом, при всем разнообразии форм и конструкции, неизменным остается использование камня. Обычно камень составляет основу тела насыпи и полностью заполняет его. Выявлено два способа формовки. Первый – каменный наброс, наиболее мощный в центре и постепенно уменьшающийся к краям: Оленина Отнога, Суходол (?), Зевакино (курган 3), Новоактюбинский, Сарбулат-1. Второй – ограды, мощные по краям и уменьшающиеся к центру: Кызыл-Жар, Городищенское IX, Атасу-2, Новокудуровский, Султантемировский, Медес, Кызылтас (курган 2), Унирек. В тех случаях, когда удавалось установить расположение камней отмечено, что наиболее крупные лежали по краям, выполняя роль крепиды.

Необходимо отметить несколько случаев, когда камень использован в малом количестве

(Каргалы II, Кайнсай, Селенташ, Рымникский). В комплексах Каргалы II и Кайнсай это можно объяснить сооружением центральной площадки комплекса с «усами» на кургане более ранней эпохи. Рымникский и Селенташ, судя по полевым материалам, сооружены автономно, так что их грунтовая основа является редким проявлением архитектуры среди всех курганов с «усами».

Несколько слов о форме насыпи. Нам кажется, что многоугольность конструкции продиктована не столько ритуальным характером, сколько техническими особенностями формовки насыпи при ее сооружении. В ряде случаев прослежена локализация крупных камней по краю насыпи – крепида, что также отражает первоначальное оконтуривание площадки, которое впоследствии было заполнено другими камнями.

Центральный курган мог сопровождаться дополнительными вымостками, из которых особенно показательна практически ровная прямоугольная пристройка на комплексе Солончанка IX. Сложную конструкцию имеет центральная насыпь соседнего комплекса Солончанка I, окруженная дополнительной кольцевой каменной оградкой. Размеры центральных насыпей в среднем составляла 5–10 м при незначительной высоте, что характерно для всей территории распространения курганов с «усами». Что касается комплексов типа «с», то здесь следует обратить внимание на резкую разницу архитектуры большой (ранней) насыпи и пристроенного к нему кургана с «усами». Размеры первой достигали 20 и более, при высоте 1,5 м, что также свидетельствует о различиях архитектурных традиций населений раннего железа и средневековья. Разновременность особенно хорошо подтверждается установленными фактами разборки ранней кольцевой ограды (37 воинов, Назар, Тандайлы, Кызылшилик). Вероятней всего, помимо несомненного ритуального смысла, старые насыпи использовались и в практических целях – в качестве наиболее доступного и простого источника каменного строительного сырья.

<sup>411</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998, 223, рис. 1. 3.

<sup>412</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998, 223, рис. 1. 2.

<sup>413</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998, 223, рис. 1. 4.

<sup>414</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998, 224, рис. 2.

### 3.2. АРХИТЕКТУРА ГРЯД-«УСОВ»

Любой курган с «усами» включает две гряды, которые визуальны, в плане, воспринимаются как правильные дуги, формирующие пространство между «усами» в виде овала.<sup>415</sup> Однако упоминается комплекс с тремя дорожками.<sup>416</sup> Общую форму «усов» большинства памятников можно обозначить как «дуговидную». Как правило, «усы» берут начало на некотором расстоянии от центрального сооружения, и постепенно расходясь в стороны, оканчиваются на востоке. Оба «уса» в плане образуют клешневидную фигуру, примерно подчиненную симметрии. С начала исследований к «усам»-грядам применялись различные обозначения: каменные полосы,<sup>417</sup> дугообразные каменные кладки,<sup>418</sup> лучи,<sup>419</sup> каменные грядки.<sup>420</sup> Со времен М. К. Кадырбаева и в настоящее время наиболее употребимыми и устоявшимися терминами являются «усы» или гряды.

При детальном рассмотрении обнаруживается много особенностей в конструкции гряд. Одно из них то, что основным строительным материалом является камень, однако в Южном Зауралье обнаружен ряд комплексов с грунтовыми грядами. Длины гряд варьируют в широком диапазоне от 15–20 м до 400–500 м. Формы «усов» при всей общей схожести имеют различия, такие как отношение общей длины к расстоянию между восточными окончаниями гряд, степень изогнутости. На многих сооружениях прослеживается не только прямизна, но и изломанность линий или змеевидность «усов». Наконец, обнаруживаются различия в конструкции гряд. Самой распространенной является простая каменная выкладка, менее представлены цепочки оградок, пристроенных друг к другу выкладок, или коридорообразные сооружения.

Комплексы курганов с «усами», где для сооружения гряд использован камень, составляют абсолютное большинство и представлены по

всей территории их распространения. Наиболее хорошо изучены «усы» комплексов Южного Зауралья. Материалы раскопок в ряде случаев позволяют установить их структуру и способы укладки.

Северная гряда комплекса Сарбулат-1 (рис. 89. 1) представляет собой не плавную, а ломаную дугу, состоящую, по меньшей мере, из четырех сравнительно прямых линий, каждая длиной примерно по 40 м. «Изломанность» южной гряды менее выразительна. Возможно, это объясняется плохой сохранностью ее средней части. Тем не менее, заметна сравнительно резкая смена направления гряды примерно в 20 и 55 м от восточного окончания, а также примерно в 15 м от западного окончания. Никаких углублений в материке на территории гряд не зафиксировано. Камни лежат, как правило, на больших гранях, свободно, с довольно большими промежутками, в один слой. Под нижними гранями камней – погребенная почва мощностью до 0,1 м. Точно также камни уложены на всем протяжении гряды. Ее ширина непостоянна: наименьшие значения – 1,5 м, наибольшие – 4,0 и 3,0 м (северной и южной гряды соответственно); в среднем ширина равнялась 2,5–3 м и 2–2,5 м (северная и южная гряды соответственно).<sup>421</sup>

Аналогичное строение гряд было отмечено в комплексе Суходол (рис. 45. 1, 5–8). Северная гряда представляет собой не плавную, а ломаную дугу, состоящую, по меньшей мере, из трех сравнительно прямых линий, первая (начиная от западной площадки) длиной 60 м, вторая – 90 м, третья – 55 м. 15-метровый участок восточного окончания гряды резко поворачивает на ЮВ. Камни на всем протяжении гряды уложены, как правило, в один ряд. Плотность размещения камней неодинакова на всем протяжении гряды. Есть участки гряды с очень плотным располо-

<sup>415</sup> Любчанский 2006, 393.

<sup>416</sup> Археологическая карта Казахстана 1960, № 2119.

<sup>417</sup> Грязнов 1956.

<sup>418</sup> П. С. Рыков (1935); цит. по: Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 179.

<sup>419</sup> Маргулан 1949.

<sup>420</sup> Мариковский 1983.

<sup>421</sup> Костюков 2005, 10, 11.

жением камней, а на некоторых участках камни расположены с довольно большими промежутками между ними. Под нижними гранями камней – погребенная почва мощностью до 0,1 м. Камни, из которых выложена гряда, имеют в основном размеры 10–30 см, однако встречаются плиты и булыжники до 50–70 см.<sup>422</sup>

Форма гряд комплекса Новокондуровский I (рис. 48. I; рис. 49) отличалась от вышеописанных. Автор исследований И. Э. Любчанский отмечает, что их «змеевидность» является индивидуальной чертой этого памятника, но при детальном рассмотрении обнаруживаются, что гряды представляют собой те же ломаные линии с разной длиной отрезков.<sup>423</sup> Следует отметить, что комплекс Новокондуровский является единственным памятником, где гряды исследованы наиболее тщательным образом. Для исследования северной гряды было заложено 62 параллельные траншеи, для южной – 63. На протяжении гряд камни, в основном, подогнаны плотно (рис. 49. 3). В некоторых случаях, возможно из-за распашки, они лежали разбросано (рис. 49. 2). Ширина гряд с плотной кладкой варьировала в среднем 1,3–1,7 м. В некоторых случаях расширялась до 3,9 м. Стратиграфия северной гряды: гумус, мощностью 0,5–0,15 м, погребенная почва (0,2–0,5 м) и материк. Стратиграфия южной гряды включала гумус (0,15–0,25 м), погребенную почву (0,25–0,35 м) и материк. Камни залегали в пределах гумусного слоя на погребенной почве.<sup>424</sup>

В комплексе Оленина Отнога обе гряды представляли собой почти одинаковые, плавно изогнутые дуги (рис. 47. I). Исследованы площадки окончаний обоих «усов» и два участка северной гряды. Северная гряда в западном окончании была продолжением ромбовидной в плане выкладки (рис. 47. 5). Здесь она имела ширину 0,5 м. Автор исследований отмечает, что расположение камней однослойное, однако некоторые

плиты были уложены с напуском на ближнюю к площадке плиту, что свидетельствовало о порядке сооружения гряды на этом сооружении: от площадки. В 10 и 25 м от окончания гряд были заложены еще два раскопа. Ширина гряды в первом раскопе составила 0,5–0,9 м, во втором – до 1,5 м. Первоначальная ширина гряды, вероятно, составляла 0,7–1,0 м. Расположение камней на этих участках было аналогично расположению на западной площадке, т. е. в непо потревоженных местах плиты, как правило, налегали на соседние, ближайšie к западной площадке. С другой, восточной стороны, гряда также отходила от площадки и имела ширину 0,9–1,0 м (рис. 47. 6). Примечательным здесь было аналогичное взаиморасположение каменных плит: оно демонстрировало выведение гряды от площадки. Плиты, ближние к площадке, слегка перекрывались наклонно лежащими последующими камнями. Аналогичное расположение камней отмечено для южной гряды.<sup>425</sup>

В комплексе Султантемировский гряды ориентированы на север (рис. 65. I). Восточный «ус» имеет выраженную выгнутость в средней части, а западный более спрямлен. Исследованы участки обеих гряд на расстоянии 20 м к северу от центрального сооружения. Гряда восточного «уса» на этом участке имела ширину 0,5 м. Расположение камней однослойное, лишь некоторые плиты уложены с напуском на ближнюю, что свидетельствует о сооружении гряды в направлении от центральной насыпи к ее северному окончанию. Аналогичное устройство показал исследованный участок западной гряды. Окончания «усов», примыкающие к северным площадкам, также, судя по планам, укладывались в один слой или с напуском на камни (рис. 65. III, IV), лежащие ближе к площадке северного окончания гряды.<sup>426</sup> То есть здесь мы наблюдаем аналогичную строительную традицию, как на комплексе Оленина Отнога.

<sup>422</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 39–40.

<sup>423</sup> Любчанский–Таиров 2007, 161.

<sup>424</sup> Любчанский 2005.

<sup>425</sup> Костюков 1991.

<sup>426</sup> Сунгатов 2003, 218, 224, рис. 6.

Гряды комплекса Каргалы-II<sup>427</sup> также имеют простую структуру: выкладку камней (рис. 80. 1). В некоторых местах наблюдаются разрывы, однако они расположены бессистемно, так что создается впечатление о разрушении гряд в более позднее время. Форма гряд в целом дуговидная, но надо учитывать, что при их незначительной длине сложно увидеть изломы и поворотные точки.

Более сложную структуру «усов» имел комплекс Медес (рис. 53. 2). Он включал две гряды, из которых южная представляла собой ряд пристроенных вымоستок. В средней части гряды четко прослеживаются четыре вымостки, разграниченные участками, свободными от камней. Судя по всему, камни были уложены в 1–2 слоя. В северной гряде камни расположены более равномерно и ярко выраженных разрывов не наблюдается.<sup>428</sup> Можно предположить, что сооружение гряд здесь произведено двумя способами: выкладкой камней в сплошную дорожку (северная гряда) и пристроенные в цепочку отдельные вымостки (южная гряда). В плане сплошной выкладки северной гряды можно увидеть ломаную линию с двумя поворотными точками.

Комплекс Городищенский IX включал гряды с многочисленными изгибами, шириной от 3 до 7 м (рис. 50. 1). Гряды не исследованы, но можно предположить, что они представляли собой цепочки пристроенных вымосток. Исследованные участки на началах и окончаниях гряд (рис. 50. 4–7) позволяют проследить возможную конструкцию «усов». Западное окончание южной гряды (рис. 50. 5) представляло собой разрушенную ограду, которая с юго-восточной стороны не смыкалась, а переходила в два параллельных ряда камней (начало южной гряды). Пространство между камнями заполнено мелким щебнем. Другие участки (окончания северной гряды) показывают, что гряда обозначена крупными камнями.

В комплексе Кайнсай (курган 14) каменные гряды (аллеи) представляют собой цепочку подпрямоугольных или округлых оградок и выкла-

док. Восемь (диаметром 3–6 м) из них находятся в северной аллее, шесть (диаметром 2–5 м) – в южной.<sup>429</sup> На одном из исследованных участков (восточное окончание южной гряды) (рис. 75), включающий фрагмент «уса» видно, что начало гряды сформировано узкой каменной дорожкой примерными размерами 5 × 1 м и далее, после разрыва размером около 0,5 м, начинается новая каменная вымостка. Разрыв представляет собой участок свободный от камней.

Гряды комплекса Новоактюбинский I состояли из цепочек, звенья которой состояли из одного-двух каменных колец диаметром 1,3–1,9 см (рис. 52. 1). В северной гряде прослежено 57 таких конструкций, в южной – 47. Южная гряда представляла собой прерывистую дорожку, состоящую «из четырех отсеков».<sup>430</sup> Общий план конструкции позволяет говорить об изломанности гряд, состоящую из трех или четырех сравнительно прямых линий. В отличие от комплекса Городищенское IX, где гряды также сложены из цепочки пристроенных друг к другу вымосток, «усы» Новоактюбинского выложены более плавно и дуговидно. Отмечено, что в каждом кольце был установлен вертикальный камень.

Каменные гряды комплекса Солончанка IX на момент исследования оказались практически разрушены (рис. 43. 1). Однако исследования концевых выкладок позволило зафиксировать фрагменты начала «усов». От западного окончания южной гряды (рис. 44. 3) было расчищено четыре камня крупных размеров, лежащих попарно, параллельно друг другу на расстоянии 0,8 м. Пространство между этими камнями было заполнено мелким и средним камнем. После снятия верхнего дернового слоя было расчищено продолжение вышеописанной части каменной конструкции, которая плавно поворачивала на ЮЮВ и состояла из крупного камня. Начало другого, северного «уса» (рис. 44. 2) также обозначено площадкой, с северо-восточной стороны которой «наплывала» каменная гряда-«ус», сложенная из крупных камней, первоначально

<sup>427</sup> ТКАЧЕВ 1994.

<sup>428</sup> БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 32–33, рис. 16. I.

<sup>429</sup> БОТАЛОВ–ГУЦАЛОВ 2000, 203, рис. 50; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 57, рис. 38.

<sup>430</sup> ЛЮБЧАНСКИЙ–БЫТКОВСКИЙ 2006, 376.

поставленных вертикально в два ряда на материк, промежутки между ними были забутованы камнями мелких и средних размеров. Окончание северного «уса» (рис. 44. 1) обозначено каменной конструкцией, к которой с запада примыкают крупные камни.<sup>431</sup> Судя по сохранившемуся участку, гряды представляли собой не просто укладку камней, а конструкцию, напоминающую коридорообразные сооружения.

Оригинальное строение гряд показывает мугджарский комплекс Донгелексор IV (рис. 8. 12). К востоку центральной насыпи тянулись две дугообразные выкладки, на концах которых находятся небольшие каменные скопления диаметром 3,5 м (южный) и 4 м (северный). На всем протяжении «усы» дополнены еще девятью (5 у северного, 4 у южного) каменными выкладками диаметром от 2 до 6,5 м. Близкое оформление показывает тургайский комплекс Ащитасты 15, где «усы» представляют собой комбинацию из каменной выкладки шириной 2 м и небольших насыпей, диаметром 6–7 м (рис. 20. 1, 3).

Простую структуру «усов» в Центральном и Южном Казахстане достоверно удалось проследить для комплексов немногих комплексов: Канаттас, Коктал. Однако, судя по всему, они составляют большинство. Канаттас (курган 19), который включал две дуговидные (практически спрямленные) гряды. Однако судя по приведенному плану, можно заметить, что южная гряда состоит из трех относительно прямых линий (рис. 58. 1). Северная гряда тоже спрямлена, но ее изломанность, в отличие от южной практически незаметна. О структуре гряд (рис. 58. 8, 9) можно судить по раскопанному участку северной гряды – камни занимали самый верхний слой современной поверхности (впрочем, как и выкладки на их окончаниях).<sup>432</sup>

В Южном Казахстане на кургане с «усами» Коктал был исследован десятиметровый участок южной гряды. Он показал, что гряды

выкладывались на древней поверхности без каких-либо следов углубления в 2–3 слоя камней различной формы и величины.<sup>433</sup> Курган с «усами» Беркутты состоял из двух гряд, сложенные из бессистемно набросанных камней. В правом «усе» в сплошной выкладке имеются разрывы (1,5–2,5 м), образованные из-за разборки гряды в более позднее время.<sup>434</sup>

Одним из наиболее выразительных является комплекс с восточных склонов Улытау Джанайдар. Гряды представляли собой коридорообразные строения, проложенные, начиная с концевых сооружений, из параллельно вкопанных на ребро каменных плит (рис. 79. 3). Ширина между параллельно поставленными плитами 70–80 см. На всем протяжении стенки «усов» перегороджены поперечно поставленными каменными плитами на расстоянии друг от друга 1,2–1,5 м, что, по-видимому, придавало устойчивость «коридору». Согласно реконструкции (рис. 79. 4), вместе с концевыми сооружениями (о которых речь пойдет ниже, в разделе о концевых выкладках) они составляли интересный и сложный архитектурный ансамбль.<sup>435</sup>

В комплексе Шедерты (курган 2) из Центрального Казахстана гряды сложены из небольших, примыкающих друг к другу насыпей, диаметром 2–2,5 м.<sup>436</sup>

В Восточном Казахстане в комплексе Зевакино, кургане 1 (рис. 69. 1), в южной гряде прослеживается семь плотно примыкающих друг к другу округлых выкладок, сложенных из обломков гранита, белого кварца и серого сланца. Последняя выкладка в конце раздваивается, образуя как бы коридор-дорожку, свободную от камней. Очертания северной гряды менее четки, конструктивно она аналогична южной. Южная гряда другого комплекса (курган 3) состояла из пяти овальных выкладок (рис. 69. 3), примыкающих одна к другой. Северная гряда сложена из двух параллельных рядов камней,

<sup>431</sup> Любчанский–Бытковский 2005, 376–379, рис. 4. 9–4. 12.

<sup>432</sup> Кадырбаев 1959а, 180.

<sup>433</sup> Кадырбаев 1959, 91.

<sup>434</sup> Ахинжанов 1977, 77.

<sup>435</sup> Оразбаев 1969, 181–182.

<sup>436</sup> Пересветов 2001, 283; Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 207.

образующих коридорообразное сооружение. На одном участке плиты стояли одна против другой на расстоянии 40 см, без перекрытия.<sup>437</sup> Южный «ус» кургана 1 могильника Кызылтас (рис. 114. 1) состоит из пяти овальных выкладок, примыкающих друг к другу. Северная гряда более монолитна, хотя в некоторых местах заметно значительное сужение, указывающее на конструктивную особенность северной гряды. Курган 2 того же могильника включал гряды на протяжении которых фиксируются резкие сужения, свидетельствующие о том, что они состоят из ряда выкладок.<sup>438</sup>

Восточно-казахстанские комплексы имеют некоторое своеобразие, прежде всего, малую длину гряд. На этом фоне резко выделяется тарбагатайский комплекс Шаклак (рис. 11. 2). Помимо большого (диаметр 30 м) кургана, гряды комплекса имеют вид четких валообразных в сечении выкладок из колотого камня, шириной до 4 м и тянутся на расстояние до 100 м.<sup>439</sup> В том же районе известен своеобразный комплекс Сок-2 (рис. 11. 4) с практически спрямленными, возможно, слегка «вогнутыми» внутрь ансамбля грядами.<sup>440</sup>

Еще одним интересным архитектурным элементом «усов» являются вертикальные камни, стелы или изваяния. В ряде случаев они были обнаружены на грядах, их окончаниях или, находясь в непосредственной близости, входили в ансамбль кургана с «усами». Во второй половине 40-х гг. на них обратил внимание А. Х. Маргулан. В урочище Былкилдак (рис. 10. 10) он описывает комплекс, гряды которого выложены из массивных четырехгранных каменных плит. Около восточного конца южной гряды поставлена хорошо обтесанная стела высотой около 2,2 м и шириной 0,6 м. Две такие же стелы

были поставлены в небольшом расстоянии от западных краев кургана. Верхние части отбиты, а основания выступают на высоту 80–90 см.<sup>441</sup> Высокие стелы были установлены с западной и восточной стороны курганов с «усами» в горах Бегазы. Другой памятник в долине реки Джинишке (восточный склон гор Бегазы) (рис. 10. 4) состоит из большого кургана и двух углублений прямоугольной формы, окруженных каменными вымостками в виде дорожек. Большой курган занимает западную часть площади памятника, углубления – восточную. На восточных краях углублений поставлены высокие, гладко обработанные стелы, на верхней части которых, имеющей форму головы, заметны грубые черты лица. На стелах имеются знаки, напоминающие орхонское письмо.<sup>442</sup>

Комплекс Кара-Бие (курган 1) (рис. 78), включал каменные гряды с вертикально стоящими на них плоскими каменными плитами. Две такие плиты возвышались у начала каменных гряд на круглых выкладках. Длина их, исключая вкопанную часть, доходила до 1,5 м, ширина – 0,9 м и толщина 0,3 м. Помимо этого вертикальные камни были прослежены по обеим грядам этого комплекса, но гораздо меньших размеров.<sup>443</sup> На южной концевой выкладке комплекса Канаттас (курган 19) (рис. 58. 1) вкопаны три плоских гранитных плиты, такого же типа, как в кургане 1 Кара-Бие.<sup>444</sup> На протяжении гряд комплекса 37 воинов (рис. 106. 1), фиксируются вертикально установленные плиты.<sup>445</sup> По всей длине каменных гряд комплекса Сангуыр II (курган 1) (рис. 110) с различными интервалами вкопаны вертикальные камни.<sup>446</sup>

На территории святилища Мерке в Семиречье А. Досымбаева упоминает курган с «усами», который завершается выкладкой с каменным изва-

<sup>437</sup> Арсланова 1975, 117.

<sup>438</sup> Арсланова 1975, 120–121.

<sup>439</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998, 219, 223, рис. 1. 2.

<sup>440</sup> Толеубаев–Бейсенов–Омаров 1998, 220, 223, рис. 1. 3.

<sup>441</sup> Маргулан 1949, 11.

<sup>442</sup> Маргулан 1949, 11–12.

<sup>443</sup> Кадырбаев 1959а, 169.

<sup>444</sup> Кадырбаев 1959а, 179.

<sup>445</sup> Бейсенов 2015, 6.

<sup>446</sup> Кадырбаев 1961, 48–49.

янием. Интересный курган с «усами» этим же автором исследован в составе культового комплекса памятников Карагайлы 2–3<sup>447</sup> (рис. 57). Окончания гряд оформлены кольцевидными выкладками, в которых установлены антропоморфные стелы. Другая высокая антропоморфная стела была установлена в нескольких метрах к востоку от кургана и занимала центральное положение по отношению ко всей конструкции.<sup>448</sup>

Не столь выразительны зауральские комплексы. Однако благодаря детальным исследованиям, в некоторых случаях можно предполагать наличие некогда вертикально стоящих камней. При исследовании восточного окончания северной гряды комплекса Новокудуровский I в центральной части расчищено два больших удлиненных камня, лежащих недалеко от двух неглубоких ямок между камнями кладки (рис. 49. 4). И. Э. Любчанский полагает, что возможно, первоначально эти камни были поставлены вертикально. Другая яма зафиксирована к северу, за пределами каменной выкладки, но более значительной глубины – 1,2 м (размеры примерно 1,0 × 0,5 м). В центре площадки восточного окончания южного «уса» (рис. 49. 1) обнаружено углубление в камнях размерами 0,2 × 0,3 м, в котором, возможно, стоял стеловидный камень. Он обнаружен в 7 м от раскопа на пашне, размер основания камня вполне соответствует размерам углубления. Здесь же, под камнями зафиксировано 6 материковых ям, из которых особый интерес представляет яма 1. Размеры ямы 2,8 × 0,75 × 1,3 и глубиной до 0,55 м. Здесь обнаружен камень вытянутой формы (длиной 0,6 м), заваленный под углом 140° и широкой частью упирающийся в дно. Остальные 5 ям менее выразительны.<sup>449</sup>

Под северным окончанием восточной гряды комплекса Султантемировский, в центре площадки обнаружена стеловидная каменная плита длиной 1,2 м и шириной 0,4 м (рис. 65. III). Под слоем камней в том же месте в материке за-

фиксировано углубление размерами 0,3 × 0,5 м, глубиной 0,3 м. Ф. А. Сунгатов, автор исследований, полагает, что каменная стела была вкопана и первоначально находилась в вертикальном положении. В структуре окончания второй гряды ничего подобного не обнаружено.<sup>450</sup>

В восточном окончании северного «уса» комплекса Городищенское IX (рис. 50. 4), в центре, зафиксировано углубление размерами 0,5 × 0,5 м, глубиной 0,45 м. В заполнении обнаружен камень вытянутых пропорций, изначально установленный в вертикальном положении. Длина камня составляла не менее 0,5 м.

В западном окончании северного уса комплекса Суходол (рис. 45. 5), в 1,6 м западнее центра обнаружена каменная плита размерами 0,6 × 0,25 × 0,18 м. Плита и ещё четыре камня средних размеров локализируются вокруг пятна светло серого цвета овальной формы размерами 0,4 × 0,9 м и глубиной 0,3 м. Камни нижними гранями находятся ниже уровня материка. На другом конце гряды (рис. 45. 8) тоже обнаружена небольшая ямка размерами 0,25 × 0,35 и глубиной 0,25 м. В другой гряде, под западным окончанием (рис. 45. 6) практически в центре обнаружена ямка размерами 0,4 × 0,5 м, глубиной 0,25 м. Ровный материк оказался лишь под площадкой восточного окончания южного уса (рис. 45. 7).

Гряды комплекса Новоактюбинский I (рис. 52. 1) состояли из одного-двух каменных колец диаметром 1,3–1,9 м с одним стоящим или лежащим камнем в центре. В северной гряде прослежено 57, а в южной – 47 таких конструкций. «Окончание гряд-«усов» комплекса состояло из оградок с камнями, которые были уложены в два-три ряда, и в центре был вертикально поставлен менгир».<sup>451</sup>

Памятники с грунтовыми грядами зафиксированы только в Южном Зауралье (21 комплекс) и, возможно, на Тургае (10 комплексов, известные по космоснимкам). Раскопки проводились на

<sup>447</sup> Досымбаева–Нускабай 2012, 42–45.

<sup>448</sup> Досымбаева и др. 2013, 202.

<sup>449</sup> Любчанский–Таиров 2007, 160–162.

<sup>450</sup> Сунгатов 2003, 218.

<sup>451</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 376.

четырёх комплексах, из которых только на двух раскопаны участки усов (Солончанка I, Крутая Гора, Селенташ, Рымникский, возможно, Кызыл-Жар). С точки зрения общей планиграфии они ничем не отличаются от каменных «усов».

Гряды Солончанка I представляли собой валообразные сооружения шириной в среднем 8–10 м (рис. 93. 1). С внешней стороны обоих валов примыкает по одной округлой земляной площадке. Северный «ус» в плане представляет собой равномерно изогнутую дугу. Южный «ус», в большей части своей длины идет практически по прямой, а в восточной стороне резко загнут в сторону северного «уса». Северный вал исследован 7 траншеями. Ширина вала-«уса» в западной части – 7,5 м, в восточной – 9,8 м, в срединной части достигала 6,8 м. В средней части зафиксировано, что первоначальная насыпь была сложена в котловане, полученном после подрезки древней поверхности на глубину до 0,25 м. По краям валов фиксировались ровики – подрезка древней поверхности, в большинстве случаев не доходящая до материка. Одна из траншей задела округлую площадку с внешней стороны вала-«уса». Там обнаружена яма, размерами 2,02 × 0,8 и ориентированная по линии СЮ, без каких-либо материальных находок. В траншее 6 зафиксировано, что подрезка древней почвы (для создания вала) произведена лишь с юга, то есть с внутренней части комплекса. Для этого участка отмечена наименьшая ширина северного уса – 6 м.<sup>452</sup>

«Усы» комплекса Крутая Гора (рис. 100) сооружались как из камня, так и из дерна. Южная гряда представляет собой выкладку из небольших кусков рваного камня с максимальным весом в 4–5 кг. Имеет вид разреженной дугообразной цепочки, оканчивающуюся круглыми вымостками до 2 м в диаметре. На некоторых участках южной гряды (рис. 100. траншея 4) зафиксированы скопления камней, имеющие аморфную форму. В структуре северной гряды (рис. 100. траншеи 1, 2) отмечено использование как камня, так и грунта. Цепочка камней, идущая от

восточного окончания северной гряды, переходит в дерновое валообразное сооружение вплоть до своего западного окончания. Ширина вала достигает 5 м, а высота 0,2 м. Западное окончание представляет собой округлую площадку – расширение вала. Аналогичное расширение содержала середина северного «уса». По сторонам северного вала отмечены три ровикообразных углубления, оставшиеся в результате выборки грунта для сооружения «уса». Два ровика зафиксировано с внутренней стороны, практически по всей длине, один – с наружной.<sup>453</sup>

Гряды кургана с «усами» Рымникский сохранились плохо (рис. 46. 1), имели незначительную высоту и в значительной степени фиксировались по полосам с растительностью иного оттенка. Удалось отметить и ямы выборки грунта для сооружения гряд – два для северного и один для южного уса. В отличие от комплексов Солончанка I и Крутая Гора ямы находились только на внешней стороне гряд. Однако для этого утверждения необходимы дополнительные исследования.<sup>454</sup>

Грунтовые гряды присутствовали в комплексе Кызыл-Жар, правда, их удалось «восстановить» только на кабинетном этапе. При раскопках они не фиксировались, однако взаиморасположение раскопанных курганов позволяет рассматривать их как комплекс с «усами».<sup>455</sup> Возможно, грунтовую структуру имели гряды комплекса (или двух комплексов) Селенташ, которые оказались разрушены распашкой (рис. 86).

Несколько слов хотелось бы добавить по поводу формы гряд. Как видно на примере многих памятников, степень изогнутости «усов» или их форма не всегда были одинаковыми (рис. 8–11). Неизменным остается лишь общий «планиграфический канон» – придание дуговидности отходящим от центрального кургана дорожкам. В одних случаях изгиб может быть равномерным на всем протяжении гряды и дуга в данном случае имеет симметричную или почти симметричную форму (рис. 47; 57; 85; рис. 136. 431).

<sup>452</sup> Любчанский–Таиров 1999, 15–18.

<sup>453</sup> Гаврилюк–Иванова–Любчанский 2004, 42.

<sup>454</sup> Грудочко 2013.

<sup>455</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 40–42.



Известны и почти спрямленные формы гряд (рис. 11. 4; рис. 53; 58; 63; 72; 106; 112).<sup>456</sup> В других случаях, в форме «уса» можно увидеть ломаную линию с двумя поворотными участками (рис. 45; 52; 61; 78). Поворотные участки фиксируются резкими загибами, отрезки между которыми имели одинаковую или разную длину. В ряде случаев можно наблюдать спрямленную грядку, которая после 2/3 своей длины имеет заметный или резкий загиб во внутреннюю сторону комплекса (рис. 52; 78; 106). Из общего ряда выбивается мугоджарский комплекс Милыаша (рис. 8. 9), концы «усов» которого имеют ярко выраженный загиб во внутреннее пространство, а также «зеркальный» по планиграфии тарбагатайский Сок-2, имеющие спрямленные, или даже вогнутые «усы» (рис. 11. 4).

Сочетание в одном комплексе гряд с разными планировочными формами, на наш взгляд, может иллюстрировать особенности «инженерно-проектировочных» работ. Допустим, что на первом этапе была сформирована одна гряда с равномерным изгибом. Второй гряде необходимо было придать форму, симметричную первой (уже сооруженной). Однако сделать это, при отсутствии определенных технических инженерных оснащений сложно. Видимо, этим и объясняются резкие загибы на многих комплексах, когда направление «уса», после сооружения определенного участка, приходилось корректировать. Можно предположить, что в этих комплексах первой сооружалась «аккуратная» гряда, а затем под нее «подгонялась» вторая. Резкий поворот, в таком случае, можно считать конечной стадией формирования гряд. В то же время известен ряд комплексов с «аккуратным» симметричным расположением гряд.

В некоторых комплексах можно обратить внимание на асимметрию расположения начала (западных) гряд (привязанные к центральному сооружению). В комплексе Джанайдар первой, по-видимому, была сооружена северная гряда, затем сооружена восточная площадка южной гряды, от которой «ус» подводился на запад к

центральному сооружению (рис. 79. 1). На общем плане видно, что южная гряда в западной стороне скошена внутрь комплекса. Впрочем, это может быть связано с тем, что здесь была использована более ранняя насыпь. Похожую асимметрию (из-за разновременности объектов) можно наблюдать в комплексе Карамурун (рис. 34. 2; рис. 98. 1).

Подробнее остановимся на комплексе Сарбулат-1 (рис. 89) и на наблюдениях автора исследований В. П. Костюкова. В южном «усе» этого комплекса «заметна сравнительно резкая смена направления гряды примерно в 20 и 55 м от восточного окончания, а также примерно в 15 м от западного окончания. Относительно упомянутого выше обособленного положения западной площадки можно заметить, что оно, вероятно, является результатом уточнения правильного места локализации площадки, сделанного после того, как собственно гряда уже была сооружена».<sup>457</sup> Приведем наблюдения еще одного участника исследований кургана с «усами» Сарбулат-1 географа С. Г. Захарова. «Предположительно, после закладки кургана северная гряда прокладывалась первой; ориентируясь по кургану и уже проложенной северной «маркированной» гряде легче было вымостить южную гряду. Выкладка хорошо заметным белым кварцем дальних от кургана площадок, с одной стороны, могла служить для уточнения геодезических работ при прокладке гряд, с другой стороны, для наблюдателя с кургана легче было видеть конечные точки гряд. Это особенно важно, если курган и концевые площадки представляли собой древнюю календарно-пространственную систему».<sup>458</sup>

Иное планировочное решение и последовательность сооружения гряд отмечена в комплексе Оленина Отнога (рис. 47. 1). Здесь, по-видимому, после разбивки площадки памятника, гряды выкладывались из центра навстречу окончанием. Тщательно проведенные разбивочные работы отразились на общем плане памятника: оба «уса» равномерно изогнуты и практически симметричны. Для комплекса Султантемировский

<sup>456</sup> См. также комплекс Куланутпес (МАРГУЛАН 1949).

<sup>457</sup> Костюков 2005, 11.

<sup>458</sup> Костюков 2005.

(рис. 65) задокументирован третий способ направления гряды-выкладки. Гряды выкладывались от центрального сооружения в сторону их северного окончания.

Подытоживая обзор архитектуры «усов» необходимо отметить следующее. Основным строительным материалом для создания гряд, как и центральных насыпей, был камень. Это является объединяющим признаком курганов с «усами» всех территорий. Грунтовые гряды являются отличительной особенностью зауральской группы памятников и пока не встречены в других регионах. В конструкции «усов» прослежено три способа их сооружения, из которых наиболее популярный – простая укладка камней, в 1–2, реже в 2–3 слоя, не ниже уровня древней поверхности. Менее распространены коридорообразные сооружения и цепочки из пристроенных выкладок. Последние в редких случаях могли представлять значительно разреженные вымостки, соединенные обычными каменными дорожками. В нескольких случаях зафиксированы сочетания различного оформления «усов»: коридорообразных строений и пристроенных выкладок (Зевакино, Медес) (рис. 53; рис. 69. 3). Фигуры гряд в плане, при всей схожести оформительских канонов, имели разные пропорции и отражают, вероятно, сложности и особенности «проектировочных» работ. Одним из ярких элементов строения гряд или их окончаний является наличие вертикальных камней или стел. Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные черты, способы и элементы постройки (кроме грунтовых) отмечены для курганов с «усами» на всей территории их распространения, что ярко иллюстрирует общие закономерности их устройства и общность традиций оставившего их населения.

Как мы увидели, конструктивные особенности гряд определяются только в результате

непосредственных археологических раскопок, которые проводились далеко не на всех памятниках. Несмотря на это, существует довольно простой способ проследить региональные особенности и различия практически всех курганов с «усами», проанализировав длины гряд (табл. 3). Из 610 длины известны для 503 комплексов (100%). Мы их разделили на 4 группы по диапазону длин: 0–49 м (136 комплекса / 27%); 50–99 м (190 / 38%); 100–150 м (113 / 22%) и более 150 м (64 / 13%). На Южном Урале (71 доступных памятников) наиболее распространены гряды длиной «50–99 м» и «100–150 м» (35% и 38%, соответственно) и всего 6 комплексов (9%) имели длину «0–49 м». На Тургае (116) соотношение примерно такое же, вместе с тем самые короткие «усы» имеют уже 11 комплексов (9%). Другое распределение иллюстрируют памятники Центрального Казахстана (237). Большинство (98) имело самые короткие гряды (41%) и гряды длиной 50–99 м (40%). Более 100 м составляют 11% и 8% памятников. Надо полагать, что различия между западными (Южное Зауралье, Тургай) и восточным (Центральный, Восточный Казахстан) памятниками иллюстрируют аналогичную ситуацию с распределением их по типам (см. раздел 2.3.). По нашему мнению, это можно объяснить тем, что в новой среде обитания менялись некоторые каноны строительства, связанные с автономизацией сооружения курганов с «усами» по мере продвижения на запад. Таким образом, можно закономерно предположить и относительную хронологию курганов с «усами»: более ранние на востоке и более поздние на западе. Однако здесь следует помнить, что это было постепенное освоение кочевниками степных пространств, поэтому архитектура, форма «усов» и обряд в общих чертах оставались неизменными на всех территориях.

### 3.3. ПРОБЛЕМА ТЕХНОЛОГИИ И СТРОИТЕЛЬСТВА КУРГАНОВ С «УСАМИ»

Камень был основным строительным материалом для создания курганов с «усами» на всей территории их распространения. Описывая каменные курганы Центрального Казахстана,

М. К. Кадырбаев отмечал: «Выходы на поверхность коренных пород с большим количеством естественных россыпей, которыми так богат мелкосопочник, обеспечивали древнее насе-

ление необходимым материалом для сооружения таких курганов».<sup>459</sup> Как уже было сказано, большинство курганов с «усами» расположено в зонах пенеplена или древних горных стран (главным образом, Зауральский пенеplен, Казахский мелкосопочник).

Привлечение геоархеологии может служить дополнительными источником в изучении курганов с «усами». В частности, мы предполагаем, что обследование горных пород в составе памятника, а также поиск места сбора каменного сырья, помогут выявить особенности процесса строительства, трудозатраты, знания и навыки архитектурно-строительного дела. То есть те стороны жизни, которые напрямую связаны, прежде всего, с практикой и технологическими возможностями, нежели с ритуалом или духовной сферой.

Здесь мы хотим представить два памятника, на которых проводились геоархеологические исследования. Оба расположены в микрорайоне Каменный Амбар (Карталинский район Челябинской области): Сарбулат-1 и Суходол (рис. 45; 89). В исследовании комплекса Сарбулат-1 принимал участие географ С. Г. Захаров, которым сделано петрографическое описание памятника.<sup>460</sup> Суходол, раскопанный в сезонах 2005 и 2006 гг. под руководством С. Г. Боталова и С. В. Маркова,<sup>461</sup> был, в том числе, обследован геологом В. Ю. Никольским. Им были определены горные породы в составе памятника и обследована поверхность правого борта долины р. Карагайлы-Аят. Установлено, что элементы кургана с «усами» Суходол сооружены из глыб различного размера и формы, представленными местными породами. В 2014 г. по инициативе В. Ю. Никольского была организована еще одна экспедиция на местонахождение памятников Суходол и Сарбулат-1 для детального обследования геологической ситуации и привязки к ней литологии конструкций курганов. Задачи геологического обследования курганов с «усами»

включали: 1. идентификации горных пород и установление закономерности их расположения в составе комплекса курган с «усами»; 2. обследование приуроченной к памятнику местности с целью обнаружения возможных источников сырья для строительства памятника; 3. подсчет массы и объема каменного сырья, затраченного на строительство курганов с «усами» и попытка восстановить технологический процесс, затраты труда и время на их сооружение.

Геоморфологически курганы с «усами» Суходол и Сарбулат-1 расположены в восточной части Зауральского пенеplена, который характеризуется сильной изношенностью рельефа и широким распространением химических кор выветривания, покрывающих почти сплошным достаточно мощным чехлом водоразделы. Лишь вдоль современных речных долин целостность этого чехла нарушается и на дневную поверхность выведены неизменные или слабо измененные выветриванием коренные породы.

Междуречья представляют собой почти плоскую, местами слегка всхолмленную равнину, слабо наклоненную к востоку. Переходы от водоразделов к речным долинам нечеткие, через пологие сильно задернованные, слегка выпуклые склоны. Речные долины имеют значительную ширину и хорошо разработаны. Мезозойские депрессии в результате сношенности рельефа выражены в современном рельефе слабо и фиксируются по наличию древних отложений. Олигоценая речная сеть в значительной степени наследует мезозойские депрессии.<sup>462</sup>

Район сложен разнообразным комплексом осадочных, вулканогенных и метаморфических пород широкого возрастного диапазона на границе Восточно-Уральского палеорифта и Зауральского поднятия, прорванных многочисленными интрузиями гранитоидов, дайками мелкозернистых гранитов, гранит-порфиров и интенсивно меланжированными серпентинитами с многочисленными телами габброидов.<sup>463</sup>

<sup>459</sup> Кадырбаев 1959а, 163.

<sup>460</sup> Костюков 2005.

<sup>461</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 39, 40.

<sup>462</sup> Сигов–Шуб–Гузовский 1968.

<sup>463</sup> Тевелев и др. 2004.

Отложения мезозоя и кайнозоя распространены широко и представлены разнообразным комплексом континентальных покровных рыхлых образований. В течение мезозоя и большей части палеогена слабые тектонические поднятия компенсировались денудацией. Основные поднятия произошли в неотектонический (неоген-четвертичный) этап на 200–250 м.

Курганы с «усами» Сухолодол и Сарбулат-1 расположены в правом борту реки Карагайлы-Аят (система рр. Аят–Тобол). Ширина долины по тыловому шву уровня поймы от 290 до 360 м. Поперечный профиль долины относительно симметричный, V-образный. Высота уступа первой надпойменной террасы 5–10 м; она наклонена в сторону русла и постепенно переходит в водораздельное пространство. Современное русло извилистое, ширина его достигает 10 метров, глубина около 2 метров. Дно русла заилено. Берега заросли камышом и фрагментарно тальниковым кустарником. На дистанционных снимках наблюдаются прарусловые ответвления и старицы, создавая петельчатый его рисунок. Абсолютные отметки уреза воды в пределах исследованной территории 300–286 м.

Левый берег относительно крутой, высотой до 5 м, эрозионный – с выходами в разной степени выветрелых гранитов (на западе) и черных сланцев с жилами молочно-белого кварца (на востоке). Берег постепенно переходит в водораздел с денудационной поверхностью, с многочисленными небольшими коренными и глыбово-щебнистыми выходами местных палеозойских пород.

Правый берег более низкий, представлен двумя поверхностями. Первая начинается от русла реки – аккумулятивная до тылового шва имеет уровень поймы уральских рек. Сложена преимущественно делювиальными и делювиально-пролювиальными глинами и суглинками верхнего неоплейстоцена (d и дрIII) коричневато-бурыми, бурыми карбонатизированными по массе, неравномерно содержащими в своем составе алевриты, пески, дресву, щебень. Мощность этих отложений составляет первые метры. В западной части исследованной территории эти отложения от-

сутствуют, и на поверхность выходит дресвяная кора выветривания гранитов.

Правый борт долины имеет четкий вид уступа осложненного (прорезанного) поперечными логами, в незначительной части сложенными пролювиальными отложениями голоцена (рIV), представленными коричневато-бурыми глинами и суглинками с большим количеством дресвы и щебня местных пород. При выходе на низкую первую поверхность создают конусы выноса. Уступ правого борта наклонный под углом естественного откоса (около 45°), слабо задернован, часто с коренными и глыбовыми выходами местных пород, которые продолжают на водоразделе (вторая поверхность – аккумулятивно-денудационная). Водораздел, имеющий высотные отметки 370–387 м, осложняют многочисленные поперечные лога, ориентированные веерообразно и направленные в сторону русла. Таким образом, перепад высот от уреза воды в реке и водораздела составляет около 80 м.

Подобное строение поверхности территории началось в верхнем плиоцене, когда началась перестройка речных долин восточного склона Урала, и окончательно оформилось в конце верхнего неоплейстоцена и начале голоцена, которое и существовало в археологические доисторические эпохи, в том числе и при сооружении курганов с «усами». И более того благодаря такому строению территории была возможность их сооружения.

Комплекс курган с «усами» Сухолодол состоял из центральной каменной насыпи, двух дугообразных каменных гряд («усов»), протянувшихся от насыпи в восточном направлении, и каменных вымосток на их началах и окончаниях. Диаметр центральной насыпи 12 м, высота – 0,15–0,2 м. Состояла она из камней разного размера, уложенных в 1–3 слоя. Мощность слоя камней возрастала от периферии насыпи к её центру. Длина северного «уса» по дуге 203 м, южного 185,5 м или по прямой, соответственно, 194,5 и 172 м. Ширина гряд от 1 до 2,5 м (в среднем, 1,8 м) Площадки на концах усов имели подпрямоугольную форму размерами от 4 × 4,5 до 5,5 × 6 м или округлую – западная площадка южной гряды диаметром 4 м.<sup>464</sup>

<sup>464</sup> Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 39–40.

Гряды представляли собой чередование интервалов, сложенных глыбами различного литологического состава типа «зебры». Слагающие породы правого борта долины реки тоже чередуются, сменяя друг друга в широтном направлении, а «усы» комплекса Суходол вольно или невольно повторяют литологию правого борта (рис. 11б. I, II). Весь комплекс сложен из камней 4 видов пород: гранит, габбро, базальт и кварц. Технические и геологические параметры кургана с «усами» Суходол приведены в (табл. 4). Обращают на себя внимание восточные окончания обеих гряд, выложенные белым кварцем. Вполне возможно, они могли быть ориентиром при формировании «усов» на стадии строительства. Если это верно, то выкладка «усов» происходила только после того, как были сложены окончания (вспомним технику выкладки комплексов Оленина Отнога и Султантемировский: раздел 3.2.).

Состав работ при сооружении комплекса Суходол выглядел следующим образом: сбор каменного материала (рис. 11б. в), возможно складирование его в бурты или сразу погрузка в транспортное средство, доставка каменного материала на место сооружения памятника (рис. 11б. б), выгрузка – возможно сразу выкладка конструкций, возвращение за каменным материалом. При сооружении кургана с «усами» наверняка применялся гужевой транспорт, т.к. многие камни невозможно было перенести вручную из-за их габаритов и веса на расстояние около 1,5 км: от места сбора до места сооружения кургана. Теоретически, коллектив людей, участвующий в строительстве, был разделен на группы по специализациям: 1. сборщики и грузчики камня; 2. люди, управлявшие лошадьми и доставлявшие строительный материал на место; 3. «строители». Предположим, что сборщикам и погрузчикам камней отводились участки на местности, имевшие различный литологический состав. Поэтому при доставке и сооружении кургана получилось чередование интервалов, состоявших из

различных пород. Судя по ассортименту в кургане с «усами» пород, существовало 4 «бригады». В составе каждой «бригады» были сборщики и транспортировщики с лошадьми. Не исключено и то, что транспортировщики работали автономно и подъезжали к тем местам сборки, где каменный материал был готов к погрузке.

Мощность (работоспособность) одной лошадиной силы равна 75 кгм/сек, что означает мощность, затрачиваемая при равномерном вертикальном поднимании груза массой в 75 кг со скоростью 1 м/с или 75 кгм работы в 1 секунду.<sup>465</sup> Это же значение можно представить как 4500 кгм/мин или 270 тм/ч. Работоспособность человека в возрасте от 20 до 49 лет в среднем составляет от 11,6 до 16,6 (среднее 14,1) кгм/мин на 1 кг массы тела. Принимая 60 кг в качестве среднего значения массы тела получаем работоспособность равную 846 кгм/мин или 14,1 кгм/с (50,76 тм/час).<sup>466</sup> По другим данным, человеческая работоспособность того же возраста в показателях ниже среднего колеблется от 500 до 700 (в среднем 600) кгм/мин или 10 кгм/с (36 тм/час).<sup>467</sup>

Для того чтобы выяснить количество часов, необходимое для доставки общего количества камня одной лошадью, произведем вычисление: 424,6 (общий вес камней)<sup>468</sup> разделим на 270 (работоспособность одной лошади) и умножим на 1500 (расстояние от места сбора камней до кургана). Получаем значение, равное около 2359 часов (98,2 суток). Здесь не учитывается время погрузки и выгрузки, погодные условия и т. п. Сложно сказать и то, сколько времени в сутки приходилось работать людям. Условно примем световой день с перерывами для принятия пищи и отдыха людьми и лошадьми. Если принимать гипотезу о четырех «бригадах» и световой день в 12 часов, то на сооружение кургана Суходол с «усами» потребовалось бы  $2359 : 4$  (лошадь) =  $589 : 12 = 49$  дней, т. е. около 1,5–2 месяцев. В этом расчете не учитывается работоспособ-

<sup>465</sup> РАБОТА И ЭНЕРГИЯ ЛОШАДИ 2015.

<sup>466</sup> ТЕСТ ОЦЕНКИ 2015.

<sup>467</sup> СИРОТИН–БЕЛОЗЕРОВА 2015.

<sup>468</sup> В первой публикации (Никольский–Грудочко 2015) допущена ошибка: было указано неверное значение общего веса камней комплекса Суходол – 251 т.

ность человека, которая составляет примерно 0,1–0,2 от работоспособности лошади. Теоретически, этого вполне могло бы хватить для загрузки, разгрузки и укладки камня.

Следующий памятник, Сарбулат-1, состоял из двух каменных насыпей, от которых в восточном направлении отходили две каменные гряды. Диаметр северной насыпи составлял 8,0 м при высоте 0,3 м, южной – 11,0 м при высоте до 0,4 м. Северный «ус», идущий на СВВ по дуге на расстоянии 164 м, западное и восточное ее окончания оформлены в виде округлых площадок диаметром около 4 м и высотой до 0,2 м. Южный «ус», идущий от насыпей на ЮВВ, имел форму дуги длиной 138 м, окончания выполнены в виде округлых площадок диаметром 4 м и высотой до 0,2 м. Ширина обеих гряд варьировала от 1,0 м до 2,0 м. Северная насыпь в плане представляла собой почти правильный квадрат с длиной сторон около 8,5 м., а южная – как более или менее правильный пятиугольник с длиной северной стороны 8,5 м, северо-восточной – 7 м, юго-восточной – 8,5 м, юго-западной – 8 м, северо-западной – 8 м.<sup>469</sup>

Технические и геологические характеристики кургана с «усами» Сарбулат-1 приведены в (табл. 5). Насыпи центрального сооружения и гряды сложены лейкократовым гранитом, встречаются отдельные глыбы кварца. Состав пород этого комплекса отличается от Суходола, главным образом тем, что здесь не отмечено чередования различных пород на протяжении гряд. Однако расположение пестроцветного камня и белых глыб кварца подчинено определенной закономерности. Их концентрация отмечена для окончаний гряд и их концевых выкладок, за исключением западного окончания южной гряды. Примечательно то, что большие глыбы кварца (до 45 см в поперечнике) неравномерно рассредоточены по длине северной гряды и, возможно, играли некую маркирующую роль в инженерно-техническом обеспечении направления «уса» при его строительстве. На протяжении северной гряды насчитано 16 камней, из них 4 достоверно

соответствуют точкам поворотов. В южной гряде практически все крупные камни уложены на восточной площадке. Эти признаки позволяют предполагать последовательность сооружения составных частей кургана с «усами». Возможно, северная гряда прокладывалась первой. Крупные кварцевые глыбы здесь играли роль реперов или маячков. Южная гряда сооружалась второй. Ее было легче вымостить, ориентируясь по уже проложенной северной маркированной гряде. Направление выкладки южной гряды, вероятнее всего, происходило с востока на запад (в сторону центрального сооружения). Об этом говорит резкий изгиб гряды в ее западном окончании, который является результатом уточнения правильного места локализации площадки после того как собственно гряда уже была сооружена.<sup>470</sup>

Состав работ при строительстве памятника Сарбулат-1 был аналогичен предыдущему комплексу: сбор, транспортировка, строительство. Общий вес каменного материала, задействованный для создания кургана с «усами» Сарбулат-1 составил 399,6 т. (табл. 5). Коренные и глыбовые выходы гранитов, где производился сбор каменного материала, находится на расстоянии около 300 м к западу от памятника, то есть в 5 раз ближе, чем на Суходоле. Расчет времени доставки каменного материала при использовании одной лошади произведен аналогично Суходолу и составил 415,1 часа (17,3 суток), т.е. около 35 рабочих 12-часовых дней – чуть больше 1 месяца. Поскольку в строении гряд не отмечено чередования участков с разными породами камней, то сложно предположить количество задействованных «бригад».

При анализе суходольского комплекса мы предположили наличие 4-х «бригад», соответствующих местам сборки различных коренных пород. В Сарбулате-1 35 рабочих дней соответствуют использованию лишь одной лошади. Для обоих памятников мы приняли самые минимальные значения трудовых ресурсов для выполнения всех трудозатрат. Однако и они позволяют утверждать, с высокой долей вероятности, что сооружение одного кургана с «усами» могло

<sup>469</sup> Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 59–61.

<sup>470</sup> Костиюков 2005.

быть осуществлено в течение не более одного сезона. Реальное количество рабочих людей и тягловой силы нам неизвестно, но, учитывая, что эти памятники оставлены скотоводческим населением, количество задействованных лошадей как основной тягловой силы было явно больше одной или четырех. Время строительства одного кургана с «усами» будет тем меньше, чем больше будет задействовано рабочей силы – тягловых лошадей и обслуживающих их людей. Наиболее вероятно то, что сооружение этих культовых сооружений было связано с какими-то коллективными мероприятиями (праздники, поминки), которые устраивались скотоводческим населением во время летнего пребывания в Южном Зауралье.

Итак, для сооружения курганов с «усами» Суходол и Срабулат-1 необходимы выровненные в рельефе площадки, близость и доступность для добычи каменного материала. Судя по ареалу курганов с «усами» зауральской группы, все они расположены в пределах Зауральского

пенеппена и континентально-морской цокольной равнины, обладающих такими поверхностями с многочисленными небольшими скальными выходами коренных пород и высыпками глыбово-щебнистого материала, особенно вдоль современных речных долин. Таким образом, эти геоморфологические области имели рациональные условия доступности каменного материала и, соответственно, оптимальных трудозатрат при сооружении курганов с «усами». В пределах Южного Зауралья известен комплекс Новокондуровский I. Его гряды, подобно Суходолу, выложены чередующимися участками двух пород камня – гранита и туфо-базальта. В пределах долины обнаружены только туфо-базальтовые коренные породы, тогда как ближайшие выходы гранитов расположены на расстоянии 8–15 км от площадки памятника, то есть намного дальше, чем на Сарбулате-1 и Суходоле.<sup>471</sup> Этот и другие интересные сюжеты могут быть развиты при дальнейших междисциплинарных исследованиях курганов с «усами».

### 3.4. СЛЕДЫ РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КУРГАНАХ С «УСАМИ»

Следы жертвенно-поминальных действий в центральном сооружении обычно имеют наземный характер. Археологически это выражается в том, что почти все находки фиксируются не ниже уровня древней поверхности. Как правило, «набор» ритуальных следов, которые удается зафиксировать, включает установку сосуда, кости животных, следы огня, в редких случаях – предметный комплекс. Так же крайне редко (в исключительных случаях) курганы с «усами» использованы для совершения человеческих погребений в центральном сооружении.

В большинстве случаев, ситуация на древней поверхности в публикациях ограничивалась кратким описанием тех или иных компонентов обряда. Вместе с тем, хорошо исследованные комплексы позволяют увидеть некоторые закономерности в организации ритуального пространства на подкурганной площадке.

Показательным в этом плане является комплекс Солончанка I, состоящий из трех насыпей

(рис. 118. 1; рис. 140. 1). Под южным курганом (рис. 118. 1в), на погребенной почве в ЮВ секторе лежал костяк лошади (рис. 141. 2). Судя по расположению костей, лошадь лежала на боку, ноги вытянуты перпендикулярно туловищу. Под лопаткой и черепом найдены немногочисленные мелкие угольки. В северной половине выявилось углисто-золистое пятно неправильной овальной формы, размерами 1,9 × 1,45 м. В этом слое встречались довольно крупные (до 0,05 м) угли, мелкие обломки обожженных костей животных. Больше всего их было в центральной части пятна. Погребенная почва в пределах границ пятна прокалена (в центре глубина прокала достигает 2–2,5 см). Также в пределах углисто-золистого пятна, в его толще и на древней поверхности, найден многочисленный погребальный инвентарь, особенно в центральной части. Среди предметов: бронзовый сосуд; два скопления железных наконечников стрел, которые лежали беспорядочно, остриями в разные стороны;

<sup>471</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 384; Любчанский–Таиров 2007, 161.

остатки колчана, в том числе украшавшая его бронзовая пластина, обтянутая листовым золотом и инкрустированная камнями; остатки железных удил; костяные накладки сложносоставного лука; золотые обкладки и зооморфные украшения луки седла; уздечные серебряные украшения; железная пряжка. Ряд предметов носил следы температурного воздействия. К ССВ от центра, за пределами углисто-золистого пятна обнаружен керамический сосуд.

Под центральным курганом (рис. 118. 1б) на уровне погребенной почвы после удаления камней в южной половине выявлены остатки костяка лошади, которые представлены ее правой задней конечностью, ребрами и грудными позвонками. Большая же часть костяка была уничтожена грабительским вкопом. В 3 м к ССВ от центра найден развал большого кувшина, стоявший в углублении.

В северном кургане (рис. 118. 1в) еще при разборке камней обнаружено скопление предметов вооружения и конской упряжи (наконечники стрел, остатки колчана, накладка уздечного ремня). Под камнями, в юго-западном секторе выявлен почти целый костяк лошади, лежащий на боку (рис. 141. 1), аналогично соседним насыпям. Почти в 2 м к ССВ от центра и скопления предметов зафиксирован развал керамического сосуда.<sup>472</sup>

Под камнями центрального кургана Кызыл-Жар (рис. 118. 4), на уровне погребенной почвы обнаружен керамический сосуд, стоящий на материке, в северо-восточном секторе ближе к полю кургана. Возле сосуда было обнаружено несколько кусочков горелого дерева, волокнами направленными к центру. Горелое дерево фиксировалось только в восточной половине кургана, сами фрагменты фиксировались как бы полукругом. В местах их обнаружения всегда встречается сажистая супесь черного цвета. В центральной части кургана, со смещением к востоку было обнаружено два ряда ног лошади, ориентированные по С–Ю. Под центром насыпи лежали

зубы и ноги лошади, предполагающие анатомический порядок их расположения. В северной части кургана найдена лопатка мелкого копытного (барана?). В западной половине обнаружены два фрагмента кальцинированных костей, видовой принадлежность которых не определена. В юго-восточном секторе зафиксирована ямка (глубиной 0,2 м), заполненная камнями.<sup>473</sup>

Площадка кургана Городищенское IX (рис. 50. 3) была ограничена крупными булыжниками и вертикально стоящими камнями. Вертикально стоящие камни локализовались по краям, практически равноудаленно и распределенные по сторонам света. Крупные булыжники лежали разреженно, но образовывали оградку, внутри которой пространство было свободно от камней. В разных местах площадки обнаружены кости (в общей сложности 9 скоплений). В центральной части зафиксировано два крупных скопления углей, на одном из которых лежали кости, некоторые из которых были обожжены. В северо-восточном секторе под камнями, в ямке стоял крупный керамический сосуд. Предметный комплекс дополнен бусиной, лежащей среди скопления костей, а также двумя железными наконечниками стрел, обнаруженные еще на первом горизонте.<sup>474</sup>

Под центральной частью насыпи Оленина Отнога (рис. 47. 3; рис. 117. 6), на погребенной почве были расчищены остатки кострища. В центре располагалось углисто-сажистое пятно неправильной формы длиной около 2 м, к которому примыкало меньшее по размеру пятно овальной формы. Мощность кострища достигала 0,02 м. Грунт над ним до 0,1 м прокален. В СЗ секторе у края углисто-золистого слоя лежала обугленная плашка (длиной 0,6 м), ориентированная по линии З–В. Другая плашка лежала в ЮВ части (длиной 1,6 м). В СВ углу стоял сосуд, внешняя поверхность которого, в верхней части закопчена.<sup>475</sup>

В центральной части кургана Суходол (рис. 45. 4; рис. 117. 1) нижний слой камней ле-

<sup>472</sup> Таиров 1997; Любчанский–Таиров 1999, 8–14.

<sup>473</sup> Усманова–Мазниченко 1993; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 40–42.

<sup>474</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 35.

<sup>475</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 36–37.



жал на глиняной площадке, в целом, округлой формы, несколько вытянутой в СЗ направлении. Размеры площадки 7 × 8 м, мощностью 0,05–0,1 м. Небольшая часть камней была вдавлена в глиняную площадку на глубину до 0,07 м. Площадка была насыпана на погребенную почву. Вероятно, перед созданием глиняной площадки верхняя часть почвы была удалена. Ближе к полам насыпи, каменная конструкция лежит уже на гумусном грунте, за пределами насыпной площадки. В СВ секторе обнаружено скопление сильно фрагментированных костей животного, вероятно, череп лошади. Рядом с ним стоял сосуд. Он был установлен в углублении, прорезавшем глиняную площадку и погребенную почву до материка.<sup>476</sup>

Комплекс Сарбулат-1 включал две центральные насыпи (*рис. 89. 3; рис. 117. 4*). На площадке под северной насыпью встречались отдельные древесные угли и сажистые включения, нигде не образывавшие значительных скоплений. В СВ секторе стоял керамический сосуд. Он был вкопан в материк на глубину около 10 см, так что его устье, по-видимому, находилось на уровне древней дневной поверхности. Под южной насыпью, на уровне погребенной почвы найдены небольшие скопления углей, отдельные угли и сажистые включения, более выразительные и многочисленные чем под северной насыпью. Следы горения фиксировались на участке, несколько сдвинутом от центра на северо-восток (вероятно, это обусловлено попыткой ограбления). В центре лежал абразивный камень. В СВ части стоял керамический сосуд, локализация которого и способ установки аналогичны сосуду в соседней насыпи. Верхняя часть сосуда была утрачена еще в древности. Восточней сосуда, у восточной полы, лежала фаланга лошади.<sup>477</sup>

Информация о многих других комплексах приводится довольно кратко, поэтому попробуем обобщить наиболее важные элементы обряда.

Случаи ее нахождения зафиксированы в 54 комплексах. В большинстве случаев фиксирует-

ся по 1 сосуду на один курган, реже – по два. Из 64 случаев местонахождения сосудов (100%), локализация указана для 55 курганов (86%). Для остальных 9 местоположение не указано (14%). В большинстве случаев (27 курганов из 55 с известным местоположением) указано, что сосуд обнаружен в восточном секторе (48%). Для 19 курганов указано, что сосуды стояли в северо-восточном секторе (35%). В единичных случаях указаны другие местоположения: по 3 случая в ЮВ, СЗ секторах и центре, два случая в яме и по одному – север и ЮЗ насыпи (*табл. 6*).

Место установки сосуда на подкурганной площадке, таким образом, подчиняется определенной закономерности, локализуясь в восточном или северо-восточном секторе. В пространстве ансамбля кургана с «усами» оно в ряде случаев «притянато» к краю насыпи и началу северной гряды. В определенной степени это подтверждается местом нахождения сосуда в комплексе Султантемировский (*рис. 65. I, II*), где он находился в северо-западной части. Здесь гряды направлены на север, и потому горшок в пространственном смысле занимает положение аналогичное положению сосуда в большинстве курганов, где гряды направлены на восток.<sup>478</sup> Аналогичную локализацию можно увидеть в кургане Батыр-Булак, где гряды ориентированы с большим смещением к югу (*рис. 54. 3*), поэтому сосуд занимал ЮВ сектор.<sup>479</sup>

Относительно ритуальной площадки сосуд установлен на ее границе или за пределами и практически никогда – в центре. Это хорошо прослежено, например, на комплексе Сарбулат-1, где центральную часть площадки (в северном и южном курганах) занимало углисто-сажистое пятно, а сосуд находился за его пределами, в СВ стороне (*рис. 117. 4*). Аналогичную ситуацию удалось зафиксировать в комплексах Нижне-Давлетовский (южный курган), Оленина Отнога и Городищенское IX, где сосуд стоял за пределами кострища (угли и плахи) в СВ секторе (*рис. 50. 3; рис. 117. 2, 6*). В комплексе Суходол

<sup>476</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 39–40.

<sup>477</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 59–62.

<sup>478</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 95.

<sup>479</sup> Усманова 1987, 100, 101, рис. 1. 1.

зафиксирована насыпная подкурганная площадка без следов огня, на ССВ границе которой тоже зафиксирован развал сосуда (рис. 117. 1).

В 14 случаях удалось проследить, что сосуды устанавливались в специальных ямках, вырытых в материке (Солончанка I, курганы 2 и 3; Солончанка IX, восточный и западный секторы; Городищенский IX; Елизаветпольский; Сарбулат-1, северный и южный курганы; Суходол, Ижевский-2, курган 1; Батыр-Булак; Шедерты, Назар, Кабантау).<sup>480</sup> Возможно, в большинстве других случаев имел место аналогичный способ установки, что не всегда удавалось проследить или отразить в публикациях. Интересное наблюдение по этому поводу сделано А. З. Бейсеновым. В восточной половине подкурганной площадки комплекса Назар были найдены фрагменты от дна и придонной части лепного плоскодонного сосуда, который в свое время был установлен в ямку глубиной около 10 см. В ходе раскопок верхняя часть сосуда, ее фрагменты не найдены. «Возможна вероятность того, что вкопанный в грунт сосуд какое-то время стоял открытым, а насыпь из небольших колотых камней была сооружена через некоторое время».<sup>481</sup> В курганах с «усами», и вообще в археологической практике нередки случаи неполного обнаружения не только сосудов, но и других вещей. Добавим, что верхняя часть сосуда отсутствовала в комплексах Нижне-Давлетовский, Сарбулат-1 (южный) и Сануыр II.

Таким образом, наблюдаемые способы установки и локализация сосуда позволяет заключить, что он оставался с соблюдением некоторых стандартов: на некотором отдалении от основной площадки (кострового или иного характера) и, надо полагать, занимал отдельное место в планировке ритуального пространства. При этом, устойчивая традиция установки сосуда со всеми перечисленными особенностями,

является общим и объединяющим признаком курганов с «усами» на всей территории их распространения.

Установка сосуда на древней поверхности обнаруживается не только в курганах с «усами», но и в памятниках селенташского типа и некоторых комплексах Центрального и Восточного Казахстана. Измайловский погребальный комплекс состоял из объектов разного времени, часть из которых составляла оградки бегазы-дандыбаевской культуры. В северо-восточном углу оградки 9 почти на поверхности был обнаружен кувшиновидный (вазовидный) сосуд. Способ его установки аналогичен установке в курганах с «усами»: верх сосуда был отбит, т. к. возвышался над поверхностью.<sup>482</sup> Его форма хорошо соотносится с посудой из курганов с «усами». Керамику из кургана-ограды у горы Кент А. Х. Маргулан тоже соотносил с посудой из курганов с «усами», которые по представлениям того времени отождествлялись с раннесакской культурой.<sup>483</sup> Курган 10 могильника Серекты-1 представлял собой большой курган с кольцевой оградой. Внутри ограды (и за пределами основной насыпи) на древней поверхности были обнаружены фрагменты донной части керамического сосуда. Сам курган несомненно относится к раннесакской эпохе, однако сосуд и его установка относятся, по нашему мнению, к более позднему времени. Следует отметить, что в том же микрорайоне находится упомянутый выше комплекс с «усами» Назар<sup>484</sup> с впускным захоронением гуннского времени.<sup>485</sup> В могильнике Бегазы, с восточной стороны раннесакского кургана 7, также вблизи внешней ограды, найден развал кувшина,<sup>486</sup> похожий на кувшины из кургана с «усами» Солончанка IX (рис. 143. б) и кургана 5 могильника Каменный Амбар (конец V–VI вв.).

Основным жертвенным животным являлась лошадь. Также встречены кости мелкого и

<sup>480</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 95; Бейсенов 2016, 86; Бейсенов и др. 2018а.

<sup>481</sup> Бейсенов 2016, 86.

<sup>482</sup> Ермолаева 1987, 158, 159, рис. 2. 8; Археологические памятники 1987, 66–68; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 108, 109.

<sup>483</sup> Маргулан 1979, 157–158, рис. 118. 2–4.

<sup>484</sup> Бейсенов 2016.

<sup>485</sup> Бейсенов–Китов 2013.

<sup>486</sup> Бейсенов–Ломан 2008, 39–40, рис. 5. 2; Бейсенов 2016, 85.

крупного рогатого скота. Палеозоологические определения проведены лишь для нескольких комплексов (Солончанка, Новоактюбинский, Сарбулат-1).

Определение костных остатков из комплекса Новоактюбинский, проведенное Л. Л. Гайдученко, позволило выделить останки двух особей коровы, двух особей лошади, одной особи верблюда, а также четырех особей овцы. Установлено, что одна особь коровы из жертвенного комплекса в засыпи треугольного ровика была расчленена на куски и, возможно, уложена в шкуру того же животного. Кроме того, астрагал из северного «уса» полностью соответствует фрагментам костных остатков из местонахождения под центральной насыпью.<sup>487</sup>

Определение фаланги лошади из южного кургана комплекса Сарбулат-1 выполнено Д. И. Ражевым по сканированным изображениям. Это первая (проксимальная) фаланга лошади, возможно, задняя. На плантарной поверхности у нее есть, вероятно, древние сколы на верхнем и нижнем эпифизах. На волярной поверхности есть древний (?) скол на дистальном эпифизе. Если эти сколы действительно древние, то они вероятнее всего результат разделки туши острым металлическим орудием. К этому же могут относиться и порезы на диафизе. На проксимальном эпифизе с обеих сторон есть углубления, похожие на клыки собаки. Впрочем, следами клыков могут быть и упомянутые выше «порезы».<sup>488</sup>

В комплексе Солончанка I выделено 5 тафономических групп. В первую вошли полные скелеты лошадей из центральных курганов (рис. 141). Вторую группу составили кости волка и лисицы. В третью попали обгорелые кальцинированные позвонки и ребра овцы. Четвертую составили дробленые кости лошади, скорее всего пищевые остатки. В пятую группу включены единичные кости овцы и лошади, случайно попавшие в насыпь. По заключению П. А. Косинцева и Д. И. Ражева, комплекс костных материалов формировался четырьмя способами

– погребения лошадей, жертвоприношения, трапеза и случайное попадание.<sup>489</sup>

Кости из могильной ямы кургана 2 Зевакино составляли верхнюю и нижнюю челюсти, лопаточные (3), плечевые (3), лучевые-локтевые (4), пястные (1), тазовые (2). Количество костей лошади соответствует двум-трем особям.<sup>490</sup>

В 12 случаях для лошадей удалось зафиксировать целые скелеты или отдельные части, лежащие в анатомическом порядке (рис. 118). Их позы, как правило, фиксируются в положении лежа на боку, с вытянутыми ногами. Ориентировка зафиксирована в 9 случаях.

В всех трех курганах комплекса Солончанка I лежало по одной лошади (рис. 118. 1; рис. 141), на правом боку, ориентированные мордами на запад, ногами на юг. В Ботакаре (курган 48, северный и южный курганы) животные лежали на левом боку. В южном кургане отмечена северная ориентировка, а в северном кургане – северо-восточная (головой). В Бесобе (колхоз им. Сталина) (курган 2) лошадь лежала на левом боку и ориентирована мордой на северо-запад, ногами – на восток. В Солончанке IX лошадь уложена на левый бок, ногами на ССВ, головой на запад (рис. 118. 5). Аналогичная ситуация прослежена в комплексе Кызыл-Жар, где обнаружен неполный скелет лошади (рис. 118. 4). Судя по положению костей она была уложена на левый бок и ориентирована ногами на север, головой на запад. В комплексе Кырыкунгир в центральной части была обнаружена задняя часть скелета лошади (рис. 118. 3), ориентированная с запада на восток, так что поза лошади, вероятно, предусматривала положение на левом боку, ногами на запад, мордой на север.

Таким образом, жертвенные захоронения лошадей предполагали погребения как целых туш, так и их частей. Целые туши достоверно зафиксированы в комплексах Солончанка I, IX (в последнем отсутствует голова), Ботакара, Бесоба (колхоз им. Сталина). Другой способ захоронения фиксируется по наличию неполного скеле-

<sup>487</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 384, 385; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 94.

<sup>488</sup> Костюков 2005.

<sup>489</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 94; Косинцев–Ражев 1999, 68, 69.

<sup>490</sup> Арсланова 1975, 119–120.

та, но с соблюдением анатомического порядка расположения костей. Он хорошо представлен в Кызыл-Жаре (курган 3). Комплект костей включает зубы, заднюю и переднюю ноги, которые во время погребения составляли макет в виде шкуры, заполненные камнем в брюшной полости. Макет лошади зафиксирован в кургане 6 комплекса Селенташ с аналогичным набором костей (рис. 118. 2). В комплексе Кырыкунгир зафиксированы лишь кости задних ног, лежащие в анатомическом порядке.

По-видимому, традиция оставления шкур в курганах с «усами» была распространена широко. Об этом свидетельствуют некоторые краткие упоминания ассортимента костей, напоминающие остатки шкур или чучел. Под насыпью южного кургана комплекса Карасай (курган 2) обнаружены полуистлевший череп, шейные позвонки и кости передних ног. В Толагае найдены «зубы и отдельные кости лошади». Большое Чебачье – лошадиный зуб и бабки. Под малым кургане Кара-Бие (курган 15) лежали зубы (13 штук) и обломки костей ног лошади (*Equus caballus L.*). Очевидно, с этим же обрядом следует связывать находки обломков конских черепов, зафиксированные в Киик-Су и Суходоле. По типологии чучел коней А. Г. Атавина один из вариантов первого типа предполагает наличие лишь конских черепов без костей ног.<sup>491</sup>

В третьем случае обнаруживаются отдельные кости или фрагменты скелета, не образующие анатомического расположения. Так, в Сарбулате-1 обнаружена лишь фаланга лошади. В Батыр-Булаке зафиксирована истлевшая кость недалеко от сосуда. В Ботакаре (курган 55) в радиусе 1 м прослежены истлевшие остатки конских трубчатых костей. В кургане Рымникский многочисленные фрагменты трубчатых костей лежали в беспорядке. Южный курган Зевакино (курган 1) содержал в восточной половине кости лошади (зуб, ребро). В другом, северном кургане, в той же половине обнаружена трубчатая кость овцы. Кости лошади обнаружены в Сангуыр II (курган 1). На подкурганной площадке Городищенское IX в разных местах зафиксиро-

вано в общей сложности 9 местоположений костей лошади и мелкого рогатого скота.

Помимо древней поверхности костные останки животных выявлены в ямах. В неглубокой яме (0,5 м) комплекса Былкылдак лежал истлевший костяк лошади с железным кольцом (от узды). Под восточным окончанием северного уса комплекса Беркуты, на глубине до 1,45 м обнаружен каменный ящик с разрозненными костями лошади и мелкими костями овцы. Костяк лошади сопровождался сильно разрушенными коррозированными предметами, судя по которым здесь покоилась взнузданная лошадь в сопровождении жертвенной овцы. Могильная яма Канаттас (курган 19) содержала коллективное человеческое захоронение, отдельные кости и череп коровы (*Bos Taurus L.*), а также череп, кости ног, отдельные ребра и хвостовые позвонки молодой лошади. Из описанных выше погребений к комплексу курган с «усами» достоверно может быть отнесен лишь Канаттас.

Таким образом, большинство случаев положения костных остатков на древней поверхности свидетельствуют о практиках жертвенных захоронений животных (в основном, лошадей), предполагающие погребение как целых туш, так и макета или шкуры. Нахождения только черепов, очевидно, тоже следует рассматривать как вариант этой традиции. В то же время для нескольких комплексов позволительно констатировать остатки ритуальной тризны. Хотя во всех случаях следует учитывать фактор сохранности комплекса и костей и неполного освещения в публикациях. Очевидно, различные формы оставления животных зависели от характера конкретного жертвенно-поминального мероприятия. Вместе с тем, необходимо оговориться, что остеологические или палеозоологические обследования костных остатков практически не проводились для курганов с «усами». И здесь наиболее показательным (и исключительным) примером служит комплекс Солончанка I, продемонстрировавший сочетание перечисленных выше способов: специальные захоронения и тризны.

<sup>491</sup> Атавин 1984, 135, 136, рис. 1. 1.

Заметной чертой курганов с «усами» являются остатки кострищ. При исследовании южного кургана комплекса Солончанка I (рис. 118. 1в) обращено внимание, что камни нижнего слоя, лежащие на погребенной почве, обожжены снизу. В результате температурного воздействия гранит расслоился, а кварциты растрескались. Вероятно, камни бросались в горевший или еще не остывший костер. Ряд предметов этого объекта также носили следы высокотемпературного воздействия.<sup>492</sup> В Олениной Отноге, при отсутствии богатого сопроводительного инвентаря, также обнаружены следы мощного кострища (рис. 117. б). Менее мощные следы кострища зафиксированы в обоих курганах комплекса Сарбулат-1 (рис. 117. 4). В Городищенском IX горение производилось не только на площадке центральной насыпи, но и на начале северной гряды (рис. 50. 3, б). Здесь зафиксирован прокал подпрямоугольной формы размерами 1,8 × 2,2 м.<sup>493</sup>

Довольно мощный слой золы и древесных углей (7 см) зафиксирован в кургане Канаттас (курган 19). Плиты перекрытия могильной ямы (рис. 58. 3), которые лежали под этим слоем, носили следы сильной прокаленности, почернели и растрескались. Здесь же указано, что в заполнении могильной ямы, встречено большое количество древесного угля, попавшее туда в результате обрушения перекрытия.<sup>494</sup> Под центральным курганом комплекса Дандыбай обнаружен «тонкий сажистый слой и ниже его – красноватая земля: по всей вероятности, следы огня».<sup>495</sup> По всей площади южного кургана комплекса Карамурун прослежены золные полосы шириной 3–4 см, мощностью 3–5 см.<sup>496</sup> В Восточном Казахстане кусочки древесного угля упомянуты в северном кургане 1 комплекса Зевакино.<sup>497</sup>

Всего следов наличия огня зафиксировано в 18 комплексах (20 курганов). В некоторых случаях при наличии прокаленного грунта отсутствовали иные остатки продуктов горения (зола или угольки). Это зафиксировано в южном кургане комплекса Крутая Гора и Рымникский. В последнем пятна прокала выявлены сразу же под дерном. Возможно, это говорит о том, что костер произведен либо на насыпи, либо непосредственно на площадке, которая не была впоследствии засыпана или заложена камнем.

По поводу особенностей сопроводительного инвентаря необходимо указать нахождение такой редкой категории как оселки, абразивы, терочники, жернова (рис. 123; 124). Оселок упоминается в «центральной» кургане комплекса 37 воинов.<sup>498</sup> Абразивный брусок (рис. 123. 1) лежал в центре ритуальной площадки южного кургана комплекса Сарбулат-1.<sup>499</sup> Среди камней кургана Солончанка IX, в восточном секторе, обнаружено каменный пест брусковидной формы<sup>500</sup> (рис. 123. 3). Похожий предмет обнаружен в малом кургане комплекса Каратобе (курган 6).<sup>501</sup> При исследовании комплекса Ижевский-2 найдена подквадратная каменная плитка с чашеобразным углублением, интерпретация которого получила неоднозначную оценку.<sup>502</sup> Этот предмет, по нашему мнению, целесообразней датировать согласно трехлопастному железному наконечнику стрелы, найденным в соседней насыпи (не ранее V в. н. э.).

В редких случаях обнаружены свидетельства преднамеренной порчи предметов. В Султантемировском кургане комплект железных предметов, который составляли колчаный и уздечный наборы, были сложены в компактную кучку. Из 21 экземпляра наконечников стрел, 18

<sup>492</sup> Любчанский–Таиров 1999, 8.

<sup>493</sup> Боталов 2000, 206; Любчанский 2006, 394.

<sup>494</sup> Кадырбаев 1959а, 180.

<sup>495</sup> Грязнов 1956, 49.

<sup>496</sup> Кадырбаев 1966, 357.

<sup>497</sup> Арсланова 1975, 117.

<sup>498</sup> Кадырбаев 1958, 99; хотя он вполне мог относиться к раннему железному веку.

<sup>499</sup> Костоков 2005.

<sup>500</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 378.

<sup>501</sup> Айткали и др. 2019, 215, рис. 4. 1; Айткали и др. 2019а, 86, рис. 4. 1.

<sup>502</sup> Бейсенов–Волошин 2002, 165; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 70.

сплющены и приведены в негодность<sup>503</sup> (рис. 66. 3). В Солончанке I (южный курган) богатый и многочисленный инвентарь обнаружен в разбросанном виде в пределах мощного кострища (рис. 142. 2–9). Следы температурного воздействия, а также наличие капель расплавленного металла свидетельствуют о намеренном помещении этих предметов в костер. В целом, указанный комплекс демонстрирует редкую для курганов с «усами» практику жертвенно-поминального обряда, однако хорошо соотносится с ритуальными традициями эпохи (Новогригорьевка, Ровное, Покровск Аржан-Бугузун и др.).

Все же характерной чертой («визитной карточкой») большинства курганов с «усами» является отсутствие сопроводительного инвентаря, при устойчивом наличии ритуальной площадки, жертвенного животного и керамического сосуда. При этом каждый фиксируемый элемент обряда имел свое место в ритуальном пространстве. Сосуд, как правило, занимал периферийное положение по отношению к центральной части. Кости животных, особенно остатки целых туш, в свою очередь, также были строго локализованы. Ядром ритуального пространства выступала, как правило, центральная часть, где устраивался костер либо фиксируется искусственная площадка без следов горения.

В ряде случаев, особенно в Центральном Казахстане, памятники возводились по соседству или вблизи объектов ранних эпох, что можно объяснить не только общими представлениями о почитании таких географических объектов как горы, долины, урочища, но и стремлением приобщиться к культуре некогда обитавших здесь предшественников (оставивших многочисленные и большие курганы). Это видно на примере хорошо исследованных комплексов урочища Назар, Канатгас, Кара-Бие и других. Причем строительство «усов» иногда заменялось простой установкой сосуда у подножия больших курганов или оградок.

Семантическая нагрузка архитектурного комплекса курган с «усами», рассмотрена несколькими исследователями. По мнению С. Г. Боталова, все элементы данного сооружения, организующее пространство на местности, определяют облик тюркского жилища – юрты. Пространственная ориентация тюркской юрты строго соответствовала сторонам света, где основная ось проходит по линии З–В: со входом на востоке и главным местом (тор) – на западе. Тюркское жилище делится на две половины: южная (справа от «тора») – мужская, северная (слева от «тора») – женская. Такое противопоставление (деление на северную и южную половины) соответствует наличию двух гряд.<sup>504</sup> Сопоставление другого порядка предложил А. Х. Маргулан еще в середине XX в. По его мнению, курганы с «усами» (или как он их называл, курганы типа «солнце») «по своему расположению напоминают вид кочевого аула, имеющего в центре загон для скота (катан) – курган – «солнце».<sup>505</sup> Нам кажется, что указанные мнения наиболее близки к пониманию сакрального смысла этих сооружений: организация пространства на местности, которая моделировала хозяйственную территорию или бытовую сторону жизни общества. Сопоставляя памятники с кочевым аулом А. Х. Маргулан, продолжает: «Курганы типа «солнце» являются только ритуальными сооружениями, устроенными на месте трапезы или поминок. Они могут быть также памятными сооружениями, возведенными после какой-нибудь страшной катастрофы, например, гибели целой хозяйственной общины от чумы или гибели от нашествия врага».<sup>506</sup> Однако необходимо сделать поправку, что столь огромное количество курганов с «усами» (еще неизвестное во времена первых исследований А. Х. Маргулана) в урало-казахстанских степях свидетельствует скорее о благополучном и стабильном проживании кочевого общества, нежели о катастрофе или бедствии, при которых строительство таких памятников вряд ли было возможным.

<sup>503</sup> Сунгатов 2003, 217.

<sup>504</sup> Боталов 2004, 24.

<sup>505</sup> Маргулан 1948.

<sup>506</sup> Маргулан 1948.

Функция кургана с «усами», как мы увидели из анализа обрядовых особенностей, в абсолютном большинстве случаев не была связана с погребальной практикой (за исключением нескольких комплексов). Нам кажется, что основной смысл мероприятия, связанного с постройкой кургана с «усами», заключался в коллективных праздниках, встречах между аилами во время весенне-летнего периода, не исключая поминальные акты. Вся пышность и «престиж» данных действий был намного шире, чем просто сооружения гряд и насыпей. Этим, по-ви-

димому, и объясняется отсутствие предметного комплекса. Все мероприятие сопровождалось коллективной постройкой кургана с «усами» на который уходило не более месяца. Конечной же стадией, по-видимому, следует считать засыпку (закрытие) ритуальной площадки (центральный курган), т. е. заброску камнем. При этом, как показывает стратиграфия и условия обнаружения обрядовых элементов, курган с «усами» представлял собой одноразовое жертвенно-поминальное сооружение.





4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И  
КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ  
КУРГАНОВ С «УСАМИ»

#### 4.1. ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС

##### 4.1.1. Вооружение

Предметы вооружения являются одной из важнейших составляющих материальной культуры номадов. Находки из курганов с «усами» позволяют выделить наступательное оружие дальнего боя (лук, стрелы) и ближнего боя (кинжал и копьё).

*Наконечники стрел* (91 экз.). Они неравномерно распределены в комплексах: Солончанка I (48 экз.), Султантемировский (21 экз.), Унирек (10 экз.), Зевакино, курган 1 (3 экз.), Городищенское IX (2 экз.), Коктал (2 экз.), Ижевский-2 (1 экз.), Атасу-2 (4 экз.) (рис. 119). Все наконечники стрел изготовлены из железа, по способу насада на древко – черешковые. По сечению пера выделяются 2 группы. Количественно преобладает группа трехлопастных наконечников, которым заметно уступает группа плоских.

Трехлопастные наконечники (89 экз.) имеют ромбическую форму, среди которых можно выделить симметричные и ассиметричные. Симметричные наконечники характеризуются боевой головкой, верхняя и нижняя части которой равны по величине (Солончанка I, Султантемировский, Ижевский, Унирек) По номенклатуре И. П. Засецкой они относятся к типу 1.<sup>507</sup> У ассиметричных наконечников верхняя часть боевой головки короче (Султантемировский), либо длиннее нижней (Коктал) (типы 2 и 3 по И. П. Засецкой, соответственно).

Наконечники стрел из комплексов Султантемировский, Городищенский IX, Ижевский-2 и Унирек снабжались уступом при переходе от головки к черешку (рис. 119. 32–34, 41–43, 47, 49–51). Длина боевой головки у них составляет около 3 см. Наконечники, для которых отмечено отсутствие уступа и плавный переход от черешка к боевой головке, имели большую длину последней: в Солончанка I – 4,2–4,6 см, в Коктале

– около 4 см (рис. 119. 1–31, 35, 36). Общая же длина наконечников примерно одинакова: в Султантемирово она не превышала 6,5 см, а из Солончанки I – 6,0–6,7 см. Несколько удлиненный черешок имел наконечник из кургана 2 комплекса Ижевский. В кургане 1 Зевакинского могильника обнаружен «трехлопастной, с округлым в сечении черешком» (рис. 119. 46) наконечник.<sup>508</sup> К сожалению, в публикации не приведены размеры, но автор исследования отмечает, что он «необычно крупный для того времени» и указывает на аналогии из Кокэля и погребения в городище Актобе 2.

Плоские наконечники стрел представлены в двух экземплярах. Один из них (Городищенское IX) (рис. 119. 33) близок к типу 10 И. П. Засецкой: боевая головка имеет преломление в первой трети его длины (верхняя часть боевой головки короче нижней) и вертикальное ребро, проходящее по центру боевой головки. Форма наконечника из кургана 1 Зевакино тоже ромбическая (рис. 119. 44), однако иные детали, ввиду плохой сохранности, здесь проследить сложно.

Таким образом, наиболее представительными для курганов с «усами» являются железные черешковые трехлопастные ромбические наконечники стрел. Другая форма (с плоской в сечении боевой головкой) встречена всего в двух экземплярах. Попробуем проанализировать состав колчанов и соотношение типов наконечников, которые в них присутствуют.

В северном кургане комплекса Солончанка I обнаружено скопление лежащих в беспорядке 23 наконечников стрел, а в непосредственной близости – бронзовая обкладка дна или горловины колчана.<sup>509</sup> В южном кургане того же комплекса обнаружено 25 наконечников, локализованные по двум скоплениям. Они также лежали в беспорядке, а вблизи обнаружены обкладки колчана.<sup>510</sup> В могильной яме султантемировского комплекса

<sup>507</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1983, 70.

<sup>508</sup> АРСЛАНОВА 1975, 124.

<sup>509</sup> ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999, 13, 44, 45, рис. 11; 12.

<sup>510</sup> ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999, 9, 39, рис. 6.

расчищено скопление из 21 наконечника стрел, колчанного крюка, удила и железного стержня.<sup>511</sup> В отличие от солончанского комплекса они лежали в довольно компактном виде (что свидетельствует об обрядовых различиях) и не вызывает сомнения полная сохранность комплекта. Указанные 2 набора составляли однотипные ромбические наконечники стрел, насчитывающие более 20 экземпляров в каждом.

Другая комплектность наблюдается в Зевакино (курган 1, могильная яма), где лежало три наконечника стрел. От одного из них, по словам автора исследования, сохранился лишь черешок.<sup>512</sup> Однако во встреченных нами публикациях, он реконструировался либо заостренным,<sup>513</sup> либо заостренным без черешка<sup>514</sup> (ср. *рис. 70. 9; рис. 71. 7*). Обращает на себя внимание и сравнительно длинный размер, что дает основания предполагать также пулевидную формы боевой головки. Два других наконечника имели трехлопастную и плоскую в сечении форму.

В Городищенском IX обнаружено два наконечника стрел (*рис. 119. 32–33*), один из которых плоский, другой трехлопастной. Ассортимент близок комплекту из Зевакино, однако, в отличие от последнего, он вряд ли демонстрирует реальное содержание колчанного набора. Возможно, здесь мы имеем дело с определенной нормой обряда, при которой «захоронение» небольшого количества стрел было достаточным. Видимо, подобную ситуацию можно наблюдать в комплексах Ижевский-2, Коктал и Атасу-2, где обнаружено всего по несколько наконечников.

Круг аналогий железных наконечников связан, главным образом, со степными памятниками гуннской эпохи. В Южном Приуралье

трехлопастные ромбические наконечники обнаружены в комплексе случайных находок у с. Ново-Успеновка,<sup>515</sup> в пещерном погребении Кызыл-Адыр,<sup>516</sup> в кургане 1 на горе Мертвые Соли.<sup>517</sup> В Самарском Заволжье и Нижнем Поволжье они известны в разрушенном погребении у с. Федоровка, кургане 4 (погребение 2) у с. Владимирское, кургане 3 у ст. Шипово, кургане 17 у г. Покровска, кургане 42 у с. Ровное.<sup>518</sup> Далее на западе они встречены в комплексах Новогригорьевка (курганы VIII, IX), Новая Маячка, Макартет, Усть-Альма.<sup>519</sup> В кургане 18 у г. Покровска обнаружен плоский ромбический наконечник по размерам и форме похожий на наконечник из Городищенского IX, но без вертикального ребра на головке. Разнообразен ассортимент стрел из погребения у оз. Борового, включающий трехгранные, трехлопастные и ромбический в сечении наконечники.<sup>520</sup>

В перечисленных памятниках наблюдается такое же, как и в курганах с «усами», неравномерное распределение типов наконечников стрел: наиболее многочисленную группу составляют ромбовидные наконечники типа I (по И. П. Засецкой). Если для Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья наблюдается однообразие форм, то комплексы из Приуралья и Заволжья отличаются заметным разнообразием состава наконечников.<sup>521</sup> Так, в погребении Кызыл-Адыр из 14 экземпляров 5 составляли наконечники с ромбической боевой головкой типа I (по И. П. Засецкой), другие – с ассиметричной, ярусной, трапециевидной, лавролистной формой и трехгранной в сечении боевой головкой. Во владимирском погребении из 7 наконечников 6 трехлопастных и один плоский, с верти-

<sup>511</sup> Сунгатов 2003, 217.

<sup>512</sup> Арсланова 1975, 118.

<sup>513</sup> Арсланова 1975, 123, табл. I. 9.

<sup>514</sup> Bóna 1991, 16.

<sup>515</sup> Засецкая 1994, табл. 42. 10–11.

<sup>516</sup> Засецкая 1994, табл. 37. 1–6.

<sup>517</sup> Нефедов 1899, 10, 38, табл. 3. 4–6.

<sup>518</sup> Засецкая 1994, 181, 184, 186, 187, 188–190, табл. 29. 2, 3; табл. 31. 2, 3; табл. 34; табл. 35. 1–3; табл. 41. 3.

<sup>519</sup> Засецкая 1994, 163–165, 167, 168, табл. 3. 2–6; табл. 5. 3–7; табл. 9. 8; Комар 2013, 96, рис. 6. 2–5; Пуздровский–Зайцев–Неневоля 1999, 200, 202, рис. 5.

<sup>520</sup> Бернштам 1951, 222–223, рис. 11.

<sup>521</sup> Засецкая 1994, 38.

кальным ребром.<sup>522</sup> Последний обнаруживает близость наконечнику из кургана с «усами» Городищенское IX.

Сравнительно недавно круг аналогий наконечникам стрел пополнился благодаря введению в научный оборот двух комплексов. Один из них обнаружен в Притоболье на могильнике эпохи бронзы Халвай III. Предметный комплекс включал колчан, состоящий из не менее восьми стрел (рис. 132. 1–8). Шесть наконечников трехлопастные с ромбической формой боевой головки и один плоский. Интерес вызывает и состав сопроводительного инвентаря – остатки сложносоставного лука и костяная подпружная пряжка, безусловно, сближающий их с материальной культурой кочевников гуннского времени.<sup>523</sup> Другой комплекс открыт в могильнике Назар 2 Центрального Казахстана (рис. 132. 9–12). Впускное женское захоронение сопровождал набор из 13–14 стрел с ромбовидными наконечниками и может быть датировано той же гуннской эпохой.<sup>524</sup>

Представительная серия трехлопастных наконечников известна по памятникам джетыясарской культуры низовий Сыр-Дарьи: могильники Алтынасар 4б (№ 86 – здесь и далее в абзаце номер кургана), Алтынасар 4д (№№ 159, 160), Алтынасар 4к (№ 240), Алтынасар 4л (№№ 238, 240, 356), Алтынасар 4т (№ 480);<sup>525</sup> некрополей Южного Казахстана: Коньртобе (погребения 7, 23), Тулебайтобе, к. 1, Тулебайтобе 2, к. 18. Некрополь городища Сидак (склеп 1, возможно, склепы 3, 6),<sup>526</sup> Султанрабат (курган 2).<sup>527</sup>

В воинском захоронении Кызыл-Кайнар-Тобе на Среднем Таласе колчан насчитывал 8 однотипных (трехлопастных, ромбических) наконечников стрел.<sup>528</sup>

Происхождение ромбовидных наконечников традиционно обычно связывают с регионами Центральной Азии (Западной Монголией, Южным Забайкальем, Тувой, Алтаем) на рубеже эр. На западе, в гунно-сарматских, позднесарматских памятниках II–IV вв. они не встречаются: в это время наиболее распространены костяные наконечники или железные трехлопастные наконечники с прямо или под углом срезанными нижними концами лопастей. Ромбовидные формы получают наиболее массовое распространение на западе во второй половине IV–V вв. (Солончанка I, Султантемировский, Кызыл-Адыр, Покровск, Владимирское, Кубей, Новогригорьевка, Усть-Альма и др.) в связи с миграцией новых кочевников с востока. Так же широко эти наконечники представлены в комплексах джетыясарской культуры V – начала VI вв.<sup>529</sup>

*Колчаные крюки* (2 экз.) обнаружены в комплексах Султантемировский и Унирек (рис. 121. 7–8). Длина первого крюка составляет 6,5 см. Он представляет собой основание в виде слабо изогнутого стержня, резко загнутый язычок, оканчивающийся Т-образной поперечной планкой и щиток в виде сомкнутой петли. Планка раздвояна так, что выглядит как v-образная, однако в целом она прямая. Второй крюк, длиной 6,2 см, аналогичной формы, но худшей сохранности: утрачены часть основания и планки. Функционально эти предметы выполняли роль пряжки стрелкового пояса.<sup>530</sup>

Ближайшие аналогии происходят из пещерного погребения Кызыл-Адыр и из кургана 3 на горе Мертвые Соли (Южное Приуралье).<sup>531</sup> На западе, в Северном Причерноморье подобные крюки найдены в комплексах Кубей (курган 8,

<sup>522</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1983, 73; ЗАСЕЦКАЯ 1994, 38.

<sup>523</sup> ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015, 153, рис. 110. 4–11.

<sup>524</sup> БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013, 462.

<sup>525</sup> ЛЕВИНА 1996, 199, 287, рис. 92. 19, 21, 35, 37, 44, 46, 47, 50, 51, 56–68.

<sup>526</sup> БАЙПАКОВ–СМАГУЛОВ–ЕРЖИГИТОВА 2005, 14, 19, 93, 130–132, рис. 1. 6. 1, 2; рис. 1. 16. 4, 5; рис. 2. 21. 8, 9, 21; рис. 3. 24. 16; рис. 3. 25. 6; рис. 3. 27. 1.

<sup>527</sup> ПОДУШКИН 2000, 66–67.

<sup>528</sup> МЕРЩИЕВ 1970, 89, 90, рис. 7. 7.

<sup>529</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1983, 82; ЛЕВИНА 1996, 199; ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999, 23; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 110–111; БОТАЛОВ 2008, 223.

<sup>530</sup> КУБАРЕВ 2005, 92–98; BONA 1991, 21, Abb. 5.

<sup>531</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, 188, табл. 37. 21; НЕФЕДОВ 1899, табл. 3. 15.

погребение 2) и могиле VIII Новогригорьевки.<sup>532</sup> Интересно, что Кубей и Мертвые Соли объединяет редкая для степных памятников гуннского времени восточная ориентировка погребенных. В Южном Казахстане колчанные крюки встречены в одном из склепов Борижарского могильника<sup>533</sup> и погребении Актобе.<sup>534</sup>

В большинстве же такие крюки обнаружены на востоке, в некрополях булан-кобинской культуры Алтая (Кок-Паш, Верх-Уймон, Булан-Кобы IV, Дялян), в кокальском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве, в дуройских и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья, в кенкольских комплексах Тянь-Шаня.<sup>535</sup> При этом существует два региона их наибольшего распространения – Алтай и Восточное Забайкалье. По данным С. С. Матренина, среди колчанных крюков с планкой, количественно преобладают экземпляры со щитком в виде замкнутой петли. Период их бытования приходится на 2-ю четверть I тыс. н. э., а период активного использования – IV–V вв.<sup>536</sup> Именно эта форма в V в. проникает на запад в Приуралье (Кызыл-Адыр, Султантемировский, Мертвые Соли) вплоть до Северного Причерноморья (Кубей, Новогригорьевка). А. А. Тишкин и С. С. Матренин предлагают следующую схему их распространения: из Центральной Азии эта форма проникла в Семиречье и Нижнюю Сырдарью, а затем, в конце IV в., распространились в Зауралье, Приуралье и Восточную Европу. По их мнению, появление таких колчанных крюков связано «с влиянием материальной культуры позднесяньбийского конгломерата на волне «великого переселения народов».<sup>537</sup> Поздние экземпляры обнаружены в кургане Крохалевка-23 (ранний этап верхнеобской культуры, 2-я половина V–VI вв. н. э.) и раннетюркской оградке № 104 комплекса Кудэр-

гэ, относящаяся к кызыл-ташскому этапу тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н. э.).<sup>538</sup> Впоследствии поперечная планка вовсе исчезает, что наблюдается, например, в памятниках Среднего Поволжья VII–VIII вв.<sup>539</sup>

Несмотря всего на два случая находок колчанных крюков из курганов с «усами», они являются весьма показательным хронологическим маркером. Распространившись в степи примерно с конца IV в., эта форма исчезает где-то с VI в. н. э.

*Костяные накладки сложносоставного лука* обнаружены в комплексах Солончанка I (рис. 95. 32–36) и Зевакино (рис. 70. 1–6; рис. 65. 1–3).

В Солончанке I накладки представлены большим количеством обожженных фрагментов. Авторы исследования указывают, что достоверно восстанавливается 2 концевых и 2 срединных накладки. Другие фрагменты позволяют предположить наличие еще как минимум двух концевых, одной срединной и одной продольной накладок. Концевые накладки прямые, со слегка закругленными краями на конце, с округлой прорезью для тетивы. Лицевая сторона отполирована, по заостренному краю лицевой стороны нанесены насечки в виде елочки. Обратная сторона обработана для крепления к основанию лука на какую-то клеевую основу. Размеры первой накладки – 22,5 × 1,7 см, сохранившейся части второй – 16,5 × 1,5 см. Лишь одна срединная накладка позволяет говорить о форме и размерах. Она имела трапециевидную форму, по длинному краю нанесен ряд насечек. Общая длина, как предполагают авторы исследования, могла составлять 14,5–15 см.<sup>540</sup>

В кургане 1 комплекса Зевакино комплекса обнаружено 10 накладок. Конструктивно они распределялись следующим образом. На одном

<sup>532</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, табл. 5. 12; табл. 46, 19.

<sup>533</sup> БАЙПАКОВ–СМАГУЛОВ–ЕРЖИГИТОВА 2005, 124, рис. 3. 20. 20.

<sup>534</sup> МАКСИМОВА и др. 1968, 75–76, рис. 32. 13.

<sup>535</sup> Грач 1966, 104, рис. 30. 1; Сорокин 1977, 63, рис. 6. 5; Васютин–Елин 1987, 87, 88, рис. 1. 25; рис. 2. 42; КОЖОМБЕРДИЕВ–ХУДЯКОВ 1987, 80, рис. 2. 10, 11; МАТРЕНИН 2011, 146.

<sup>536</sup> МАТРЕНИН 2011, 148.

<sup>537</sup> ТИШКИН–МАТРЕНИН, 2012, 132.

<sup>538</sup> МАТРЕНИН 2011, 146; ТИШКИН–СЕРЕГИН 2011, 24, 25, рис. 4. 7; Илюшин, 2000, 166, рис. II. 6.

<sup>539</sup> БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 1998, 119, 120, рис. 26. 20–25.

<sup>540</sup> ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999, 24.

конце лука были четыре накладки, две из них короткие с вырезами накладывались на две длинные изогнутые. На противоположном конце две пластины меньшей длины без вырезов, возможно обломанные. Между ними находилась короткая тыльная пластинка клиновидной формы. Две срединные трапециевидные накладки длинными концами были обращены внутрь, а третья, узкая прямая, располагалась вдоль короткой стороны парных. Длина зевакинского лука достигала 130 см.<sup>541</sup>

Накладки из Зевакино имели нанесенные параллельные надрезы или ромбические штриховки с внутренней и внешней сторон для лучшего крепления (склеивания) с деревянной основой лука. Срединные накладки имели трапециевидную форму с заостренными длинными концами. Общая длина срединной накладки составляет около 14 см, концевых с вырезами – около 4 см, длинных концевых, на которые накладывались предыдущие – около 16 см.

Аналогией деталям лука из комплекса Солончанка I является комплект накладок из пещерного погребения Кызыл-Адыр. Еще несколько накладок плохой сохранности происходят из курганов 17, 18 у г. Покровска.<sup>542</sup> Комплект из семи накладок открыт во впускном погребении Халвай III<sup>543</sup> (рис. 132. 24–27).

Отличительной чертой луков гуннского времени является комплектность, включающая семь накладок: две пары концевых боковых и три срединных (две боковые и тыльная).<sup>544</sup> Концевые накладки по форме прямые или слегка дуговидные. Е. В. Круглов выделяет среди них две группы. Для первой характерно то, что большая часть лицевой поверхности накладок (боковых концевых и срединных) покрывались мелкими хаотичными нарезками, а также отсутствие достоверных свидетельств использования срединных тыльных пластин для рукоятей. Такие

луки известны по памятникам Кызыл-Адыр, Покровск (курган 18 и менее выразительный курган 17) и Царев. Е. В. Круглов предлагает назвать их «гунно-сарматским» типом. Рукояти второй группы луков, в отличие от первой, более значительны по размерам и снабжались тыльной пластиной. Боковые пластины строго трапециевидной формы. Насечки покрывают боковые грани пластин. Эту группу Е. В. Круглов именуется «огуро-савирской», экземпляры которой происходят из Усть-Альмы, Вены и др. и имеющие аналогии в джетыясарских комплексах, в катакомбе 10 Кенкольского могильника.<sup>545</sup> Таким образом, материалы Солончанки I и Зевакино могут демонстрировать две линии развития сложносоставных луков, по определению Е. В. Круглова, именуемые «гунно-сарматской», а к «огуро-савирской». Конструкция луков второй группы обладает технологическими новшествами, не известные в предыдущее время.<sup>546</sup> Одним из таковых является наличие клиновидной концевой тыльной пластины на зевакинском луке. Судя по сопроводительному инвентарю, он относится ко второй половине IV–V вв.

*Наконечники копий* (2 экз.) происходят из комплексов Коктал (северный курган) и Нижне-Давлетовский (рис. 121. 6, 10). Они изготовлены из железа и имеют конусовидную втулку.

Наконечник копья из Коктала имеет длину 16 см, при длине пера 11 см. Перо ланцетовидной формы, наибольшая ширина которого составляет 3 см.<sup>547</sup> Общая длина наконечника копья из Нижнедавлево составляет 30 см, с длиной пера 14 см. Перо уже втулки, наибольшая ширина составляет 2 см.

Находки копий довольно редки в степных памятниках вплоть до середины I тыс. н. э. В степных памятниках гуннского времени И. П. Засецкая приводит лишь одно копьё из погребения «Восход».<sup>548</sup> Еще один фрагмент копья

<sup>541</sup> Арсланова 1975, 124.

<sup>542</sup> Любчанский–Гаиров 1999, 25; Засецкая 1994, 187, табл. 36. 2–11.

<sup>543</sup> Шевнина–Логвин 2015, 155, рис. 111. 2–5.

<sup>544</sup> Хазанов 1971, 30; Круглов 2005, 77.

<sup>545</sup> Бернштам 1940, 21, 22, табл. XXVII; Левина 1996, 197, 282–286, рис. 87–91.

<sup>546</sup> Круглов 2005, 78.

<sup>547</sup> Кадырбаев 1959, 90, рис. 3.

<sup>548</sup> Засецкая 1994, 35, табл. 32. 2.

(линзовидной в сечении формы) происходит из коллекции предметов у оз. Боровое.<sup>549</sup> Приведенные экземпляры похожи на наконечник из Коктала. Второе копьё, из нижедавлетовского комплекса, тяготеет к кокэльскому комплексу вооружения.<sup>550</sup> Позже, в древнетюркских погребениях они также редки, тем не менее, на их широкое использование во второй половине I тыс. н. э. указывают изобразительные и письменные памятники.<sup>551</sup> В VII–VIII вв. такие копьё известны западной, в новинковских памятниках Самарской Луки.<sup>552</sup>

*Кинжовое оружие* включает находку кинжала (1 экз.) и меча (1 экз.).

Кинжал обнаружен в комплексе Назар (рис. 121. 11). Он изготовлен из железа. Общая длина – 32 см. Треугольный черенок рукояти с незначительным уступом плавно переходит в рукоять. В памятниках гуннского времени известно 4 находки похожих кинжалов: Новогригорьевка (могила VIII), Ровное (курган 42), Кубей (курган 8, погребение 2), Шипово (курган 3).<sup>553</sup> На Среднем Таласе кинжал аналогичной формы сопровождал богатое воинское захоронение Кызыл-Кайнар-Тобе конца IV–V вв.<sup>554</sup> Подобная форма кинжалов получает распространение не ранее V в. и хорошо прослеживается по памятникам гуннской эпохи.<sup>555</sup> Ранее, в гунно-сарматское время, бытуют кинжалы других форм: с прямым перекрестием и круглым навершием, а также биметаллические – без навершия с накладными ручками.<sup>556</sup>

Фрагмент железного однолезвийного меча (рис. 70. 13; рис. 71. 11) сопровождал погребение из кургана 1 комплекса Зевакино. Имел плоскую

рукоятку с плавно переходящим к лезвию уступом. Конец клинка обломан, сохранившаяся часть составляет 34 см. От ножен и рукояти сохранились остатки дерева.<sup>557</sup>

Однолезвийные мечи, в отличие от ранее известных двулезвийных, получают развитие только в середине I тыс. н. э. Они прослежены по нескольким находкам памятников гуннского круга: Покровск (курган 17), Нижняя Добринка, совхоз Калинина.<sup>558</sup> В Центральном Казахстане однолезвийный меч (с ромбовидным перекрестием) обнаружен в кургане 2 могильника Назар-2.<sup>559</sup> На Алтае однолезвийный меч известен в составе инвентаря богатого захоронения у с. Тугозвонovo второй половины IV–V в.<sup>560</sup>

Таким образом, комплекс вооружения представлен стандартными для номадов категориями: лук, стрелы, оружие ближнего боя. Наиболее многочисленны находки стрелкового оружия. Круг аналогий очерчен, в основном, памятниками гуннского времени Восточной Европы, предтюркского и раннетюркского времени Алтая. Для всех категорий вооружения характерны технологические новации, произошедшие в середине I тыс. н. э. (трехлопастные ромбические наконечники стрел, стрелковые пояса, однолезвийные мечи-палаши). Многие элементы вряд ли являются продолжением развития оружейного комплекса предшествующей гунно-сарматской и позднесарматской культуры. Более вероятно их центральноазиатское происхождение, принесенные на запад вместе с мигрантами с востока. Представленный оружейный комплекс датируется в основном второй половиной IV–VI вв. н. э.

<sup>549</sup> Бернштам 1951, 222, рис. 10.

<sup>550</sup> Худяков 1986, 81, 82, рис. 32.

<sup>551</sup> Худяков 1986, 157; Кубарев 2005, 98, 99, 108, рис. 32.

<sup>552</sup> Багаутдинов–Богачев–Зубов 1998, 113–115, рис. 24. 1–4.

<sup>553</sup> Засецкая 1994, 34, 35, 165, 181, 193, табл. 5. 2; табл. 29. 1; табл. 41. 1; табл. 46. 18.

<sup>554</sup> Мершиев 1970, 89, 90, рис. 6.

<sup>555</sup> Засецкая 1994, 35.

<sup>556</sup> Боталов 2009, 185.

<sup>557</sup> Арсланова 1975, 118, 123, табл. I. 13; Böna 1991, 16, 235, Abb. 4.

<sup>558</sup> Засецкая 1994, 33, 34, 177, 182–184, табл. 23. 12; табл. 30. 10; табл. 31. 1.

<sup>559</sup> Бейсенов–Китов 2013, 463, рис. 1.

<sup>560</sup> Уманский 1978, 134.

#### 4.1.2. Предметы конского снаряжения и уздечные украшения

К предметам конского снаряжения относятся удила, подпружные пряжки, уздечные пряжки, остатки седла.

Удила являются довольно представительной для курганов с «усами» категорией находок. Всего обнаружено 7 экземпляров, происходящих из 6 комплексов (Солончанка I (курганы 1, 3), Беркутты, Канатгас, Султантемировский, Коктал, Атасу-2) (рис. 120). Принципиально их конструкция схожа. Это двусоставные удила, грызла которых оканчиваются округлыми кольцами (Канатгас, Коктал, Атасу-2) (рис. 120. 2, 4, 5). В двух случаях (Беркутты и Султантемировский) встречены дополнительные овально-прямоугольные кольца, сомкнутые с окончаниями удил (рис. 120. 3, 6). В комплексе Беркутты обнаружено одно кольцо, но нельзя исключать и существование некогда второго.<sup>561</sup> Еще в двух случаях (курганы 1, 3 комплекса Солончанка I) обнаружены удила со стержневыми псалиями. Они не сохранились, их форма известна по полевым зарисовкам. В Канатгасе удила обнаружены без дополнительных деталей, однако на прорисовке, предлагаемой автором публикации,<sup>562</sup> на обоих окончаниях грызел видны коррозионные следы, шириной примерно 0,5 см, возможно, оставленные кольцами-псалиями.

Аналогии удилам с вытянутыми кольцами-псалиями (рис. 120. 3, 6) встречены в погребениях 111 и 156 Бирского могильника. В обоих случаях они встречены с пряжками предгеральдического облика, что позволяет относить их ко 2-й, 3-й четверти VI вв.,<sup>563</sup> к концу VI–VII в.<sup>564</sup> или к середине VI – середине VII вв. (группа Е по

И. О. Гавритухину).<sup>565</sup> Более ранние прямоугольные псалии с медными обоймами, известные в Тураевском могильнике (курган VII, 16). Они датируются концом IV – первой половиной V вв.<sup>566</sup> На Алтае такие удила встречены в кургане 17 могильника Степушка-I. Для этого комплекса получена радиоуглеродная дата, калиброванное значение которой относится ко второй четверти II – третьей четверти IV вв. (при вероятности 68,2 %). Типологическая датировка предметного комплекса очерчена концом III – началом V вв.<sup>567</sup> Необходимо упомянуть также тувинские находки из могильника Бай-Даг, датируемые III–V вв.<sup>568</sup> Находки из Алтая и Тувы, таким образом, относятся к более раннему времени и, возможно, иллюстрируют исходную территорию распространения вытянутых колец-псалиев на запад. Их форма редкая и, надо полагать, они не получили развития в последующее время.

Удила со стержневыми псалиями известны в погребении на городище Беляус,<sup>569</sup> кургане 2 на горе Мертвые Соли,<sup>570</sup> в погребении 147 Бирского могильника. Первые два можно датировать широкими рамками V в., с возможным уточнением до 2-й – 3-й четверти V в. (группы С2–С3 по А. В. Комару).<sup>571</sup> Удила из кургана 2 Мертвые Соли найдены вместе с трехсоставными пряжками с хоботковым язычком. Удила и сопутствующий материал из погребения 147 Бирского могильника отнесены Н. А. Мажитовым к концу VI–VII вв.<sup>572</sup>

Таким образом, время бытования удил из комплексов Беркутты, Султантемировский I и Солончанка I можно очертить рамками V–VII вв. Нижняя граница может доходить и до II в. н. э. на Алтае (Степушка I), но западней, в гунно-сарматских памятниках урало-казах-

<sup>561</sup> Любчанский 2009а, 140.

<sup>562</sup> Кадьрыбаев 1959а, 181, рис. 5. 3.

<sup>563</sup> Богачев 2010, 158.

<sup>564</sup> Мажитов 1993, 121–126.

<sup>565</sup> Гавритухин 1996, 119–126.

<sup>566</sup> Генинг 1976, 77, 78, 101, рис. 31. 10.

<sup>567</sup> Тишкин–Матренин–Шмидт 2013, 270, 274, 276, рис. 13. 5.

<sup>568</sup> Кызласов 1979, 116, рис. 82. 1, 2.

<sup>569</sup> Засецкая 1994, 179–180, табл. 27. 1.

<sup>570</sup> Нефедов 1899, табл. 3. 7, 8.

<sup>571</sup> Комар 2000, 20–26.

<sup>572</sup> Мажитов 1993, 123, рис. 2. 32а.



станских степей они не известны. Пока мы можем предполагать их появление где-то в конце IV–V вв., благодаря сопроводительному инвентарю комплексов Солончанка I, Коктал и Канатас. Однако сами по себе удила вряд ли служат датирующей категорией предметов, поскольку их форма универсальна для всей поздней древности и средневековья.

*Подпружные пряжки* (5 экз.) обнаружены в комплексах Беркутты (2 экз.), Солончанка I (1 экз.), Каннатас (1 экз.), Унирек (1 экз.) (рис. 121. 1–3, 9). По материалу их можно разделить на железные и костяные.

**Железные пряжки.** Пряжка из Беркутты (рис. 121. 3) имеет трапецевидную форму рамки, размерами 6 × 5 см, с подвязным язычком. В том же комплексе, в каменном ящике под восточным окончанием южной гряды, среди раздробленных костей лошади найдена полукруглая подпружная пряжка, рисунок и размер которой в публикации не приведены.<sup>573</sup> Для трапецевидной пряжки не приведена форма сечения рамки, но скорее всего, она была прямоугольная. Трапецевидная рамка является достаточно редкой формой. Подобные пряжки обнаружены в погребениях джетыасарской культуры, но в качестве поясных.<sup>574</sup> Похожая встречена в погребении из Уфы.<sup>575</sup> На Алтае они близки типам 1 и 2 Б. Б. Овчинниковой (железные подпружные пряжки с квадратной и прямоугольной рамкой), датирующиеся довольно широко – от V до XIII вв.<sup>576</sup> Но наиболее близкими могут быть пряжки из оградки XV могильника Кудыргэ<sup>577</sup> на Алтае, из впускного погребения 1 кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве.<sup>578</sup> Оба памятника датируются в пределах второй половины V–

VI вв.<sup>579</sup> Подпружная трапецевидная пряжка не является узкой датирующей находкой для комплекса Беркутты, однако расширяет нижнюю границу до V в. Напомним, что ранее комплекс Беркутты был датирован VII–VIII вв. н. э.<sup>580</sup>

Пряжка из Солончанки I (рис. 121. 1) овальной формы. Размер рамки 4,4 × 3,5 см, длина язычка 3,55 см. Изготовлена из железного округлого в сечении дрота. Язычок прямой, подвижный, не выходящий за рамку и слегка прогнут внутрь рамки.<sup>581</sup> Еще одна пряжка происходит из комплекса Унирек (рис. 121. 2). Она сохранилась не полностью, ее рамку реконструируют с небольшим прогибом внутрь в основании язычка.<sup>582</sup> Такие пряжки довольно широко распространены во времени и пространстве. Они известны как в более ранних гунно-сарматских, так и в более поздних степных комплексах второй половины I тыс. н. э.

**Костяная пряжка** из кургана 19 Каннатас (рис. 121. 9) имеет подпрямоугольную форму со скругленными углами в верхней части (условно рамки) и с выемкой в основании (щиток). В сечении неправильной полуовальной формы с наибольшей шириной в верхней части. В верхнем конце Т-образное сквозное отверстие, в нижнем – биноклевидное овальное. В боковой части просверлено сквозное отверстие диаметром 0,7 см. Длина пряжки – 8 см, наибольшая ширина – 3,5 см, толщина – 1,5 см.<sup>583</sup>

Наиболее близкой, как по форме, так и по датировке (в рамках V–VI вв.), является пряжка из впускного погребения Халвай III в Притоболье<sup>584</sup> (рис. 131. 4). Встречены они в джетыасарских памятниках Нижней Сырдарьи (курган 162/2 могильника Алтынасар 4в; курган 29 могильни-

<sup>573</sup> Ахинжанов 1977, 78; Любчанский 2009а, 140.

<sup>574</sup> Левина 1996, 317, рис. 122. 16.

<sup>575</sup> Сунгатов 1998, 64, 67, рис. 9. 21.

<sup>576</sup> Овчинникова 1990, 120, рис. 49. 1, 9.

<sup>577</sup> Гаврилова 1965, табл. V. 5.

<sup>578</sup> Грач 1982, 157, 158, рис. 2. 5.

<sup>579</sup> Тишкин–Серегин 2011, 21, 23, рис. 3. 15; Грач 1982, 163; Серегин–Матренин 2016, 166–174.

<sup>580</sup> Ахинжанов 1977, 80.

<sup>581</sup> Любчанский–Таиров 1999, 26, 53 рис. 23. 6.

<sup>582</sup> Курманкулов–Утубаев–Касенова 2018, 294, рис. 2. 5.

<sup>583</sup> Кадырбаев 1959а, 181, рис. 15. 1.

<sup>584</sup> Шевнина–Логвин 2015, 155, рис. 111. 1.

ка Косасар 2).<sup>585</sup> Близкие по форме и пропорциям пряжки известны в Маняжском могильнике (погребение 26) и в Ново-Биккинском кургане<sup>586</sup> на Южном Урале, относящиеся ко второй половине VI – первой половине VIII вв. н. э.

По характеру прорезей и общей форме эта пряжка относится к типу «а» отдела 3 разряда А по типологии Б. Б. Овчинниковой. На Алтае они датируются VI–X вв.<sup>587</sup> Г. В. Кубарев, анализируя древнетюркский материал Алтая, отмечает большое разнообразие форм и индивидуальность данных изделий на протяжении всей второй половины I тыс. н. э., а также высказывает сомнение в возможности отнести их к категории датирующих предметов.<sup>588</sup>

На западе в памятниках гуннского времени такие пряжки редки. Поэтому особый интерес вызывает погребение на городище Беляус в Крыму.<sup>589</sup> В состав инвентаря входили одна костяная и три металлических трехсоставные хоботковые пряжки, дающие основания датировать погребение в пределах V в. Костяная пряжка из Беляуса восходит к булан-кобинским и идентична древнетюркским. Но особенно она близка пряжкам кызыл-ташского этапа Горного Алтая (вторая половина V – первая половина VI вв.).<sup>590</sup> Можно полагать, что их проникновение на запад произошло где-то в конце IV–V в., а пряжка из крымского захоронения наводит на мысль о центральноазиатском происхождении ее владельца.<sup>591</sup> Вероятно, в этом же ключе следует рассматривать их нахождение в погребальных комплексах урало-казахстанских степей (Канаттас, Халвай III). Основные географические маркеры – Канаттас, Джетыясар, Халвай III, Беляус довольно ясно очерчивают пределы их распространения в V в.

*Уздечные пряжки* (3 экз.) происходят из комплекса Солончанка I (рис. 94. 21–23). Все три пряжки хоботковидные. Рамка литая, округлая, имеет утолщение в передней части. Выполнена из дрота, в сечении в виде неправильного восьмиугольника. Щиток изготовлен из узкой серебряной полоски, соединенный с основанием рамки путем перегиба. К кожаной основе щиток крепился с помощью серебряного штифта, вклепанного в центр щитка. Язычок изготовлен из круглого дрота выходящий за щиток и загнутый вниз за пределами щитка. В основании и на конце язычок украшен рисками.

Пряжки с хоботковидным язычком широко представлены в памятниках гуннского времени и датируются V в. Практически точная аналогия солончанской пряжке есть в Керченском склепе 165,<sup>592</sup> но рамка не граненая. Две другие пряжки из того же склепа схожи по форме щитка. Одна из них имеет граненую рамку, но язычок обеих пряжек короче. В степных комплексах пряжки с хоботковидным язычком и уплощенной впереди рамкой сочетаются с различными по форме и оформлению щитками. В Беляусе, Кубее (курган 8, погребение 2), Зеленокумске, Здвиженском, Мертвых Солях щиток прямоугольный вытянутый. В могиле IX Новогригорьевки присутствовал ромбический, но инкрустированный щиток, а язычок – короче. Насечки на язычке тоже довольно распространенный прием на язычках пряжек конца IV–V века.<sup>593</sup> Эволюция пряжек эпохи Великого переселения народов показывает, что удлиненный язычок (выходящий за рамку) исчезает где-то со второй половины V в. и трехсоставные пряжки постепенно сменяются пряжками шиповского типа.

<sup>585</sup> Левина 1996, 291, рис. 96. 6, 8.

<sup>586</sup> Мажитов 1981, 10–12, 18, рис. 4. 31; рис. 8, 22.

<sup>587</sup> Овчинникова 1990, 114–116, рис. 48. 14–15.

<sup>588</sup> Кубарев 2005, 135.

<sup>589</sup> Дашевская 1995, 61, рис. 3. 8.

<sup>590</sup> Тишкин–Матренин 2010, 226; Тишкин–Серегин 2011, 23, рис. 3. 2–5.

<sup>591</sup> Комар 2000, 26.

<sup>592</sup> Засецкая 1979, 8, рис. 3. 42.

<sup>593</sup> Нефедов 1999, табл. 3. 9–12; Засецкая 1994, табл. 9. 11; табл. 11. 20; табл. 13. 14; табл. 46. 6; Дашевская 1995, 56, 61, рис. 3. 2, 3, 6; Пуздовский 1999, 201, 202, рис. 6. 16–23; Комар 2000, 28, рис. 1. 1–5, 15–17, 30–32, 43, 59, 60.

*Наконечники ремней* (4 экз.) из комплекса Солончанка I (рис. 94. 17–20). Они однотипны и представляют собой серебряную пластину вытянутой подпрямоугольной формы. Имеют декоративное ребро, проходящее по центру. На одном наконечнике у его основания нанесены две параллельные риски. С обратной стороны соединена с подременной тонкой бронзовой пластиной. Размеры наконечников примерно одинаковы: 6,4–6,8 × 1,0 см.

Такие, а также стилистически близкие наконечники встречены в гунно-сарматских и джетысарских памятниках и являются дериватами изделий позднеримских традиций.<sup>594</sup>

*Золотые накладки ленчика седла* (4 экз.) обнаружены в двух комплексах – Солончанка I и Атасу-2 (рис. 62. 4; рис. 94. 8, 9; рис. 142. 8, 9). Первая пара представляют собой неравносторонние треугольники с закругленными углами, изготовленные из тонкой золотой фольги. Площадь изделия заполнена тонким чешуйчатым орнаментом, выполненный путем вдавливания. Размеры пластин составляют 15,0 × 5,0 и 13,0 × 5,2 см.<sup>595</sup> Пластины из Атасу-2 имели сегментовидную форму, в нижней части покрыты орнаментом в виде чешуек, в верхней – в виде косой сетки.<sup>596</sup>

Золотые накладки ленчиков происходят из ряда памятников гуннской эпохи: Боровое, Новогригорьевка (могилы VIII, IX), Мелитополь, Калинин, Владимирское (курган 4), Кубей (курган 8, погребение 2)<sup>597</sup> и более поздних.<sup>598</sup>

Пластина из Солончанки (рис. 122. 13; рис. 142. 8), судя по отношению длины к ширине с коэффициентом 2,9, относится к типу Ib<sup>599</sup> и являются ранней формой подобных изделий.

Атасуская накладка (рис. 122. 12) может быть расценена как более развитая форма (тип 4). Оригинальность ей добавляет сочетание чешуйчатого и сетчатого орнамента, пока не встреченная на других пластинах.<sup>600</sup>

#### 4.1.3. Предметы одежды

В данную категорию мы выделили наборные пояса, пряжки, гривну и серьгу.

*Миниатюрная пряжка* из комплекса Канаттас. Для предмета отсутствуют описания, но есть две иллюстрации без прорисовки сечения<sup>601</sup> (рис. 130. 5–5а). Общая длина составляет порядка 2 см. Язычок не выступает за рамку и, судя по рисунку, слегка прогнут. Щиток имеет вытянутую грушевидную форму и снабжен круглым отверстием в центральной части для прикрепления его к кожаной основе.

Возможно, канаттаской близка пряжка из кургана 16 могильника Косасар (Восточное Приаралье),<sup>602</sup> но отсутствие более подробного описания пряжки из Канаттаса не позволяет точно найти ей аналогию. Более определенно мы можем судить о длине язычка – судя по двум прорисовкам он был явно короче солончанской или других хоботковых пряжек гуннского времени. Короткий язычок характерен для ряда пряжек из некрополей Южного Казахстана (Борижарский, Коныртобе, Сидак).<sup>603</sup> Не исключено, что именно в южноказахстанских ремесленных центрах была изготовлена эта пряжка. Обращает на себя внимание «вытянутость» щитка в месте захвата рамки, этот прием также обнаружен на некоторых южноказахстанских пряжках.

<sup>594</sup> Левина 1996, 354, рис. 129. 28, 29, 46–48; Боталов–Гуцалов 2000, 48, 56, 57, рис. 13. 10; рис. 16. 17, 20; рис. 17. 20; Комар 2013, 105.

<sup>595</sup> Любчанский–Таиров 1999, 30, 58, рис. 25. 13, 14.

<sup>596</sup> Бейсенов и др. 2018, 109, рис. 5; 6.

<sup>597</sup> Бернштам 1951, 216, 217, рис. 1; Засецкая 1994, табл. 2. 10; табл. 4. 15; табл. 7. 9; табл. 22. 15; табл. 35. 13; табл. 41. 8; табл. 47. 9.

<sup>598</sup> Амброз 1989, 127, рис. 41. 4–10; Казаков 1998, 142, 148, рис. 30. 8; рис. 36. 4.

<sup>599</sup> Засецкая 1994, 46.

<sup>600</sup> Бейсенов и др. 2018, 110.

<sup>601</sup> Кадырбаев 1959а, 181, рис. 15. 7; Археологическая карта Казахстана 1960, 467, табл. VI. 140.

<sup>602</sup> Левина 1996, 320, рис. 125. 15.

<sup>603</sup> Байпаков–Смагулов–Ержигитова 2005, 19, 34, 49, 124, 130, рис. 1. 16. 6; рис. 1. 37. 10–14; рис. 1. 39. 2, 3, 8, 9; рис. 3. 20. 1, 2; рис. 3. 24. 5.

На западе схожие с канаттаской пряжки обнаружены в Здвиженском, Раденском,<sup>604</sup> в последней щиток инкрустирован. Похожие пряжки также есть в памятниках 1-й пол. VI в. Северного Причерноморья – Лихачевка, Животино, Ново-Подкряж. В этих пряжках определенно прослеживается сохранение традиций оформления пряжек гуннского времени.<sup>605</sup> Пряжка с похожим щитком обнаружена в склепе 75 могильника Лучистое и относится ко второй половине V в.<sup>606</sup>

*Пояса* (2 экз.). Конструктивно и стилистически они похожи: оба включают рамчатую пряжку и ряд металлических пластинок, прикрепляемых к коже миниатюрными гвоздиками. Приведем подробные описания.

Пояс из Зевакино (*рис. 130. 7–7а*) украшен бронзовыми подпрямоугольными пластинчатыми бляхами, прикрепленными к ремню миниатюрными бронзовыми гвоздями с округлой шляпкой, расположенными попарно на концах. В середине к поясу (сзади) прикреплена тремя такими же серебряными гвоздями фигурная бронзовая пластина. Ремень завершается железной округлой пряжкой с подвижным язычком.<sup>607</sup>

Основа пояса из Канаттаса (*рис. 130. 6–6а*) состояла из двух слоев кожи толщиной в 4 мм. Внешняя его сторона представляла плотно подогнанные друг к другу серебряные пластинка длиной 2,5 см, шириной 3 мм, толщиной около 0,3 мм. Пластинки скреплялись с кожей при помощи миниатюрных серебряных гвоздиков с круглой, выпуклой шляпкой, которые пробивали в верхнем и нижнем конце пластинку, затем кожу, и закреплялись с тыльной стороны посредством загиба острия. Общая длина таких гвоз-

диков – 6 мм, диаметр шляпки – 3 мм, среднее сечение острия – менее одного миллиметра. Серебряная прямоугольная рамковидная пряжка была сломана в средней части. Её размеры: длина – 2,5 см, ширина – 1,9 см, толщина в сечении – 3 мм. Пряжка имела подвижный железный язычок и крепилась с поясом при помощи двух серебряных скобок.<sup>608</sup>

Прямоугольнорамчатые пряжки, используемые в качестве поясных, являются редкой находкой в степных памятниках гуннского времени. Одна известна нам в кургане 3 у ст. Шипово,<sup>609</sup> вторая – в кургане около с. Изобильного в Крыму.<sup>610</sup> Прямоугольная пряжка имеется в коллекции Боровое.<sup>611</sup> Нельзя не вспомнить прямоугольнорамчатые, правда уздечные, пряжки из Шамси, имеющие прямую аналогию в погребении на озере Боровое.<sup>612</sup>

Украшения поясов тонкими металлическими пластинками прослежено по следующим памятникам: Федоровка, Кубей (курган 8, погребение 2), Капуловка.<sup>613</sup>

В Южном Казахстане такой пояс сопровождал погребенного в склепе 3 некрополя городища Сидак.<sup>614</sup> В Кызыл-Кайнар-Тобе пояс украшали фигурные пропеллеровидные пластинки, имеющие стилистическое сходство с зевакинской.<sup>615</sup> Пластинчатый пояс был популярен у населения Джетыясарской культуры (Томпакасар, курганы 16, 356; Косасар 2, курганы 100, 365),<sup>616</sup> детали встречены в погребении Шамси.<sup>617</sup>

Судя по приведенным аналогиям, пояса, украшенные прямоугольными пластинками с гвоздиками, были популярны в гуннское и постгуннское время. Хронологию поясов джетыя-

<sup>604</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, 168–169, 173, табл. 11. 17; табл. 17. 19.

<sup>605</sup> КОМАР 2004, 180, 181, рис. 3. 6–9.

<sup>606</sup> АЙБАБИН–ХАЙРЕДИНОВА 2008, 48, 51, рис. 25. 27.

<sup>607</sup> АРСЛАНОВА 1975, 116–117.

<sup>608</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а, 196.

<sup>609</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, 188–190, табл. 41. 2.

<sup>610</sup> КОМАР 2000, 33.

<sup>611</sup> БЕРНШТАМ 1951, 221, 222, рис. 7.

<sup>612</sup> КОЗЕМБЕРДИЕВА–КОЗЕМБЕРДИЕВ–КОЗЕМУАКОВ 1998, 462, 463, Abb. 8. 2, 3; Abb. 9. 2, 3; БЕРНШТАМ 1951, 221, 222, рис. 7.

<sup>613</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, 186, 192, 193, табл. 34. 7; табл. 46. 5; БОГАЧЕВ 2000, 137, 151, рис. 4. 10, 11; КОМАР 2000, 21, 30, рис. 2. 3, 6.

<sup>614</sup> БАЙПАКОВ–СМАГУЛОВ–ЕРЖИГИТОВА 2005, 131, рис. 3.25. 11.

<sup>615</sup> МЕРЦИЕВ 1970, 89, 90, рис. 7. 4.

<sup>616</sup> ЛЕВИНА 1996, 324, 328, рис. 129. 8–12, 14, 16; рис. 133.

<sup>617</sup> КОЗЕМБЕРДИЕВА–КОЗЕМБЕРДИЕВ–КОЗЕМУАКОВ 1998, 460, Abb. 6.

сарской культуры определяют трехсоставные пряжки, на одной из которых был инкрустированный прямоугольный щиток и граненая округлая рамка. Рамка пряжки другого пояса в сечении имела три ступеньки, что сближает ее с пряжкой из Калинина,<sup>618</sup> но, в отличие от последней, выполнена широко, так что прорезь намного уже. Такой признак больше характерен уже для шиповских пряжек первой половины VI в. Таким образом, хронологические рамки поясов с пластинками на Нижней Сырдарье могут укладываться в V – первая половина VI вв. н. э.

Комплексы Кубей и Капуловка в целом относятся к V в. А. В. Комар сузил дату этих комплексов до 440–454 гг., включив их в свою группу СЗ.<sup>619</sup> К первой половине V века относится погребение у с. Изобильного в Крыму, в составе инвентаря которого есть прямоугольнорамчатая пряжка – довольно редкая для памятников гуннского времени. Кстати, с Кубеем (курган 8, погребение 2) его объединяет восточная ориентировка погребенного.<sup>620</sup>

Пояс из Кызыл-Кайнар-Тобе состоял из фигурных пластинок, по способу крепления ничем не отличающихся от канатгаских или зевакинских, но, в отличие от них, пропеллеровидной формы. Пряжка пояса трехсоставная с лунновидным щитком. Это, а также набор присутствие в погребении колчанного набора с ромбическими трехлопастными наконечниками стрел сближает этот комплекс с памятниками гуннского времени и позволяет датировать не позднее первой половины V в. В. Ю. Малашев считает, что данный пояс является образцом позднеримских поясов второй половины IV – первой половины V в., однако ранний облик пряжки исключает из датировки V в.<sup>621</sup>

Таким образом, пояса с прямоугольными пластинками следует датировать рамками V – первой половиной VI вв. Их развитие на запад следует связывать с событиями гуннской эпохой (в пределах V в). В одном из погребений Юж-

ного Казахстана такие пластины в составе пояса обнаружены с хоботковой пряжкой, что также не противоречит этой дате. А в конце V – первой половине VI они известны в джетыясарских памятниках.

В Зевакино (курган 1) в составе сопроводительного инвентаря имеется *гривна и серьга* (рис. 70. 11, 12; рис. 71. 4, 8) Гривна представляет собой разомкнутое кольцо из округлого (или овального) в сечении дрота с петельчатыми окончаниями для пристегивания. Серьга в виде знака вопроса с прямым витым стержнем. Аналогии предметам происходят из лесостепных памятников. Они встречены в Ближних Елбанах III на Верхней Оби, курганном могильнике Усть-Тара-VII в Среднем Прииртышье, пьяноборских могильников бассейна р. Вятка, Тураевском, Старо-Муштинском могильниках с общей датировкой III–V вв.<sup>622</sup>

#### 4.1.4. Украшения в полихромном стиле

*Накладка из комплекса Коктал.* Она имела длину 6,7 см, ширину 2,5 см и толщину листа 0,25 мм. Один конец пластины обломан. На пластине узкой ленточкой (1,5–5 мм) припаяны на ребро ячейки различных форм, из которых преобладают овальные. Две ячейки имеют сердцевидную форму с вытянутым и оканчивающимся прямой линией нижним концом, одна ячейка имеет полуовальную форму. Всего ячеек 14, из них 5 не имели, к моменту извлечения, камней. Три вышеперечисленных ячейки значительно больше других и занимают площадь, равную всем остальным одиннадцати ячейкам. Цветные камни представлены: алмандином (5 шт.), пиропом (2 шт.), халцедоном и топазом (по 1 шт.). Камни обработаны грубо, неровно, в результате чего нет ни одной одинаковой формы.

Ячейки с камнями расположены на пластине в два ряда, причем в верхнем ряду сосредоточены

<sup>618</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, 176, табл. 22. 12.

<sup>619</sup> КОМАР 2000, 33.

<sup>620</sup> КОМАР 2000, 33.

<sup>621</sup> МАЛАШЕВ 2007, 119, 120.

<sup>622</sup> ГРЯЗНОВ 1956а, 119, 120, табл. XLI. 20, 25–27; СУНГАТОВ–ГАРУСТОВИЧ–ЮСУПОВ 2004, 101, 102, 135, рис. 7. 1; рис. 8. 9, 22; рис. 41. 1; ДАНЧЕНКО 2008, 47, рис. 1. 7, 10; ЛЕЩИНСКАЯ 2012, 148, 158, 160, рис. 8. 4–6; рис. 18, 15; рис. 20. 18; ГОЛДИНА–БЕРНЦ, 2012, 185, табл. 7. 55; табл. 12. 82, 83.

все крупные камни, а нижний ряд представлен только мелкими камнями. Три камня – два сердцевидных и полуовальный – имеют плоскую, хорошо отшлифованную поверхность, осевые выпуклые. Кроме того, халцедон, заключенный в полуовальную ячейку, имеет сквозное отверстие диаметром в 2 мм, расположенного к тупой стороне фигуры.

Края пластины обрамлены бордюром в форме витой веревочки (шнуровой орнамент), выполненной путем выдавливания с тыльной стороны пластины. По двум уцелевшим углам пластинка имеет миллиметровые отверстия для прикрепления ее к основе. Два таких же отверстия сохранились и по двум длинным сторонам пластины. Все отверстия обнесены неглубокими и чуть заметными круглыми вдавлениями, выполненными тонким острием с внешней стороны. Основой диадемы служила бронзовая пластина.<sup>623</sup>

*Накладка из кургана 19 могильника Канатас (рис. 122. 1).* Состояла из двух прямоугольных блях. Целая бляха имела длину 6 см, ширину одного конца – 3,2 см, другого – 2,9 см. Такие же размеры были, очевидно, и у второй бляхи, с обломанным концом. Основу блях составляли бронзовые пластины толщиной 0,5 мм, на которых закреплялись тонкие (1,4 мм) золотые листы путем загибания краев пластины. На золотой пластинке узкой ленточкой (1,5 мм) припаяны на ребро овальные ячейки, в которых находились цветные камни. Таких ячеек с камнями было 20. 17 камней представляют разновидности граната: спессартин – 3, пироп – 2, альмандин – 12. В трех ячейках находился янтарь, растрескавшийся, очевидно, от дегидратации.

Камни, грубо обработанные, прикреплялись на золотом листе смолой, а затем уже вокруг камня припаявалась узкая ленточка-ячейка. Такая обратная закономерность получалась оттого, что форма камней была далеко не везде одинаковой и делала невозможной предварительную подготовку ячейки. Основание ячейки обложено зернью с самым различным количеством шариков (37, 38, 39, 40). Диаметр шарика зерни – 0,5 мм. Такой же зернью выложено простран-

ство между камнями, то есть комбинациями шариков в виде больших и малых равнобедренных треугольников, и ромбов.

Количество больших треугольников в целой бляхе – 20, малых – 8. Малые треугольники располагались по двум коротким концам бляхи. Каждая сторона больших треугольников, расположенных в промежутках между двумя рядами камней, состояла из 8 шариков, а треугольников, расположенных основанием к длинным сторонам бляхи – из 9 шариков. Количество шариков каждого треугольника в первом случае равнялось 36, во втором – 45. Каждая сторона малого треугольника имела по четыре, пять или шесть шариков и, соответственно этому, общее количество шариков в треугольниках равнялось 10, 15 и 21.

Расстояние между вершинами треугольников, а также свободное пространство между камнями, заполняли четыре шарика, сложенные в форме ромба. Края пластин обрамлялись рельефным бордюром в форме полоски витой веревочки, т. н. шнуровым орнаментом. Комбинации зерни, выполненные с большим совершенством, свидетельствуют о высоком уровне мастерства их автора. Достаточно сказать, что на каждой стороне большого треугольника, имеющего 6,5 мм длины, припаяно в ряд 9 полумиллиметровых шариков зерни, а весь такой треугольник насчитывает 45 отдельно припаянных шариков. По четырем углам каждой бляхи пробиты круглые отверстия диаметром от 1 до 1,2 мм для прикрепления их к плотной, вероятно шерстяной, материи. Отверстия пробиты небрежно, и в трех случаях повредили рисунок. В одном углу бляхи отверстие пробивалось дважды. Первое отверстие пробивалось в обычном, по аналогии с другими отверстиями, месте, но затем почему-то не было доведено до конца и его перенесли гораздо ниже, к вершине малого углового треугольника.

Длинный конец одной из блях был сломан, затем подправлен посредством загибания золотого листа на бронзовую основу, и после этого в верхнем и нижнем углах пробиты отверстия для

<sup>623</sup> КАДЫРБАЕВ 1959а, 91–92, рис. 5.

прикрепления его к материи. Таким образом, как видно, диадема даже в сломанном состоянии продолжала бытовать какое-то время.<sup>624</sup>

*Накладка из кургана 1 комплекса Солончанка I (рис. 122. 2; рис. 142. 2).* Низкопробное золото, на бронзовой пластине-основе имеет напаянные гнезда округлой или овальной формы со вставками граната-альмандина. Они расположены в два ряда и симметричны друг другу. Между гнездами сделаны небольшие треугольники из 15–16 напаянных шариков зерни диаметром не более 0,7 мм. По длинным сторонам пластины нанесен орнамент в виде двойной веревочки. Левый конец пластины обрезан в древности, правый оплавлен. Размеры сохранившейся части пластины 3,2 × 8,5 см, толщина 0,2 см. Возле правого края пластины найдены капельки расплавленного золота и гранатовые кабошоны.<sup>625</sup>

*Накладка из кургана 3 комплекса Солончанка I (рис. 122. 3; рис. 142. 1)* изготовлена из бронзовой пластины шириной 1,8 см, обтянутой золотой фольгой. Изделие имеет треугольный выступ. На лицевой стороне пластины имеется 6 гнезд, в некоторых из них сохранились стеклянные вставки. Все гнезда обрамлены золотыми шариками, напаянными у основания гнезд. По верхнему, правому и левому краям с лицевой стороны накладки нанесен орнамент в виде частых вдавлений, образующих геометрическую штриховую поверхность. Нижний край украшен волнистой линией, также выполненной техникой вдавления. По углам пластины попарно, симметрично, располагаются четыре отверстия для крепления. Размеры пластины 10,0 × 1,8 см.<sup>626</sup>

*Накладка из комплекса Атасу-2 (рис. 122. 4)* представляет собой прямоугольную пластину 10,1 × 2,9 см, украшенную красными камнями. Гнезда выгнуты индивидуально под каждый камень и обрамлены зернью. В углах пробиты отверстия для крепления к основе. По периметру

пластина покрыта двумя рядами выпуклых точек, нанесенных керном с обратной стороны.<sup>627</sup>

*Наконечники ремней из комплекса Атасу-2 (4 экз.) (рис. 122. 11)* размерами 3,6–3,7 × 2,3–2,4 см вырезаны из сложенной вдвое металлической пластинки. Верхняя часть пластинки округлой формы, нижняя оформлена в виде гофрированного валика. Тыльная часть занимает немногим менее 1/3 длины всего изделия. Боковины, образующие полу южную часть наконечников, напаяны и обрезаны вровень с краем тыльной пластинки. На лицевой стороне напаяны пять гнезд, в которые вставлены красные камни. Гнезда выгнуты из тонких пластинок индивидуально под каждый камень и обрамлены зернью. Край лицевой части обнесен двумя рядами зерни, разделенные серебряной полоской. Во всех гнездах перед закреплением камней в пластинке были проделаны отверстия, в которые изнутри вставлены гвоздики для крепления к ремню.<sup>628</sup>

*Наконечники ремней из комплекса Атасу-2 (3 экз.) (рис. 122. 10)* размером 2 × 1,2 см сделаны из перегнутой вдвое пластины, имеющие гофрированные валики нижних окончаний. На лицевой стороне закреплено по паре гнезд с красными камнями, обведенных зернью.<sup>629</sup>

Стилистически все предметы объединяет наличие каменных вставок. На пластинах они расположены в 2 (Канатгас, Солончанка, Коктал) либо в 1 (Солончанка) горизонтальных ряда. На крупных наконечниках из Атасу-2 симметричная композиция из 5 гнезд. Декорирование бордюра осуществлялось напаянием витой проволоки (Канатгас), выдавливанием такого же по стилистике рисунка на лицевую сторону с обратной стороны пластины (Солончанка, Коктал, Атасу-2), либо зернью (Атасу-2). На второй пластинке из Солончанки бордюр оформлен волнистым и рифленным выдавленным орнаментом.

<sup>624</sup> Кадырьбаев 1959а, 193–195.

<sup>625</sup> Любчанский–Таиров 1999, 31.

<sup>626</sup> Любчанский–Таиров 1999, 29.

<sup>627</sup> Бейсенов и др. 2018, 105, 108, 110, рис. 7.

<sup>628</sup> Бейсенов и др. 2018, 105–107, 111, рис. 8. 1.

<sup>629</sup> Бейсенов и др. 2018, 105, 107, 111, рис. 8. 2.

На трех пластинах применяется зернь. Ей обрамлялись каменные вставки на всех пластинах, а в двух случаях заполнялось пространство между вставками. В этом случае шарики зерни сложены в треугольники. Сравнивая две пластины из Солончанки и Канатгаса, можно сказать, на казахстанском украшении вставки и зерненные треугольники расположены более упорядоченно и в композиционном решении – строго симметрично. Солончанская пластина оформлена менее аккуратно, каменные вставки различны по размерам. Порядок в расположении треугольников из зерни наблюдается только по краям – они локализованы между каменными вставками. Остальные треугольники, различных размеров, в беспорядке расположены в средней части. Вполне возможно, что при изготовлении солончанской пластины мастер ориентировался на более сложные (или лучшие) образцы и исходил из бытования определенного стиля, чем, скорее всего, объясняется обязательное присутствие в декоре зерненных треугольников, даже в неупорядоченном виде.

Ближайшие аналогии известны в комплексах Кара-Агач, Мертвые Соли (курган 1), Боровое, Актобе, Кызыл-Кайнар-Тобе, Актасы, Иссыкский могильник, Чоон-Капка (*кат. II*), Кетмень-Тюбе, Бома, Тугозвоново.<sup>630</sup> В этих памятниках не обнаружено подобных пластин, но использованы те же декоративные приемы (каменные вставки в гнездах, зернь, косичка). Зерненные украшения из курганов с «усами» Канатгас, Атасу-2 и Солончанка I (*рис. 122. I, 2, II*) относятся к I стилистической группе (по И. П. Засецкой),<sup>631</sup> степной группе III (по А. К. Амброзу)<sup>632</sup> в которую также входят украшения из Борового и Кара-Агач. Большин-

ство этих изделий которой сосредоточены в степной полосе Северного Причерноморья и Крыма. Нахождение этих вещей на востоке, по мнению И. П. Засецкой, указывает на их общие корни, а также позволяет предполагать наличие местных (восточных) центров производства. И. Э. Любчанским высказано мнение, что солончанская пластина была изготовлена в Иране.<sup>633</sup> По поводу атасуской коллекции авторы предполагают ее происхождение с востока Средней Азии, возможно, в сырдарьинском регионе.<sup>634</sup>

Пластины из комплексов Солончанка I (курган 3) и Атасу-2 (*рис. 122. 3, 4*) отличается от других наличием одного ряда камней и треугольным выступом на длинной стороне с каменной вставкой. Бордюры тоже другой – точки, зигзаг и мелкий рубчик. Зернью обрамлены лишь каменные вставки. Предмет относится к стилистической группе 3 И. П. Засецкой<sup>635</sup> с тисненым орнаментом. Предметы этой группы известны от Нижнего Поволжья до Дуная и отличительным их признаком является почти полное отсутствие зерни, что позволяет включить в эту группу и кокतालскую пластину. Солончанская пластина из кургана 3 имеет хорошие аналогии с предметами из могил VIII, IX Новогригорьевки, Калинина, Новая Маячка, Здвиженского, Усть-Альмы.<sup>636</sup> Материалы Новогригорьевки, в свою очередь, соотносятся с паннонскими комплексами эпохи господства гуннов (Печ-Усёг, Батасек, Сегед-Надьсекшош, др.).<sup>637</sup> Отметим также, что украшение бордюра сплошным зигзагом встречено только в Солончанке I и могиле IX Новогригорьевки (нам известные аналогии). Таким образом, пластина из кургана 3 Солончанки I является на сегодняшний день крайней восточной находкой среди украшений этого

<sup>630</sup> НЕФЕДОВ 1899, табл. 3. 3; КОЗЫРЕВ 1905, 32–34; БЕРНШТАМ 1951, 218–220, рис. 2. 3, 5; МАКСИМОВА и др. 1968, 72, 74, 76, рис. 32. 18; МЕРШИЕВ 1970, 89, рис. 7. 3; САМАШЕВ 2013, 166, 167, рис. 359; 362–365; БАЙПАКОВ–СМАГУЛОВ–ЕРЖИГИТОВА 2005, 78, 79, 195, рис. 2. 12. 4; фото 2.3; АЛКИН 2007, 92, 94, рис. 2. 12; УМАНСКИЙ 1978, 133, рис. 4.

<sup>631</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1982, 16–17, рис. 2.

<sup>632</sup> АМБРОЗ 1981, 13.

<sup>633</sup> ЛЮБЧАНСКИЙ 2009, 17.

<sup>634</sup> БЕЙСЕНОВ и др. 2018, 111.

<sup>635</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1982, 18, 19, рис. 4.

<sup>636</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, табл. 1; табл. 3. 7; 9; табл. 9. 1–3; табл. 22. 14; табл. 23, 1–3, 6–9; ПУЗДРОВСКИЙ–ЗАЙЦЕВ–НЕНЕВОЛЯ 1999, 197, рис. 3.

<sup>637</sup> КОМАР 2000, 27.



стилистического круга. (по-видимому, солончанская пластина должна датироваться соответственно европейских комплексов или позже.) На сегодняшний день существуют такие взгляды. И. П. Засецкая относит новогригорьевские комплексы ко второй четверти V в., т. е. ко времени господства гуннов в Причерноморье и Паннонии. Этим объясняются практически точные аналогии новогригорьевки с европейскими комплексами. Однако А. К. Амброз предостерегал от прямой синхронизации европейских и восточных комплексов.<sup>638</sup> А. В. Комар, развивая эту мысль предположил, что материальная культура эпохи Аттилы могла сложиться в Паннонии, а восточный «выплеск» украшений этого круга мог произойти после исхода гуннов (после битвы при Недао) из Карпатской котловины. Схема относительной хронологии А. В. Комара совпадает со схемой И. П. Засецкой, но отличается по абсолютным датам. Горизонт Новогригорьевки (группа С4) отнесен им к периоду 454–480 гг., а И. П. Засецкой – к 425–454 гг. Предпочтительной датой солончанской и атасуской накладок, учитывая присутствие в обоих комплексах аналогий из Борового и Шамси, может быть середина – вторая половина V в. н. э.<sup>639</sup>

*Овальные и прямоугольная накладные бляхи из Солончанки I (4 экз.).*

Накладка 1 (рис. 122. 7; рис. 142. 4) овальной формы, изготовлена из золота и украшена шариками зерни, припаянными по краям пластины. Внутри этого ободка из зерни в вертикальном гнезде находится вставка из красного сердолика. Размеры бляшки – 2,6 × 1,9 см, толщина 0,6 см. Бляшка имеет основу из бронзовой обоймы, состоящей из двух овальных пластин, соединенных между собой двумя крепежными штифтами.

Накладка 2 (рис. 122. 6; рис. 142. 3) овальной формы изготовлена из золота, украшена по канту овальной основы псевдозернью и имеет вставку из опала. Бляшка крепилась к обойме

из бронзовой пластины, повторяющей размеры самой бляшки. К пластине крепилось два бронзовых штифта. Размеры бляшки – 3,1 × 2,5 см, толщина – 1,0 см.

Накладка 3 (рис. 122. 5; рис. 142. 5) овальной формы изготовлена из бронзы. В центре ее имеется вставка из кабашона красного сердолика. Вставка была закреплена в гнездо-оправу из бронзовой фольги, которая, в свою очередь, была припаяна к бронзовой пластине основы. Крепление производилось с помощью двух бронзовых штифтов на бронзовой пластине. Размеры – 2,5 × 2,2 см, толщина – 1,05 см.

Накладка 4 (рис. 122. 8; рис. 142. 6) бронзовая прямоугольной формы со вставкой из красного граната-альмандин. Размеры 1,4 × 1,7 × 0,4 см. Крепление производилось при помощи двух бронзовых штифтов длиной по 0,6 см.

Указанный материал находит аналогии в Боровом, где овальные пластины были элементами украшений ножен кинжала, часть из которых имела шпеньки. В отличие от солончанских, в Боровом все камни окантованы двумя или одним поясками зерни.<sup>640</sup> Коллекция Шамси включала уздечные и седельные ременные накладки, каждая из которых содержала два пояска зерни.<sup>641</sup> Среди предметов коллекции Морской Чулек был выделен «азиатский» набор, включающий две овальные бляхи и декоративные гвоздики. Шляпки гвоздиков оформлены в аналогичной манере – камень, окантованный зернью.<sup>642</sup> Внимания заслуживает и недавно открытый памятник Аржан-Бугузун (Кош-Агачский район, Республика Алтай). В нем обнаружен уздечный набор, состоящий из бляшек овальной и прямоугольной форм со шпеньками на обратной стороне. Каждая бляшка включала гнездо с камнем и один или два, в одном случае, пояска зерни. Щиток пряжек оформлен в аналогичной манере.<sup>643</sup> Похожий материал происходит из некрополей Южного Казахстана: Коныртобе (погребение

<sup>638</sup> АМБРОЗ 1989, 66, 67.

<sup>639</sup> БЕЙСЕНОВ и др. 2018, 111.

<sup>640</sup> БЕРНШТАМ 1951.

<sup>641</sup> KOZEMBERDIEVA–KOZEMBERDIEV–KOZEMYAKO 1998, 461, 463, Abb. 7. 2; Abb. 9. 1, 2, 4, 8–10.

<sup>642</sup> ЗАСЕЦКАЯ и др. 2007, 76, рис. 28.

<sup>643</sup> КУБАРЕВ–СЛЮСАРЕНКО–КУБАРЕВ 2009; КУБАРЕВ 2010, 29, рис. 1.

40), Чоон Капка I (катакомба 11), Борижарский могильник.<sup>644</sup>

Датировка предметов из Солончанки I, согласно аналогиям из комплексов Боровое, Шамси, Аржан-Бугузун, должна определяется в пределах второй половины V – начала VI вв. н. э.<sup>645</sup>

#### 4.1.5. Каменные изделия

Каменный инвентарь и предметы утилитарного назначения, в отличие от украшений, упряжи или оружия, является редкой категорией находок для кочевнических памятников. Однако для курганов с «усами» можно выделить отдельную группу каменных орудий.

Каменный пест (*рис. 123. 3*) из комплекса Солончанка IX размером 10,9 × 4 × 4,2 см, изготовлен из туфо-песчанника, вытянутой неправильной призматической формы. Торцы предмета уплощены, прямоугольной формы, разного размера (4 × 3,7 и 2,9 × 3,9 см). Грани изделия заглажены, на двух смежных гранях имеются сколы.<sup>646</sup>

Абразив (*рис. 123. 1*) из комплекса Сарбулат-1 представляет собой крупный брусок (29,5 × 6,3–7,5 × 6,5 см) серого с коричневым тоном среднезернистого песчаника (вероятно, кварцевого), одна из широких граней которого несет следы длительной полировки.

Каменная плитка (*рис. 123. 5*) обнаружена в кургане Ижевский-2. Подквадратной формы с округлым чашеобразным углублением в центре. Автором публикации предмет был интерпретирован как каменный жертвенник раннего железного века,<sup>647</sup> однако его вряд ли можно считать таковым. «Ее формы и размеры никак не вписываются в традиционные параметры тасмолинских жертвенников без ножек».<sup>648</sup>

Каменное изделие (*рис. 123. 4*) из Сарбулата-1 изготовлено из сероватой кварцевой поро-

ды в виде небольшого диска овальной формы (4,5 × 4,0 × 1,7 см). Предмет по форме и размерам похоже на заготовку для изготовления пряслица, но, учитывая высокую твердость породы, по-видимому, предназначалось для другой цели.<sup>649</sup>

Жернова (2 экз.) Первые обнаружена в комплексе Кабакши (курган 3) (*рис. 124. 1, 2*). Состоят из двух каменных дисков. На поверхности верхнего камня в центре расположено основное отверстие диаметром 4 см, на расстоянии 8 см от которого имеется одно углубление для деревянной ручки. Диаметр углубления 2,5 см, глубина 2 см. Диаметр верхнего камня 33 см, толщина – 5,5 см. Диаметр нижнего камня 34,5 см, толщина 4,5 см, здесь диаметр центрального отверстия 3,5 см. Вторые обнаружены в комплексе Караоба (*рис. 124. 3*), и тоже состояла из двух каменных дисков. Диаметр верхней плиты 34 см, толщина 6,5 см. Имеется центральное отверстие диаметром 5 см и два углубления для ручки, диаметры их 2,5 и 2 см, глубина, соответственно, 1,5 и 1,2 см. Диаметр нижней плиты 35 см, толщина 4,5 см. Диаметр отверстия – 2,5 см. Судя по рабочей поверхности плит, в обоих случаях жернова использовались в работе.<sup>650</sup>

Перечисленная выше серия относится к предметам хозяйственно-бытового назначения. Она немногочисленная, однако, надо полагать, что их погребение под центральным сооружением курганов с «усами» было некоей нормой ритуальной практики. Этот предметный комплекс пока никем специально не изучался, кроме А. З. Бейсенова.<sup>651</sup> Наличие ручных жерновов наводит на мысль о наличии каких-либо «оседлых» форм хозяйства в кочевом укладе.

Завершая обзор предметного необходимо подытожить следующее. Вооружение из курганов с «усами» демонстрирует новые формы, которые неизвестны в предшествующем позднесарматском комплексе (ромбические наконеч-

<sup>644</sup> Байпаков–Смагулов–Ержигитова 2005, 22–23, 78–79, 195, рис. 1. 21. 3; рис. 2. 12. 7; фото 2. 3; 3. 13.

<sup>645</sup> Засецкая и др. 2007, 85–90; Кубарев 2010, 31.

<sup>646</sup> Любчанский–Бытковский 2006, 378.

<sup>647</sup> Бейсенов–Волошин 2002.

<sup>648</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 70.

<sup>649</sup> Костюков 2005.

<sup>650</sup> Бейсенов–Шульга–Ломан 2017, 27, 28, фото 15–16.

<sup>651</sup> Бейсенов–Шульга–Ломан 2017, 27–41.

ники стрел, колчаные крюки, однолезвийные кинжал и меч). Наиболее заметно эти новации иллюстрируются по известным памятникам гуннского времени конца IV–V вв. В снаряжении коня необычайно популярной становится традиция декорирования ленчика седла золотыми пластинами, что предполагало распространение конструкции седел жесткого типа, а вместе с ним железных и костяных подпружных пружек.

Украшения в полихромном стиле (группа III А. К. Амброза) по представлению ряда исследователей имеют восточное (азиатское) происхождение. Облик материальной культуры, который мы наблюдаем по курганам с «усами», мог сформироваться только в результате миграции нового населения, которое с IV в. осваивает урало-казахстанские степи.

#### 4.2. КЕРАМИКА

Керамические сосуды являются самой многочисленной находкой в курганах с «усами». Как правило, они устанавливались в углублении или на древней поверхности центрального сооружения. В настоящее время зафиксирован 72 сосуд из 54 курганов с «усами». Из них мы располагаем описаниями и прорисовками 59 сосудов. Таким образом, керамический комплекс составляет самую заметную часть инвентаря курганов с «усами». Несмотря на то, что источниковая база начала формироваться с середины XX в., и к настоящему времени накоплено более полсотни раскопанных памятников, проблеме классификации керамики практически не уделялось внимания. Первую характеристику керамического комплекса приводит М. К. Кадырбаев. Он отмечал, что сосуды мало отличаются как формой, так и размером; все без исключения сосуды выполнены небрежно, методом ручной ленточной наделки и предназначались для ритуальных целей.<sup>652</sup> В 2000 г. С. Г. Боталовым предложено выделять 4 условных типов посуды по форме, размерам: 1. высокие горшки-вазы; 2. кувшины и кувшинообразные горшки; 3. небольшие круглодонные или со скругленным дном горшки; 4. котлообразные сосуды с конусовидной подножкой.<sup>653</sup>

В 2006 г. на страницах коллективной монографии<sup>654</sup> керамический материал разделен уже на 10 типологических групп (ТГ). В основу типологии были положены известные категории форм сосудов (горшки, кувшиновидные горшки,

горшечно-баночные сосуды, кувшины, крынки, котлы); размер сосудов (ТГ 1 – большие кувшинообразные горшки, ТГ 2 – горшки средних размеров, ТГ 5 и ТГ 6 – сосуды горшечно-баночной формы средних и малых, соответственно, размеров); особенности профилировки и пропорций (ТГ 3 включает высокие вертикально вытянутые плавно профилированные горшки с невысокой отогнутой шейкой, ТГ 4 – горшки вертикально вытянутых пропорций с наклонными прямыми или близкие к прямым стенками тулова и оконтуренным плечевым переходом); наличие воротничка с внутренней или внешней стороны нижней части венчика (ведущий признак ТГ 2).

Новым, в отличие от типологии 2000 г., является то, что кувшины и крупные кувшинообразные горшки выделены в отдельные группы (ТГ 7, ТГ 1 соответственно), остальные горшки разделены по размеру, профилировке и степени приземистости (ТГ 3 – ТГ 6). Оригинальной является ТГ 2, ведущим признаком которой является наличие воротничка на шейке. «Небольшие круглодонные...» сосуды теперь заняли место в ТГ 6 (низкие горшки) и ТГ 8 (крынки). Керамика кушнаренковского облика (культурный признак) вынесена в отдельную ТГ 9.

В предложенной типологии, по нашему мнению, отсутствует единый признак или система признаков, выделяющие тот или иной тип. К примеру, признак «категория: кувшиновидные горшки» может разделяться по признаку: «размер: крупные и малые». Признак «воротничок

<sup>652</sup> Кадырбаев 1966, 392–394.

<sup>653</sup> Боталов 2000, 295.

<sup>654</sup> Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 121–137.

на шейке» фиксируется у крупных и малых горшков. По признакам «размер» и «особенности профилировки пропорций», сосуды ТГ2 и ТГ3 во многом схожи, но разделены по группам из-за наличия/отсутствия признака «воротничок на шейке». Таким образом, сосуд, объективно обладающий признаками «размер», «категория», «профилировка» и «наличие воротничка» может быть отнесен к любой из этих групп. Тем не менее, типология 2006 г. отражает все разнообразие и особенности форм посуды, найденной в курганах с «усами», поэтому, взяв ее за основу, попробуем провести собственную классификацию.

В нашей классификации ведущими признаками являются известные категории сосудов (горшки, кувшинообразные горшки, кувшины, крынки, кружки, котлы) и высота сосудов (крупные, средних и малых размеров – для горшков и кувшинообразных горшков). Единожды используется культурный признак для выделения отдельной группы – «кушнаренковская керамика».

#### Горшки

Высокие горшки (14 экз.). Высота от 26 до 37 см. Происходят из комплексов Сарбулат-1 (южный курган), Аксу-Аюлы (курган 3), Султантемировский, 37 воинов/Корпетай (курган 4), Ельшибек, Кара-Бие (курган 1), Бугулы (курган 13), Кабан-тау (северный курган), Новоактубинский, Зевакино (курган 2), Кызылтас (курган 1), Суходол (курган 5), Кайнсай (курган 14), Селенташ (курган 6) (*рис. 125. 7–20; рис. 143. 4*).

Тулово этих сосудов плавно расширяется в своей средней части, шейка прямая или незначительно отогнута (*рис. 125. 7, 8, 16–20*). Либо стенки тулова наклонные, максимальное расширение наблюдается выше его середины и выделен плечевой переход (особенно сосуд из Селенташа: *рис. 125. 15*). В одном случае (Кайнсай) шейка значительно отогнута и имеет утолщение на венчике (*рис. 125. 16*). Сосуд из комплекса Суходол отличается от других более плавным профилем, а максимальное расширение тулова наблюдается

в нижней части, что придает ему некоторую кувшинообразность (*рис. 125. 7*). Большой горшок из Сарбулата-1 (*рис. 125. 12; рис. 143. 4*) ранее был отнесен в группу крупных кувшинообразных горшков, однако сами авторы<sup>655</sup> обговаривают его плавную профилировку, что отличает его от других крупных кувшиновидных горшков. Как нам кажется, его следует включить в категорию высокие горшки. Его форма практически повторяет профиль горшка из Аксу-Аюлы (*рис. 125. 10, 12*), отличаясь более раздутым туловом. Интересно, что оба горшка имеют сквозные донные отверстия.

Часть сосудов украшена прочерченным орнаментом на лицевой поверхности. Это горизонтальная линия на плече, от которой вершинами вниз нанесен ряд треугольников (*рис. 125. 8–9, 15*). В одном случае треугольники проведены двойной линией (*рис. 125. 9*). Более аккуратно выполнен рисунок на горшке из Селенташа, по венчику которого также нанесен орнамент (*рис. 125. 15*). В Суходоле венчик был украшен косыми насечками.

В этой серии наблюдается оригинальная конструктивная деталь в виде воротничка с внутренней стороны горловины (*рис. 125. 10, 14, 17–20*), ранее вынесенные в отдельную ТГ 2.<sup>656</sup> Сосуд из Аксу-Аюлы был снабжен кольцевым жгутом, прикрепленный на расстоянии 2 см от венчика. Самый длинный воротничок зафиксирован на сосуде из Новоактубинского. На остальных горшках (37 воинов, Ельшибек, Кара-Бие) наплыв менее выступающий. По предположению А. З. Бейсенова и В. Г. Ломана, это кольцевой упор для крышки.<sup>657</sup>

Не менее интересной деталью являются сквозные отверстия, зафиксированные в донной части двух сосудов (Аксу-Аюлы, Сарбулат-1). В днище первого сосуда, на расстоянии 3 см от его центра, имеется отверстие (диаметр 1–1,5 см), сделанное по сырой глине. Возможно, таких отверстий было несколько.<sup>658</sup> В Сарбулате-1 отверстия диаметром до 2 мм сделаны изнутри

<sup>655</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 124.

<sup>656</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 125, 127.

<sup>657</sup> Бейсенов–Ломан 2008, 38.

<sup>658</sup> Бейсенов–Ломан 2008, 38.

сосуда тоже еще в сырой глине. По меньшей мере, 6 отверстий было сделано по кругу диаметром около 8 см в центре днища и какое-то количество – по периферии, но потом почти все периферийные отверстия были затерты. Наквось прошли лишь три центральных отверстия и одно периферийное. Наличие отверстий, которые на бытовом сосуде могли служить, например, для сцеживания сыворотки, в определенной мере было символическим.<sup>659</sup> На этом примере в очередной раз подтверждается то, что сосуды из курганов с «усами» изготавливались специально для ритуальных целей.<sup>660</sup>

Горшки средних и низких размеров (27 экз.). Высота 17–25 см (16–23,5 см для приземистых). Составляют самую многочисленную группу. Сарбулат-1 (северный курган), Бирлик (курган 15) – 2 сосуда, Сабындыколь (курган 1) – 2 сосуда, Ботакара (курган 55), Канаттас (курган 19), Каратобе (курган 6), Ижевский-2 (курган 1), Сангуыр II (курган 3), Тасмола (курган 19), Кабакши (курган 1), Оленина Отнога, Ижевский-2 (курган 2), Елизаветпольский, Егиз-Койтас (курган 5) – 2 сосуда, Сангуыр II (курган 1), Сангуыр II (курган 2), Карагайлы 2-3 (рисунка нет), возможно, Зевакино (курган 1) и 6 сосудов из курганов с «усами» Центрального Казахстана без указания памятников (*рис. 125. 21–44; 58, 59; рис. 143. 5*).

У сосудов средних размеров, как правило, шейка отогнута наружу, в ряде случаев имеет внешний наплыв на венчике. Форма тулова варьирует от плавного профилированного до наклонного с плечевым переходом в верхней части (особенно ярко плечо подчеркнуто на сосуде из Канаттаса, курган 19) (*рис. 125. 32*), его максимальное расширение фиксируется, как правило, выше средней части. Несмотря на различия в пропорциях, которые мы наблюдаем, профилировка большинства сосудов средних размеров показывает одинаковую манеру исполнения и образно демонстрируют следование единой керамической традиции. Средние сосуды обнаружены на территории Центрального Казахстана (*рис. 125. 21–36*). 4 горшка значительно отли-

чается от описанных выше сосудов (*рис. 57. 2; рис. 125. 42–44*). Из них три сосуда (Оленина Отнога, Бирлик, курган 15, Карагайлы 2–3) имели относительно высокую, почти прямую (незначительно отогнутую) шейку и плавный профиль, что сближает их с формами высоких горшков (Новоактюбинский, Суходол, Кара-Бие, курган 1, Зевакино, курган 2) (*рис. 125. 7, 8, 17–20*). Один сосуд из Кабакши (*рис. 125. 42*) отличается широким дном и почти вертикальными стенками тулова, резко сужающиеся к горловине. Шейка невысокая, прямая, слегка отогнута наружу. Все эти признаки характеризуют высокий горшок из комплекса 37 воинов (Корпетай) (*рис. 125. 14*). Спорную позицию в этом списке занимает тасмолинский сосуд, который ранее был отнесен к крынкообразным.<sup>661</sup> Однако его профиль может соответствовать и средним горшкам (*рис. 125. 28*). Максимальное расширение здесь наблюдается не в нижней, а выше средней части тулова. Придонная часть не скруглена, как на султантемировской крынке, а прямо скошена.

Низкие, приземистые сосуды этой группы (*рис. 125. 37–41, 58, 59*) характеризуются большей шириной относительно своей высоты. Горшки из комплексов Ижевский-2 (курган 2) и Сангуыр II (курган 2) благодаря широкой горловине близки к баночным, однако надо заметить, что их форма «чужда» для всего керамического комплекса курганов с «усами».

#### *Кувшинообразные горшки*

Кувшинообразные горшки крупных размеров (3 экз.). Высота составляет диапазон от 34 до 39 см: Городищенское IX и Кызыл-Жар – 2 сосуда (*рис. 125. 1–3*). Они имеют сильно раздутое тулово, сравнительно узкое горло. Практически идентичные сосуды отличаются более плавным профилем от третьего (*рис. 125. 3*). Последний имеет выраженное ребро на тулове. Орнамент представлен крупной косой нарезкой на венчике. Все сосуды обнаружены на территории Южного Зауралья.

<sup>659</sup> Костюков 2005.

<sup>660</sup> Кадырбаев 1966, 394.

<sup>661</sup> Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 123, 134, рис. 69. 2.

Кувшинообразные горшки средних размеров (3 экз.). Высота от 22 до 25 см. Каратал-5 (курган 2), Зевакино (курган 3), Шедерты (курган 2) (рис. 125. 4–6). Они характеризуются сильно раздутым туловом, сравнительно узким горлом. Венчик на сосудах из Шедерты и Зевакино украшен косой нарезкой. Сосуд из Зевакино имеет внутренний наплыв – воротничок на внутренней части горловины (рис. 125. 4). Такие воротнички более характерны для высоких горшков.

*Кувшины* (5 экз.). Высота 26,5–36 см. Солончанка I, Солончанка IX, Беркуты, Селенташ (курган 4), Акмустафа-2 (рис. 125. 45–49; рис. 143. 6, 7). Имеют раздутое тулово, узкую горловину, высокую раструбообразную шейку, ручку в месте перехода от плеча к верхней части шейки. Кувшин из Селенташа отличается более широкой горловиной (пропорционально ширине тулова) и резкий плечевой переход.

Орнамент представлен рядом канелюр, заполняющих пространство от верхней части плеча до венчика (рис. 125. 46). На другом кувшине (рис. 125. 49) на месте перехода горловины в тулово прочерчены две горизонтальные линии и намечена третья, отходящая от первых двух вверх под острым углом. Ниже горизонтальных линий двойной линией прочерчены разновеликие треугольники вершинами вниз. Вдоль одной из сторон каждого треугольника короткими или длинными штрихами нанесены пунктирные линии. На внешней поверхности этого кувшина и второго солончанского кувшинов сохранились следы ангоба.<sup>662</sup>

*Крынки* (2 экз.). Султантемировский, Кызылтас (курган 1) (рис. 125. 55, 56). Султантемировский сосуд имеет грушевидную форму, край венчика утолщен. Тулово, чуть выше его средней части, украшено двумя горизонтальными валиками.<sup>663</sup> Сосуд из Кызылтаса не целый (рис. 125. 56).

*Кружка* (1 экз.) Бирлик (курган 15) (рис. 125. 57). Верх сосуда обломан, поэтому форму полностью восстановить не удалось. Петлеобразная ручка крепилась на середине тулова, в месте его максимального расширения. Ручка сделана из глиняного жгута, сплющена пальцами сверху, снизу и с боков, отчего в разрезе имеет треугольную форму. При обработке поверхности и придания формы применялся гончарный круг.<sup>664</sup>

*Котлы* (2 экз.). Обнаружены в восточноказахстанских Зевакино (курган 2) и Кызылтас (курган 1), чем очерчивается восточная география их распространения (рис. 125. 50, 51). Сосуды кубковидной формы с полуайцевидным туловом и высоким коническим поддоном. В одном случае сохранился обломок ручки арочной формы с небольшим выступом сверху.

*Кушнареновская керамика* (2 экз.) обнаружена под насыпями двух южноуральских комплексов на р. Синтасты (Кайнсай, Селенташ)<sup>665</sup> (рис. 125. 52, 53; рис. 143. 2, 3).

Сосуд из Новокундуровского (рис. 125. 52) мы не смогли вписать в какую-либо группу. Челябинские исследователи отнесли его к категории «кувшины»,<sup>666</sup> основанием для чего послужила раструбообразная верхняя часть. Однако этот элемент как раз отличает его от всех вышеописанных сосудов.

Аналогии привозным кувшинам (рис. 125. 45–49; рис. 143. 6, 7) обнаруживаются в степном погребении могильника Каменный Амбар-5 конца V – первой половины VI в.<sup>667</sup> В кургане 7 могильника Бегазы, где с восточной стороны ограды обнаружен гончарный кувшин.<sup>668</sup> Оба памятника, как мы считаем, единокультурны курганам с «усами». Производство этих кувшинов, а также кружки (рис. 125. 57), которая изготовлена с применением гончарного круга, можно связать с джетыясарской

<sup>662</sup> Любчанский–Таиров 1999, 32; Любчанский–Бытковский 2006, 378.

<sup>663</sup> Сунгатов 2003, 217, 221, рис. 3. 1.

<sup>664</sup> Бейсенов–Ломан 2008, 36.

<sup>665</sup> Во время подготовки монографии среди предметов коллекции комплекса Селенташ был обнаружен еще один фрагмент орнаментированного сосуда (рис. 143. 1), который не был опубликован ранее. Он будет описан в ближайших публикациях.

<sup>666</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 134.

<sup>667</sup> Костюков 1995, 153, рис. 2. 5.

<sup>668</sup> Бейсенов–Ломан 2008, 40.

культурой.<sup>669</sup> Параллели обнаруживаются и в керамическом комплексе арысской культуры алтынтобинского этапа (IV–VI вв. н. э.),<sup>670</sup> в памятниках Отрарского оазиса, Таласа.<sup>671</sup>

Плавнoproфилированная посуда происходит из районов Центральной Азии, Забайкалья, Монголии.<sup>672</sup> Сходства можно наблюдать в кокзельской / шурмакской культуре Тувы,<sup>673</sup> чаатаских памятниках Хакасско-Минусинской котловины VI–VIII вв. (типы III, IV, VI по Л. Р. Кызласову и С. В. Мартынову).<sup>674</sup> При этом следует отметить распространение похожих форм на запад: Покровск (курган 2), Ленинск, Великий Токмак, Богачевка, Лихачевка.<sup>675</sup>

Керамические котлы из восточноказахстанских памятников хорошо соотносятся с кокзельским комплексом,<sup>676</sup> который датируется в настоящее время не ранее III в. н. э. (III–V вв. н. э.).<sup>677</sup>

Кушнаренковская керамика из южноуральских курганов с «усами» позволяет выделить более дробные хронологические рамки. Наиболее раннюю позицию занимает фрагмент из северного кургана 5 комплекса Селенташ. Наличие ряда оттисков штампа в виде полулунниц («гусеничек»), помещенный между резными горизонтальными линиями, а также прямая, слегка расширяющаяся кверху шейка имеет признаки первого («кушнаренковского») этапа кушнаренковской керамики (по Е. П. Казакову). Фрагмент из Кайнсая характеризуется отсутствием полулунного штампа, наличием горизонтальных линий и двойного зигзага в нижней части орнамента и отогнутой наружу шейкой, т. е. признаками второго (манякского) этапа кушна-

ренковской керамики (по Е. П. Казакову). Абсолютные рамки раннего этапа определяются Е. П. Казаковым второй половиной VI – первой третью VII вв. а второго – второй третью VII–VIII вв.<sup>678</sup> Г. И. Матвеева удревает нижнюю границу до начала VI в., распределяя два этапа на VI и VII вв., кушнаренковский и манякский, соответственно.<sup>679</sup> Основной круг аналогий раннего этапа представлен в погребениях Бирского могильника (№№ 78, 104, 107, 165, 176, 195), наиболее древним из которых является № 78 с хоботковидной пряжкой, серьгой харинского типа и № 107 с аналогичной пряжкой.<sup>680</sup> В № 165 Бирска и во II Береговском кургане похожая керамика сочеталась с шиповской и раннегеральдической гарнитурой,<sup>681</sup> в связи с чем первый этап должен быть датирован преимущественно VI в. и, по-видимому, доходить до начала VII в. Керамика второго этапа происходит из погребений Манякского могильника (раскоп I, погр. 22; раскоп II, погр. 9), Новотурбаслинского (курган 10, погр. 1), Кушнаренковского (погр. 9), которые по геральдическим деталям датируются не ранее VII в.<sup>682</sup>

Таким образом, керамический материал из курганов с «усами», исходя из аналогий, может быть датирован рамками III–VII вв. Несмотря на различия форм сосудов, их пропорций и отдельных элементов, они являются фактически производимыми друг от друга на всей территории распространения курганов с «усами».<sup>683</sup> Ассортимент посуды, основу которой составляют плавнoproфилированные горшки, сформировался на территории урало-казахстанских

<sup>669</sup> Левина 1996, 268, 269, рис. 73–74.

<sup>670</sup> Подушкин 2000, 105, 106, вклейка, №№ 140–151, 149, 153, 157, 158.

<sup>671</sup> Байпаков–Смагулов–Ержигитова 2005, 53–56, 59, 67, 78, 79, 108, рис. 1. 43. 1–3, 6, 16, 22; рис. 1. 44–1. 46; 1. 49; 1. 59; рис. 1. 61. 13; рис. 2. 10, 47; рис. 2.1 2, 8; рис. 3. 11.

<sup>672</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 129.

<sup>673</sup> Грач 1966, 103, 104, рис. 31; Вайнштейн–Дьяконова 1966, 281–284, табл. IV–VII; Кызласов 1979, 88, 95, рис. 67, 77.

<sup>674</sup> Кызласов–Мартынов 1986, 201, рис. 9–11.

<sup>675</sup> Засецкая 1994, табл. 29. 21; табл. 33. 11; Комар 2004, 186, рис. 4. 2; Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 126, рис. 70.

<sup>676</sup> Вайнштейн–Дьяконова 1966, табл. IV. 6–9; табл. V. 4, 5, 10, 11; табл. VII. 4–8.

<sup>677</sup> Вадецкая 1999, 126, 127; Николаев 2001, 21–25.

<sup>678</sup> Казаков 2013, 174.

<sup>679</sup> Матвеева 2007, 76, 77.

<sup>680</sup> Матвеева 2007, 76.

<sup>681</sup> Мажитов 1968, 124, табл. 5. 24, 25, 30, 34; Горбунов 1984, 57, рис. 2.

<sup>682</sup> Матвеева 2007, 76, 82, рис. 3; Мажитов 1981, 10, 14, рис. 4. 11–19; рис. 6. 16–17.

<sup>683</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 137.

степеней, под влиянием керамических центральноазиатских традиций, и далее проникает на запад (Ровное, Ленинск). Важным является и то, что почти вся посуда (за исключением импорта)

характеризуется грубостью, неравномерным обжигом, рыхлостью теста (рис. 143. 4–5), что свидетельствует о ее изготовлении не для бытового, а, скорее, ритуального назначения.<sup>684</sup>

#### 4.3. ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

В современной историографии вопрос о хронологической принадлежности курганов с «усами» до сих пор остается открытым. Как было показано в разделе 2.3., курганы с «усами», особенно в Центральном Казахстане, часто сооружались вблизи и на раннековечнических памятниках. Эта ситуация привела к тому, что предметный комплекс, который, с точки зрения типологии, обладает датирующими возможностями, трактуется неоднозначно. До сих пор бытует мнение, что предметы I тыс. н. э. были впущены в насыпи курганов с «усами». Все это осложняет и объективная малочисленность хорошо датированных находок под насыпью самого кургана с «усами». Но в последнее десятилетие начинает активно применяться иной способ установления хронологии – радиоуглеродное датирование. В свете указанной проблемы данный метод может существенно помочь в решении этого вопроса.

Первая серия результатов радиоуглеродного датирования южноуральских курганов с «усами» получена в 2008–2009 гг. для комплексов Сарбулат-1, Суходол, Кайнсай.<sup>685</sup> Позже добавились даты из комплексов Селенташ и Городищенский IX.<sup>686</sup> В 2015 г. автором совместно с А. В. Епимаховым проанализированы все имеющиеся на тот момент данные, с добавлением новой даты для комплекса Рымникский, и дублирующей – для Селенташа.<sup>687</sup> Наконец, в последние годы добавилось еще 9 дат из комплексов из Центрального Казахстана.<sup>688</sup>

Таким образом, на сегодняшний день нам известно 16 дат, полученных из 12 комплексов (табл. 7). Шесть комплексов происходит из Южного Зауралья (Сарбулат-1, Суходол, Кайнсай,

Городищенское IX, Рымникский, Селенташ), шесть – из Центрального Казахстана (Тандайлы 2, Жамантас, Кырыкунгир, Койтас, Бесоба, Кабантау). 13 проб взяты из насыпей центрального сооружения, а в трех случаях (Городищенское IX, Кабантау) – из концевых площадок «усов».

Образцы для всех комплексов, по нашему мнению, взяты из надежного контекста, позволяющий адекватно интерпретировать полученные результаты. Одним из критериев отбора стало использование материала из центральной насыпи комплекса, что напрямую указывает на время строительства кургана с «усами». В двух комплексах мы располагаем дополнительной датой из большого погребального сооружения (тип Ic), тем самым имея возможность сравнить абсолютные значения с пристроенным к нему курганом с «усами». Результаты получены в четырех лабораториях (Le, SPb, Ki, UBA) методом сцинтилляции и УМС. В качестве источников изотопов углерода использованы следующие материалы: керамика (4), кость животного (9), кость человека (2) и уголь (1). Для расчетов калиброванных интервалов использована программа OxCal 3.10 (калибровочная кривая 2013 г.), все некалиброванные даты (BP) приведены от 1950 г. Конкретные результаты представлены в (табл. 7). Для кургана 5 могильника Селенташ была сформирована комбинированная дата (рис. 126. *selentash\_comb*; рис. 127. 1). Несмотря на сравнительно низкий уровень статистического согласования двух дат (Ki-17075 и SPb-958), результат кажется вполне реалистичным (1539±29BP) при сопоставлении с остальными значениями нашей серии. В дальнейшей работе по суммированию

<sup>684</sup> Кадырбаев 1966, 394.

<sup>685</sup> Боталов 2009, 129.

<sup>686</sup> Боталов 2013, 71.

<sup>687</sup> Грудочко–Епимахов 2015.

<sup>688</sup> Бейсенов и др. 2016; Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017, 231; Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017; Бейсенов 2017, 34; Бейсенов и др. 2018а.



вероятностей (*рис. 126; рис. 127. Sum all*) был задействован именно он. В целом, серия выглядит довольно однородной, что хорошо фиксируется на графике (*рис. 126. II*).

Суммирование вероятностей сформировало две колонки интервалов, из которых раннюю составляют большие курганы и курган с «усами» Кырыкунгир. Вторая, более поздняя колонка, собственно курганы с «усами», показывает следующие значения (*рис. 127. 3*). При вероятности 68.2% – 340–590 гг. н. э., при вероятности 95.4% – 210–660 гг. н. э. Таким образом, имеющиеся на сегодняшний день радиоуглеродные данные позволяют с высокой степенью достоверности (95.4%) утверждать, что интересующие нас события произошли от первых десятилетий III до середины VII вв. н. э.<sup>689</sup>

Посмотрим, как по-отдельности датируются южноуральские и центральноказахстанские комплексы. Южноуральские памятники рисуют интервал 420–620 гг. н. э. (68.2%) и 380–670 гг. н. э. (95.4%) – от последних десятилетий IV в. н. э. до второй половины VII в. н.э. Центральноказахстанские (*рис. 127. 2*) несколько ранее: 330–550 гг. н. э. (68.2%) и 160–570 гг. н. э. (95.4%) – середина II – первая четверть V вв. н. э. Удревнение происходит за счет комплекса Тандайлы-2 (UBA-28348, 1795±36), который пока является самым ранним среди курганов с «усами» (по радиоуглеродным датировкам). Вместе с этим, документируется относительная хронология между более ранними (центральноказахстанскими) и более поздними (южноуральскими) комплексами. Надо отметить и то, что все даты согласуются между собой, показывая непрерывную колонку на протяжении всего периода сооружения курганов с «усами».

Отдельно выделим два Центрально-Казахстанских комплекса Тандайлы 2 (*рис. 109. 2*) и Жамантас (*рис. 108. 2*), представляющие собой сооружения, состоящие из большого курга-

на, к которому пристроен комплекс с «усами» (тип Ic). Даты из большого кургана относятся к раннему железному веку (2468±28 и 2471±32), тогда как головной курган комплекса с «усами» был сооружен на 700–800 лет позже (1795±36 и 1654±30). Такая картина вполне согласуется с концепцией южноуральских исследователей и нашим типом Ic, о том, что в Центральном Казахстане была развита традиция использования более древних насыпей для сооружения курганов с «усами».<sup>690</sup> Лишь одна дата комплекса Кырыкунгир (SPb-1438, 2440±50) противоречит общей колонке радиоуглеродных значений. Памятник состоит из одной насыпи, от которой отходят гряды, однако не стоит исключать вторичное использование данного кургана для постройки кургана с «усами». Также мы не стали пользоваться датами из могильника Кызылшилик, которые показывают более чем значительные отклонения. Образец из кургана 2б взят из кучного скопления костей домашних животных (18 см от верха насыпи) с полученным результатом (99±28). Остальные три пробы, полученные из разных объектов кургана б, показали несогласующиеся между собой значения (140±24; 890±26 и 1351±26).<sup>691</sup>

Теперь посмотрим, насколько радиоуглеродные данные (III – середина VII вв. н. э.) согласуются с типологией предметного комплекса, в том числе тех памятников, которые не были датированы <sup>14</sup>C.

Железные наконечники стрел с ромбической формой боевой головки из центральной насыпи комплекса Городищенский IX (*рис. 119. 32, 33*) в большинстве датируются не ранее второй половины IV–V в. н. э. Наличие плоского наконечника указывает на аналогию из Зевакино (IV–V вв.) и на круг аналогий шиповского горизонт.<sup>692</sup> Время сооружения начала северной гряды комплекса Городищенское IX по результатам радиоуглеродного анализа соответствует

<sup>689</sup> В начале 2020 г. в журнале «Теория и практика археологических исследований» вышла статья А. З. Бейсенова, в которой публикуются новые даты и высказывается авторская позиция о возможностях установления хронологии курганов с «усами» по датированным костям животных. В этой книге мы не имеем возможности обсудить круг проблем, обозначенный А. З. Бейсеновым. Но несомненно, что эта тема будет иметь развитие и продолжение в будущем.

<sup>690</sup> Боталов–Гуцалов 2000, 197–198; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 89–91.

<sup>691</sup> Бейсенов–Касеналин 2018, 97.

<sup>692</sup> Засецкая 1994, 184; 186–187.

этому и исключает более раннюю датировку (вторая четверть V–VI вв. н. э.)

Дата комплекса Кайнсай определена в интервале V–VII вв., а наличие кушнаренковской керамики второго этапа (рис. 125. 53) позволяет сузить нижнюю дату до VII в. Для Селенташа проба получена с южного кургана, а в северном находилось два сосуда, один из которых кушнаренковский первого этапа (рис. 125. 52), определяет датировку не ранее начала VI в. Верхняя граница по <sup>14</sup>C ограничена 590 г. в связи с чем комплекс Селенташ должен датироваться скорее всего VI в.

Суходол и Сарбулат-1 (рис. 45; 89; 90), демонстрирующие типичный для большинства курганов с «усами» обряд – установка сосуда в северо-восточном секторе, кости животных, наличие кострища (в Сарбулате-1), характеризуют общие для всех курганов с «усами» типов Ia и Pa признаки, имеют близкие радиоуглеродные даты, не противоречащие общей колонке радиоуглеродных значений.

Похожую позицию занимает комплекс Рымникский (рис. 46). К сожалению, курган вовсе не содержал никаких вещей, но в архитектуре имеет такую редкую деталь как грунтовые гряды, что позволяет нам обратиться к Солончанке I (рис. 93–96; рис. 140–142), содержащий в центральных насыпях (южном и северном кургане) богатый инвентарь (пряжки, украшения, наконечники стрел и др.), определяющий общую датировку в пределах V в. н. э. Наличие пряжки с хоботковидным язычком означает, что комплекс предшествуют шиповскому горизонту, ограничиваясь в своей верхней дате не позднее второй половины V в. Уздечное украшение из северного кургана соотносится с новогригорьевским и занимает относительно позднюю позицию,<sup>693</sup> так же, как и овалы украшения, аналогичные деталям кинжала из погребения Борового в Северном Казахстане.<sup>694</sup> Последние имеют азиатское

происхождение, а дата боровского комплекса определяется V – началом VI вв.,<sup>695</sup> в возможным уточнением нижней даты до середины V в. Колчаный набор, основу которого составляют ромбические трехлопастные железные наконечники, оформляется не ранее конца IV–V в. и имеет аналогии (см. раздел 4.1.) в ряде памятников гуннской эпохи и джетыясарских погребениях конца V – первой половины VI в. Таким образом, дата Солончанки I в целом может быть помещена в рамки V в., с вероятным уточнением до второй четверти V в.<sup>696</sup>

Из других курганов с «усами», не датированных <sup>14</sup>C, внимания заслуживает Атасу-2, предметный комплекс которого включал ромбические наконечники и украшения в полихромном стиле (рис. 62). Последние соответствуют ряду изделий азиатского происхождения (Морской Чулек, Боровое, Шамси), на основании которых весь комплекс датирован серединой – второй половиной V в.<sup>697</sup>

Довольно определенную позицию занимает комплект железных предметов из памятника Султантемировский (рис. 66). В составе колчанного набора присутствовали аналогичные солончанским ромбические наконечники стрел (21 экз.), а также железный колчаный крюк и стержень с загнутым концом.<sup>698</sup> Колчаные крюки с поперечной планкой получил развитие в V в. и в сочетании с ромбическими наконечниками прослеживается по серии памятников того же времени (см. раздел 4.1.). Необходимо отметить, что в приуральских Мертвых Солях и Кызыл-Адыре такие крюки, также, как и в Султантемировском, сочетается с другим функциональным предметом – железным стержнем.<sup>699</sup> Ранее V в. крюки с поперечной планкой и ромбические трехлопастные наконечники стрел в урало-казахстанских степях и западней не встречаются, зато хорошо представлены в булан-кобинских комплексах Алтая, в Туве, Забайкалье в первой

<sup>693</sup> ЗАСЕЦКАЯ 1994, 162, 165; Любчанский–Гаиров 1999, 29.

<sup>694</sup> БЕРНШТАМ 1951, 219.

<sup>695</sup> ЗАСЕЦКАЯ и др. 2007, 89, 90.

<sup>696</sup> КОМАР 2013, 105.

<sup>697</sup> БЕЙСЕНОВ и др. 2018, 111.

<sup>698</sup> СУНГАТОВ 2003, 217, 223, рис. 5.

<sup>699</sup> НЕФЕДОВ 1899, 29; ЗАСЕЦКАЯ 1994, 188.

половине I тыс. н. э.<sup>700</sup> Исчезновение поперечной планки фиксируется уже на кызыл-ташском (и, по-видимому, на кудыргинском) этапе<sup>701</sup> и после VII в. исчезает.<sup>702</sup> Если Султантемировский может быть датирован V – первой половиной или началом VI вв., то комплекс Унирек, в котором обнаружен второй колчаный крюк, датируется более ранним (вероятней всего, IV–V вв.) временем по довольно архаичному облику наконечников стрел (*рис. 119. 47–51*).

Как мы видим, радиоуглеродная хронология курганов с «усами» не противоречит типологии инвентаря. Стоит сказать, что с точки зрения методики радиоуглеродного датирования, количества имеющихся дат, как для Центрального Казахстана, так и для Южного Зауралья, недостаточно. Все же, известные на сегодня данные очерчивают период строительства курганов с «усами» III/IV – серединой VII вв. н. э. (95,4%).

Попробуем коротко описать, каким образом развивалась традиция сооружения курганов с «усами». Наиболее ранние комплексы (III/IV вв.) появляются в Восточном Казахстане, Тарбагатае и Чингистау в результате миграции кочевников из Центральной Азии. Для более восточных районов нам известно несколько комплексов из Синьцзян-Уйгурского автономного района<sup>703</sup> (*рис. 133*), где и следует искать истоки этой традиции. На начальном этапе новое население осваивает Восточную Сары-Арку, а примерно ко второй половине IV в. достигает Зауралья.

Погребальные комплексы, связанные с интересующим нас временем, составляют немногочисленную серию, но вместе с тем, расположены в ареале курганов с «усами» (*рис. 128; рис. 129*).

В Зауралье известно 5 погребений (см. также *рис. 134*),<sup>704</sup> в Центральном Казахстане – 4,<sup>705</sup> по одному – в Восточном и Северном Казахстане.<sup>706</sup>

Данные погребальные традиции характеризует то, что захоронения не образуют могильников и расположены одиночно, либо, в двух случаях, впущены в насыпь ранней эпохи. Их объединяет северная ориентировка, в 3 случаях зафиксированы подбойные конструкции. Новацией обряда можно считать наличие шкуры лошади над или рядом с погребенным. Обычно шкура фиксируется по костям черепа, конечностей и хвостовой части. В Кара-Агаче А. А. Козырев констатирует «неполный костяк лошади».<sup>707</sup> Однако, в одном случае (впускное погребение Назар) костей лошади не было.

Предметный комплекс представлен стандартными для эпохи категориями материальной культуры: поясными наборами, украшениями, предметами конской упряжи, вооружением и находят соответствие с предметами из курганов с «усами». В двух случаях погребения совершенно непосредственно в них. Наиболее раннюю позицию занимают украшения зевакинского погребения (*рис. 70. 11–12*), которые, судя по единичным аналогиям переходного этапа, датируются второй половиной IV – первой половиной V вв.<sup>708</sup> Предметы конской упряжи из погребальных комплексов представлены пряжками, двусоставными удилами (*рис. 131*). Показательны две костяные пряжки (*рис. 131. 4–5*), которые наряду с воинскими новациями, иллюстрируемые по материалам курганов с «усами», также распространяются в V в.<sup>709</sup> Такими же рамками следует датировать Канаттас и Кара-

<sup>700</sup> Тишкин–Матренин 2012, 131, 132.

<sup>701</sup> Тишкин–Серегин 2011, 25, рис. 4.

<sup>702</sup> Багаутдинов–Богачев–Зубов 1998, 119, 120, рис. 26. 20–25.

<sup>703</sup> Чжан Ючжун 1996; Чжан Ючжун 1996а; Чэнго цичэн 2011, 233, 238, 239; Шло Хуйцю 2018, 160–163, рис. 2. 6–10, 2. 6–11. Автор глубоко благодарен А. А. Ковалеву, которым была любезно предоставлена литература по памятникам Синьцзян-Уйгурского автономного района. Также выражаю искреннюю признательность студентам ЮУрГУ: Минлигарееву Н. И., Мотовилову А. М., Станишевской С. С.; студенту ЧелГУ Степанову М. В. за консультации и оказанную помощь в переводе литературы.

<sup>704</sup> Костоков 1995; Боталов 2009; Шевнина–Логвин 2015, 152–163.

<sup>705</sup> Козырев 1905; Кадырбаев 1959а, 179–182; Бейсенов–Веселовская 2013; Бейсенов–Китов 2013.

<sup>706</sup> Бернштам 1951; Арсланова 1975, 117–118.

<sup>707</sup> Козырев 1905, 32.

<sup>708</sup> Арсланова 1975, 124, 126; Казаков 1996, 170; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 121.

<sup>709</sup> Дашевская 1995, 57, 61, рис. 3. 8.

Агач, некоторые вещи из которых находят аналогии в Шамси с верхней датой в начале VI в.<sup>710</sup> и покровским комплексом начала – первой половины VI в.<sup>711</sup> По-видимому, новшеством можно считать использование прямоугольнорамчатых поясных пряжек (рис. 130. 4, б). Позднее датируется Каменный Амбар (рис. 134) и Аркам с пряжками предгеральдического облика (рис. 130. 1–3) – в рамках VI в., возможно, ближе к середине VI в.<sup>712</sup>

Описанные выше погребальные памятники появляются в урало-казахстанских степях одновременно с курганами «усами» и, по нашему мнению, их следует рассматривать в единокультурном контексте. Не случайно и то, что полихромные украшения в урало-казахстанских степях обнаружены как в курганах с «усами», так и в обычных погребениях. Локализация последних совпадает с географией курганов с «усами», а в двух случаях захоронения совершены под центральными насыпями комплексов с «усами» (Канаттас, Зевакино). Конечно, первое, что бросается в глаза, это явное количественное несоответствие погребений и курганов с «усами». Вместе с тем, отметим, что курганы с «усами» тоже часто не образуют курганных групп («могильников») и в большинстве расположены одиночно. «Случайность» погребений в данном случае не должна смущать и ассоциироваться с неблагоприятной ситуацией в степи или промежуточным характером в движении кочевников на запад. Напротив, стабильная обстановка обеспечивала кочевникам такую форму жизнедеятельности, при которой была возможность свободно выбирать места захоронений или мероприятий, связанных с постройками курганов с «усами». Нельзя также исключать другие формы погребений, которые не могут быть зафиксированы археологически. Однако в любом случае, большое количество курганов с «усами» заставляет предполагать демографическую насыщенность региона в III–VII вв. н. э.

По мере распространения на запад в курганах с «усами» появляются новые черты, позволяющие предположить взаимодействия нового населения с другими культурами в конце IV–VII вв. Как мы выяснили в разделах 2.3. и 3.2., архитектурные новации на западе выразились в автономии, увеличении длины гряд и появлении грунтовой архитектуры «усов». Из 231 известных здесь комплексов (Зауралье, Мугоджары, Тургай, Улытау), для 31 отмечено использование грунта для возведения «усов»: 21 в Зауралье и, по данным космоснимков, 10 на Тургае. Причем грунтовой способ совершенно неизвестен на более восточных территориях и его появление в западном ареале курганов с «усами» следует связывать с предшествующей гунно-сарматской архитектурной традицией. Памятники гунно-сарматской эпохи (II–IV вв.) урало-ишимского междуречья представлены грунтовыми могильниками, культовыми ритуальными валообразными сооружениями и фигурными грунтовыми выкладками.<sup>713</sup> Их ареал включал лесостепную и степную зону Южного Урала (западный и восточный склоны) вплоть до тургайских пустынь и полупустынь на юге, т. е. совпадая, в общих чертах с ареалом курганов с «усами» западного крыла. В нескольких случаях курганы с «усами» сооружены на гунно-сарматских могильниках, однако в основной массе они оставлены на новых местах. Данная ситуация иллюстрирует поведение пришельцев при освоении новых пастбищных пространств, а также взаимодействие с поздним гунно-сарматским населением.

По нашему мнению, продвижение новых кочевников, маркируемое появлением курганов с «усами», сыграло важную роль в этнокультурных трансформациях середины I тыс. н. э. После IV в. в низовьях Сырдарьи джетыясарская культура переживает заключительный этап своего существования, а в лесостепном Приуралье возникает турбаслинская культура (V–VIII вв.). Интересно отметить, что, несмотря на большую территориальную разобщенность, турбаслин-

<sup>710</sup> ЗАСЕЦКАЯ И ДР. 2007, 85.

<sup>711</sup> КОМАР 2000, 43.

<sup>712</sup> БОГАЧЕВ 2010, 157–158; КАЗАНСКИЙ 2002, 195.

<sup>713</sup> МОШКОВА 1984; БОТАЛОВ–ГУЦАЛОВ 2000; ЛЮБЧАНСКИЙ 2017.

ские (а также связанный с ними именьковский – Коминтерновский могильник и неволинские комплексы), с одной стороны, и джетысарские комплексы, с другой, имеют ряд сходств этнокультурного порядка (погребальный обряд, керамика, пояса, фаллические антропоморфные фигурки) именно в период существования в Зауралье курганов с «усами». <sup>714</sup>

Взаимодействие степного и лесостепного населения Зауралья в VI–VII вв., можно проследить по курганам с «усами» Селенташ и Кайнсай, где найдена кушнарниковская керамика. Кроме них кушнарниковская посуда этого времени обнаружена в ряде памятников степного Зауралья (могильник Туркменево II, поселение Берсуат, стоянки Карасор, Аргасор и Целинный), что позволило С. Г. Боталову выделить отдельное – южное (степное) направление развития кушнарниковской культуры. <sup>715</sup> По мнению исследователя, кушнарниковское лесостепное население примерно с VI в. вступает в непосредственный контакт с кочевниками урало-казахстанских степей, носителями традиций курганов с «усами». Контактной зоной в данном случае является степная полоса Южного Зауралья и Притоболья. Характер этих взаимодействий мог сводиться к практике брачных контактов, включению какой-то части лесостепного населения в состав кочевых скотоводов и, возможно, адаптации «кушнарниковцев» к новому типу хозяйства – кочевому скотоводству. <sup>716</sup>

С какой этнической группой мы можем связывать новых мигрантов? Появление курганов с «усами» в урало-казахстанских степях, безусловно, связано с военно-политическими и миграционными процессами эпохи Великого переселения народов. По поводу этнокультурной принадлежности на сегодняшний день известно две точки зрения – И. Э. Любчанского и С. Г. Боталова.

С. Г. Боталов считает, что курганы «с усам» по своим основным характеристикам сопоста-

вимы с памятниками тюркоязычных кочевников VI–VIII вв. Набор черт поминального и погребального ритуалов, мегаплановых сооружений восходит к традициям «наиболее знатных тюркских родов (тюрков Ашина)». При этом традиции курганов «с усам», отражающие культово-погребальные представления родового ядра тюрков-тугю, следует отличать от традиций культурных норм телеского объединения Саяно-Алтая. Параллели с тюркским миром дополняют и довольно интересные сопоставления конструкции кургана «с усам» с устройством тюркского жилища – юрты. <sup>717</sup>

И. Э. Любчанский указывает на то, что курганы с «усами» датируются в пределах V–VII вв., причем большинство из них относится к V–VI вв. Наиболее важные черты материальной культуры относятся к предшествующему гуннскому миру, но, наряду с этим, фиксируется проявление тюркских элементов. Появление культуры курганов с «усами» исследователь связывает с геополитическими событиями IV–V вв., главным из которых стал выход на историческую арену довольно мощного объединения «хионито-эфталитских» племен в Северной Бактрии. Их экспансия была направлена, в том числе, на северные степные пространства, которые опустели после ухода гуннов на запад. Таким образом, по мнению исследователя, население, оставившее курганы «с усам», находилось в сфере влияния эфталито-хионитского государства. <sup>718</sup>

Описанные точки зрения можно условно обозначить как «раннетюркскую» (С. Г. Боталов) и «хионито-эфталитскую» (И. Э. Любчанской) версии. Версия С. Г. Боталова основана на особенностях архитектуры и обряда, и их сравнении с данными китайских письменных источников и ранней историей тюрков. И. Э. Любчанский совершенно справедливо обговаривает хронологические рамки курганов с «усами», которые сопоставляются с военно-политическими событиями Средней Азии этого времени. Однако нам

<sup>714</sup> Казаков 1998, 97, 101; Боталов 2008, 315; Голдина 2012, 214.

<sup>715</sup> Боталов 2013а, 157–161.

<sup>716</sup> Боталов 2013а, 161.

<sup>717</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 147–159.

<sup>718</sup> Боталов–Гаиров–Любчанский 2006, 159–160.

хотелось бы высказать свое мнение об историческом контексте появления этих памятников.

В гуннское и постгуннское время в Восточной Европе поочередно появляется ряд кочевых племен. Следует учитывать фактор того, что направление миграций проходило по степному коридору с востока на запад. В 463 г., уже после разгрома гуннского союза, сюда вторгаются раннеболгарские племена (огуры, сарагуры, оногуры), которых позже поочередно сменяют другие (сабиры, кутригуры, авары, тюрки). Решающую роль, приведшую к началу этих миграций, сыграло возникновение в Центральной Азии Жужаньского каганата и его неудержимая экспансия на запад в начале V века. Уже в IV–V вв., после распада сянбийской степной державы, новое население (маркируемое курганами с «усами»), активно осваивает урало-казахстанские степи. С. Г. Кляшторный высказывал мнение, что в IV–V вв., огромный пласт тюркоязычных племен теле занимал территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана.<sup>719</sup> П. Голден расширяет географию вплоть до Каспийско-Понтийской степной зоны, подразумевая, что теле составлял крупный, но неопределенный союз племен, включающий огуров и другие огуру-тюркские народности, говорившие на вариантах западного тюркского языка (огурский и болгарский) и тогуз-огузские племена на востоке, говорившие на общетюркском. Географически они делились на восточную и западную части.<sup>720</sup> Нам кажется, что именно в «огурском» ключе следует рассматривать появление курганов с «усами» в урало-казахстанских степях и наличие единичных комплексов далеко на западе (Калмыкия,

Северное Причерноморье) в середине – второй половине V века, то есть, в постгуннский период, когда проходила экспансия огуров.

Огурская принадлежность населения, оставившее курганы с «усами», высказана нами в качестве гипотезы, поэтому, подводя итог данному разделу, нам хотелось бы обратить внимание, прежде всего, на археологические данные. Хронологическая позиция этих памятников на сегодняшний день может быть определена рамками IV–VII вв., с возможной перспективой удревнения восточных комплексов до II–III в. Появление курганов с «усами» в Восточном Казахстане, Чингизтау и Восточной Сары-Арке относится к III–IV вв. (определение нижней хронологической границы еще требует дальнейших исследований). Примерно ко второй половине IV в. они появляются в Южном Зауралье. Наиболее поздними пока являются зауральские памятники с кушнаренковской керамикой VI–VII вв. Традиция курганов с «усами», по нашему мнению, возникает в результате миграции в урало-казахстанские степи нового кочевого населения, исходную территорию которых следует искать в где-то в Джунгарии. Анализ предметного комплекса по материалам курганов с «усами» и синхронных погребальных памятников свидетельствует о новациях материальной культуры IV–V вв. Так, основу колчаных наборов со второй половины IV в. составляют стрелы с ромбической трехлопастной боевой головкой, тогда же в экипировке появляются стрелковые пояса, сложносоставные луки «гуннского» типа, копья, однолезвийное оружие. Все эти новации хорошо иллюстрируют не только курганы с «усами», но и памятники гуннского времени Восточной Европы.

<sup>719</sup> Кляшторный–Савинов 2005, 63.

<sup>720</sup> Досымбаева–Голден–Осава 2013, 77.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История исследований курганов с «усами» насчитывает уже более 90 лет. За это время было выдвинуто несколько идей о хронологии и культуре этих памятников. На современном этапе (1996 г. – наши дни) обсуждение курганов с «усами» проходит в рамках двух концепций: раннекочевнической и раннесредневековой. Накопленные за последнее десятилетие новые материалы, особенно в области радиоуглеродной хронологии, позволяют более обоснованно подойти к решению этой проблемы.

Традиция курганов с «усами» сформировалась и существовала в урало-казахстанских степях. Результаты картографирования показывают, что большинство из них сосредоточено в районах Центрального Казахстана, Тургая и Зауралья. Места их строительства входили в зону пенеplена и были приурочены к предгорным или низкогорным участкам на водоразделах и верховьях рек. Тем самым, эти территории наиболее оптимально отвечали потребностям кочевого скотоводческого населения в выборе пастбищных земель, что дает основание рассматривать курганы с «усами» в том числе как маркеры хозяйственного освоения урало-казахстанских степей.

Классификация памятников, основанная на планиграфии и стратиграфических данных, рассматривает три основных типа по количеству курганов в центральном сооружении. Варианты типов рассматривают наличие или отсутствие объектов более ранних эпох. Такой подход, по нашему мнению, позволяет наиболее правомерно идентифицировать комплекс курган с «усами» среди инородных объектов, а также объективно оценивать возможности для установления хронологии.

Развитие традиции курганов с «усами» с востока на запад хорошо прослеживается в выявленных нами различиях типов и архитектуры данных комплексов на разных территориях. В Центральном Казахстане они чаще всего приурочены к объектам более ранних (тип Ic), тогда как по мере распространения к Зауралью они приобретают большую автономию (тип Ia). Кроме этого изменяются средняя длина гряд от самых коротких на востоке (20–100 м) до длинных на западе (50–150 м).

Археологические исследования показывают, что в большинстве случаев эти памятники представляли собой архитектурный ансамбль, в центральном сооружении которого совершался одноразовый жертвенно-поминальный акт. Все следы обрядовых действий имеют наземный характер. Практически полное отсутствие следов человеческих захоронений пока не позволяет напрямую связывать курганы с «усами» с погребальной практикой. Вероятней всего мы имеем дело с коллективными мероприятиями или праздниками, проводимые скотоводческим населением во время весенне-летнего сезона. Как показали подсчеты трудозатрат, строительство одного комплекса могло быть осуществлено в течение 1–1,5 месяца. Смысл постройки данного ансамбля мог сводиться к символическому моделированию на местности некоего жизненного пространства, изображая вид кочевого аула (А. Х. Маргулан) или юрты (С. Г. Боталов).

Основу материальной культуры составляют новационные для того времени формы вооружения и конского снаряжения. Это ромбические трехлопастные наконечники стрел, сложносоставные луки, стрелковые пояса с пряжкой в виде «колчанного крюка», однолезвийное оружие, копья, подпружные пряжки, которые распространяются на запад в результате миграции нового кочевого населения из Центральной Азии. Многие из этих предметов обнаружены не только в курганах с «усами», но и в ряде памятников гуннского времени. Особенно показательны в этом плане полихромные украшения, пояса, обкладки ленчиков седла. В курганах с «усами» обнаруживается также довольно оригинальная категория находок – и каменные орудия утилитарного назначения (жернова, абразив, пест).

Радиоуглеродная хронология указывает на время их существования от III до середины VII вв. н. э., однако типология инвентаря пока позволяет более обоснованно определять нижнюю границу IV в. Для этого периода нам известно 11 погребальных комплексов (Боровое, Канаттас, Зевакино, Кара-Агач, Каменный Амбар и др.). Их объединяет северная ориентировка, наличие шкуры лошади и предметный комплекс, соответствующий инвентарю из курганов с «усами». Характерной особенностью является отсутствие



могильников и впускной (отчасти, случайный) характер этих захоронений, что в какой-то мере повторяет манеру построек курганов с «усами». Данные погребальные традиции мы склонны связывать с тем же населением, что оставило курганы с «усами».

Этапы развития этой традиции можно реконструировать следующим образом. Наиболее ранние комплексы (III–IV вв.) появляются на верхнем Иртыше и в Восточной Сарыарке, а затем, к концу IV в. достигают восточных предгорий Урала. Здесь новые кочевники контактируют с поздним гунно-сарматским населением, что отразилось в появлении грунтовых гряд, которые неизвестны в более восточных курганах с «усами». Нахождение кушнаренковской керамики в

двух зауральских комплексах характеризует контакты кочевников с лесостепным населением.

Сопоставление археологических и исторических данных позволило нам выдвинуть гипотезу, что появление курганов с «усами» в урало-казахстанских степях, как и распространение новых форм вооружения в гуннское и постгуннское время, произошло в результате миграции огурских (раннеболгарских) племен, сведения о которых появляются в западных источниках в середине V в. В этой связи обращает на себя внимание наличие курганов с «усами» далеко на западе, в Калмыкии (Три Брата) и Приднепровье (Ново-григорьевка). Что же касается исходной территории происхождения курганов с «усами», то ее, вероятней всего, следует искать в Джунгарии.



# КУРГАНЫ С «УСАМИ»

## Эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н. э.)

### ВВЕДЕНИЕ

Курганы с «усами» являются оригинальными археологическими объектами, открытие которых относится к первой половине XX в. Они обнаружены на огромной территории урало-казахстанских степей, от верховьев Иртыша до Зауралья. В классическом виде этот памятник представляет собой курганную насыпь, от которой в восточном направлении тянутся две дуговидные каменные выкладки, длиной до двухсот и более метров.

Со времени открытия и до сих пор продолжается процесс осмысления курганов с «усами», которые до сих пор не получили однозначную оценку. На первоначальном этапе исследователи обратили внимание на отсутствие предметного комплекса под насыпями. В попытках хронологической и культурной атрибуции, к середине XX в. были высказаны две точки зрения: о раннекочевнической<sup>721</sup> и раннесредневековой<sup>722</sup> принадлежности курганов с «усами».

Во второй половине 50-х гг. XX в. к изучению курганов с «усами» приступил М. К. Кадырбаев, который включил их в круг памятников тасмолинской культуры раннесакского времени Казахстана.<sup>723</sup> Им же разработана типология, согласно которой курган с «усами» является ритуальным объектом большого погребального сооружения раннесакского времени. Впоследствии эта концепция отразилась в ряде фундаментальных работ<sup>724</sup>, поэтому тасмолинская принадлежность не вызывала сомнений, даже несмотря на об-

наружение в курганах с «усами» вещей эпохи Великого переселения народов. Одна из таких находок в комплексе Коктал даже позволила М. К. Кадырбаеву высказать мысль о тысячелетней традиции сооружения этих памятников.<sup>725</sup>

В последнем десятилетии XX в. основным исследователем курганов с «усами» Казахстана становится А. З. Бейсенов, развивший тасмолинскую концепцию М. К. Кадырбаева.<sup>726</sup> Весь раннесредневековый материал, который на тот момент насчитывало уже более десятка комплексов, был обозначен А. З. Бейсеновым впускным. Параллельно с этим интерес к курганам с «усами» проявляется в южноуральской научной среде. В 1996 году С. Г. Боталов инициировал пересмотр хронологической позиции всех памятников этого типа в пользу средневековья.<sup>727</sup> В частности, им указано на то, что курганы с «усами» сооружались вблизи или непосредственно на памятниках более ранних эпох, что и стало причиной неверной интерпретации М. К. Кадырбаева. Итогом работ челябинских археологов стал выход монографии «Курганы с «усами» урало-казахстанских степей»,<sup>728</sup> в которой не только были собраны все известные на сегодняшний день материалы, но и обосновывается принадлежность памятников к поздней древности – раннему средневековью.

Однако вопрос о хронологии курганов с «усами» по-прежнему остается открытым. Проблема часто возникает при неоднозначной трак-

<sup>721</sup> Грязнов 1956, 9–10; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 10.

<sup>722</sup> Маргулан 1949, 3–36.

<sup>723</sup> Кадырбаев 1966, 303–433.

<sup>724</sup> Маргулан и др. 1966; История Казахской 1977; Степная полоса 1992.

<sup>725</sup> Кадырбаев 1959, 97.

<sup>726</sup> Бейсенов 1997.

<sup>727</sup> Боталов 1996, 203.

<sup>728</sup> Боталов–Таиров–Любчанский 2006.

товке предметного комплекса, который с точки зрения типологии, обладает датирующими возможностями. Сторонники тасмолинской версии считают, что предметы середины I тыс. н. э. были впущены в насыпи курганов с «усами», а сторонники поздней (раннесредневековой) принадлежности полагают, что курганы с «усами» сооружались на площадках памятников ранних кочевников. Таким образом, в конце XX и начале XXI вв. вопрос о хронологической принадлежности курганов с «усами» находится на стадии обсуждения.

После выхода монографии 2006 года корпус источников продолжает пополняться благодаря активным полевым исследованиям, преимущественно на территории Казахстана. Введенный в научный оборот целый ряд комплексов,<sup>729</sup> обуславливает потребность их обобщения с ранее известными материалами.

Помимо этого, происходит качественно новый сдвиг в решении проблемы абсолютной хронологии методом радиоуглеродного датирования. Сегодня известно уже более десятка дат из курганов с «усами», демонстрирующие их принадлежность эпохе поздней древности – раннему средневековью.

Насущной проблемой сегодня является отсутствие единой карты курганов с «усами». После выхода в свет Археологической карты Казахстана<sup>730</sup> и первого картирования памятников, предпринятых М. К. Кадырбаевым,<sup>731</sup> этой работе долгое время не уделялось внимания. Лишь в 1996 году А. З. Бейсенов приводит количественную сводку по разным регионам Казахстана.<sup>732</sup> В начале XXI в. публикуются региональные своды памятников археологии, в которых содержится информация по курганам с «усами»<sup>733</sup> и отдельные статьи<sup>734</sup>. В это же время применяется метод дешифрирования аэрофото- и космоснимков, которые значительно расширили поисковые

возможности по этим памятникам. В данной работе мы попытались собрать все известные на сегодняшний день данные (610 комплексов) для составления единой картографической базы данных курганов с «усами», работа над которой, безусловно, должна быть продолжена в будущем.

Одним из интересных сюжетов последнего времени стало изучение архитектуры и геологии курганов с «усами». Определение горных пород в составе памятника, а также поиск места сбора каменного сырья могут дать информацию об особенностях процесса строительства, трудозатратах, знаниях и навыках архитектурно-строительного дела. То есть те стороны жизни, которые напрямую связаны, прежде всего, с практикой и технологическими возможностями, нежели с ритуалом или духовной сферой.

Пожалуй, самой главной проблемой является культурно-хронологическая атрибуция курганов с «усами». Мы можем вспомнить две основные версии в трудах южноуральских исследователей. И. Э. Любчанский считает их «хионито-эфталитскими» памятниками, а С. Г. Боталов – «раннетюркскими», с некоторыми уточнениями в хронологии<sup>735</sup>.

Следует иметь в виду, что время поздней древности и раннего средневековья – необычайно сложная эпоха, особенно на фоне того, что после прекращения существования яркой позднесарматской/гунно-сарматской культуры II–IV вв., в урало-казахстанских степях для второй половины IV–VI вв. известно всего около десятка ингумационных погребений, в связи с чем может сложиться впечатление о «промежуточном» или «пустующем» характере региона в эпоху Великого переселения народов. Однако нам кажется, что огромное количество курганов с «усами» свидетельствуют об обратном и при комплексном подходе (анализ архитектуры, об-

<sup>729</sup> Бейсенов 2017; Бейсенов и др. 2016; Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017; Бейсенов и др. 2018; Бейсенов и др. 2018а.

<sup>730</sup> Археологическая карта 1960.

<sup>731</sup> Кадырбаев 1966, 308, рис. 1.

<sup>732</sup> Бейсенов 1996, 36–38.

<sup>733</sup> Зданович и др. 2003; Свод памятников 2007; Свод памятников 2010; Кукушкин и др. 2016; Кукушкин и др. 2017; Варфоломеев и др. 2018.

<sup>734</sup> Бейсенов и др. 2017; Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.

<sup>735</sup> Боталов–Тайров–Любчанский 2006, 147–161.

ряда, региональных особенностей длин гряд, типологии инвентаря, радиоуглеродных дат и т. д.) эти памятники обладают реальным потенци-

алом для выделения и раскрытия отдельной эпохи в истории кочевников урало-казахстанских степей IV–VII вв. н. э.

### БЛАГОДАРНОСТИ

В первую очередь хочется выразить признательность моему учителю и бессменному научному руководителю Сергею Геннадьевичу Боталову. Автор глубоко благодарен коллегам Научно-образовательного центра евразийских исследований (Южно-Уральский государственный университет), в особенности А. Д. Таирову, А. В. Епимахову, Н. А. Берсеновой за постоянную поддержку, консультации, предоставление неопубликованных материалов и знакомство с «миром» радиоуглеродного датирования.

Выражаю благодарность казахстанским археологам: Б. А. Байтанаеву, А. З. Бейсенову, Г. А. Базарбаевой (г. Алматы), А. С. Жунисханову (г. Нур-Султан), А. А. Бисембаеву, А. М. Мамедову (г. Актобе) за отзывчивость, совместную работу и оказанную помощь по памятникам Казахстана.

Особенно автор признателен коллегам из г. Костанай А. В. Логвину, И. В. Шевниной, А. М. Сеитову, собравшие и предоставившие солидные материалы по распространению курганов с «усами» в Тургайском бассейне. Неопубликованные материалы по южноуральским комплексам были любезно предоставлены Н. С. Батаниной. Без их помощи карта курганов с «усами» была бы неполной.

Я искренне рад знакомству с А. А. Ковалевым, археологом и депутатом законодательного

собрания Санкт-Петербурга, который познакомил с китайской литературой о самых ранних курганах с «усами» из Синьцзянь-Уйгурского автономного района КНР.

Я также признателен коллегам, благодаря которым состоялась защита диссертации, легшая в основу этой книги: В. В. Овсянников, Н. С. Савельев, В. А. Иванов, Ф. А. Сунгатов (г. Уфа), Д. А. Сташенков (г. Самара). Искренне благодарю А. Г. Ситдикова, И. Л. Измайлова, Ф. Ш. Хузина (г. Казань), И. Э. Любчанского (г. Челябинск) за вычитку, консультации и ценные замечания.

Издание этой монографии оказалось возможным благодаря поддержке Института археологии Католического Университета им. Петера Пазманя и лично А. Тюрка.

Отдельно хочется сказать спасибо первым учителям – С. В. Марковой, С. В. Маркову, И. Ю. Банниковой, благодаря которым еще в школьном возрасте состоялось первое знакомство автора с археологией и «усатыми» курганами.

Хочу отметить и то, что получение археологического материала невозможно без кропотливых и трудоемких полевых работ, через которые прошли многочисленные отряды школьников и студентов. Без вашей помощи эта книга не вышла бы в свет. Благодарю за поддержку моих родителей, друзей и соратников.

## 1. ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

### *1.1. Полевые исследования и накопление источников*

Освещены этапы археологических исследований и научного осмысления курганов с «усами» с момента открытия в 1927 г. до наших дней. В 20–30-х гг. их раскопки носили случайный характер. Специальное изучение началось со второй половины 1940-х гг., благодаря активной работе Центрально-Казахстанской археологической

экспедиции и ее руководителя А. Х. Маргулана. Более углубленное исследование курганов с «усами» с конца 1950-х гг. продолжил М. К. Кадырбаев, который разработал типологию и определил культурную принадлежность в рамках раннесакской культуры. В 1960-е – 1980-е гг. раскопки проводятся редко (А. М. Оразбаев, Х. Ф. Арсланова, С. М. Ахинжанов), зато многие памятники открыты активными разведками в различных регионах урало-казахстанских сте-

пей. С середины 1990-х гг. начинается современный этап в изучении курганов с «усами», благодаря деятельности новых исследователей, прежде всего А. З. Бейсенова, С. Г. Боталова, И. Э. Любчанского. Можно утверждать, что с этого времени существует два основных направления: одно из них оформляется в Зауралье в рамках челябинской школы (С. Г. Боталов, А. Д. Таиров, И. Э. Любчанский), второе, в Казахстане, продолжает и развивает концепцию М. К. Кадырбаева (А. З. Бейсенов, М. К. Хабдулина, А. Н. Свиридов, У. У. Умиткалиев).

### 1.2. Проблема типологии курганов с «усами»

Здесь рассмотрена история опыта типологизации курганов с «усами» и формирования представлений о составляющих элементах этого комплекса. Как правило, исследователи обращали внимание на планиграфию центрального сооружения – количество насыпей и их взаиморасположение; функцию центральных сооружений – погребальная или непогребальная; определение «простейшего» или «классического» варианта кургана с грядами; датировку и проблему относительной хронологии объектов, входящих в комплекс курган с «усами». В развитии взглядов на типологию происходило упрощение: если М. К. Кадырбаев выделял четыре типа, то А. З. Бейсенов – три, а С. Г. Боталов – только два. Типологии М. К. Кадырбаева и А. З. Бейсенова напрямую зависят от тасмолинской принадлежности комплекса «курган с «усами», и поэтому дают некоторые «сбои». То, что строительство этих памятников происходило намного позже и не имеет отношение к тасмолинской культуре позволило С. Г. Боталову говорить лишь о двух типах, внутри которых различаются автономные

комплексы и комплексы, пристроенные к древним сооружениям.

### 1.3. Дискуссионные вопросы хронологии курганов с «усами»

Раздел посвящен истории обсуждения хронологической принадлежности курганов с «усами». С самого начала исследований, включая эпизодические раскопки до Великой Отечественной войны, курганы с «усами» демонстрировали практически полное отсутствие датирующего материала, поэтому их хронологическая принадлежность получала разную оценку – от эпохи ранних кочевников до раннего средневековья. М. К. Кадырбаев выделил тасмолинскую археологическую культуру ранних кочевников Центрального Казахстана (VII–III вв. до н. э.) и включил туда курганы с «усами», несмотря на наличие нескольких комплексов середины I тыс. н. э. Дальнейшие раскопки тоже показывали более поздний материал. В 1990-х гг. А. З. Бейсенов, вслед за М. П. Грязновым и М. К. Кадырбаевым, по-прежнему относит курганы с «усами» к тасмолинской культуре эпохи ранних кочевников, однако он пересматривает типологию М. К. Кадырбаева. Весь раннесредневековый материал, по мнению А. З. Бейсенова, имеет впускной характер. Примерно в то же время, в 1996 году С. Г. Боталовым был предложен кардинальный пересмотр хронологической позиции всех курганов с «усами», которые были датированы эпохой раннего средневековья. Причиной для этого послужили наблюдения о том, что курганы с «усами» сооружались поблизости или непосредственно на объектах других эпох. Таким образом, к настоящему времени сформировалось две основные концепции: раннекочевническая и средневековая.

## 2. АРЕАЛ И ТИПОЛОГИЯ КУРГАНОВ С «УСАМИ»

### 2.1. Физико-географическая характеристика территории исследования

Раздел содержит географическое описание ареала курганов с «усами». Территория исследования достаточно обширна – широтная протяженность

ареала курганов с «усами» составляет примерно 1800 км. Физико-географические районы включают Урало-Мугоджарские, Тургайские и Центрально-Казахстанские степи (рис. 2). В ландшафтном отношении это степи, полупустыни и предгорные районы Тянь-Шаня. При всей

обширности территории, можно выделить общие закономерности расположения памятников. Они концентрируются в зонах пенеппена (Зауралье, Кокшетау, Казахское нагорье) и, вместе с тем, привязаны к верховьям и средним течениям рек. Все это вполне соответствует кочевому скотоводческому хозяйственно-культурному типу и позволяет рассматривать урало-казахстанские степи (с прилегающими территориями) цельной культурно-хозяйственной областью, активно используемой кочевым населением в период IV–VII вв. В данном контексте мы склонны рассматривать курганы с «усами», в том числе, как маркеры хозяйственного освоения степи.

## 2.2. Районирование курганов с «усами» и обзор источников

На основании географического распределения курганов с «усами» предложено деление ареала курганов с «усами» на семь районов (рис. 1, 3) с характеристикой использованных в работе памятников (610 комплексов – 100%). Зауральская группа (I) (рис. 4) занимает урало-тобольский водораздел, в которой насчитывается 90 комплексов (15%). Мугоджарская группа (II) памятников приурочена к бассейну р. Ирғиз и восточным склонам Мугоджар. Здесь известно 21 комплексов (3%). Тургайско-Улытауская группа (III) (рис. 5) занимает западную часть Сары-Арки с хребтом Улытау и бассейном р. Тургай, где учтено 120 курганов с «усами» (20%). Северо-Казахстанская группа (IV) ограничена бассейном рр. Ишим, Селеты и Кокшетауской возвышенностью. Данный район слабо изучен раскопками, здесь мы располагаем данными о 59 памятниках (10%). Центрально-Казахстанская (Восточная, Центральная Сары-Арка) группа (V) (рис. 6–7) занимает центральную и восточную часть Казахского мелкосопочника от Чингизтау (Канчингиз) до рр. Атасу и Куланутпес. Северное, возможно, обособленное положение занимает группа памятников Экибастуз-Карагандинской провинции. На востоке несколько отдалены комплексы Чингизтау, Семейтау и Кокентау. Они могут рассматриваться как переходные от Восточно-Казахстанской к Центрально-Казахстанской группам. Эта самая многочисленная серия, в которой нам

известно 293 комплекса (48%). Восточно-Казахстанская группа (VI) занимает крайне восточное положение всего ареала курганов с «усами». Группа насчитывает всего 16 комплексов (2%), которые расположены в пределах Калбинского и Тарбагатайского хребта. Наконец, Южно-Казахстанскую и Семиреченскую группу (VII), которую составляют 11 памятников (2%), протянуты широтной цепочкой вдоль северных склонов Тянь-Шаньской горной системы.

Наиболее хорошо изучены Зауральская группа, где курганы с «усами» чаще сооружались одиночно, с привязкой к руслам рек, и Центрально-Казахстанская, в которой данные сооружения воздвигались в речных долинах, урочищах, на площадках более ранних памятников, особенно вблизи больших курганов, по всем признакам, эпохи ранних кочевников. Там же нередки скопления нескольких курганов с «усами» в группы или в составе одного могильника.

## 2.3. Типология и основания для датировки курганов с «усами»

Представлена авторская типология курганов с «усами» на основе планиграфии и стратиграфии. Всего выделено три типа по количеству насыпей (I, II, III). В каждом из которых различается три варианта по наличию или отсутствию объектов ранней эпохи (a, b, c).

I – комплекс с одной центральной насыпью:

Ia – комплекс возведен автономно, без использования ранних объектов;

Ib – центральная насыпь сооружена на кургане раннего времени;

Ic – центральная насыпь сооружена возле кургана более раннего времени, как правило, с восточной стороны, на некотором расстоянии или вплотную к нему.

II – комплекс с двумя центральными меридионально / субмеридионально расположенными насыпями:

IIa – комплекс возведен без участия или использования ранних объектов;

IIb – курганы центрального сооружения возведены на кургане раннего времени или насыпь раннего кургана могла быть вторично использована;

Ис – комплекс сооружен возле кургана более раннего времени, с восточной стороны.

III – комплекс с тремя или более меридионально расположенными насыпями: В разных случаях могли выстраиваться по прямой или дуговидно:

IIIa – комплекс возведен без участия ранних объектов;

IIIb – курганы центрального сооружения возведены на кургане раннего времени;

IIIc – курганы пристроены с восточной стороны от большого кургана раннего времени.

Все приведенные модели курганов с «усами», если отбросить очевидные инокультурные элементы, объединяются схожими чертами, которые заключались в одноразовом жертвенно-поминальном акте. В «чистом» виде они проявляются в подтипах «а» (Ia, IIa, IIIa). В исключительных случаях в них совершались человеческие захоронения. Разновидность «b» предполагает использование площадки насыпи ранней эпохи для возведения центрального сооружения кургана с «усами», а «с» – строительство комплекса с восточной стороны раннего кургана. Выделенные типы (I, II, III) отличаются количеством насыпей, но функционально объединяются теми же жертвенно-поминальными традициями. Среди определяющих признаков можно назвать каменную архитектуру насыпи, наземный характер жертвенно-поминальных

действий, стабильное отсутствие человеческих погребений (с исключениями), установка сосудов в материковом углублении при почти устойчивом отсутствии иного предметного комплекса, остатки кострищ, отдельные кости животных (как правило, лошадь) или целые туши. Все эти признаки хорошо продемонстрированы в типах Ia, IIa, IIIa, в которых достоверно прослежено отсутствие инокультурных включений.

Географическое распределение типов выглядит следующим образом. Из известных нам памятников планы насыпей и конфигурация их расположения известна для 467 (100%) комплексов (табл. 2). Наиболее распространенным и многочисленным для всех территорий является автономный комплекс с одной насыпью (260) – 56%, в числе которых и тип Ib, построенный непосредственно на объекте ранней эпохи – в большинстве случаев они выявляются только в процессе раскопок. Меньшее количество составляют комплексы с двумя (54) – 11% и тремя (22) – 5% насыпями. Наибольший интерес представляет разновидность Ис, представленная 121 памятниками (26%). Обращает внимание, что если в Южном Зауралье их встречено всего 2, то на Тургае их уже 7, а в Центральном Казахстане – 103. Все это свидетельствует о трансформации традиции строительства курганов с «усами» по мере освоения кочевниками степных пространств с востока на запад.

### 3. АРХИТЕКТУРА И ОБРЯД КУРГАНОВ С «УСАМИ»

#### 3.1. Архитектура центрального сооружения

В данной части проанализированы основные особенности оформления центральных насыпей. Неизменным для всех территорий остается использование камня. Обычно камень составляет основу тела насыпи и полностью заполняет его. Выявлено два способа формовки. Первый – каменный наброс, наиболее мощный в центре и постепенно уменьшающийся к краям. Второй – ограды, мощные по краям и уменьшающиеся к центру. В тех случаях, когда удавалось установить расположение камней отмечено, что наиболее крупные лежали по краям, выполняя роль

крепиды. В нескольких случаях отмечено минимальное использование камня. «Многоугольность» конструкции, которую нередко в своих описаниях отмечают исследователи, по нашему мнению, продиктована не столько ритуальным характером, сколько техническими особенностями формовки насыпи при ее сооружении. В ряде случаев прослежена локализация крупных камней по краю насыпи, что отражает первоначальное оконтуривание площадки, которое впоследствии было заполнено другими камнями. Для разновременного типа «с» следует обратить внимание на резкую разницу архитектуры большой (ранней) насыпи и пристроенного к нему



кургана с «усами». Размеры первой достигали 20 и более, при высоте 1,5 м, что также свидетельствует об отличиях архитектурных и иных традициях населения раннего железа, с одной стороны, и населения средневековья. Разновременность особенно хорошо подтверждается установленными фактами разборки ранней кольцевой оградки. Вероятней всего, помимо несомненного ритуального смысла, старые насыпи использовались и в практических целях – в качестве наиболее доступного и простого источника каменного строительного сырья.

### 3.2. Архитектура гряд-«усов»

Отдельно рассмотрены особенности оформления каменных выкладок – определяющего элемента для курганов с «усами». Основным строительным материалом для создания гряд, как и центральных насыпей, был камень. Это является объединяющим признаком курганов с «усами» всех территорий. Грунтовые гряды являются отличительной особенностью зауральской группы памятников и пока не встречены в других регионах. В конструкции «усов» прослежено три способа их сооружения, из которых наиболее популярный – простая укладка камней, в 1–2, реже в 2–3 слоя, не ниже уровня древней поверхности. Менее распространены коридорообразные сооружения и цепочки из пристроенных выкладок. Последние в редких случаях могли представлять значительно разреженные вымостки, соединенные обычными каменными дорожками. В нескольких случаях зафиксированы сочетания различного оформления «усов»: коридорообразных строений и пристроенных выкладок (Зевакино, Медес). Фигуры гряд в плане, при всей схожести оформительских канонов, имели разные пропорции и отражают, вероятно, сложности и особенности «проектировочных» работ. Одним из ярких элементов строения гряд или их окончаний является наличие вертикальных камней или стел. Необходимо подчеркнуть, что все перечисленные черты, способы и элементы постройки (кроме грунтовых) отмечены для курганов с «усами» на всей территории их распространения, что ярко иллюстрирует общие законо-

мерности их устройства и общность традиций оставившего их населения.

Из 610 курганов с «усами» длины известны для 503 комплексов (100%) (табл. 3). Мы их разделили на 4 группы по диапазону длин: «0–49 м» (136 комплекса / 27%); «50–99 м» (190 / 38%); «100–150 м» (113 / 22%) и «более 150 м» (64 / 13%). На Южном Урале (71 доступных памятников) наиболее распространены «50–99 м» и «100–150 м» (35% и 38%, соответственно) и всего 6 комплексов (9%) имели длину «0–49 м». На Тургае (116) соотношение примерно такое же, но, вместе с тем, самые короткие «усы» имеют уже 11 комплексов (9%). Другое распределение иллюстрируют памятники Центрального Казахстана (237). Большинство (98) имело самые короткие гряды (41%) и гряды длиной 50–99 м (40%). Более 100 и 150 м составляют 11% и 8% памятников. Надо полагать, что различия между западными (Южное Зауралье, Тургай) и восточным (Центральный Казахстан) иллюстрируют аналогичную ситуацию с распределением типов курганов с «усами», когда, по мере продвижения на запад, менялись некоторые каноны строительства, связанные с автономизацией курганов с «усами». Закономерно можно предположить и относительную хронологию курганов с «усами»: более ранние на востоке и более поздние на западе.

### 3.3. Проблема технологии и строительства курганов с «усами»

Сделана попытка реконструкции процесса сооружения двух комплексов из Южного Зауралья. Для исследования были проанализированы составляющие памятники (Сарбулат-1, Суходол) горные породы, подсчитан объем камней, слагающие комплекс, и определено расстояние до источников каменного сырья (естественные скальные выходы) (рис. 116). Транспортировка учитывала современные физические возможности человека и лошади. Для обоих памятников мы приняли самые минимальные значения трудовых ресурсов для выполнения всех затрат. Однако и они позволяют утверждать, с высокой долей вероятности, что сооружение одного кургана с «усами» могло быть осуществле-

но в течение не более одного сезона. Реальное количество рабочих людей и тягловой силы нам неизвестно, но, учитывая, что эти памятники оставлены скотоводческим населением, количество задействованных лошадей как основной тягловой силы было явно больше десятка, что, при наших подсчетах, могло составлять период не более 1–1,5 месяца.

### 3.4. Следы ритуальной практики в курганах с «усами»

В разделе, на основе данных археологических исследований, обобщены данные о ритуальных действиях, фиксируемые на подкурганном пространстве центрального сооружения (рис. 117–118), а также сделана попытка объяснить назначение комплекса курган с «усами».

Наиболее выразительной и устойчивой чертой обряда курганов с «усами» является установка керамического сосуда. Случаи ее нахождения зафиксированы в 54 комплексах. В большинстве случаев фиксируется по 1 сосуду на один курган, реже – по два. Из 64 случаев местонахождения сосудов (100%), локализация указана для 55 курганов (86%). Для остальных 9 местоположение не указано (14%). В большинстве случаев (27 курганов из 55 с известным местоположением) указано, что сосуд обнаружен в восточном секторе (48%). Для 19 курганов указано, что сосуды стояли в северо-восточном секторе (35%). В единичных случаях указаны другие местоположения: по 3 случая в ЮВ, СЗ секторах и центре, два случая в яме и по одному – север и ЮЗ насыпи.

Основным жертвенным животным являлась лошадь. Также встречены кости мелкого и крупного рогатого скота. В 12 случаях удалось зафиксировать целые скелеты или отдельные части лошади, лежащие в анатомическом порядке.

Их позы, как правило, фиксируются в положении лежа на боку, с вытянутыми ногами.

Заметной чертой курганов с «усами» являются остатки кострищ, которые, как правило, локализируются в центральной части подкурганного пространства.

Для большинства комплексов характерно отсутствие сопроводительного инвентаря, при устойчивом наличии ритуальной площадки, жертвенного животного и керамического сосуда. При этом каждый фиксируемый элемент обряда имел свое место в ритуальном пространстве. Сосуд, как правило, занимал периферийное положение по отношению к центральной части. Кости животных, особенно остатки целых туш, в свою очередь, были уложены преимущественно в середине. Ядром ритуального пространства выступала, как правило, центральная часть, где устраивался костер либо фиксируется искусственная площадка без следов горения.

Функция кургана с «усами», как показывают раскопки, в абсолютном большинстве случаев не была связана с погребальной практикой (за исключением нескольких комплексов). Нам кажется, что основной смысл мероприятия, который сопровождался постройкой кургана с «усами», заключался в коллективных праздниках, поминках или просто встречах между аилами во время весенне-летнего периода. Конечной стадией данного «мероприятия», по-видимому, следует считать засыпку (закрытие) ритуального пространства в месте центрального кургана, т. е. заброску камнем ритуальной площадки. При этом, как показывает стратиграфия и условия обнаружения обрядовых элементов, курган с «усами» представлял собой одноразовое жертвенно-поминальное сооружение. Значение этой постройки могло сводиться к символическому моделированию на местности некоего жизненного пространства, изображая вид кочевого аула или юрты.

#### 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

##### 4.1. Предметный комплекс

В этой части дается описание и анализ основных категорий находок из курганов с «усами» (рис. 119–124).

Комплекс вооружения представлен наконечниками стрел (91 экз.) колчанными крюками (2 экз.), костяными накладками сложносоставного лука (2 комплекта), наконечниками копий (2 экз.), кинжалом и фрагментом меча (по 1 экз.).

Предметы конского снаряжения представлены удилами (7 экз.), железными подпружными пряжками (4 экз.), костяной подпружной пряжкой (1 экз.), уздечными серебряными хоботковидными пряжками (3 экз.), серебряными наконечниками ремней (4 шт.) и золотыми накладками ленчиков седла (4 экз.).

Предметы одежды и украшения составляют пояса (2 экз.), миниатюрная пряжка (1 экз.), гривна и серьга (по 1 экз.).

Находки украшений в полихромном стиле составляют 16 изделий различной формы.

Наиболее многочисленны находки стрелково-го оружия. Круг аналогий очерчен, в основном, памятниками гуннского времени Восточной Европы, предтюрокского и раннетюрокского времени Алтая. Для всех категорий вооружения характерны технологические новации, произошедшие в середине I тыс. н. э. (трехлопастные ромбические наконечники стрел, стрелковые пояса, однолезвийные мечпалаши). Многие элементы вряд ли являются продолжением развития оружейного комплекса предшествующей гунно-сарматской культуры. Более вероятно их центральноазиатское происхождение. В снаряжении коня интерес представляют подпружные пряжки и обкладки ленчиков седла, которые иллюстрируют развитие седел жесткого типа. Полихромные украшения находят аналогии с памятниками эпохи Великого переселения народов. Представленный вещевой комплекс датируется преимущественно второй половиной IV–VI вв. н. э.

##### 4.2. Керамика

Предложена классификация посуды (рис. 125), ее аналогии и датировка.

Керамический комплекс составляет самую заметную часть инвентаря курганов с «усами». Мы располагаем описаниями и прорисовками 59 сосудов. В предложенной нами классификации ведущими признаками являются известные категории сосудов (горшки, кувшинообразные горшки, кувшины, крынки, кружки, котлы) и высота сосудов (крупные, средних и малых размеров – для горшков и кувшинообразных горшков). Единожды используется культурный признак для выделения отдельной группы – «кушнаренковская керамика».

Наиболее многочисленную группу составляют горшки средних и низких размеров, высокие горшки. Менее представительны кувшиновидные горшки, гончарные кувшины, крынки, кружка, керамические котлы, кушнаренковская посуда.

Керамический материал из курганов с «усами», основу которого составляют плавнопрофилированные формы, исходя из аналогий, может быть датирован III–VII вв. Несмотря на различия форм и пропорций посуды, они являются фактически производимыми друг от друга на всей территории распространения курганов с «усами». Керамические котлы из восточноказахстанских памятников хорошо соотносятся с кокзельским и джетыасарским комплексами. Небольшая серия гончарных кувшинов и одной кружки могли быть произведены в ремесленных центрах Южного Казахстана и Приаралья. Кушнаренковская керамика из южноуральских курганов (Селенташ, Кайнсай) датируется VI – серединой VII вв. н. э. Необходимо отметить, что основная масса керамики характеризуется грубостью, неравномерным обжигом, рыхлостью теста, что свидетельствует о ее изготовлении не для бытового, а ритуального назначения.

### 4.3. Хронология и культурная принадлежность курганов с «усами»

В итоговом разделе на основе радиоуглеродных данных и типологии инвентаря установлены хронологические рамки существования курганов с «усами» и изложена позиция по историко-культурным процессам. Проанализировано 16 радиоуглеродных дат из комплексов Центрального Казахстана и Зауралья (*рис. 125, I*).<sup>736</sup>

Два памятника из Центрального Казахстана (Тандайлы 2, Жамантас) представляют собой комплексы, состоящие из большого кургана, к которому пристроен комплекс с «усами» (тип Ic). Даты из большого кургана относятся к раннему железному веку (2468±28 и 2471±32), тогда как головной курган комплекса с «усами» был сооружен на 700–800 лет позже (1795±36 и 1654±30). Такая ситуация еще раз иллюстрирует практику использования ранних насыпей в строительстве курганов с «усами».

Лишь одна дата из комплекса Кырыкунгир, материалы раскопок которого свидетельствуют об обычном для курганов с «усами» обряде, противоречит общей колонке радиоуглеродных значений и относится к раннесакскому времени.

Суммирование всех вероятностей позволяет с высокой степенью достоверности (95,4%) утверждать, что интересующие нас события произошли от первых десятилетий III до середины VII вв. н. э. (*рис. 125, II*). Однако необходимо отметить, что типологически инвентарь датируется IV–VII вв., поэтому последний вариант хронологических рамок на сегодняшний день кажется нам наиболее обоснованным.

Погребальные комплексы (*рис. 127*), связанные с интересующим нас населением, составляют немногочисленную серию, но вместе с тем, расположены в ареале курганов с «усами». В Зауралье известно 5 погребений (Городищенское IX, Аркаим, Каменный Амбар (курганы 5, 6), Халвай) в Центральном Казахстане – 4 (Канаттас, Кара-Агач, Енбекшил, Назар-2), по одному

– в Восточном и Северном Казахстане (Зевакино, Боровое, соответственно). Погребения выполнены головой на север, их сопровождают шкуры лошадей. Погребальный инвентарь соответствует материальной культуре курганов с «усами». Характерной особенностью является отсутствие могильников и впускной (отчасти, случайный) характер этих захоронений, что в какой-то мере повторяет манеру построек курганов с «усами». Описанные выше погребальные памятники появляются в урало-казахстанских степях одновременно с курганами «усами» и, по нашему мнению, их следует рассматривать в единокультурном контексте. Не случайно то, что полихромные украшения в урало-казахстанских степях обнаружены как в курганах с «усами», так и в обычных погребениях. Локализация последних совпадает с географией курганов с «усами», а в двух случаях захоронения совершены под центральными насыпями комплексов с «усами» (Канаттас, Зевакино).

По поводу этнокультурной принадлежности сегодня известно две точки зрения, которые можно условно обозначить как «раннетюркскую» (С. Г. Боталов) и «хионито-эфталитскую» (И. Э. Любчанский). Версия С. Г. Боталова основана на особенностях архитектуры и обряда, и их сравнении с данными китайских письменных источников и ранней историей тюрков. И. Э. Любчанский совершенно справедливо обговаривает хронологические рамки курганов с «усами», которые сопоставляются с военно-политическими событиями Средней Азии этого времени. По нашему мнению, появление этих памятников может быть связано с усилением жужаней на востоке, в результате чего происходит миграция новых кочевников, освоившие урало-казахстанские степи. Хронология курганов с «усами» совпадает с сообщениями письменных источников о появлении огурских (раннеболгарских) племен на западе, в связи с чем мы склонны предполагать огурскую принадлежность этих памятников.

<sup>736</sup> Две даты из комплекса Селенташ были скомбинированы в одну, поэтому на *рис. 126, I* показано 15 дат.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История исследований курганов с «усами» насчитывает уже более 90 лет. За это время было выдвинуто несколько идей о хронологии и культуре этих памятников. На современном этапе (1996 г. – наши дни) обсуждение курганов с «усами» проходит в рамках двух концепций: раннекочевнической и раннесредневековой. Накопленные за последнее десятилетие новые материалы, особенно в области радиоуглеродной хронологии, позволяют более обоснованно подойти к решению этой проблемы.

Традиция курганов с «усами» сформировалась и существовала в урало-казахстанских степях. Результаты картографирования показывают, что большинство из них сосредоточено в районах Центрального Казахстана, Тургая и Зауралья. Места их строительства входили в зону пенеplена и были приурочены к предгорным или низкогорным участкам на водоразделах и верховьях рек. Тем самым, эти территории наиболее оптимально отвечали потребностям кочевого скотоводческого населения в выборе пастбищных земель, что дает основание рассматривать курганы с «усами» в том числе как маркеры хозяйственного освоения урало-казахстанских степей.

Классификация памятников, основанная на планиграфии и стратиграфических данных, рассматривает три основных типа по количеству курганов в центральном сооружении. Варианты типов рассматривают наличие или отсутствие объектов более ранних эпох. Такой подход, по нашему мнению, позволяет наиболее правомерно идентифицировать комплекс курган с «усами» среди инородных объектов, а также объективно оценивать возможности для установления хронологии.

Развитие традиции курганов с «усами» с востока на запад хорошо прослеживается в выявленных нами различиях типов и архитектуры данных комплексов на разных территориях. В Центральном Казахстане они чаще всего приурочены к объектам более ранних (тип Ic), тогда как по мере распространения к Зауралью они приобретают большую автономию (тип Ia). Кроме этого изменяются средняя длина гряд от са-

мых коротких на востоке (20–100 м) до длинных на западе (50–150 м).

Археологические исследования показывают, что в большинстве случаев эти памятники представляли собой архитектурный ансамбль, в центральном сооружении которого совершался одноразовый жертвенно-поминальный акт. Все следы обрядовых действий имеют наземный характер. Практически полное отсутствие следов человеческих захоронений пока не позволяет напрямую связывать курганы с «усами» с погребальной практикой. Вероятней всего мы имеем дело с коллективными мероприятиями или праздниками, проводимые скотоводческим населением во время весенне-летнего сезона. Как показали подсчеты трудозатрат, строительство одного комплекса могло быть осуществлено в течение 1–1,5 месяца. Смысл постройки данного ансамбля мог сводиться к символическому моделированию на местности некоего жизненного пространства, изображая вид кочевого аула (А. Х. Маргулан) или юрты (С. Г. Боталов).

Основу материальной культуры составляют новационные для того времени формы вооружения и конского снаряжения. Это ромбические трехлопастные наконечники стрел, сложносо- ставные луки, стрелковые пояса с пряжкой в виде «колчанного крюка», однолезвийное оружие, копья, подпружные пряжки, которые распространяются на запад в результате миграции нового кочевого населения из Центральной Азии. Многие из этих предметов обнаружены не только в курганах с «усами», но и в ряде памятников гуннского времени. Особенно показательны в этом плане полихромные украшения, пояса, обкладки ленчиков седла. В курганах с «усами» обнаруживается также довольно оригинальная категория находок – и каменные орудия утилитарного назначения (жернова, абразив, пест).

Радиоуглеродная хронология указывает на время их существования от III до середины VII вв. н. э., однако типология инвентаря пока позволяет более обоснованно определять нижнюю границу IV в. Для этого периода нам известно 11 погребальных комплексов (Боровое, Канаттас, Зевакино, Кара-Агач, Каменный Амбар и др.).

Их объединяет северная ориентировка, наличие шкуры лошади и предметный комплекс, соответствующий инвентарю из курганов с «усами». Характерной особенностью является отсутствие могильников и впускной (отчасти, случайный) характер этих захоронений, что в какой-то мере повторяет манеру построек курганов с «усами». Данные погребальные традиции мы склонны связывать с тем же населением, что оставило курганы с «усами».

Этапы развития этой традиции можно реконструировать следующим образом. Наиболее ранние комплексы (III–IV вв.) появляются на верхнем Иртыше и в Восточной Сарыарке, а затем, к концу IV в. достигают восточных предгорий Урала. Здесь новые кочевники контактируют с поздним гунно-сарматским населением, что отразилось в появлении грунтовых гряд, которые

неизвестны в более восточных курганах с «усами». Нахождение кушнаренковской керамики в двух зауральских комплексах характеризует контакты кочевников с лесостепным населением.

Сопоставление археологических и исторических данных позволило нам выдвинуть гипотезу, что появление курганов с «усами» в урало-казахстанских степях, как и распространение новых форм вооружения в гуннское и постгуннское время, произошло в результате миграции огурских (раннеболгарских) племен, сведения о которых появляются в западных источниках в середине V в. В этой связи обращает на себя внимание наличие курганов с «усами» далеко на западе, в Калмыкии (Три Брата) и Приднепровье (Ново-григорьевка). Что же касается исходной территории происхождения курганов с «усами», то ее, вероятней всего, следует искать в Джунгарии.

# KURGANS WITH ‘MOUSTACHE’

## The epoch of the late prehistory and Early Middle Ages of the Ural-Kazakhstan steppes (4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> AD)

### INTRODUCTION

Kurgans with ‘moustache’ are original archaeological objects discovered in the first half of the 20<sup>th</sup> century. They were discovered on the vast territory of the Ural-Kazakhstan steppes, from the head reaches of the Irtysh River to the Trans-Urals. In the classical form, this monument is a mound with two eastward arcuate stone structures up to two hundred and more meters long.

From the time of their discovery, the process of understanding kurgans with ‘moustache’, which have not still received an unambiguous assessment, is so far on. At the initial stage, the researchers drew attention to the absence of an artifact complex under the mounds. To perform chronological and cultural attribution, two points of view were expressed by the middle of the 20<sup>th</sup> century: on the early nomadic<sup>737</sup> and early medieval<sup>738</sup> affiliation of the kurgans with ‘moustache’.

In the second half of the 1950s, K. K. Kadyrbaev began to study the kurgans with ‘moustache’ and included them in a circle of monuments of the Tasmola culture of the early Saka period of Kazakhstan.<sup>739</sup> He also developed a typology, according to which a kurgan with ‘moustache’ is a ritual object of a large funerary structure of the early Saka period. Subsequently, this concept was reflected in several fundamental works;<sup>740</sup> therefore, the Tasmola affiliation was not in doubt, even despite the discovery of artifacts in the kurgans with ‘moustache’ belonging to the epoch of the Great Migration of Peoples. One

of such finds in the Koktal complex even allowed M. K. Kadyrbaev to express the idea of a thousand-year-old tradition of building these monuments.<sup>741</sup>

In the last decade of the 20<sup>th</sup> century, A. Z. Beisenov, who developed the Tasmola concept of M. K. Kadyrbaev,<sup>742</sup> becomes the main researcher of Kazakhstan kurgans with ‘moustache’. A. Z. Beisenov identified the entire early medieval material, which at that time had already comprised over a dozen of complexes, as the secondary material. At the same time, the scientific community of the South Urals was interested in the kurgans with ‘moustache’. In 1996, S. G. Botalov initiated a review of the chronological position of all similar monuments in favor of the Middle Ages.<sup>743</sup> In particular, he pointed out that the kurgans with ‘moustache’ were erected in the vicinity or directly on the monuments of earlier epochs, which led to the misinterpretation made by M. K. Kadyrbaev. The work of Chelyabinsk archaeologists resulted in the publication of the monograph ‘Kurgans with ‘moustache’ of the Ural-Kazakhstan Steppes’,<sup>744</sup> which does not only contain all the materials known to date but also justifies the fact that the monuments belong to the Late Antiquity – Early Middle Ages.

However, the issue of the chronology of the kurgans with ‘moustache’ is still open. The problem often arises in case of an ambiguous interpretation of the artifact complex, which, from the standpoint of typology, has dating capabilities. The supporters

<sup>737</sup> GRYAZNOV 1956, 9–10; BOTALOV–TAIROV–LYUBCHANSKY 2006, 10.

<sup>738</sup> MARGULAN 1949, 3–36.

<sup>739</sup> KADYRBAEV 1966, 303–433.

<sup>740</sup> MARGULAN ET AL. 1966; HISTORY OF THE KAZAKH SSR 1977; THE STEPPE STRIP 1992.

<sup>741</sup> KADYRBAEV 1959, 97.

<sup>742</sup> BEISENOV 1997.

<sup>743</sup> BOTALOV 1996, 203.

<sup>744</sup> BOTALOV–TAIROV–LYUBCHANSKY 2006.

of the Tasmola version believe that artifacts of the middle of the first millennium AD were added to the mounds of the kurgans with 'moustache', while the supporters of the late (early medieval) affiliation believe that the kurgans with 'moustache' were built on the sites of the monuments of the early nomads. Thus, at the end of the 20<sup>th</sup> and the beginning of the 21<sup>st</sup> centuries, the issue of the chronological affiliation of the kurgans with 'moustache' was at the stage of discussion.

After the monograph was published in 2006, the corpus of sources continues to be replenished due to the active field research, mainly in the territory of Kazakhstan. A wide range of complexes<sup>745</sup> introduced into scientific circulation necessitates their generalization with the previously known materials.

Besides, there is a qualitatively new shift in solving the absolute chronology problem by the radiocarbon dating method. Today, there are over a dozen known dates from the kurgans with 'moustache', which demonstrate that they belong to the epoch of the Late Antiquity – Early Middle Ages.

An urgent problem today is the lack of a unified map of kurgans with 'moustache'. After the publication of the Archaeological Map of Kazakhstan<sup>746</sup> and the first mapping of monuments undertaken by M. K. Kadyrbaev,<sup>747</sup> no attention was given to this work for a long time. Only in 1996, A. Z. Beisenov made a quantitative summary of various regions of Kazakhstan.<sup>748</sup> At the beginning of the 21<sup>st</sup> century, regional codes of archeological monuments containing the information on the kurgans with 'moustache'<sup>749</sup> and individual articles<sup>750</sup> were published. At the same time, the method of decoding aerial photographs and satellite imagery was used, which significantly expanded the search capabilities in respect of these monuments. In this book, we attempted to collect all the known data (610 complexes) for compiling a unified cartographic database of

the kurgans with 'moustache', the work on which should be certainly continued in the future.

One of the recent interesting plots was the study of the architecture and geology of the kurgans with 'moustache'. Identifying rocks in the composition of a monument, as well as searching for a place to collect rock raw materials can provide information on the peculiar features of the construction process, labor costs, knowledge, and skills of architecture and construction. That is, those aspects of life, which are directly related, first of all, with the practice and technological capabilities, rather than with the ritual or spiritual sphere.

The most important problem is probably the cultural and chronological attribution of kurgans with 'moustache'. We can recall two main versions in the works of South Ural researchers. I. E. Lyubchansky considers them to be 'Chionite-Ephtalite' monuments, and S. G. Botalov – 'Early Turkic' monuments, with some refinements in the chronology.<sup>751</sup>

One should bear in mind that the period of the Late Antiquity and Early Middle Ages is an unusually difficult era, especially on the background of the fact that after the cessation of the bright Late Sarmatian/Hunno-Sarmatian culture of the 2<sup>nd</sup>–4<sup>th</sup> centuries AD, only about a dozen of inhumation burials are known in the Ural-Kazakhstan steppes of the second half of the 4<sup>th</sup>–6<sup>th</sup> centuries AD, so there may be an impression of an 'intermediate' or 'empty' nature of the region in the epoch of the Great Migration of Peoples. However, we believe that a huge number of kurgans with 'moustache' indicate the opposite, and if an integrated approach is used (analysis of architecture, rite, regional characteristics of the length of ridges, typology of inventory, radiocarbon dates, etc.), these monuments have real potential for highlighting and disclosure of a separate epoch in the history of nomads of the Ural-Kazakhstan steppes of the 4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries AD.

<sup>745</sup> BEISENOV 2017; BEISENOV ET AL. 2016; BEISENOV–DUISENBAY–SVYATKO 2017; BEISENOV ET AL. 2018; BEISENOV ET AL.; BEISENOV 2018a ET AL.

<sup>746</sup> ARCHAEOLOGICAL MAP OF KAZAKHSTAN 1960.

<sup>747</sup> KADYRBAEV 1966, 308, Fig. 1.

<sup>748</sup> BEISENOV 1996, 36–38.

<sup>749</sup> ZDANOVICH ET AL. 2003; CORPUS OF MONUMENTS 2007; CORPUS OF MONUMENTS 2010; KUKUSHKIN ET AL. 2016; KUKUSHKIN ET AL. 2017; VARFOLOMEEV ET AL. 2018.

<sup>750</sup> BEISENOV ET AL. 2017; BEISENOV–UMITKALIEV–DUISENBAY 2017.

<sup>751</sup> BOTALOV–TAIROV–LYUBCHANSKY 2006, 147–161.



## ACKNOWLEDGMENTS

First of all, I would like to express my gratitude to my teacher and irreplaceable scientific adviser Sergey G. Botalov. The author is deeply grateful to the colleagues of the Eurasian Research and Education Center (South Ural State University), in particular, to Alexander D. Tairov, Andrey V. Epimakhov and Natalya A. Berseneva for their constant support, consultations, provision of unpublished materials, and acquaintance with the 'world' of radiocarbon dating.

I also wish to thank the Kazakhstan archaeologists: Bauyrzhan A. Baitanaev, Arman Z. Beisenov, Galya A. Bazarbaeva (Almaty), Ajdyn S. Zhunishkhanov (Nur-Sultan), Arman A. Bisembaev, Aslan M. Mamedov (Aktobe) for their responsiveness, cooperation, and assistance rendered in the field of the monuments of Kazakhstan.

My special gratitude goes to the colleagues from the city of Kostanay Andrey V. Logvin, Irina V. Shevnina, and Abaj M. Seitov, who collected and provided solid materials on the distribution of the kurgans with 'moustache' in the Turgai basin. The unpublished materials on the South Ural complexes were kindly provided by Natalya S. Batanina. Without their assistance, the map of the kurgans with 'moustache' would be incomplete.

It was a sincere pleasure for me to meet Aleksej A. Kovalev, an archaeologist, and deputy of the

Legislative Assembly of St. Petersburg, who acquainted me with the Chinese literature dealing with the earliest kurgans with 'moustache' from Xinjiang Uygur Autonomous Region of China.

I am also grateful to the colleagues who helped me to defend the thesis, which formed the basis of this book: Vladimir V. Ovsyannikov, Nukita S. Saveliev, Vladimir A. Ivanov, Florid A. Sunгатov (Ufa), Dmitriy A. Stashenkov (Samara). I am sincerely grateful to A. Ajrat, G. Sitdikov, Iskander L. Izmailov, Fajaz Sh. Khuzin (Kazan), Il'ja E. Lyubchansky (Chelyabinsk) for proofreading, consultations, and valuable comments.

This monograph was published due to the support of the Institute of Archeology of the Pázmány Péter Catholic University and personally Attila Türk.

I would also like to make an acknowledgment to my first teachers – Svetlana V. Markova, Sergey V. Markov, Irina Yu. Bannikova, who acquainted me with archeology and 'moustache' tumuli at the school age.

I would also want to note that it is impossible to obtain archaeological material without meticulous and laborious field works involving numerous schoolchildren and student teams. This book would not be published without your help. I would like to thank my parents, friends, and associates for their support.

## 1. HISTORY AND PROBLEMS OF STUDYING THE KURGANS WITH 'MOUSTACHE'

*1.1. Field research and accumulation of sources*

The stages of archaeological studies and scientific understanding of the kurgans with 'moustache' are highlighted from the moment of their discovery in 1927 to the present day. In the 1920–30s, their excavations were random. A special study began in the second half of the 1940s, due to the active work of the Central Kazakhstan archaeological expedition and its leader A. Kh. Margulan. A more profound study of the kurgans with 'moustache' was continued from the late 1950s by M. K. Kadyrbaev, who developed a typology and determined their cultural background within the framework of the early Saka culture. In the

1960s – 1980s, excavations are rare (A. M. Orazbaev, Kh. F. Arslanova, S. M. Akhinzhanov), although many monuments were discovered by active explorations in various regions of the Ural-Kazakhstan steppes. The middle of the 1990s is the beginning of the modern stage in the study of the kurgans with 'moustache' due to the activities of the new researchers, primarily A. Z. Beisenov, S. G. Botalov, and I. E. Lyubchansky. It is fair to say that since that time there are two main areas: one of them takes shape in the Trans-Urals as part of the Chelyabinsk school (S. G. Botalov, A. D. Tairov, I. E. Lyubchansky), the second, in Kazakhstan, continues and develops the concept of M. K. Kadyrbaev (A. Z. Beisenov, M. K. Khabdulina, A. N. Sviridov, U. U. Umitkaliev).

### 1.2. *The problem of the typology of the kurgans with 'moustache'*

Here, we consider the history of the typology of the kurgans with 'moustache' and the formation of ideas of the constituent elements of this complex. Researchers generally paid attention to the planigraphy of the central structure - the number of mounds and their mutual spatial arrangement; the function of the central structures - funerary or non-funerary; the definition of the 'simplest' or 'classic' version of a kurgan with 'moustache'; dating and the problem of the relative chronology of artifacts included in the kurgans with 'moustache' complex. The insights in the typology were simplified: while M. K. Kadyrbaev distinguished four types, A. Z. Beisenov distinguished three types, and S. G. Botalov – only two types. The typologies of M. K. Kadyrbaev and A. Z. Beisenov are directly dependent on the Tasmola affiliation of the 'kurgan with 'moustache'' complex and, therefore, somehow 'fail'. The fact that the construction of these monuments took place much later and is not related to the Tasmola culture allowed S. G. Botalov to speak only of two types, including autonomous complexes and complexes attached to ancient structures.

### 1.3. *Controversial issues of the chronology of the kurgans with 'moustache'*

The section deals with the history of discussing the chronological affiliation of the kurgans with 'moustache'. From the very beginning of the studies, including episodic excavations before the World War II, the kurgans with 'moustache' demonstrated an almost complete absence of any dating material, so their chronological affiliation was assessed differently from the epoch of the early nomads to the Early Middle Ages. M. K. Kadyrbaev highlighted the Tasmola archaeological culture of the early nomads of Central Kazakhstan (7<sup>th</sup>–3<sup>th</sup> centuries BC) and included kurgans with 'moustache' there, despite the presence of several complexes of the middle of the first millennium AD. Further excavations also revealed later material. In the 1990s, A. Z. Beisenov, following M. P. Gryaznov and M. K. Kadyrbaev, still relates kurgans with 'moustache' to the Tasmola culture belonging to the epoch of the early nomads; however, he revises the typology of M. K. Kadyrbaev. According to A. Z. Beisenov, the entire early medieval material has the secondary nature. At approximately the same time, in 1996, S. G. Botalov proposed a radical revision of the chronological position of all the kurgans with 'moustache' dated from the Early Middle Ages. The reason for this was his observation that the kurgans with 'moustache' had been built in the vicinity or directly at objects of other epochs. Thus, two basic concepts: early nomadic and medieval, have been formed by now.

## 2. THE AREA UNDER STUDY AND TYPOLOGY OF THE KURGANS WITH 'MOUSTACHE'

### 2.1. *Physical and geographical characteristics of the research territory*

The section contains a geographical description of the area of the kurgans with 'moustache'. The research territory is rather vast the latitudinal extent of the area of the kurgans with 'moustache' is about 1800 km. Physical and geographical regions include the Ural-Mugodzhary, Turgai and Central Kazakhstan steppes (*Fig. 2*). In landscape terms, these are steppes, semi-deserts and submontane areas of the Tien Shan. Despite the vastness of the territory, we can single out the general patterns of the

location of monuments. They are concentrated in the peneplain zones (Trans-Urals, Kokshetau, the Kazakhstan Highlands) and, at the same time, are tied to the upper and middle reaches of rivers. All this fully corresponds to the nomadic cattle-breeding economic and cultural type and allows us to consider the Ural-Kazakhstan steppes (with their adjacent territories) as one cultural and economic region actively used by the nomadic population during the 4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries AD. In this context, we tend to consider the kurgans with 'moustache', *inter alia*, as markers of the economic development of the steppe.

## 2.2. Zoning of the kurgans with 'moustache' and review of sources

Based on the geographical distribution of the kurgans with 'moustache', it is proposed to divide the area of the kurgans with 'moustache' into seven regions (Fig. 1; Fig. 3) with the characteristics of the monuments used in the paper (610 complexes – 100%). *The Trans-Ural group* (I) (Fig. 4) occupies the Ural–Tobolsk watershed, including 90 complexes (15%). *The Mugodzhary group* (II) of monuments is confined to the basin of the Irgiz river and the eastern slopes of the Mugodzhary. 21 complexes are known here (3%). *The Turgai-Ulytau group* (III) (Fig. 5) occupies the western part of Sary-Arka with the Ulytau ridge and the basin of the Turgai River. 120 kurgans with 'moustache' are taken into account here (20%). *The North Kazakhstan group* (IV) is limited to the basin of the Ishim and Selyty rivers and the Kokshetau Highlands. This area is poorly studied by excavations; here we have the data on 59 monuments (10%). *The Central Kazakhstan (East, Central Sary-Arka) group* (V) (Fig. 6; Fig. 7) occupies the central and eastern part of the Kazakhstan hilly area from Chingiztau (Kanchingiz) to the Atasu and Kulanutpes rivers. A group of monuments of Ekibastuz-Karaganda province occupies a northern, possibly isolated position. In the east, Chingiztau, Semeytau, and Kokentau complexes are somewhat distant. They can be considered as transitional from the East Kazakhstan to the Central Kazakhstan groups. This is the most numerous series with 293 known complexes (48%). *East Kazakhstan group* (VI) occupies the extreme eastern position of the entire area of the kurgans with 'moustache'. The group consists of only 16 complexes (2%), which are located within the Kalba and Tarbagatai ranges. Finally, *the South Kazakhstan and Semirechie groups* (VII), which consists of 11 monuments (2%), are stretched by a latitudinal chain along the northern slopes of the Tien Shan mountain system.

The best studied groups are the Trans-Ural group, where the kurgans with 'moustache' were often built singly and tied to river beds, and the Central Kazakhstan group, in which these structures were erected in river valleys, natural boundaries, on the sites of earlier monuments, especially near large tumuli apparently belonging to the epoch of the ear-

ly nomads. Several kurgans with 'moustache' accumulated in groups or as part of one cemetery are also frequently found there.

## 2.3. The typology and grounds for dating the kurgans with 'moustache'

The author presented a typology of the kurgans with 'moustache' based on planigraphy and stratigraphy. Three types were distinguished by the number of mounds (I, II, III). Each of them distinguishes three variants by the presence or absence of artifacts of an early epoch (a, b, c).

### I – A COMPLEX WITH ONE CENTRAL MOUND

Ia – The complex was erected autonomously, without using early structures

Ib – The central mound was built on an early tumulus

Ic – The central mound was built near an early tumulus, generally on the eastern side, at a certain distance or close to it

### II – A COMPLEX WITH TWO CENTRAL MERIDIONAL / SUBMERIDIONAL MOUNDS

Iia – The complex was erected without the participation or use of early structures

Iib – The tumuli of the central structure were erected on an early tumulus, or a mound of an early tumulus could be reused

Iic – The complex was erected near an early tumulus, on the eastern side

### III – A COMPLEX WITH THREE OR MORE MERIDIONAL MOUNDS: In different cases, they could be erected in a straight line or arcuately:

IIIa – The complex was erected without the participation of early structures;

IIIb – The tumuli of the central structure were erected on an early tumulus;

IIIc – The tumuli were built on the eastern side of a large early tumulus

All the above models of the kurgans with 'moustache', if we discard the obvious alien cultural elements, are united by similar features lying in a single sacrificial and memorial act. In a 'pure' form, they appear in subtypes of 'a' (Ia, Iia, IIIa).

In exceptional cases, people were buried there. The subtype 'b' involves the use of the site of an early mound to erect the central structure of a kurgan with 'moustache', and 'c' – the construction of the complex on the eastern side of an early tumulus. The distinguished types (I, II, III) differ in the number of mounds but are functionally united by the same sacrificial and memorial traditions. The determining features include the stone architecture of the mound, terrestrial nature of the sacrificial and memorial actions, stable absence of human burials (with exceptions), installation of vessels in the continental cavity with an almost stable absence of another artefactual complex, remains of fire-pits, individual animal bones (usually a horse) or whole carcasses. All these features are well demonstrated in types Ia, IIa, IIIa with a reliably traced absence of alien cultural inclusions.

### 3. THE ARCHITECTURE AND RITUAL OF THE KURGANS WITH 'MOUSTACHE'

#### 3.1. *The architecture of the central structure*

This section analyzes the main features of designing central mounds. The use of stone remains unchanged for all the territories. Usually, stone forms the basis of the mound body and completely fills it. Two shaping methods were identified. The first is throwing stones, most powerful in the center and gradually decreasing towards the edges. The second is enclosures, powerful along the edges and decreasing towards the center. Wherever it was possible to determine the location of the stones, we noted that the largest ones lay along the edges acting as a crepidoma. In several cases, we noted the minimal use of the stone. In our opinion, the 'polygonality' of the structure, which is often noted by researchers in their descriptions, is not so much dictated by the ritual nature as by the technical features of shaping the mound during its construction. In some cases, we traced the localization of large stones along the edge of the mound, which reflects the initial contouring of the site subsequently filled with other stones. For type 'c' belonging to different time periods, we should pay attention to the sharp difference in the architecture of the large (early) mound and the kurgan with 'moustache' attached to it. The dimensions of the mound reached 20 and more meters, at a height of 1.5 m, which also indicates the

The geographical distribution of the types is the following. Planigraphy of the mounds and their arrangement configuration are known for 467 (100%) complexes (*Table 2*). The most widespread and numerous for all the territories is the autonomous complex with one mound (260) – 56%, including type Ib built directly on an early site – in most cases, they are detected only during excavations. A smaller amount is made up of complexes with two (54) – 11% and three (22) – 5% mounds. The subtype Ic is represented by 121 monuments (26%) is of the greatest interest. It is noteworthy that if only two of them were found in the South Trans-Urals, there are already seven of them in Turgai and 103 in Central Kazakhstan. All this indicates the transformation of the tradition of building kurgans with 'moustache' as the nomads develop steppe spaces from east to west.

differences in the architectural and other traditions of the Early Iron Age population, on the one hand, and the population of the Middle Ages, on the other hand. The time difference is particularly well confirmed by the established facts of dismantling early circular fencing. Apart from the undoubted ritual essence, old mounds were most likely also used for practical purposes - as the most affordable and simple source of stone building raw materials.

#### 3.2. *The architecture of the ridges- 'moustache'*

We considered separately the design features of stonework a determining element for the kurgans with 'moustache'. Stone was the main building material for creating ridges, as well as central mounds. This is a unifying feature of the kurgans with 'moustache' of all the territories. Soil ridges are a distinctive feature of the Trans-Ural group of monuments and have not been found yet in other regions. Tree building methods are traced in the design of the ridges. The most popular one is a simple laying of stones, in 1–2, less often – in 2–3 layers, not lower than the ancient surface level. Corridor-like structures and chains of attached layouts are less common. The latter, in rare cases, could represent significantly rarefied causeways connected by ordinary stone paths. In several cases, we recorded com-

binations of different ridge designs: corridor-shaped structures and attached layouts (Zevakino, Medes). The figures of the ridges in plan, despite the similarity of the design canons, had different proportions and probably reflect the complexity and peculiar features of the 'design' works. One of the brightest elements of the structure of the ridges or their endings is the presence of vertical stones or steles. We should emphasize that all of the above structural features, methods, and elements (except for subsoil) concern the kurgans with 'moustache' throughout their distribution territory, which clearly illustrates the general laws of their arrangement and the common traditions of the population that left them.

Lengths are known for 503 complexes (100%) out of 610 kurgans with 'moustache' (Table 3). We divided them into 4 groups according to the length range: '0–49 m' (136 complexes / 27%); '50–99 m' (190 / 38%); '100–150 m' (113 / 22%), and 'over 150 m' (64 / 13%). In the Southern Urals (71 accessible monuments), the most common are '50–99 m' and '100–150 m' (35% and 38%, respectively), and only 6 complexes (9%) were '0–49 m' in length. In Turgai (116), the ratio is approximately the same, but at the same time, already 11 complexes (9%) have the shortest ridges. Another distribution is illustrated by the monuments of Central Kazakhstan (237). The majority (98) had the shortest ridges (41%) and 50–99 m long ridges (40%). 11% and 8% of the monuments have a length of 100 and 150 m. We should assume that the differences between the western (South Trans-Urals, Turgai) and eastern (Central Kazakhstan) mounds illustrate a similar situation with the distribution of the types of the kurgans with 'moustache' when some building canons related to the autonomy of the kurgans with 'moustache' moved westward. We can naturally assume a relative chronology of the kurgans with 'moustache': earlier in the east and later in the west.

### 3.3. *The problem of the technology and building of the kurgans with 'moustache'*

An attempt was made to reconstruct the structures of two complexes in the South Trans-Urals. For the study, we analyzed the rocks composing the monuments (Sarbulat-1, Sukhodol), calculated the volume of stones composing the complex, and the

distance to the sources of stone raw materials (natural rock exits) (Fig. 116). Transportation took into account the modern physical capabilities of a man and a horse. We adopted the minimal values of labor resources for both monuments to accomplish all labor costs. However, they allow us to affirm, with a high degree of probability, that one kurgan with 'moustache' could be built within no more than one season. The actual number of workers and animal traction is unknown, but, considering that these monuments were left by the cattle-breeding population, the number of horses used as the main animal traction was evidently more than a dozen, which, according to our calculations, could occupy a period of no more than 1–1.5 months.

### 3.4. *Traces of ritual practice in the kurgans with 'moustache'*

Based on the archaeological research data, the section summarizes the data on ritual actions recorded on the space under the tumulus of the central structure (Fig. 117–118), as well as attempts to explain the purpose of the kurgan with 'moustache' complex.

The most expressive and stable feature of the rite of kurgans with 'moustache' is *placing a ceramic vessel* recorded in 54 complexes. In most cases, one vessel is recorded per one tumulus, less often – two vessels. Out of 64 cases when a vessel was found (100%), the localization is indicated for 55 tumuli (86%). For the remaining 9, no location is indicated (14%). In most cases (27 out of 55 tumuli with a known location) it is indicated that the vessel was found in the eastern sector (48%). For 19 tumuli, it was indicated that the vessels stood in the northeastern sector (35%). In single cases, other locations are indicated: three cases in the southeast, northwestern sectors and the center, two cases in the pit and one case in the north and the southwest of the mound.

The main *sacrificial animal* was a horse. Bones of cattle and sheep were also found. In 12 cases, we managed to record whole skeletons or individual parts of a horse lying in the anatomical order. Their postures are generally fixed in a lateral position, with legs stretched.

A noticeable feature of the kurgans with 'moustache' is *remains of fire-pits*, which are generally

localized in the central part of the space under the tumulus.

Most complexes are characterized by the absence of accompanying inventory, with a stable presence of a ritual site, a sacrificial animal and a ceramic vessel. At the same time, each recorded ritual element had its place in the ritual space. The vessel generally occupied a peripheral position relative to the central part. Animal bones, especially the remains of whole carcasses were, in turn, laid mainly in the middle. The core of the ritual space was generally the central part, where a fire was arranged or an artificial site is recorded without signs of burning.

As excavations show, the function of a kurgan with 'moustache' in the vast majority of cases was

not associated with funerary practice (except for several complexes). We believe that the main essence of the event, which was accompanied by the construction of a kurgan with 'moustache', consisted in collective holidays, commemoration, or simply meetings between ails during the spring-summer period. The final stage of this 'event' is apparently filling (closing) of the ritual space in the place of the central tumulus, i.e., throwing stones to the ritual site. At the same time, as shown by stratigraphy and the conditions for detecting ritual elements, the kurgan with 'moustache' was a one-time sacrificial and memorial structure. The essence of this building could be reduced to symbolic modeling of certain living space on the terrain, depicting the appearance of a nomadic aul or yurt.

#### 4. MATERIAL CULTURE AND CULTURAL-CHRONOLOGICAL INTERPRETATION

##### 4.1. *The artifact complex*

This section presents a description and analysis of the main categories of finds from the kurgans with 'moustache' (Fig. 119–124).

*The armament complex* is represented by arrowheads (91 pcs.), quiver hooks (2 pcs.), bone plates of a compound bow (2 sets), spearheads (2 pcs.), a dagger and a fragment of a sword (1 piece each).

*Caparison items* are represented by bridle bits (7 pcs.), iron girth buckles (4 pcs.), bone girth buckle (1 pc.), silver bridle proboscidiform buckles (3 pcs.), silver belt tips (4 pcs.), and gold saddletree linings (4 pcs.).

*Garments and jewelry* are represented by belts (2 pcs.), a miniature buckle (1 piece), a torque and an earring (1 piece each).

*The finds of polychrome-style jewelry* comprise 16 items of various shapes.

The finds of the long distance weapon are most numerous. The circle of analogies is defined mainly by the monuments of the Hunnic time of Eastern Europe, the pre-Turkic and early Turkic times of Altai. All armament categories are characterized by the manufacturing innovations dated from the middle of the first millennium AD (three-bladed rhombic arrowheads, shooting belts, one-blade broadswords). Many elements hardly continue the development of the armament complex of the preceding Hunno-Sarmatian culture. Their Central Asian origin is more likely.

Girth buckles and saddletree linings, which illustrate the development of hard saddles, are of interest in the caparison items. Polychrome ornaments find analogies with the monuments of the Great Migration Period. The presented artifact complex dates mainly from the second half of the 4–6<sup>th</sup> centuries AD.

##### 4.2. *Ceramics*

We proposed a classification of utensils (Fig. 125), their analogies and dating.

The ceramic complex is the most noticeable part of the inventory presented in the kurgans with 'moustache'. We have available descriptions and drawings of 59 vessels. In our classification, the leading features are the well-known categories of vessels (pots, pitcher-shaped pots, jugs, jars, mugs, cauldrons) and the height of the vessels (large, medium and small sizes - for pots and pitcher-shaped pots). The cultural feature is used once to highlight a separate group - 'Kushnarenkovo ceramics' (Fig. 143. 2–3).

The most numerous group consists of medium and low pots and high pots. Pitcher-shaped pots, ceramic jugs, jars, a mug, ceramic cauldrons, and Kushnarenkovo utensils are less representative.

The ceramic material from the kurgans with 'moustache', the basis of which is formed by smoothly profiled shapes, as judged by the analogies, can be dated from the 3<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries. Despite

the differences in the shapes and proportions of the utensils, they are actually produced from each other throughout the distribution area of the kurgans with 'moustache'. Ceramic cauldrons from the East Kazakhstan monuments correlate well with the Kokel and Dzhetyasar complexes. A small series of ceramic jugs and one mug could be manufactured in the craft centers of South Kazakhstan and the Aral region. Kushnarenkovo ceramics from the South Ural tumuli (Selentash, Kainsay) dates from the 6 – the middle of the 7<sup>th</sup> centuries AD. Notably, the bulk of the ceramics is characterized by coarseness, uneven baking, friability of clay, which indicates that it was manufactured for ritual rather than household purposes.

#### 4.3. *The chronology and cultural affiliation of the kurgans with 'moustache'*

In the final section, based on the radiocarbon data and the typology of the inventory, we established the chronological framework for the existence of the kurgans with 'moustache' and set forth our position concerning historical and cultural processes. We analyzed 16 radiocarbon dates from the Central Kazakhstan and Trans-Urals complexes<sup>752</sup> (Fig. 126. I).

Two monuments from Central Kazakhstan (Tandaily 2, Zhamantas) are complexes consisting of a large tumulus with an attaching complex with 'moustache' (type Ic). The dates from the large tumulus belong to the Early Iron Age (2468±28 and 2471±32), while the head tumulus of the complex with 'moustache' was built 700–800 years later (1795±36 and 1654±30). This situation once again illustrates the practice of reusing early mounds in the construction of the kurgans with 'moustache'.

Only one date from the Kyrykungir complex, the excavation materials of which indicate a rite common for the kurgans with 'moustache', contradicts the general column of the radiocarbon values and dates back to the Early Saka time.

Summing up all the probabilities allows us to state with a high degree of certainty (95.4%) that the events of interest occurred from the first decades of the 3<sup>rd</sup> to the middle of the 7<sup>th</sup> centuries AD

(Fig. 126. II). However, it should be noted that typologically the inventory dates from the 4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> centuries AD; therefore, the last version of the current chronological framework seems to be the most justified.

The burial complexes (Fig. 128; Fig. 129) associated with the population under study, make up a small series, but at the same time, they are located within the kurgans with 'moustache'. In the Trans-Urals, five burials are known (Gorodishchenskoye IX, Arkaim, Kamenny Ambar (kurgans 5, 6) (Fig. 134), Halvay III), four in Central Kazakhstan (Kanattas, Kara-Agach, Enbekshil, Nazar-2), one – in Eastern and Northern Kazakhstan each (Zevakino, Borovoe, respectively). The burials were made with the head northward; they were accompanied by horse skins. The grave goods correspond to the material culture of the kurgans with 'moustache'. A characteristic feature is the absence of burial grounds and secondary (partly random) nature of these burials, which to some extent repeats the manner of building kurgans with 'moustache'. The described funerary monuments appear in the Ural-Kazakhstan steppes simultaneously with the kurgans with 'moustache' and, in our opinion, they should be considered in one cultural context. It is no coincidence that polychrome ornaments in the Ural-Kazakhstan steppes were found both in the kurgans with 'moustache' and in ordinary burials. The localization of the latter coincides with the geography of the kurgans with 'moustache', and in two cases burials were made under the central mounds of the complexes with 'moustache' (Kanattas, Zevakino).

As for the ethnocultural affiliation, two points of view are known today, which can be arbitrarily defined as 'Early Turkic' (S. G. Botalov) and 'Chionite-Ephtalite' (I. E. Lyubchansky). The version of S. G. Botalov is based on the peculiar features of the architecture and rite, and their comparison with the data of Chinese written sources and the early history of the Turks. I. E. Lyubchansky rightfully discusses the chronological framework of the kurgans with 'moustache', which are compared with the military-political events of Central Asia of this period. In our opinion, the appearance of these monuments may be

<sup>752</sup> Two dates from the Selentash complex were combined into one; therefore, 15 dates are shown (Fig. 127, I).

connected with the strengthening of the Juan-Juans in the east, which resulted in a migration of new nomads who have mastered the Ural-Kazakhstan steppes. The chronology of the kurgans with 'moustache' co-

incides with the reports of the written sources on the appearance of the Ogur (early Bulgarian) tribes in the west, in which connection we are inclined to assume the Ogur affiliation of these monuments.

## CONCLUSION

The history of studying kurgans with 'moustache' already totals to over 90 years. Over this time, several ideas on the chronology and culture of these monuments were advanced. At the present point (1996 – till present), the kurgans with 'moustache' are discussed in the framework of two concepts: early nomadic and early medieval. The new materials accumulated over the past decade, especially in the field of radiocarbon chronology, allow us to approach solving this problem in a more justified way.

The tradition of kurgans with 'moustache' was formed and existed in the Ural-Kazakhstan steppes. Mapping results show that most of them are concentrated in the regions of Central Kazakhstan, Turgai and Trans-Urals. Their building plots were included in the penepain zone and confined to submontane or low-mountain areas on watersheds and upper rivers. Thus, these territories most optimally met the needs of the nomadic livestock-breeding population in choosing pasture land, which gives reason to consider the kurgans with 'moustache' as markers of the economic development of the Ural-Kazakhstan steppes.

The classification of the monuments, based on planography and stratigraphic data, considers three main types according to the number of tumuli in the central structure. Variants of the types consider the presence or absence of earlier structures. Such an approach, in our opinion, allows us to identify the kurgan with 'moustache' complex among alien objects in the most justified way, as well as to assess objectively the possibilities for establishing a chronology.

The development of the tradition of the kurgans with 'moustache' from the east to the west can be clearly traced in the differences we identified between the types and architecture of these complexes on different territories. In Central Kazakhstan, they are most often confined to earlier objects (type Ic), while, as far as they spread to the Trans-Urals, they become more autonomous (type Ia). Besides, the

average length of the ridges varies from the shortest in the east (20–100 m) to the longest in the west (50–150 m).

The archaeological studies show that in most cases these monuments were an architectural ensemble. A single sacrificial and memorial act was performed in its central structure. All traces of ritual activities are above-ground in nature. An almost complete absence of traces of human graves does not yet allow us to link the kurgans with 'moustache' directly with the funeral practice. We most likely deal with collective events or holidays held by the livestock-breeding population during the spring-summer season. According to the calculations of labor investment, the construction of one complex could take 1–1.5 months. The essence of building this ensemble could be reduced to symbolic modeling of certain living space on the terrain, depicting a type of a nomadic aul (A. Kh. Margulan) or a yurt (S. G. Botalov).

Material culture is based on forms of armament and horse harness innovative for that time. These are rhombic three-bladed arrowheads, compound bows, shooting belts with a 'quiver hook-shaped' buckle, single-blade weapons, spears, and girth buckles spreading westward as a result of the migration of the new nomadic population from Central Asia. Many of these items were found not only in the kurgans with 'moustache' but also in several monuments of the Hunnic time. Particularly indicative in this regard are polychrome ornaments, belts, and saddle-tree linings. A rather original category of finds is also registered in the kurgans with 'moustache' – these are practical stone tools (grindstones, an abrasive, a pestle).

Radiocarbon chronology indicates the time of their existence from the 3<sup>th</sup> to the middle of the 7<sup>th</sup> centuries AD; however, the typology of the inventory so far allows us to determine the lower boundary of the 4<sup>th</sup> century in a more justified way. In this period, we know 11 burial complexes (Borovoe,



Kanattas, Zevakino, Kara-Agach, Kamenny Ambar, etc.). They are united by the northern orientation, the presence of a horse skin and the artifact complex corresponding to the inventory of the kurgans with 'moustache'. A characteristic feature is the absence of burial grounds and the secondary (partly random) nature of these burials, which to some extent repeats the manner of building kurgans with 'moustache'. We tend to associate these funerary traditions with the same population, which left the kurgans with 'moustache'.

The development stages of this tradition can be reconstructed as the following. The earliest complexes (3–4<sup>th</sup> centuries AD) appear on the upper Irtysh and in the Eastern Saryarka, and then, by the end of the 4<sup>th</sup> century, reach the eastern foothills of the Urals. Here, the new nomads come into contact with the late Hunno-Sarmatian population, which was reflected in the appearance of soil ridges not

present in the more eastern kurgans with 'moustache'. The presence of Kushnarenkovo ceramics in two Trans-Ural complexes characterizes the contacts of the nomads with the forest-steppe population.

The comparison of the archaeological and historical data allowed us to hypothesize that the appearance of the kurgans with 'moustache' in the Ural-Kazakhstan steppes, as well as the spread of new forms of armament in the Hunnic and post-Hunnic times, resulted from the migration of the Ogur (early Bulgarian) tribes, the information on which appears in Western sources in the middle of the 5<sup>th</sup> century. To this end, the presence of the kurgans with 'moustache' far in the west, in Kalmykia (Tri Brata) and the Dnieper region (Novogrigoryevka) is noteworthy. As for the initial territory of origin of the kurgans with 'moustache', it should be most likely sought in Dzungaria.



# СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

## Источники (отчеты)

- БОТАЛОВ 1989: Боталов, С. Г.: *Исследования могильников Крутой Овраг и Селенташ в зоне сооружения Андреевского водохранилища в Брединском районе Челябинской области*. Челябинск 1989. Архив Заповедника Аркаим. Ф. Р-1. № 106.
- БОТАЛОВ–МАЛАМУД 1985: Боталов, С. Г. – Маламуд, Г. Я.: *Отчет. Исследование памятников в окрестностях села Варна Челябинской обл.* Челябинск 1985. Архив Заповедника Аркаим. Ф. Р-1. № 69.
- ГРЕБЕНЮКОВ 1964: Гребенюков, В. И.: Разведочные работы на Кара-Тургае. В: *Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в 1982 году*. Кустанай 1983. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова; Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1964.
- ИВАНОВА 1988: Иванова, Н. О.: *Раскопки древних курганов в зоне затопления в Караганской межхозяйственной оросительной системы*. Челябинск 1988. Архив Заповедника Аркаим. Ф. Р-1. № 98.
- КОСТЮКОВ 1991: Костюков, В. П.: *Отчет о полевых археологических исследованиях в Карталинском и Чесменском районах Челябинской области в 1990 г.* Челябинск 1991. Архив ЛАИ ЮУрГГПУ. № 58.
- КОСТЮКОВ 1997: Костюков, В. П.: *Отчет по договору № П – 74/3 по теме «Археологическое обследование Карталинского района Челябинской области»*. Челябинск 1997. Архив ЛАИ ЮУрГГПУ.
- КОСТЮКОВ 2004: Костюков, В. П.: *Отчет об исследовании кургана Сарбулат-1 в Карталинском районе Челябинской области в 2004 году*. Архив Южно-Уральского филиала ИИА РАН.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 2005: Любчанский, И. Э.: *Археологические исследования комплекса кургана с «усами» Новокондуровский I в Кизильском районе Челябинской области в 2002 году*. Челябинск 2005. Архив Заповедника Аркаим. Ф. Р-1. № 171.
- ЛОГВИН 1974: Логвин, В. Н.: Археологические разведки на территории Тургайской области. В: *Отчет об археологических исследованиях Тургайского областного историко-краеведческого музея на территории Тургайской области летом 1973*. Аркалык 1974. Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1339.
- ЛОГВИН 1981: Логвин, В. Н.: Разведочные работы по рекам Кара-Тургай и Жаксы-Каинды. В: *Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1980 года*. Кустанай 1981, 51, 52. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- ЛОГВИН–ЗАЙДУЛИН 1982: Логвин, В. Н. – Зайдулин, В. Е.: Разведочные работы в верховьях реки Кара-Тургай. В: *Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1981 года*. Кустанай 1982, 22. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- ЛОГВИН–ГРЕБЕНЮКОВ 1985: Логвин, В. Н. – Гребенюков, В. И.: Разведочные работы в Тургайской области. В: *Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области летом 1984 г.* Кустанай 1985, 4. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- ЛОГВИН–ГРЕБЕНЮКОВ 1986: Логвин, В. Н. – Гребенюков, В. И.: Разведочные работы в Тургайской области. В: *Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области летом 1985 г.* Кустанай 1986, 3–11. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- ЛОГВИН 1987: Логвин, В. Н.: Разведочные работы в Кустанайской области. В: *Отчет Тургайской археологической экспедиции о раскопках на территории Кустанайской области летом 1986 года*. Кустанай 1987. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.

- ЛОГВИН 1989: Логвин, В. Н.: Разведочные работы в Кустанайской области. В: *Отчет Тургайской археологической экспедиции о полевых исследованиях 1988 года*. Кустанай 1989, 3, 4, 10. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- ЛОГВИН 1990: Логвин, В. Н.: Разведочные работы в верховьях реки Каратургай. В: *Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции летом 1989 года*. Кустанай 1990, 41–49. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- ЛОГВИН 1990: Логвин, В. Н.: Разведочные работы в Тургайской области. В: *Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1991 г.* Кустанай 1992 7–9. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- ЛОГВИН 1992: Логвин, В. Н.: Разведочные работы в Аркалыкском районе. В: *Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Тургайской области в полевом сезоне 1992 г.* Кустанай 1993, 7, 8. Архив ЛАИ КГУ им. А. Байтурсынова.
- МАКУРОВ 2011: Макуров, Ю. С.: *Разведочные работы на левом берегу р. Урал к юго-востоку от пос. Кизильское в Кизильском муниципальном районе Челябинской области в 2009 г.* Челябинск 2011. Архив Заповедника Аркаим. Ф. Р–1. № 184.
- ТАИРОВ 1997: Таиров, А. Д.: *Отчет о полевых исследованиях в Кваркенском районе Оренбургской области 1.* Челябинск 1997. Архив Заповедника Аркаим. Ф. 2. № 205.
- ТАИРОВ 2008: Таиров, А. Д.: *Отчет о раскопках Елизаветпольского кургана с «усами» в Карталинском районе Челябинской области в 2002 году.* Челябинск 2008. Архив Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН.
- ТАРАСОВ 1983: Тарасов, Ю. В.: *Отчет об археологической разведке в Карталинском районе Челябинской области в 1982 г.* Архив ЛАИ ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ». № 52.
- ТЕВЕЛЕВ И ДР. 2004: Тевелев, А. В. – Кошелева, И. А. – Тевелев, А. В. – Бурштейн, Е. Ф. – Попов, В. С. – Кузнецов, И. Е. – Осипова, Т. А. – Середа, В. В. – Георгиевский, Б. В. – Правикова, Н. В. – Гаврилова, Е. В.: Геологическое строение и полезные ископаемые территории листа N-41-XXV (Карталы). В: *Отчет по объекту: «Геологическая съемка и геологическое доизучение масштаба 1:200 000 территории листа N-41-XXV (Карталы), подготовка к изданию геологической карты листа (полигонный, ВУЗ)» за 2000–2003 гг. в 5 книгах.* Москва 2005.
- ТКАЧЕВ 1994: Ткачев, В. В.: Раскопки аварийного кургана Каргала-II. В: *Отчет об археологических раскопках в Актюбинской области летом – осенью 1993 г.* Актюбинск 1994. Копия отчета из архива А. Д. Таирова.
- ШЕВЦОВА–БОТАЛОВ–АРТЕМОВА 1980: Шевцова, Т. В. – Боталов, С. Г. – Артемова, С. В.: Разведочное обследование реки Карагайлы-Аят в Карталинском районе Челябинской области. В: *Полевые археологические исследования Урало-Казахстанской археологической экспедиции в 1979 году.* Челябинск 1980: I. Архив Заповедника Аркаим. Ф. Р–1. № 28.
- УСМАНОВА–МАЗНИЧЕНКО 1993: Усманова, Э. Р. – Мазниченко, А. П.: *Охранные раскопки могильника Лисаковский (Кустанайская область) летом 1992.* Лисаковск 1993. Архив Института археологии им. А. Х. Маргулана. Ф. 2. Оп. 2. Д. 2403.

#### АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ

- КОЛЛЕКЦИЯ предметов из кургана с «усами» Солончанка I. В: *Фонды Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», МАРК оф 143 / 1–6, 18, 19, 21, №№ АРХ 4–9, 15, 16, 18; МАРК оф 261/1, № АРХ 143.*
- КУВШИН из кургана с «усами» Солончанка IX. В: *Фонды Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», МАРК оф 558, № АРХ-503.*
- ПЕСТ каменный из кургана с «усами» Солончанка IX. В: *Фонды Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», МАРК № 367.*

- ФРАГМЕНТЫ кушнаренковской керамики из могильника Селенташ. В: *Фонды Лаборатории экспериментальной археологии УНЦ изучения природы и человека ЧелГУ, 510с / 4, 6, 7.*
- ФРАГМЕНТЫ кушнаренковской керамики из кургана с «усами» Кайнсай. В: *Фонды Лаборатории экспериментальной археологии УНЦ изучения природы и человека ЧелГУ, 513к / 1, 6.*

## ЛИТЕРАТУРА

- АЙБАБИН–ХАЙРЕДИНОВА 2008: Айбабин, А. И. – Хайрединоva, Э. А.: Могильник у села Лучистое. *Раскопки 1977, 1982–1984 годов. I.* Симферополь–Керч 2008.
- АЙТКАЛИ–ЖУНИСХАНОВ–БЕСЕТАЕВ 2016: Айткали, А. К. – Жунисханов, А. С. – Бесетаев, Б. Б.: Курганы второй половины I тысячелетия до нашей эры горного массива Семейтау. В: *Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур: Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Бекена Нурмухамбетова.* Отв. ред.: Хасенова, Б. М. Алматы 2016, 26–33.
- АЙТКАЛИ и др. 2019: Айткали, А. К. – Жунисханов, А. С. – Доумани Дупью, П. – Исин, А. И. – Рахманкулов, Е. – Курмангалиев, А. К.: Новые данные о курганах с «усами» Восточного Казахстана. В: *Маргулановские чтения – 2019: Материалы Международной археологической Научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева.* Отв. ред.: Хабдулина, М. К. Нур-Султан 2019, 208–222.
- АЙТКАЛИ и др. 2019а: Айткали, А. К. – Жунисханов, А. С. – Доумани Дупью, П. – Исин, А. И. – Рахманкулов, Е.: Курганы с «усами» Восточного Казахстана. В: *Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.)* 1. Отв. ред.: Базаров, Б. В. – Крадин, Н. Н. Улан-Удэ 2019, 83–87.
- АЛКИН 2007: Алкин, С. В.: Коллекция из кургана Бома в Северном Притяньшанье: Материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Туркестане. В: *Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности.* Отв. ред.: Ларичев, В. Е. Новосибирск 2007, 91–100.
- АМБРОЗ 1981: Амброз, А. К.: Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. В: *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.* Отв. ред.: Плетнева, С. А. Москва 1981, 10–23.
- АМБРОЗ 1989: Амброз, А. К.: *Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв.* Москва 1989.
- АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА БАШКИРИИ 1976: *Археологическая карта Башкирии.* Москва 1976.
- АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960: *Археологическая карта Казахстана. Реестр.* Сост.: Агеева, Е. И. – Акишев, К. А. – Кушаев, Г. А. – Максимова, А. Г. – Сенигова, Т. Н. Отв. ред.: Агеева, Е. И. – Акишев, К. А. Алма-Ата 1960.
- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ 1987: *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС.* Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1987.
- АРСЛАНОВА 1975: Арсланова, Ф. Х.: Курганы с «усами» Восточного Казахстана. В: *Древности Казахстана.* Алма-Ата 1975, 116–129.
- АРСЛАНОВА 2013: Арсланова, Ф. Х.: *Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана* 3. Астана 2013.
- АТАВИН 1984: Атавин, А. Г.: Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X–XIV вв. *Советская археология* 1984:1, 134–143.
- АТЛАС СССР 1983: *Атлас СССР.* Москва 1983.
- АХИНЖАНОВ 1977: Ахинжанов, С. М.: Курганы с «усами» на юго-западных склонах Каратау. В: *Археологические исследования в Отраре.* Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1977.

- АХИЯРОВ 2017: Ахияров, И. К.: Перечень памятников Атасуского микрорайона. В: *Археологические исследования в Северной Бетпакдале. Коллективная монография*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 2017, 163–170.
- АХИЯРОВ–БЕЙСЕНОВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017: Ахияров, И. К. – Бейсенов, А. З. – Дуйсенбай, Д. Б. Новые данные о выявленных памятниках Атасуского микрорайона в Северной Бетпакдале. В: *Археологические исследования в Северной Бетпакдале. Коллективная монография*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 2017, 129–162.
- БАГАУТДИНОВ–БОГАЧЕВ–ЗУБОВ 1998: Багаутдинов, Р. С. – Богачев, А. В. – Зубов С. Э.: *Правоболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья)*. Самара, 1998.
- БАЙПАКОВ–СМАГУЛОВ–ЕРЖИГИТОВА 2005: Байпаков, К. М. – Смагулов, Е. А. – Ержигитова, А. А.: *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана*. Алматы 2005.
- БЕЙСЕНОВ 1996: Бейсенов, А. З.: Кульгово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана. *Известия министерства науки Академии Наук Республики Казахстан. Серия: общественные науки* 1996:2, 31–40.
- БЕЙСЕНОВ 1997: Бейсенов, А. З.: *Погребальные памятники и кульгово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана (7–1 вв. до н. э.)*. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алматы 1997.
- БЕЙСЕНОВ 2002: Бейсенов, А. З.: Исследования Сарыаркинской экспедиции в Центральном Казахстане. *Известия Министерства образования и науки Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук*. 2002:1, 31–41.
- БЕЙСЕНОВ 2007: Бейсенов, А. З.: Работы на могильнике Нуркен-2. В: *Историко-культурное наследие Сарыарки. Сборник научных статей*. Отв. ред.: Ломан, В. Г. Караганда 2007, 173–197.
- БЕЙСЕНОВ 2015: Бейсенов, А. З.: Изучение памятников I тыс. до н. э. Центрального Казахстана. В: *Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства*. Отв. ред.: Байпаков, К. М. Алматы 2015, 521–533.
- БЕЙСЕНОВ 2015А: Бейсенов, А. З.: Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане. *Вестник Томского государственного университета. История* 2015:3, 111–122.
- БЕЙСЕНОВ 2015Б: Бейсенов, А. З.: Погребально-поминальный комплекс «Курган 37 воинов» В: *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»* 2015:1, 6–12.
- БЕЙСЕНОВ 2015В: Бейсенов, А. З.: Центральный Казахстан в раннем железном веке В: *Историческая и социально-образовательная мысль* 2. 2015:6, 22–31.
- БЕЙСЕНОВ 2016: Бейсенов, А. З.: Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан). *Самарский научный вестник* 2016:1, 84–93.
- БЕЙСЕНОВ 2017: Бейсенов, А. З.: Курганы с «кусами» Центрального Казахстана. В: *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. – Ломан, В. Г. Алматы 2017:2, 31–37.
- БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013: Бейсенов, А. З. – Веселовская, Е. В.: Погребение гуннского времени из могильника Енбекшил (Центральный Казахстан). В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 446–461.
- БЕЙСЕНОВ–ВОЛОШИН 2002: Бейсенов, А. З. – Волошин, В. С.: Могильник Ижевский – 2. В: *Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья*. Отв. ред.: Мерц, В. К. Павлодар 2002, 165–174.
- БЕЙСЕНОВ–ДУЙСЕНБАЙ 2015: Бейсенов, А. З. – Дуйсенбай, Д. Б.: Исследования на могильнике Байке-2. В: *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Кимая Акишевича Акишева*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 2015, 71–76.

- Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017: Бейсенов, А. З. – Дуйсенбай, Д. Б. – Святко, С. В.: Курган с «усами» Жамантас. *Самарский научный вестник*. 2017:3 (20) 227–231.
- Бейсенов–Касеналин 2018: Бейсенов, А. З. – Касеналин, А. Е.: Тасмолинский могильник Кызылшилик. *Теория и практика археологических исследований* 2018:4 (24) 85–100.
- Бейсенов–Китов 2013: Бейсенов, А. З. – Китов, Е. П.: Впускное погребение гуннского времени из могильника Назар-2 (Центральный Казахстан). В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 462–467.
- Бейсенов–Ломан 2008: Бейсенов, А. З. – Ломан, В. Г.: Керамика из курганов раннего железного века Центрального Казахстана. *Известия НАН РК. Серия общественных наук* 2008:1, 35–41.
- Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017: Бейсенов, А. З. – Умиткалиев, У. У. – Дуйсенбай, Д. Б.: Памятники хребта Чингистау. Курганы с «усами». В: *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана.* Отв. ред.: Бейсенов, А. З. – Ломан, В. Г. Алматы 2017:2, 50–60.
- Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016: Бейсенов, А. З. – Умиткалиев, У. У. – Кулькова, М. А.: Радиоуглеродная дата кургана с «усами» Кырыкунгир (Восточная Сары-Арка). В: *Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры* 5. Отв. ред.: Бердников, И. М. – Липнина, Е. А. Иркутск 2016, 249–255.
- Бейсенов–Шульга–Ломан 2017: Бейсенов, А. З. – Шульга, П. И. – Ломан, В. Г.: *Поселения сакской эпохи.* Алматы 2017.
- Бейсенов и др. 2016: Бейсенов, А. З. – Дуйсенбай, Д. Б. – Ахияров, И. К. – Святко, С. В.: Радиоуглеродные даты кургана с «усами» из могильника Тандайлы 2 в Центральном Казахстане В: *Евразия в Кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры* 5. Отв. ред.: Бердников, И. М. – Липнина, Е. А. Иркутск 2016, 233–239.
- Бейсенов и др. 2017: Бейсенов, А. З. – Логвин, А. В. – Базарбаева, Г. А. – Грудочко, И. В. – Сеитов, А. М.: Курганы с каменными грядами Западной Сарыарки. В: *Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана.* Отв. ред.: Бейсенов, А. З. – Ломан, В. Г. Алматы 2017:2, 38–49.
- Бейсенов и др. 2018: Бейсенов, А. З. – Торгоев, А. И. – Дуйсенбай, Д. Б. – Ахияров, И. К.: Курган с «усами» Атасу-2. *Поволжская археология* 2018:3, 103–117.
- Бейсенов и др. 2018а: Бейсенов, А. З. – Хасенова, Б. М. – Ахияров, И. К. – Дуйсенбай, Д. Б.: Курган с «усами» Кабантау в Центральном Казахстане. *Вестник Дагестанского научного центра* 71 (2018) 64–76.
- Бернштам 1940: Бернштам, А. Н.: Кенкольский могильник. *Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа* 2. Ленинград 1940.
- Бернштам 1951: Бернштам, А. Н.: Находки у оз. Борового в Казахстане. *Сборник музея антропологии и этнографии* 13. Отв. ред.: Толстов, С. П. 1951, 216–229.
- Богачев 2000: Богачев, А. В.: Древности кочевников гуннского и постгуннского времени (V–VI века н.э.). В: *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье.* Ред.: Васильева, И. Н. – Матвеева, Г. И. Москва 2000, 135–154.
- Богачев 2010: Богачев, А. В.: В поисках стиля: состав и хронология комплексов с пряжками предгеральдических форм. В: *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия).* Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 2010, 155–168.
- Боталов 1996: Боталов, С. Г.: Волго-Уральские и казахстанские степи в VI–VIII вв. (Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей). В: *Новое в археологии Южного Урала: Сб. науч.*

- Трудов / Сер. Южный Урал; Природно-географические факторы и историко-культурные процессы.* Отв. ред.: Григорьев, С. А. Челябинск 1996, 194–209.
- БОТАЛОВ 1996а: Боталов, С. Г.: Памятники селенташского типа в Южном Зауралье. В: *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала: труды музея-заповедника Аркаим.* Науч. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1996, 148–158.
- БОТАЛОВ 2000: Боталов, С. Г.: Поздняя древность и средневековье. В: *Ранний железный век и средневековье. Древняя история Южного Зауралья 2.* Отв. ред.: Иванова, Н. О. Челябинск 2000, 207–430.
- БОТАЛОВ 2004: Боталов, С. Г.: Семантика погребально-поминальных пантеонов раннетюркского периода. В: *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 2004, 22–25.
- БОТАЛОВ 2008: Боталов, С. Г.: *Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция).* Челябинск 2008.
- БОТАЛОВ 2009: Боталов, С. Г.: Позднегуннское или раннетюркское время в заволжских и урало-казахстанских степях. В: *Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. – Иванова, Н. О. Челябинск 2009, 128–138.
- БОТАЛОВ 2013: Боталов, С. Г.: О гуннах европейских и гуннах азиатских. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 32–87.
- БОТАЛОВ 2013а: Боталов, С. Г. Некоторые аспекты уральской мадьярской проблемы. В: *II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 139–166.
- БОТАЛОВ–ГУЦАЛОВ 2000: Боталов, С. Г. – Гуцалов, С. Ю.: *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей.* Челябинск 2000.
- БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006: Боталов, С. Г. – Таиров, А. Д. – Любчанский, И. Э.: *Курганы с «усами» урало-казахстанских степей.* Челябинск 2006.
- БУШМАКИН 1999: Бушмакин, А. Ф.: Украшения конской сбруи из комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, 85–89.
- БУШМАКИН И ДР. 1999: Бушмакин, А. Ф. – Зайков, В. В. – Юминов, А. М. – Таиров, А. Д.: Состав золотых изделий комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, 80–84.
- БУШМАКИН–ТАИРОВ 1999: Бушмакин, А. Ф. – Таиров, А. Д.: Гранат из могильника Солончанка I (Южный Урал). В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, 90–97.
- ВАДЕЦКАЯ 1999: Вадецкая, Э. Б.: *Таиштыкская эпоха в древней истории Сибири.* Санкт-Петербург 1999.
- ВАЙНШТЕЙН–ДЬЯКОНОВА 1966: Вайнштейн, С. И. – Дьяконова, В. П.: Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры. В: *ТТКАЭЭ: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика 2.* Отв. ред.: Потапов, Л. П. Москва–Ленинград 1966, 185–291.
- ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018: Варфоломеев, В. В. – Кукушкин, И. А. – Кукушкин, А. И. – Мәкен, Ә. Б. – Дмитриев, Е. А. – Әлкей, Е. А. – Шохатаев, О. С.: *Археологическая карта Шетского района Карагандинской области.* Караганды 2018.
- ВАСЮТИН–ЕЛИН 1987: Васютин, А. С. – Елин, В. Н.: О хронологических границах Кок-Пашского археологического комплекса из Восточного Алтая. В: *Проблемы археологических культур степей Евразии.* Ред.: Мартынов, А. И. Кемерово 1987, 85–90.
- ГАВРИЛОВА 1965: Гаврилова, А. А.: *Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.* Москва–Ленинград 1965.



- ГАВРИЛЮК–ИВАНОВА–ЛЮБЧАНСКИЙ 2004: Гаврилюк, А. Г. – Иванова, Н. О. – Любчанский, И. Э. Комплекс кургана с «усами» Крутая гора (материалы раскопок 1987 года). В: *Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции*. Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 2004, 41–44.
- ГАВРИТУХИН 1996: Гавритухин, И. О.: К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. В: *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э.* Отв. ред.: Стащенко, Д. А. Самара 1996, 115–133.
- ГАТАУЛИН 2019: Гатаулин, А. Р.: Две проблемы интерпретации погребальных памятников тасмолинского круга. *Электронный научный журнал «Архонт»*. 2019:1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-problemy-interpretatsii-pogrebalnyh-pamyatnikov-tasmolinskogo-kruga> (дата обращения: 8.03.2020).
- ГЕНИНГ 1976: Генинг, В. Ф.: Тураевский могильник V в. н. э. В: *Из археологии Волго-Камья*. Отв. ред.: Халиков, А. Х. Казань 1976, 55–108.
- ГОЛДИНА 2012: Голдина, Р. Д.: О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.). В: *Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. 25. Сост. и ред.: Голдина, Р. Д. Ижевск 2012, 203–285.
- ГОЛДИНА–БЕРНЦ 2012: Голдина, Р. Д. – Бернц, В. А.: Хронология материалов Тураевского I могильника (конец IV–V в.) (бескурганная часть). В: *Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции* 25. Сост. и ред.: Голдина, Р. Д. Ижевск 2012, 164–192.
- ГОРБУНОВ 1984: Горбунов, В. С.: Курганы кушнаренковского типа в Южной Башкирии. В: *Памятники кочевников Южного Урала: Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Иванов, В. А. Уфа 1984, 55–59.
- ГРАЧ 1966: Грач, А. Д.: Раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге В: *ТТКАЭЭ: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика* 2. Отв. ред.: Потапов, Л. П. Москва–Ленинград 1966, 81–107.
- ГРАЧ 1982: Грач, В. А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве. В: *Археология Северной Азии*. Новосибирск 1982, 156–168.
- ГРУДОЧКО 2013: Грудочко, И. В.: Рымникский курган с «усами»: итоги исследований. В: *Наука ЮУрГУ: материалы 65-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук: в 2 т. 1*. Отв. за вып.: Ваулин, С. Д. Челябинск 2013, 163–166.
- ГРУДОЧКО–ЕПИМАХОВ 2015: Грудочко, И. В. – Епимахов, А. В.: Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок. В: *Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства*. Отв. ред.: Байпаков, К. М. Алматы 2015, 534–541.
- ГРЯЗНОВ 1956: Грязнов, М. П.: Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. В: *Краткие сообщения Института истории и материальной культуры* 61 (1956) 8–16.
- ГРЯЗНОВ 1956а: Грязнов, М. П.: История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. *Материалы и исследования по археологии СССР* 48. Москва–Ленинград 1956.
- ДАНЧЕНКО 2008: Данченко, Е. М.: К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья. В: *Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры*. Науч. ред.: Боталов, С. Г. Челябинск 2008, 45–60.
- ДАШЕВСКАЯ 1995: Дашевская, О. Д.: Погребение гуннского времени на городище Беляус. В: *Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи*. Отв. ред.: Могильников, В. А. Москва 1995, 56–61.
- ДОСЫМБАЕВА 2013: Досымбаева А. М.: Усуньский археокультурный аспект в истории гуннов и тюрков Центральной Евразии В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации*

- ции культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 545–629.
- ДОСЫМБАЕВА–НУСКАБАЙ 2012: Досымбаева, А. – Нускабай, А.: *Тюркский археолого-этнографический комплекс Кумай*. Астана 2012.
- ДОСЫМБАЕВА–ГОЛДЕН–ОСАВА 2013: Досымбаева, А. М. – Голден, П. – Осава, Т.: Из истории Западного Тюркского каганата. Общие вопросы становления и истории государства. В: *Западный Тюркский каганат. Атлас*. Рук. проекта: Досымбаева, А. – Жолдасбеков, М. Астана 2013, 10–97.
- ДОСЫМБАЕВА И ДР. 2013: Досымбаева, А. М. – Самашев, З. – Базылхан, Н. – Аманжолов, А. С.: Государственный удел: памятники на территории Казахстана В: *Западный Тюркский каганат. Атлас*. Рук. проекта: Досымбаева, А. – Жолдасбеков, М. Астана 2013.
- ЕРМОЛАЕВА 1987: Ермолаева, А. С.: Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья. В: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1987, 154–163.
- ЕРМОЛАЕВА–ТЕПЛОВДСКАЯ 2013: Ермолаева, А. С. – Тепловдская, Т. М.: Керамика из бегазинских погребений Измайловского могильника. В: *Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы, 2013, 283–320.
- ЕРМОЛЕНКО–КУРМАНКУЛОВ–КАСЕНОВА 2015: Ермоленко, Л. Н. – Курманкулов, Ж. К. – Касенова, А. Д.: Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи. В: *Вестник Кемеровского государственного университета* 2015:1 (61) 26–32.
- ЗАПАДНЫЙ ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ 2013: Голден, П. – Осава, Т. – Ташагыл, А. – Баяр, Д. – Боталов С. – Яценко, С. – Кубарев, В. – Кубарев, Г. – Тотев, Б. – Комар, А. – Бабаяров, Г. – Табалдиев, К. – Самашев, З. – Новоженев, В. – Базылхан, Н.: *Западный тюркский каганат. Атлас*. Рук. проекта Досымбаева, А. – Жолдасбеков, М. Астана 2013.
- ЗАСЕЦКАЯ 1975: Засецкая, И. П.: *Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа*. Ленинград 1975.
- ЗАСЕЦКАЯ 1979: Засецкая, И. П.: Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей. *Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. Краткие сообщения Института археологии* 158 (1979) 5–17.
- ЗАСЕЦКАЯ 1982: Засецкая, И. П.: Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. В: *Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник*. Отв. ред.: Амброз, А. К. – Эрдели, И. Ф. Москва 1982, 14–30.
- ЗАСЕЦКАЯ 1983: Засецкая, И. П.: Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV–V вв. н. э.). В: *История и культура сарматов*. Ред.: Скрипкин, А. С. Саратов 1983, 70–84.
- ЗАСЕЦКАЯ 1994: Засецкая, И. П.: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху*. Санкт-Петербург 1994.
- ЗАСЕЦКАЯ И ДР. 2007: Засецкая, И. П. – Казанский, М. М. – Ахмедов, И. Р. – Минасян, Р. С.: *Морской Чулек: Погребение знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху*. Санкт-Петербург 2007.
- ЗДАНОВИЧ–БАТАНИНА 2007: Зданович, Г. Б. – Батанина, И. М.: *Страна городов: пространство и образы*. Челябинск 2007.
- ЗДАНОВИЧ И ДР. 2003: Зданович, Г. Б. – Батанина, И. М. – Левит, Н. В. – Батанин, С. А.: *Археологический атлас Челябинской области. Степь-лесостепь. Кизильский район 1*. Челябинск 2003.

- Илюшин 2000: Илюшин, А. М.: Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая. В: *Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии*. Отв. ред.: Молодин, В. И. – Худяков, Ю. С. – Скобелев, С. Г. Новосибирск 2000, 157–169.
- Исин и др. 2018: Исин, А. – Жунисханов, А. – Айткали, А. – Рахманкулов, Е.: Археологические памятники Семейтау и Кокентау в Восточном Казахстане. В: *Алтай – түркі әлемінің алтын бесігі*. Гл. ред.: Ахметов, Д. Өскемен 2018, 98–116.
- ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ССР 1977: *История Казахской ССР: Первобытно-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана* 1. Отв. ред.: Нусупбеков, А. Н. Алма-Ата 1977.
- КАДЫРБАЕВ 1958: Кадырбаев, М. К.: О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии*. 1958:1, 95–104.
- КАДЫРБАЕВ 1959: Кадырбаев, М. К.: Исследования кургана с каменными грядами в Джамбульской области. *Вестник Академии наук Казахской ССР*. 1959:7, 89–97.
- КАДЫРБАЕВ 1959а: Кадырбаев, М. К.: Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. *Труды Института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР*. 1959:7, 162–203.
- КАДЫРБАЕВ 1961: Кадырбаев, М. К.: Могильник Сангуыр II. *Новые материалы по археологии и этнографии Казахстана. Труды Института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР* 1961:12, 48–61
- КАДЫРБАЕВ 1962: Кадырбаев, М. К.: Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана. *Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии* 1962:1, 70–83.
- КАДЫРБАЕВ 1966: Кадырбаев, М. К.: Памятники тасмолинской культуры. В: *Древняя культура Центрального Казахстана*. Ред.: Маргулан, А. Х. Алма-Ата 1966, 303–433.
- КАДЫРБАЕВ 1975: Кадырбаев, М. К.: Савроматские памятники Актюбинской области. В: *Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тез. докл. на конф.* Ленинград 1975, 36–38.
- КАЗАКОВ 1966: Казаков, А. А.: К вопросу о формировании одинцовской культуры (по материалам погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья). В: *Погребальный обряд древних племен Алтая. Сборник научных трудов*. Отв. ред.: Кирюшин, Ю. Ф. – Кунгуров, А. Л. Барнаул 1966, 166–177.
- КАЗАКОВ 1998: Казаков, Е. П.: Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов. В: *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции*. Отв. ред.: Стащенко, Д. А. Самара 1998, 97–150.
- КАЗАКОВ 2013: Казаков, Е. П.: Мадьяры и волжские болгары: этапы взаимодействия. В: *II-й Международный мадьярский симпозиум: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Боталов, С. Г. – Иванова, Н. О. Челябинск 2013, 173–181.
- КАЗАНСКИЙ 2002: Казанский, М. М.: Пряжки раннесасанидской традиции в Северной Евразии. В: *Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник к 70-летию Я. А. Шера*. Науч. ред.: Бобров, В. В. Новосибирск 2002, 193–197.
- КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ 2017: *Казахстан в сакскую эпоху. Коллективная монография*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 2017.
- КЛЯШТОРНЫЙ–САВИНОВ 2005: Кляшторный, С. Г. – Савинов, Д. Г.: *Степные империи древней Евразии*. Санкт-Петербург 2005.
- КОЖОМБЕРДИЕВ–ХУДЯКОВ 1987: Кожомбердиев, И. К. – Худяков, Ю. С.: Комплекс вооружения кенкольского воина. В: *Военное дело древнего населения Северной Азии*. Отв. ред.: Медведев, В. Е. – Худяков, Ю. С. Новосибирск 1987, 75–106.

- КОЗЫРЕВ 1905: Козырев, А. А.: Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. *Известия Императорской археологической комиссии* 16 (1905) 27–36.
- КОМАР 2000: Комар, А. В.: Актуальные проблемы хронологии материальной культуры гуннского времени Восточной Европы. В: *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк 2000, 19–53.
- КОМАР 2004: Комар, А. В.: Кутригуры и утигуры в Северном Причерноморье. В: *Сугдейский сборник*. Киев–Судак 2004, 169–200.
- КОМАР 2013: Комар, А. В.: Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 88–109.
- КОСИНЦЕВ–РАЖЕВ 1999: Косинцев, П. А. – Ражев, Д. И.: Лошади из комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, С. 63–79.
- КОСТЮКОВ 1995: Костюков, В. П.: Раннесредневековые курганы могильника Каменный Амбар-5. В: *Курганы кочевников Южного Урала*. Отв. ред.: Агеев, Б. Б. Уфа 1995, 151–160.
- КРУГЛОВ 2005: Круглов, Е. В.: Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья. В: *Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время* 4. Донецк 2005, 73–142.
- КУБАРЕВ 2005: Кубарев, Г. В.: *Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников)*. Новосибирск 2005.
- КУБАРЕВ 2010: Кубарев, Г. В.: Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай). В: *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии: сборник научных трудов*. Отв. ред.: Тишкин, А. А. Барнаул 2010, 27–31.
- КУБАРЕВ–СЛЮСАРЕНКО–КУБАРЕВ 2009: Кубарев, Г. В. – Слюсаренко, И. Ю. – Кубарев, В. Д.: Исследование поминального комплекса V – начала VI века Аржан-Бугузун на Алтае. В: *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г.* Отв. ред.: Деревянко, А. А. – Молодин, В. И. Новосибирск 2009, 312–316.
- КУКУШКИН 2004: Кукушкин, И. А.: Курганы с «усами»: семантический аспект. В: *Новые исследования по археологии Казахстана: тр. научн.-практ. конф. «Маргулановские чтения-15»*. Алматы 2004, С. 33–37.
- КУКУШКИН–ЖУСУПОВ–ДМИТРИЕВ 2017: Кукушкин, И. А. – Жусупов, Д. С. – Дмитриев, Е. А.: Могильник Акшоки – новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки. В: *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 2017:2, 48–56.
- КУКУШКИН И ДР. 2016: Кукушкин, И. А. – Шашенов, Д. Т. – Кукушкин, А. И. – Елибаев, Т. А. – Дмитриев, Е. А.: *Археологическая карта Нуринского района Карагандинской области*. Караганды 2016.
- КУКУШКИН И ДР. 2017: Кукушкин, А. И. – Дмитриев, У. А. – Жармаганбетов, Т. К. – Шохатаев, О. С. – Жусупов, Д. С.: *Археологическая карта Актогайского района Карагандинской области*. Караганды 2017.
- КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ 2017: Базарбаева, Г. А. – Байдалы, Р. Ж. – Бейсенов, А. З. – Габитова, У. – Гимранов, Д. О. – Грудочко, И. В. – Дегтярева, А. Д. – Джумабекова, Г. С. – Кадырбаев, М. К. – Логвин, А. В. – Логвин, В. Н. – Мошкова, М. Г. – Нетета, А. В. – Нечвалода, А. И. – Нигматова, С. А. – Пилипенко, С. А. – Сеитов, А. М. – Смирнов, Н. Ю. – Соколов, А. В. – Хасенова, Б. М. – Шевнина, И. В. – Шкляева, С. А.: *Культура населения Тургая и сопредельных регионов: человек и эпоха. Коллективная монография*. Отв. ред.: Базарбаева, Г. А. – Джумабекова, Г. С. Алматы 2017.
- КУРМАНКУЛОВ–УТУБАЕВ–КАСЕНОВА 2018: Курманкулов, Ж. К. – Утубаев, Ж. Р. – Касенова, А. Д.: Археологические исследования «кургана с усам» Унирек 2 в Шетском районе. В: *Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие*. Сборник матери-

- алов *Международной научно-практической конференции*. Ред.: Байтанаев, Б. А. – Дуйсенгали, М. Н. – Бекназаров, Р. А. – Краева, Л. А. – Воякин, Д. А. Алматы–Актобе 2018, 291–294.
- КЫЗЛАСОВ 1979: Кызласов, Л. Р.: *Древняя Тува (от палеолита до IX в.)*. Москва 1979.
- КЫЗЛАСОВ–МАРТЫНОВ 1986: Кызласов, Л. Р. – Мартынов, С. В.: Из истории производства посуды в Южной Сибири в VI–IX вв. В: *Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового востока*. Ред.: Литвинский, Б. А. Москва 1986, 183–210.
- ЛЕВИНА 1996: Левина, Л. М.: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э.* Москва 1996.
- ЛЕЩИНСКАЯ 2012: Лещинская, Н. А.: Хронология и периодизация пьяноборских могильников I–V вв. н. э. бассейна р. Вятки В: *Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции*. 25. Сост. и ред.: Голдина, Р. Д. Ижевск 2012, 124–163.
- ЛОГВИН И ДР. 2018: Логвин, А. А. – Шевнина, И. В. – Сеитов, А. М. – Нетета, А. В.: *Ритуально-сакральные геометрические комплексы («геоглифы») Тургая*. Костанай 2018.
- ЛОМАН И ДР. 2004: Ломан, В. Г. – Бейсенов, А. З. – Евдокимов, В. В. – Толеуов, Т. С.: *Археологическая карта Каркаралинского района Карагандинской области*. Алматы 2004.
- ЛЕВИТ 2005: Левит, А. И.: Южный Урал: *География, экология, природопользование. Учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп.* Челябинск 2005.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 1997: Любчанский, И. Э.: Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами». В: *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): тезисы докладов II Междунар. археологической конф.* Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1997, 39–42.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 1998: Любчанский, И. Э.: Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» евразийских степей. В: *Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции*. Отв. ред.: Сташенков, Д. А. Самара 1998, 303–310.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 2006: Любчанский, И. Э.: Курганы с «усами»: типология и хронология. В: *Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Ред.: Боталов, С. Г. – Григорьев, С. А. – Гуцалов, С. Ю. – Мосин, В. С. – Таиров, А. Д. Челябинск 2006, 386–408.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 2009: Любчанский, И. Э.: Материальная культура номадов Южного Зауралья во II – начале VI века н. э.: полихромные изделия. В: *Вестник Челябинского государственного университета*. История 38 (2009) 11–18.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 2009а: Любчанский, И. Э.: Снаряжение коня из комплексов курганов с «усами» урало-казахстанских степей. В: *Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. – Иванова, Н. О. Челябинск 2009, 140–142.
- ЛЮБЧАНСКИЙ 2017: Любчанский, И. Э.: *Курганный могильник Солёный Дол (итоги исследований 2006–2010 годов)*. Челябинск 2017.
- ЛЮБЧАНСКИЙ–БЫТКОВСКИЙ 2006: Любчанский, И. Э. – Бытковский, О. Ф.: Курганы с «усами»: Новоактюбинский I, Солончанка IX, Новокондуровский I. В: *Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов»*. Ред.: Боталов, С. Г. – Григорьев, С. А. – Гуцалов, С. Ю. – Мосин, В. С. – Таиров, А. Д. Челябинск 2006, 374–385.
- ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999: Любчанский, И. Э. – Таиров, А. Д.: Археологические исследования комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, 5–62.
- ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 2007: Любчанский, И. Э. – Таиров, А. Д.: Археология и архитектура комплекса кургана с «усами» Новокондуровский I. В: *Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потомкиной*. Ред.: Вохменцев, М. П. Курган 2007, 158–162.

- МАЖИТОВ 1968: Мажитов, Н. А.: *Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры*. Москва 1968.
- МАЖИТОВ 1981: Мажитов Н. А.: *Курганы Южного Урала VIII–XII вв.* Москва 1981.
- МАЖИТОВ 1993: Мажитов, Н. А.: Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.). В: *Хронология памятников Южного Урала: Сборник статей*. Отв. ред.: Агеев, Б. Б. Уфа 1993, 119–140.
- МАЖИТОВ–СУЛТАНОВА 2010: Мажитов, Н. А. – Султанова, А. Н.: *История Башкортостана. Древность. Средневековье*. Уфа 2010.
- МАКСИМОВА И ДР. 1968: Максимова, А. Г. – Мерциев, М. С. – Вайнберг, Б. И. – Левина, Л. М.: *Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища)*. Алма-Ата 1968.
- МАЛАШЕВ 2007: Малашев, В. Ю.: Археологические памятники южноуральских степей второй половины II–IV в. н. э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс). *Российская археология* 2007:3, 111–121.
- МАМЕДОВ 2015: Мамедов, А. М.: Комплексы курганов с «усами» Западного Казахстана. В: *Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный памяти археолога Кималя Акишевича Акишева*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 2015, 160–165.
- МАРГУЛАН 1948: Маргулан, А. Х.: Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.). *Вестник Академии наук Казахской ССР, серия историческая* 49 (1948:4) 119–145.
- МАРГУЛАН 1949: Маргулан, А. Х.: Отчет о работах Центрально-казахстанской археологической экспедиции 1947 года. *Известия Академии наук Казахской ССР, серия археологическая* 67 (1949:2) 3–36.
- МАРГУЛАН 1979: Маргулан, А. Х.: *Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата 1979.
- МАРГУЛАН И ДР. 1966: Маргулан, А. Х. – Акишев К. А. – Кадырбаев, М. К. – Оразбаев, А. М.: *Древняя культура Центрального Казахстана*. Алма-Ата 1966.
- МАРИКОВСКИЙ 1983: Мариковский, П. И.: К изучению астрономического значения курганов с грядками. *Вестник Академии наук Казахской ССР* 1983:4, 26–31.
- МАТВЕЕВА 2007: Матвеева, Г. И.: О культурном и хронологическом соотношении памятников кушнаренковского и кара-якуповского типов. В: *Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса 2*. Отв. ред.: Хузин, Ф. Ш. – Ситдинов, А. Г. Казань 2007, 75–86.
- МАТРЕНИН 2011: Матренин, С. С.: Колчаные крюки кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.): классификация и типология. *Известия Алтайского государственного университета* 2011:4–2, 141–149.
- МЕРЦИЕВ 1970: Мерциев, М. С.: Поселение Кызыл-Кайнар-Тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века. В: *По следам древних культур Казахстана*. Отв. ред.: Кадырбаев, М. К. Алма-Ата 1970, 79–92.
- МОШКОВА 1984: Мошкова, М. Г.: Культовые сооружения Лебедевского могильника. В: *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. Отв. ред.: Мелюкова, А. И. – Мошкова, М. Г. – Петренко, В. Г. Москва 1984, 196–205.
- НЕФЕДОВ 1899: Нефедов, Ф. Д.: Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, проведенных летом 1887 и 1888 гг. В: *Материалы по археологии Восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом* 3 (1899) 1–41.
- НИКОЛАЕВ 1999: Николаев, В. А.: *Ландшафты азиатских степей*. Москва 1999.
- НИКОЛАЕВ 2001: Николаев, Н. Н.: *Культура населения Тувы первой половины I-го тысячелетия н. э.* Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург 2001.

- Никольский–Грудочко 2015: Никольский, В. Ю. – Грудочко, И. В.: Геоархеологические исследования курганов с «усами» Южного Зауралья. В: *Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 2015, 273–282.
- Овчинникова 1990: Овчинникова, Б. Б.: *Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках.* Свердловск 1990.
- ОРАЗБАЕВ 1969: Оразбаев, А. М.: Курган «с усам» в могильнике Джанайдар как архитектурный памятник. В: *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана.* Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата: 1969, 175–189.
- ПЕРЕСВЕТОВ 2001: Пересветов, Г. Ю.: Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам исследований в Павлодарской области). В: *Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул, 25–30 марта 2001 г.).* Отв. ред.: Тишкин, А. А. Барнаул 2001, 283–285.
- ПОДУШКИН 2000: Подушкин, А. Н.: *Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. – VI в. н. э.* Туркестан 2000.
- ПОЛЯКОВА И ДР. 2019: Полякова, О. О. – Голев, О. А. – Голева, Л. П. – Голева, М. О.: Усть-Ташлинский курган с «усами» в Оренбургской области. В: *Archaeoastronomy and Ancient Technologies* 2019:7(1) 89–147.
- ПУЗДРОВСКИЙ–ЗАЙЦЕВ–НЕНЕВОЛЯ 1999: Пуздровский, А. Е. – Зайцев, Ю. П. – Неневоля, И. И.: Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике. *Херсонесский сборник* 10 Севастополь (1999) 194–207.
- РАБОТА И ЭНЕРГИЯ ЛОШАДИ 2015: Работа и энергия лошади. В: *РГАУ-МСХА, Зооинженерный факультет: гигиена использования лошади.* URL: <http://www.activestudy.info/rabota-i-energiya-loshad/> (дата обращения: 8.03.2020).
- РЫКОВ 1936: Рыков, П. С.: Археологические раскопки курганов в урочище «Три Брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. В: *Советская археология* 1 (1936) 115–157.
- САВЕЛЬЕВА 1973: Савельева, Т. В.: Некоторые итоги археологических работ в Казахстане в 1972 году. В: *Археологические исследования в Казахстане.* Отв. ред.: Акишев, К. А. Алма-Ата 1973, 204–206.
- САМАШЕВ 2013: Самашев, З.: История изобразительного искусства Казахстана. Древность и средневековье. В: *Казахское искусство: в 5-ти томах* 1. Алматы 2013.
- СЕРЕГИН–МАТРЕНИН 2016: Серегин, Н. Н. – Матренин, С. С.: *Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э.* Барнаул 2016.
- СВИРИДОВ 2004: Свиридов, А. Н.: Курганы с «усами» из Акмолинской области (по результатам работы Ишимской археологической экспедиции). В: *«Ахинжановские чтения – 2004». Тезисы докладов научной конференции молодых ученых.* Алматы 2004, 49–51.
- СВОД ПАМЯТНИКОВ 2007: *Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Акмолинская область.* Отв. ред.: Зайберт, В. Ф. – Камалова, Г. М. Алматы 2007.
- СВОД ПАМЯТНИКОВ 2010: *Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область.* Отв. ред.: Арын, Е. М. – Камалова, Г. М. Алматы 2010.
- СЕМЕНОВ 1988: Семенов, А. И.: К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 29. Ленинград 1988, 97–111.
- СИГОВ–ШУБ–ГУЗОВСКИЙ 1968: Сигов, А. П. – Шуб, В. С. – Гузовский, А. А.: *Комплексное геолого-морфологическое картирование Урала с целью поиска гипергенных полезных ископаемых.* Саратов 1968.
- СЕНИЦИН 1948: Синицин, И. В.: Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья. *Советская археология* 10 (1948) 143–160.

- СИРОТИН–БЕЛОЗЕРОВА 2015: Сиротин, А. Б. – Белозерова, Л. М.: Способ определения физической работоспособности человека. *Патент на изобретение*. URL: <http://www.findpatent.ru/patent/243/2438576.html> (дата обращения: 8.03.2020).
- СКАЛОН 1962: Скалон, К. М.: Изображение дракона в искусстве IV–V веков. В: *Сообщения Государственного Эрмитажа* 22. Ленинград 1962, 40–43.
- СОРОКИН 1977: Сорокин, С. С.: Погребения эпохи Великого переселения народов в районе Пазырыка. В: *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 18. Ред.: Пиотровский, Б. Б. 1977, 57–67.
- СОРОКИН 1981: Сорокин, С. С.: К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии. В: *Археологический сборник Государственного Эрмитажа* 22. Ред.: Пиотровский, Б. Б. 1981, 23–39.
- СТЕПНАЯ ПОЛОСА 1992: Андрианов, Б. В. – Боковенко, Н. А. – Вадецкая, Э. Б. – Вайнберг, Б. И. – Вишневецкая, О. А. – Горбунова, Н. Г. – Грязнов, М. П. – Заднепровский, Ю. А. – Итина, М. А. – Левина, Л. М. – Мандельштам, А. М. – Могильников, В. А. – Мошкова, М. Г. – Пшеницына, М. Н. – Стамбульник, Э. У. – Членова, Н. Л.: *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология СССР* 12. Отв. ред.: Мошкова, М. Г. Москва 1992.
- СУНГАТОВ 1998: Сунгатов, Ф. А.: *Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.)*. Уфа 1998.
- СУНГАТОВ 2003: Сунгатов, Ф. А.: Султантемировский I курган с «усами». В: *Уфимский археологический вестник* 4. Отв. ред.: Яминов, А. Ф. Уфа 2003, 216–224.
- СУНГАТОВ–ГАРУСТОВИЧ–ЮСУПОВ 2004: Сунгатов, Ф. А. – Гарустович, Г. Н. – Юсупов, Р. М.: *Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник)*. Уфа 2004.
- ТАИРОВ 2007: Таиров, А. Д.: *Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н. э.* Челябинск 2007.
- ТАИРОВ 2017: Таиров, А. Д.: Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. *Материалы и исследования по археологии Казахстана* 8. Ред.: Самашев, З. Астана 2017.
- ТЕСТ ОЦЕНКИ 2015: Тест оценки физической работоспособности (PWC 170). В: *Сообщество студентов Кировской ГМА*. URL: <http://vmede.org/index.php?topic=488.0> (дата обращения: 0.03.2020).
- ТИХОНОВ 2009: Тихонов, С. С.: Могильник Дандыбай и его исследования Нуринской археологической экспедицией Института истории материальной культуры в 1933 году. В: *Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии: «Маргулановские чтения – 2008»*. Отв. ред.: Варфоломеев, В. В. Караганда 2009, 187–193.
- ТИШКИН–МАТРЕНИН 2012: Тишкин, А. А. – Матренин, С. С.: Колчаные крюки булан-кобинской культуры из памятника Яломан II (Центральный Алтай). *Вестник НГУ. Серия: История, филология* 2012:7, 125–133.
- ТИШКИН–МАТРЕНИН–ШМИДТ 2013: Тишкин, А. А. – Матренин, С. С. – Шмидт, А. С.: Степушка-I – памятник кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени. В: *Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр.* Отв. ред.: Крадин, Н. Н. – Любчанский, И. Э. Челябинск 2013, 258–279.
- ТИШКИН–СЕРЕГИН 2011: Тишкин, А. А. – Серегин, Н. Н.: Предметный комплекс кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации. *Теория и практика археологических исследований* 6. Барнаул 2011, 14–32.
- ТОКТАРБАЕВА 2013: Токтарбаева, Ж. Н.: Вклад Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в исследование раннего железного века. *Электронный научно-практический журнал «История и археология»*. 2013:2 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2013/06/766> (дата обращения: 20.04.2016).



- ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998: Толеубаев, А. Т. – Бейсенов, А. З. – Омаров, Г. К.: Курганы с каменными грядами на северных склонах Тарбагатая. В: *Проблемы изучения и сохранения исторического наследия: сб. ст. посвящ. памяти А. М. Оразбаева*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Алматы 1998, 218–224.
- УМАНСКИЙ 1978: Уманский, А. П.: Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше. В: *Древние культуры Алтая и Западной Сибири*. Отв. ред.: Молодин, В. И. Новосибирск 1978, 129–163.
- УМИТКАЛИЕВ 2015: Умиткалиев, У. У.: Курганы с «усами» как место проведения древних традиционных обрядов и обычаев. В: *Великий Шелковый путь и Казахское ханство на рубеже тысячелетий: Сборник материалов Международной историко-археологической конференции*. Отв. ред.: Сурыков, Е. Б. Тараз 2015, 109–113.
- УСМАНОВА 1987: Усманова, Э. Р.: Новые материалы по эпохе кочевников из Джезказганской области. В: *Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья*. Отв. ред.: Зданович, Г. Б. Челябинск 1987, 99–105.
- ХАБДУЛИНА 2007: Хабдулина, М. К.: Тасмолинская археологическая культура: современное состояние. *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2007:2, 181–194.
- ХАЗАНОВ 1971: Хазанов, А. М.: *Очерки военного дела сарматов*. Москва 1971.
- ХАСЕНОВА 2015: Хасенова Б. М.: Курган тюркского времени могильника Ащитасты 27 в Тургае. В: *Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летнему юбилею Виктора Николаевича Логвина*. Отв. ред.: Бейсенов, А. З. Костанай–Алматы 2015, 212–222.
- ХУДЯКОВ 1986: Худяков, Ю. С.: *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск 1986.
- ЧЕРНЫХ–ЗОЛОТОВ 2011: Черных, Д. В. – Золотов, Д. В.: Алтае-Хангае-Саянская горная страна: позиционно-географический подход к районированию. *Мир науки, культуры и образования*. 2011:6, 244–250.
- ЧЕРНЯНСКИЙ и др. 1999: Чернянский, С. С. – Иванов, И. В. – Демкин, В. А. – Таиров, А. Д.: Черноземы и солонцы Зауралья во второй половине голоцена: результаты почвенно-археологических исследований. В: *Курган с «усами» Солончанка I: Сб. науч. тр.* Отв. ред.: Таиров, А. Д. Челябинск 1999, 98–138.
- ЧИБИЛЁВ 2013: Чибилёв, А. А.: *Степной мир Евразии от Венгрии до Монголии. Отчет по гранту РГО «Степной мир Евразии» за 2012–2013 гг.* 1. Оренбург 2013.
- ЧИНДИН 1989: Чиндин, А. Ю.: Археологические исследования на территории Карагандинской и Джезказганской области. В: *Кадырбаевские чтения (сборник материалов конференции)*. Алма-Ата 1989, 234–237.
- ЧУПАХИН 1970: Чупахин, В. М.: *Природное районирование Казахстана (для целей сельского хозяйства)*. Алма-Ата 1970.
- ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015: Шевнина, И. В. – Логвин, А. В.: *Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Материалы и исследования по археологии Казахстана 7*. Астана 2015.
- ШИЛОВ 2009: Шилов, В. П.: *Древние скотоводы калмыцких степей*. Элиста 2009.
- BATANINA UND ANDERE 2014: Batanina, Ija M. – Batanina, N. S. – Levit, N. V. – Kaiser, E.: Archäologisch Karte des Flusstals Karagajly-Ajat. Eine Region des vorgeschichtlichen Eurasiens aus der Vogelperspektive. In: *Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation)*. Bonn 2014, 199–305.
- BÓNA 1991: Bóna, I.: *Das Hunnenreich*. Budapest 1991.
- KOZEMBERDIEVA–KOZEMBERDIEV–KOZEMJAKO 1998: Kozemberdieva, E. I. – Kozemberdiev, I. K. – Kozemjako, P. N.: Ein Katakombengrab aus der Schlucht Samsi. *Eurasia Antiqua* 1998:4, 451–471.

- MOTUZAITE MATUZEVICIUTE ET AL. 2016: Motuzaite Matuzeviciute, G. – Logvin, A. V. – Shevnina, I. – Seitov, A. M. – Feng, J. – Zhou, L.: OSL dates for the ancient geometric earthworks of Kazakhstan. *Archaeological Research in Asia*. 2016:7, 1–9.
- ҮМІТҚАЛИЕВ–АЙТАБАЕВ–ӘБДІҒАЛИ 2016: Үмітқалиев, Ұ. Ұ. – Айтабаев, А. Б. – Әбдіғали, Н. Ә.: Қырықкүнгір қорымында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары. В: *Материалы международной научно-методической конференции «VIII Оразбаевские чтения» по теме «Археология, этнология, музеология в системе современного высшего образования», приуроченной к 25-летию независимости Республики Казахстан 1–2 апреля 2016 г.* Алматы 2016, 151–157.
- ЧЖАН ЮЧЖУН 1996: Чжан, Ючжун (张玉忠): Тяньшань юлудоусы цаююань каогу синьфасянь цзи сянгюань вэньти (天山尤鲁都斯草原考古新发现及相关问题) [Археологические открытия на территории степи «Юлудоусы» у гор Тянь-Шань и актуальные проблемы]. *Синьцзян вэньту* (新疆文物) [Историческое наследие Синьцзяня] 1996:1, 37–42.
- ЧЖАН ЮЧЖУН 1996а: Чжан, Ючжун (张玉忠): Синьцзян фуканши Наньцюаня «Хусюй» Му (新疆阜康市南泉«胡须»墓) [Курган с «усами» у города Фукан в Синьцзян-Уйгурском автономном районе]. *Синьцзян вэньту* (新疆文物) [Историческое наследие Синьцзяня] 1996:2, 10–13.
- ЧЭНГО ЦЗИЧЭН 2011: *Синьцзян вэйуэр цзычжэцзю ди сань ци цюаньго вэньту пуча чэнго цзичэн. Синьцзян гу муцзан* (新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成·新疆古墓葬) [Собрание результатов третьей общегосударственной кампании учёта объектов культурного наследия в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Древние могильные сооружения Синьцзяня] *Синьцзян вэйуэр цзычжэцзю вэньту цзюй* (新疆维吾尔自治区文物局) [Бюро культурного наследия Синьцзян-Уйгурского автономного района]. Пекин 2011.
- ШАО ХУЙЦЮ 2018: Шао, Хуйцю (邵会秋): *Синьцзян шицяннь шици вэньхуа гэцзю дэ яньцзинь цзи ци ючжоу линь вэньхуа дэ гуаньси* (史前时期文化格局的演进及其与周邻文化的关系) [Классификация доисторических культур Синьцзяна, а также их связи с окружающими культурами]. Пекин 2018.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГЭС	Гидроэлектростанция
ИИиА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ЛАИ ЮУрГГПУ	Лаборатория археологических исследований Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета
ЛАИ КГУ	Лаборатория археологических исследований Костанайского государственного университета
НАН РК	Национальная академия наук Республики Казахстан
НГУ	Новосибирский государственный университет
РГАУ-МСХА	Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева
РГО	Русское географическое общество
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ТТКАЭЭ	Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ЮУрГУ	Южно-Уральский государственный университет
ЦКАЭ	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция

## ПРИЛОЖЕНИЕ (ТАБЛИЦЫ)

*Таблица 1. Каталог курганов с «усами» урало-казахстанских степей (см. рис. 1, 4–7). (\*): Гряды-«усы» сохранились не полностью; (\*\*): Грунтовые гряды; (\*\*\*): Местонахождение не установлено*

*Table 1. Catalog of kurgans with "moustache" of the Ural-Kazakhstan steppes (see fig. 1, 4–7). (\*): The ridges-"moustache" were not completely preserved; (\*\*): The ridges-"moustache" is ground structures; (\*\*\*): Location unknown*

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
ЗАУРАЛЬСКАЯ ГРУППА (I)							
1	Гумбейка-Кызыл-Чилик	I	?	100	100	Нагайбакский район, Челябинская область	неопубликованные материалы Н. С. БАТАНИНОЙ
2	Солодянка	I	100	100	100	Нагайбакский район, Челябинская область	неопубликованные материалы Н. С. БАТАНИНОЙ
3	Луканик**	I	180	160	170	Нагайбакский район, Челябинская область	неопубликованные материалы Н. С. БАТАНИНОЙ
4	Варненский	I	160	140	150	Варненский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 1
5	Тулак	?	?	?	?	Варненский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 2
6	Новокулевчинский	?	?	?	?	Варненский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 3
7	Оленина Отнога	Ia	57	51	54	Карталинский район, Челябинская область	КОСЮКОВ 1991; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 13
8	Мичуринский	I	?	?	?	Карталинский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 4
9	Красный Яр	I	125	100	113	Карталинский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 90
10	Вишневый	I	100	95	98	Карталинский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 99
11	Знойный / Вишневый 2**	I	135	125	130	Карталинский район, Челябинская область	BATANINA UND ANDERE 2014, № 103
12	Вишневый 3**	I	150	135	143	Карталинский район, Челябинская область	BATANINA UND ANDERE, 2014, № 104
13	Рассветное**	I	125	100	113	Карталинский район, Челябинская область	BATANINA UND ANDERE 2014, № 128
14	Рассветное 2	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	BATANINA UND ANDERE 2014, № 129
15	Городищенское IX	Ia	220	220	220	Карталинский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 35
16	Неплюевка**	I?	90	85	88	Карталинский район, Челябинская область	BATANINA UND ANDERE 2014, № 182
17	Коноплянка	I	50	50	50	Карталинский район, Челябинская область	BATANINA UND ANDERE 2014, № 29

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
18	Карагайлы-Аят 1**	III	200	125	163	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 147
19	Карагайлы-Аят 2	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 149
20	Сарбулат 1 / Варшавское 12	IIa	130	125	128	Карталинский район, Челябинская область	КОСТЮКОВ 2004; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 59–62; ВATANINA UND ANDERE 2014, № 35
21	Суходол, курган 5	Ia	194,5	172	183	Карталинский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 39–40; ВATANINA UND ANDERE 2014, № 58
22	Каменный Амбар 7	I	108	100	104	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 175
23	Карталы-Бреды	I	70	60	65	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 80
24	Карагайлы-Аят-Елизаветпольское**	I	200	175	188	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 63
25	Елизаветпольский	Ic	45	26*	45	Карталинский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 85–87; ТАИРОВ 2008; ВATANINA UND ANDERE, 2014, № 141
26	Гражданский**	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 117
27	Зайцев Прииск	I	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 74
28	Варшавская (гора)	I или II	60	50	55	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 82
29	Гогино	II?	105	90	98	Брединский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 81
30	Гогино 2	III	80*	65*	80*	Брединский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 83
31	Гогино 3	I	100	80	90	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014 № 86
32	Долгий Колок	Ic	70	52	61	Карталинский район, Челябинская область	ВATANINA UND ANDERE 2014, № 85
33	Чертово городище 1	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 15
34	Чертово городище 2	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 16
35	Мугрияят 4	I	75	60	68	Денисовский район, Костанайская область	ЛОГВИН 1989; БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017.
36	Рымникский**	Ia	149	135	142	Брединский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 18; ГРУДОЧКО 2013.
37	Мирный	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 19
38	Синташтинский / Комсомольский	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006, 15, № 20

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
39	Селенташ	IIa	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 2, 3
40	Кайнсай	IIb	106	97	102	Брединский район, Челябинская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 17
41	Берсуат	?	?	?	?	Брединский район, Челябинская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 61
42	Степной 1	I	140	140	140	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 212
43	Степной 2	I	85	?	85	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 205
44	Озеро Лебяжье	I	150	130	140	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 626
45	Заря	I	160-170	150	158	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 621
46	Степной 3**	I	40*	125	125	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 188
47	Заготскот**	I	200	200	200	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 231
48	Бутобай 1	I	130	100	115	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 249
49	Бутобай 2	I	80	80	80	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 251
50	Белодурин Дол	I	140	140	140	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 324
51	Греховка-Самозванка 1	I	30-35	30-35	33	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 358
52	Греховка-Самозванка 2**	III	50	40-45	47	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 359
53	Амамбайка 1	I	110	110	110	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 288
54	Амамбайка 2**	I	170	170	170	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 301
55	Сухая Амамбайка 1	I	110	100	105	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 297
56	Сухая Амамбайка 2**	I (?)	70	?	70	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 681
57	Измайловский 1**	I (?)	140	110	125	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 331
58	Измайловский 2**	I (?)	140	140	140	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 331
59	Тукова мазарка (Ильяский)**	III	280	267	274	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 394
60	Самозванка 5	I	49	44	47	Кизильский район, Челябинская область	Макуров 2009; Зданович и др. 2003, № 121

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
61	Новокондуровский (1,5 км)**	I	200	224	212	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 474
62	Новокондуровский I	Ia	220	170	195	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 495; Любчанский–Бытковский 2006.
63	Крутая Гора	Шб	75	60	68	Кизильский район, Челябинская область	Иванова 1988; Зданович и др. 2003, № 731; Иванова–Любчанский–Гаврилюк 2003.
64	Черкасы**	I	137	138,7	138	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 736
65	Амурский**	I	-	140	140	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 773
66	Мандесарка	II	100	100	100	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 691
67	Андрианополь	?	?	?	?	Кваркенский район, Оренбургская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, № 45
68	Солончанка IX	Ia	100	100	100	Кваркенский район, Оренбургская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 47; Любчанский–Бытковский 2006.
69	Солончанка I**	IIIa	190	157	174	Кваркенский район, Оренбургская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 46; Любчанский–Таиров 1999.
70	II Ахметовские	?	?	?	?	Абзелиловский район, Республика Башкортостан	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 58
71	Гранитный**	I	100	87	94	Кизильский район, Челябинская область	Зданович и др. 2003, № 5
72	Туркменево	I	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	Боталов 2013а.
73	II Давлетовские курганы	III	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА БАШКИРИИ 1976, № 1846; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 59
74	I Давлетовские курганы (Нижнедавлетовский)	IIa	90	75	83	Баймакский район, Республика Башкортостан	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 49; Мажитов–Султанова 2010, 152.
75	Баишево 10	?	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 50; Мажитов–Султанова 2010, 152.
76	Баишево 8	?	?	?	?	Баймакский район, Республика Башкортостан	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 51; Мажитов, Султанова 2010, 152.
77	Султантемировский I	Ia	52	58	55	Зилаирский район, Республика Башкортостан	Сунгатов 2003; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 52
78	Мамбетовские VI, курган 2	?	?	?	?	Хайбуллинский район, Республика Башкортостан	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 57
79	Усть-Ташлинский	I	41	38	40	Кваркенский район, Оренбургская область	Полякова и др. 2019.
80	Уральский	?	?	?	?	Гайский район, Оренбургская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 54

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
81	Новоактюбинский I	Ia	111	99	105	Гайский район, Оренбургская область	Любчанский–Бытковский 2006; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 53
82	Кызыл-Жар, курганы 2-4	Ia	75	75	75	Тарановский район, Костанайская область	Усманова–Мазниченко 1992; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, № 48
83	Кызыл-Жар, курганы 5-7	Ia	120	120	120	Тарановский район, Костанайская область	Усманова–Мазниченко 1992.
84	Тохтарово А	II	215	165	190	Жетыкаринский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
85	Тохтарово Б	?	130 (?)	130 (?)	130	Жетыкаринский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
86	Тохтарово 8	I	50	45	48	Жетыкаринский район, Костанайская область	Логвин 1987; Бейсенов и др. 2017.
87	Тохтарово 10	II	85	80	83	Жетыкаринский район, Костанайская область	Логвин 1987; Бейсенов и др. 2017.
88	Тохтарово В	I	85	75	80	Жетыкаринский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
89	Аймагамбет 5, курган 3	I	50	50	50	Жетыкаринский район, Костанайская область	Логвин 1989; Бейсенов и др. 2017.
90	Аймагамбет 5, курган 4	I	80	80	80	Жетыкаринский район, Костанайская область	Логвин 1989; Бейсенов и др. 2017.
<i>МУГОДЖАРСКАЯ ГРУППА (II)</i>							
91	Чаушский	?	?	?	?	Каргалинский район, Актюбинская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 56
92	Медес	Ia	51	44	48	Каргалинский район, Актюбинская область	Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 15, № 55; Мамедов 2016.
93	Акмола	I	75	72	74	Мартукский район, Актюбинская область	сообщение А. Мамедова
94	Каргала II	Ib	28	27	28	Каргалинский район, Актюбинская область	Ткачев 1994; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 43; Мамедов 2016.
95	Мамыт I	I	20	20	20	Хромтауский район, Актюбинская область	Мамедов 2016.
96	Усуп I, курган 1	I	104	95	100	Хромтауский район, Актюбинская область	Мамедов 2016.
97	Усуп I, курган 2	I	75	57	66	Хромтауский район, Актюбинская область	Мамедов 2016.
98	Усуп II	I	80	75	78	Хромтауский район, Актюбинская область	Мамедов 2016.
99	Кайракты II	II (?)	147	130	139	Хромтауский район, Актюбинская область	Мамедов 2016.
100	Тикаша III	II	100	100	100	Хромтауский район, Актюбинская область	Мамедов 2016.

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
101	Шолаккайрақты III	I	120	120	120	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
102	Табылгысай	Ic (?)	139	137	138	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
103	Кайрақты	I	50	40	45	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
104	Каймак	II	102	87	95	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016..
105	Бала-Талдык	I (?)	100	100	100	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016
106	Казангап I	I	100	90	95	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
107	Мийлысай	I (?)	100	100	100	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
108	Шийлисай	I (?)	140	130	135	Муголжарский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
109	Шулдак	I (?)	125	100	113	Муголжарский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
110	Милыаша	I	143	97	120	Муголжарский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
111	Донгелексор IV	I	120	110	115	Айтекебийский район, Актюбинская область	МАМЕДОВ 2016.
ТУРГАЙСКО-УЛЫТАУСКАЯ ГРУППА (III)							
112	Карасу**	I	86	72	79	Наурузумский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
113	Мойылды	I или Ic	100	97	99	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
114	Мереке	II	97	84	91	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
115	Актас 1	II	96	89	96	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
116	Актас 2, комплекс 1**	III	138	128	133	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
117	Актас 2, комплекс 2	I	179	151	165	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
118	Актас 2, комплекс 3	I или Ib	122	122	122	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
119	Актас 2, комплекс 4	I	210	233	222	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
120	Актас 2, комплекс 5	III	122	110	116	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
121	Актас 2, комплекс 6	I	169	139	154	Аменгельдинский район, Костанайская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА



№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
122	Актас 2, комплекс 7	I или II	55 (?)	49	50	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
123	Актас 2, комплекс 8	II (?)	61 (?)	56	59	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
124	Актас 2, комплекс 9	II	236	220	228	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
125	Актас 2, комплекс 10	I (?)	155 (?)	107 (?)	131	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
126	Актас 2, комплекс 11	I (?)	159	166	163	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
127	Актас 3	II	138	123	131	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
128	Актас 4, комплекс 1	I (?)	107	87	97	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
129	Актас 4, комплекс 2	I (?)	104	96	100	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
130	Актас 5, комплекс 1	I (?)	134	112	123	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
131	Актас 5, комплекс 2	I (?)	165	142	154	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
132	Шойындыколь 3	I	92	80	86	Жаркайынский район, Костанайская область	Логвин 1985; Бейсенов и др. 2017.
133	Шойындыколь А	I	130	134	133	Жаркайынский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
134	Шойындыколь Б	I	182	152	167	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
135	Шойындыколь В	I	119	109	114	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
136	Каракудук**	II	171	155	163	Амангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
137	Шаклак**	I	164	174	169	Амангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
138	Абу-Саздыкова**	I	83	66	75	Амангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
139	Косжаң**	I	86	77	82	Амангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
140	Кустобе**	Ic	70	68	69	Амангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
141	Колкамыс	I (?)	150	122 (?)	136	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
142	Торгай 1**	II	117	96 (?)	107	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
143	Торгай 2	I	74	63	69	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
144	Торгай 3	I	81 (?)	76 (?)	79	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
145	Рахмет 1	I	82	91	87	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
146	Рахмет 2**	I	143	123	133	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
147	Таглый 1	I	66	60	63	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
148	Таглый 2	I	49	50	50	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
149	Ызбан**	?	86 (?)	?	86	Жангельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
150	Кулик 4	I	60	74	67	Аменгельдинский район, Костанайская область	ГРЕБЕНУКОВ 1983; Бейсенов и др. 2017
151	Кулик, комплекс 1	I	136	120	128	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
152	Кулик, комплекс 2	I	80	76	78	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
153	Кулик, комплекс 3	I	83 (?)	79	81	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
154	Кулик, комплекс 4	II	48	44	46	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
155	Кулик, комплекс 5	III	92	82	87	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
156	Кулик, комплекс 6	I или Ic	142	141	142	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
157	Кулик 12	I	204	195	200	Аменгельдинский район, Костанайская область	ГРЕБЕНУКОВ 1983; Бейсенов и др. 2017.
158	Кулик, комплекс 7	I (?)	81	66	74	Аменгельдинский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
159	Кулик 17	I	65*	105	105	Аменгельдинский район, Костанайская область	ГРЕБЕНУКОВ 1983; Бейсенов и др. 2017.
160	Кызыл-Жулдыз 3	I	73*	116	116	Аркалыкский район, Костанайская область	ГРЕБЕНУКОВ 1983; Бейсенов и др. 2017.
161	Алуа 1	II	129	111	120	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
162	Алуа 2	I или Ic	111	108	110	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
163	Аккошкар 1	I	63	57	60	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
164	Аккошкар 2, комплекс 1	I	123	117	120	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
165	Аккошкар 2, комплекс 2	II	186	156	171	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др., 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
166	Костам, курган 10	I	75	75	75	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1981; Бейсенов и др. 2017.
167	Костам, курган 11	I	40	40	40	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1981; Бейсенов и др. 2017.
168	Жанакала-Алуа	I (?)	122	130	126	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
169	Каратургай 5, курган 2	Ic	40	?	40	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
170	Каратургай 5, курган 3	I (?)	95	?	95	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
171	Каратургай 5, курган 4	Ic	120	95	108	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
172	Каратургай 2, курган 1	Ic	40	40	40	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
173	Каратургай 2, курган 2	I	80	80	80	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
174	Каратургай 1	Ic	10	10	10	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
175	Каратургай 4, курган 2	Ic	80*	130	130	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
176	Каратургай 4, курган 3	I	77 (?)	85 (?)	81	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017.
177	Саба 11	I	110	90	100	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1982; Бейсенов и др. 2017.
178	Жайлауколь	?	50 (?)	38 (?)	44	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
179	Екидин 34	II	105	90	98	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1990; Бейсенов и др. 2017.
180	Жаксысаба 1	I (?)	86	87 (?)	87	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
181	Жаксысаба 2	I	205	192	199	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
182	Жаксысаба 3, комплекс 1	II	186	152	169	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
183	Жаксысаба 3, комплекс 2	I	30	32 (?)	31	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
184	Жаксысаба 3, комплекс 3	I	28	?	28	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
185	Жаксысаба 3, комплекс 4	I	57	39	48	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
186	Жаксысаба 3, комплекс 5	Ic	44 (?)	41	43	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
187	Жаксысаба 3, комплекс 6	III	140	134	137	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
188	Жаксысаба 3, комплекс 7	I	96	98	97	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
189	Жаксысаба 3, комплекс 8	I	97	81	89	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
190	Жаксысаба 3, комплекс 9	II	150	147	149	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
191	Жаксысаба 3, комплекс 10	I	48	45	47	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
192	Жаксысаба 3, комплекс 11	I	78	70	74	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
193	Улькен-Сабасалды-Тургай	I	145	137	141	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
194	Маятас 8	I	60	60	60	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1990; Бейсенов и др. 2017.
195	Ащитасты А, комплекс 1	II	71	56	64	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
196	Ащитасты А, комплекс 2	II	115	96 (?)	106	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
197	Ащитасты А, комплекс 3	I	110	94	102	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
198	Ащитасты Б, комплекс 1	I	88	61	75	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
199	Ащитасты Б, комплекс 2	I	167	163	165	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
200	Ащитасты В	II	117	114	116	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
201	Ащитасты 26, курган 1	I	100	100	100	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1993; Бейсенов и др. 2017.
202	Ащитасты 26, курган 2	I	200	175	188	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1993; Бейсенов и др. 2017.
203	Ащитасты 26, курган 14	IIIc	155	155	155	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1993; Бейсенов и др. 2017.
204	Ащитасты 25	I	160	120	140	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1993; Бейсенов и др. 2017.
205	Ащитасты 15, курган 3	III	120	120	120	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1993; Бейсенов и др. 2017.
206	Ащитасты 15, курган 4	III	170	130	150	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин, 1993; Бейсенов и др., 2017.
207	Ащитасты 24	I	60	55	58	Аркалыкский район, Костанайская область	Логвин 1993; Бейсенов и др. 2017.
208	Ащитасты Г	I	48	52	50	Аркалыкский район, Костанайская область	Бейсенов и др. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
209	Урочище Сартоган	?	?	?	?	Улытауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2080

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
210	Урочище Домбаул	?	140	130	135	Улытауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2080; МАРГУЛАН И ДР. 1966, 307, № 37
211	Батыр-Булак	I	95	85	90	Улытауский район, Карагандинская область	УСМАНОВА 1987.
212	Джанайдар	I	95	102	99	Улытауский район, Карагандинская область	ОРАЗБАЕВ 1969.
213	Мавзолей Алаша хана	I	109	109	109	Улытауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2119
214	Озеро Тогызбайколь	?	130	116	123	Улытауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2053
215	Орезайыр	II	140	126	133	Улытауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2047
216	Актас 3	?	?	?	?	Улытауский район, Карагандинская область	ЧИНДИН 1989.
217	Тортоба	?	?	?	?	Улытауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2827
218	Есенгабул-Булак	I	115	101	108	Нуринский район, Карагандинская область	ЛОГВИН 1973; БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS. ПЛАНЕТА
219	Есенгабул-Булак А	I	163	160	162	Нуринский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
220	Есенгабул-Булак Б	I	171	167	169	Нуринский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
221	Есенгабул-Булак В	II	99 (?)	86 (?)	93	Нуринский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
222	Есенгабул-Булак Г	I (?)	108	83	96	Нуринский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
223	Есенгабул-Булак Д	?	92	91 (?)	92	Нуринский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
224	Ак-Кошкар	I	70	70	70	Нуринский район, Карагандинская область	КУКУШКИН И ДР. 2016, № 237
225	Аубакир 5	I	80	80	80	Нуринский район, Карагандинская область	КУКУШКИН И ДР. 2016, № 121
226	Шаймерден 1	Ic	117	107	112	Нуринский район, Карагандинская область	КУКУШКИН И ДР. 2016, № 90
227	Шаймерден А	II	86	93	90	Нуринский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
228	Шаймерден 2	Ic	87	82	85	Нуринский район, Карагандинская область	КУКУШКИН И ДР. 2016, № 91
229	Тур, комплекс 1	Ib (?)	60	65	63	Нуринский район, Карагандинская область	КУКУШКИН И ДР. 2016, № 58
230	Тур, комплекс 2	I	55	50	53	Нуринский район, Карагандинская область	КУКУШКИН И ДР. 2016, № 58

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
231	Шубароба	II (?)	?	?	?	Нуринский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2016, № 48
СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКАЯ ГРУППА (IV)							
232	Заречный	?	?	?	?	Есильский район, Акмолинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 939
233	Куркуруксай 4	I	192	208	200	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986.
234	Ушкарасу 5, курганы 2-6	I	192	174	183	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986.
235	Ушкарасу 5, курганы 8-14	II	146	162	154	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986.
236	Ушкарасу 3	II	46	38	42	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986.
237	Ушкарасу 2	I	280	270	275	Есильский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 567
238	Ушкарасу А	I	200	179	190	Есильский район, Акмолинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
239	Ушкарасу 1	I	185	162	174	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986; КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
240	Ушкарасу 9	I	50	35	43	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986.
241	Ушкарасу 11 / Ушкарасу 3	I	240	208	224	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986 / Свод памятников 2007, № 568 (вероятно, это один памятник, дважды «открытый» разными авторами)
242	Ушкарасу 15	I	224	220	222	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986.
243	Ушкарасу 16	I	128	120	124	Есильский район, Акмолинская область	Логвин–ГРЕБЕНЮКОВ 1986.
244	Двуречное	I	35	35	35	Есильский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 472
245	Шолаксондык	I	221	224	223	Есильский район, Акмолинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
246	Тассаут	I	78	77	78	Есильский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 565
247	Ишимское 4, курган 1	I	137	112	125	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 522
248	Ишимское 4, курган 2	I	75	70 (?)	73	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 522
249	Лозовое 1, курган 1	I	80	76	78	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 538
250	Лозовое 1, курган 5	Ic	108	76	92	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 538

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
251	Лозовое 1, б/н	III	140	116	128	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 538; Космоснимки SAS. ПЛАНЕТА
252	Ак-Кайракты, курган 4	II	190	175	183	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 530
253	Ак-Кайракты, курган 6	I	190	192	191	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 530
254	Ак-Кайракты, курган 8	I	111	132	122	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 530
255	Ак-Кайракты, курган 12	Ic	235	243	239	Жаксынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 530
256	Старая Береза	I	30	?	30	Зерендинский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 647
257	Озеро Зеренды	?	?	?	?	Зерендинский район, Акмолинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 222
258	Озеро Карагайчик	?	110	108	109	Зерендинский район, Акмолинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 972
259	Озеро Котырколь	I	160	160	160	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Грязнов 1956, рис. 1, 3; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1048
260	Большое Чебачье	IIb	90	90	90	Бурабайский район, Акмолинская область	Грязнов 1956, рис. 1, 2; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 266
261	Маденият	?	?	?	?	Бурабайский район, Акмолинская область	МАРГУЛАН И ДР. 1966, 308.
262	Кыздынкарасу 1	I	41	43	42	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ (г. ПЕТРОПАВЛОВСК)
263	Новобратское 6, комплекс 1	?	?	?	?	Буландынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 261
264	Новобратское 6, комплекс 2	?	?	?	?	Буландынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 261
265	Новобратское 3, комплекс 1	I	75	95	85	Буландынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 259
266	Новобратское 3, комплекс 2	I	90	80	85	Буландынский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 259
267	Новый Колутон 2	?	?	?	?	Астраханский район, Акмолинская область	НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ (г. ПЕТРОПАВЛОВСК)
268	Озеро Акколь	?	?	?	?	Аккольский район, Акмолинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1092
269	Кыздынкобесы 4	I или Ib	51	50	51	Аккольский район, Акмолинская область	НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ (г. ПЕТРОПАВЛОВСК)
270	Таскора 3	I	120	105	113	Аккольский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 460
271	Комсомольское	I (?)	?	?	?	Уалихановский район, Северо-Казахстанская область	НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ (г. ПЕТРОПАВЛОВСК)

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
272	Тюбе 2	I	21	35	28	Уалихановский район, Северо-Казахстанская область	Свод памятников 2007, № 394
273	Карагобе	I	82	65	74	Уалихановский район, Северо-Казахстанская область	Свод памятников 2007, № 392
274	Койтас 1, курган 1	I или Ib	100	80	90	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 407
275	Койтас 1, курган 6	I	190	140	165	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 407
276	Койтас 1, курган 3	Ib или Ic	130	130	130	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 407
277	Койтас, комплекс 1	I	?	?	?	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 404
278	Койтас, комплекс 2	III	?	?	?	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 404
279	Койтас, комплекс 3	?	?	?	?	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 404
280	Койтас 12	?	?	?	?	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 400
281	Койтас 13	I	60	60	60	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 401
282	Койтас А	?	137	130	134	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
283	Жуантобе	III	34	32	33	Уалихановский район, Северо-Казахстанская область	НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ (г. ПЕТРОПАВЛОВСК)
284	Шокай 11	I	?	?	?	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 422
285	Шокай 9	I	40	40	40	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 421
286	Койтас 3	I	?	?	?	Енбекшильдерский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 421
287	Карагайлы 2-3	I	63	55	59	Ерейментауский район, Акмолинская область	ДОСЫМБАЕВА 2012.
288	Софиевка 1	I	80*	80*	80*	Целиноградский район, Акмолинская область	ГРЯЗНОВ, 1956, рис. 1, 6; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1165; Свод памятников 2007, № 807
289	Софиевка 5	I	120	90	105	Целиноградский район, Акмолинская область	ГРЯЗНОВ, 1956, рис. 1, 4; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1168; Свод памятников 2007, № 809



№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
290	Полтавский	?	?	75	75	Егиндыкольский район, Акмолинская область	Свод памятников 2007, № 304
ЦЕНТРАЛЬНО-КАЗАХСТАНСКАЯ ГРУППА (V)							
291	Ижевский 2	IIa	165	145	155	Аршалынский район, Акмолинская область	Бейсенов–Волошин 2002; Боталов–Таиров–Любчанский 2006, 69–70.
292	Каратал	?	122	115	119	Ерейментауский район, Акмолинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
293	Ерейментау	I или IIb	90	80	85	Ерейментауский район, Акмолинская область	КАДЫРБАЕВ 1959, табл. 1, 10.
294	Большикбай 1	Ic	45	40	43	Экибастуз, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 194
295	Тасмола, курган 19	IIb	52	46	49	Экибастуз, Павлодарская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1162; КАДЫРБАЕВ 1962.
296	Акжар 2	IIb (?)	38	38	38	Экибастуз, Павлодарская область	Свод памятников 2010 № 203
297	Карамурун 1	IIIb	70	67	69	Экибастуз, Павлодарская область	МАРГУЛАН И ДР. 1966, 355–359.
298	Нурманбет , курган 4	Ic	56	46	51	Экибастуз, Павлодарская область	МАРГУЛАН И ДР. 1966, 367–368.
299	Нурманбет 1, комплекс с «усами»	I	45	30	38	Экибастуз, Павлодарская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА; МАРГУЛАН И ДР. 1966, 365–366; этот курган с «усами» не отмечен в данной публикации, но виден на космоснимках и вероятно относится именно к этому памятнику
300	Шидерты А	I	52	50	51	Экибастуз, Павлодарская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
301	Кантай 2	?	?	?	?	Экибастуз, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 244
302	Майкайын	IIIc	47	36	42	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 104
303	Ак-булак 2, курган 1	Ic	38	38	38	Осакаровский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 111; МАРГУЛАН И ДР. 1966, 348–349
304	Жанажол 2, комплекс 1	Ic	25	34	30	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 411
305	Жанажол 2, комплекс 2	II	47	35	41	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 411
306	Жанажол 4	II	34	24	29	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 413
307	Буркитты 7, комплекс 1	Ic	70	70	70	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 389

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
308	Буркитты 7, комплекс 2	III	70	70	70	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 389
309	Буркитты 6	I	40	40	40	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 388
310	Буркитты 5	Ib	82	74	78	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 387
311	Буркитты 8	II (?)	80	44	62	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 390
312	Буркитты 10, комплекс 1	Ic	38	50	44	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 392; возможно, АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1193
313	Буркитты 10, комплекс 2	Ic	62	56	59	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 392; возможно, АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1193
314	Буркитты 10, комплекс 3	I	37	39	38	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 392; возможно, АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1193
315	Уштаган 10	Ic	37	40	39	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 474
316	Уштаган 7	I	50	50	50	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 480
317	Уштаган 6	II	50	50	50	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 479
318	Буркитты А	Ic	37	37	37	Баянаульский район, Павлодарская область	Космоснимки SAS.ПЛАНЕТА
319	Керегтас 1	Ic	45	45	45	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 505
320	Егиндыбулак 10	I	90	70	80	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 402
321	Егиндыбулак 1	Ic	40	5*	40	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 403; возможно, АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1204
322	Каражар, комплекс 1	Ib	37	41	39	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 463
323	Каражар, комплекс 2	I	37	42	40	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 463
324	Сабындыколь (Рыбный ключ), комплекс 1	?	?	?	?	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 354; Исследован А.З. Бейсеновым в 1991 г.
325	Сабындыколь (Рыбный ключ), комплекс 2	?	?	?	?	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 354; Исследован А.З. Бейсеновым в 1991 г.
326	Баянаул 1	I	244	130	187	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 335

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
327	Булка (Найзагас), комплекс 1	I	25*	45	45	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 340
328	Булка (Найзагас), комплекс 2	I	35	30	33	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 340
329	Булка (Найзагас), комплекс 3	I	20	30	25	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 340
330	Торайгыр 6	I	25	20	23	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 515
331	Малдыбулак 1	I	25	20	23	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 336
332	Малдыбулак 2	I	105	96	101	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 337
333	Айдарлы, комплекс 1	Ic	68	60	64	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 510
334	Айдарлы, комплекс 2	Ic	49	46	48	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 510
335	Жабалак 1	I	33	32	33	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 374
336	Бельагаш 1	IIc	57	66	62	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 378
337	Бельагаш 2	Ib	54	45	50	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 379
338	Кызылтау 2	Ic	23	23	23	Баянаульский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 435
339	Калмаккырган	Ic	75	83	79	Майский район, Павлодарская область	Свод памятников 2010, № 737
340	Кызылшилик, курган 2	IIc	97	55	76	Баянаульский район, Павлодарская область	БЕЙСЕНОВ–КАСЕНАЛИН 2018.
341	Кызылшилик, курган 6	Ia	85	63	74	Баянаульский район, Павлодарская область	БЕЙСЕНОВ, КАСЕНАЛИН 2018.
342	Алғабас, комплекс 1	II	180	180	180	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1222
343	Алғабас, комплекс 2	?	?	?	?	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1222
344	Акшоқы	I	30	32	31	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	КУКУШКИН–ЖУСУПОВ–ДМИТРИЕВ 2017
345	Ботакара, комплекс 1	Ia	60	55	58	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1225
346	Ботакара, комплекс 2	Ic	55	65	60	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1225
347	Ботакара, комплекс 3	Ic	50	50	50	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1225
348	Ботакара, комплекс 4	Ic	?	?	?	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 1225

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
349	Ботакара, комплекс 5	II	?	?	?	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, № 1225
350	Бесоба	I (?)	165	170	168	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2207; МАРГУЛАН 1949.
351	Тандайлы 2, курган 4	Ib (?)	45	48	47	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2016.
352	Тандайлы 2, курган 2	Ic	40	36	38	Бухар-Жирауский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ И ДР. 2016.
353	Шан 2, комплекс 1	I	60	60	60	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №12
354	Шан 2, комплекс 2	II	40	40	40	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №12
355	Кадырбек 3	?	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №31
356	Кадырбек 4	Ic	15	15	15	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №32
357	Кадырбек 5	Ic	40	40	40	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №43
358	Манасбай 5, комплекс 1	I	40	40	40	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №57
359	Манасбай 5, комплекс 2	Ib	40	40	40	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР., 2004, №57
360	Емзе 1	I	100	100	100	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №50
361	Караоба, комплекс 1	Ic	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР., 2004, №2(61)
362	Караоба, комплекс 2	?	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №2(61)
363	Караоба, комплекс 3	?	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №2(61)
364	Караоба, комплекс 4	?	50	39	45	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №2(61); КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ 2017.
365	Акку 1, комплекс 1	I	40	20	30	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №5(64)
366	Акку 1, комплекс 2	Ic	80	60	70	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №5(64)
367	Кульбасы	Ib	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №1(67)
368	Жарлы 4	Ib	150	160	155	Каркаралинский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2213; ЛОМАН И ДР. 2004, №4(154)
369	Бак 1	I	30	30	30	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №3(174)

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
370	Кененбай 1	I	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №14(209)
371	Бакты 1	I	40	40	40	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №19(214)
372	Коплан 1	I	35	40	38	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №24(219)
373	Кабакший, комплекс 1	?	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №3(240)
374	Кабакший, комплекс 2	?	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №3(240)
375	Кабакший, комплекс 3	?	35	28	32	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №3(240); КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ 2017.
376	Кабакший А	I	100	92	96	Каркаралинский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
377	Копя 3	III	220	190	205	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №5(242)
378	Копя	?	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №12(249)
379	Назар	Ic	55	45	50	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №13(250); БЕЙСЕВОВ 2016.
380	Нуркен 2, курган 6	Ic	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №19(256)
381	Нуркен 2, курган 10	IIb	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №19(256)
382	Бакыбулак, курган 15	Ic	81	76	79	Каркаралинский район, Карагандинская область	КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ 2017.
383	Бакыбулак, курган 13	Ic	74	69	72	Каркаралинский район, Карагандинская область	КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ 2017
384	Байке 2, курган 3	Ic	30	20	25	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др., 2004, №5(275) под именем Байке 3; БЕЙСЕВОВ–ДУЙСЕНБАЙ 2015.
385	Байке 2, курган 7	Ic	30	20	25	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №5(275) под именем Байке 3; БЕЙСЕВОВ–ДУЙСЕНБАЙ 2015.
386	Талды 2	I	105	86	96	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №5(333); КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
387	Рустем 1	?	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №8(336)
388	Тулкили	I	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №2(137)
389	Жамантас	Ic	198	190	194	Каркаралинский район, Карагандинская область	БЕЙСЕВОВ–ДУЙСЕНБАЙ–СВЯТКО, 2017.
390	Султангазы	I	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	Ломан и др. 2004, №9(144)

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
391	Байдалы	Ic	40	40	40	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №6(227)
392	Кенестас 2	Ib	60	75	68	Каркаралинский район, Карагандинская область	ЛОМАН И ДР. 2004, №10(231)
393	Дандыбай, курган 9	Ia	85	85	85	Абайский район, Карагандинская область	ГРЯЗНОВ 1956, с. рис. 1, 5; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 5
394	Байкара 4, одиночный	Ib (?)	200	200	200	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №5
395	Байкара 4, курган 1	I	150	115	133	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №7
396	Байкара 5, одиночный	II	180	180	180	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №8
397	Бугулы 2 / Космурун / Жарык(?)	Ic	60	45	53	Шетский район, Карагандинская область	МАРГУЛАН И ДР. 1966, 187, рис. 95; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2289 (?), 2262 (?); КАДЫРБАЕВ 1958, с. 99–100, рис. 2, 2; ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №12
398	Бугулы 1, поселение, комплекс 1	I	80	80	80	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2258; МАРГУЛАН И ДР., 1966, 206, рис. 105; ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №10
399	Бугулы 1, поселение, комплекс 2	I (?)	60	60	60	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2258; МАРГУЛАН И ДР., 1966, 206, рис. 105; ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №10
400	Талдынурунский совхоз, комплекс 1	?	46	34	40	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2264
401	Талдынурунский совхоз, комплекс 2	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2264
402	Кошкарбай	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2292
403	Бугулы А	I (?)	104	90	97	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
404	Бугулы Б	I (?)	184	151	168	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
405	Орджоникидзе	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2295
406	Манатай	I	13	20	17	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №79
407	Аксу-Аюлы А	Ic	82	81	82	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА; ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №75
408	Енбекшил	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013.
409	Аксу-Аюлы	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2305

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
410	Аксу-Аюлы 2	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2306
411	Байгетобе	I	220	220	220	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №93
412	Унирек 2	Ia	200	175	188	Шетский район, Карагандинская область	КУРМАНКУЛОВ–УТУБАЕВ– КАСЕНОВА 2018; ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №56
413	Унирек А (в 1,5 км южнее комплекса Унирек 2)	I	122	115	119	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
414	Катпар 11	I	90	90	90	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №69
415	Акший	I	63	52	58	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
416	Бесоба (Колхоз имени Сталина), комплекс 1	Ic	245	235	240	Актогайский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2318
417	Бесоба (Колхоз имени Сталина), комплекс 2	Ic	91	80	86	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
418	Былкылдак (Кзылтаусский подхоз)	Ia	74	70	72	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2285; МАРГУЛАН И ДР. 1966, 105.
419	Аккезен	I	90	90	90	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №84
420	Токраун А	IIc	50	35	43	Актогайский/Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
421	Егиз-Койтас, курган 5	IIa	125	120	123	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1959а, 186–188.
422	Егиз-Койтас, курган 4	Ia	32	30	31	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1959а, 188–189.
423	Сыпраоба, комплекс 1	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2312
424	Сыпраоба, комплекс 2	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2312
425	Сыпраоба, комплекс 3	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2312
426	Сыпраоба, комплекс 4	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2312
427	Актас 3	Ic	50	50	50	Актогайский район, Карагандинская область	КУКУШКИН И ДР. 2017, №15
428	Урочище Былкылдак (Верховья Токраун)	I	72	72	72	Актогайский район, Карагандинская область	МАРГУЛАН, 1949; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2310
429	Ушарал А	Ic	124	115	120	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
430	Ушарал Б	Ic	85	93	89	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
431	Ушарал В	Ic	216	179	198	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
432	Ушарал Г	I	71	62	67	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
433	Караменде	I	103	107	105	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №32
434	Донбайкойтас 2	Ic	80	80	80	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №74
435	Донбайкойтас	Ic	75	75	75	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №73
436	Сарыюлен	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №76
437	Кенасу	Ic	23	23	23	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №70
438	Шабан 1, комплекс 1	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №52
439	Шабан 1, комплекс 2	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №52
440	Акбулак 1	I	100	135	118	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №130
441	Тесиктас 3	Ic	85	85	85	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №101
442	Карандыозек 3, курган 2	I	30	30	30	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №226
443	Караунгур 3	Ic	70	70	70	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №204
444	Омар 3	Ic	38*	38*	38*	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №185
445	Карагал 5, курган 2	Ic	60	60	60	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №176
446	Карагал 2, курган 1	Ic	35	35	35	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №173
447	Женишке 3	Ic	200	200	200	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №140
448	Женишке	I	130	130	130	Актогайский район, Карагандинская область	МАРГУЛАН 1949; КАДЫРБАЕВ 1958, табл. 1, 8; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2448
449	Балапан 1	Ib (?)	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №122
450	Койтас 2, курган 2	Ic	30	30	30	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №110
451	Бегазы 10, курган 4	Ic	35	35	35	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №168; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2453 (?)



№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
452	Карамойын	Ib (?)	120	100	110	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №267
453	Сарыгерек, курган 1	I	50	50	50	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №276
454	Сулейман	?	?	?	?	Актогайский район, Карагандинская область	Кукушкин и др. 2017, №261
455	Карасай А	Ic	28	21	25	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
456	Колхоз им. Тельмана	I	124	110	117	Актогайский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2313
457	Карасай	III	98	96	97	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1958, табл. 1, 5.
458	Подхоз Балхашский	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2377
459	Карасай Б, комплекс 1	I	58	36	47	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
460	Карасай Б, комплекс 2	I	90	88	89	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
461	Карасай В	Ic	40	33	37	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
462	37 воинов / Корпетай	Ic	140	115	128	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1958, 99; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2378; БЕЙСЕНОВ 20156.
463	Канатгас, курган 12а	Ic	35	35	35	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1959а, 178; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2373
464	Канатгас, курган 19	Ia	70	67	69	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1959а, 179–182; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2373
465	Кара-Бие, курган 15	Ic	89	76	83	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1959а, 174–176; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2375
466	Кара-Бие, курган 1	Ib	130	120	125	Актогайский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1959а, 170–173; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2375
467	Кара-Бие А	I	67	65	66	Актогайский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
468	Муқыр А	IIc	51	46	50	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
469	Муқыр Б	Ic	104	93	99	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
470	Муқыр В	IIc	36	25	31	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
471	Шерубай-Нура	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2383
472	Толагайские	?	116	115	116	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2381

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
473	Толагай	Ib	84	64	74	Шетский район, Карагандинская область	КАДЫРБАЕВ 1958, 97, табл. I, 3; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2382
474	Толагай 2	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2384
475	Керегетас 3	I	60	60	60	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №113
476	Балапан 3	Ic (?)	97	99	98	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №122
477	Карасай 2	Ic	80	50	65	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №125
478	Косагалы 1	?	?	?	?	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №82
479	Косбулак 4	I	70	89	80	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №76
480	Акбикеш	Ic	70	70	70	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ, 2017, №71
481	Аксай	Ic	42	47	45	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №68
482	Атасу А	I	67	50	59	Жанааркинский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
483	Айдарлы 2	II	84	65	75	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №66
484	Атасу Б	II	115	119	117	Жанааркинский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
485	Атасу В	II	203	222	213	Жанааркинский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
486	Могильник Айдарлы	?	68	59	64	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №60
487	Курган с «усами» Айдарлы	?	?	?	?	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №65
488	Могильник Айдарлы 2, комплекс 1	I	50	51	51	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №61
489	Могильник Айдарлы 2, комплекс 2	I	97	88	93	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №61
490	Акирек, комплекс 1	?	?	?	?	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №72
491	Акирек, комплекс 2	?	?	?	?	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №72
492	Айдахарлы	I	80	88	84	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №50
493	Кабантау	II	140	139	140	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №42
494	Атасу Г, комплекс 1	III	118	111	115	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
495	Атасу Г, комплекс 2	III	140	131	136	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
496	Каркымбай	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №182
497	Таскорлы 1	III	180	160	170	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №183
498	Акмустафа 2	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №16
499	Дарат 3, комплекс 1	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №21
500	Дарат 3, комплекс	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №21
501	Сангыру 1	I	60	70	65	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №22
502	Сангыру 2 (Сангуыр 2), курган 1	Ic	55	66	61	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2340; КАДЫРБАЕВ 1961; АХИЯРОВ 2017, №23
503	Сангыру 2 (Сангуыр 2), курган 2	Ic	40	40	40	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2340; КАДЫРБАЕВ 1961; АХИЯРОВ 2017, №23
504	Сангыру 2 (Сангуыр 2), курган 3	Ic	50	52	51	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2340; КАДЫРБАЕВ 1961; АХИЯРОВ 2017, №23
505	Атасу Д	I	54	43	49	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
506	Атасу-2, комплекс 1	I	148	150	149	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960 № 2349; АХИЯРОВ, 2017 №2; БЕЙСЕНОВ И ДР. 2018
507	Атасу-2, комплекс 2	Ic	75	65	70	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 2349; АХИЯРОВ 2017, №2
508	Атасу Е	II	73	72	73	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
509	Атасу Ж	II	108	110	109	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
510	Каратобе 2	?	78	73	76	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №189
511	Каратобе 3	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №188
512	Атасу 3	II	105	90	98	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
513	Койшоки 7, комплекс 1	Ic	53	45	49	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №31
514	Койшоки 7, комплекс 2	I	45	46	46	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №31

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
515	Жаманжал	I	120	120	120	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №130
516	Мечеть Жакеш-Халпе	I	60	60	60	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №142
517	Мечеть Жакеш-Халпе 4, курган 1	I	85	85	85	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №142
518	Мечеть Жакеш-Халпе 4, курган 2	I	60	60	60	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №142
519	Мечеть Жакеш-Халпе А	II	76	87	82	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
520	Егизек	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №153
521	Кызылтау 7	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	ВАРФОЛОМЕЕВ И ДР. 2018, №197
522	Ку, комплекс 1	Ib	110	110	110	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №101
523	Ку, комплекс 2	Ic	75	85	80	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №101
524	Ку 2	?	?	?	?	Жанааркинский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №102
525	Сарыбулак 1	?	54	52	53	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №92
526	Сарыбулак А	?	30	32	31	Шетский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
527	Сарыбулак	Ic	50	50	50	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №94
528	Сарыбулак 2	I	56	49	53	Шетский район, Карагандинская область	АХИЯРОВ 2017, №93
529	Киик-Су	Ic	45	37	41	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2360; КАДЫРБАЕВ 1959а, 163–166.
530	Ельшибек	Ic	40	34	37	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, №2362; КАДЫРБАЕВ, 1959а, 166–168; АХИЯРОВ, 2017, №98
531	Дюйсенбулак	?	?	?	?	Шетский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2844 (?)
532	Колхоз Комсомол 1	I	50	52	51	Нуринский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2090
533	Колхоз Комсомол 2	I	198	200	199	Нуринский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2092
534	Колхоз Комсомол 3	?	?	?	?	Нуринский район, Карагандинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2093
535	Щербаковское А, комплекс 1	I	80	78	79	Нуринский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
536	Щербаковское А, комплекс 2	I	51	50	51	Нуринский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
537	Щербаковское А, комплекс 3	Ic	58	57	58	Нуринский район, Карагандинская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
538	Сарыбулак	Ic (?)	50	50	50	Административный округ г. Семей, Восточно-Казахстанская область	Айткали–Жунисланов–Бесетаев 2016; Исин и др. 2018; Айткали и др. 2019, 2019а; сообщение А. Жунисланова
539	Арап	I	45	40	43	Административный округ г. Семей, Восточно-Казахстанская область	Айткали–Жунисланов–Бесетаев 2016; Исин и др., 2018; Айткали и др., 2019, 2019а; сообщение А. Жунисланова
540	Карабие	Ic	40	36	38	Административный округ г. Семей, Восточно-Казахстанская область	Айткали–Жунисланов–Бесетаев 2016; Исин и др. 2018; Айткали и др. 2019, 2019а; сообщение А. Жунисланова
541	Семейтау, комплекс 1	I	30	30	30	Административный округ г. Семей, Восточно-Казахстанская область	Айткали–Жунисланов–Бесетаев 2016; сообщение А. Жунисланова
542	Семейтау, комплекс 2	I	30	30	30	Административный округ г. Семей, Восточно-Казахстанская область	Айткали–Жунисланов–Бесетаев 2016; сообщение А. Жунисланова
543	Семейтау «Восточный»	Ic	22	20	21	Административный округ г. Семей, Восточно-Казахстанская область	Айткали–Жунисланов–Бесетаев 2016; Айткали и др. 2019, 2019а; сообщение А. Жунисланова
544	Каратобе, курган 6	Ic	16	15	16	Бескарагайский район, Восточно-Казахстанская область	Айткали–Жунисланов–Бесетаев 2016; Исин и др. 2018; Айткали и др. 2019, 2019а; сообщение А. Жунисланова
545	Кокен, курган 23	Ic	44	40	42	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
546	Кокен, курган 24	Ic	35	36	36	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
547	Кокен, курган 25	Ic	71	70	71	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
548	Кокен, курган 26	Ic	68	69	69	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
549	Узынбулак 2, курган 1	I	64	45	55	Жанасемейский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
550	Узынбулак 2, курган 2	Ic	22	21	22	Жанасемейский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
551	Узынбулак 2, курган 3	Ic	23	22	23	Жанасемейский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
552	Узынбулак 2, курган 4	Ic	90	92	91	Жанасемейский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
553	Кырыкунгир	Ia или Ib	41	36	39	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017; Умиткалиев 2015; Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016.
554	Айтуган-2	I	16	18	17	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
555	Айтуган 1, курган 2	Ic	53	50	52	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
556	Айтуган 1, курган 5	Ic	33	30	32	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
557	Карабулак, курган 5	II	82	75	79	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
558	Карабулак, курган 8	Ic	20	18	19	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
559	Карабулак, курган 10	I	120	115	118	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
560	Карабулак, курган 14	Ic	42	38	40	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
561	пещера Конур-Аулие	?	?	?	?	Бескарагайский район, Восточно-Казахстанская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, №2432
562	Каракушик 2, курган 3	Ic	20	19	20	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
563	Каракушик 2, курган 9	Ic	30	35	33	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
564	Каракушик 2, курган 21	Ic	25	33	29	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
565	Каракушик 2, курган 24	Ic	27	35	31	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
566	Каракушик 1, курган 6	Ic	19	20	20	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
567	Каракушик 1, курган 7	Ic	24	20	22	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
568	Шаткалан, курган 2	Ic	25	20	23	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.
569	Шаткалан, курган 4	Ic	30	32	31	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	Бейсенов–Умиткалиев–Дуйсенбай 2017.

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
570	Барлыбай 3	Ic	28	27	28	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
571	Бокай, курган 1	Ic	12	12	12	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
572	Бокай, курган 8	Ic	30	30	30	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
573	Акши, курган 2	Ic	132	129	131	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
574	Акши, курган 15	Ic	27	30	29	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
575	Кул	Ic	56	63	60	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
576	Мендеке, курган 1	Ib	30	30	30	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
577	Мендеке, курган 5	Ic	13	13	13	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
578	Актумсык	Ic	25	25	25	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
579	Мибулак	Ic	24	28	26	Абайский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
580	Байкошкар	Ic	32 (?)	29	31	Аягузский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
581	Токай	Ic	18	16	17	Жарминский район, Восточно-Казахстанская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
582	Койтас***	Ic	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
583	Бесоба***	Ic	?	?	?	Каркаралинский район, Карагандинская область	БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017.
<i>ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКАЯ ГРУППА (VI)</i>							
584	Зевакино, курган 1	IIa	30	32,5	31	Шемонаихинский район, Восточно-Казахстанская область	АРСЛАНОВА 1975.
585	Зевакино, курган 2	Ic	60	52	56	Шемонаихинский район, Восточно-Казахстанская область	АРСЛАНОВА 1975.
586	Зевакино, курган 3	Ia	28	21	25	Шемонаихинский район, Восточно-Казахстанская область	АРСЛАНОВА 1975.
587	Джаргас	Ic	?	?	?	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ 1987, 117, рис. 61, №30

№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
588	Дресвянка, комплекс 1	I	210	196	203	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
589	Дресвянка, комплекс 2	I	37	34	36	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
590	Точка	Ic	100	100	100	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	АРСЛАНОВА 1975.
591	Кызылтас (Ленинка), курган 1	Ic	30,5	23,7	27	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	АРСЛАНОВА 1975.
592	Кызылтас (Ленинка), курган 2	Ia	72	56	64	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	АРСЛАНОВА 1975.
593	Кызылтас, комплекс 3	I	85	85	85	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
594	Кызылтас, комплекс 4	Ic	48	39	44	Уланский район, Восточно-Казахстанская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
595	Сынтас***	Ic	30	30	30	Тарбагатайский район, Восточно-Казахстанская область	ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998.
596	Шалкак***	I	101	101	101	Тарбагатайский район, Восточно-Казахстанская область	ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998.
597	Сок 2, курган 3***	II	30	30	30	Тарбагатайский район, Восточно-Казахстанская область	ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998.
598	Байгали4, курган 1***	Ic	14	11	13	Тарбагатайский район, Восточно-Казахстанская область	ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998.
599	Жиланды-2, курган 12***	I	18	18	18	Тарбагатайский район, Восточно-Казахстанская область	ТОЛЕУБАЕВ–БЕЙСЕНОВ–ОМАРОВ 1998.
<i>ЮЖНО-КАЗАХСТАНСКАЯ И СЕМИРЕЧЕНСКАЯ ГРУППА (VII)</i>							
600	Сарыбель	?	11	11	11	Панфиловский район, Алматинская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 3130
601	ур. Бесшатыр	?	?	?	-	Кербулакский район, Алматинская область	МАРГУЛАН И ДР. 1966, 308, № 43
602	р. Ащисай	?	?	?	-	Жамбыльский район, Алматинская область	МАРГУЛАН И ДР. 1966, 308, № 44
603	пос. Отар	?	?	?	-	Кордайский район, Жамбыльская область	МАРГУЛАН И ДР. 1966, 308, № 45
604	Мерке	?	?	?	-	Меркенский район, Жамбыльская область	ДОСЫМБАЕВА 2013.
605	Берккаринский	?	?	?	-	Жуалынский район, Жамбыльская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960, № 3798
606	Тамдинский	?	?	?	-	Таласский район, Жамбыльская область	АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА, 1960, № 3525



№	Название	Тип	Длина северной гряды	Длина южной гряды	Средняя длина гряд	Административное расположение	Источник
607	Коктал	IIa	150	155	153	Таласский район, Жамбылская область	КАДЫРБАЕВ 1959.
608	река Белеутты	I	71	70	71	Жанакорганский район, Кызылординская область	КОСМОСНИМКИ SAS.ПЛАНЕТА
609	Беркутты	Ib	95	90	93	Жанакорганский район, Кызылординская область	АХИНЖАНОВ 1977.
610	Карасуир	I	70	65	68	Жанакорганский район, Кызылординская область	ЕЛЕУЛОВ И ДР. 2005.

Таблица 2. Распределение курганов с «усами» по типам «a, b» и «c»

Table 2. Geographical distribution of kurgans with „moustache” in according to the types «a, b» and «c»

	I (a, b)	II (a, b)	III (a, b)	Ic	IIc	IIIc	всего
Южный Урал	55	6	7	2	-	-	70
Мугоджары	12	2	-	-	-	-	14
Тургай	58	18	6	7	3	-	92
Северный Казахстан	34	4	3	2	-	-	43
Центральный Казахстан	91	21	6	103	6	1	228
Восточный Казахстан	7	2	-	7	-	-	16
Южный Казахстан	3	1	-	-	-	-	4
всего	260	54	22	121	9	1	467

Таблица 3. Распределение курганов с «усами» по длинам гряд-«усов»

Table 3. Geographical distribution of kurgans with „moustache” in according to the length of ridges-“moustache”

	0–49 m	50–99 m	100–150 m	150+ m	всего
Южный Урал	6	25	27	13	71
Мугоджары	4	5	11	0	20
Тургай	11	48	39	18	116
Северный Казахстан	8	13	9	14	44
Центральный Казахстан	98	96	25	18	237
Восточный Казахстан	9	3	2	1	15
всего	136	190	113	64	503

Таблица 4. Состав и параметры кургана с «усами» Суходол  
 Table 4. The composition and the parameters of kurgan with „moustache” Suhodol

Размер / диаметр	Площадь (для круга $3,14r^2$ )	Высота (м)	Объем ( $m^3$ )	Объемный вес ( $t/m^3$ )	Вес объема (т)	Породы
Центральное сооружение						
12 (d)	$\approx 113 : 4 = 28,3$	$\approx 0,18$	5,1	2,6	$5,1 \times 2,6 = 13,3$	Гранит
	$\approx 113 : 4 = 28,3$	$\approx 0,18$	5,1	3	$5,1 \times 3,0 = 15,3$	Габбро
	$\approx 113 : 4 = 28,3$	$\approx 0,18$	5,1	2,8	$5,1 \times 2,8 = 14,3$	Базальт
	$\approx 113 : 4 = 28,3$	$\approx 0,18$	5,1	2,7	$5,1 \times 2,7 = 13,8$	Кварц
	$\Sigma = 113,2$		$\Sigma = 20,4$		$\Sigma = 56,7$	
Западная площадка северного «уса»						
4,3 × 5,8	$\approx 25,0$	0,18	$\approx 4,5$	2,6	11,7	гранит
Западная площадка южного «уса»						
4(d)	12,6	0,18	$\approx 2,3$	$\approx 2,8$	6,4	Базальт, габбро, кварц
Восточная площадка северного «уса»						
4,25 × 5,75	$\approx 24,44$	0,18	$\approx 4,4$	2,7	11,9	Кварц
Восточная площадка южного «уса»						
4,25 × 5,75	$\approx 24,44$	0,18	$\approx 4,4$	2,7	11,9	Кварц
Северная гряда						
82,5 × 1,8	148,5	0,18	27	2,7	73	Гранит
29,7 × 1,8	53,46	0,18	8	3	24	Габбро
24,5 × 1,8	44,1	0,18	14	2,8	39	Базальт
42,3 × 1,8	76,14	0,18	14	2,7	38	Кварц
					$\Sigma = 174$	
Южная гряда						
4 × 1,8	7,2	0,18	1,3	2,6	3	Гранит
33,6 × 1,8	60,5	0,18	11	3	33	Габбро
49,3 × 1,8	88,7	0,18	16	2,8	43	Базальт
84,6 × 1,8	152,3	0,18	27	2,7	73	Кварц
	$\Sigma = 308,7$				$\Sigma = 152$	
Общий вес объема каменного материала комплекса Суходол составил 424,6 т						





Таблица 7. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами» Южного Зауралья и Центрального Казахстана  
 Table 7. Radiocarbon chronology of kurgans with „moustache” from Southern Trans-Urals and Central Kazakhstan

Памятник	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата	
					68,20%	95,40%
Сарбулат	курган 2	Ki-15634	керамика	1540±80	430–590 AD (68.2%)	340–660 AD (95.4%)
Суходол	курган 5	Le-8303	кость животного	1550±100	410–610 AD (68.2%)	250–300 AD (3.2%) 310–660 AD (92.2%)
Кайнсай	курган 14	Ki-15635	керамика	1470±80	460–490 AD (4.2%) 530–660 AD (64.0%)	410–690AD (95.4%)
Городищенское IX	северный «ус»	SPb-535	уголь	1460±50	560–645 AD (68.2%)	430–490 AD (5.0%) 530–670 AD (90.4%)
Рымникский	центральный курган	SPb-957	кость лошади	1560±65	420–570AD (68.2%)	380–640 AD (95.4%)
Селенташ*	курган 5	Ki-17075	керамика	1760±150	80–430 AD (68.2%)	100 BC–650 AD (95.4%)
Селенташ*	курган 5	SPb-958	керамика	1530±30	430–490 AD (25.9%) 530–580 AD (42.3%) 430–490 AD (41.7%)	430–600 AD (95.4%)
		*комбинированная дата		1539±29	530–570 AD (26.5%)	420–590 AD (95.4%)
Тандайлы 2	курган 2а (восточный)	UBA-28348	кость лошади (фрагмент челюсти)	1795±36	300–320 AD (6.2%) 130–260 AD (62.0%)	120–340 AD (95.4%)
Тандайлы 2	курган 2 (западный)	UBA-28347	кость человека	2468±28	670–610 BC (14.4%) 760–680 BC (26.0%) 600–510 BC (27.7%) 670–640 BC (5.0%)	470–410 BC (8.7%) 770–680 BC (28.9%) 670–480 BC (57.8%)
Кырыкунгир	центральный курган	SPb-1438	кость лошади	2440±50	750–680 BC (16.9%) 550–400 BC (46.3%)	757–678 BC (21.2%) 670–400 BC (74.2%)
Жамантас	восточный курган	UBA-24912	кость животного (лошади?)	1654±30	345–370 AD (13.8%) 375–430 AD (54.4%)	260–290 AD (3.8%) 480–540 AD (6.9%)
Жамантас	западный курган	UBA-28349	кость человека	2471±32	670–610 BC (16.2%) 760–680 BC (25.0%) 600–520 BC (27.0%)	470–410 BC (8.5%) 770–480 BC (86.9%)
Койтас	восточный курган	UBA-23661	кость лошади	1680±27	335–410 AD (68.2%)	250–300 AD (12.2%) 320–430 AD (83.2%)
Бесоба	восточный курган	UBA-28362	кость лошади	1670±28	340–415 AD (68.2%)	250–300 AD (8.6%) 320–430 AD (86.8%)
Кабантау	восточное окончание северного «уса»	UBA-28358	кость животного (MPC)	1564±29	430–540 AD (68.2%)	420–560 AD (95.4%)
Кабантау	восточное окончание северного «уса»	UBA-28359	кость животного (MPC)	1555±29	430–550 AD (68.2%)	420–570 AD (95.4%)



## ИЛЛЮСТРАЦИИ





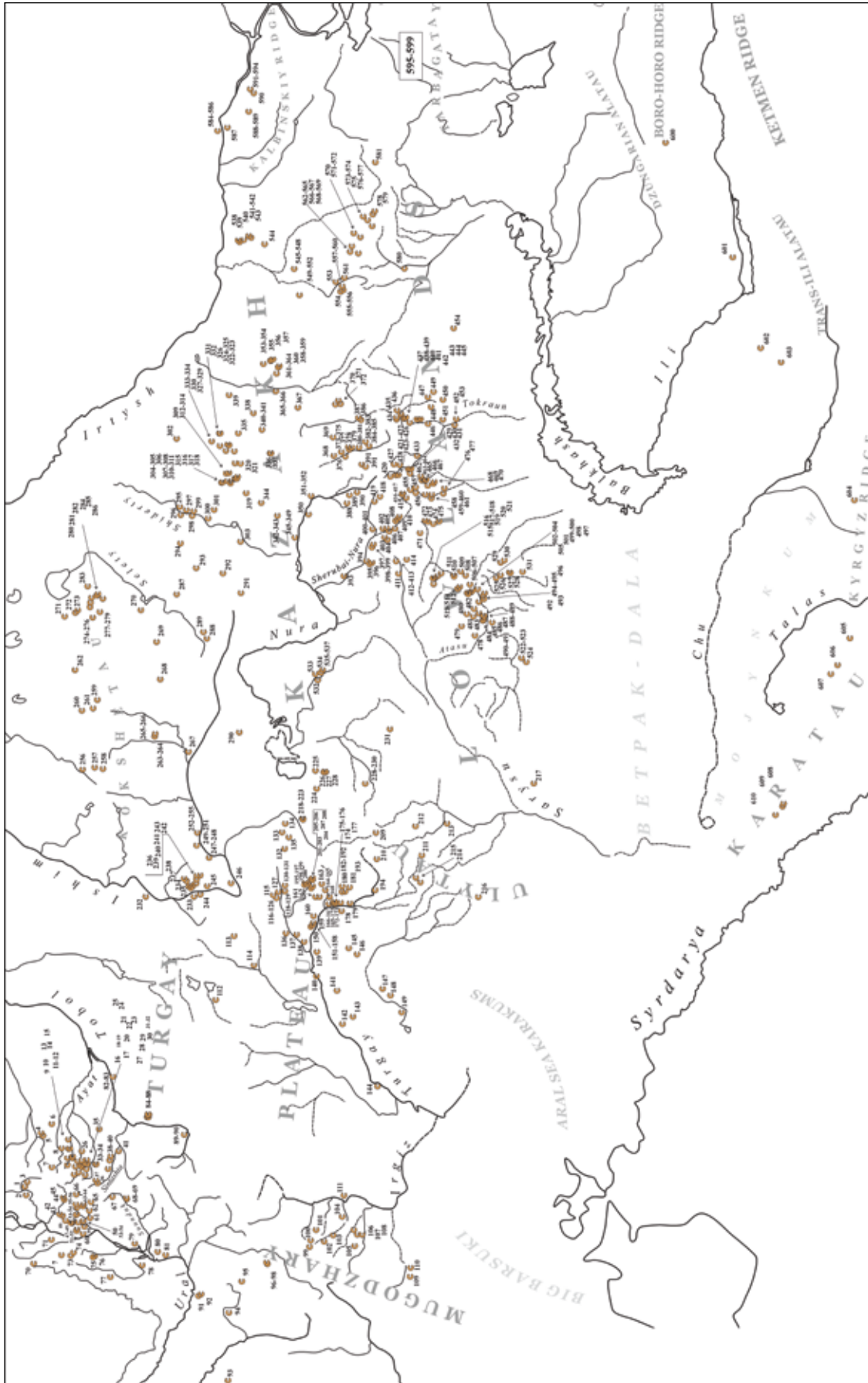


Рис. 1. Карта курганов с «усами» урало-казахстанских степей. Подписи содержатся в табл. 1.  
Fig. 1. Map of kurgans with "moustache" of the Ural-Kazakhstan steppes. The captions are contained in the table 1.

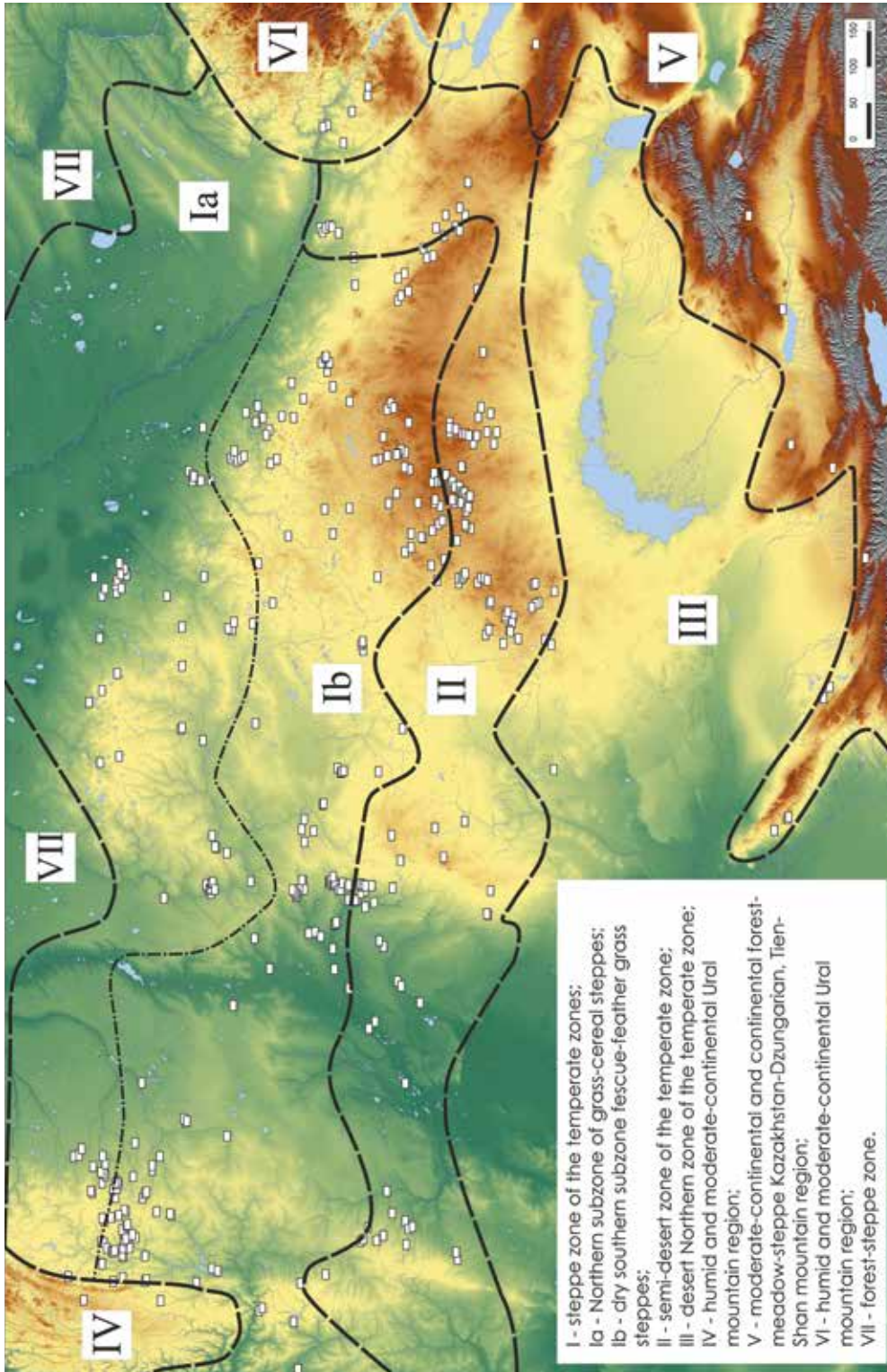


Рис. 2. Физико-географическая характеристика ареала курганов с «кусами». I: Степная зона умеренного пояса; Ia: Северная подзона разнотравно-злаковых степей; Ib: Южная подзона сухих типчково-ковыльных степей; II: Полупустынная зона умеренного пояса; III: Пустынная северная зона умеренного пояса; IV: Влажно- и умеренно-континентальная уральская горная область; V: Умеренно-континентальная лесостепно-степная казахско-дзунгарская, тьянь-шаньская горная область; VI: Влажно- и умеренно-континентальная алтайская горная область; VII: Лесостепная зона (АТЛАС СССР 1983; НИКОЛАЕВ 1999; ЧУЛПИН 1970; ЧЕРНЫХ-ЗОЛОТОВ 2011; ЧИВЫЛОВ 2013)

Fig. 2 Physical and geographical characteristics of the area of kurgans with "moustache". I: Steppe zone of the temperate zones; Ia: Northern subzone of grass-cereal steppes; Ib: Dry southern subzone fescue-feather grass steppes; II: Semi-desert zone of the temperate zone; III: Desert Northern zone of the temperate zone; IV: Humid and moderate-continental Ural mountain region; V: Moderate-continental and continental forest-meadow-steppe Kazakhstan-Dzungarian, Tien-Shan mountain region; VI: Humid and moderate-continental Ural mountain region; VII: Forest-steppe zone (ATLAS SSSR 1983; NIKOLAEV 1999; CHURPIN 1970; CHERNYH-ZOLOTOV 2011; CHIVILOV 2013)

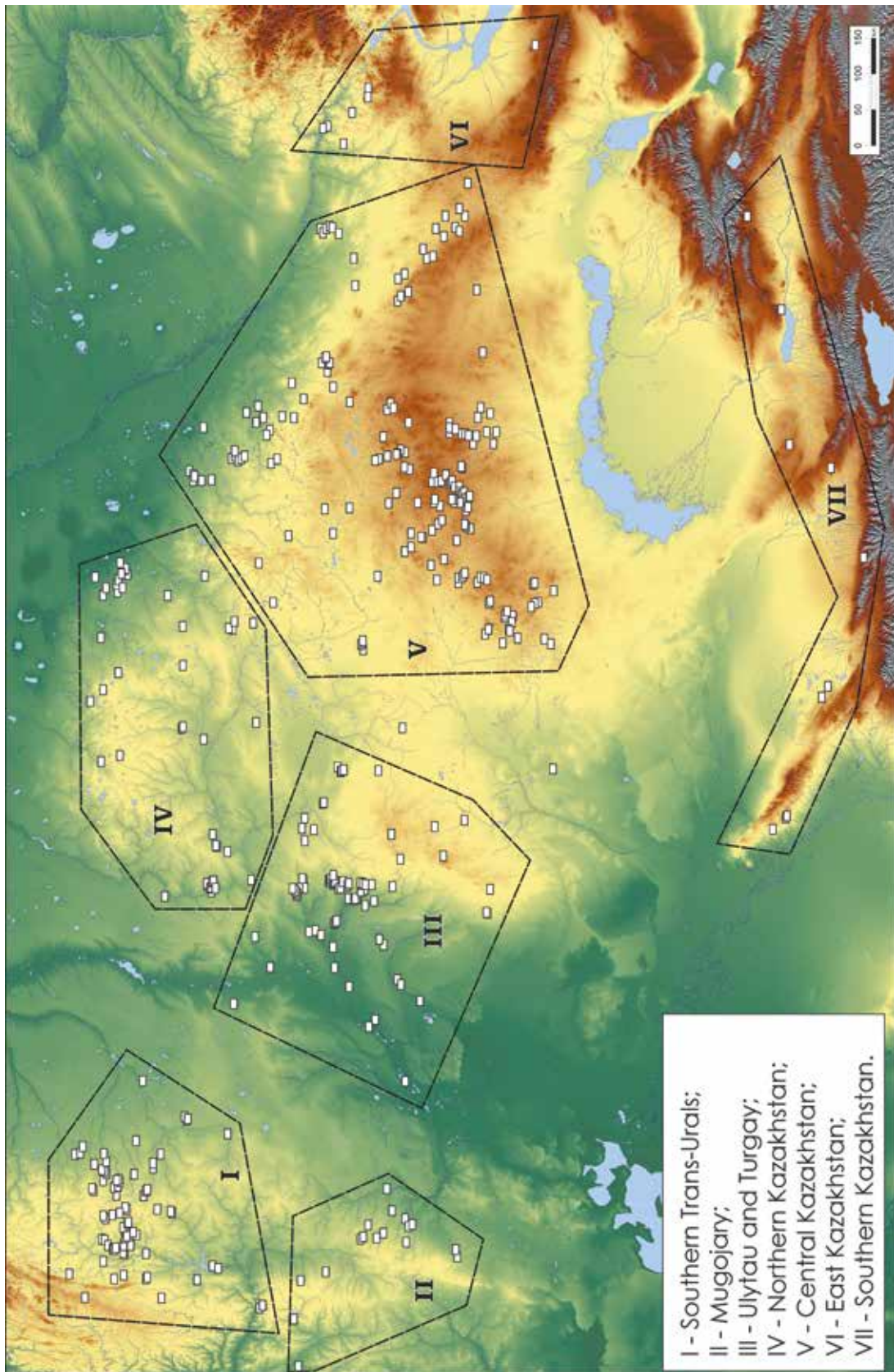


Рис. 3. Районирование курганов с «усами». I: Южное Зауралье; II: Мугоджары; III: Улытау и Тургай; IV: Северный Казахстан; V: Центральный Казахстан; VI: Восточный Казахстан; VII: Южный Казахстан

Fig. 3. Zoning of kurgans with "moustache". I: Southern Trans-Urals; II: Mugojar; III: Ulytau and Turgay; IV: Northern Kazakhstan; V: Central Kazakhstan; VI: East Kazakhstan; VII: Southern Kazakhstan

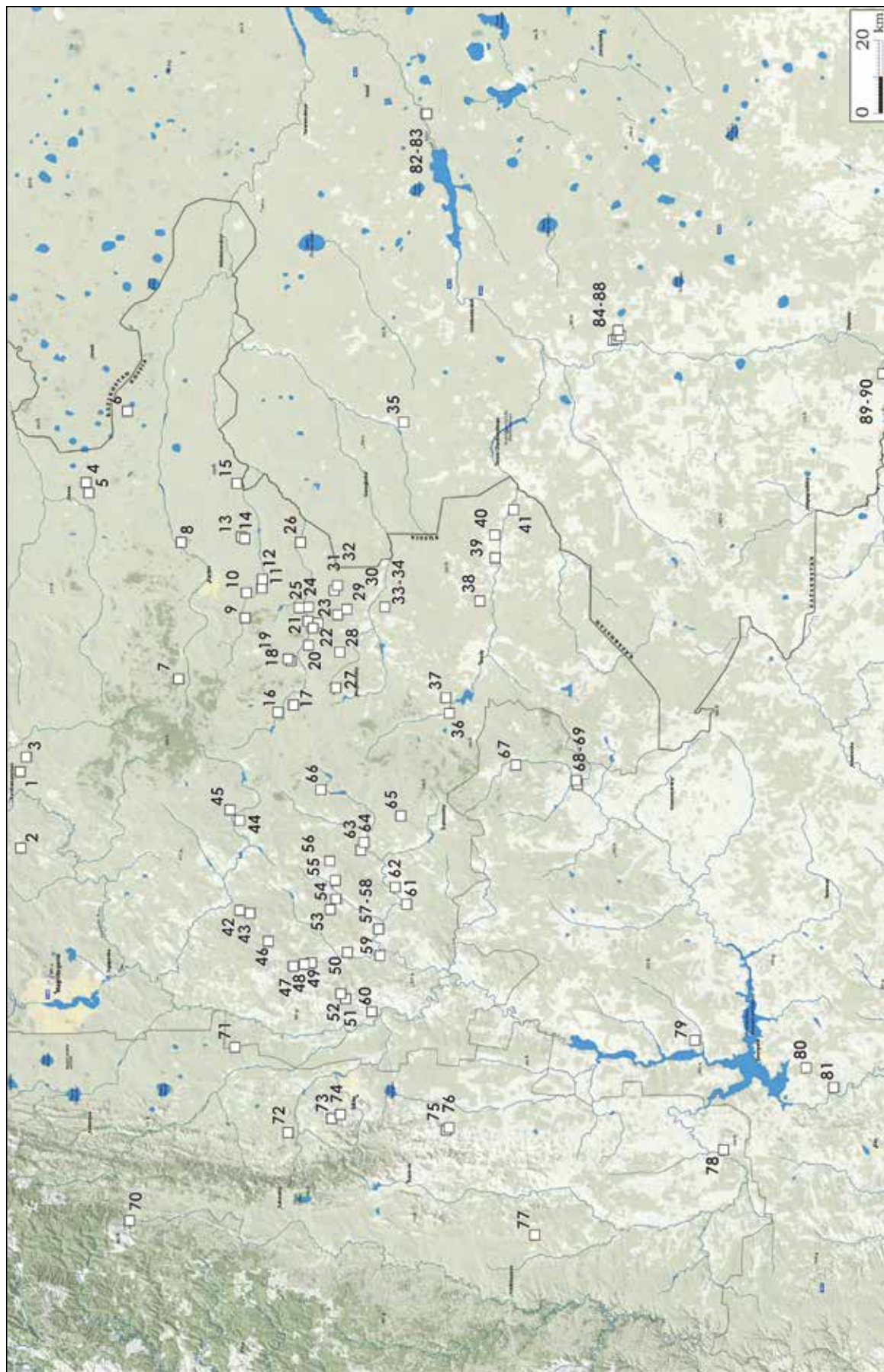


Рис. 4. Курганы с «усами» Южного Зуралья (см. табл. 1)

Fig. 4. Kurgans with "moustache" of the Southern Trans-Urals (see table 1)

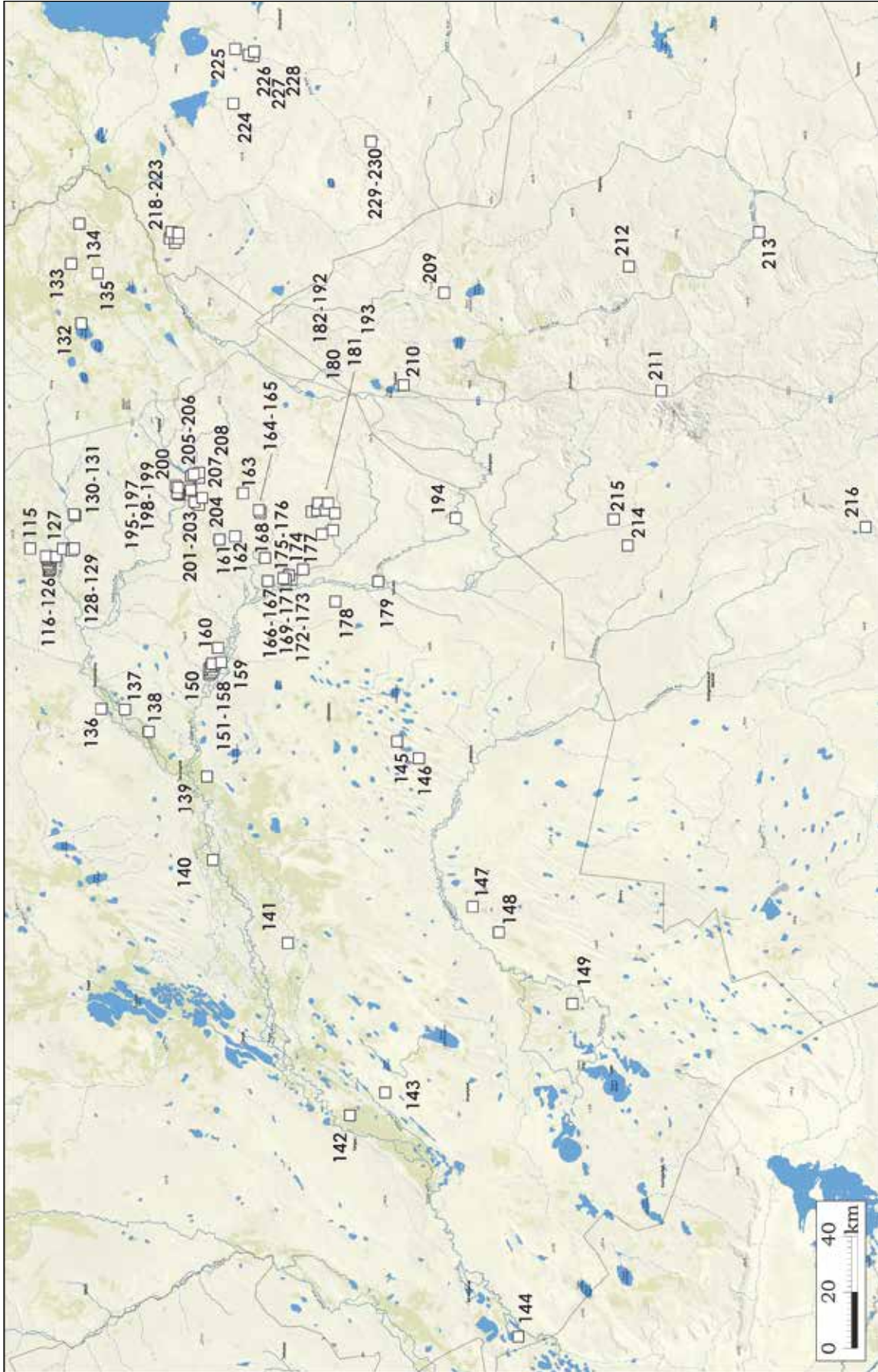


Рис. 5. Курганы с «усами» Тургая и Улытау (см. табл. 1)  
Fig. 5. Kurgans with "moustache" of the Turgay and Ulytau (see table 1)

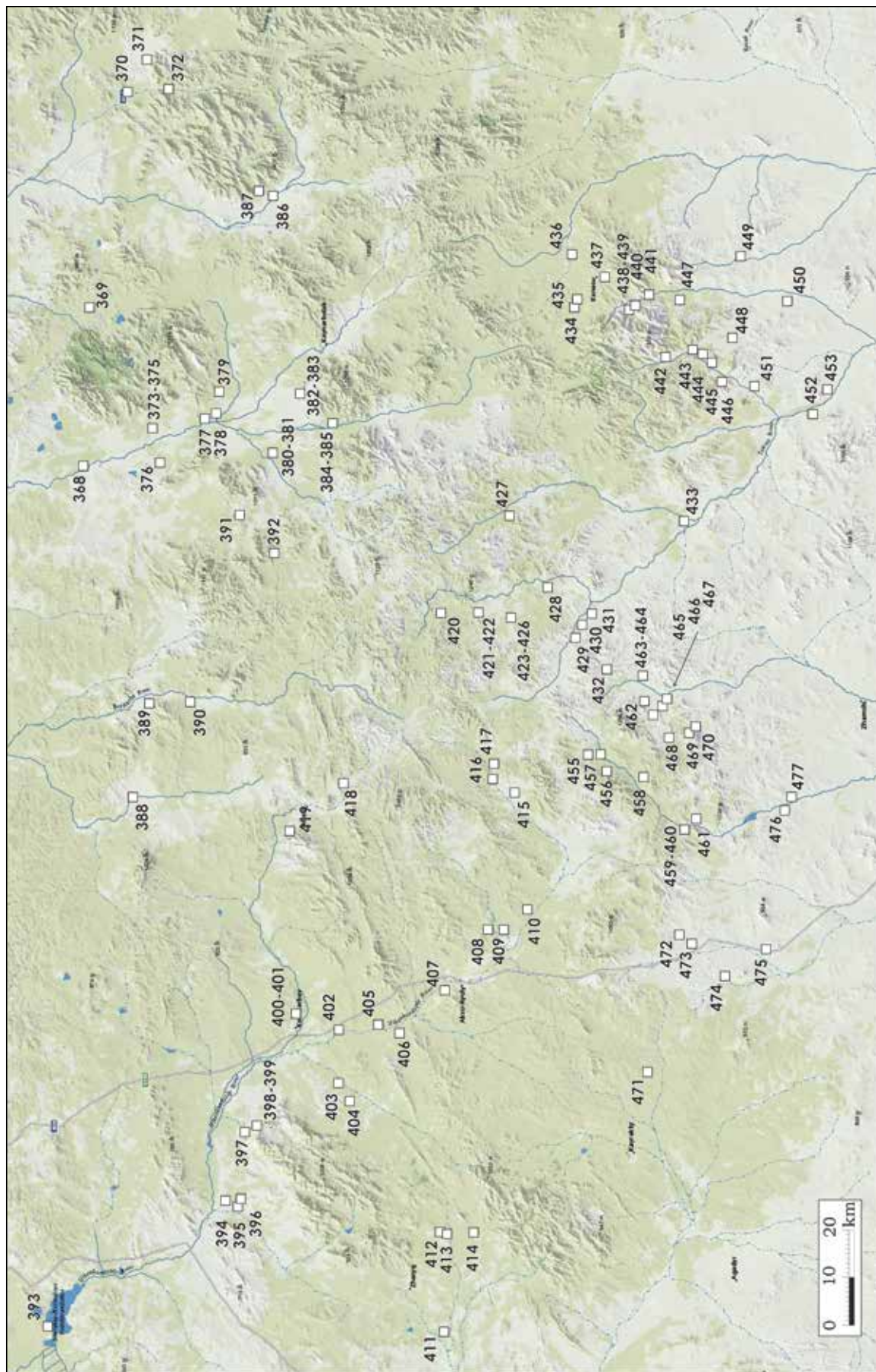


Рис. 6. Курганы с «усами» Казахского нагорья (см. табл. 1)  
Fig. 6. Kurgans with "moustache" of the Kazakh highlands (see table 1)

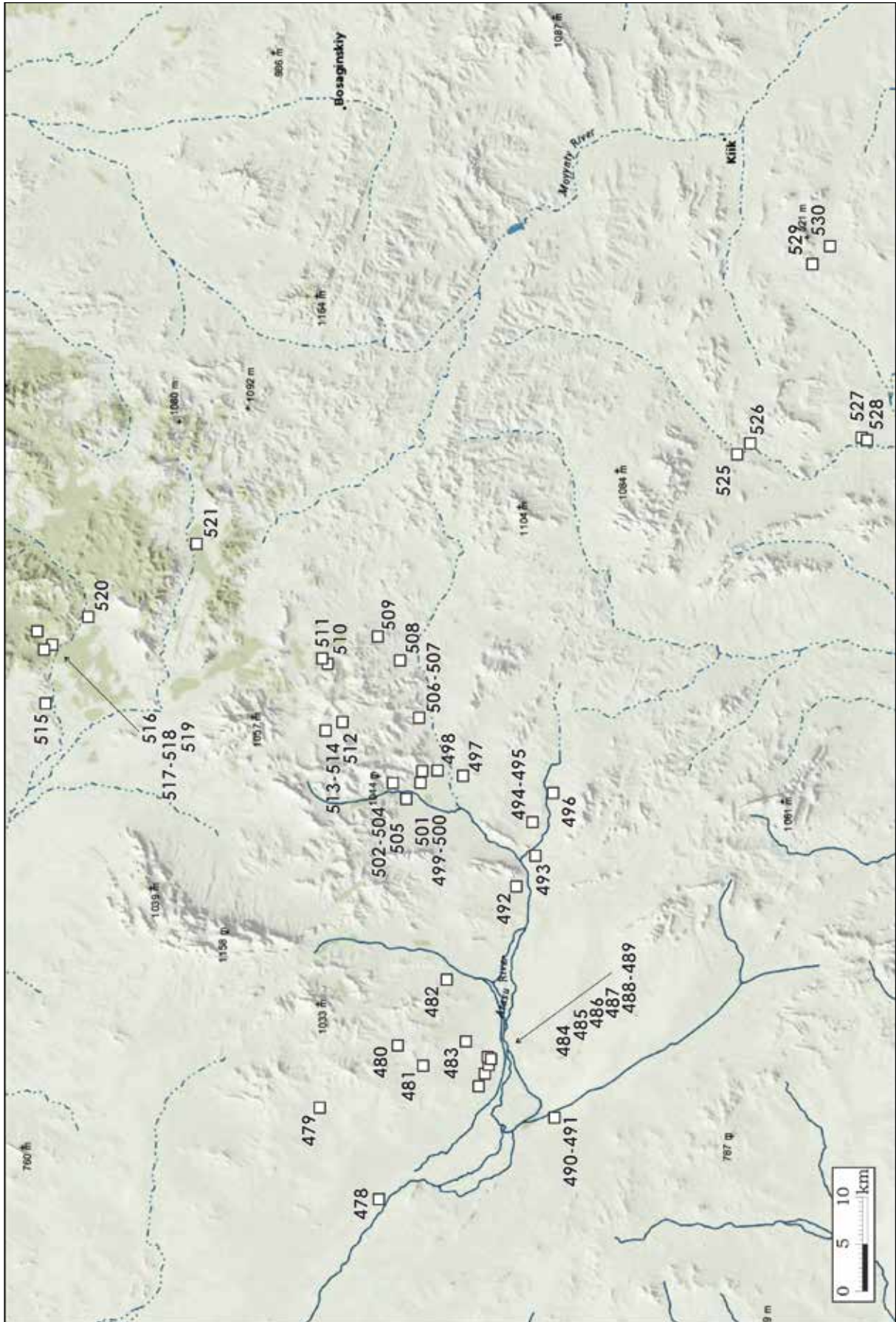


Рис. 7. Курганы с «кусами» бассейна р. Атасу (см. табл. 1) / Fig. 7. Kurgans with "moustache" of the Atasu river basin (see table 1)

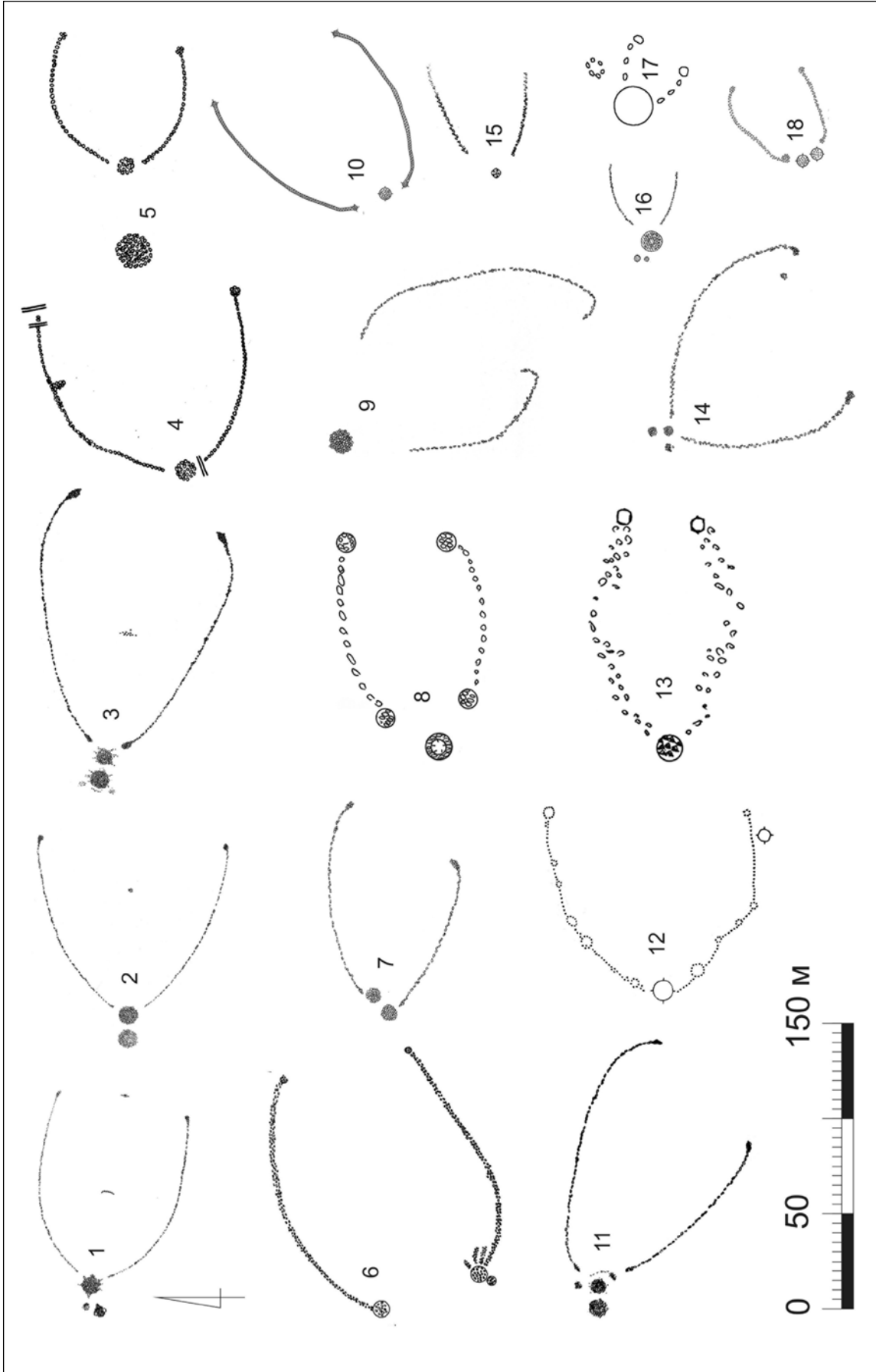


Рис. 8. Курганы с «усами» Мугоджар (II). 1: Бала-Талдык; 2: Мийлысай; 3: Шийлысай; 4: Усуп I, курган 2; 5: Усуп I, курган 2; 6: Кайракты II; 7: Кайракты II; 8: Казанган I; 9: Мильяша; 10: Кайракты; 11: Табылысай; 12: Донгелексор IV; 13: Шолаккайракты III; 14: Шулдак; 15: Медес; 16: Каргалы II; 17: Мамыт I; 18: Тикаша III

Fig. 8. Kurgans with "moustache" of the Mugojar (II). 1: Bala-Taldyk; 2: Mijlyсай; 3: Shylyсай; 4: Usup I, kurgan 2; 5: Usup I, kurgan 2; 6: Kairakty II; 7: Kairakty II; 8: Kazangar I; 9: Mityasha; 10: Kairakty; 11: Tabylgysai; 12: Dongeleksor IV; 13: Sholakkairakty III; 14: Shuldak; 15: Medes; 16: Kargaly II; 17: Mamyt I; 18: Tikasha III



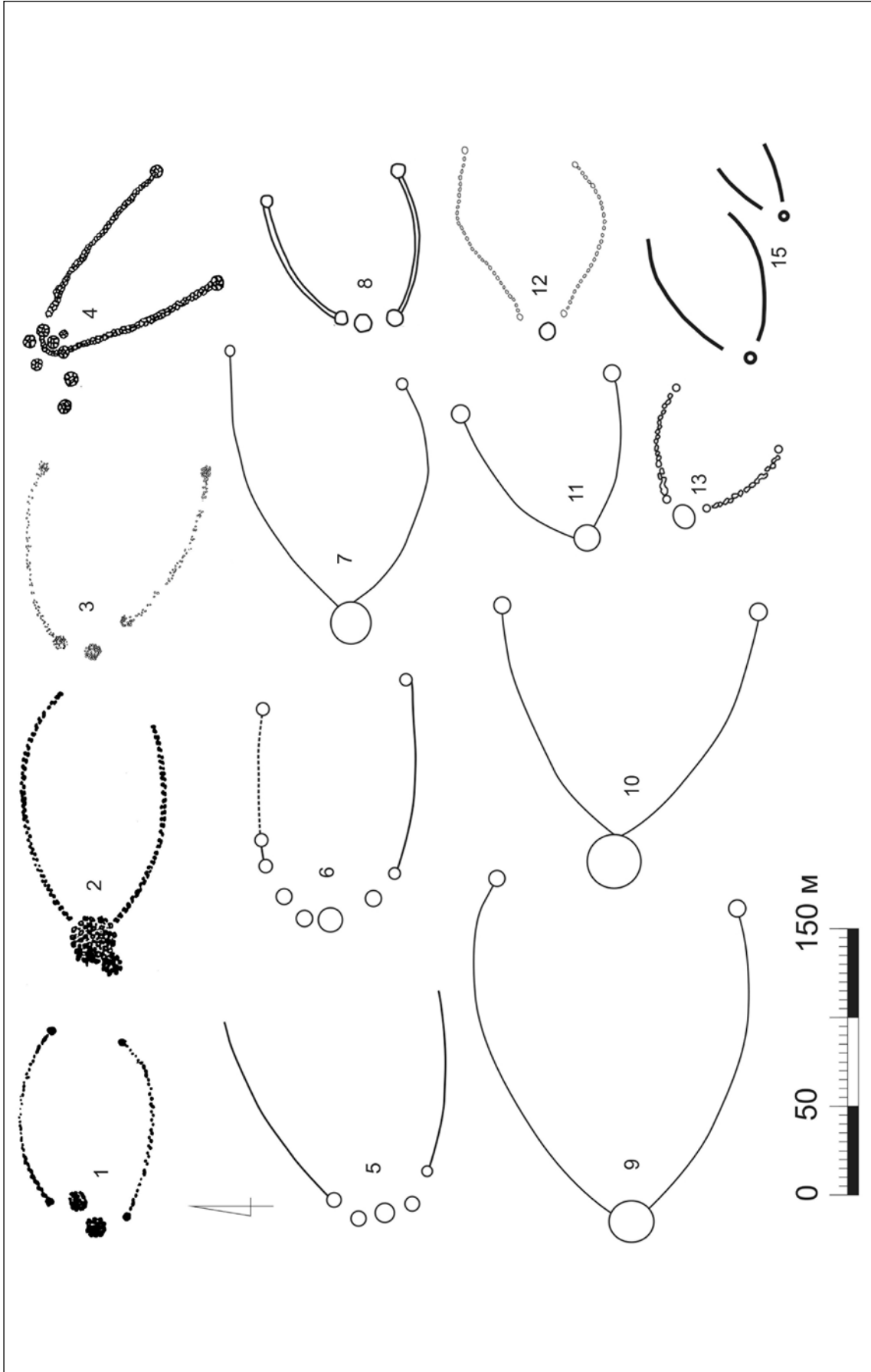


Рис. 9. Курганы с «усами» Тургая и Улытау (III). 1: Орезайр; 2: Тогыбайкул; 3: Джанайдар; 4: Батыр-Булак; 5: Аццтасты 15, курган 4; 6: Аццтасты 15, курган 3; 7: Аццтасты 25, курган 1; 8: Шойндыколь; 9: Аццтасты 26; курган 2; 10: Аццтасты 26, курган 14; 11: Аццтасты 26, курган 1; 12: Саба II; 13: Аццтасты 24; 15: Костам, курганы 10, 11

Fig. 9. Kurgans with "moustache" of the Ulytau and Turgay (III). 1: Orezair; 2: Togyzbaikul; 3: Džhanajdar; 4: Batur-Bulak; 5: Ashhitasty 15, kurgan 4; 6: Ashhitasty 15, kurgan 3; 7: Ashhitasty 25, kurgan 1; 8: Shoiyndykol; 9: Ashhitasty 26, kurgan 14; 10: Ashhitasty 26, kurgan 1; 11: Ashhitasty 26, kurgan 1; 12: Saba II; 13: Kostam, kurgany 10, 11

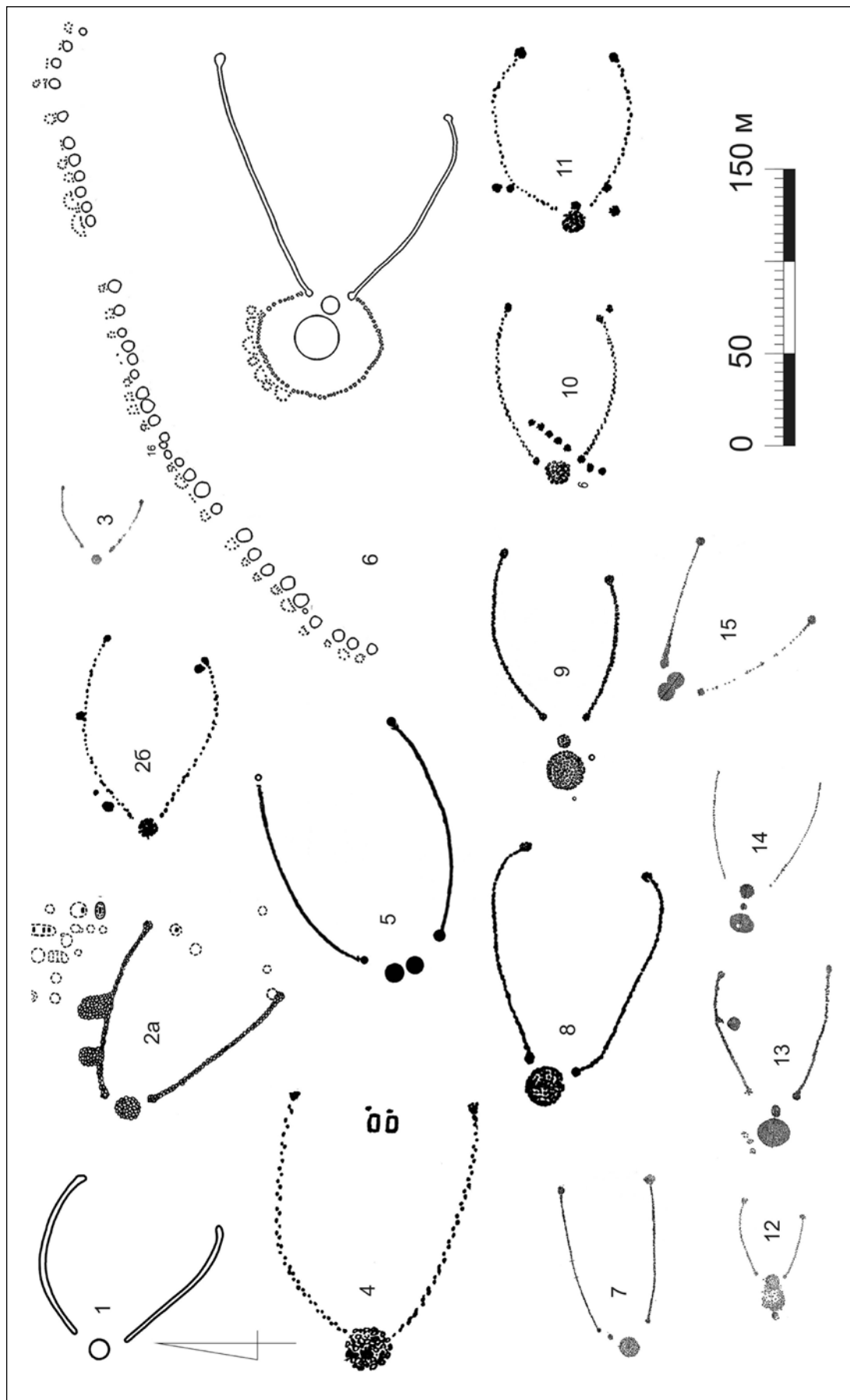


Рис. 10. Курганы с «усами» Центрального Казахстана (V). 1: Дандыбай; 2 (а, б): Былдыдак, курган 56; 3: Егиз-Койтас, курган 4; 4: Верховья р. Токраун, в горах Безазы; 5: Егиз-Койтас, курган 5; 6: 37 воинов; 7: Канаттас; 8: Кара-Бие, курган 1; 9: Кара-Бие, курган 15; 10: урочище Былдыдак; 11: Толагай; 12: Елышбек; 13: Сангуыр II, курган I; 14: Сангуыр II, курган 2; 14: Сангуыр II, курган 3

Fig. 10. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan (V). 1: Dandybai; 2 (a, b): Bylyldak, kurgan 56; 3: Egiz-Kojtas, kurgan 4; 4: In the upper reaches of the Tokraun-river, in the Begazy mountains; 5: Egiz-Kojtas, kurgan 56; 6: 37 voinov; 7: Kanattas; 8: Kara-Bie, kurgan 1; 9: Kara-Bie, kurgan 15; 10: The tract Bylyldak; 11: Tolagai; 12: El'shibek; 13: Sanguyr II, kurgan 1; 14: Sanguyr II, kurgan 2; 14: Sanguyr II, kurgan 3

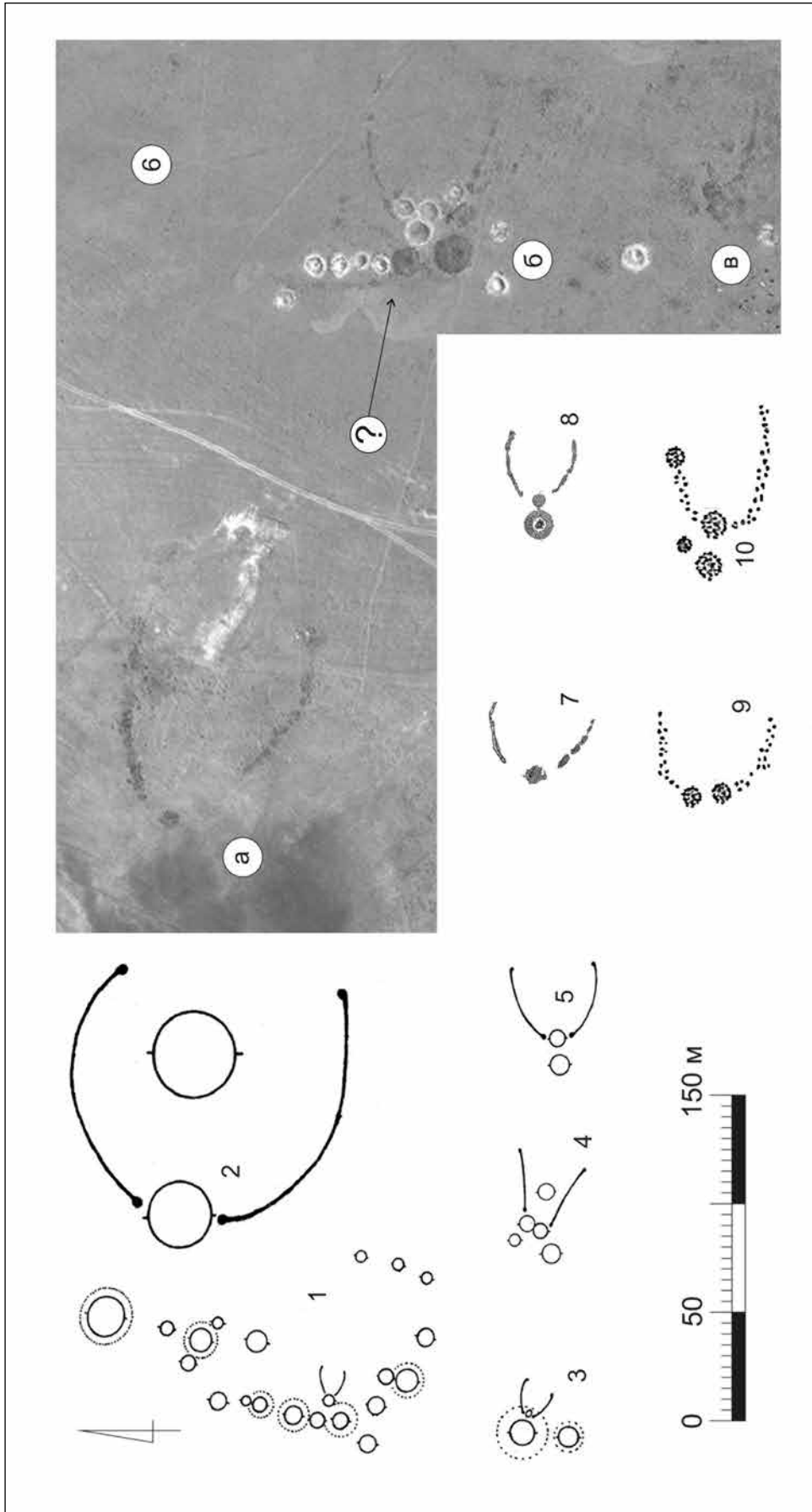


Рис. 11. Курганы с «усами» Восточного Казахстана (VI). 1: Жиланды-2; 2: Шалкак; 3: Байгали-4; 4: Сок-2; 5: Сылтас; 6 (а, б, в, «?»): Кызылтас; 7: Зевакино, курган 3; 8: Кызылтас, курган 1; 9: Зевакино, курган 1; 10: Зевакино, курган 2

Fig. 11. Kurgans with "moustache" of the East Kazakhstan (VI). 1: Zhilandy-2; 2: Shalkak; 3: Baigali-4; 4: Sok-2; 5: Syntas; 6 (a, b, v, «?»): Kuzyltas; 7: Zevakino, kurgan 3; 8: Kuzyltas, kurgan 1; 9: Zevakino, kurgan 1; 10: Zevakino, kurgan 2

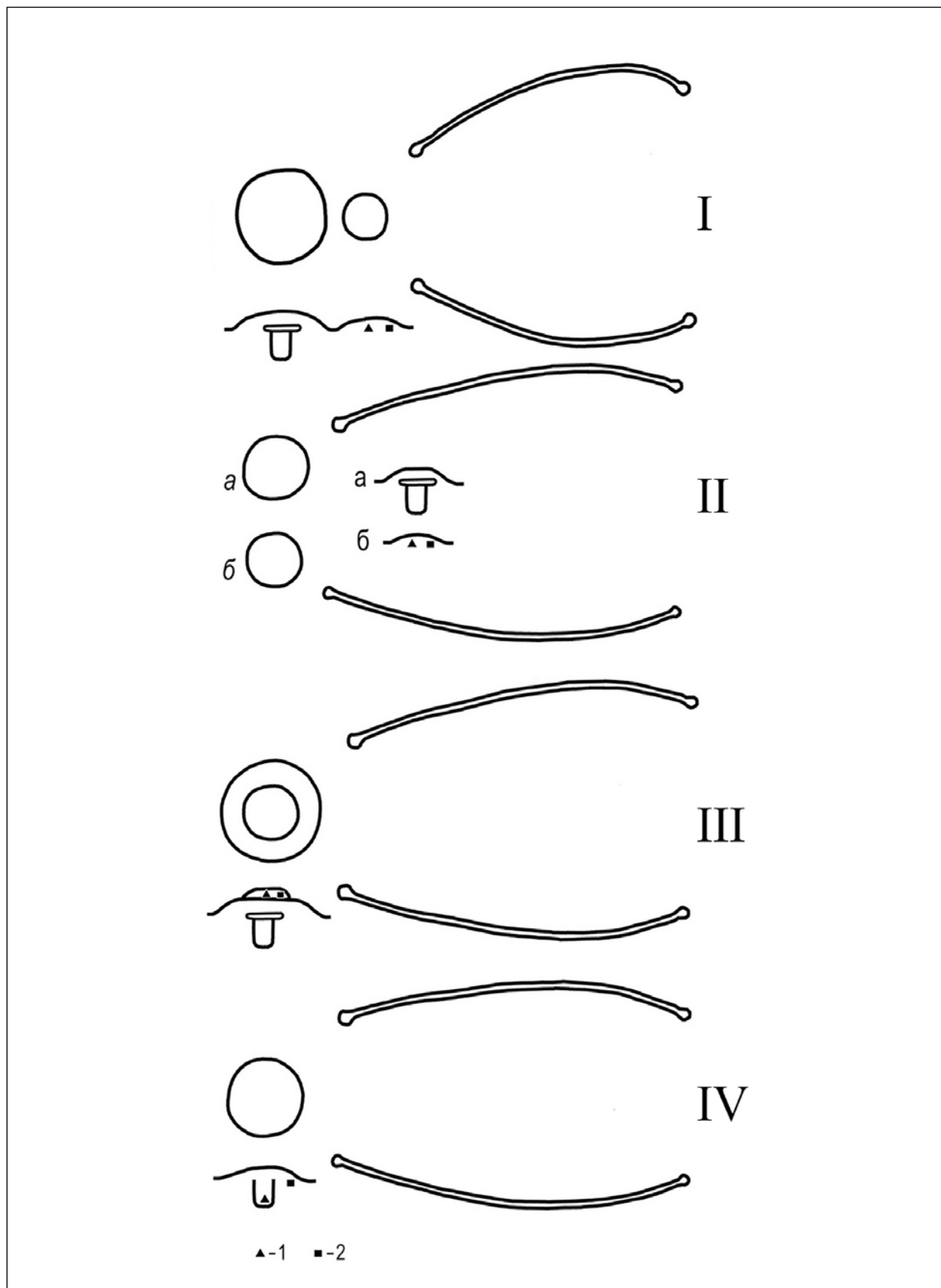


Рис. 12. Типология курганов с «усами» М. К. Кадырбаева (КАДЫРБАЕВ 1966)  
 Fig. 12. Typology of kurgans with "moustache" by Mir K. Kadyrbayev (KADYRBAEV 1966)

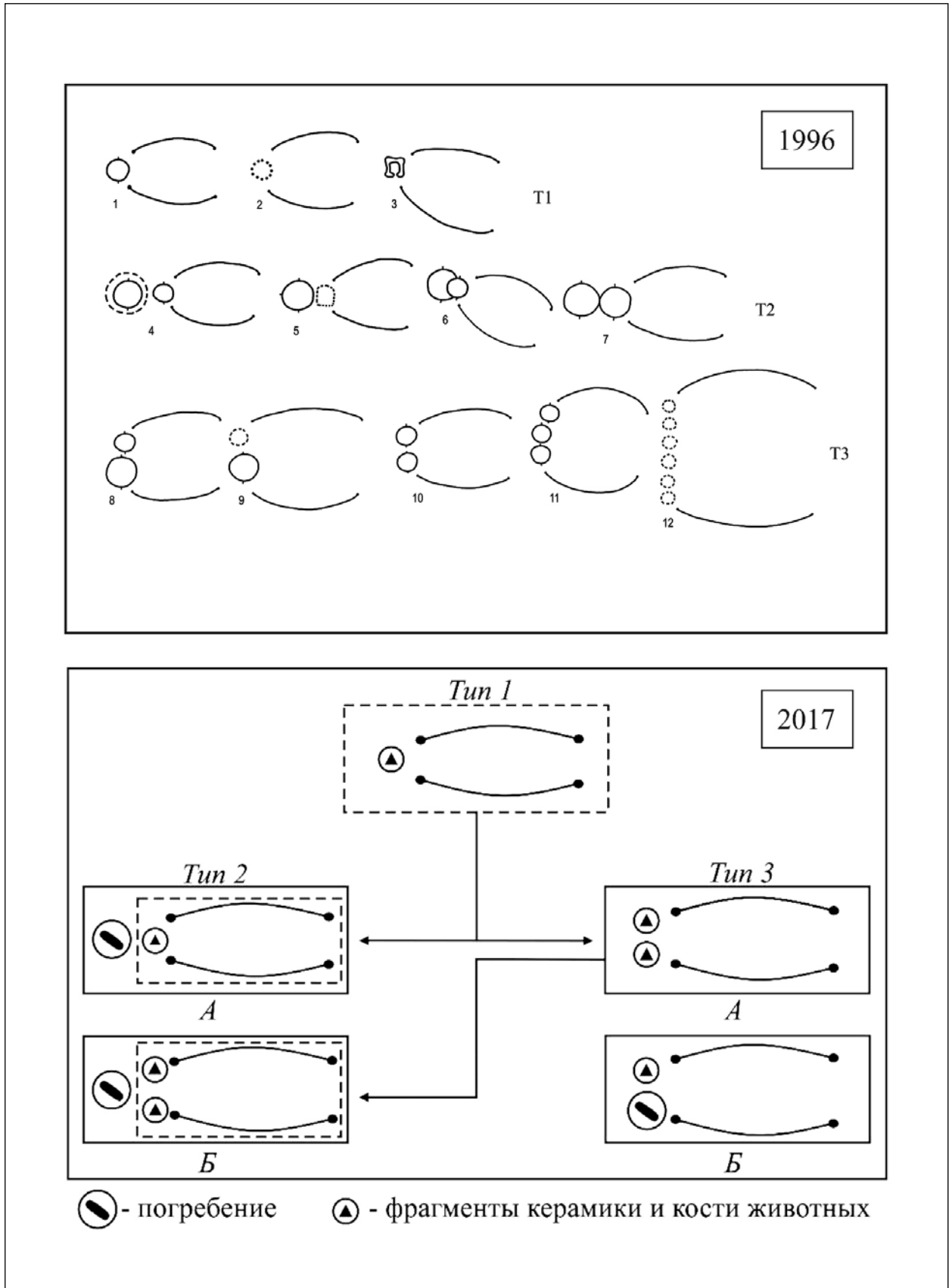


Рис. 13. Типология курганов с «усами» А. З. Бейсенова 1996 и 2017 гг. (Бейсенов 1996; Бейсенов 2017)  
 Fig. 13. Typology of kurgans with "moustache" by Arman Z. Beisenov 1996 and 2017 (BEISENOV 1996; BEISENOV 2017)

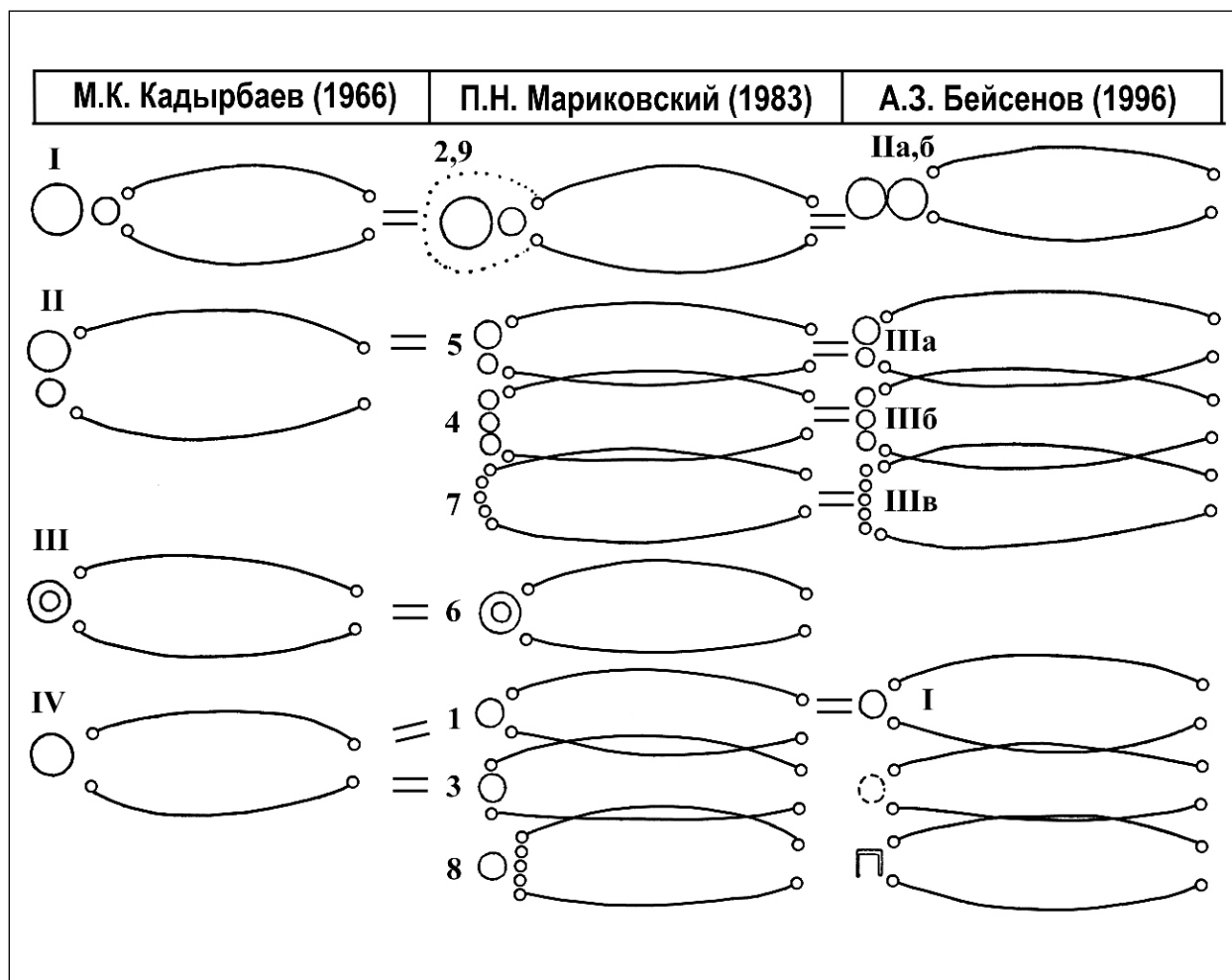


Рис. 14. Сравнительный анализ типологических схем М. К. Кадырбаева, П. Н. Мариковского и А. З. Бейсенова (Любчанский 1998; Любчанский 2006)

Fig. 14. Comparative analysis of typologies of Mir K. Kadyrbayev, Pavel N. Markovsky and Arman Z. Beisenov (LYUBCHANSKII 1998; LYUBCHANSKII 2006)

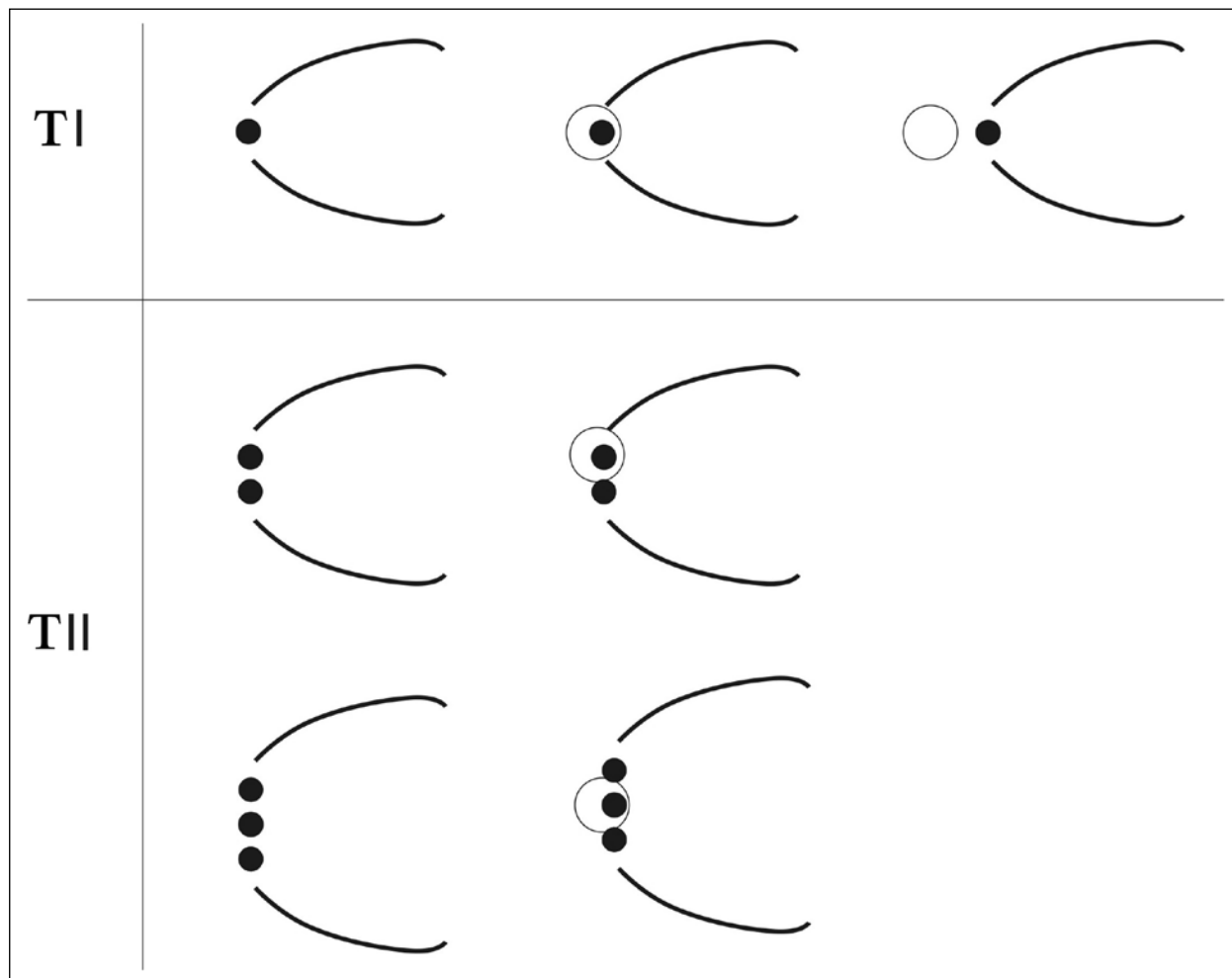


Рис. 15. Типология курганов с «усами» С. Г. Боталова (БОТАЛОВ 2000)  
Fig. 15. Typology of kurgans with "moustache" by Sergei G. Botalov (BOTALOV 2000)

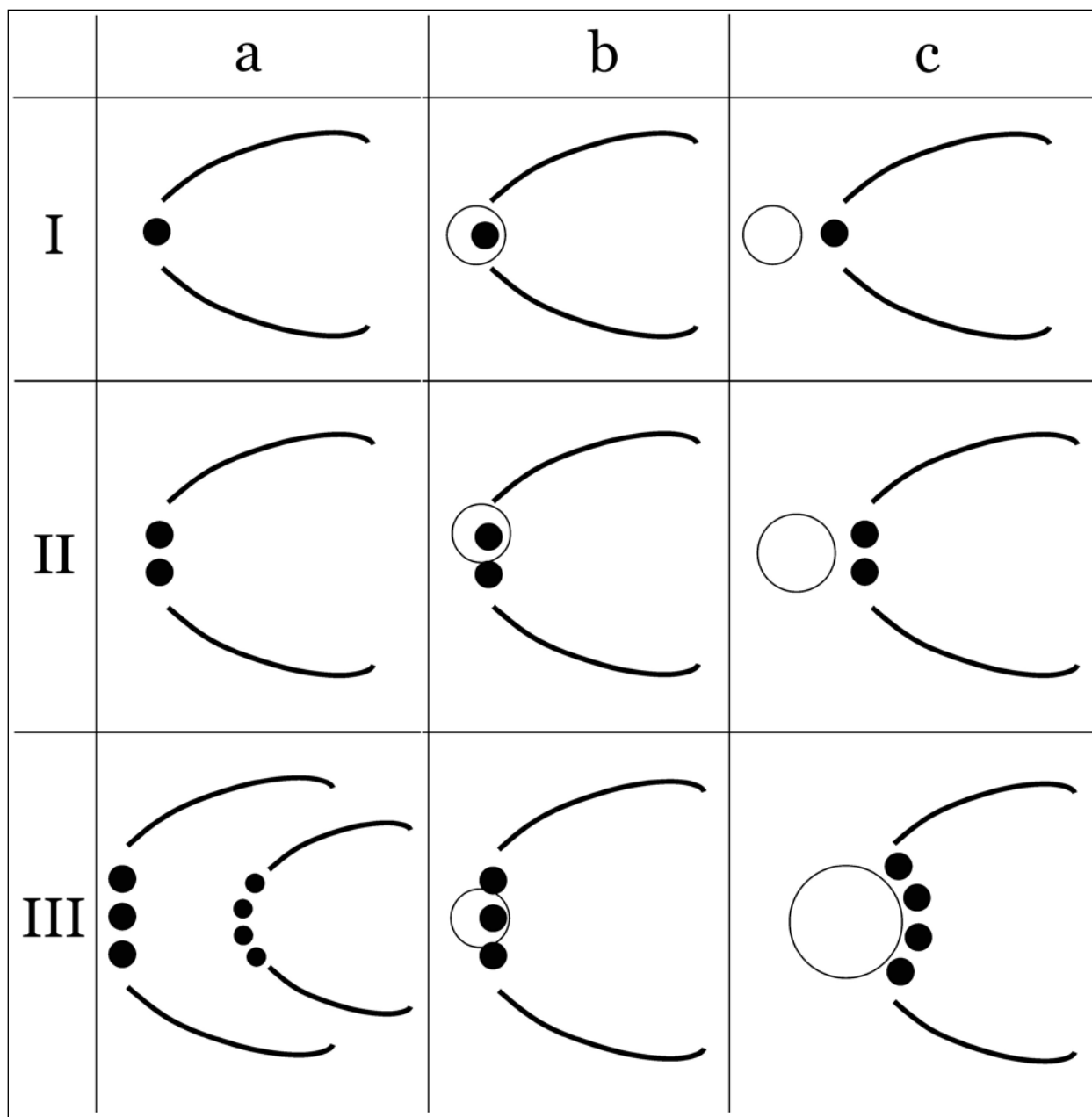


Рис. 16. Типология курганов с «усами» И. В. Грудочко  
 Fig. 16. Typology of kurgans with "moustache" by Ivan V. Grudochko



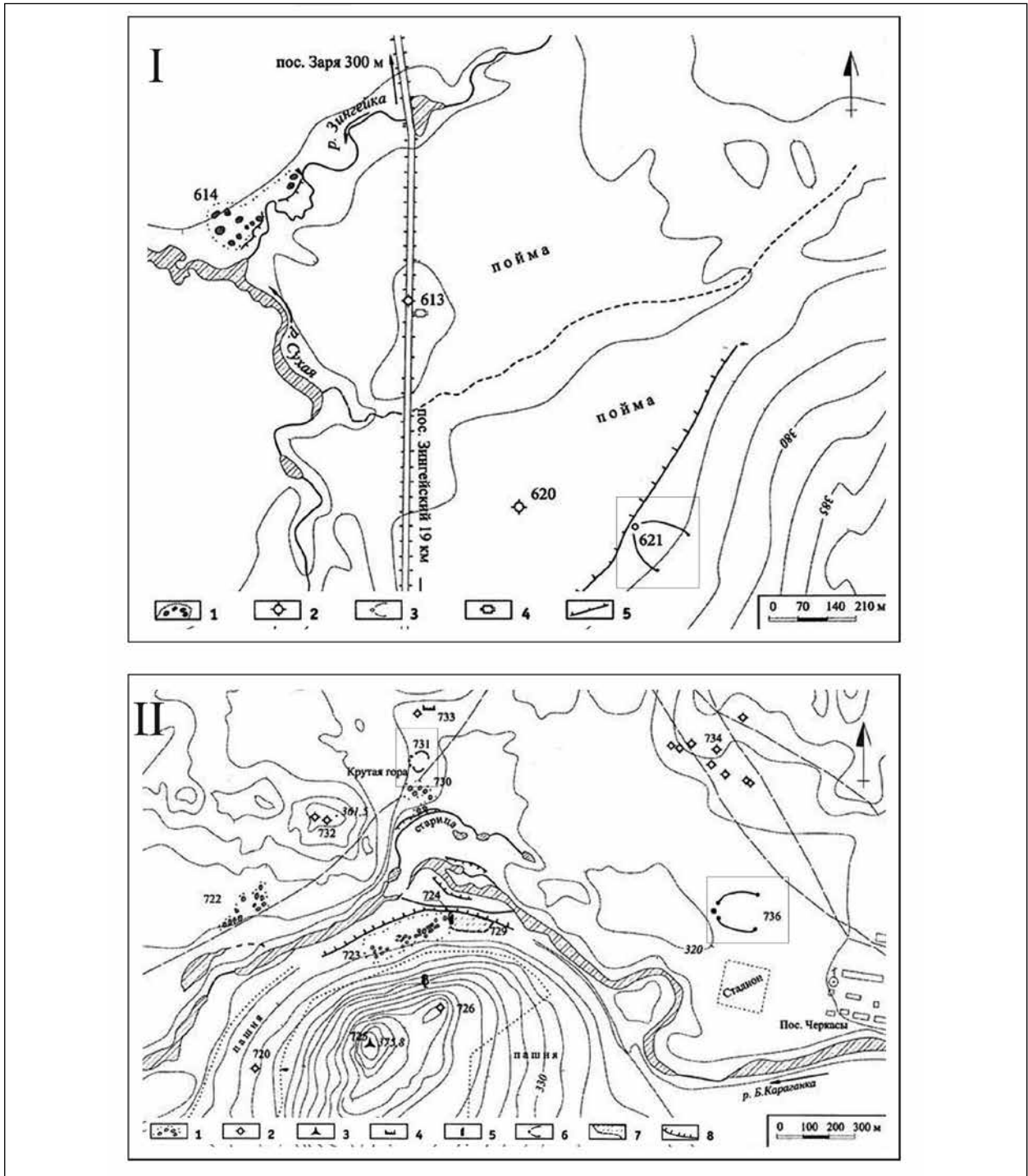


Рис. 17. Курганы с «усами» Южного Зауралья. I: План расположения археологических памятников в долине р. Зингейка; 621: Заря [45 – здесь и далее номер в квадратных скобках соответствует номеру по каталогу из табл. 1]; II: План расположения археологических памятников на р. Большая Караганка в районе пос. Черкасы; 731: Крутая Гора [63]; 736: Черкасы [64]; 1: Неукрепленное поселение эпохи бронзы; 2: Курганы; 3: Трехлучевая каменная выкладка; 4: Аллея менгиров; 5: Менгир; 7: Площадка находок каменного века; 8: Бровка надпойменной террасы (Зданович и др. 2003)

Fig. 17. Kurgans with “moustache” of the Southern Trans-Urals. I: Location plan of archaeological sites in the Valley of Zingeika River. 621: Zarya [45 – here and further, the number in square brackets corresponds to the catalog number from table 1]; II: Plan of the location of archaeological monuments on the Bolshaya Karaganka river near the village of Cherkassy; 731: Kru-taya Gora [63]; 736: Cherkassy [64]; 1: Unprotected settlement of the Bronze Age; 2: Mounds; 3: Three-beam stone laying; 4: Menhir alley; 5: Menhir; 7: Site of finds of the stone age; 8: Edge of the above-floodplain terrace (Zdanovich et al. 2003)

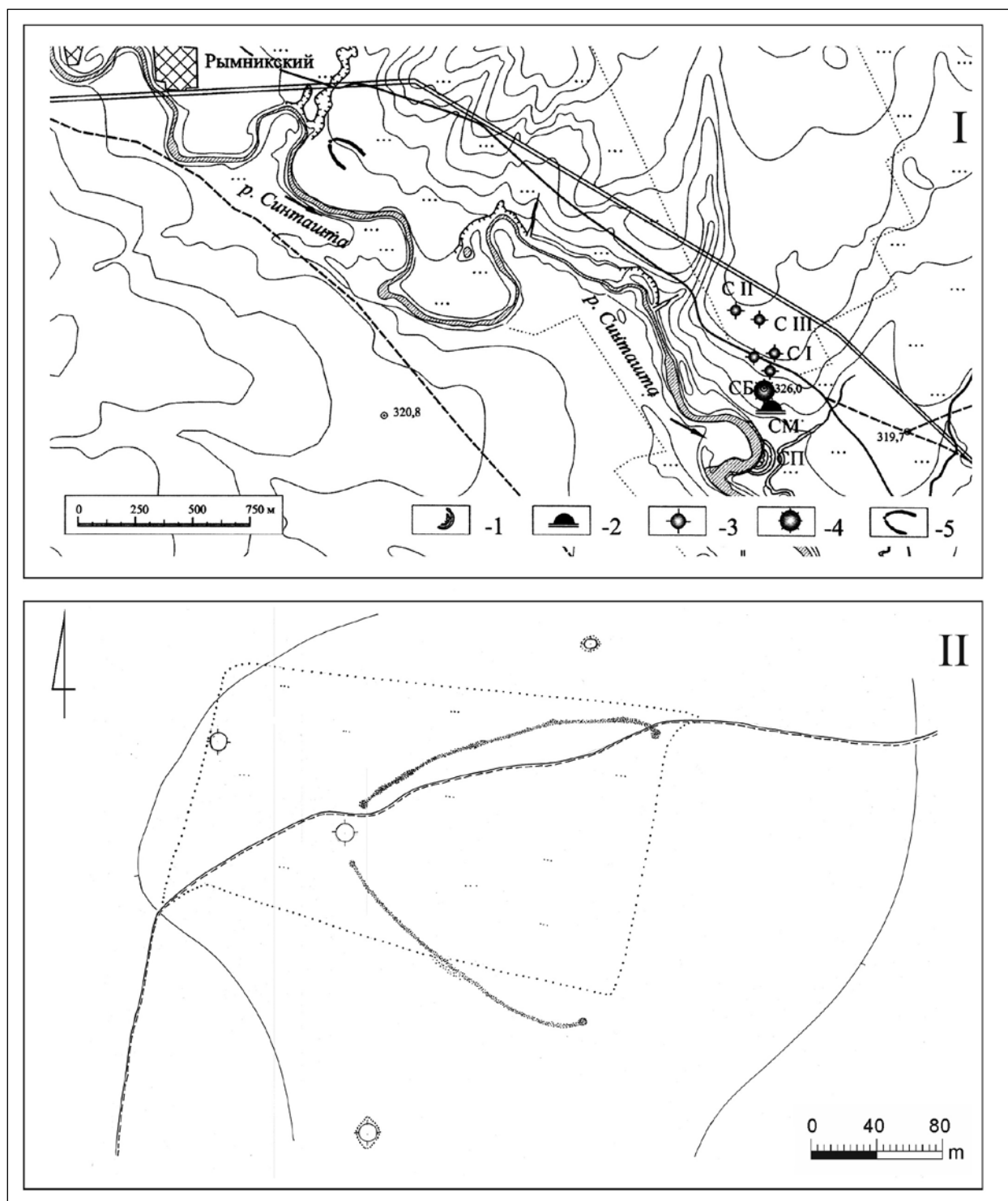


Рис. 18. Курганы с «усами» Южного Зауралья. I: Археологические памятники на р. Синташта (Сынтасты); I: Укрепленное поселение Синташтинское; 2: Грунтовый могильник Синташта; 3: Грунтовые и подкурганные захоронения; 4: Большой Синташтинский курган; 5: Курган с «усами» Рымникский [36]; II: Курганная группа Суходол [21] (Зданович–Батанина 2007; Боталов 2009)

Fig. 18. Kurgans with "moustache" of the Southern Trans-Urals. I: Archaeological sites on the Sintashta River (Syntasti); I: Fortified settlement Sintashtinskoe; 2: Sintashta underground burial ground; 3: Underground and underground burial sites; 4: Big Sintashta mound; 5: Kurgans with "moustache" Rymniksky [36]; II: Sukhodol kurgan group [21] (Zdanovich–Bataniina 2007; Botalov 2009)



Рис. 19. Курганы с «усами» Южного Зауралья. Археологический комплекс в устье р. Солончанка. 1: Курган с «усами» Солончанка I [69]; 2: Укрепленное поселение Аландское; 3: Курганная группа Солончанка II; 4: Курганный могильник Солончанка III; 5: Развалины хутора конца XIX – начала XX вв. (Любчанский–Тайров 1999)

Fig. 19. Kurgans with "moustache" of the Southern Trans-Urals. Archaeological site at the mouth of the river Solonchanka. 1: Kurgan with "moustache" Solonchanka I [69]; 2: Fortified settlement of Aland; 3: Barrow group Solonchanka II; 4: Barrow burial ground Solonchanka III; 5: Ruins of a farm in the late XIX – early XX centuries (LYUBCHANSKII–TAIROV 1999)

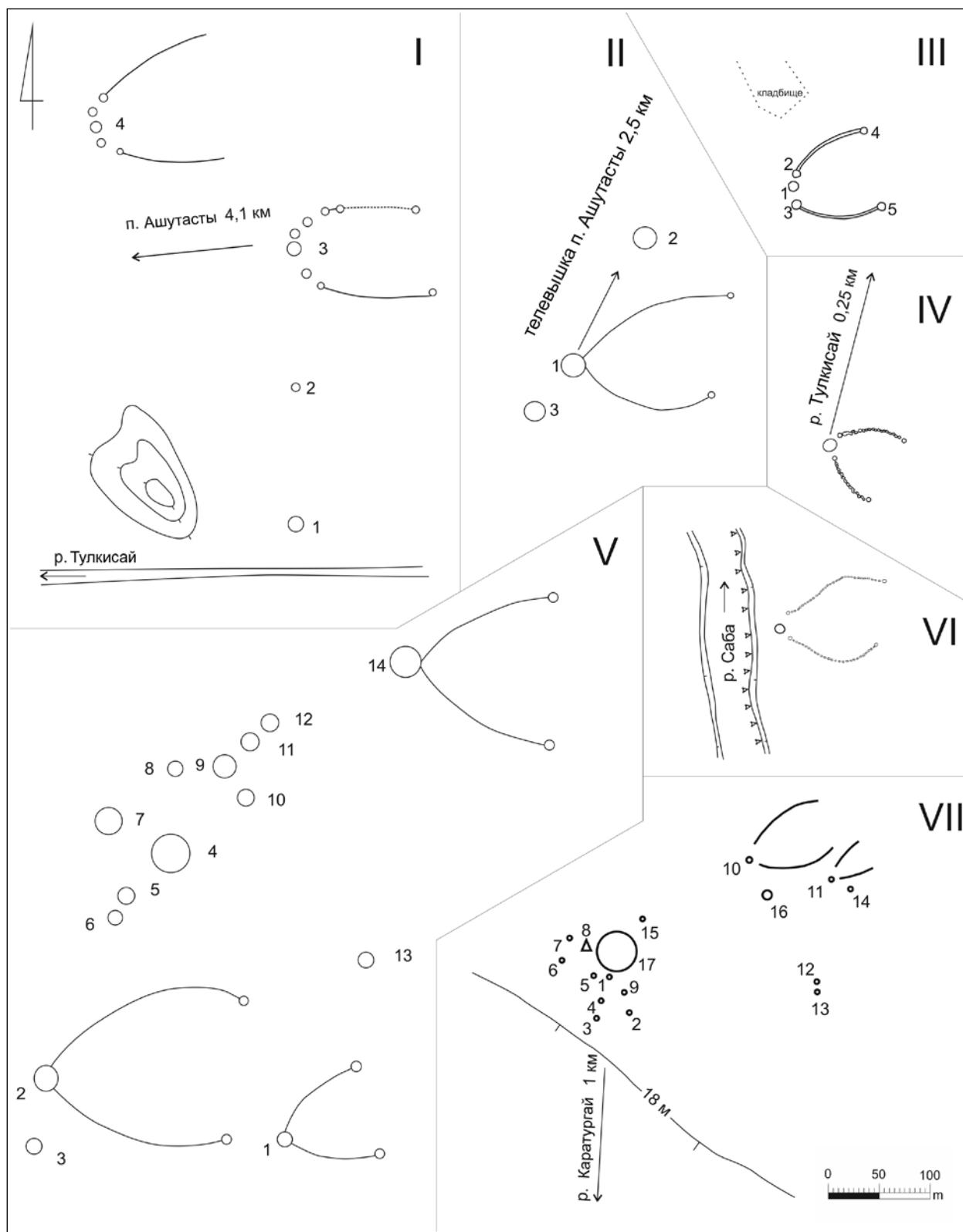


Рис. 20. Курганы с «усами» бассейна р. Тургай, Кара-Тургай. I: Ащитасты 15 [205–206]; II: Ащитасты 25 [204]; III: Шойындыколь [132]; IV: Ащитасты 24 [207]; V: Ащитасты 26 [201–203]; VI: Саба II [177]; VII: Костам [166–167] (БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017)

Fig. 20. Kurgans with "moustache" of the Turgay and Kara-Turgai rivers. I: Ashhitasty 15 [205–206]; II: Ashhitasty 25 [204]; III: Shoiyndykol' [132]; IV: Ashhitasty 24 [207]; V: Ashhitasty 26 [201–203]; VI: Saba II [177]; VII: Kostam [166–167] (BEISENOV ET AL. 2017)

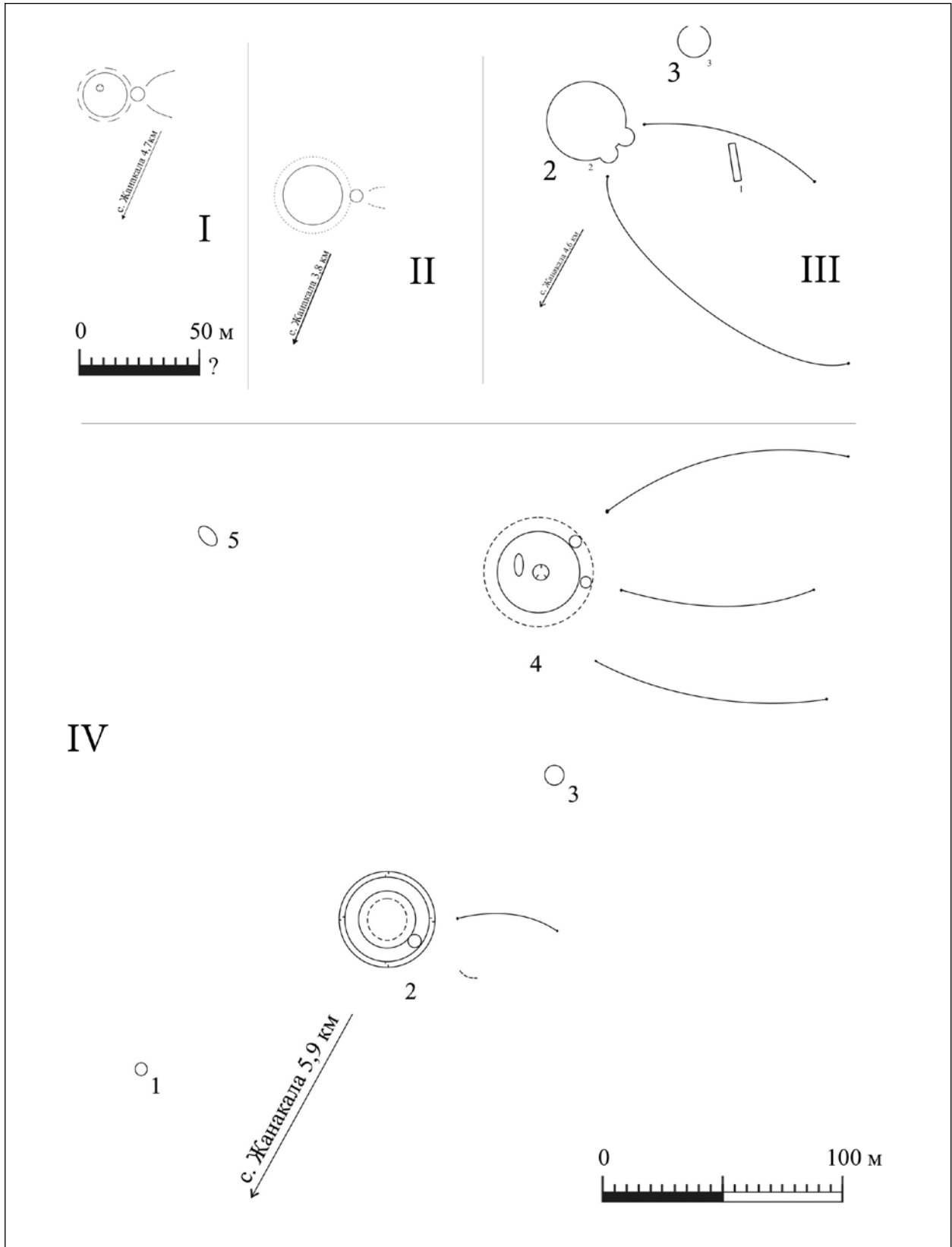


Рис. 21. Курганы с «усами» в бассейне р. Тургай, Кара-Тургай. I: Каратургай 1 [172]; II: Каратургай 2 [174]; III: Каратургай 4 [175]; IV: Каратургай 5 [169–171] (БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ 2017)  
 Fig. 21. Kurgans with “moustache” of the Turgay and Kara-Turgaj rivers. I: Karaturgai 1 [172]; II: Karaturgai 2 [174]; III: Karaturgai 4 [175]; IV: Karaturgai 5 [169–171] (BEISENOV ET AL. 2017; CULTURE OF THE POPULATION OF TURGAJ 2017)

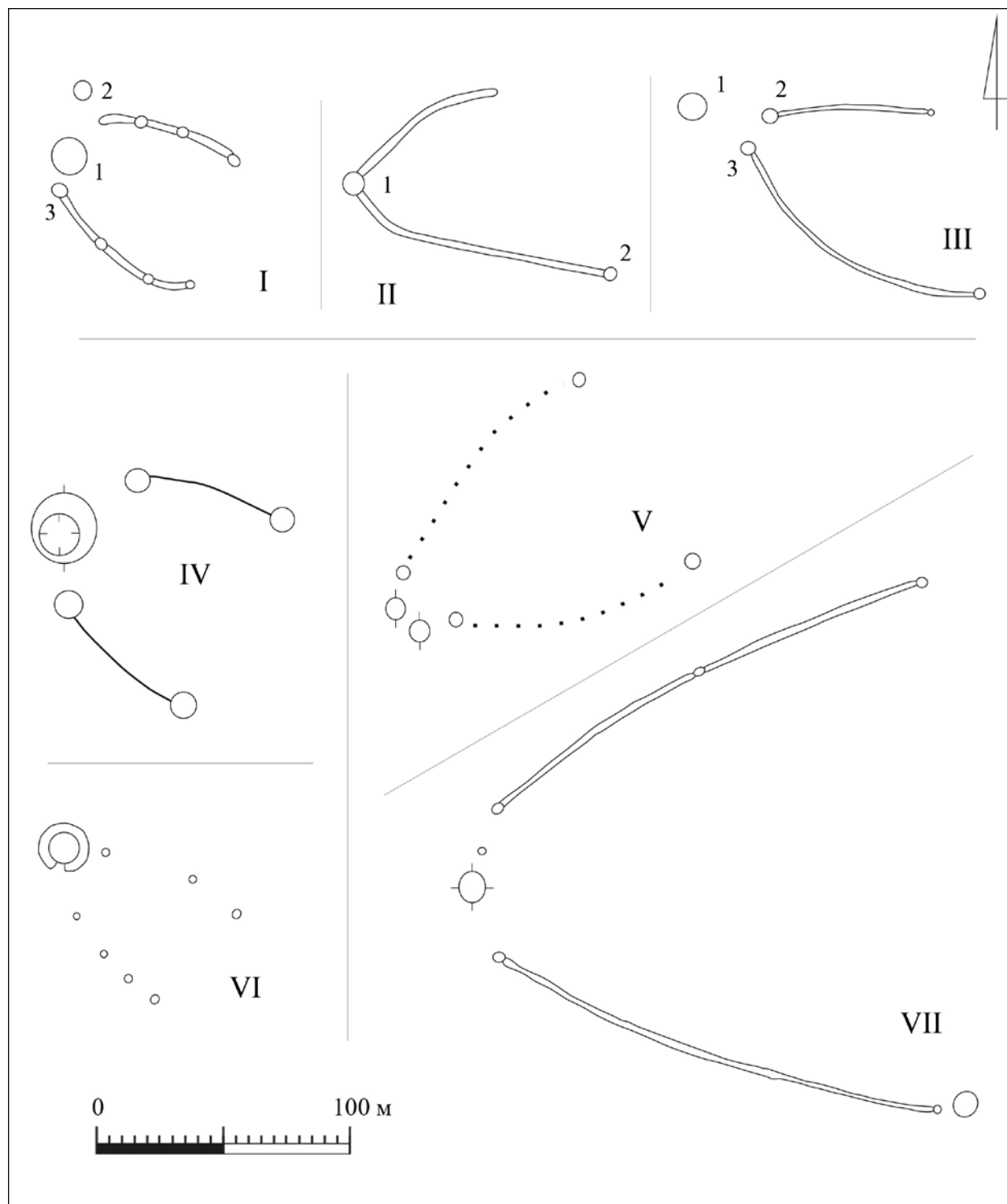


Рис. 22. Курганы с «усами» бассейна р. Тургай, Кара-Тургай. I: Кулик 4 [150]; II: Кулик 17 [159]; III: Кызыл Жұлдыз 3 [160]; IV: Есенгабул-Булак [218]; V: Екидин 34 [179]; VI: Маятас 8 [194]; VII: Кулик 12 [157] (БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ 2017)

Fig. 22. Kurgans with "moustache" of the Turgay and Kara-Turgai rivers. I: Kulik 4 [150]; II: Kulik 17 [159]; III: Kyzyl Zhuldyz 3 [160]; IV: Esengabul-Bulak [218]; V: Ekidin 34 [179]; VI: Mayatas 8 [194]; VII: Kulik 12 [157] (BEISENOV ET AL. 2017; CULTURE OF THE POPULATION OF TURGAJ 2017)

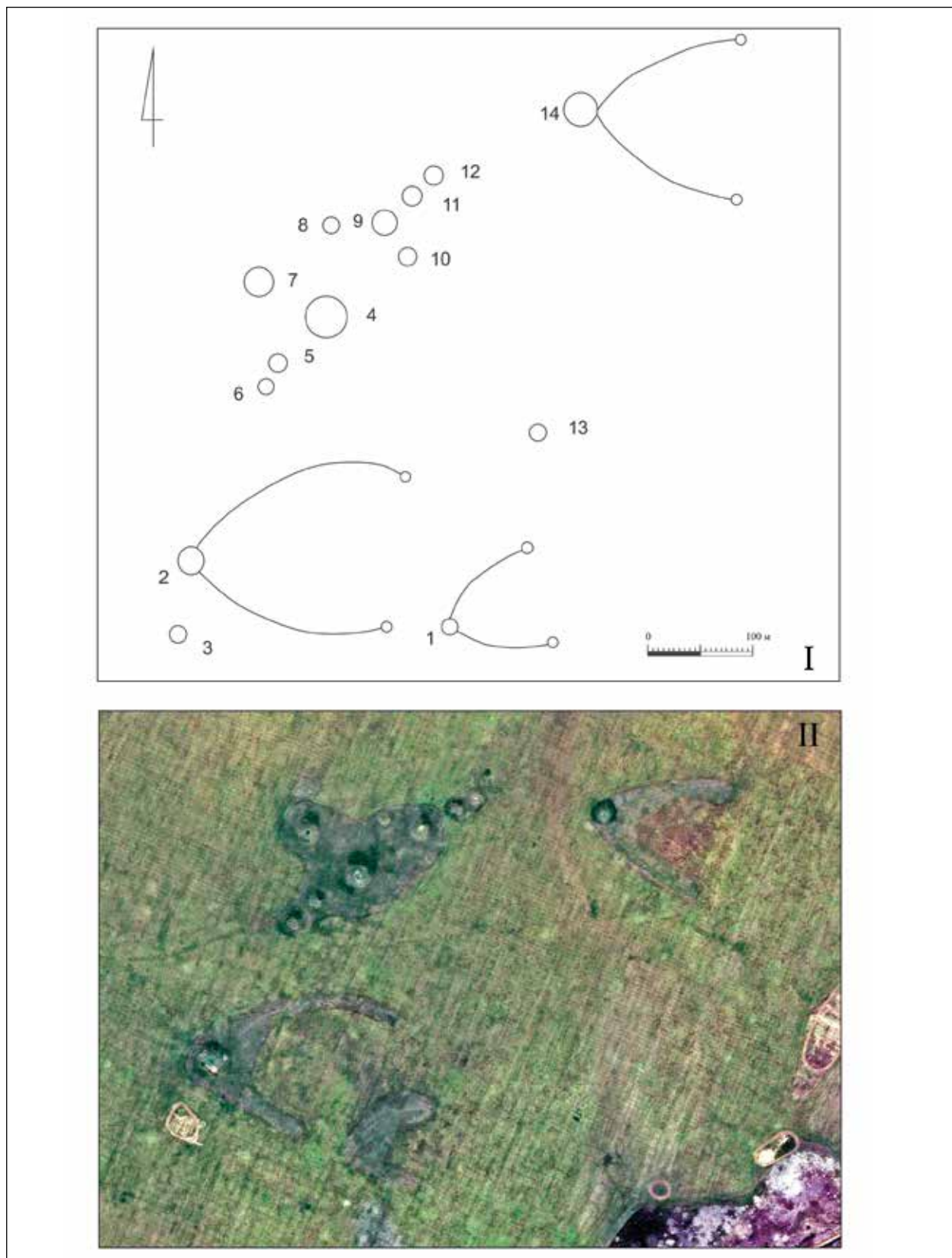


Рис. 23. Могильник Ащитасты 26 [201–203]. I: План 1992 г. (Бейсенов и др. 2017; Культура населения Тургая 2017); II: Современное состояние по данным космоснимков

Fig. 23. Burial Asitaly 26 [201–203]. I: Scheme of 1992 (BEISENOV ET AL. 2017; CULTURE OF THE POPULATION OF TURGAY 2017); II: Current status according to satellite images

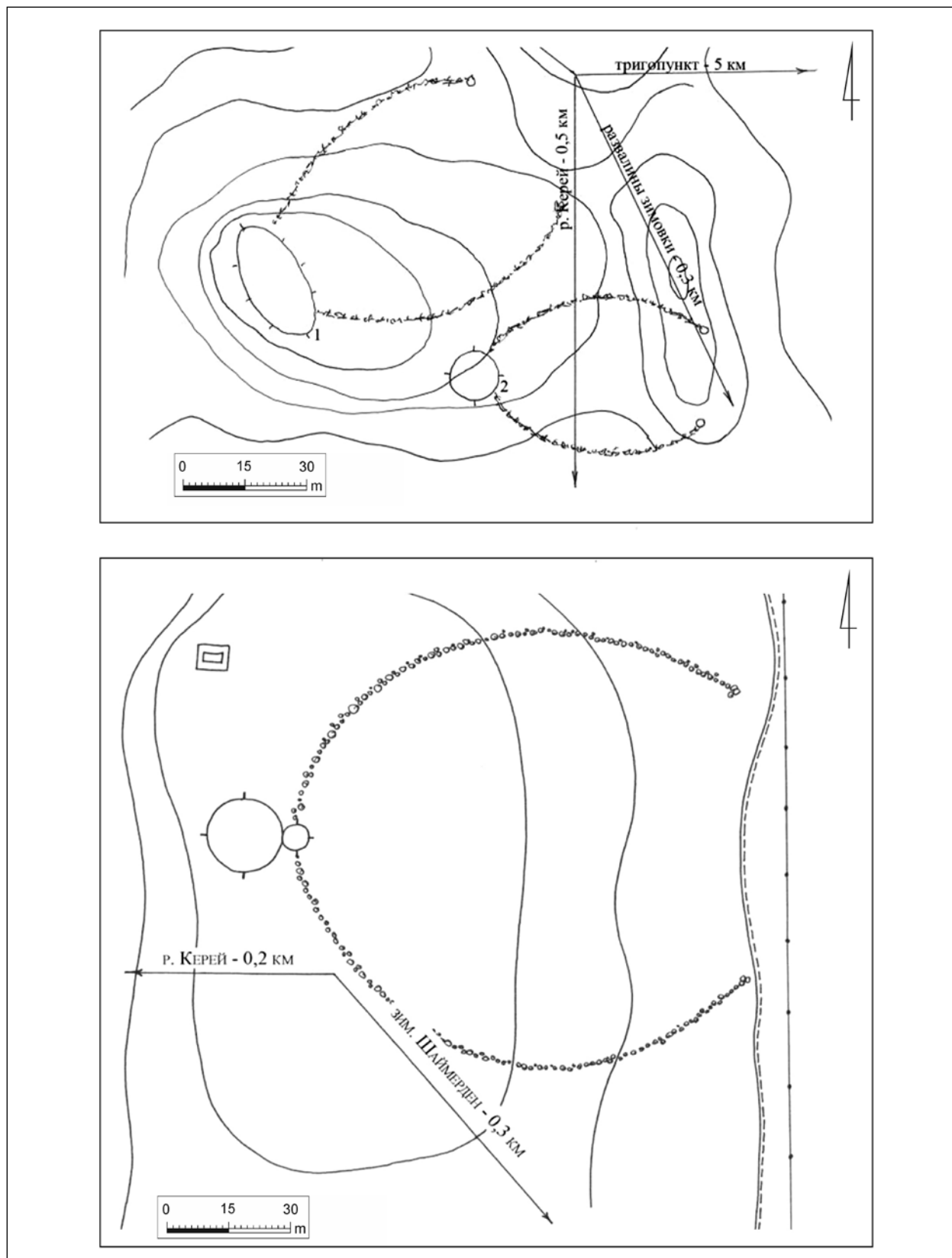


Рис. 24. Курганы с «усами» Нуринского района Карагандинской области. 1: Тур [229, 230]; 2: Шаймерден 1 [226] (КУКУШКИН И ДР. 2016)

Fig. 24. Kurgans with "moustache" of Nurinsky district of Karaganda region. 1: Tur [229, 230]; 2: Shaimerden 1 [226] (KUKUSHKIN ET AL. 2016)



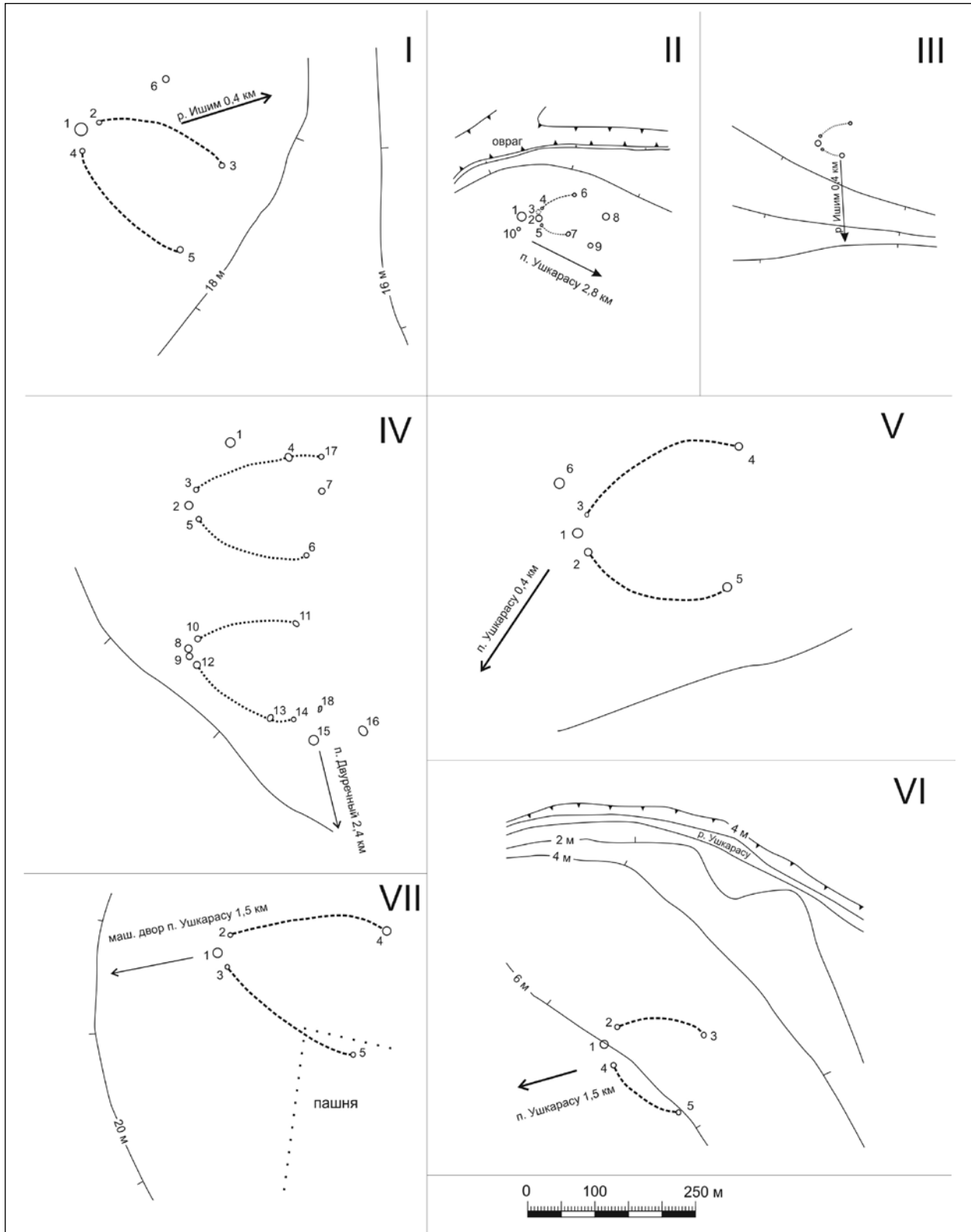


Рис. 25. Курганы с «усами» р. Ишим. I: Куркуруксай 4 [233]; II: Ушкарасу 3 [236]; III: Ушкарасу 9 [240]; IV: Ушкарасу 5 [234, 235]; V: Ушкарасу 11 [241]; VI: Ушкарасу 16 [242]; VII: Ушкарасу 15 [243] (БЕЙСЕНОВ И ДР. 2017; КУЛЬТУРА НАСЕЛЕНИЯ ТУРГАЯ 2017)

Fig. 25. Kurgans with "moustache" of the Ishim River. Kurkuruksai 4 [233]; II: Ushkarasu 3 [236]; III: Ushkarasu 9 [240]; IV: Ushkarasu 5 [234, 235]; V: Ushkarasu 11 [241]; VI: Ushkarasu 16 [242]; VII: Ushkarasu 15 [243] (BEISENOV ET AL. 2017; CULTURE OF THE POPULATION OF TURGAY 2017)

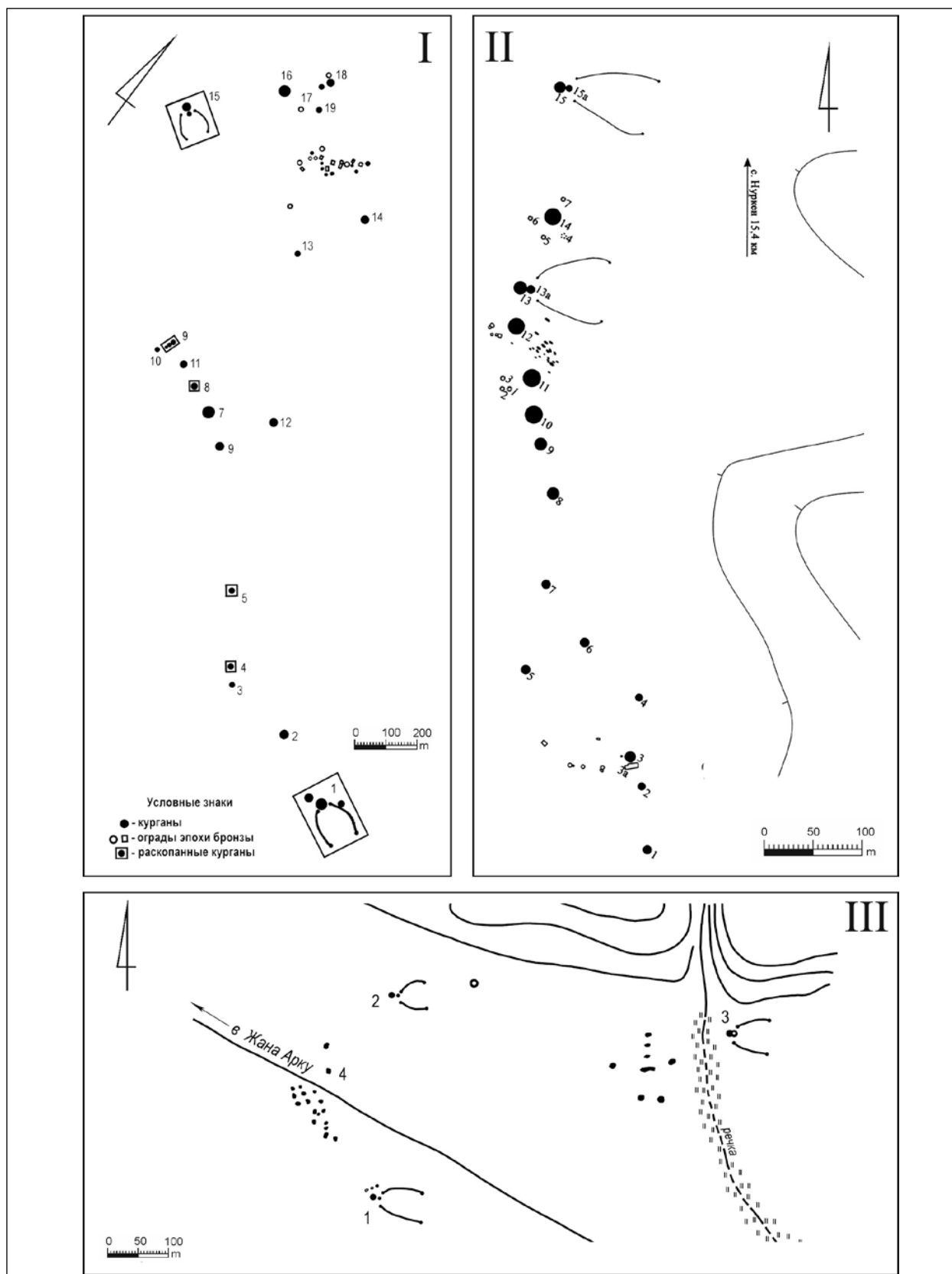


Рис. 26. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. I: Кара-Бие [465, 466]; II: Бакыбулак [382, 383]; III: Сангуыр II [502–504] (КАДЫРБАЕВ 1959а; КАДЫРБАЕВ 1961; КАЗАХСТАН В САКСКУЮ ЭПОХУ 2017)

Fig. 26. Kurgans with “moustache” of the Central Kazakhstan. I: Kara-Bie [465, 466]; II: Bakybulak [382, 383]; III: Sanguyr II [502–504] (KADYRBAEV 1959a; KADYRBAEV 1961; KAZAKHSTAN IN THE SAKA ERA 2017)

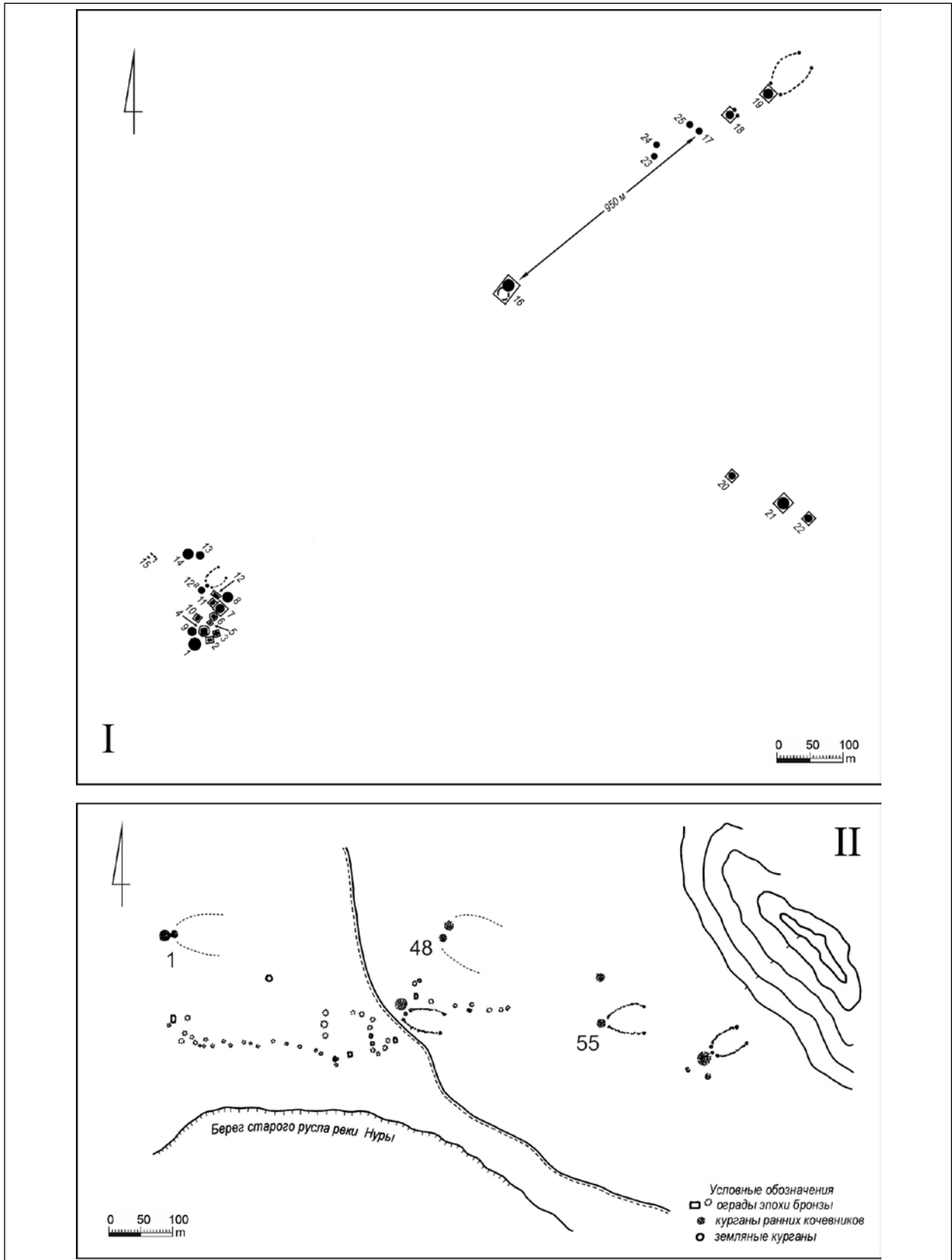


Рис. 27. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. I: Канаттас [463, 464]; II: Ботакара (с поправками) [345–349] (МАРГУЛАН И ДР. 1966)

Fig. 27. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan. I: Kanattas [463, 464]; II: Botakara (the illustration contains author's corrections) [345–349] (MARGULAN ET AL. 1966)

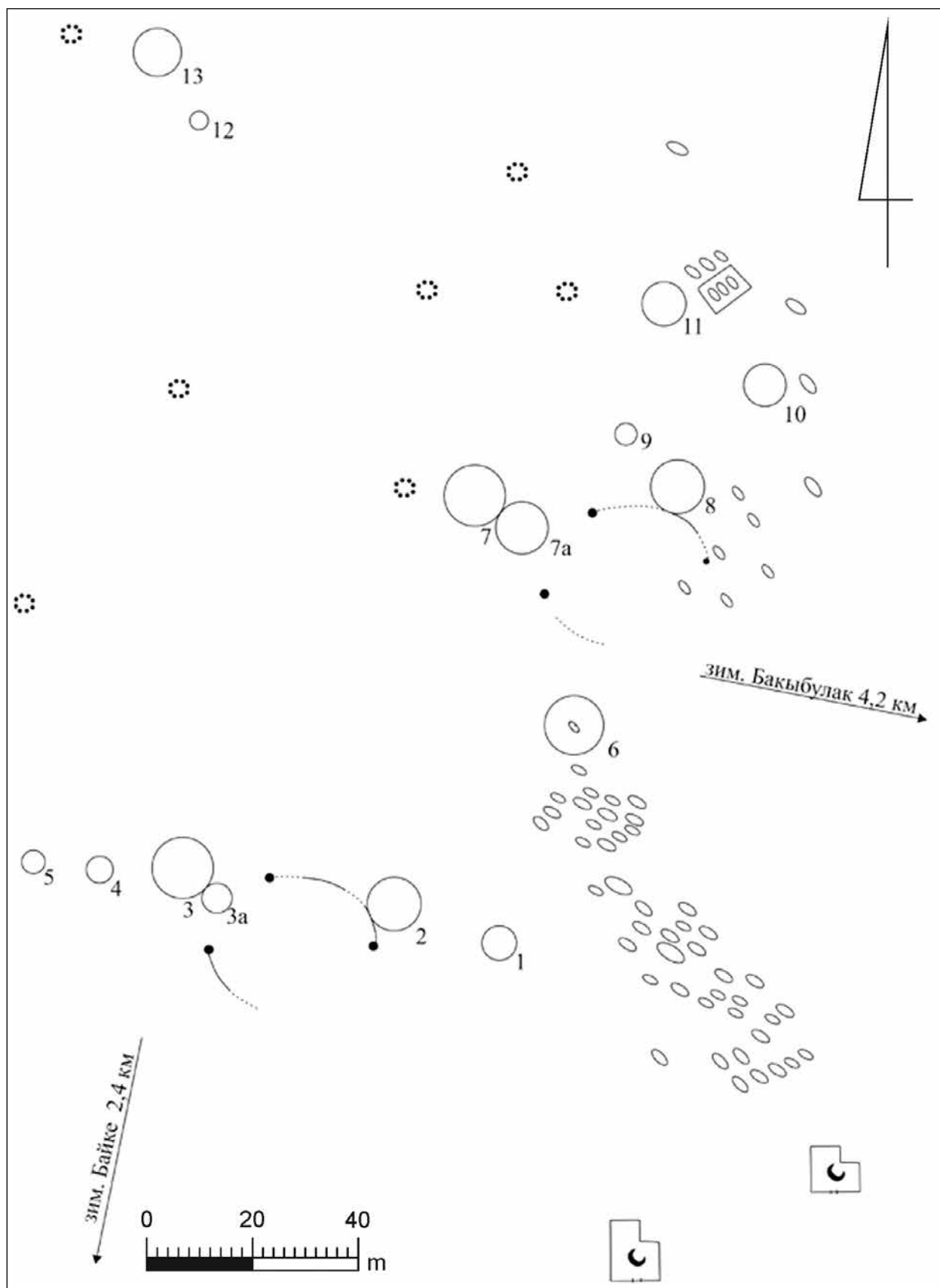


Рис. 28. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. Могильник Байке-2 [384, 385] (БЕЙСЕНОВ–ДУЙСЕНБАЙ 2015)

Fig. 28. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan. Burial Bajke-2 [384, 385] (BEISENOV–DUISENBAI 2015)

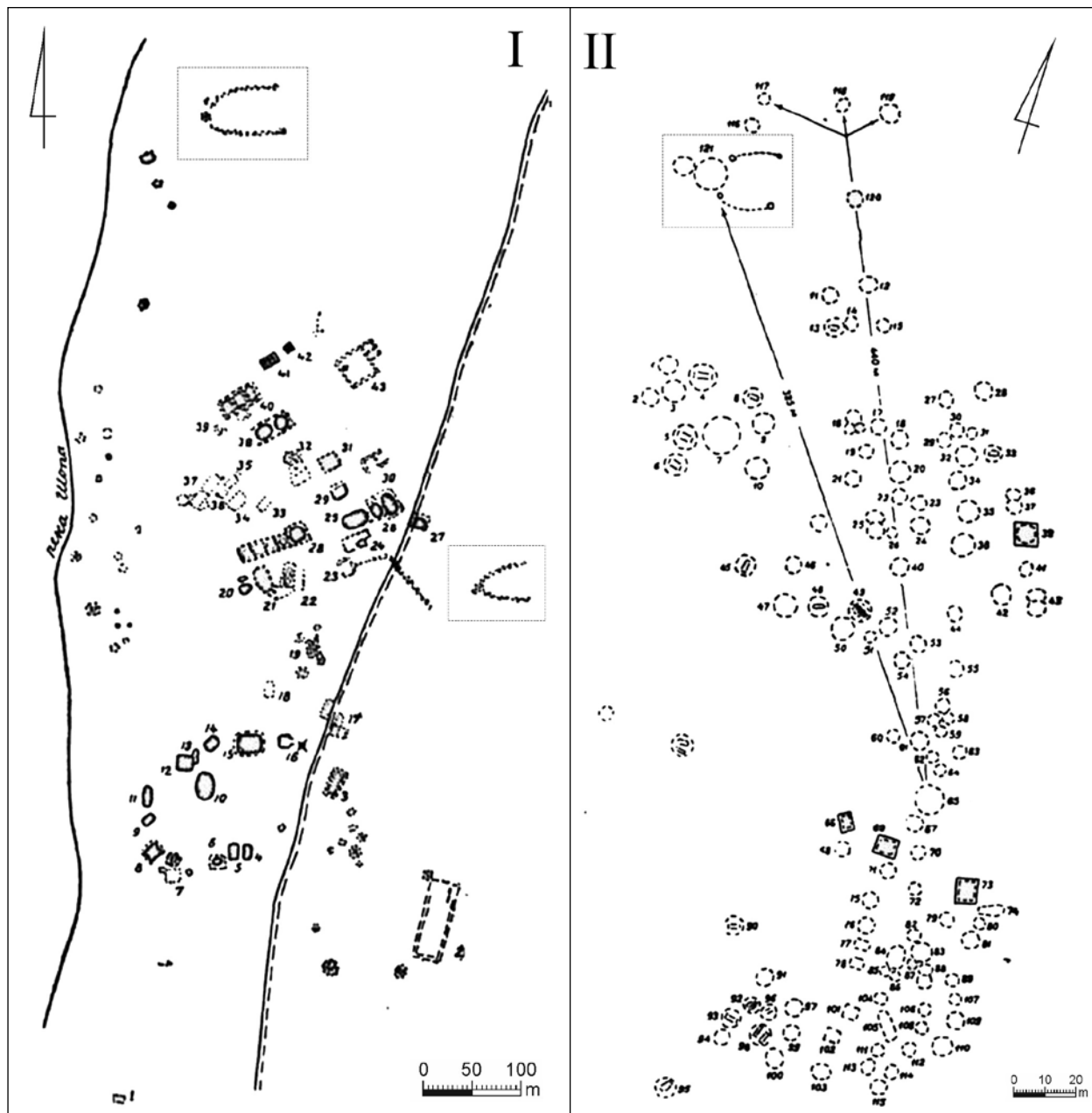


Рис. 29. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. I: Бугулы I [398, 399]; II: Ельшибек [530] (МАРГУЛАН И ДР. 1966)

Fig. 29. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan. I: Buguly I [398, 399]; II: El'shibek [530] (MARGULAN ET AL. 1966)

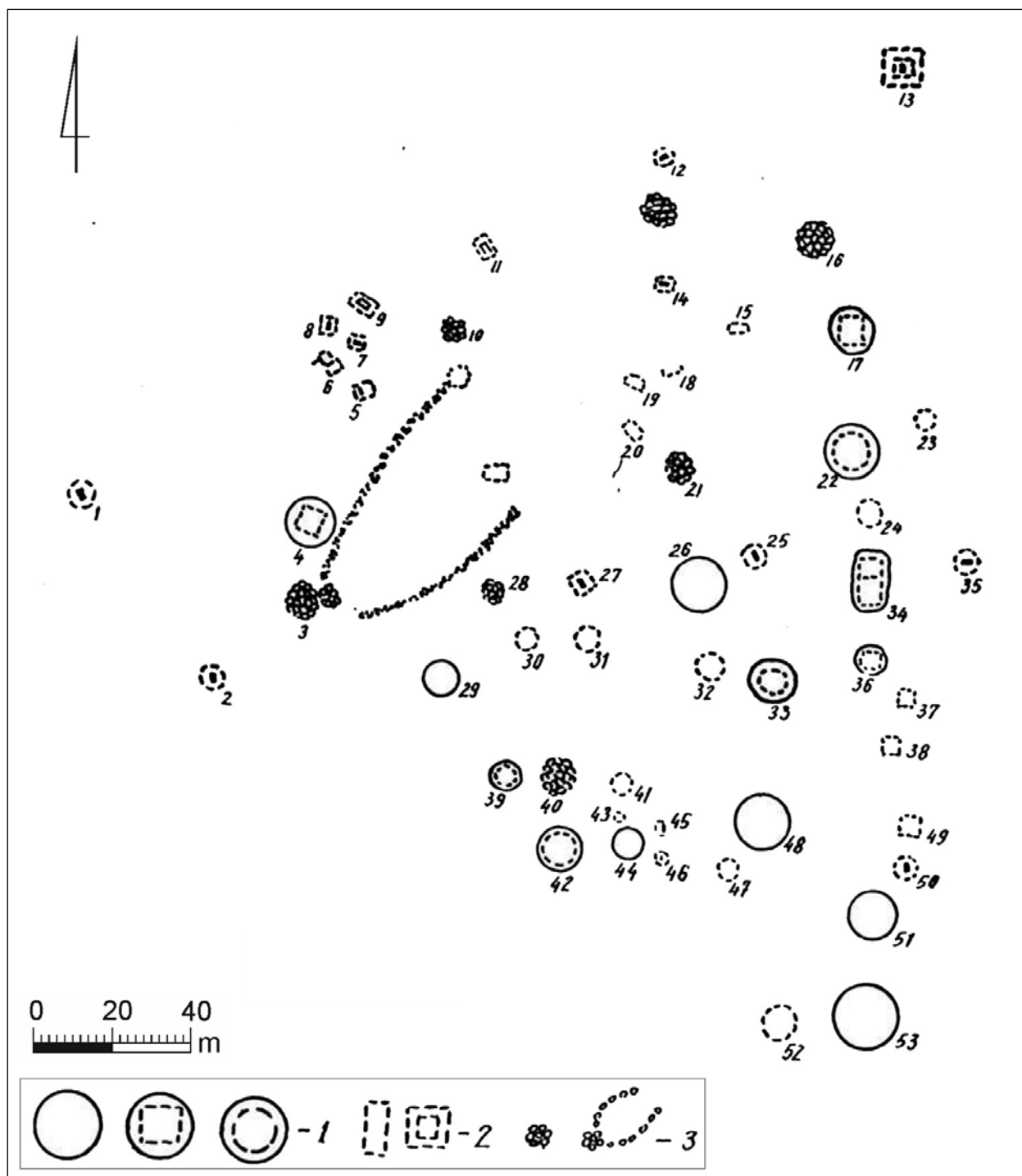


Рис. 30. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. Могильник Бугулы II. 1: Курганы; 2: Ограды; 3: Курган с «усами» [397] (МАРГУЛАН И ДР. 1966)

Fig. 30. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan. Burial ground Buguly II. 1: Barrows; 2: Fences; 3: Kurgan with "moustache" [397] (MARGULAN ET AL. 1966)

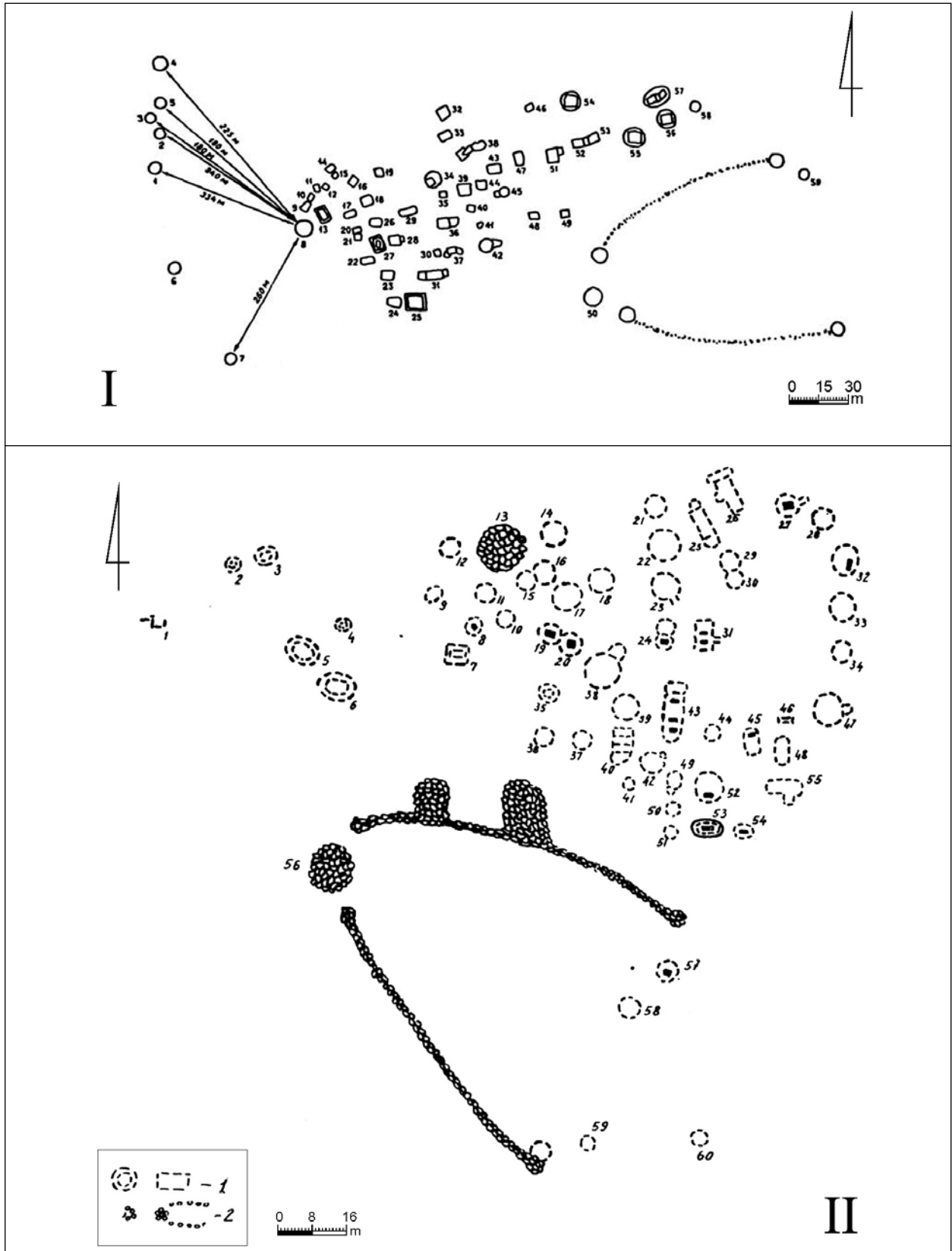


Рис. 31. Курганы с «усами» Улытау и Центрального Казахстана. I: могильник Джанайдар [212]; II: Былкыдак [418];  
1: Ограды эпохи бронзы; 2: Курган с «усами» (МАРГУЛАН И ДР. 1966)

Fig. 31. Kurgans with "moustache" of the Ulytau and Central Kazakhstan. I: Dzhanaidar [212]; II: Bylkildak [418];  
1: Bronze Age fences; 2: Kurgan with "moustache" (MARGULAN ET AL. 1966)

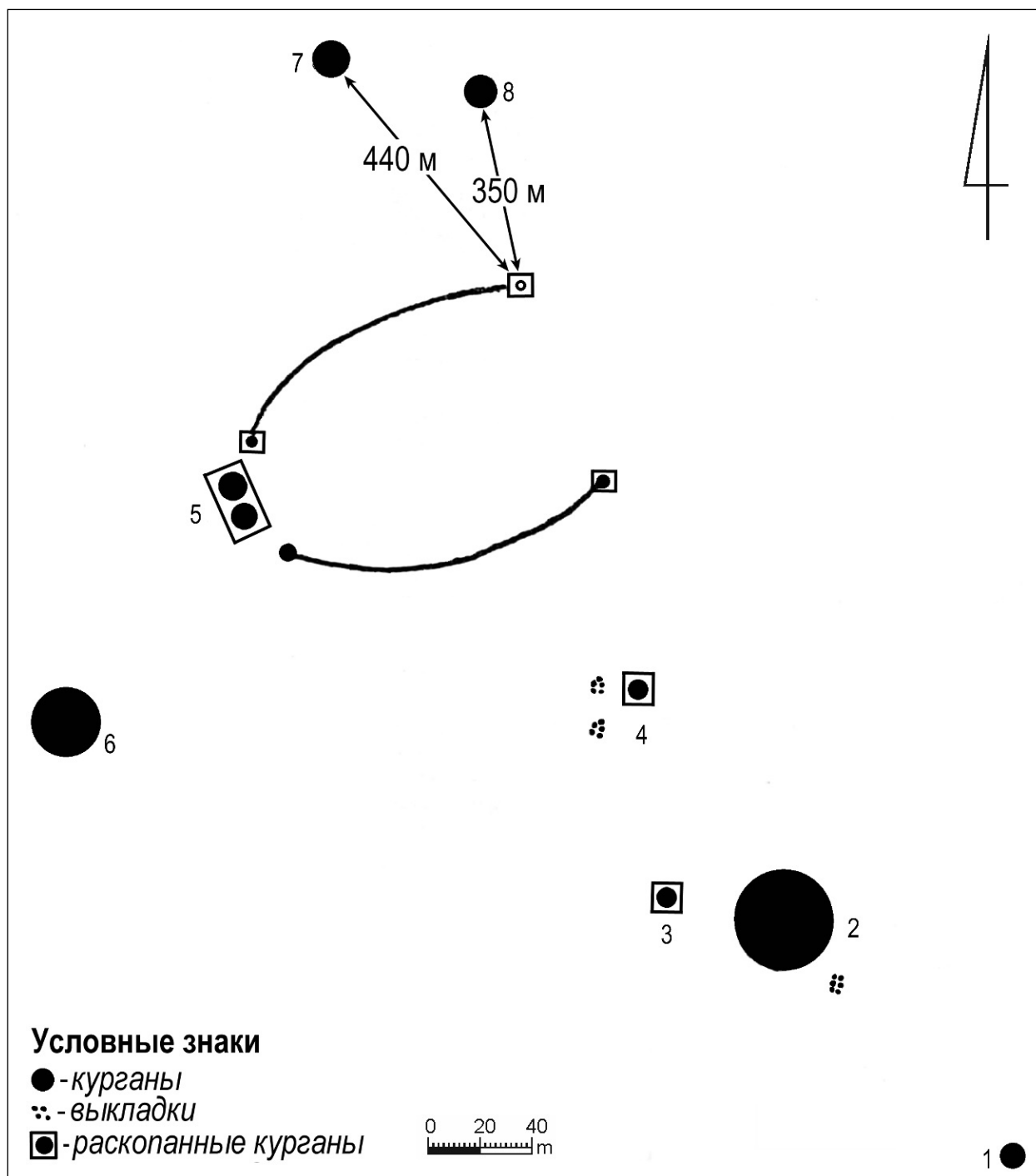


Рис. 32. Курган с «усами» Центрального Казахстана из могильника Егиз-Коймас [421] (КАДЫРБАЕВ 1959а)  
 Fig. 32. Kurgan with "moustache" of the Central Kazakhstan from the burial ground Egiz-Kojtas [421] (KADYRBAEV 1959a)



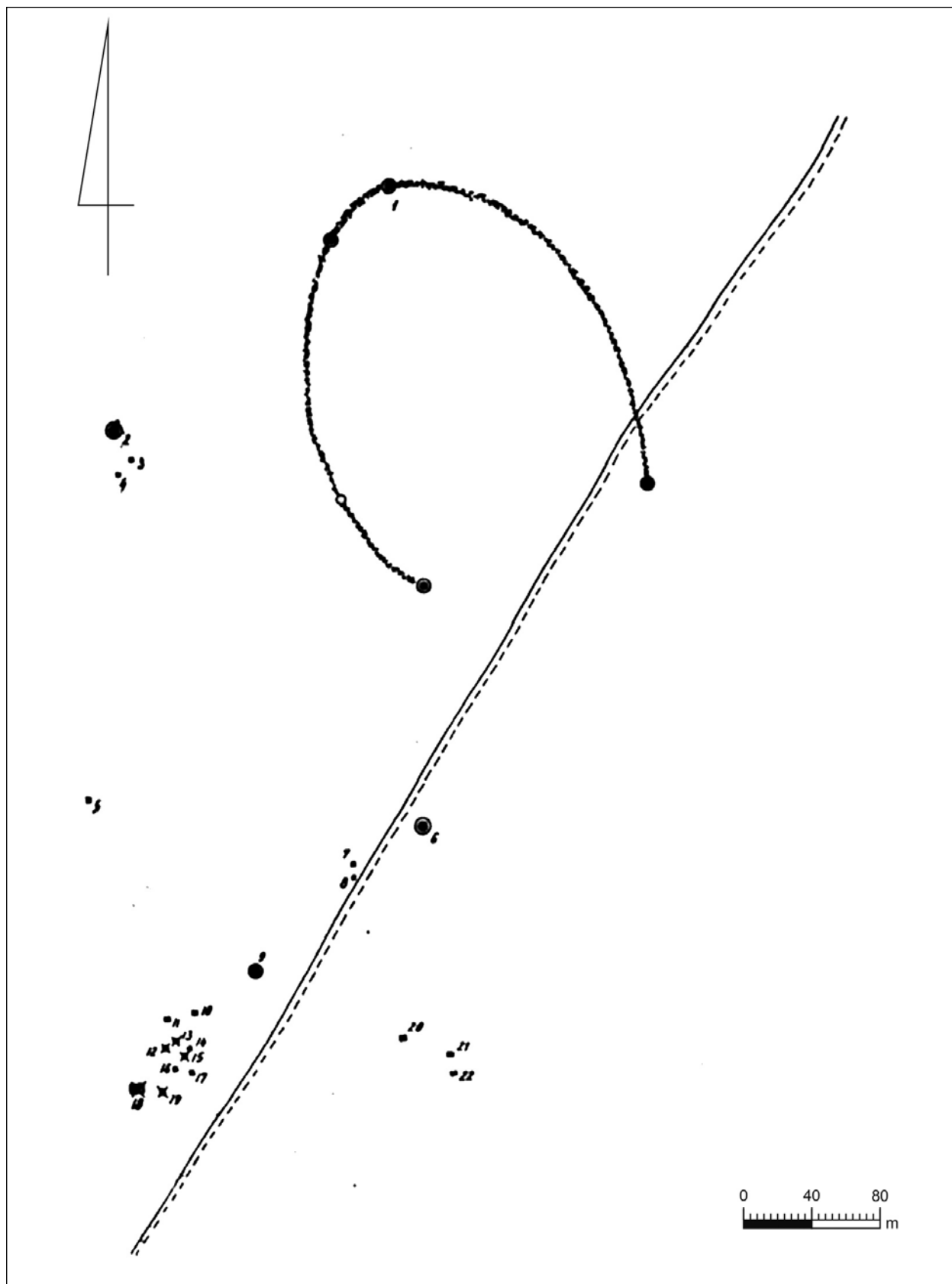


Рис. 33. Курган с «усами» Центрального Казахстана на р. Атасу. Айдарлы [487] (МАРГУЛАН И ДР. 1966)  
 Fig. 33. Kurgan with "moustache" of the Central Kazakhstan from the Atasu River. Aidarly [487] (MARGULAN ET AL. 1966)

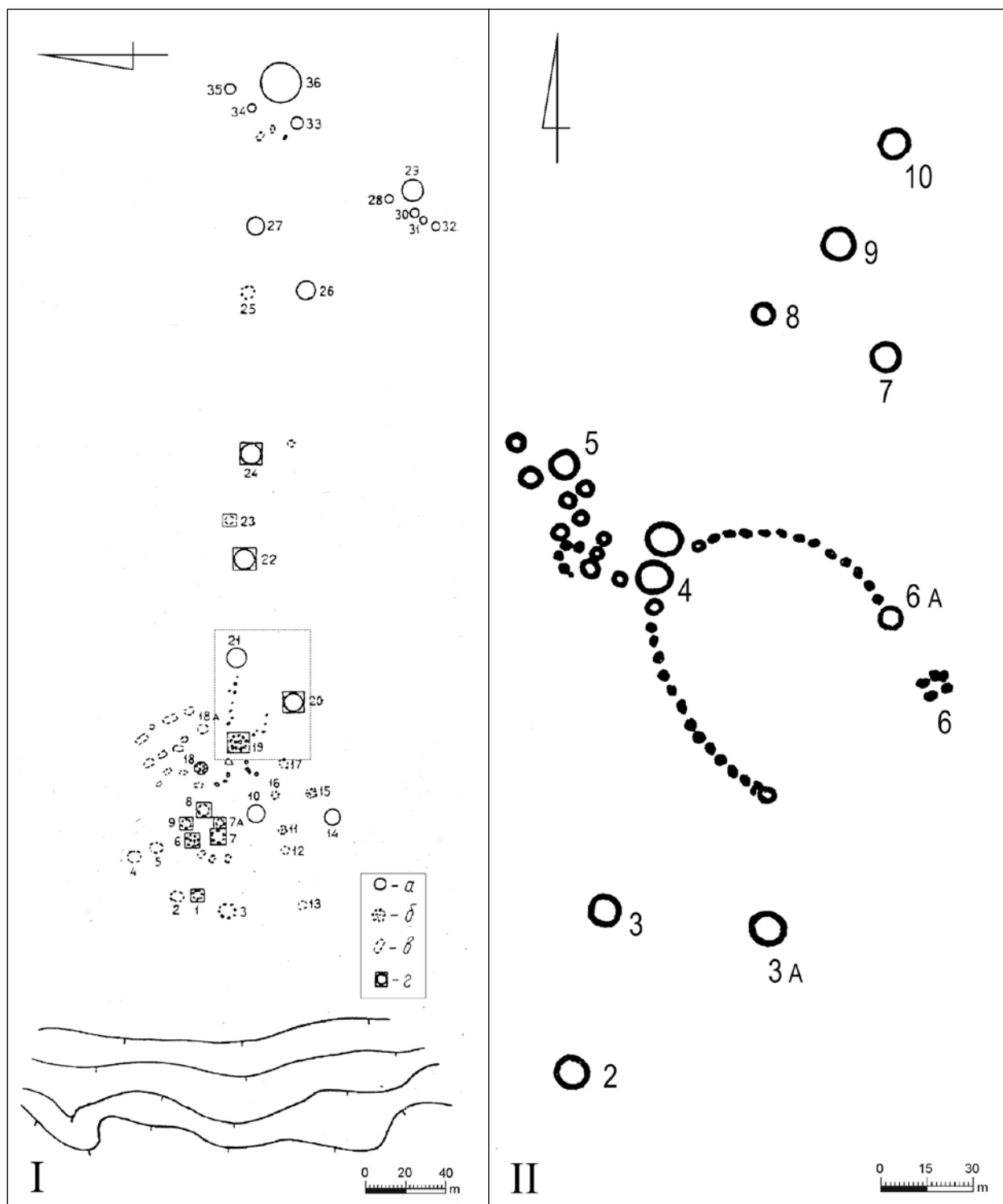


Рис. 34. Курганы с «усами» Центрального Казахстана на р. Шидерты. I: Тасмола [295]; II: Карамурун [297] (КАДЫРБАЕВ 1962; КАДЫРБАЕВ 1966)

Fig. 34. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan from the Shiderty River: I: Tasmola [295]; II: Karamurun [297] (KADYRBAEV 1962; KADYRBAEV 1966)

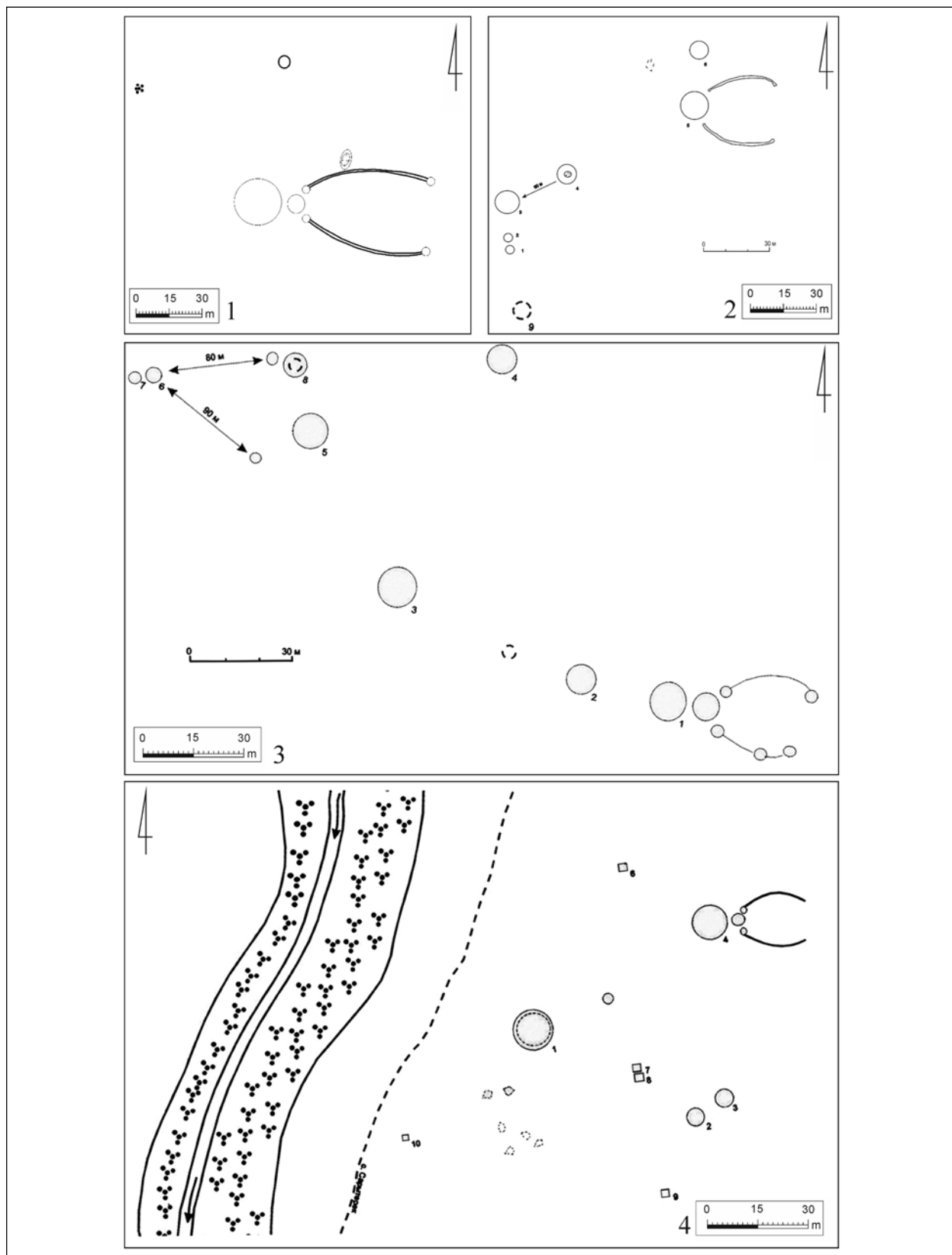


Рис. 35. Курганы с «усами» Центрального Казахстана. 1: Каратал 5 [445]; 2: Карандыозек 3 [442]; 3: Каратал 2 [446]; 4: Бегазы 10 [451] (Кукущкин и др. 2017)

Fig. 35. Kurgans with “moustache” of the Central Kazakhstan. 1: Karatal 5 [445]; 2: Karandyozek 3 [442]; 3: Karatal 2 [446]; 4: Begazy 10 [451] (KUKUSHKIN ET AL. 2017)

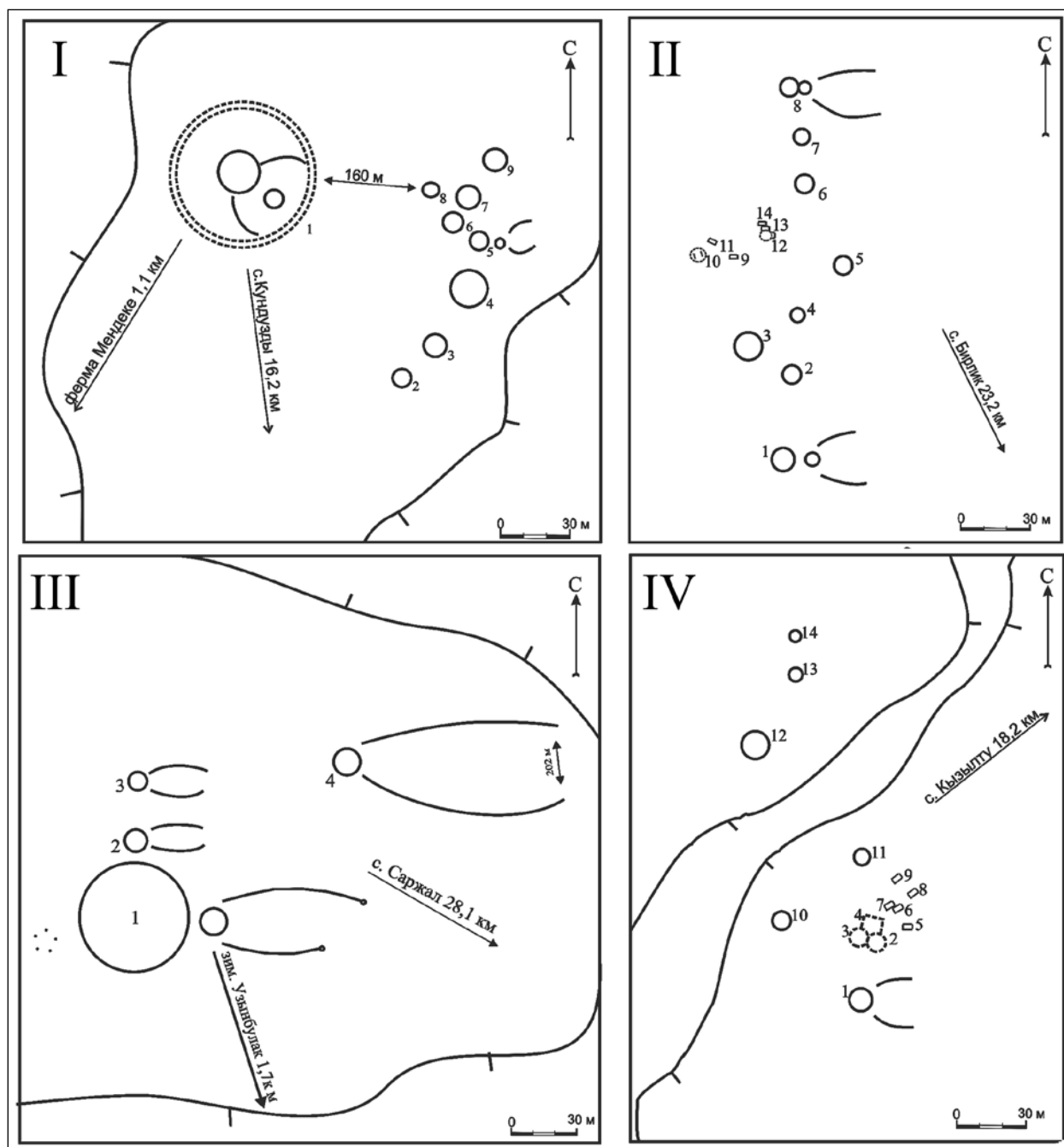


Рис. 36. Курганы с «усами» Центрального Казахстана (Чингистау). I: Мендеке [576, 577]; II: Бокай [571, 572]; III: Узынбулак [549–552]; IV: Айтуган-2 [554] (БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017)

Fig. 36. Kurgans with “moustache” of the Central Kazakhstan (Chingiztau Mountains). I: Mendeke [576, 577]; II: Bokai [571, 572]; III: Uzynbulak [549–552]; IV: Aitugan-2 [554] (BEISENOV–UMITKALIEV–DUYSHENBAI 2017)

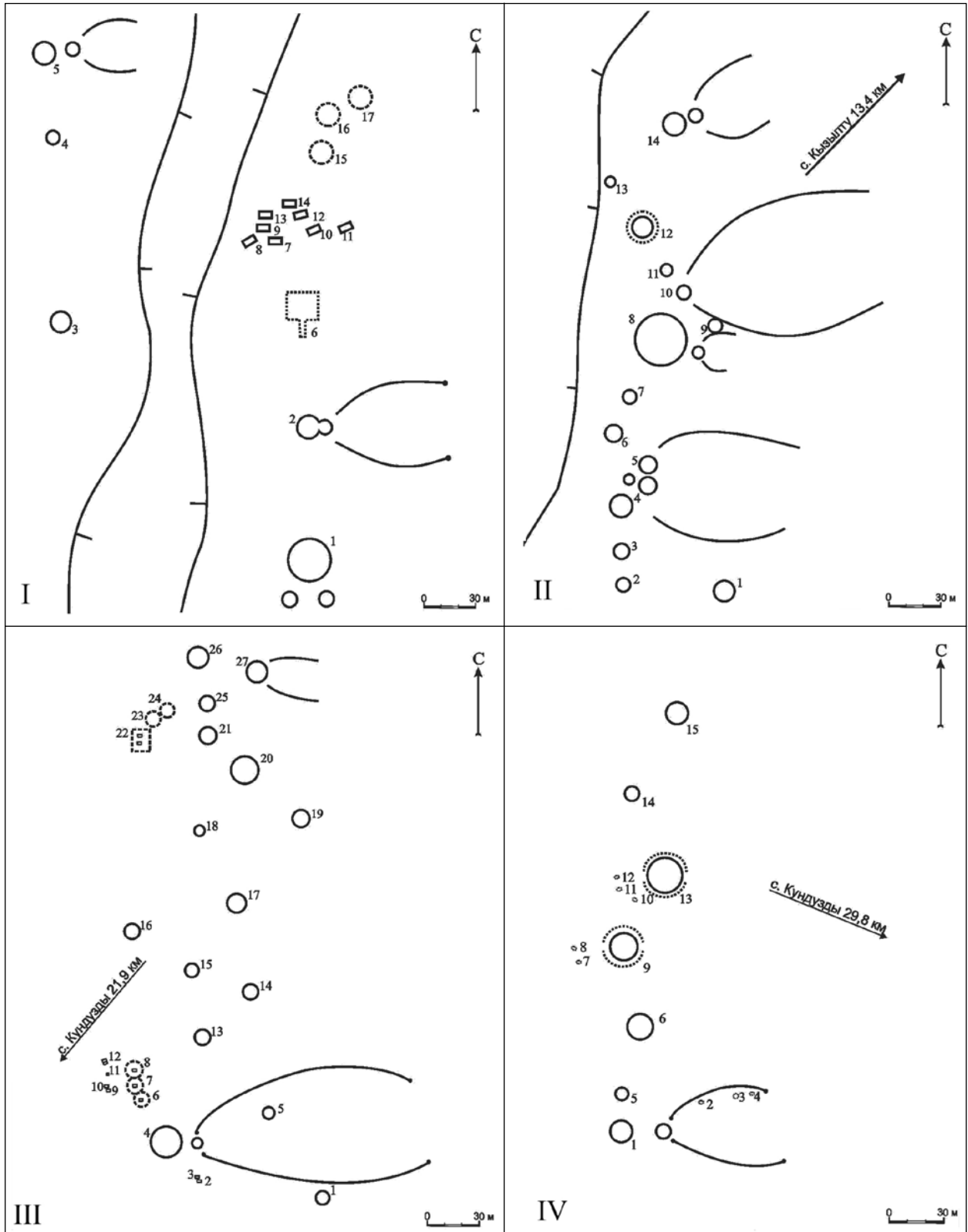


Рис. 37. Курганы с «усами» Центрального Казахстана (Чингистау). I: Айтуган [555, 556]; II: Карабулак [557–560]; III: Ақши [573, 574]; IV: Құл [575] (Бейсенов–Умиткалиев–Дүйсенбай 2017)

Fig. 37. Kurgans with “moustache” of the Central Kazakhstan (Chingiztau Mountains). I: Ajtugan [555, 556]; II: Karabulak [557–560]; III: Akshi [573, 574]; IV: Kul [575] (BEISENOV–UMITKALIEV–DUYSHENBAI 2017)

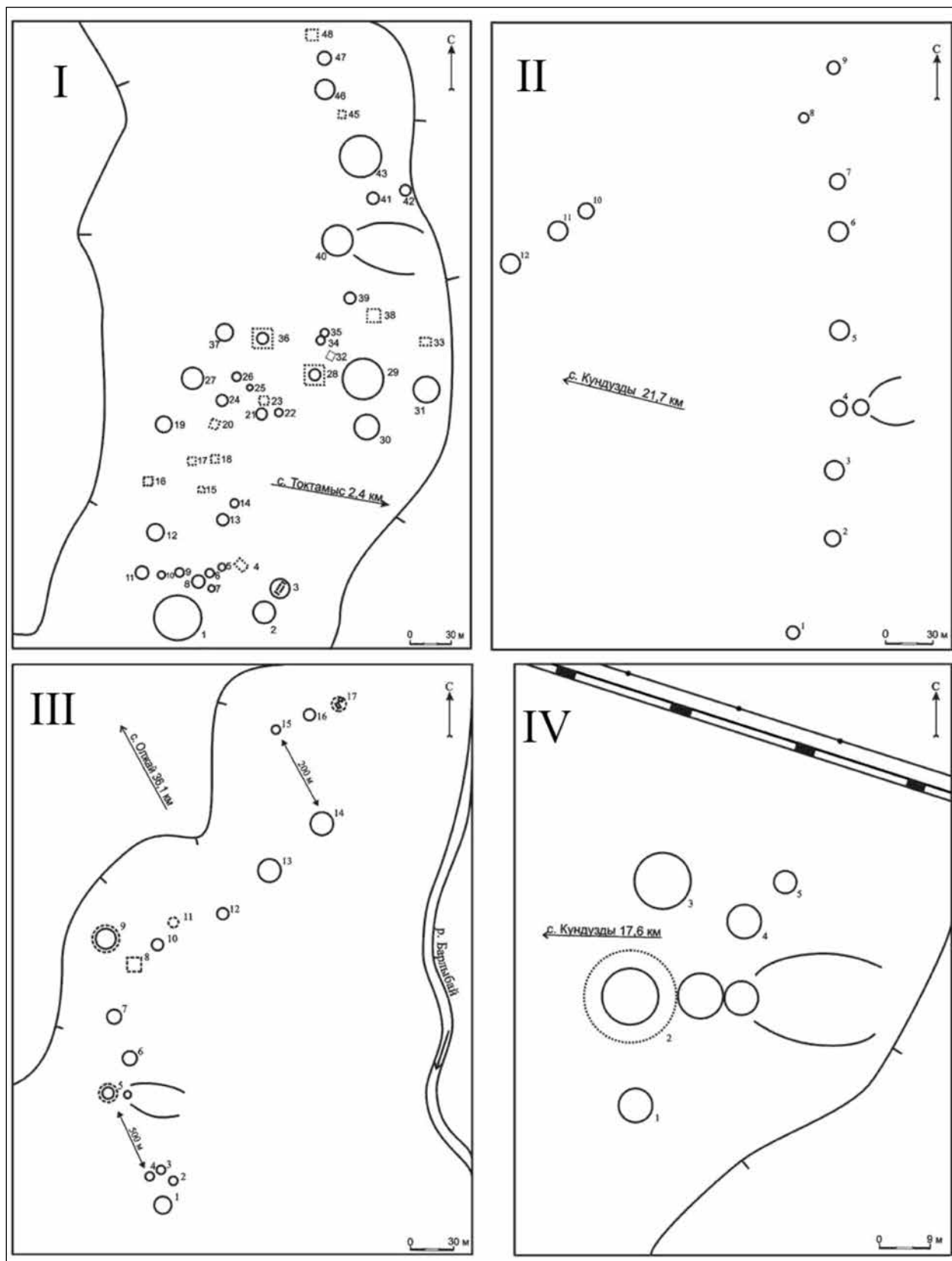


Рис. 38. Курганы с «усами» Центрального Казахстана (Чингистау). I: Кырыкунгир [553]; II: Мибулак [579]; III: Барлыбай [570]; IV: Актумсык [578] (БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017)

Fig. 38. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan (Chingiztau Mountains). I: Kyrykungir [553]; II: Mibulak [579]; III: Barlybai [570]; IV: Aktumсыk [578] (BEISENOV–UMITKALIEV–DUYSHENBAI 2017)

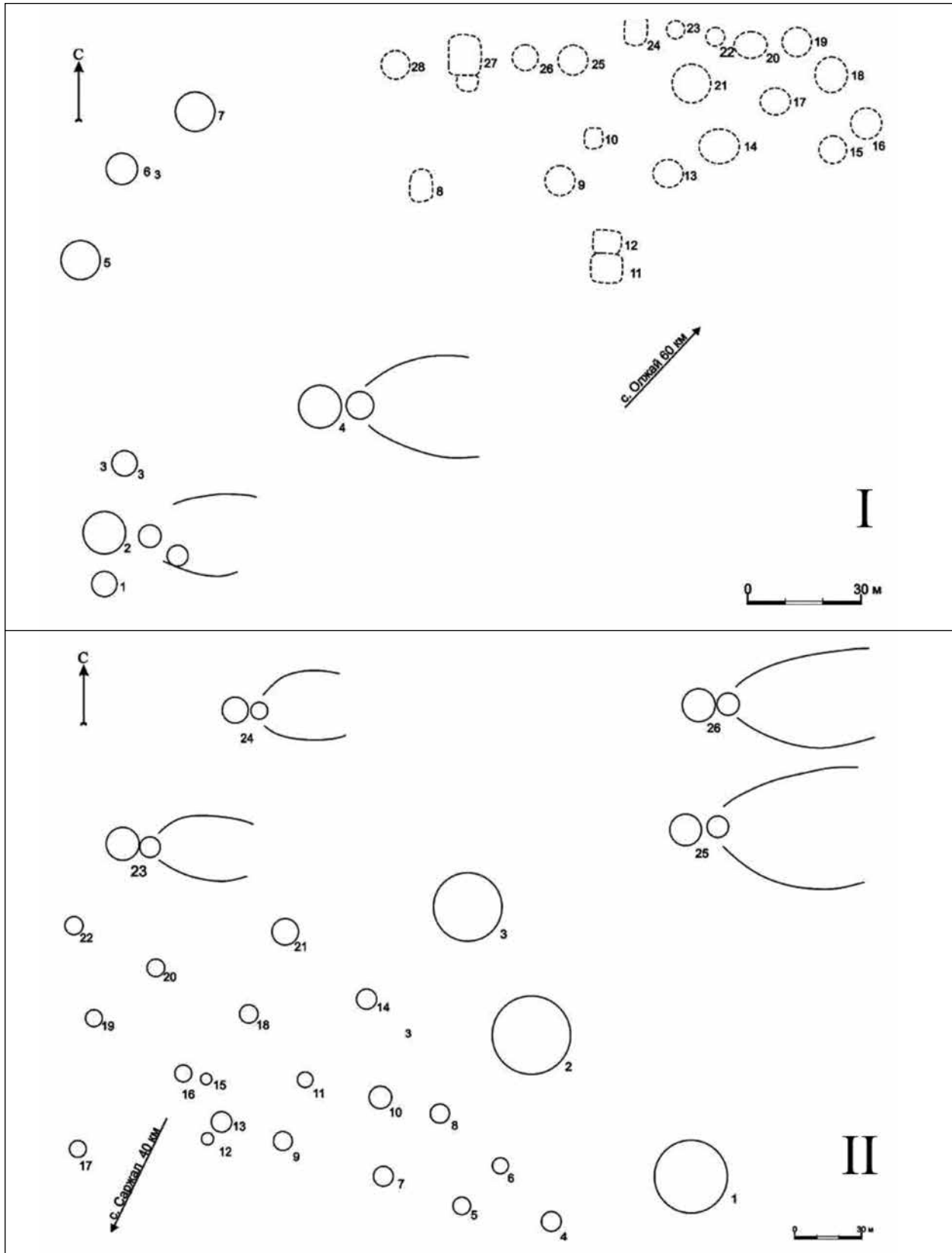


Рис. 39. Курганы с «усами» Центрального Казахстана (Чингизтау). I: Шаткалан [568, 569]; II: Кокен [545–548] (БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017)

Fig. 39. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan (Chingiztau Mountains). I: Shatkalan [568, 569]; II: Koken [545–548] (BEISENOV–UMITKALIEV–DUYSHENBAI 2017)

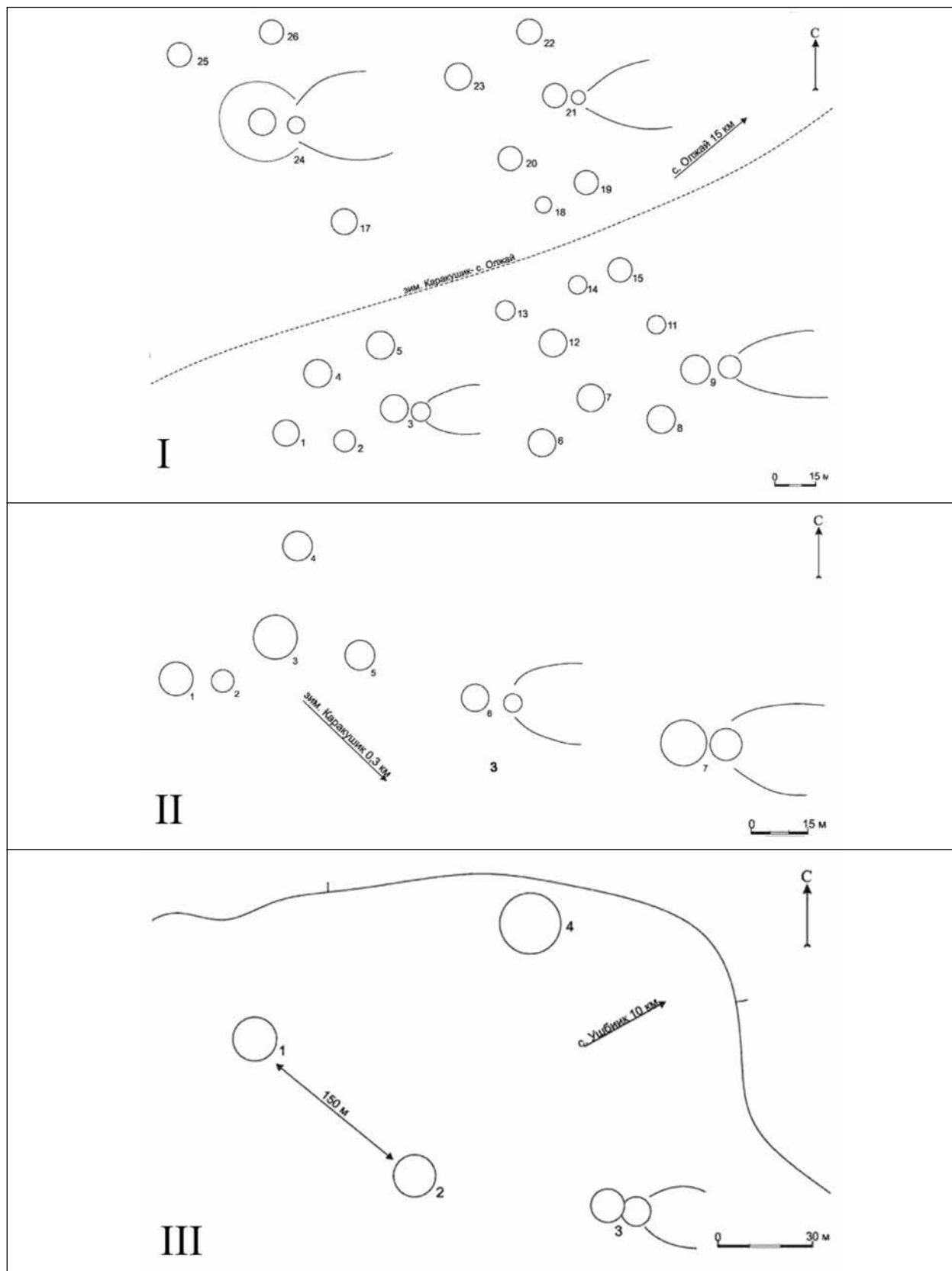


Рис. 40. Курганы с «усами» Центрального Казахстана (Чингистау). I: Каракушик-2 [562–565]; II: Каракушик-1 [566, 567]; III: Токай [581] (БЕЙСЕНОВ–УМИТКАЛИЕВ–ДУЙСЕНБАЙ 2017)

Fig. 40. Kurgans with "moustache" of the Central Kazakhstan (Chingiztau Mountains). I: Karakushik-2 [562–565]; II: Karakushik-1 [566, 567]; III: Tokai [581] (BEISENOV–UMITKALIEV–DUYSHENBAI 2017)





Рис. 41. Курганы с «усами» Восточного Казахстана. Могильник Зевакино (с поправками) [584–586] (АРСЛАНОВА 2013)

Fig. 41. Kurgans with “moustache” of the East Kazakhstan. Zevakino burial ground (the illustration contains author’s corrections) [584–586] (ARSLANOVA 2013)

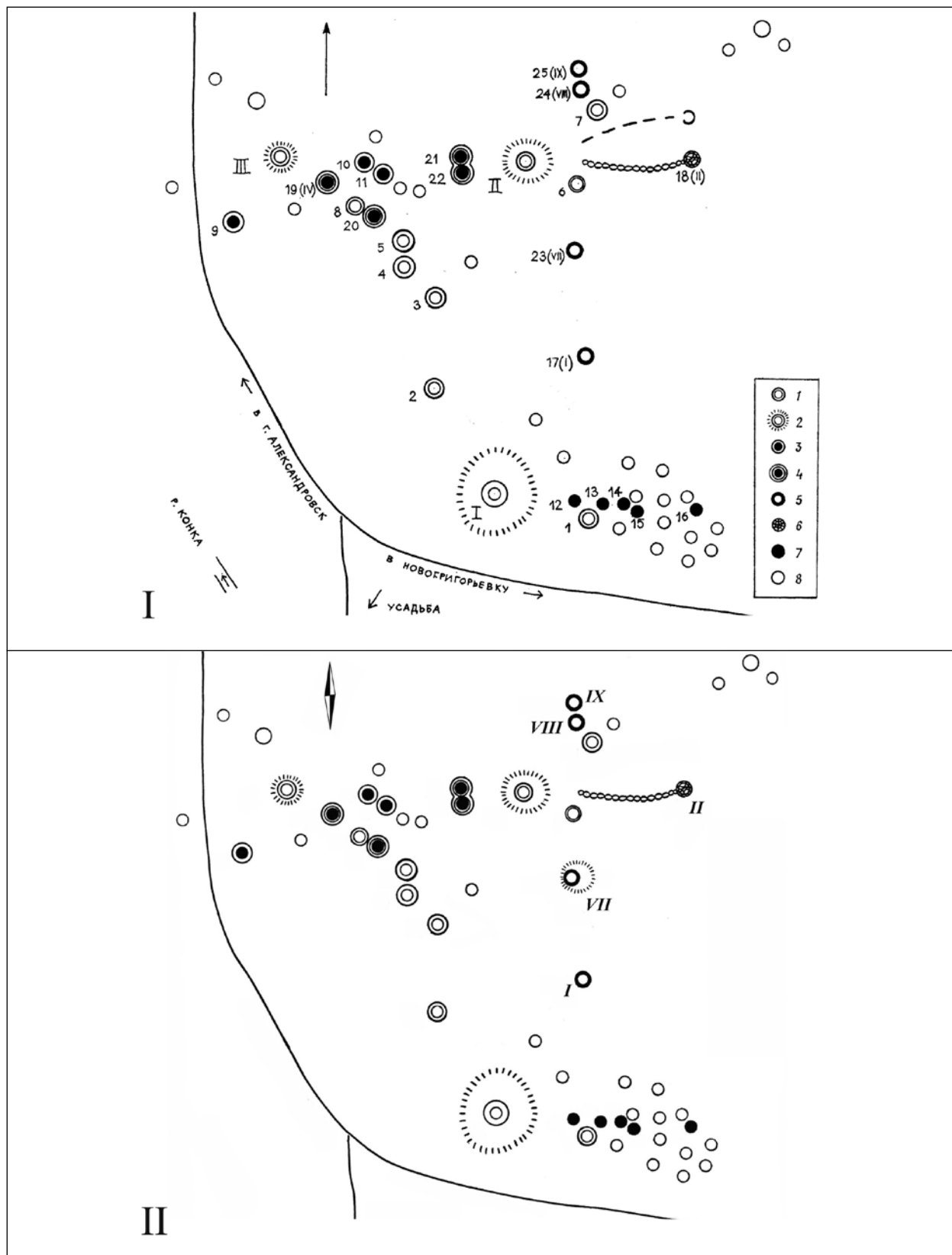


Рис. 42. Курган с «усами» Восточной Европы. Могильник Новогригорьевка. I: по А. И. Семенову (СЕМЕНОВ 1988); II: с поправками А. В. Комара (КОМАР 2013)

Fig. 42. Kurgan with "moustache" of Eastern Europe. Novogrigoryevka Burial Ground. I: By A. I. Semenov (SEMENOV 1988); II: With edits by A. V. Komar (KOMAR 2013)

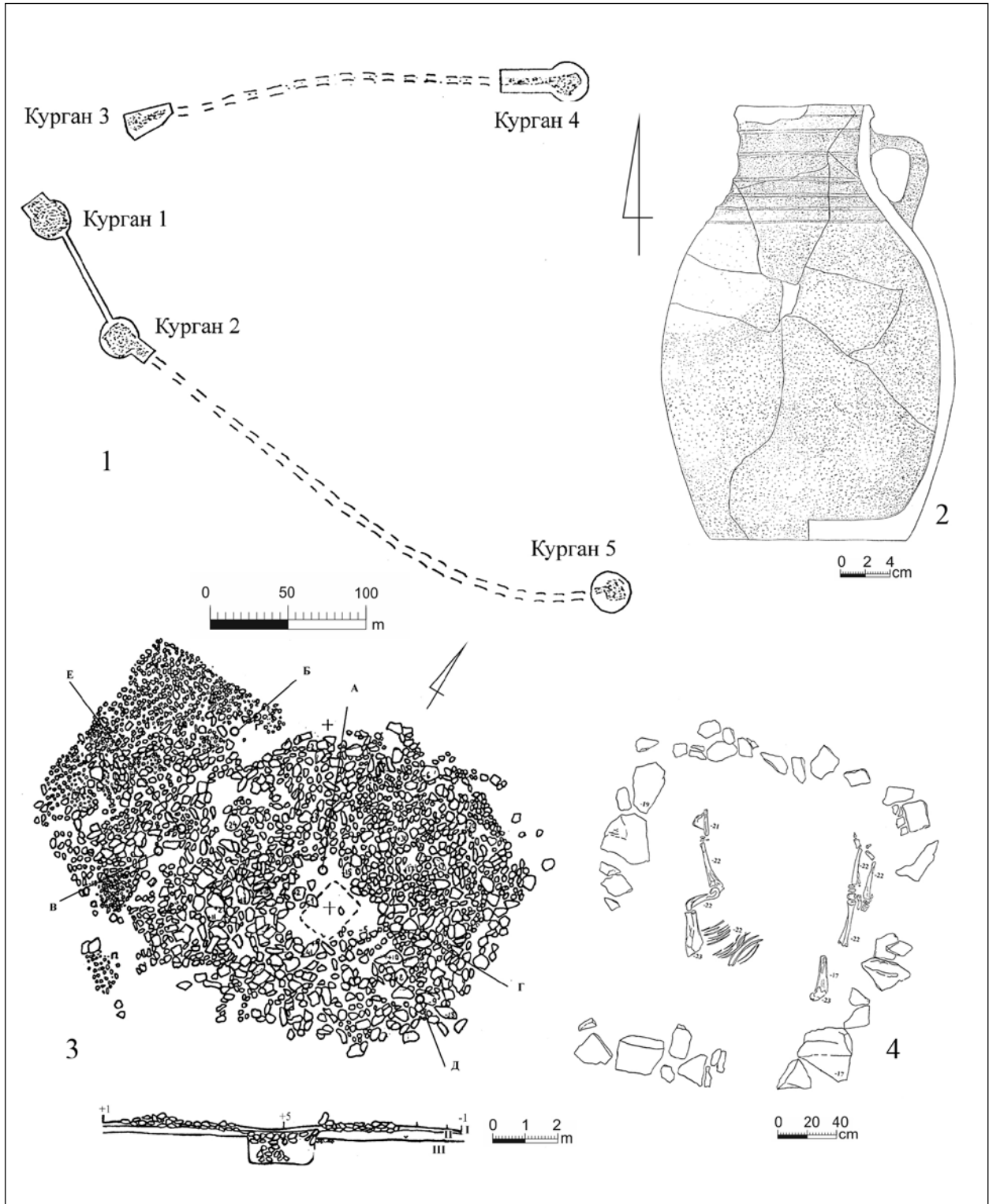


Рис. 43. Солончанка IX [68]. 1: Общий план; 2: Кувшин из центральной насыпи; 3: План и разрез центральной насыпи; 4: Погребение лошади; А: Каменная насыпь; Б: Горизонтальная каменная выкладка; В: Подквадратная выкладка; Г: Развалы сосудов; Д: Каменный пест; Е: Каменная выкладка с погребением лошади (ЛЮБЧАНСКИЙ–БЫТКОВСКИЙ 2006)

Fig. 43. Solonchanka IX [68]. 1: General plan; 2: Pitcher from the Central embankment; 3: Plan and section of the Central embankment; 4: Horse burial; А: Stone embankment; Б: Horizontal stone laying out; В: Subquadratic laying out; Г: Collapses of vessels; Д: Stone pestle; Е: Stone laying out with the burial of a horse (LYUBCHANSKIЙ–BYTKOVSKI 2006)

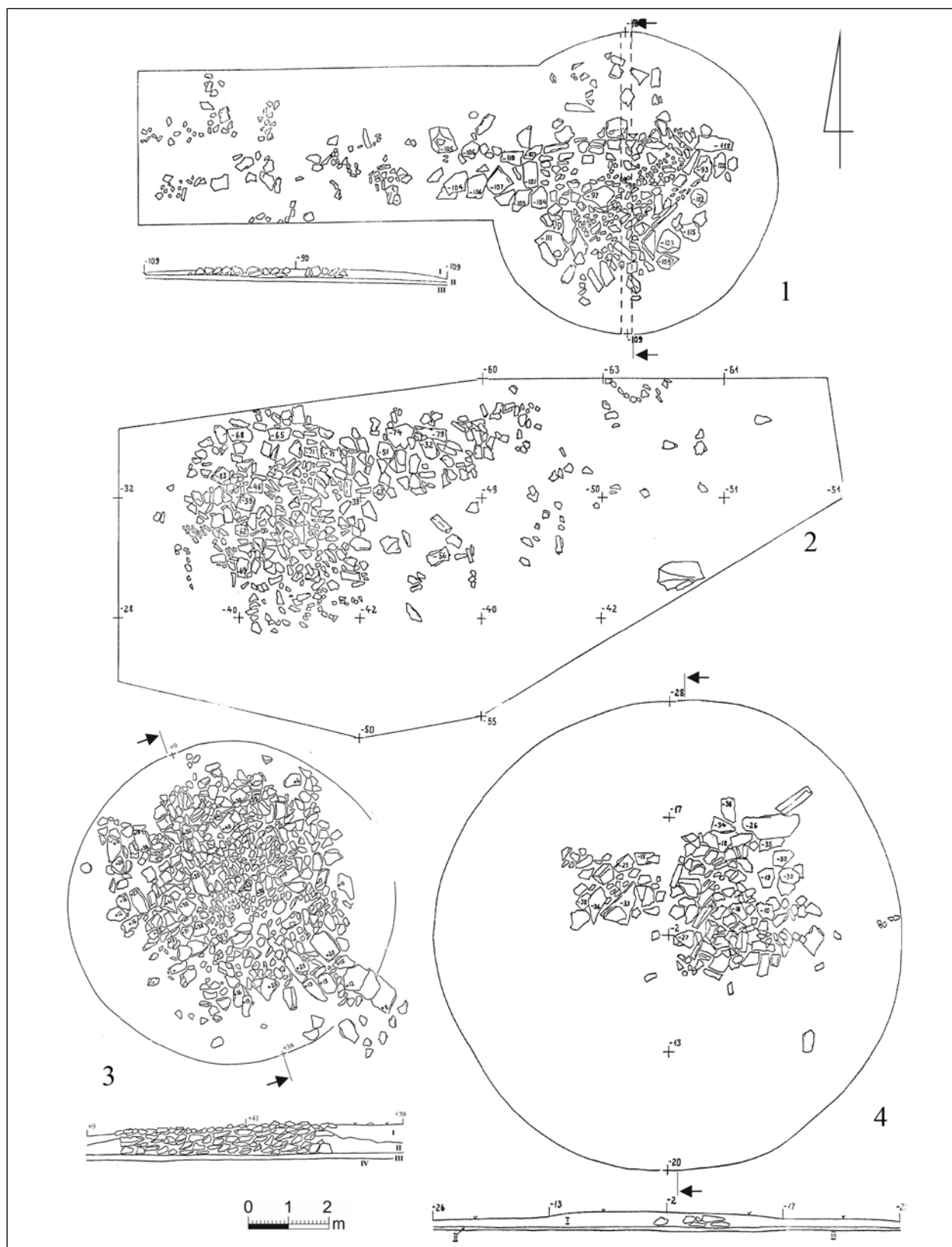


Рис. 44. Солончанка IX [68]. 1: Восточная площадка северной гряды; 2: Западная площадка северной гряды; 3: Западная площадка южной гряды; 4: Восточная площадка южной гряды (Любчанский–Бытковский 2006)

Fig. 44. Solonchanka IX [68]. 1: Eastern platform of the Northern "moustache"; 2: Western platform of the Northern "moustache"; 3: Western platform of the Southern "moustache"; 4: Eastern platform of the Southern "moustache" (LYUBCHANSKII-BYTKOVSKI 2006)

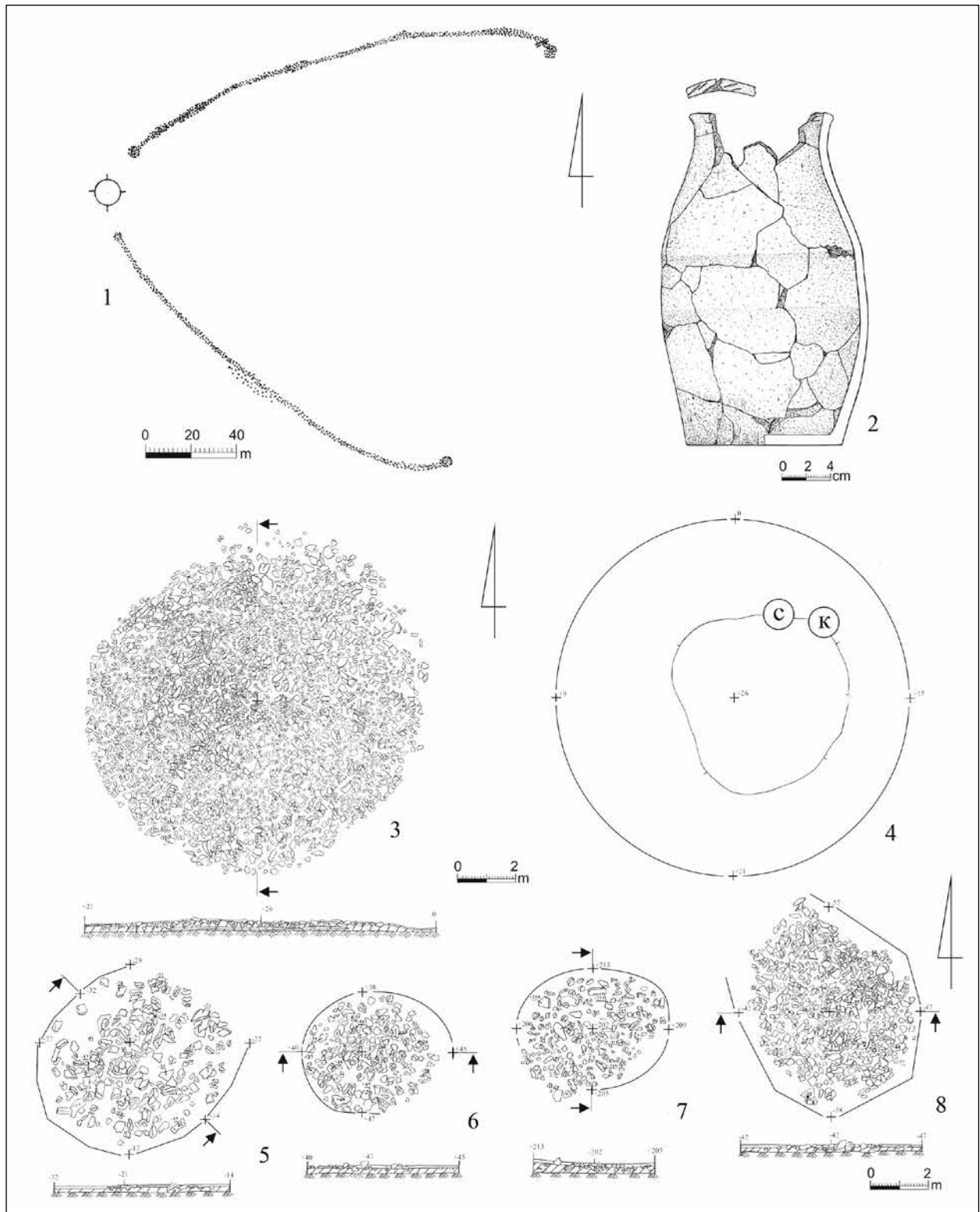


Рис. 45. Суходол, курган 5 [21]. 1: Обищий план; 2: Сосуд из центральной насыпи; 3: План центрального кургана; 4: План подкурганной площадки центрального сооружения; 5: Западная площадка северной гряды; 6: Западная площадка южной гряды; 7: Восточная площадка южной гряды; 8: Восточная площадка северной гряды; С: Сосуд; К: Кость (БОТАЛОВ 2009)  
 Fig. 45. Suhodol, kurgan 5 [21]. 1: General plan; 2: Vessel from the central mound; 3: Plan of the central mound; 4: Plan of the underground site of the Central structure; 5: Western platform of the Northern "moustache"; 6: Western platform of the Southern "moustache"; 7: Eastern platform of the Southern "moustache"; 8: Eastern platform of the Northern "moustache"; C: Vessel; K: Bone (BOTALOV 2009)

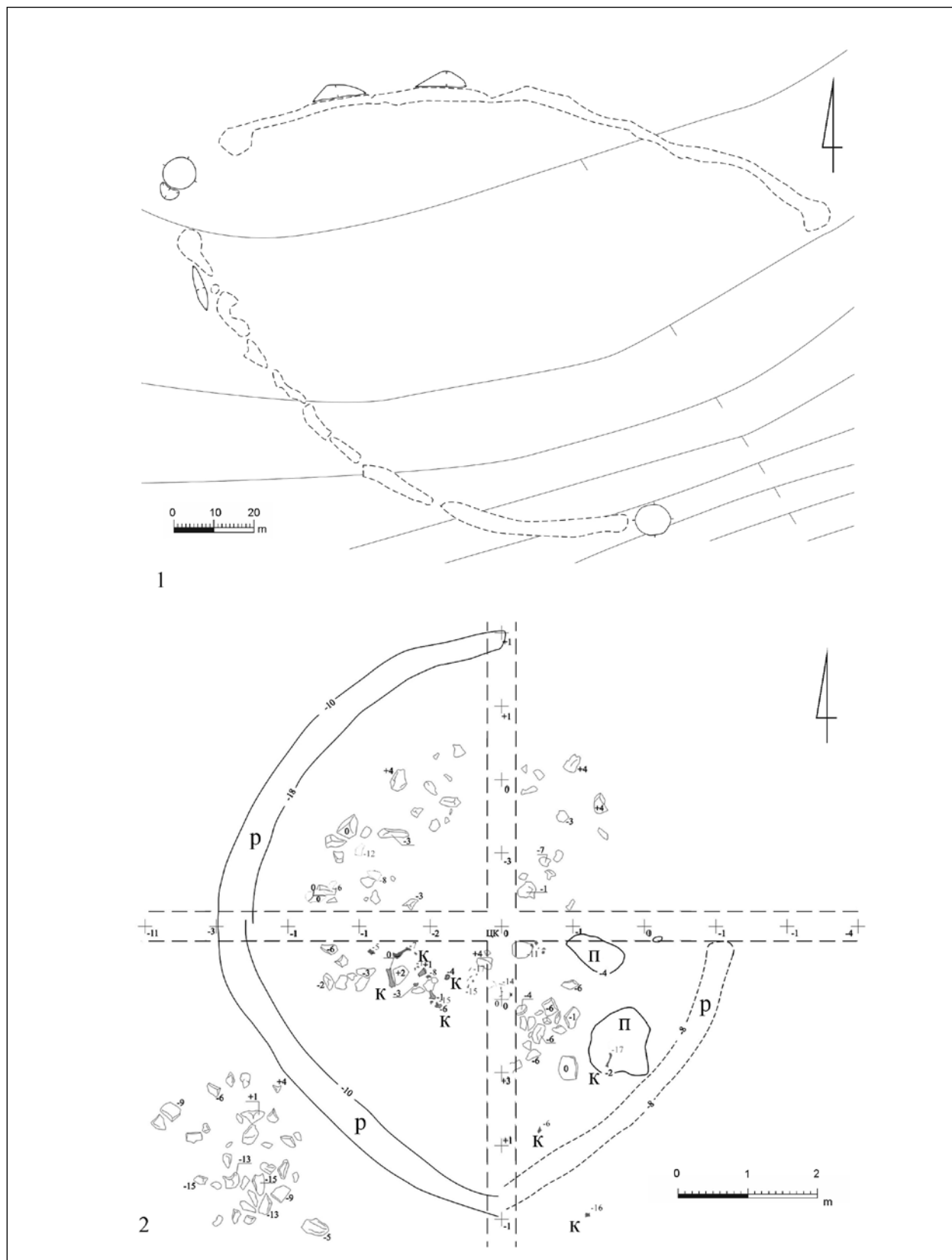


Рис. 46. Рымникский [36]. 1: Общій план; 2: План подкурганной площадки центрального сооружения; P: Ровик; П: Прокал; К: Кость (Грудочко 2013)

Fig. 46. Rymnikskij [36]. 1: General plan; 2: Plan of the underground site of the Central structure; P: Moat; П: Calcined soil; К: Bone (GRUDOSCHKO 2013)

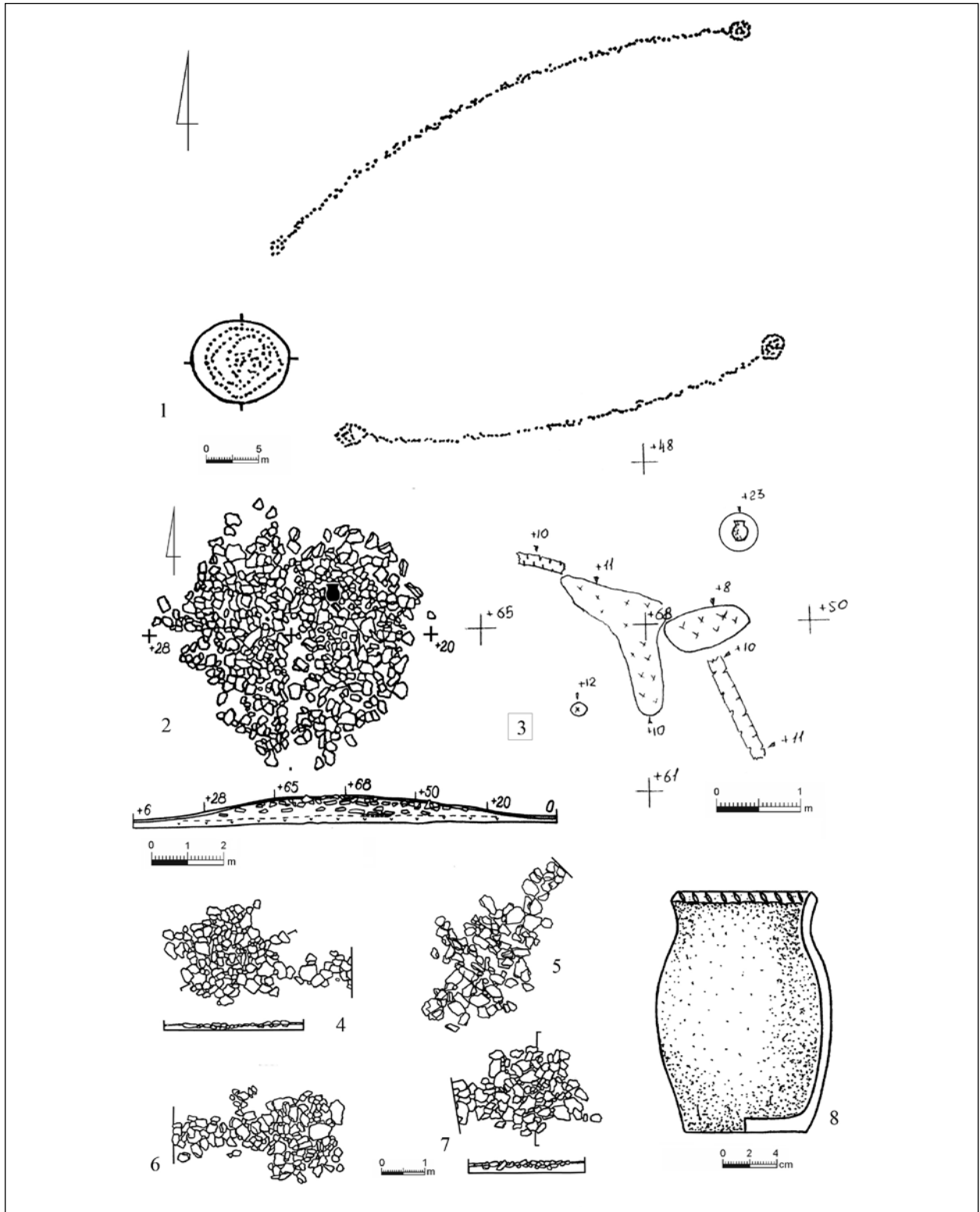


Рис. 47. Оленина Отнога [7]. 1: Общй план; 2: План и разрез центральной насыпи; 3: План подкурганной площадки центральной насыпи; 4: Западная площадка южной гряды; 5: Западная площадка северной гряды; 6: Восточная площадка северной гряды; 7: Восточная площадка южной гряды; 8: Сосуд из центральной насыпи (Костюков 1991)

Fig. 47. Olenina Otzoga [7]. 1: General plan; 2: Plan and section of the central mound; 3: Plan of the sub-mound site of the central mound; 4: Western platform of the Southern "moustache"; 5: Western platform of the Northern "moustache"; 6: Eastern platform of the Northern "moustache"; 7: Eastern platform of the southern "moustache"; 8: Vessel from the central mound (Kostyukov 1991)

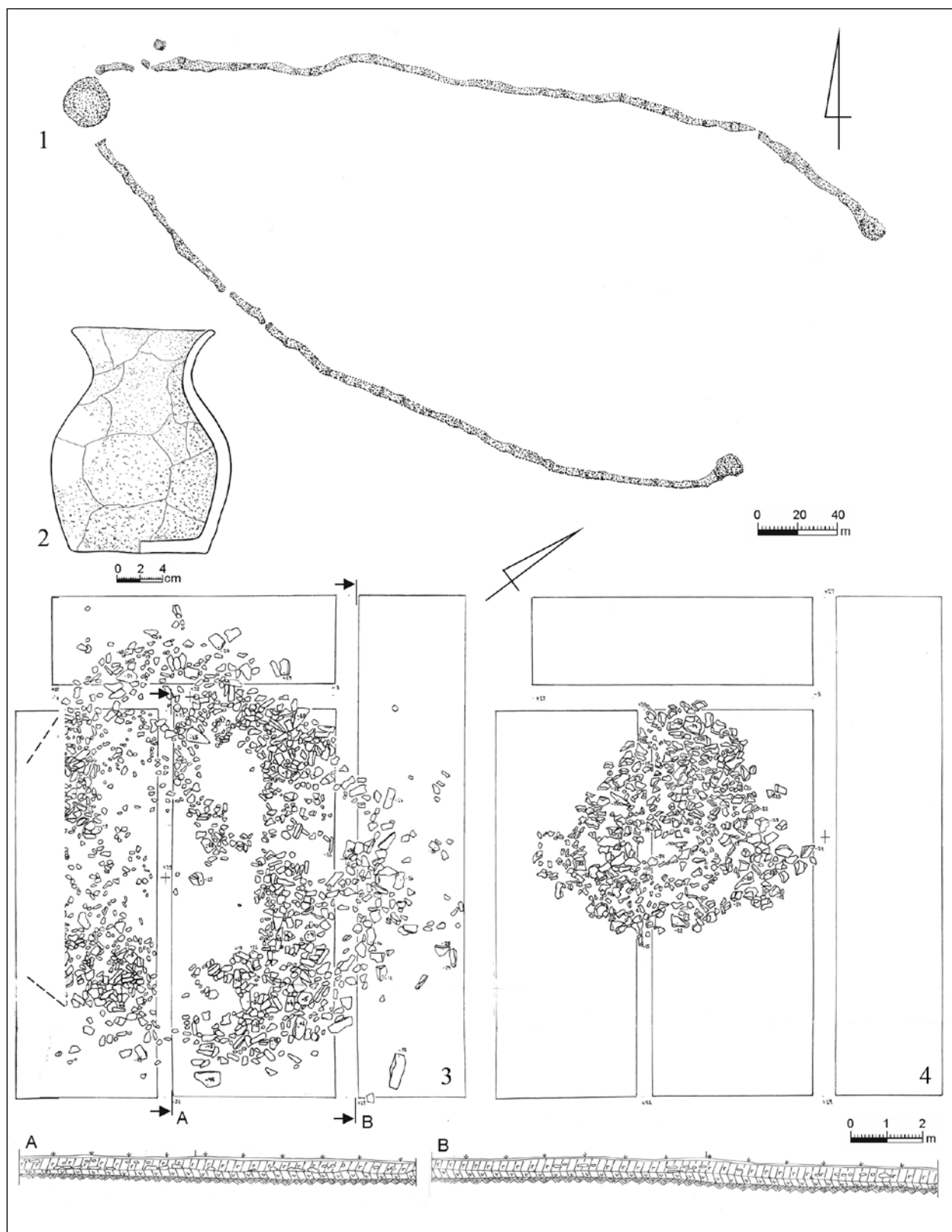


Рис. 48. Новокондуровский I [62]. 1: Общий план; 2: Сосуд из центральной насыпи; 3: План центральной насыпи (горизонт 1); 4: План центральной насыпи (горизонт 2) (ЛЮБЧАНСКИЙ 2005)

Fig. 48. Novokondurovskii I [62]. 1: General plan; 2: Vessel from the Central embankment; 3: Plan of the Central embankment (horizon 1); 4: Plan of the Central embankment (horizon 2) (LYUBCHANSKII 2005)



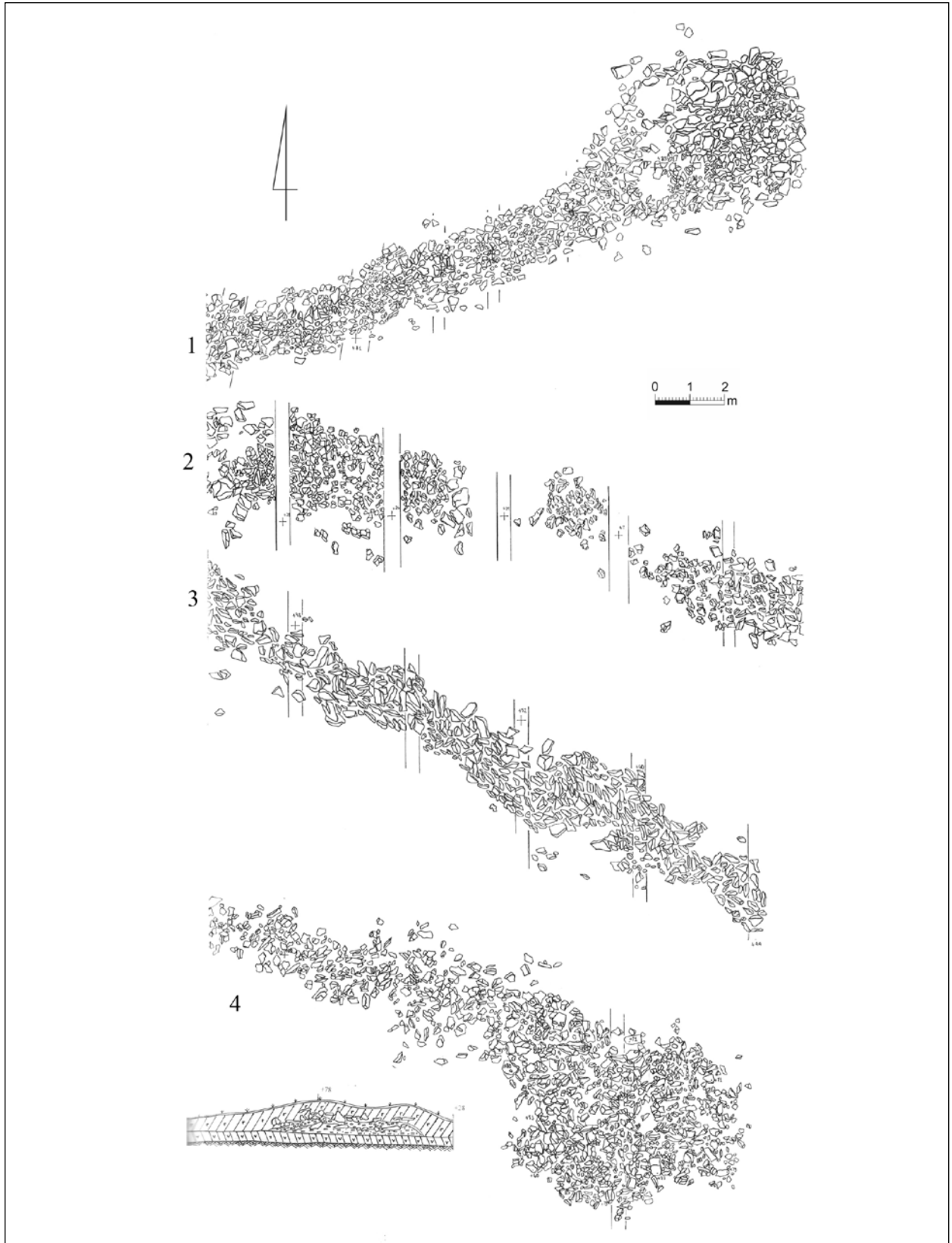


Рис. 49. Новокондуровский I [62]. 1: Восточная площадка южной гряды; 2: Западное окончание северной гряды; 3: Фрагмент северной гряды; 4: Восточная площадка северной гряды (ЛЮБЧАНСКИЙ 2005)

Fig. 49. Novokondurovskii I [62]. 1: Eastern platform of the Southern "moustache"; 2: Western platform of the Northern "moustache"; 3: Fragment of the Northern "moustache"; 4: Eastern platform of the Northern "moustache" (LYUBCHANSKII 2005)

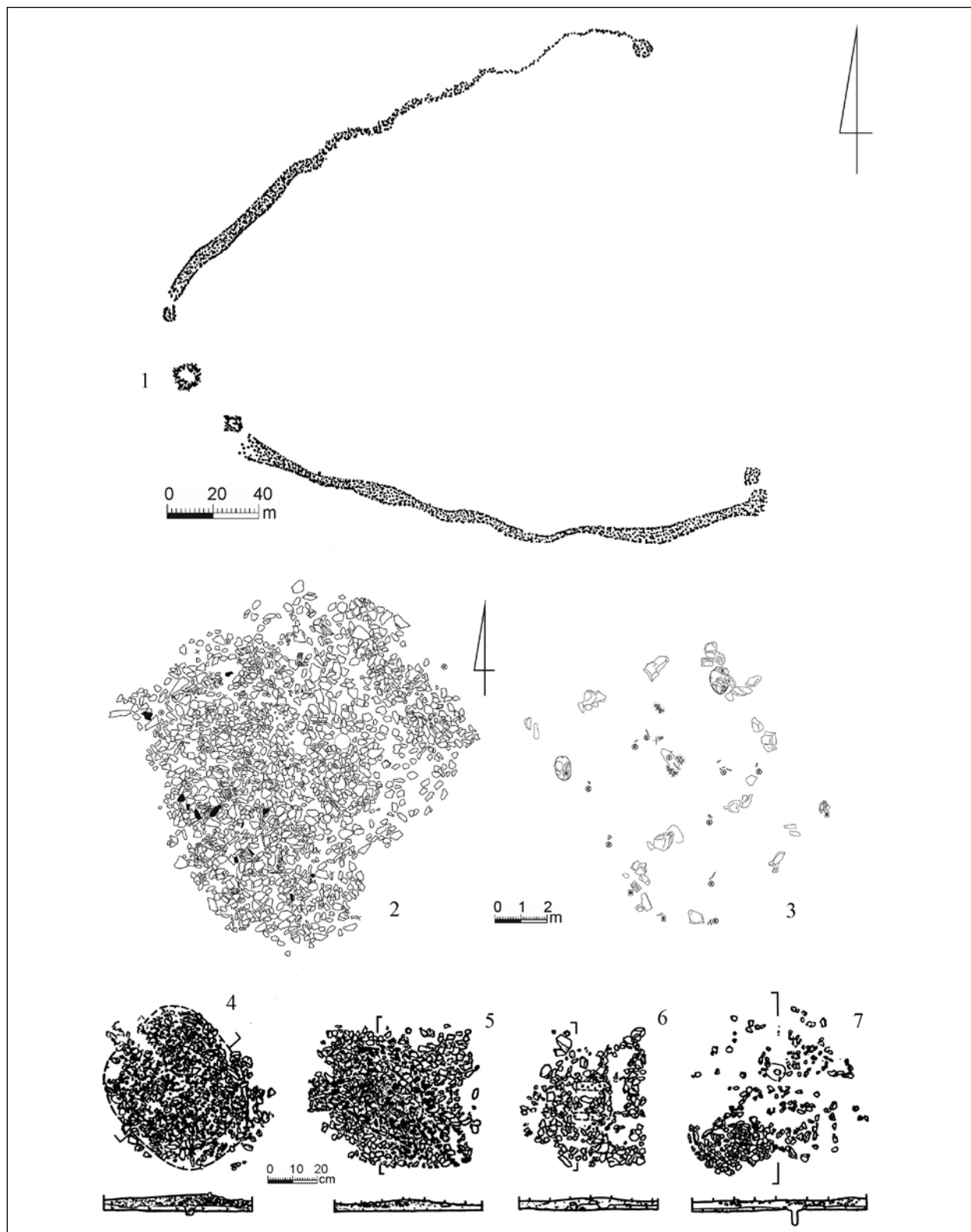


Рис. 50. Городищенское IX [15]. 1: Обиций план; 2: План центральной насыпи (горизонт 1); 3: План центральной насыпи (горизонт 2); 4: Восточная площадка северной гряды; 5: Западная площадка южной гряды; 6: Западное окончание северной гряды; 7: Восточное окончание южной гряды (БОТАЛОВ-ГУЦАЛОВ 2000)

Fig. 50. Gorodishenskoe IX [15]. 1: General plan; 2: Plan of the central mound (horizon 1); 3: Plan of the central mound (horizon 2); 4: Eastern platform of North "moustache"; 5: The Western platform South of the "moustache"; 6: The Western platform of the Northern "moustache"; 7: Eastern platform of the southern "moustache" (BOTALOV-GUCALOV 2000)

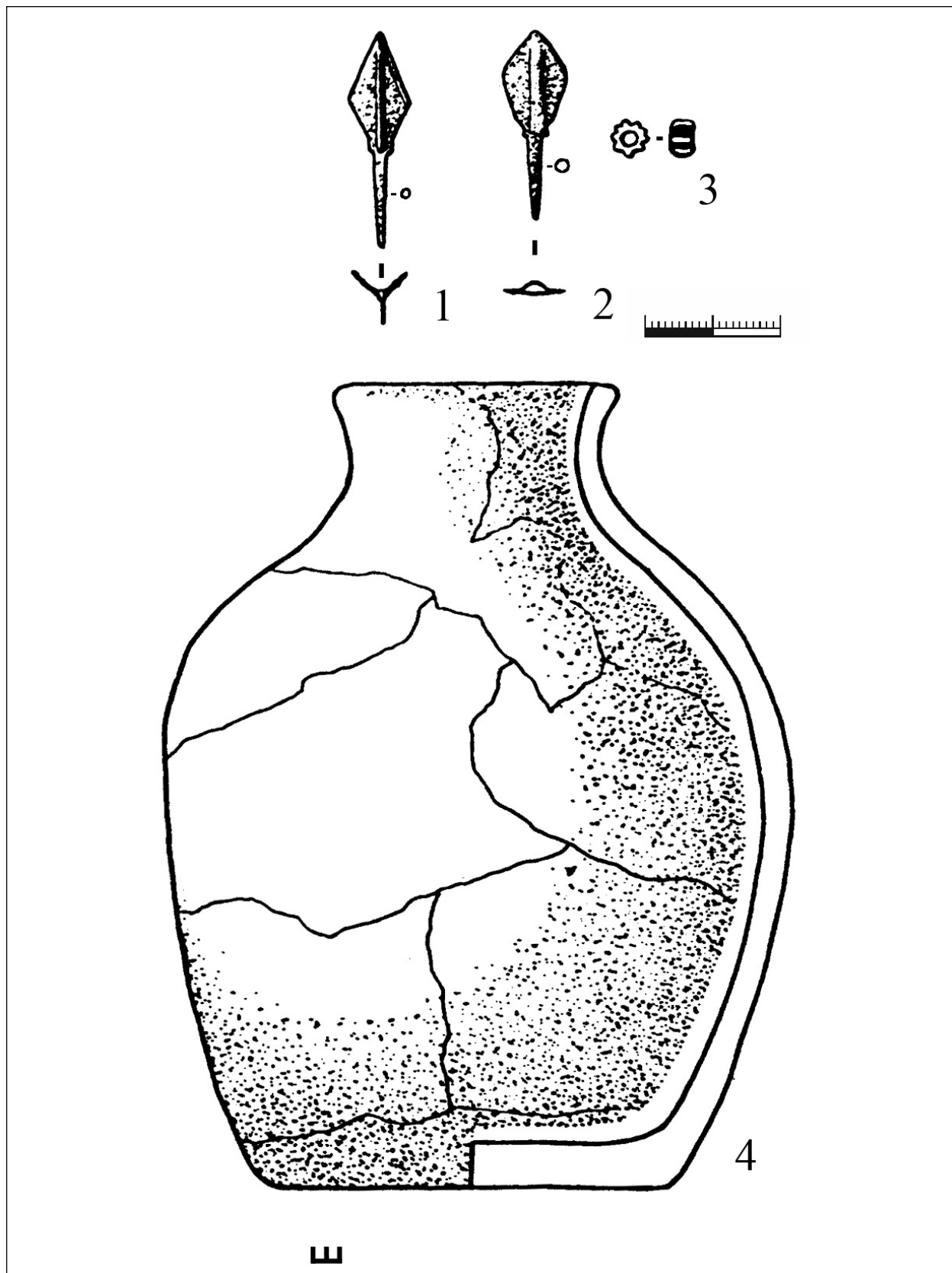


Рис. 51. Городищенское IX [15]. Инвентарь. 1–2: Железные наконечники стрел; 3: Бусина; 4: Сосуд  
(БОТАЛОВ–ГУЦАЛОВ 2000)

Fig. 51. Gorodishhenskoe IX [15]. Artifacts. 1–2: Iron arrowheads; 3: Bead; 4: Pot (BOTALOV–GUCALOV 2000)

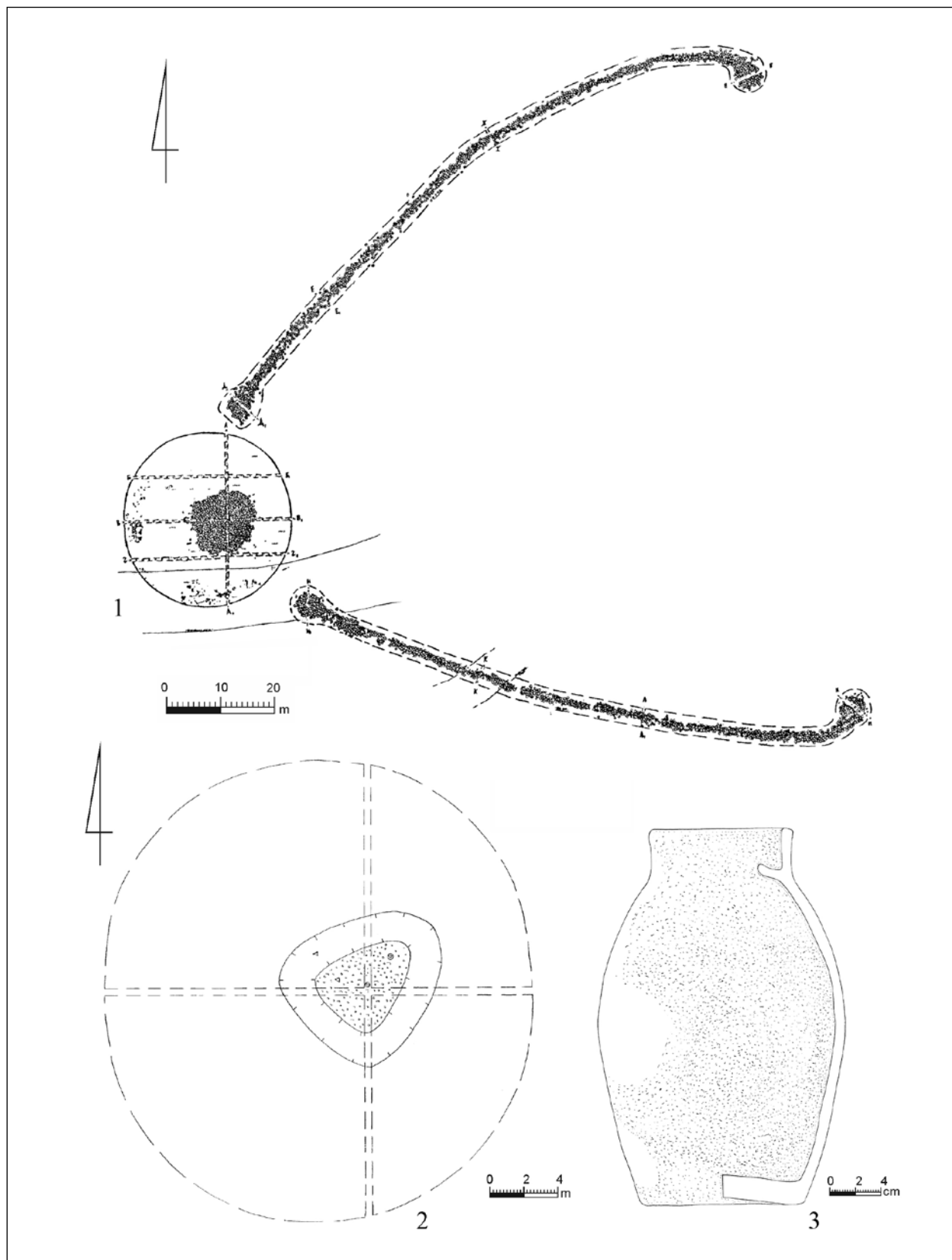


Рис. 52. Новоактjубинский I [81]. 1: Общйй план; 2: План подкурганной площадки центральной насыпи;  
3: Сосуд из центральной насыпи (Любчанский–Бытковский 2006)

Fig. 52. Novoaktjubinskii I [81]. 1: General plan; 2: Plan of the central mound underground platform;  
3: A pot from the central mound (LYUBCHANSKI–BYTKOVSKI 2006)

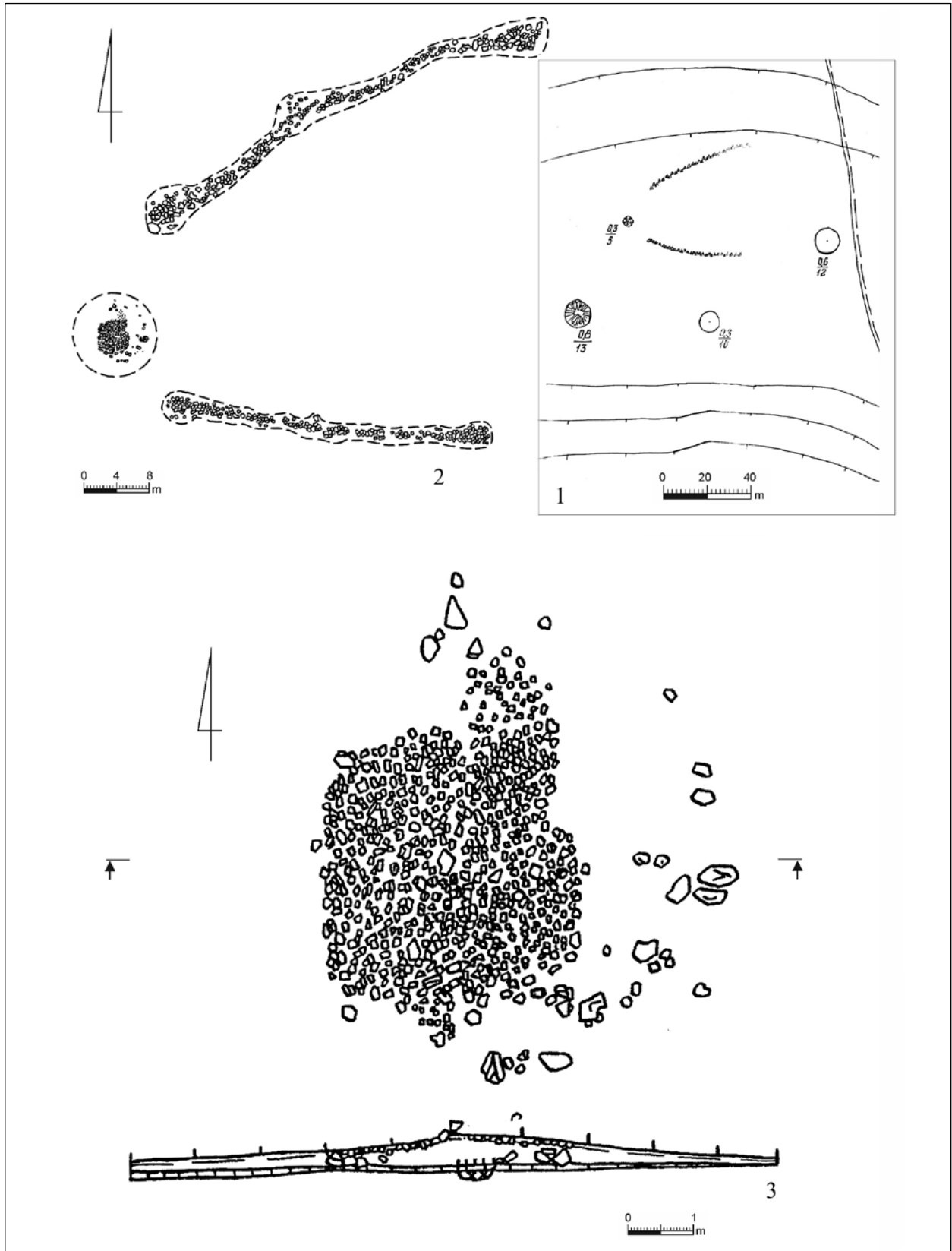


Рис. 53. Медес [92]. 1: Ситуационный план; 2: Общий план комплекса; 3: План и разрез центрального сооружения (БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006)

Fig. 53. Medes [92]. 1: Situation plan; 2: General plan of the complex; 3: Plan and section of the central mound (BOTALOV–TAIROV–LYUBCHANSKII 2006)

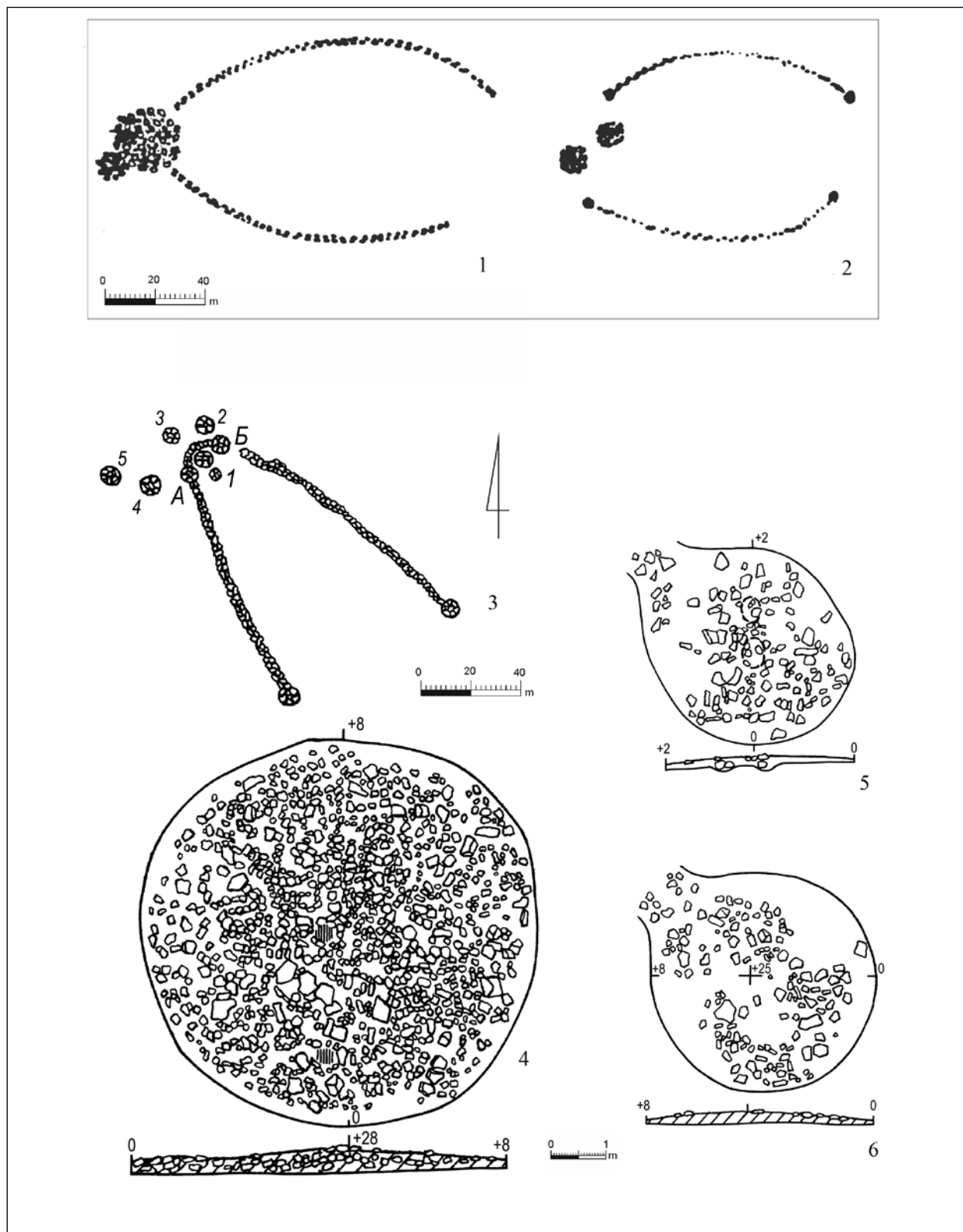


Рис. 54. Курганы с «усами» Улытау. 1: Тогызбайкуль [214]; 2: Орезаир [215]; 3–5: Батыр-Булак [211]; 3: Общий план; 4: План и разрез центрального сооружения; 5: Концевая (юго-восточная) площадка северо-восточной гряды; 6: Концевая площадка юго-западной гряды (КАДЫРБАЕВ 1958; УСМАНОВА 1987)

Fig. 54. Kurgans with "moustache" of the Ulytau. 1: Togyzbaikul' [214]; 2: Orezair [215]; 3–5: Batyr-Bulak [211]; 3: General plan; 4: Plan and section of the central mound; 5: South-Eastern platform of the North-Eastern "moustache"; 6: Platform of the South-Western "moustache" (KADYRBAEV 1958; USMANOVA 1987)

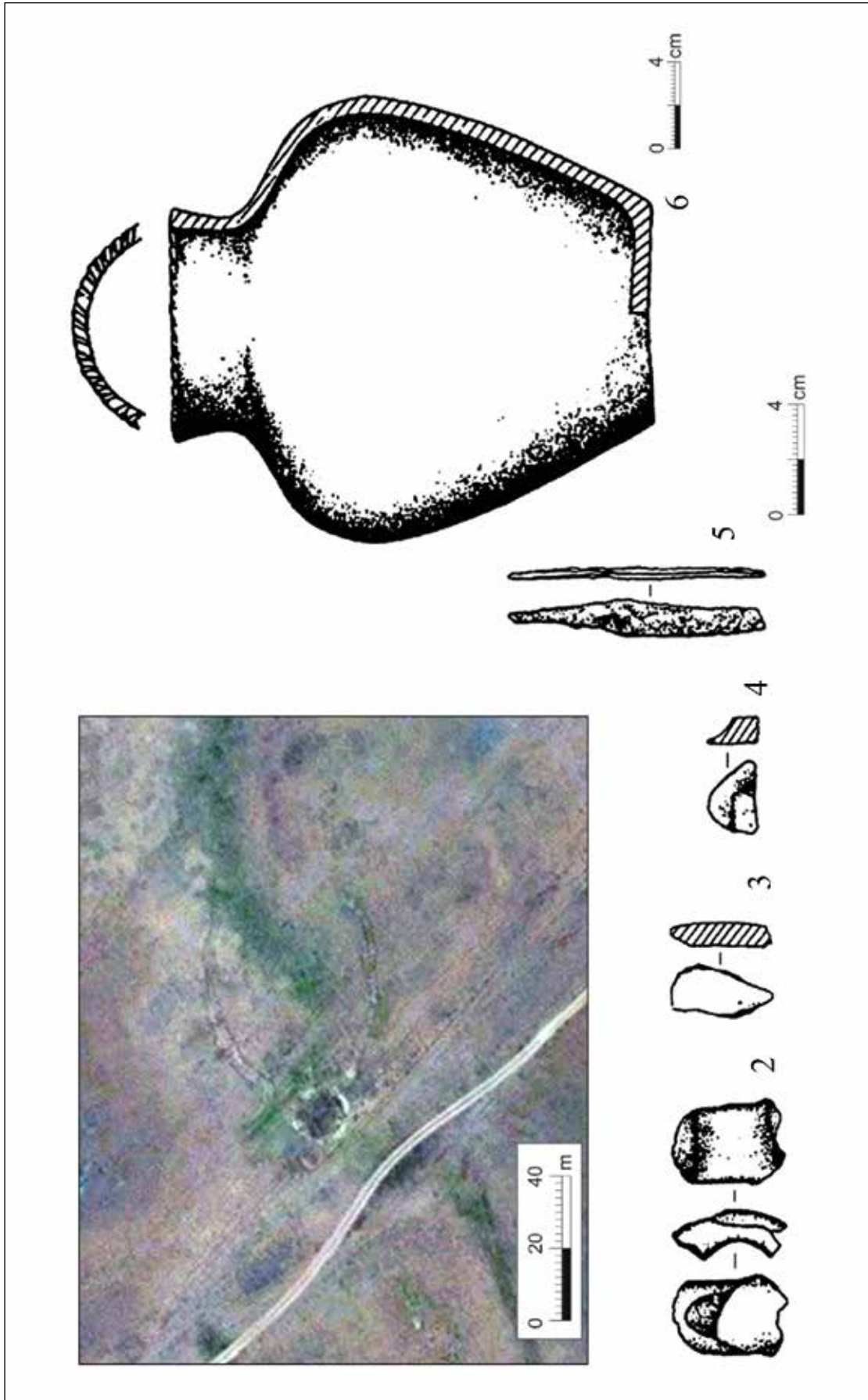


Рис. 55. Шидерты [300]. 1: Космоснимок комплекса; 2-4: Фрагменты гончарной керамики; 5: Железный нож; 6: Сосуд (Пересветов 2001)

Fig. 55. Shiderty [300]. 1: Satellite image of the complex; 2-4: Fragments of pottery; 5: Iron knife; 6: Pot (Peresvetov 2001)

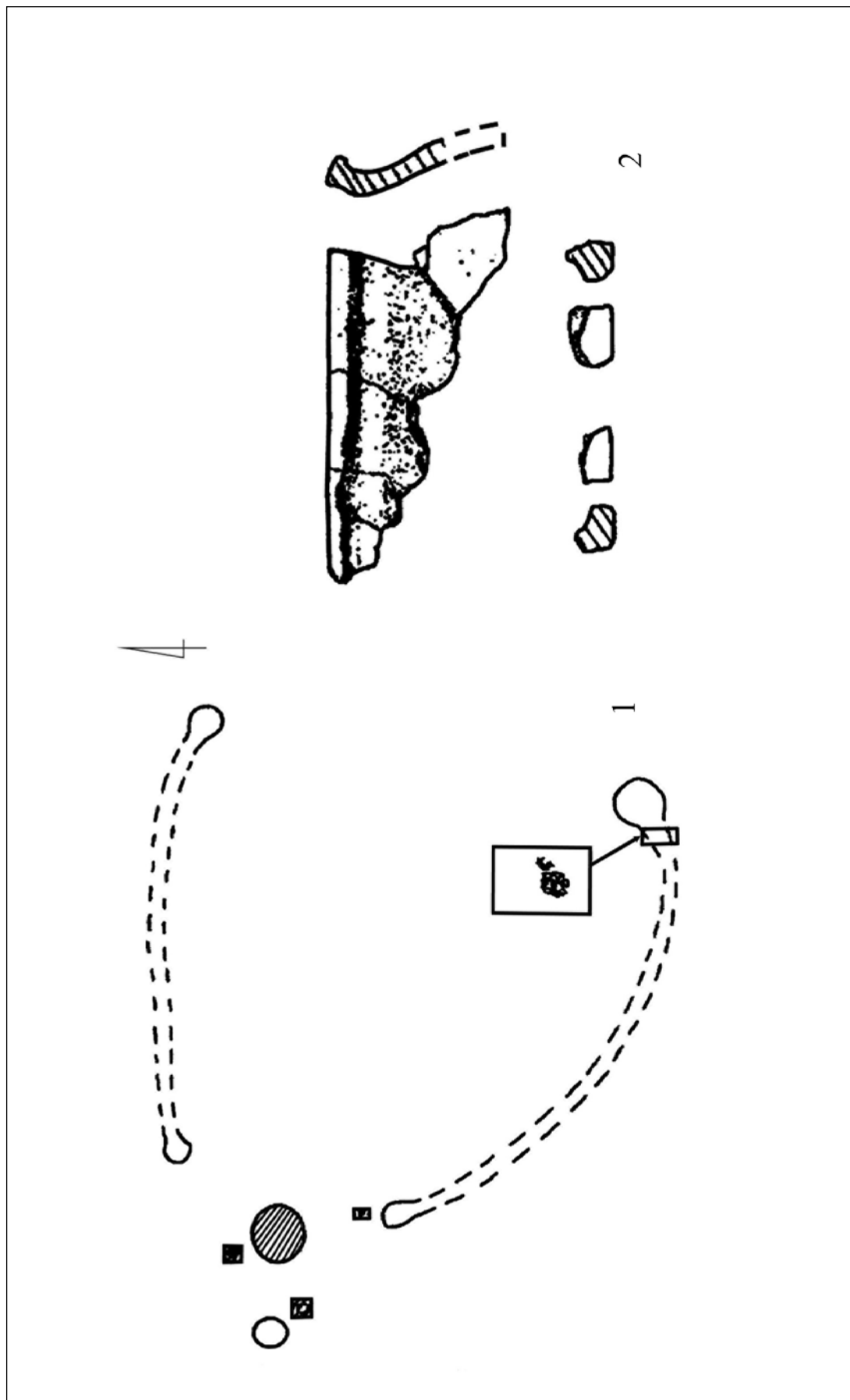


Рис. 56. Ак-Кайрақты, курган 8 [254]. 1: Общий план; 2: Фрагменты керамического сосуда (Сығидов 2004)

Fig. 56. Ak-Kajraқты, kurgan 8 [254]. 1: General plan; 2: Fragments of a ceramic vessel (Sygidov 2004)



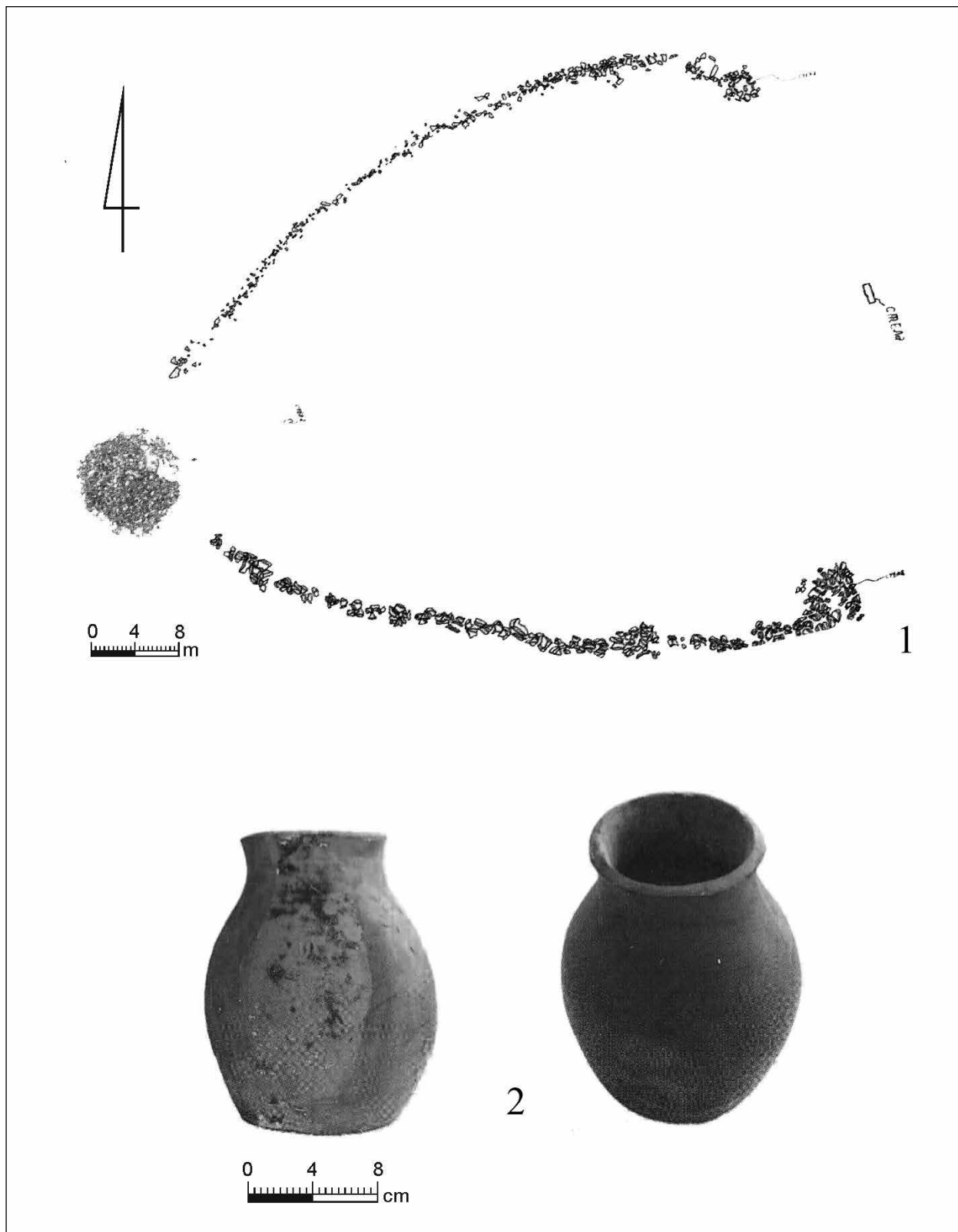


Рис. 57. Карагайлы 2–3 [287]. 1: Обиций план; 2: Сосуд (ДОСЫМБАЕВА 2013)

Fig. 57. Karagaily 2–3 [287]. 1: General plan; 2: Pot (DOSYMBAEVA 2013)

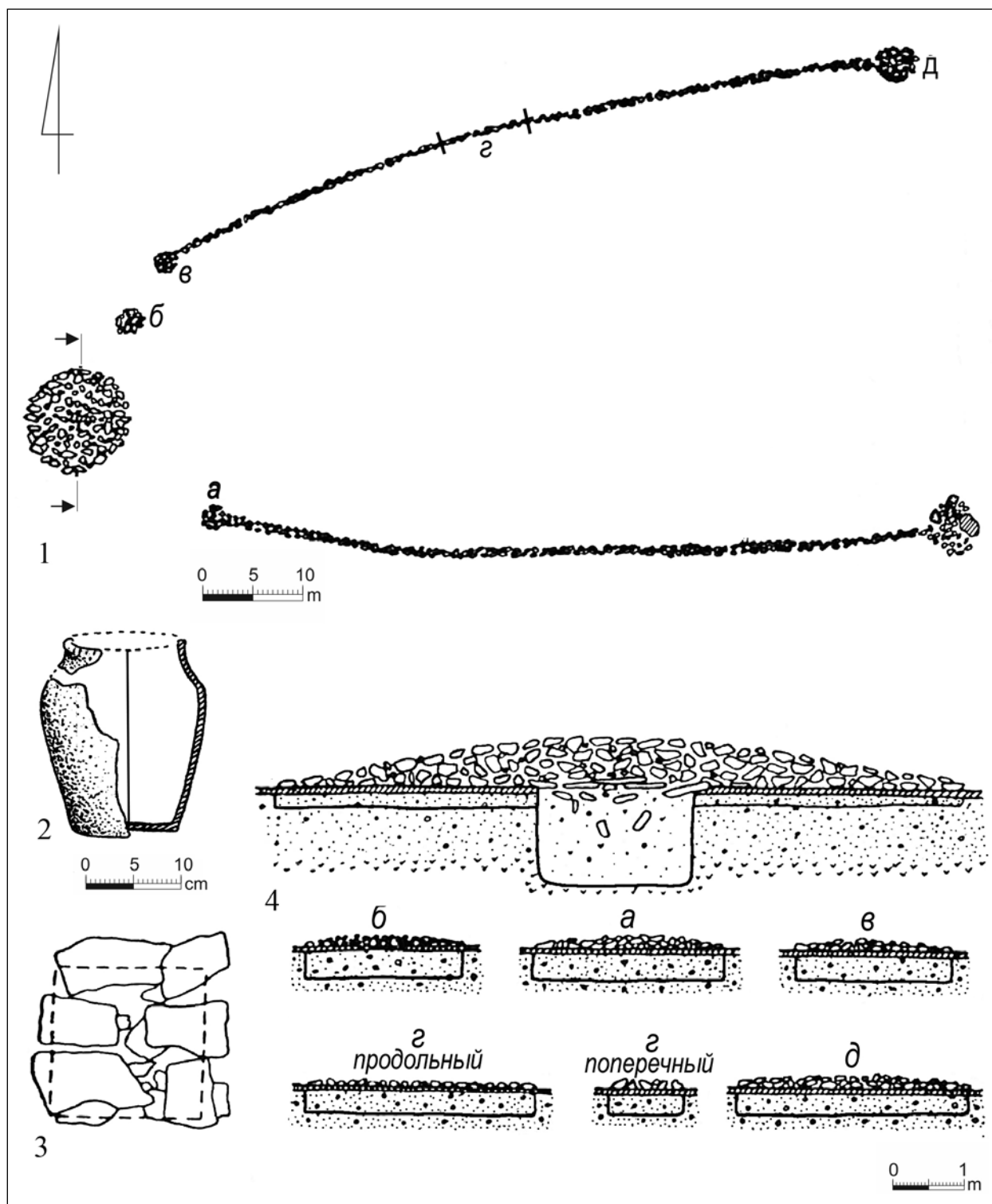


Рис. 58. Канаттас, курган 19 [464]. 1: Общий план; 2: Сосуд из центрального сооружения; 3: План каменного перекрытия могильной ямы; 4: Разрез центральной насыпи; а-д: Разрезы разных участков (КАДЫРБАЕВ 1959а)

Fig. 58. Kanattas, kurgan 19 [464]. 1: General plan; 2: Vessel from the central mound; 3: Plan of the stone floor of the grave pit; 4: Section of the central mound; а-d: Profiles of different sections (КАДЫРБАЕВ 1959а)



Рис. 59. Канаттас, курган 19 [464]. План погребения (ЖАДЫРБАЕВ 1959а)

Fig. 59. Kanattas, kurgan 19 [464]. Plan of burial (ЖАДЫРБАЕВ 1959а)

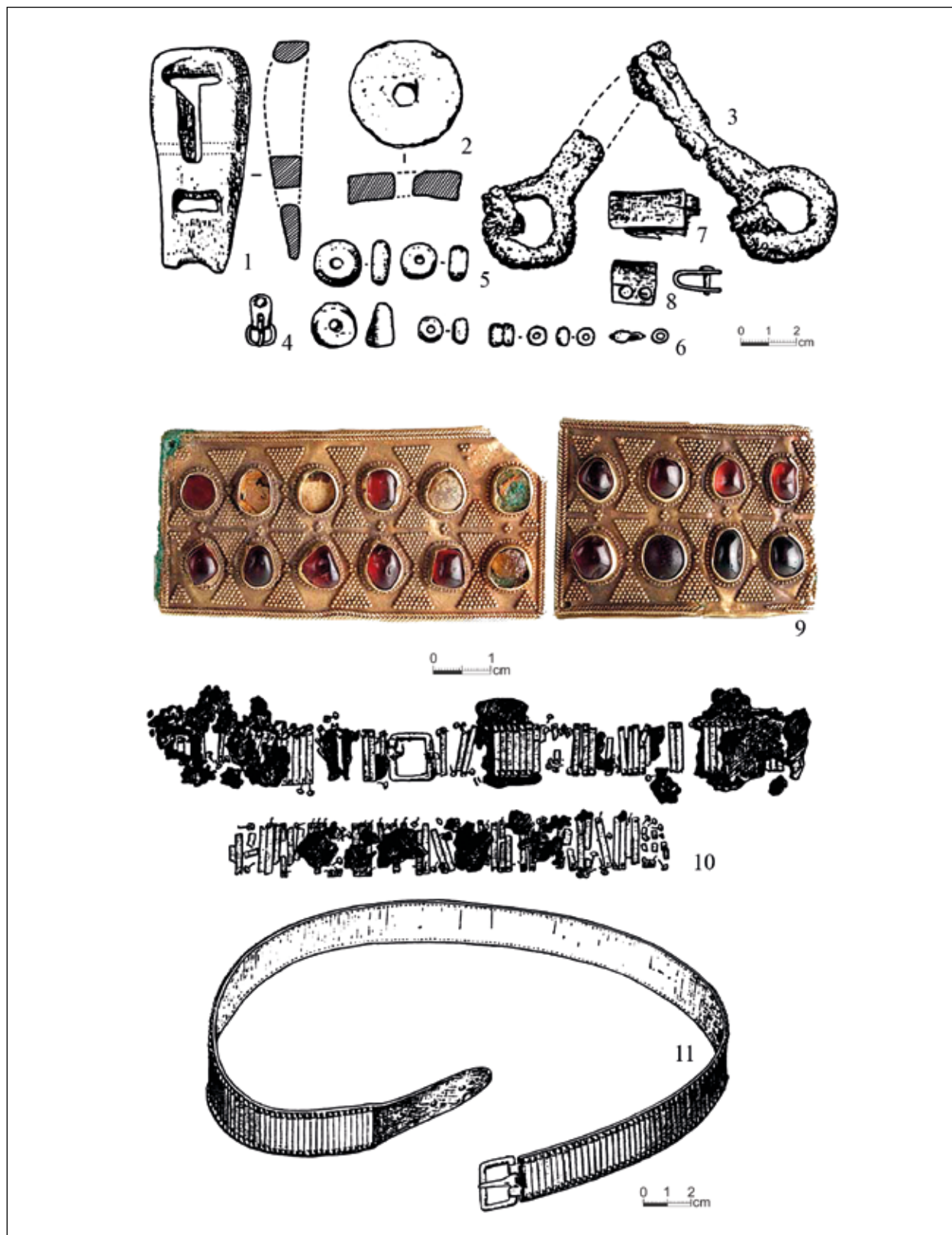


Рис. 60. Канаттас, курган 19 [464]. Инвентарь погребения. 1: Костяная подпружинная пряжка; 2: Керамическое пряслице; 3: Удила; 4: Пряжка; 5, 6: Бусы; 7–8: Серебряные обоймочки; 9: Украшение в полихромном стиле (налобная диадема) (КАДЫРБАЕВ 1959а; САМАСHEВ 2013)

Fig. 60. Kanattas, kurgan 19 [464]. Artifacts. 1: Bone buckle; 2: Ceramic spinning wheel; 3: Bridle; 4: Buckle; 5, 6: Beads; 7–8: Silver clips; 9: Decoration in polychrome style (forehead diadem) (KADYRBAEV 1959a; SAMASHEV 2013)

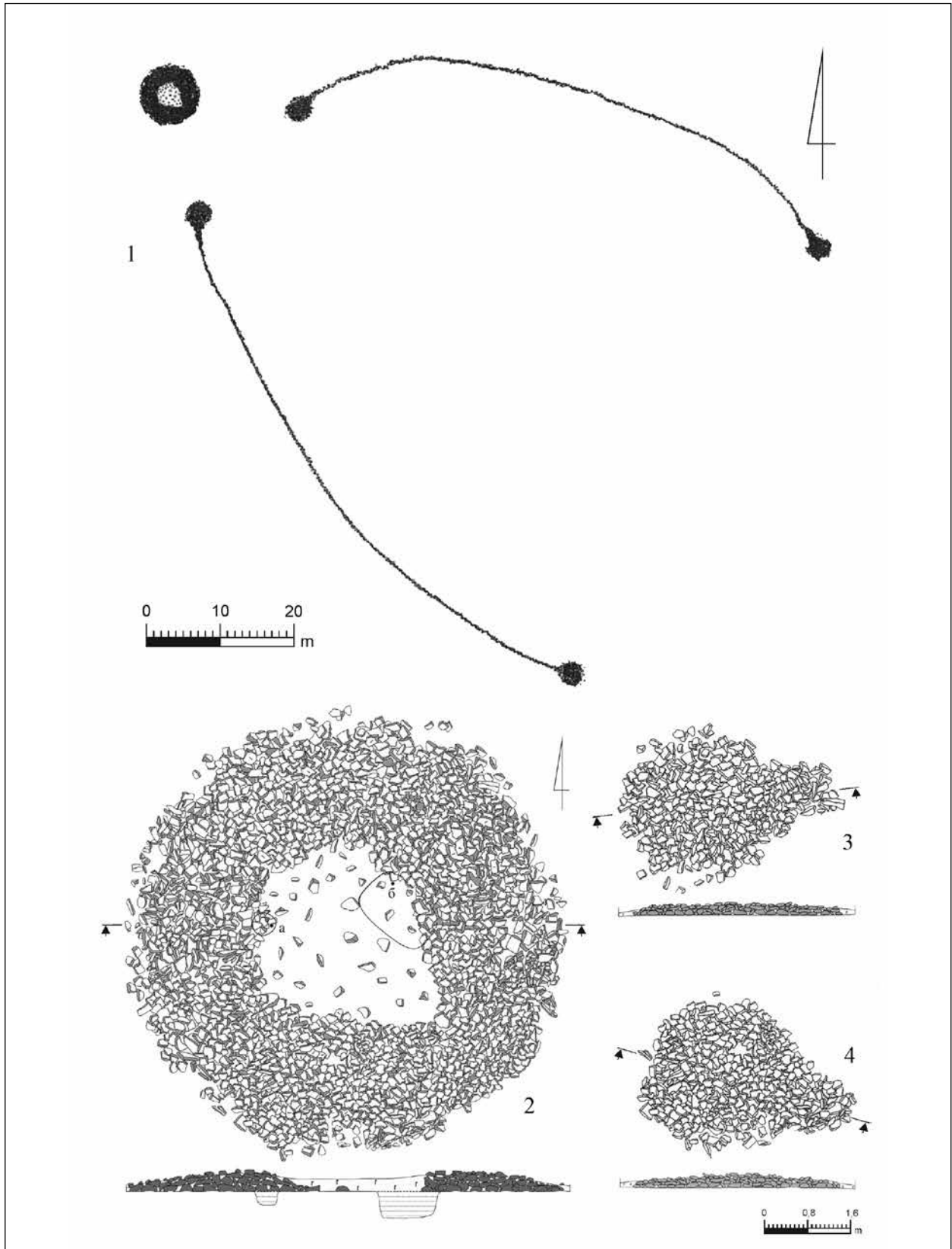


Рис. 61. Атасу-2 [506]. 1: Общий план; 2: План и разрез центрального сооружения; 3: Западная площадка северной гряды; 4: Западная площадка южной гряды (Бейсенов и др. 2018)

Fig. 61. Atasu-2 [506]. 1: General plan; 2: Plan and section of the central mound; 3: Western platform of the Northern "moustache"; 4: Western platform of the Southern "moustache" (BEISENOV ET AL. 2018)

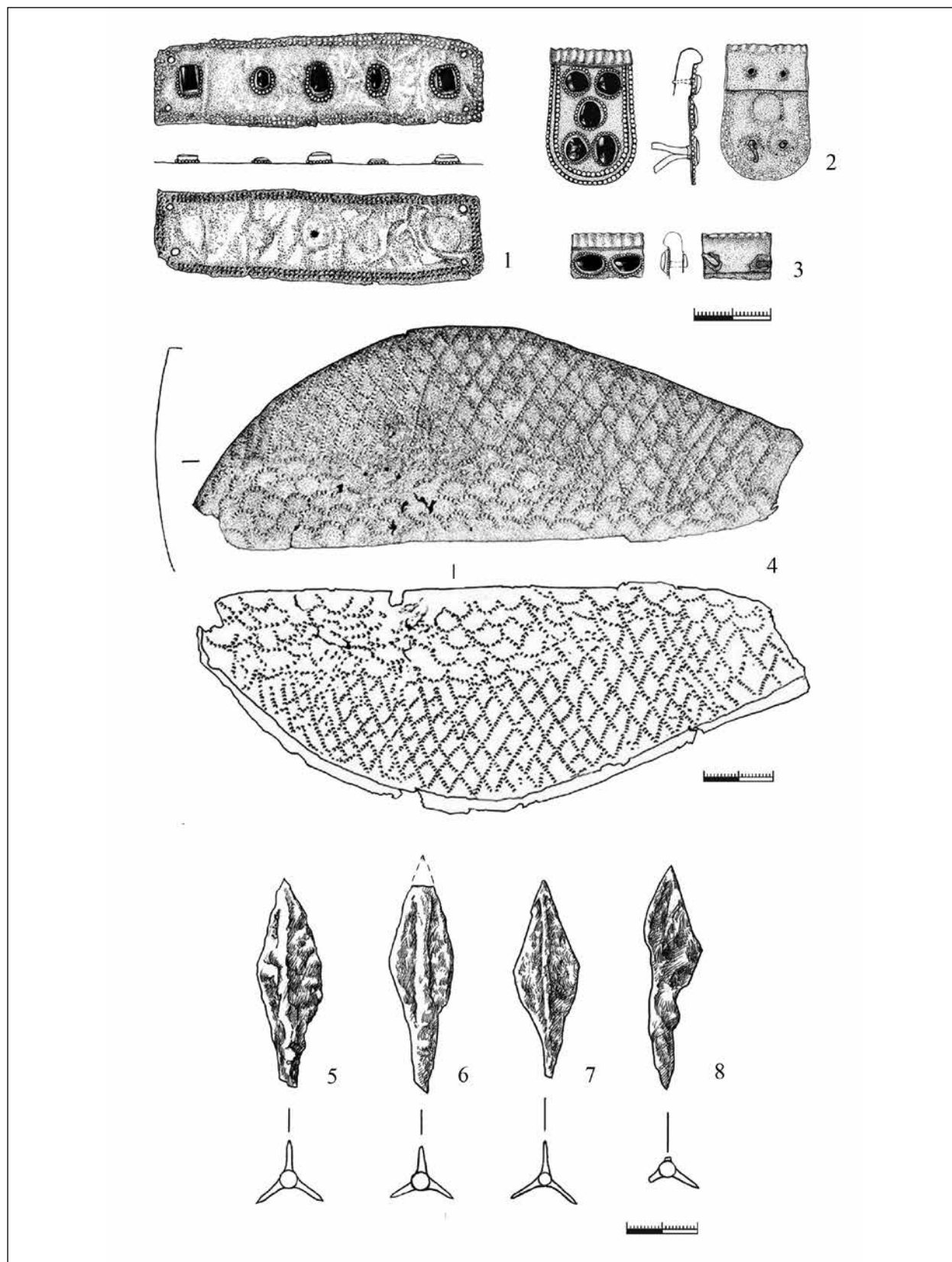


Рис. 62. Атасу-2 [506]. Инвентарь. 1: Накладка; 2–3: Наконечники ремней; 4: Обкладка ленточки седла; 5–8: Железные наконечники стрел (Бейсенов и др. 2018)

Fig. 62. Atasu-2 [506]. Artifacts. 1: Polychrome decoration; 2–3: Belt tips; 4: Saddle ribbon lining; 5–8: Iron arrowheads (BEISENOV ET AL. 2018)

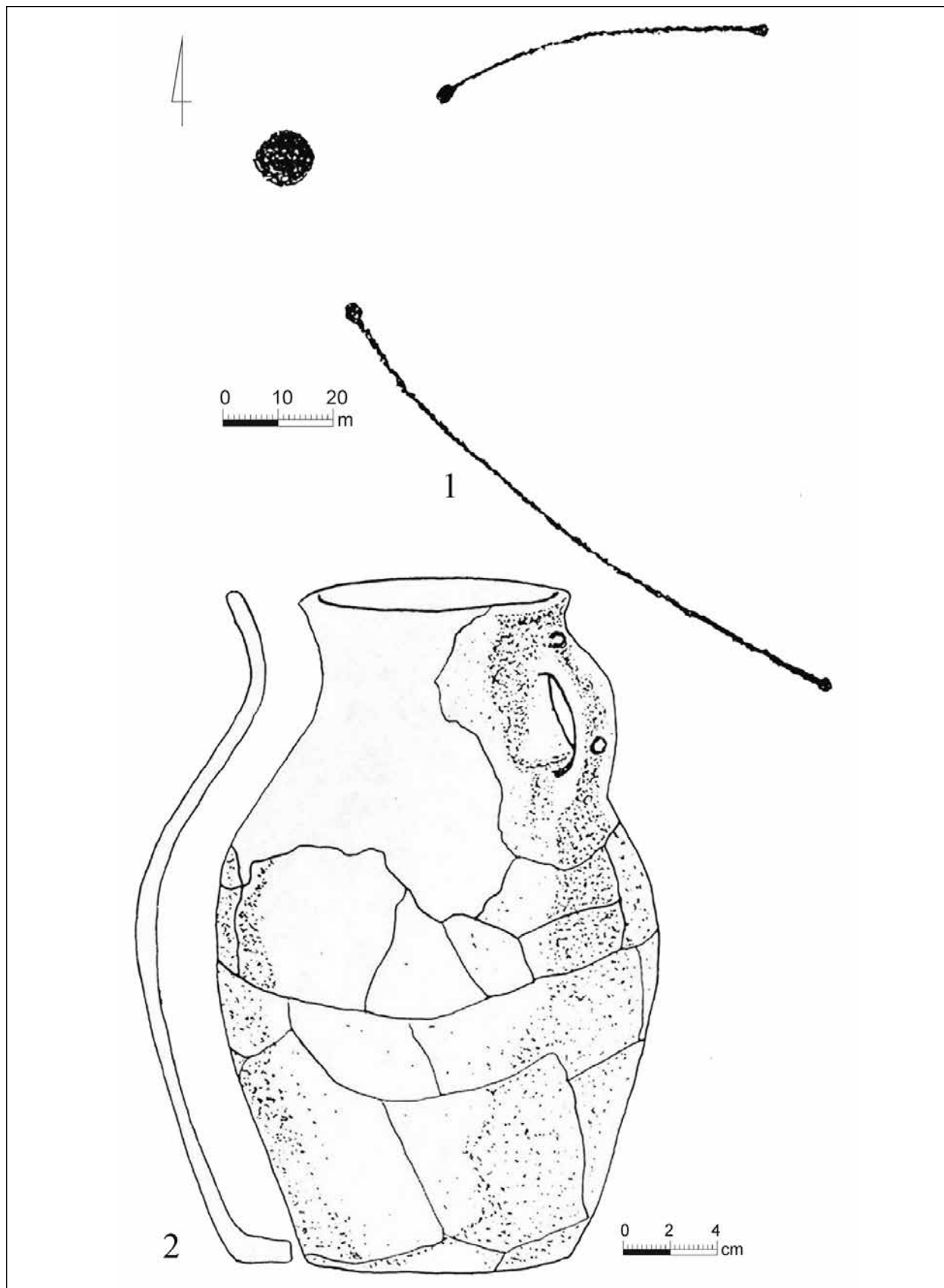


Рис. 63. Акмустафа 2 [498]. 1: Обиций план; 2: Кувшин из центрального сооружения (Бейсенов и др. 2018)  
 Fig. 63. Akmustafa 2 [498]. 1: General plan; 2: Jug from the central mound (BEISENOV ET AL. 2018)

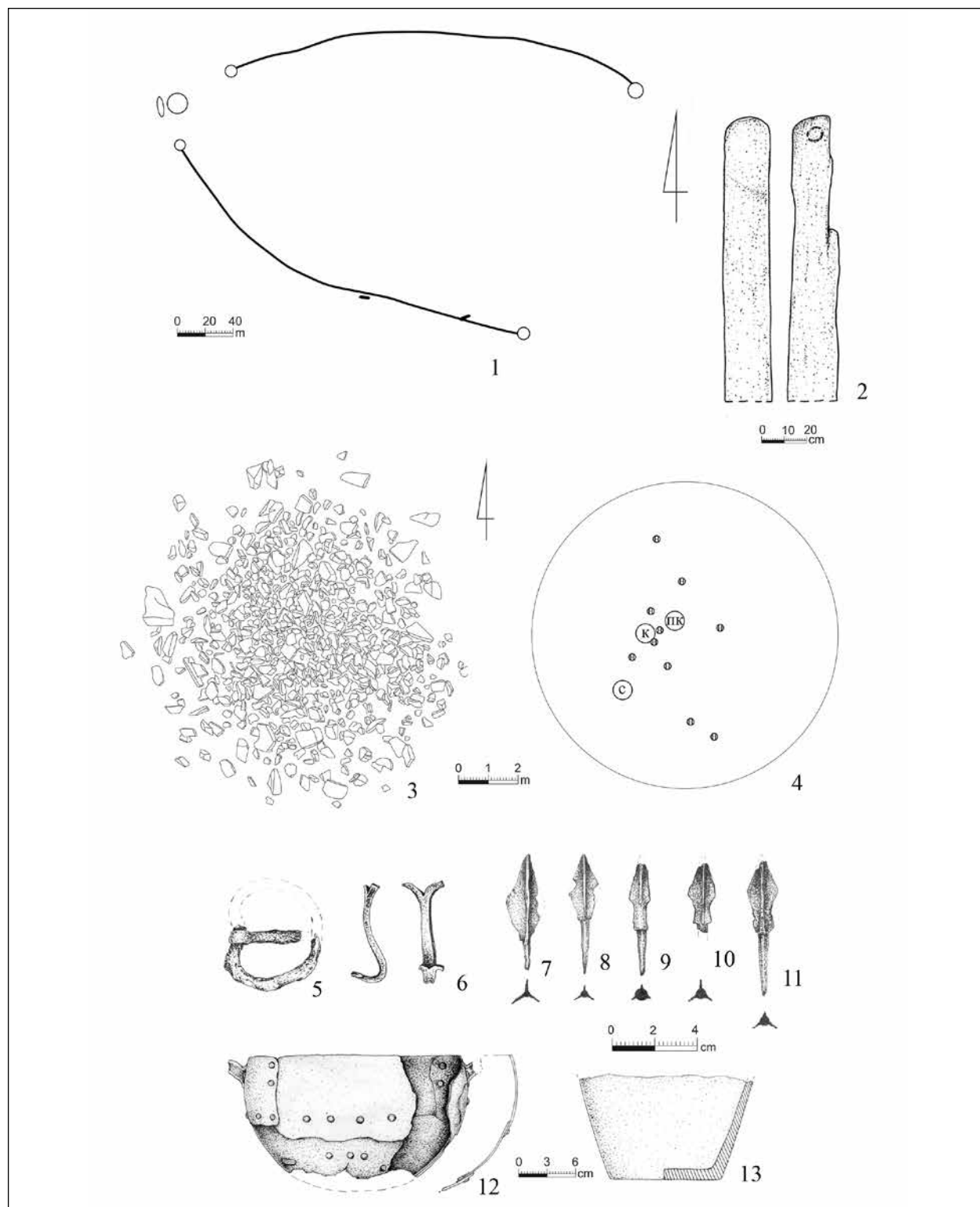


Рис. 64. Унирек-2 [412]. 1: Обищий план; 2: Олений камень из южной гряды; 3: План центрального сооружения; 4: План подкурганной площадки центрального сооружения; 5: Железная пряжка; 6: Колчаный крюк; 7–11: Железные наконечники стрел; 12: Железный котел; 13: Фрагмент керамического сосуда; Н: Наконечники стрел; К: Железный котел; С: Керамический сосуд; ПК: Пряжка и колчаный крюк (КУРМАНКУЛОВ–УТУБАЕВ–КАСЕНОВА 2018)

Fig. 64. Unirek-2 [412]. 1: General plan; 2: Stone from the Southern "moustache"; 3: Plan of the central mound; 4: Plan of the underground site of the central mound; 5: Iron buckle; 6: Quiver hook; 7–11: Iron arrowheads; 12: Iron cauldron; 13: Fragment of a ceramic pot; Н: Arrowheads; К: Iron cauldron; С: Ceramic pot; ПК: Buckle and quiver hook (KURMANKULOV–UTUBAEV–KASENOVA 2018)



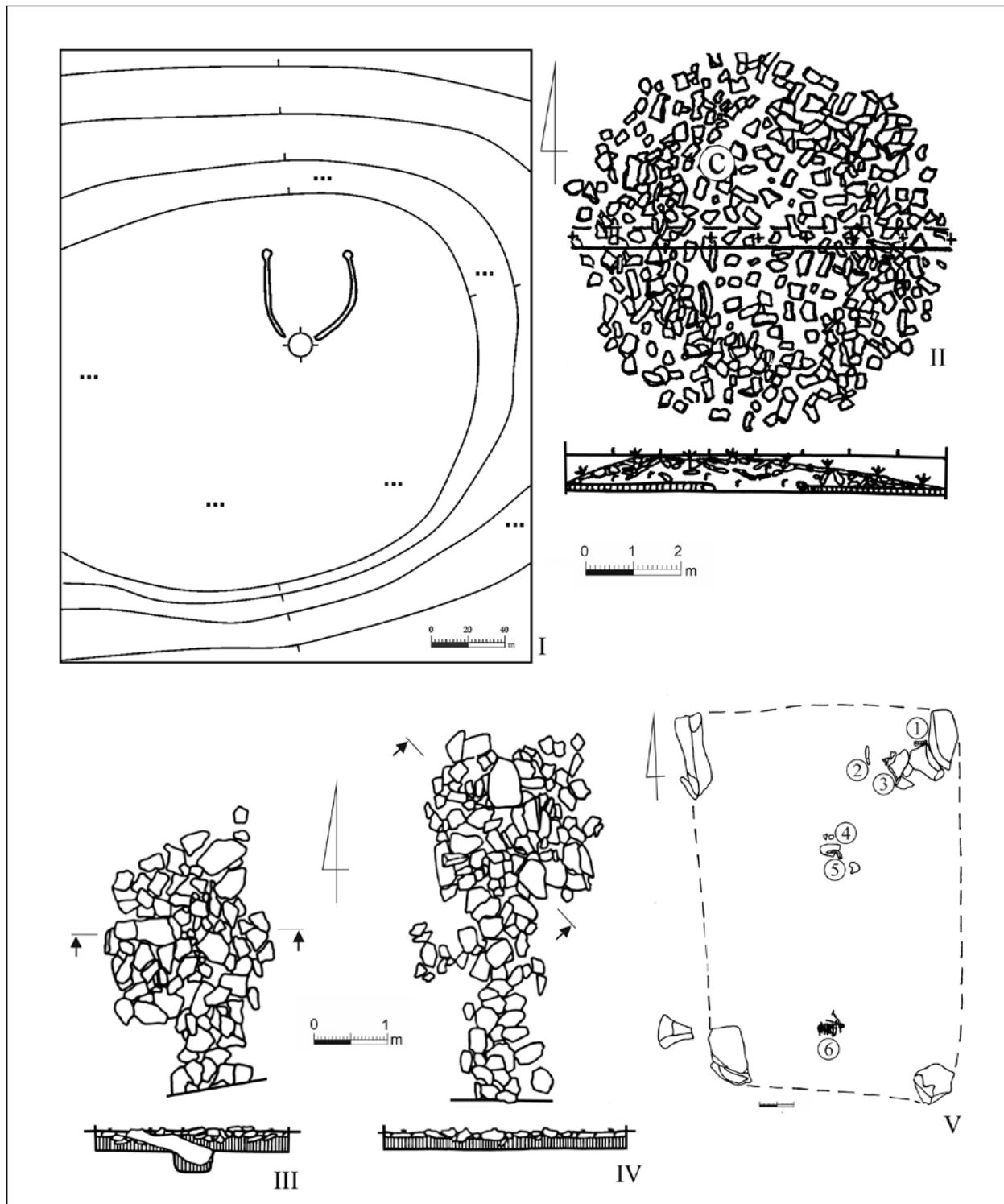


Рис. 65. Султантемировский I [77]. I: План памятника; II: План и разрез центрального сооружения; III: Северная площадка восточной гряды; IV: Северная площадка западной гряды; 1: Фрагмент человеческой челюсти; 2: Фрагмент плечевой кости; 3: Обломки горловины сосуда; 4: Фрагменты стенок сосуда; 5: Обломки черепа; 6: Жертвенный комплекс (наконечники стрел, удила, колчаный крюк, железный стержень) (СУНГАТОВ 2003)

Fig. 65. Sultantemirovskii I [77]. I: Plan of the site; II: Plan and section of the central mound; III: North platform of the Eastern "moustache"; IV: North platform of the Western "moustache"; 1: Fragment of a human jaw; 2: Fragment of the humerus; 3: Fragments of the pot neck; 4: Fragments of the vessel walls; 5: Fragments of the skull; 6: Sacrificial complex (arrowheads, bit, quiver hook, iron rod) (SUNGATOV 2003)

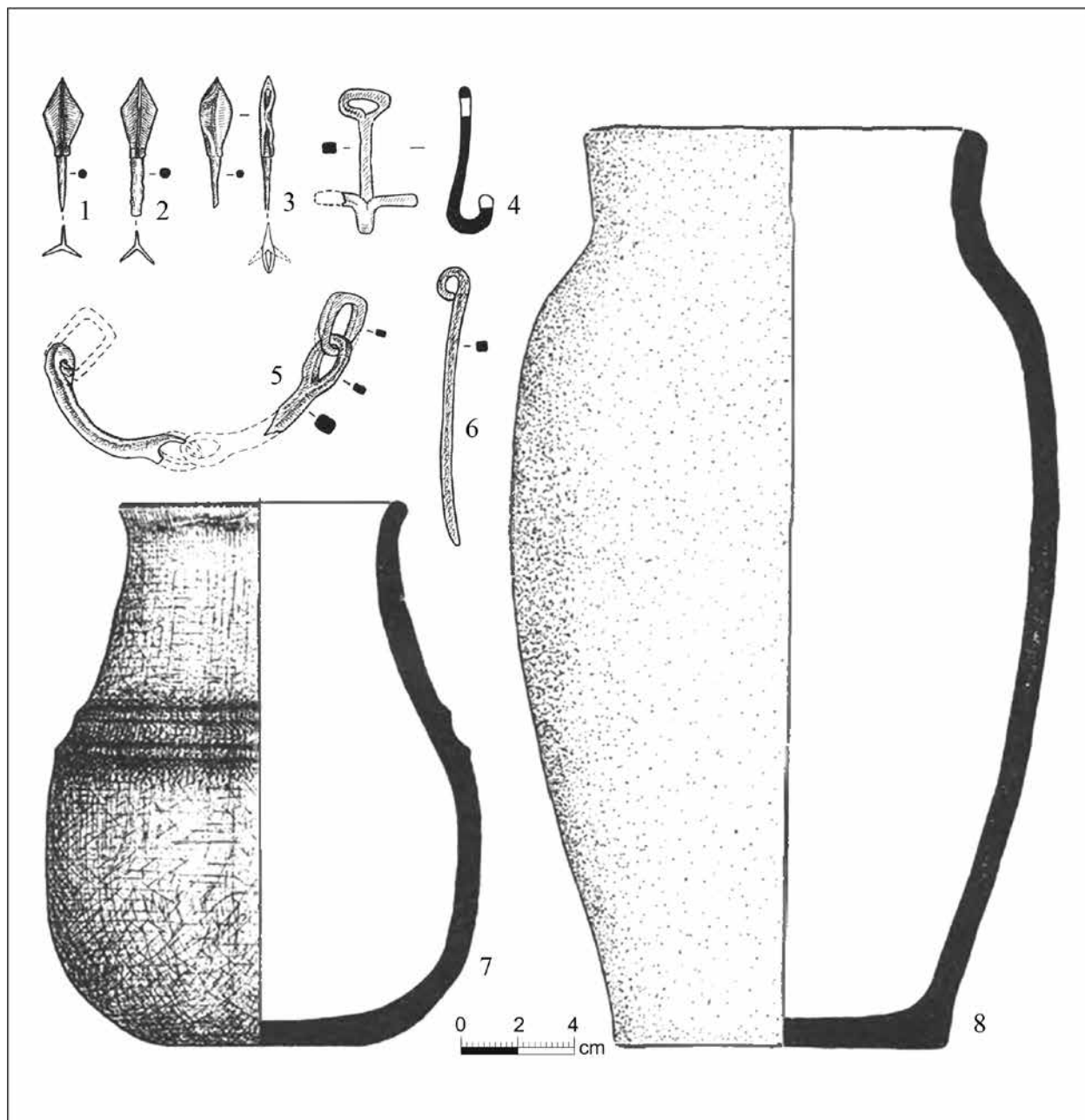


Рис. 66. Султантемировский I [77]. Инвентарь. 1–3: Железные наконечники стрел; 4: Колчаный крюк; 5: Удила; 6: Железный стержень; 7: Сосуд из погребения; 8: Сосуд под насытью кургана (Сунгатов 2003)

Fig. 66. Sultantemirovskii I [77]. Artifacts. 1–3: Iron arrowheads; 4: Quiver hook; 5: Bit; 6: Iron rod; 7: Pot from burial; 8: Pot under the mound (SUNGATOV 2003)

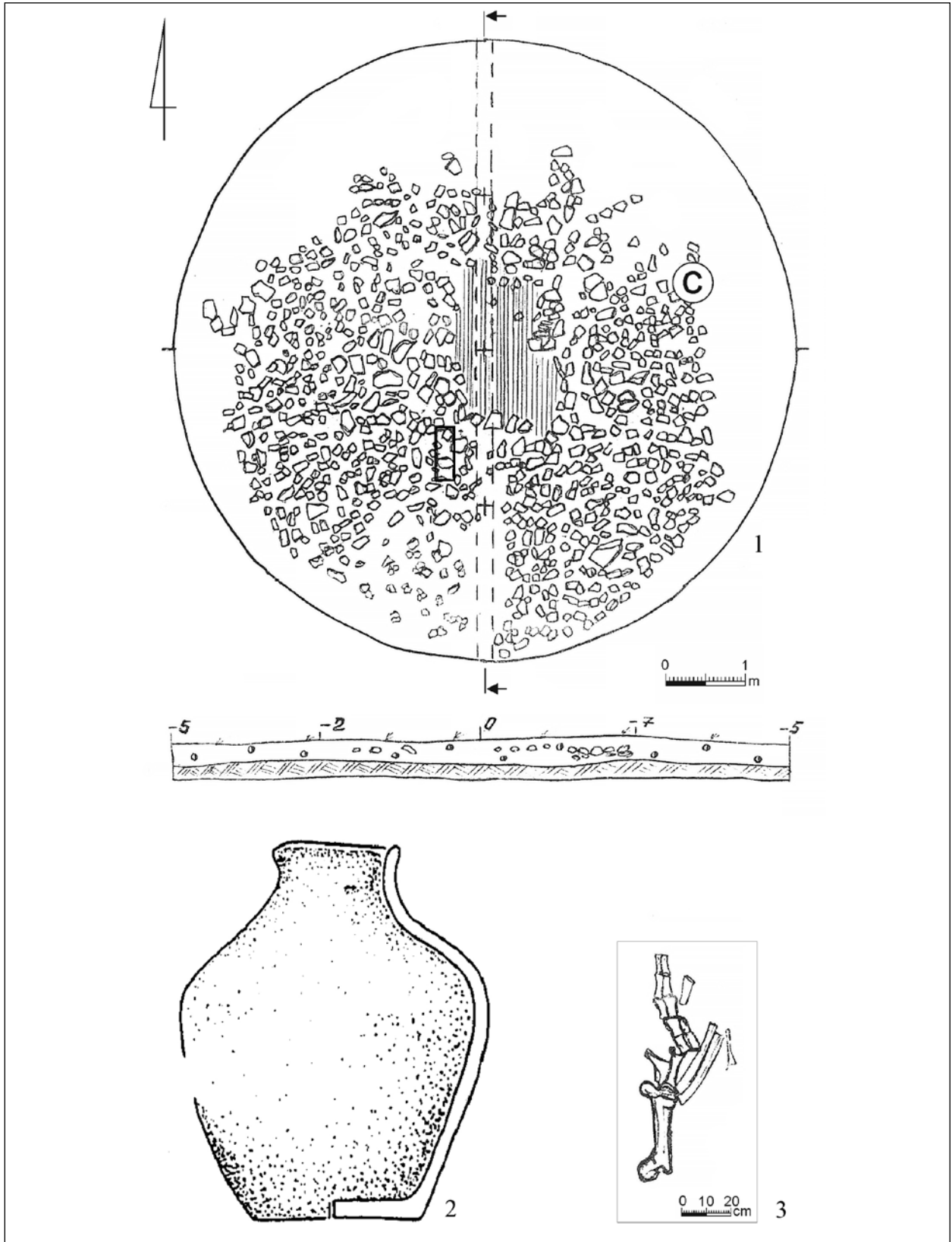


Рис. 67. Кызыл-Жар, курган 1 [82]. 1: План и разрез центрального сооружения; 2: Сосуд из насыпи; 3: Кости животных; С: Сосуд (УСМАНОВА-МАЗНИЧЕНКО 1993)

Fig. 67. Kyzyl-Zhar, kurgan 1 [82]. 1: Plan and profile of the central mound; 2: Pot from the mound; 3: Animal bones; C: Pot (USMANOVA-MAZNIHENKO 1993)

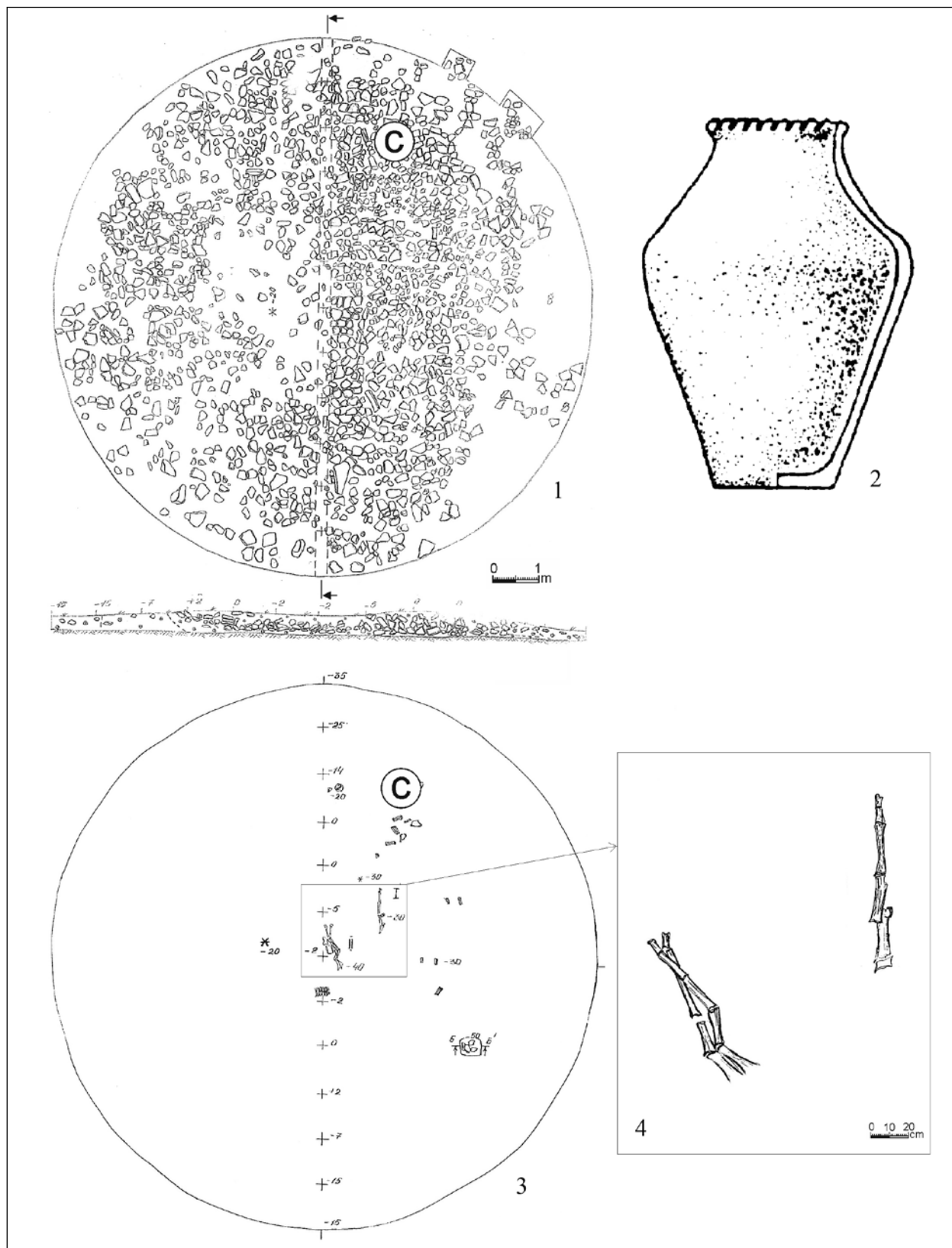


Рис. 68. Кызыл-Жар, курган 3 [82]. 1: План и разрез центрального сооружения; 2: Сосуд из насыпи; 3: План подкурганной площадки центрального сооружения; 4: Кости лошади (выкладка); C: Сосуд (УСМАНОВА–МАЗНИЧЕНКО 1993)

Fig. 68. Kyzyl-Zhar, kurgan 3 [82]. 1: Plan and section of the central mound; 2: Pot from the mound; 3: Plan of the underground area of the central mound; 4: Horse bones; C: Pot (USMANOVA–MAZNIHENKO 1993)

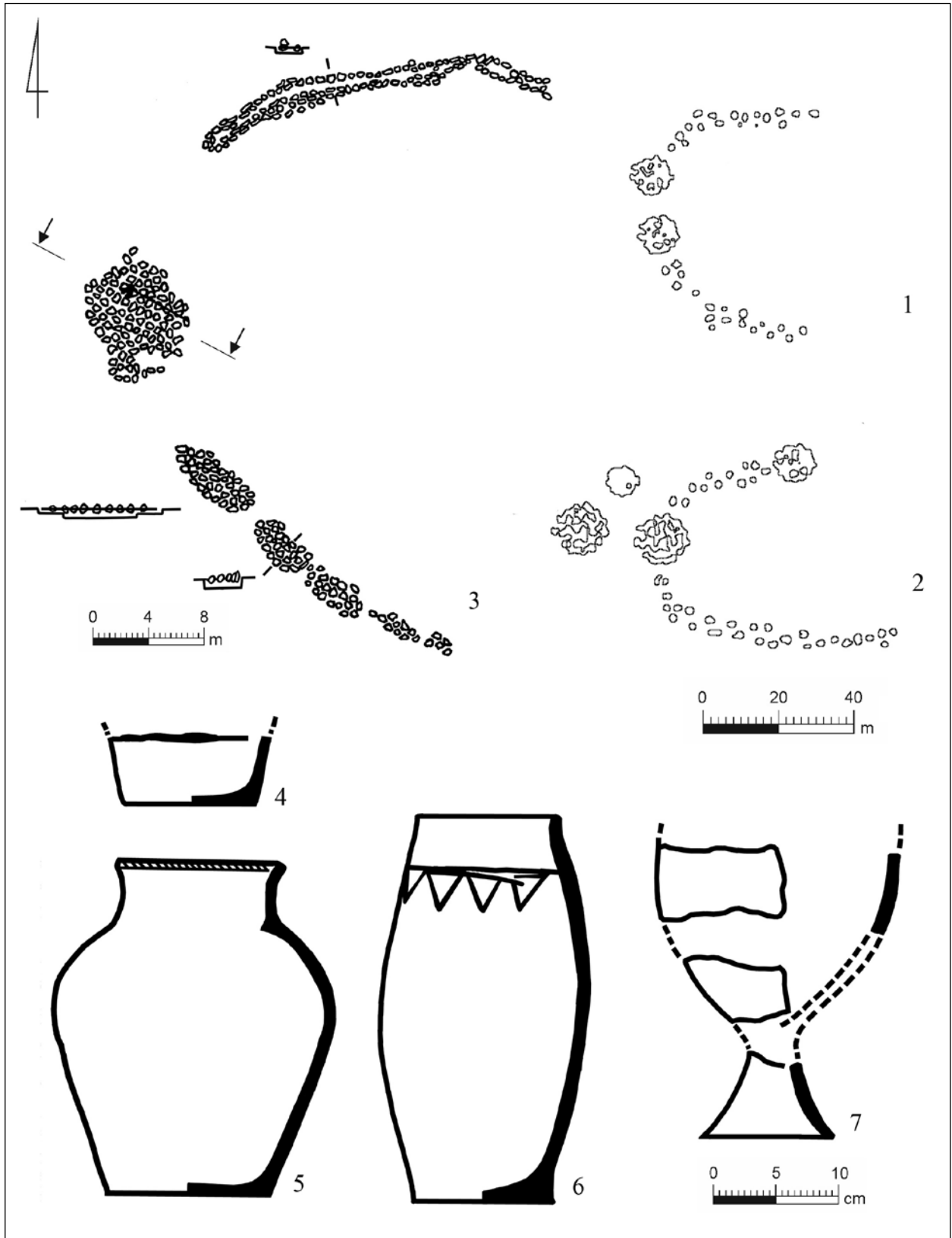


Рис. 69. Курганы с «усами» могильника Зевакино. 1: Курган 1 [584]; 2: Курган 2 [585]; 3: Курган 3 [586]; 4–7: Керамика; 4: Курган 1, южная насыпь; 5: Курган 3; 6–7: Курган 2 (АРСЛАНОВА 1975; АРСЛАНОВА 2013)

Fig. 69. Kurgans with "moustache" from Zevakino. 1: Kurgan 1 [584]; 2: Kurgan 2 [585]; 3: Kurgan 3 [586]; 4–7: Ceramics; 4: Kurgan 1, South mound; 5: Kurgan 3; 6–7: Kurgan 2 (ARSLANOVA 1975; ARSLANOVA 2013)

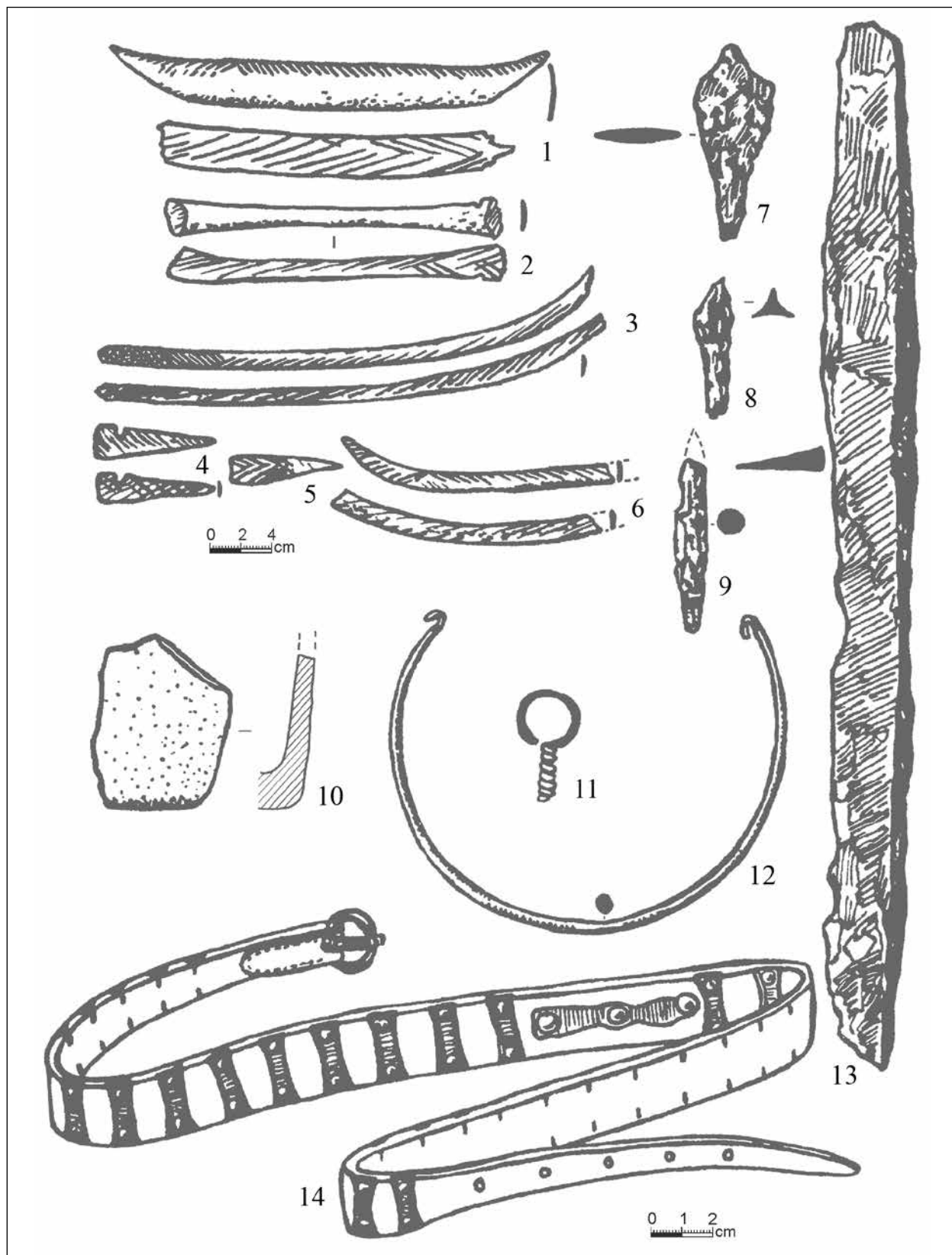


Рис. 70. Зевакино, курган 1 [584]. Инвентарь. 1–6: Костяные накладки лука; 7–9: Железные наконечники стрел; 10: Фрагмент сосуда; 11: Серьга; 12: Гривна; 13: Фрагмент палаша; 14: Пояс (АРСЛАНОВА 1975)

Fig. 70. Zevakino, kurgan 1 [584]. Artifacts. 1–6: Bone bow linings; 7–9: Iron arrowheads; 10: Pot fragment; 11: Earring; 12: Grivna; 13: Broadsword fragment; 14: Belt (ARSLANOVA 1975)

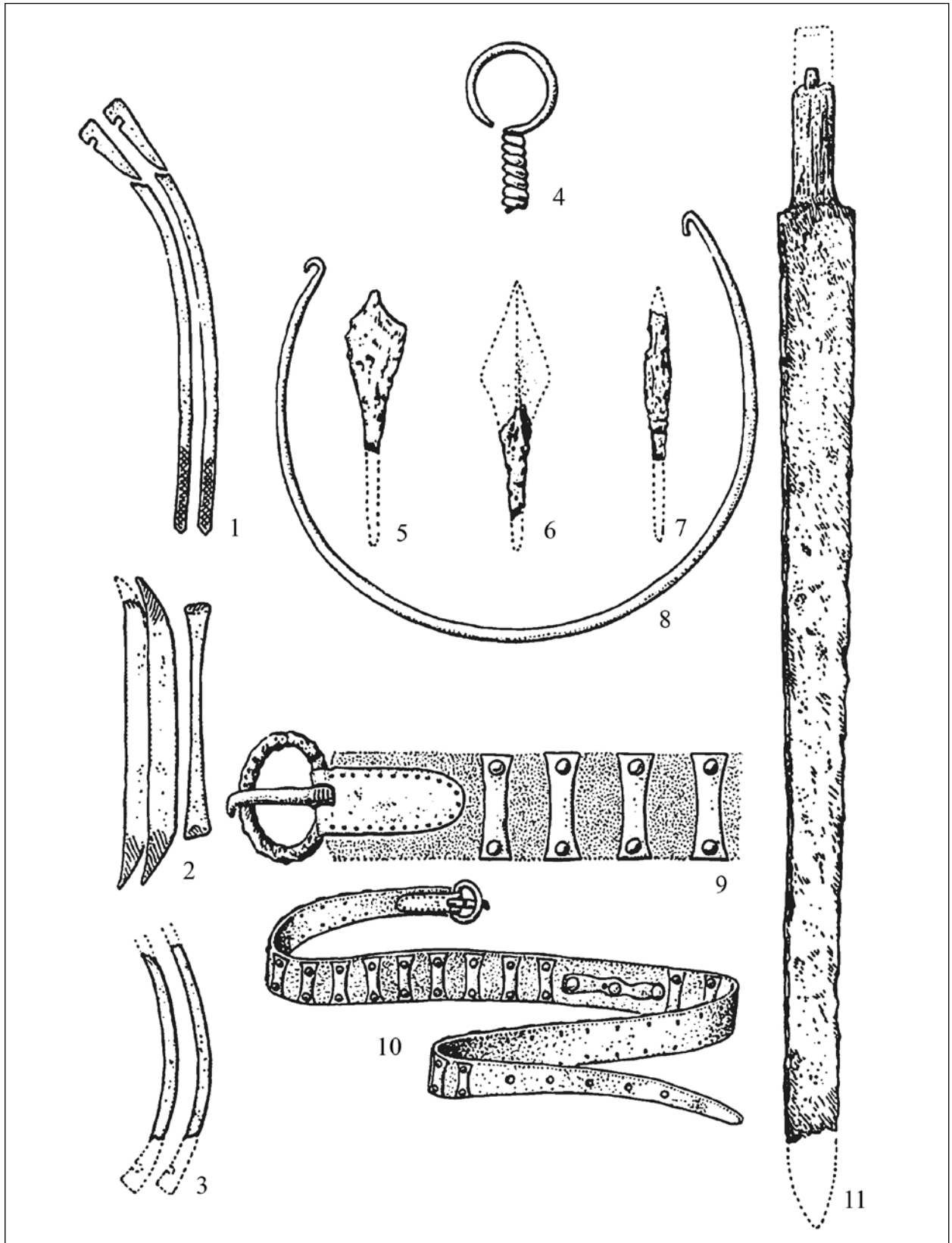


Рис. 71. Зевакино, курган 1 [584]. Инвентарь. 1–3: Костяные накладки лука; 4: Серьга; 5–7: Железные наконечники стрел; 8: Гривна; 9–10: Пояс; 11: Палаш (BÓNA 1991)

Fig. 71. Zevakino, kurgan 1 [584]. Artifacts. 1–3: Bone bow linings; 4: Earring; 5–7: Iron arrowheads; 8: Grivna; 9–10: Belt; 11: Broadsword (BÓNA 1991)

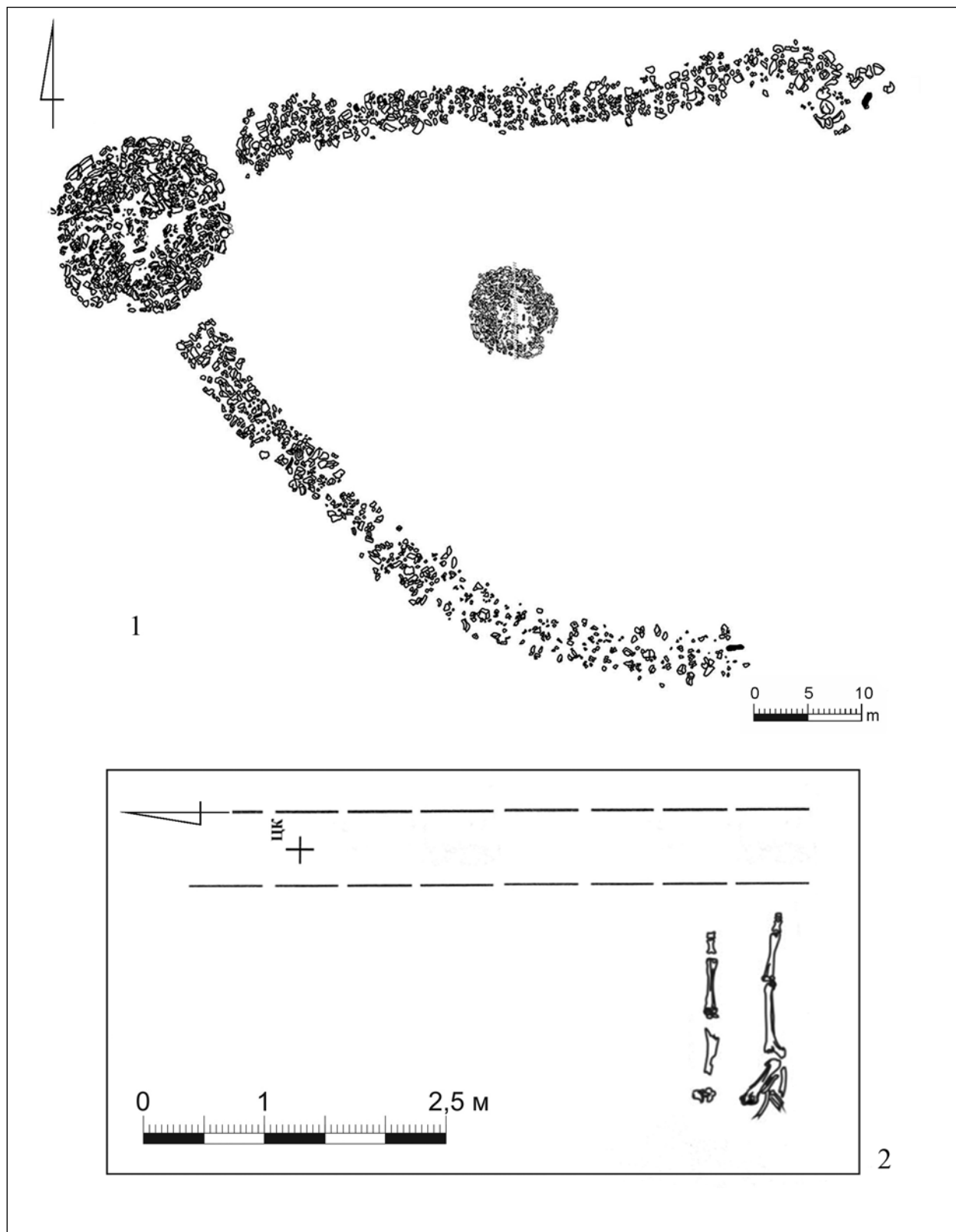


Рис. 72. Кырыкунгир [553]. 1: Общий план; 2: Кости лошади на подкурганной площадке  
(УМИТКАЛИЕВ 2015; УМИТКАЛИЕВ–АЙТАБАЕВ–ӘБДИҒАЛИ 2016)

Fig. 72. Kyrykungir [553]. 1: General plan; 2: Bone horses on the burial ground tombs site  
(УМИТКАЛИЕВ 2015; УМИТКАЛИЕВ–АЙТАБАЕВ–ӘБДИҒАЛИ 2016)



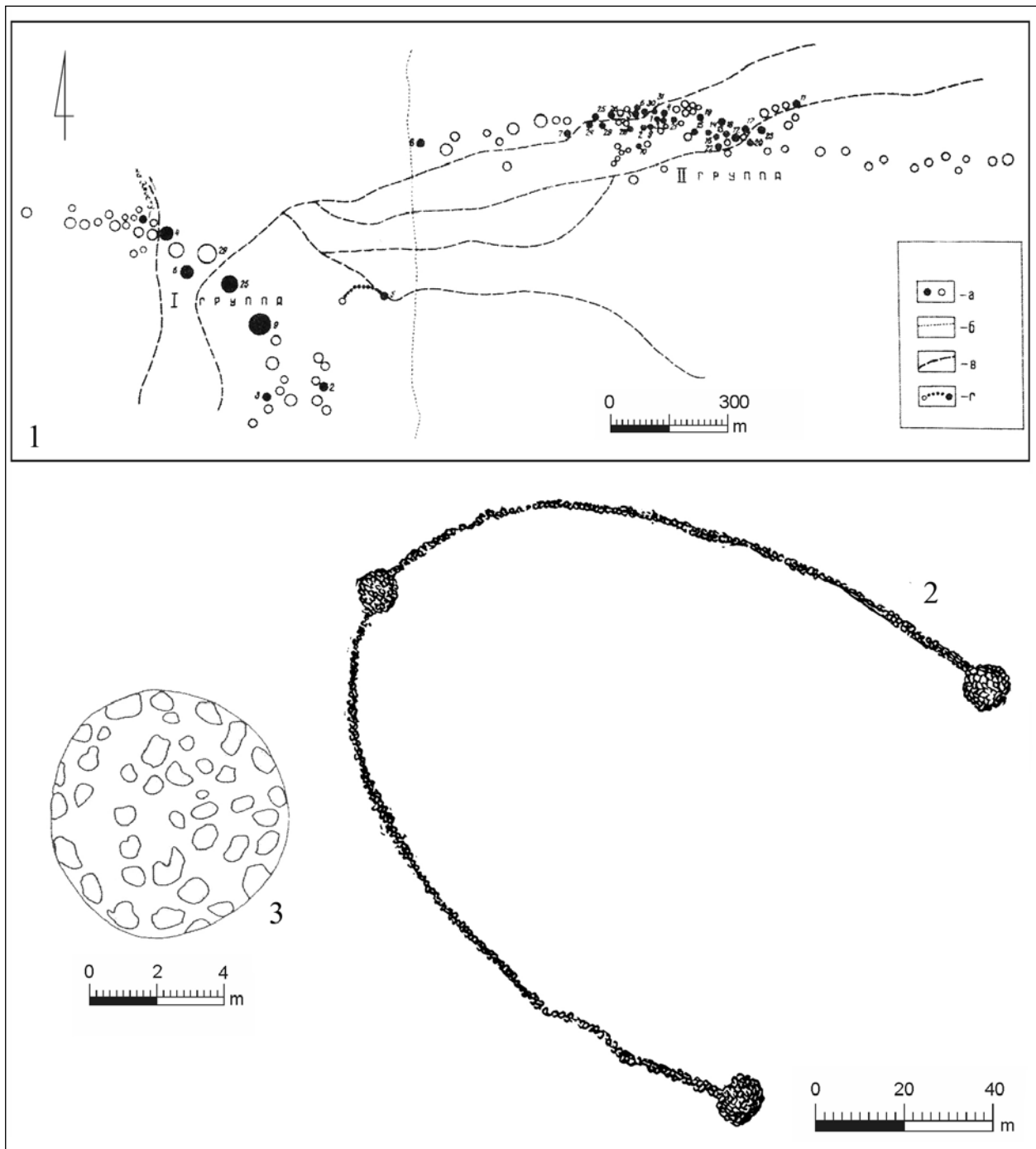


Рис. 73. Три Брата (Калмыкия). 1: План могильника; 2: План кургана с «усами»; 3: План центрального сооружения; а: раскопанные курганы; б: Нераскопанные курганы; в: Полевые дороги 1933–1935 гг.; з: Каменное сооружение № 5 (курган с «усами») (Шилов 2009)

Fig. 73. Tri Brata (Kalmykia). 1: Plan of the burial ground; 2: Plan of the kurgan with "moustache"; 3: Plan of the central mound; а: Excavated mounds; б: Undiscovered mounds; в: Field roads 1933–1935; з: Kurgan with "moustache" (SHILOV 2009)



Рис. 74. Кайсай, курган 14 [40]. 1: Общий план; 2: План подкурганной площадки; 3: План оградки в восточной половине насыпи; 4: Погребение III–II вв. до н. э.; 5: Кушнаренковская керамика из насыпи; 6: Сосуд из насыпи; 7: Колчаный крюк из погребения (БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006)

Fig. 74. Kaysaii, kurgan 14 [40]. 1: General plan; 2: Plan of the underground platform; 3: Plan of the fence in the Eastern half of the embankment; 4: Burial of the III–II centuries BC; 5: Kushnarenkovo ceramics from the mound; 6: Pot from the mound; 7: Quiver hook from the burial (BOTALOV–TAIROV–LYUBCHANSKII 2006)

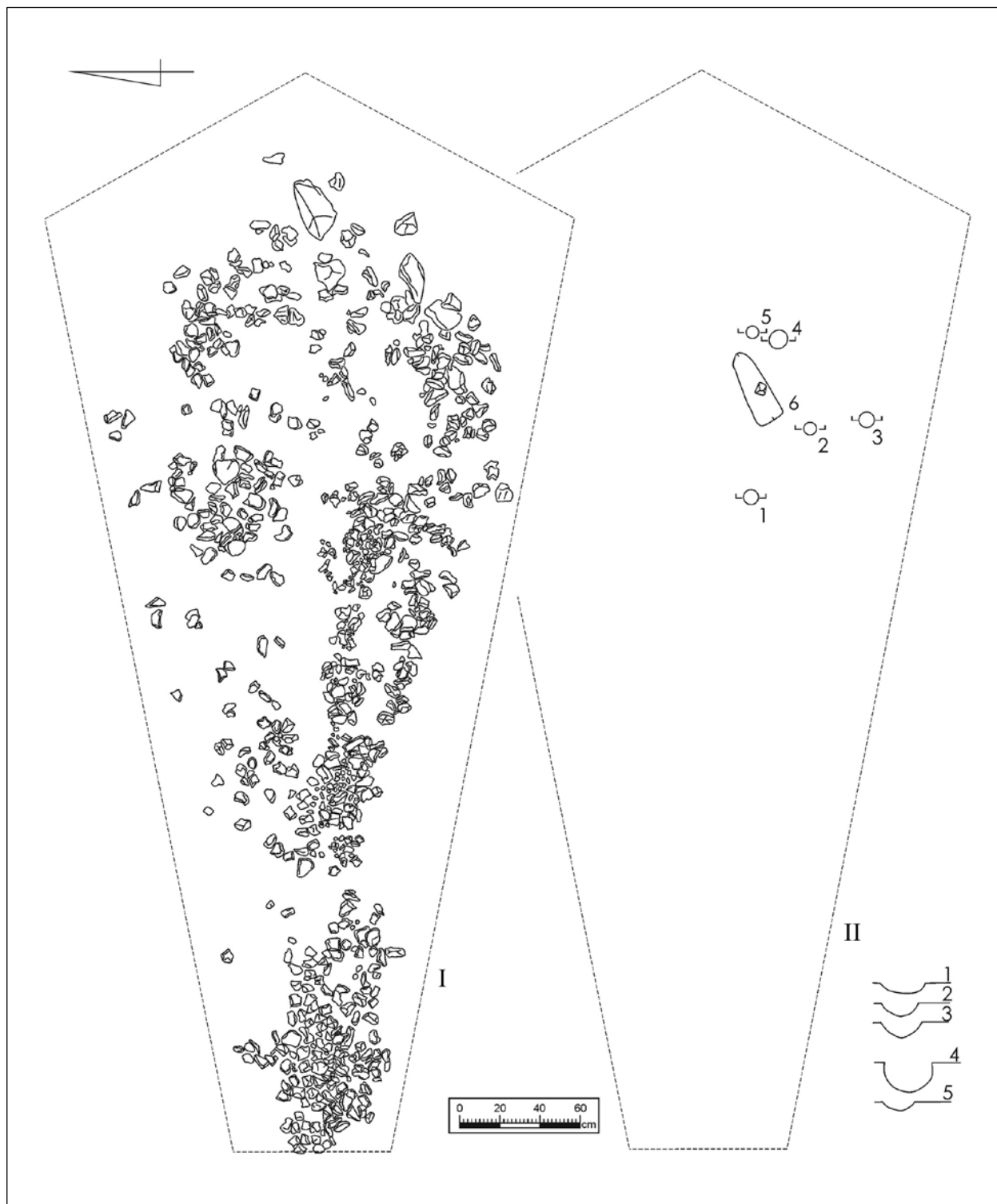


Рис. 75. Кайнсай, курган 14 [40]. Восточная площадка южной гряды. I: Горизонт 1; II: Горизонт 2; 1–5: Разрезы ям (неопубликованные материалы из личного архива А. Д. Таирова)

Fig. 75. Kajsaj, kurgan 14 [40]. Eastern platform of the Southern "moustache". I: Horizon 1; II: Horizon 2; 1–5: Pit profiles (unpublished materials from the personal archive of A. D. Tairov)

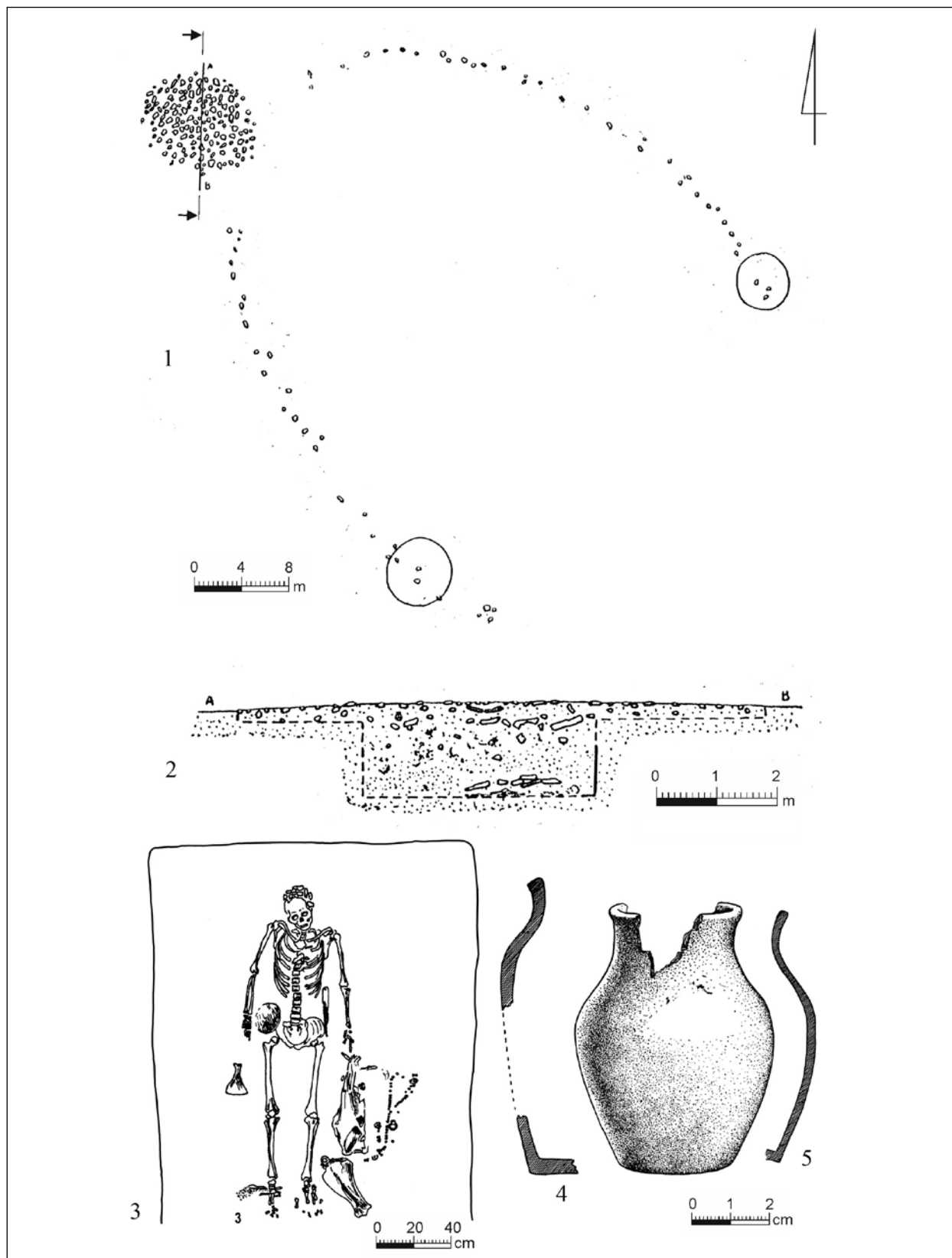


Рис. 76. Тасмола, курган 19 [295]. 1: Общий план; 2: Разрез центрального сооружения; 3: Погребение раннесакского времени под центральной насыпью; 4–5: Сосуды под насыпью (КАДЫРБАЕВ 1962)

Fig. 76. Tasmola, kurgan 19 [295]. 1: General plan; 2: Profile of the central mound; 3: Burial of the Saka period under the central mound; 4–5: Pots under the mound (KADYRBAEV 1962)

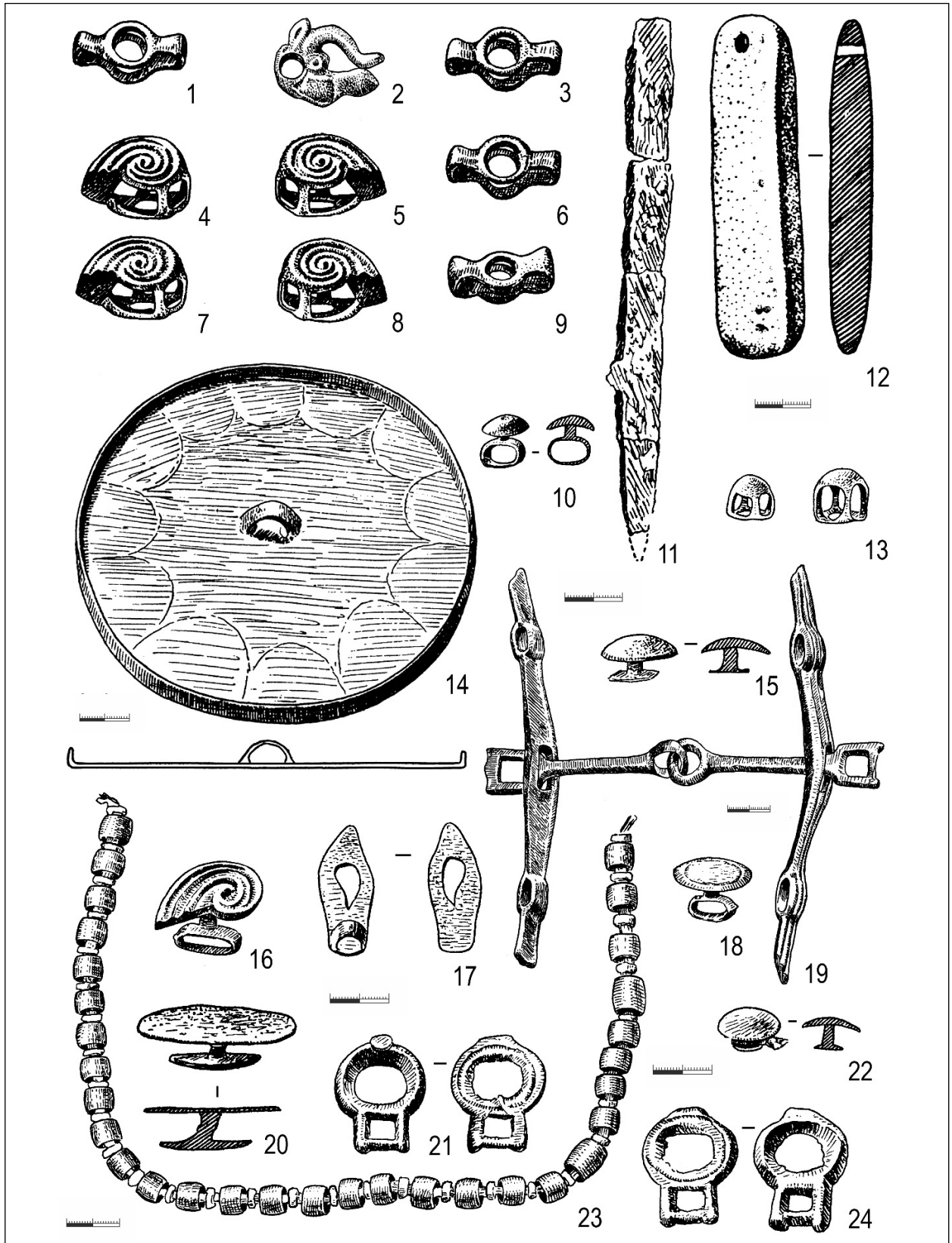


Рис. 77. Тасмола, курган 19 [295]. Инвентарь погребения раннесакского времени. 1–10, 13–24: Бронза; 11: Железо; 12: Камень (КАДЫРБАЕВ 1962)

Fig. 77. Tasmola, kurgan 19 [295]. Artifacts from the burial of the Saka period 1–10, 13–24: Bronze; 11: Iron; 12: Stone (KADYRBAEV 1962)

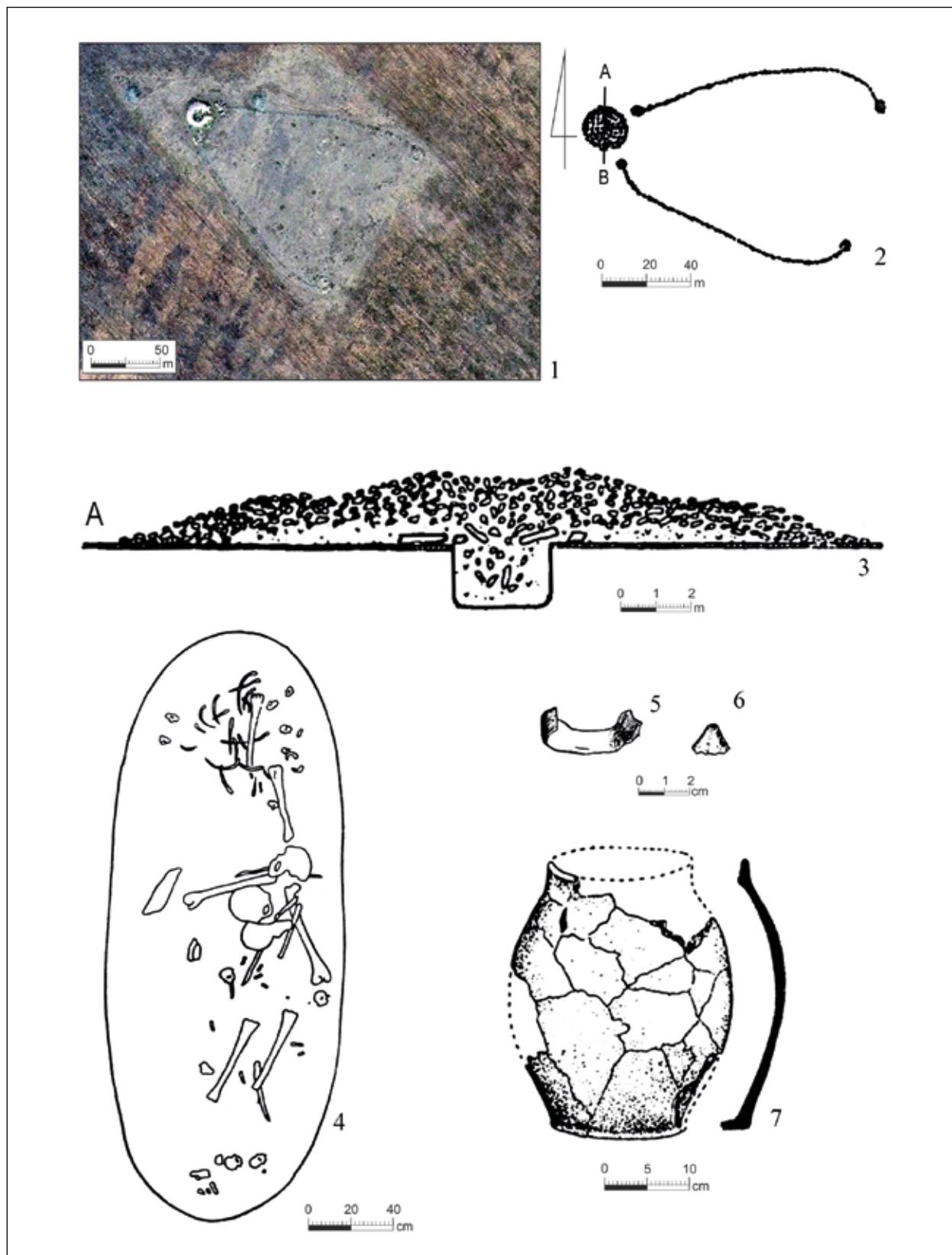


Рис. 78. Кара-Бие, курган 1 [466]. 1: Космоснимок комплекса; 2: Общій план; 3: Разрез центрального сооружения; 4: Погребение; 5–6: Золотые изделия; 7: Сосуд под верхней насыпью (КАДЫРБАЕВ 1959а)

Fig. 78. Kara-Bie, kurgan 1 [466]. 1: Satellite image of the complex; 2: General plan; 3: Section of the central mound; 4: Burial; 5–6: Gold products; 7: Pot under the upper mound (KADYRBAEV 1959a)

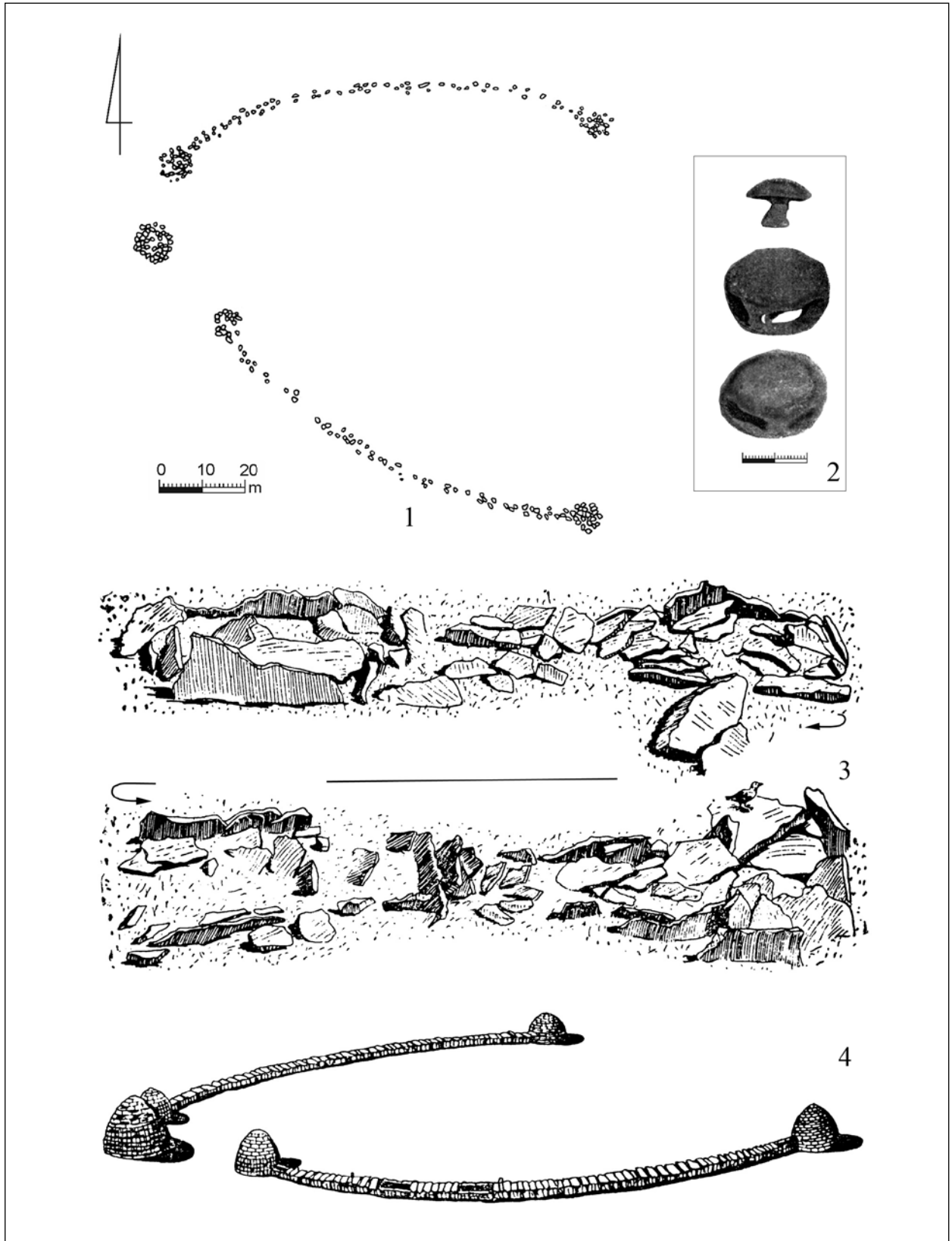


Рис. 79. Джанайдар [212]. 1: Общій план; 2: Пуговецивидная бляшка и пронизки из центральной насыпи; 3: Фрагмент южной гряды; 4: Реконструкция комплекса (ОРАЗБАЕВ 1969)

Fig. 79. Dzhanaïdar [212]. 1: General plan; 2: Plaque and penetrations from the Central embankment (Saka period); 3: Fragment of the southern "moustache"; 4: Reconstruction of the complex (ORAZBAEV 1969)

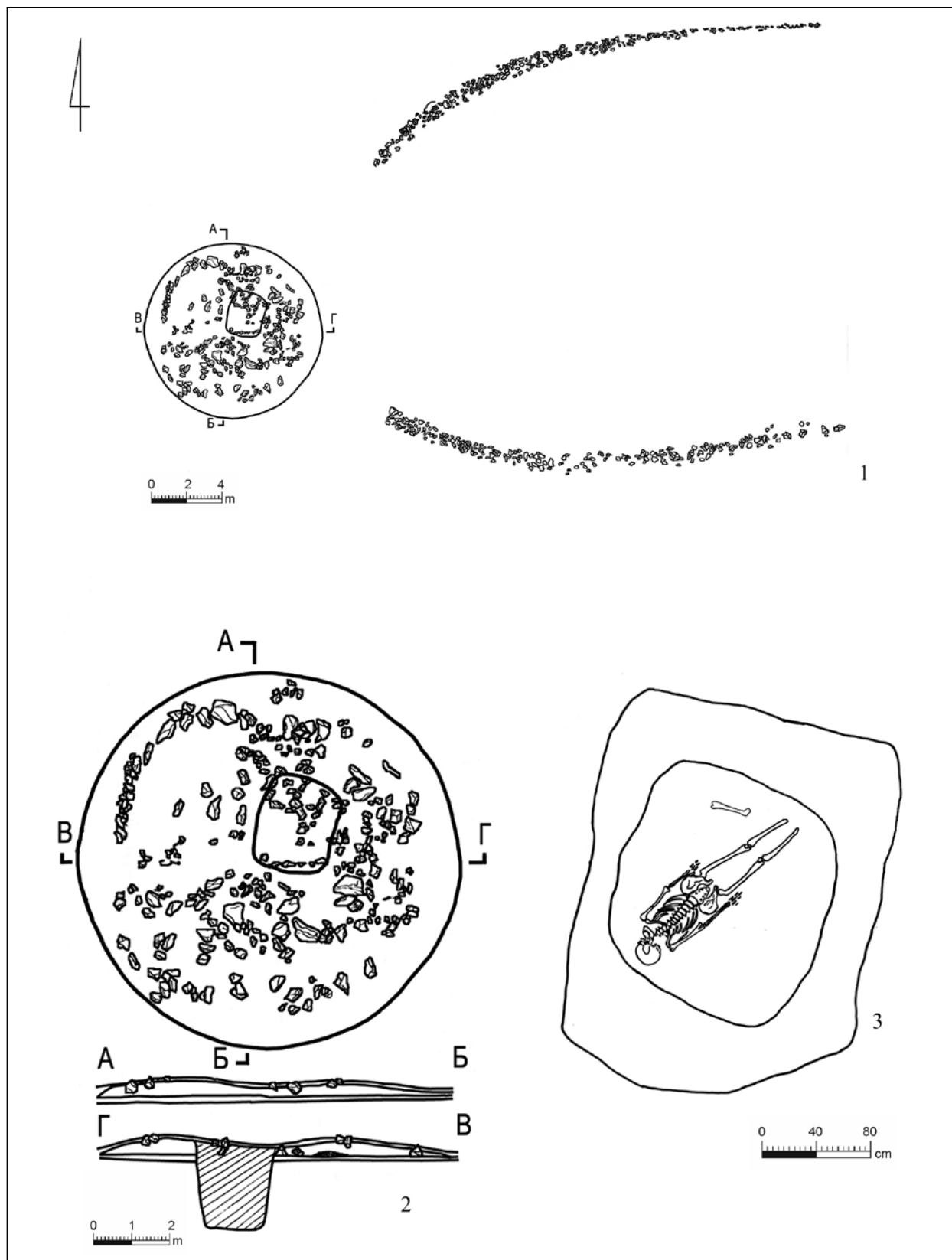


Рис. 80. Каргала II [94]. 1: Общій план; 2: План и разрез центрального сооружения; 3: Погребение (ТКАЧЕВ 1994; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006)

Fig. 80. Kargala II [94]. 1: General plan; 2: Plan and profile of the central mound; 3: Burial (ТКАЧЕВ 1994; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006)



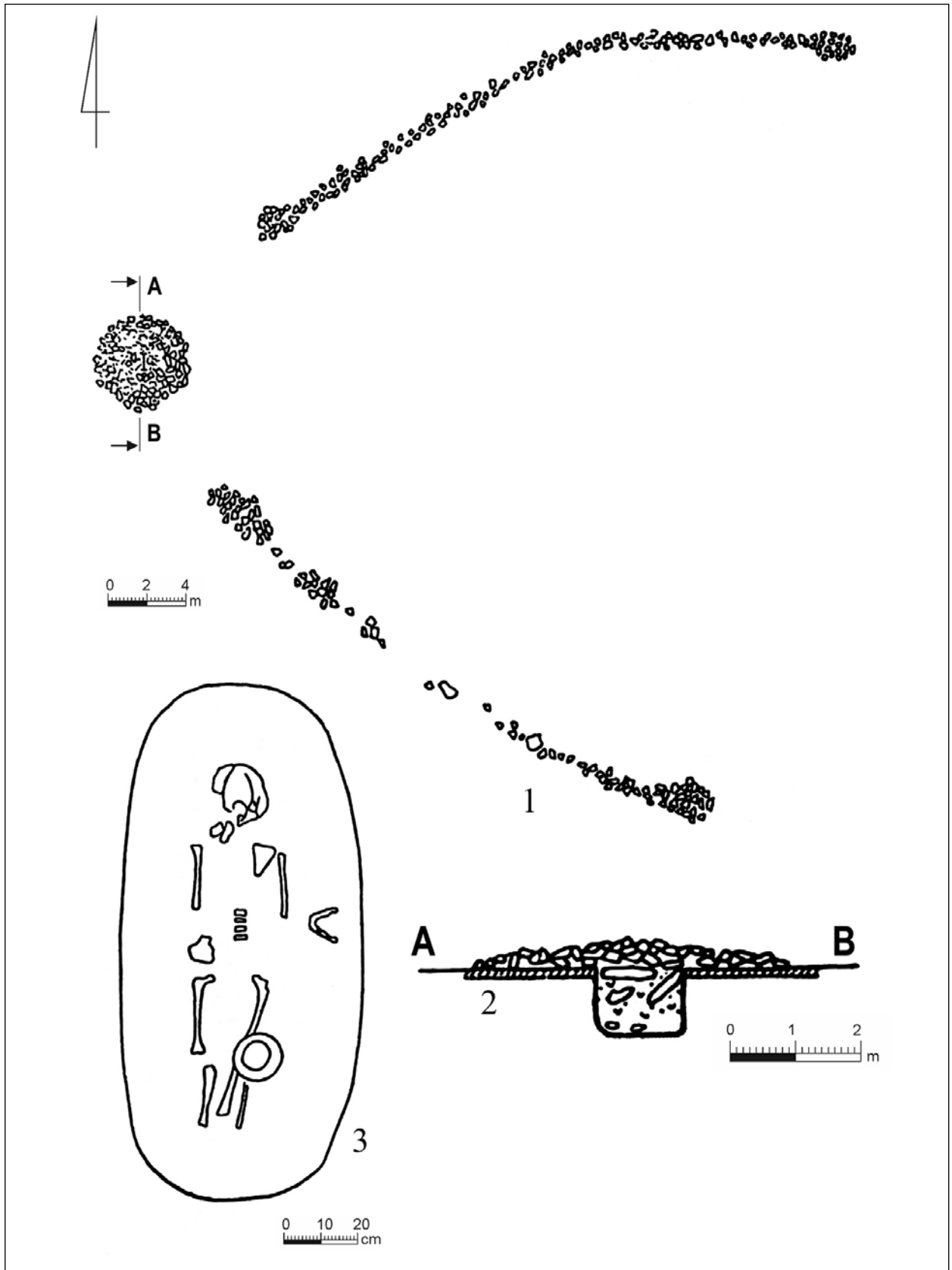


Рис. 81. Егиз-Койтас, курган 5 [421]. 1: Общій план; 2: Разрез центрального сооружения; 3: Погребение (КАДЫРБАЕВ 1959а)

Fig. 81. Egiz-Koytas, kurgan 5 [421]. 1: General plan; 2: Profile of the central mound; 3: Burial (КАДЫРБАЕВ 1959а)

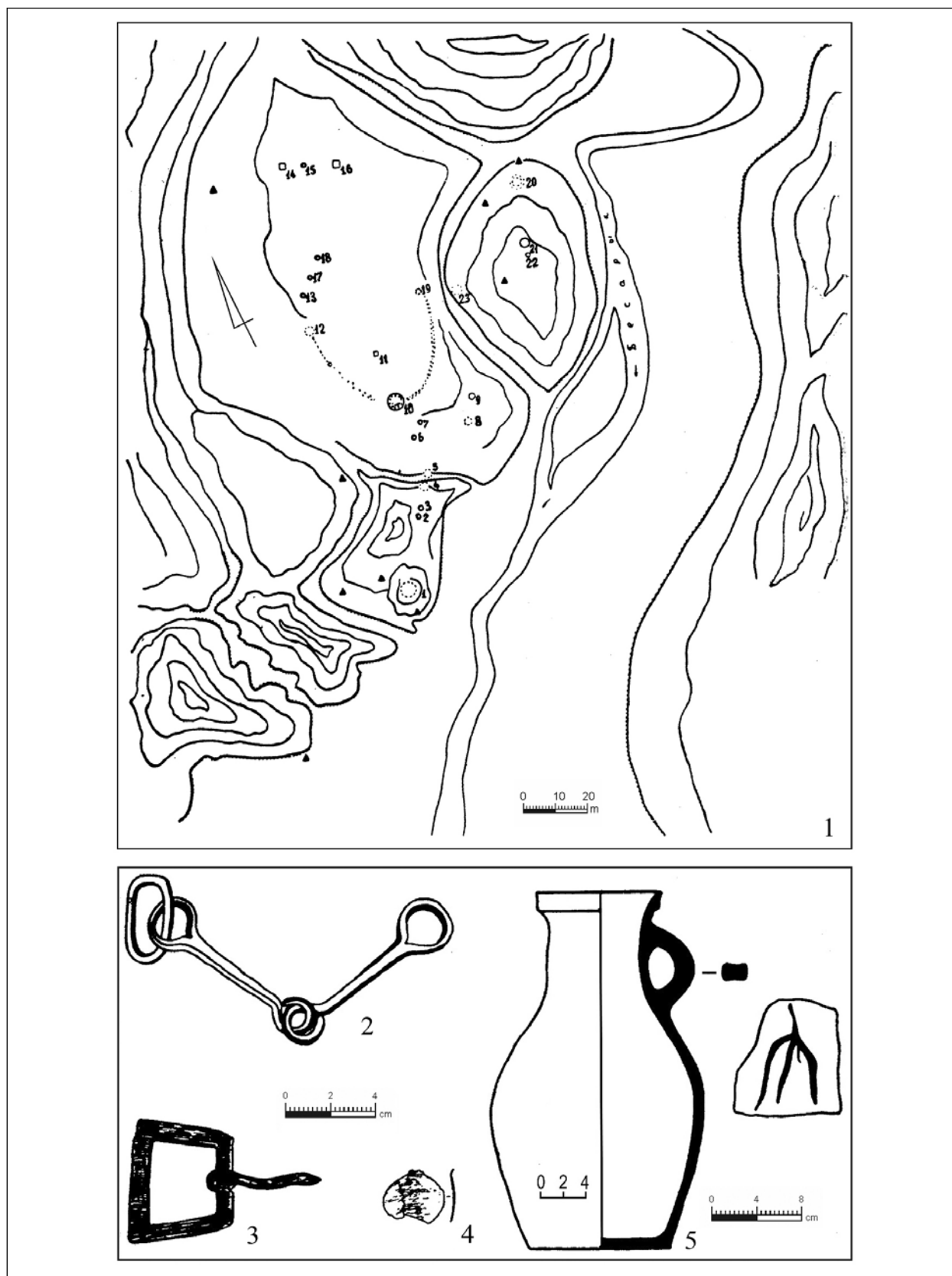


Рис. 82. Беркутты [609]. 1: План могильника; 2: Железные удилы; 3: Железная пряжка; 4: Железная бляшка; 5: Керамический кувшин (АХИНЖАНОВ 1977)

Fig. 82. Berkuty [609]. 1: Burial ground plan; 2: Iron bit; 3: Iron buckle; 4: Iron plaque; 5: Ceramic jug (AHINZHANOV 1977)

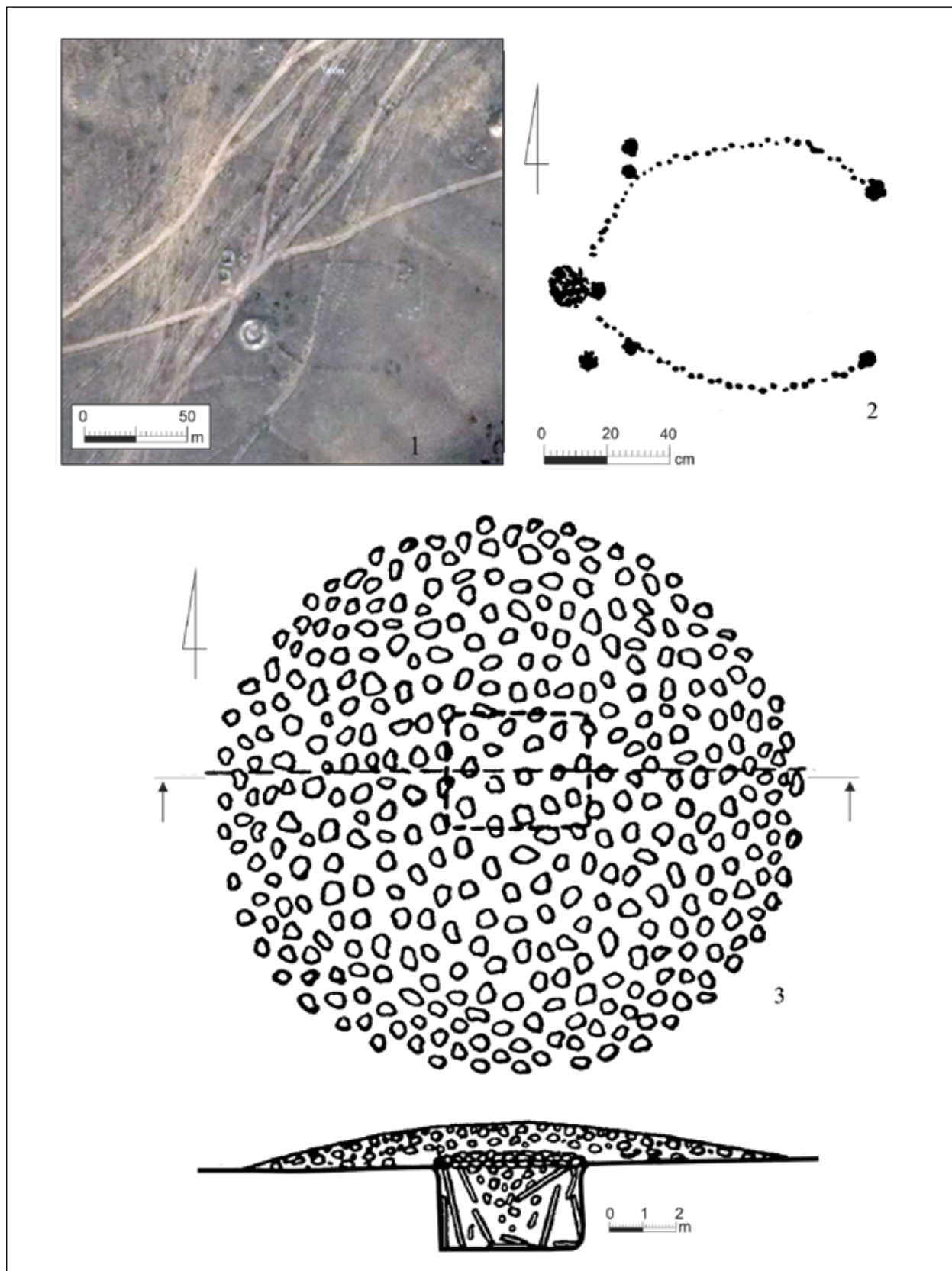


Рис. 83. Толагай [473]. 1: Космоснимок; 2: План комплекса; 3: План и разрез центральной насыпи (КАДЫРБАЕВ 1958)  
 Fig. 83. Tolagai [473]. 1: Satellite image; 2: Plan of the complex; 3: Plan and profile of the central mound (KADYRBAEV 1958)

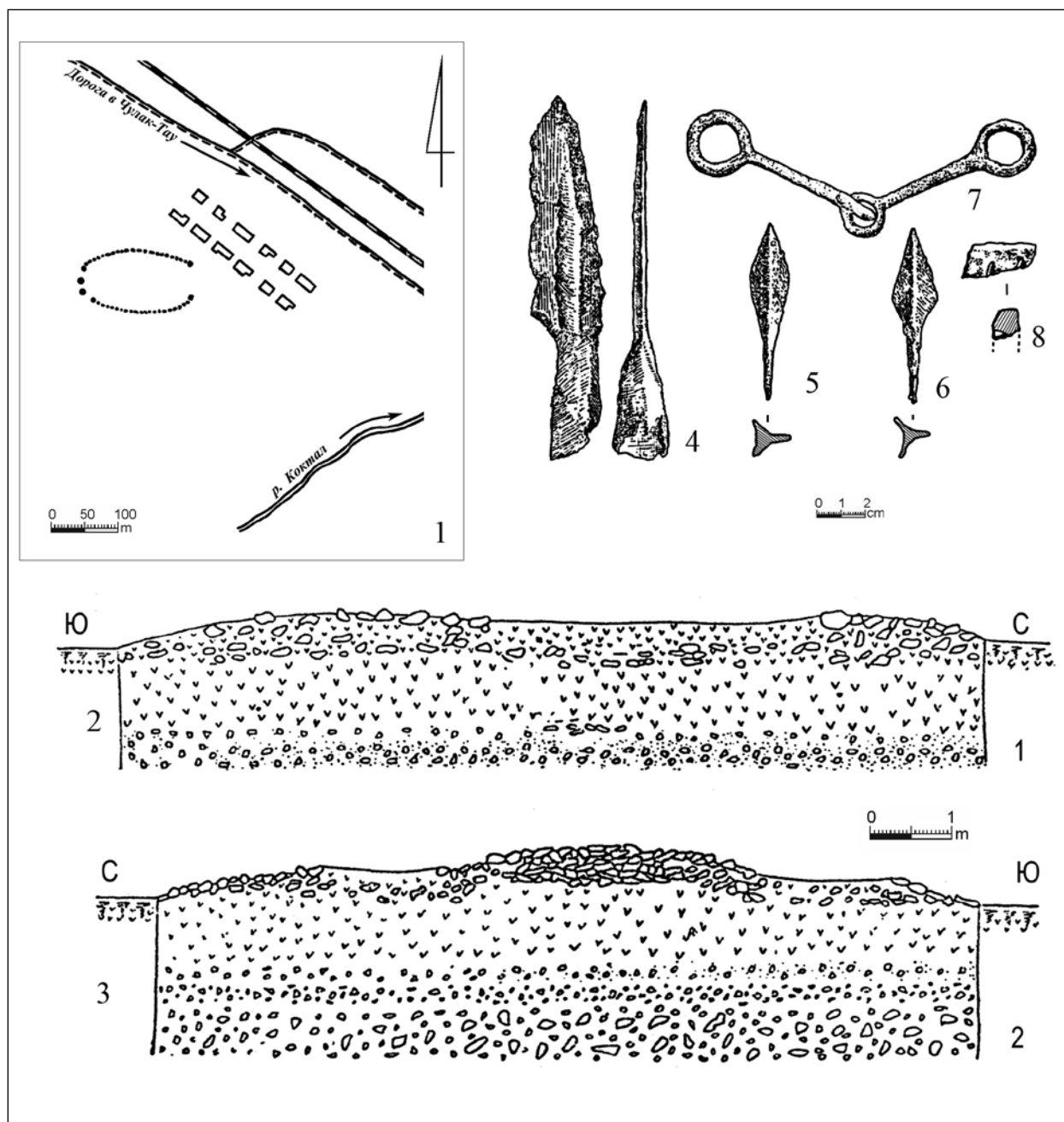


Рис. 84. Коктал [607]. 1: План памятника; 2–3: Разрезы центрального сооружения; 4: Копье; 5–6: Наконечники стрел; 7: Удила; 8: Фрагмент венчика глиняного сосуда (КАДЫРБАЕВ 1959)

Fig. 84. Koktal [607]. 1: Plan; 2–3: Profiles of the central mounds; 4: Spear; 5, 6: Arrowheads; 7: Bit; 8: Fragment of the ceramic pot (KADYRBAEV 1959)

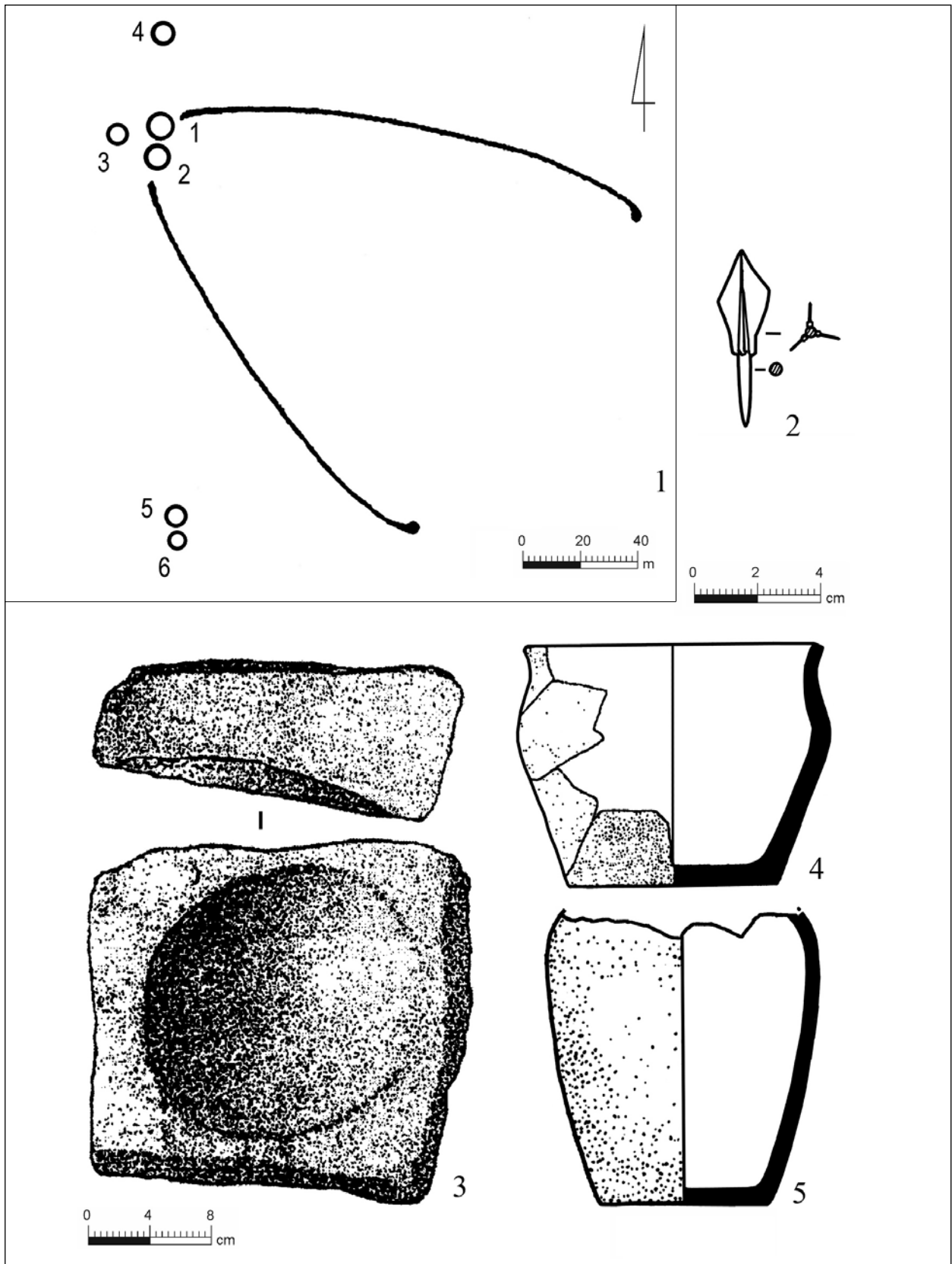


Рис. 85. Ижевский-2 [291]. 1: План комплекса; 2: Наконечник стрелы; 3: Каменное изделие; 4-5: Керамические сосуды (БЕЙСЕНОВ-ВОЛОШИН 2002)

Fig. 85. Izhveskij-2 [291]. 1: Plan of the complex; 2: Arrowhead; 3: Stone artifact; 4, 5: Ceramic pots (BEISENOV-VOLOSHIN 2002)

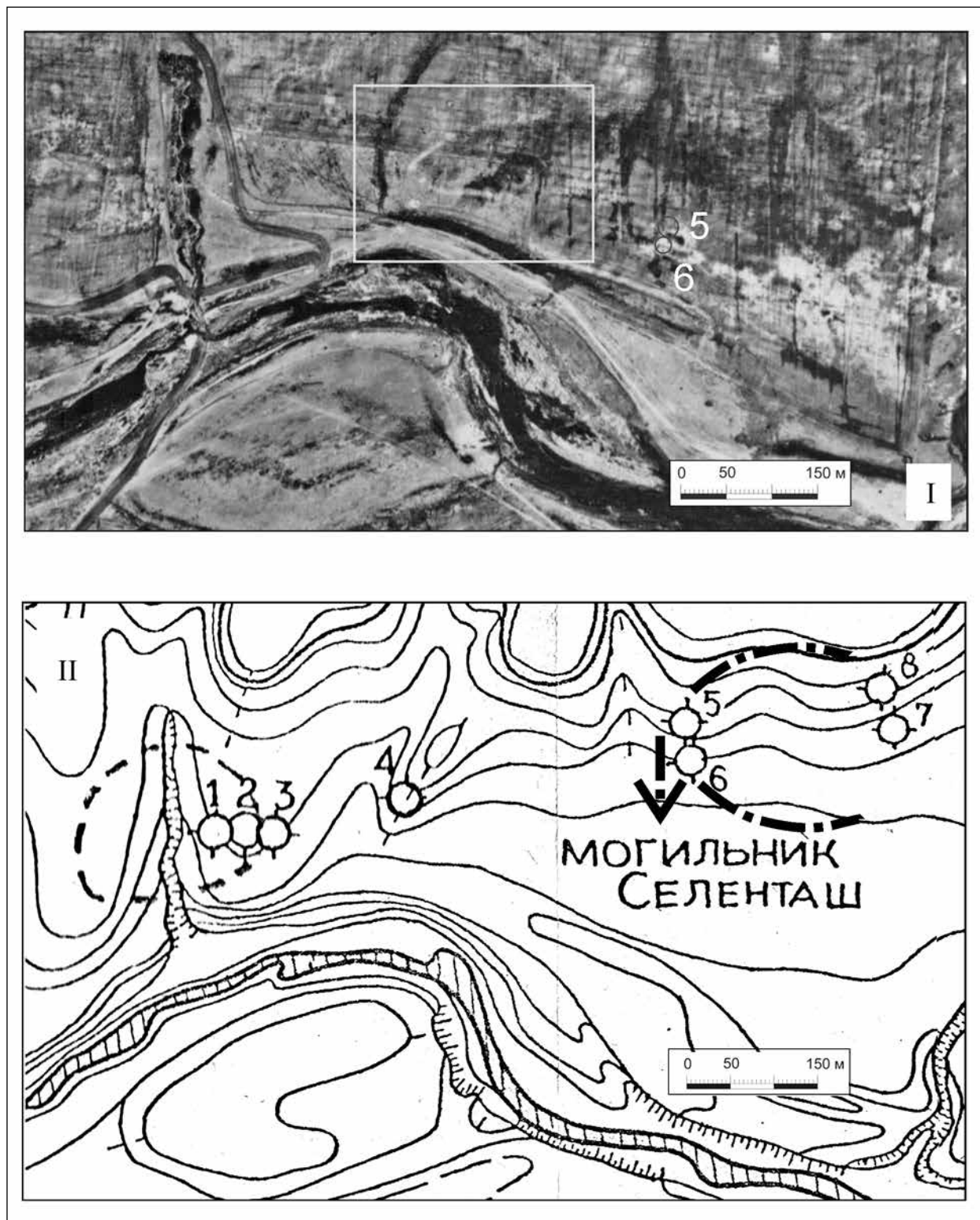


Рис. 86. Селенташ [39]. 1: Аэрофотоснимок; 2: План памятника с обозначением вероятного комплекса с «усами» (БОТАЛОВ 1989; БОТАЛОВ 2009)

Fig. 86. Selentash [39]. 1: Aerial photo; 2: Plan of the monument with the designation of a likely complex with "mustaches" (BOTALOV 1989; BOTALOV 2009)

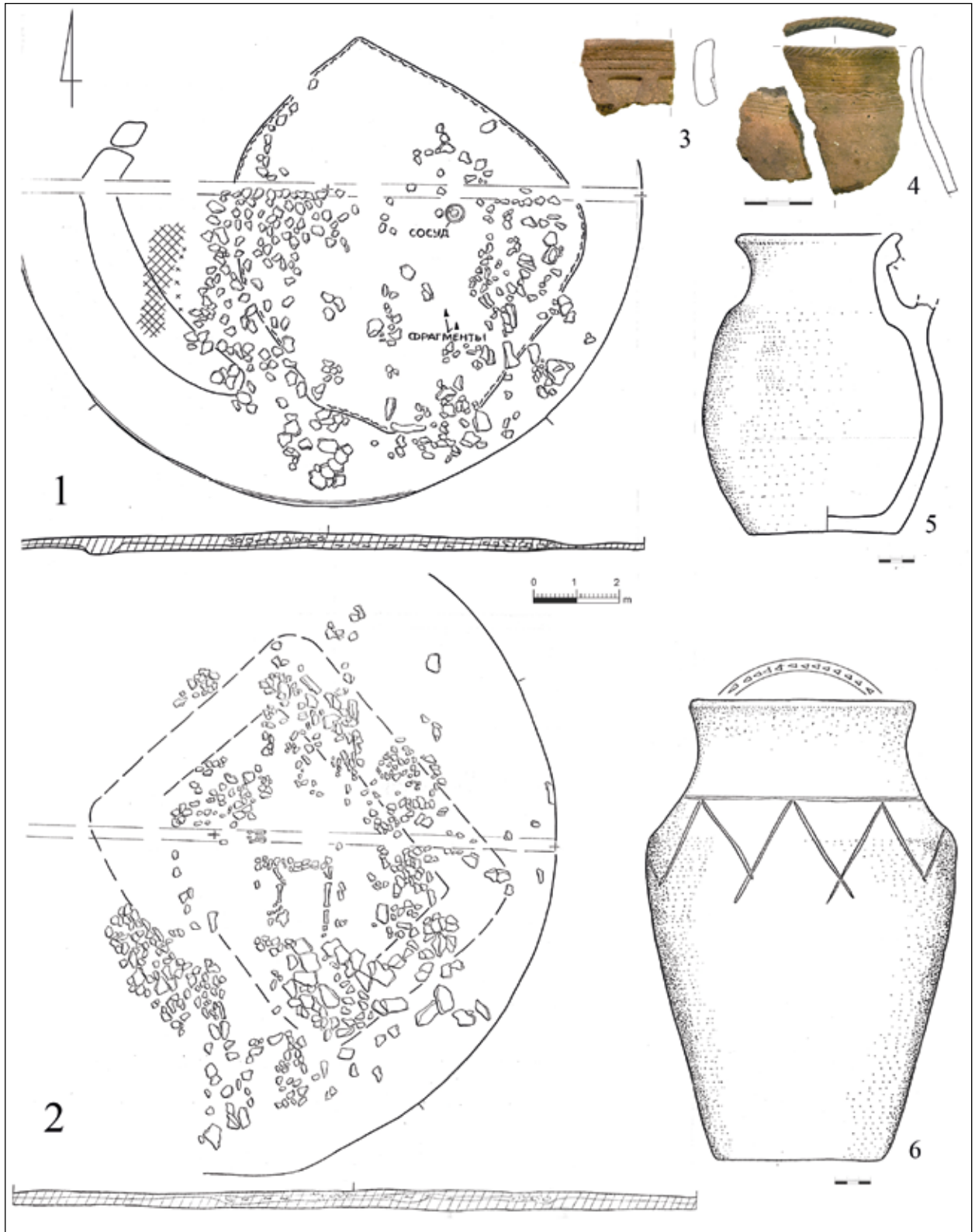


Рис. 87. Селенташ [39]. 1–2: Планы северной (1) и южной (2) насыпи; 3–5: Керамика из северной насыпи; 6: Сосуд из южной насыпи (БОТАЛОВ 1989)

Fig. 87. Selentash [39]. 1–2: Plans of the North (1) and South (2) mounds; 3–5: Ceramics from the North mound; 6: A pot from the South mound (BOTALOV 1989)

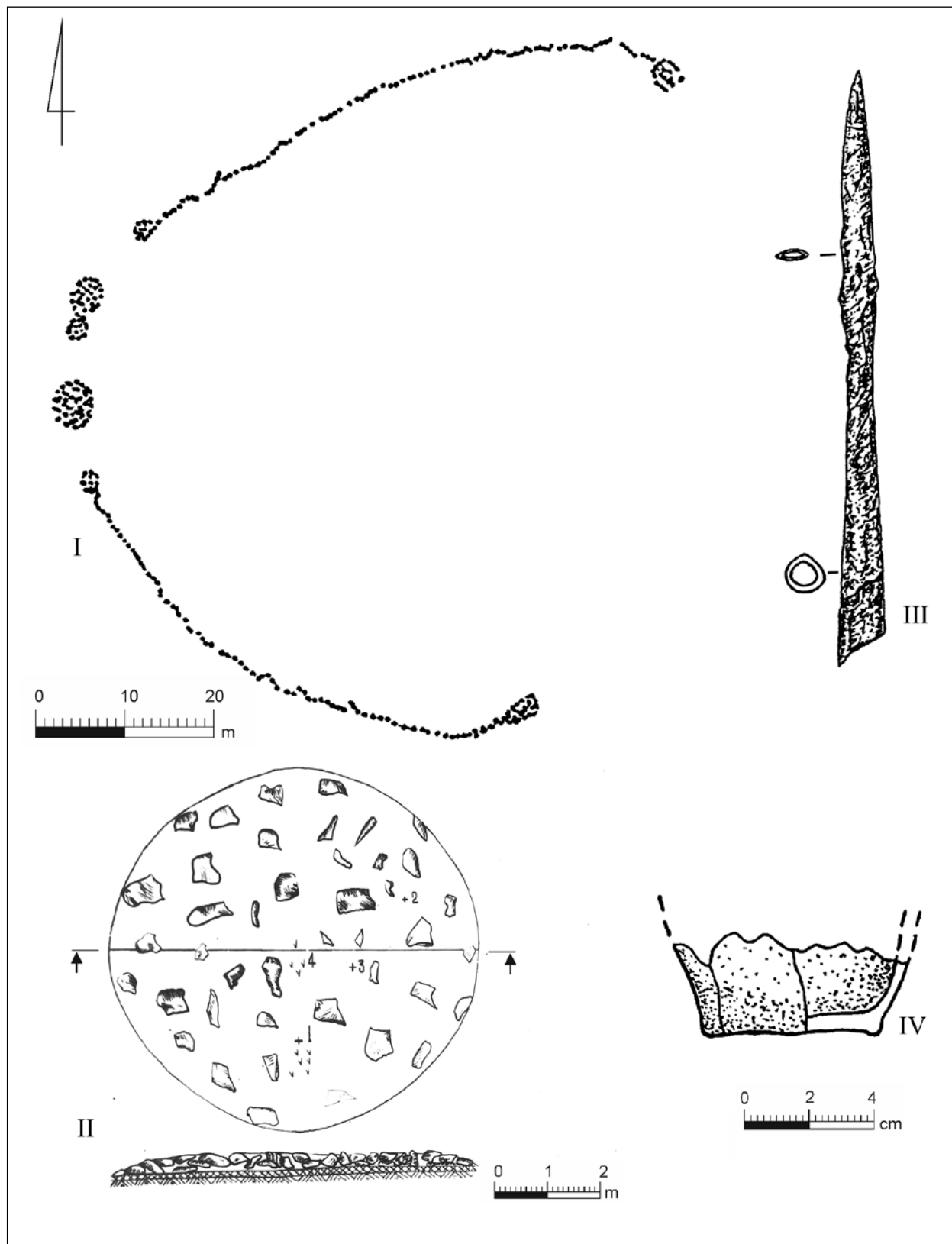


Рис. 88. Нижнедаветовский [74]. I: План; II: План и разрез центральной насыпи; III: Копье; IV: Фрагмент сосуда  
(БОТАЛОВ–ТАЙРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006)

Fig. 88. Nizhnedavletovskii [74]. I: Plan; II: Plan and profile of the central mound; III: Spear; IV: Pot fragment  
(BOTALOV–TAIROV–LYUBCHANSKII 2006)





Рис. 89. Сарбулат-1 [20]. 1: План комплекса; 2: План и разрез центрального сооружения; 3: Подкурганная площадка центрального сооружения; С: Сосуд; У: Угли; К: Кости животных; А: Абразивный камень; Н: Нора (КОСТЮКОВ 2004; БОТАЛОВ–ТАИРОВ–ЛЮБЧАНСКИЙ 2006)

Fig. 89. Sarbulat-1 [20]. 1: Plan of the complex; 2: Plan and profiles of the central mound; 3: Platform under the kurgan of the central mound; C: Pot; V: Coals; K: Animal bones; A: Abrasive stone; H: Burrow (KOSTYUKOV 2004; BOTALOV–TAIROV–LYUBCHANSKII 2006)

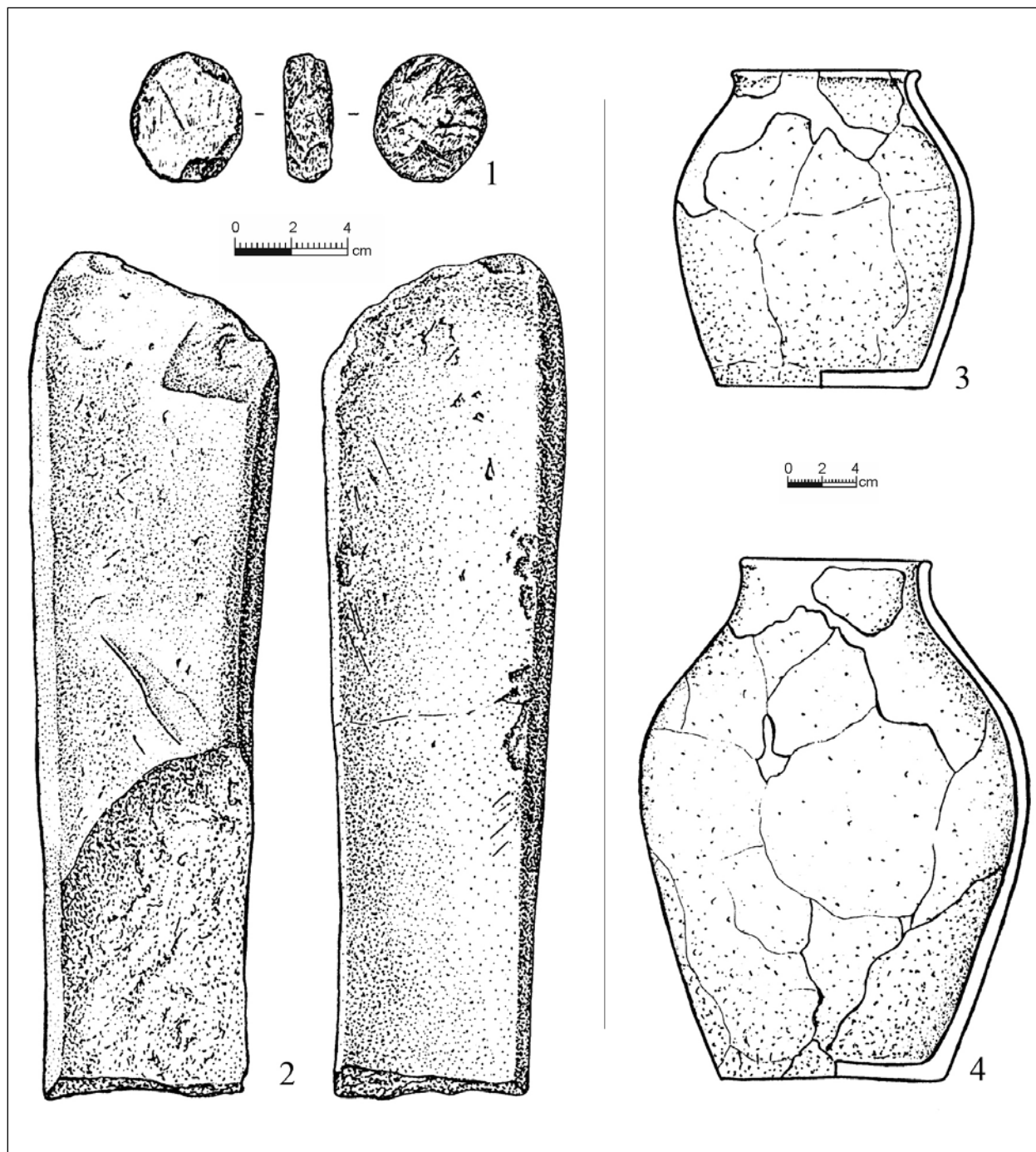


Рис. 90. Сарбулат-1 [20]. Инвентарь. 1: Каменное изделие; 2: Абразивный камень; 3: Сосуд из северной насыпи;  
4: Сосуд из южной насыпи (КОСТЮКОВ 2004; БОТАЛОВ-ТАИРОВ-ЛЮБЧАНСКИЙ 2006)

Fig. 90. Sarbulat-1 [20]. Artifacts. 1: Stone artifact; 2: Abrasive stone; 3: Pot from the North mound; 4: Pot from the South mound (KOSTYUKOV 2004; BOTALOV-TAIROV-LYUBCHANSKII 2006)

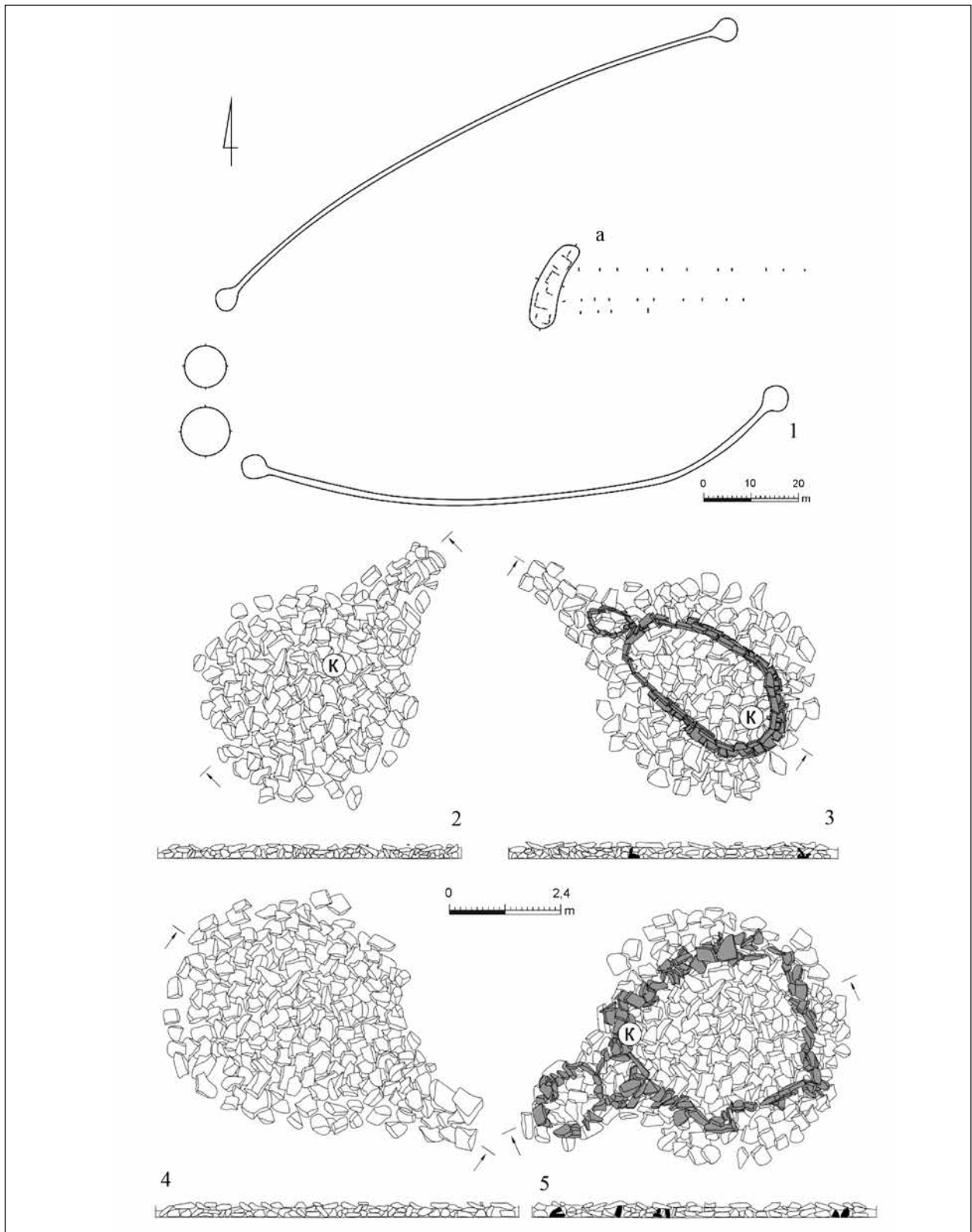


Рис. 91. Кабантау [493]. 1: План комплекса; а: Ограды древнетюркского времени; 2: Западная площадка северной гряды; 3: Восточная площадка южной гряды; 4: Западная площадка южной гряды; 5: Восточная площадка южной гряды (БЕЙСЕНОВ И ДР. 2018а)

Fig. 91. Kabantau [493]. 1: Plan of the complex; a: Fences of ancient Turkic time; 2: Western platform of the Northern "moustache"; 3: Eastern platform of the Southern "moustache"; 4: Western platform of the Southern "moustache"; 5: Eastern platform of the Southern "moustache" (BEISENOV ET AL. 2018a)

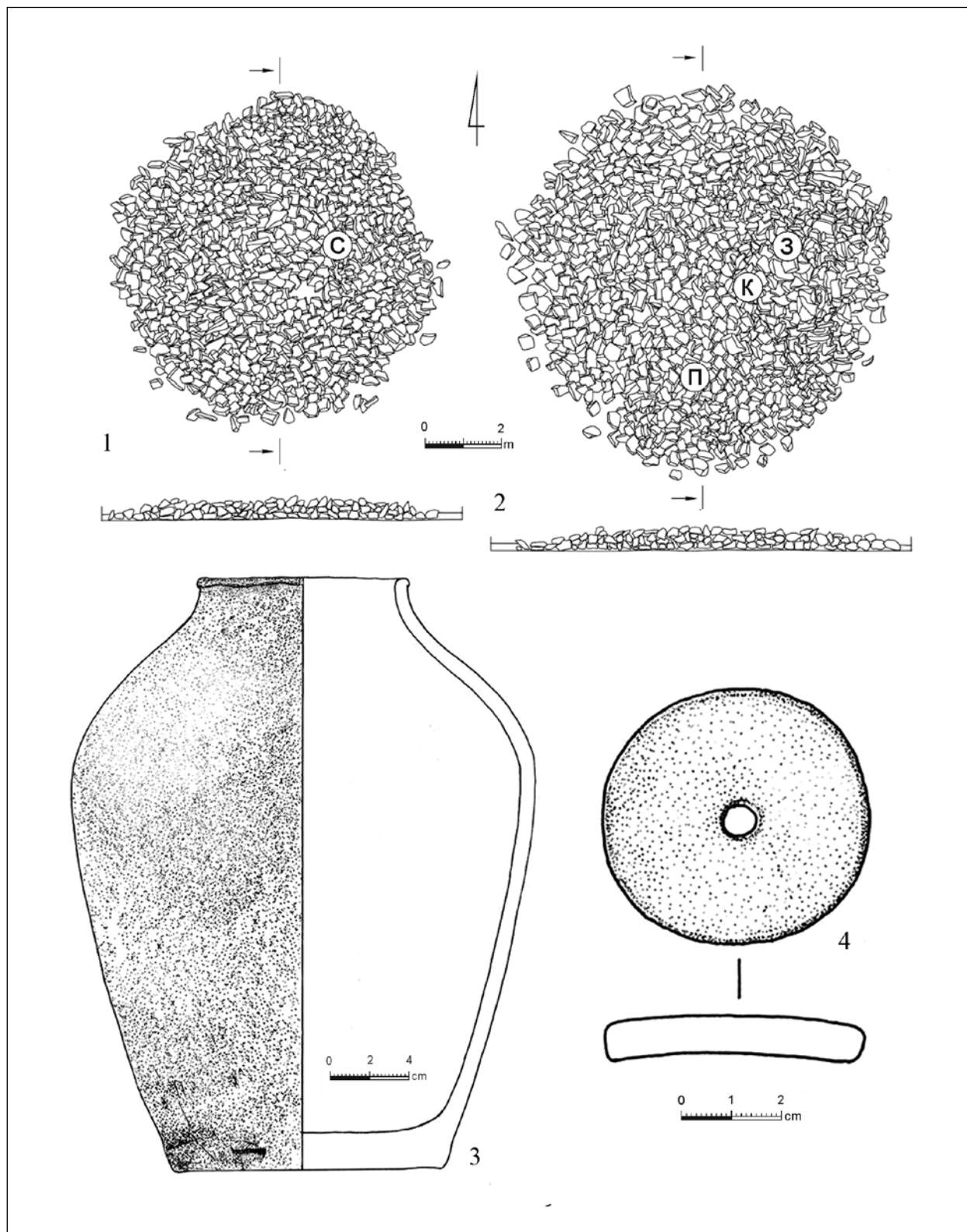


Рис. 92. Кабантау [493]. 1: План и разрез северного кургана; 2: План и разрез южного кургана; 3: Керамический сосуд из северного кургана; 4: Керамическое пряслице из южного кургана; С: Сосуд; З: Зола; К: Фрагменты костей лошади; П: Керамическое пряслице (БЕЙСЕНОВ И ДР. 2018а)

Fig. 92. Kabantau [493]. 1: Plan and profile of the North mound; 2: Plan and profile of the South mound; 3: Ceramic pot from the North mound; 4: Ceramic spinning wheel from the South mound; С: Pot; З: Ash; К: Fragments of horse bones; П: Ceramic spinning wheel (BEISENOV ET AL. 2018a)

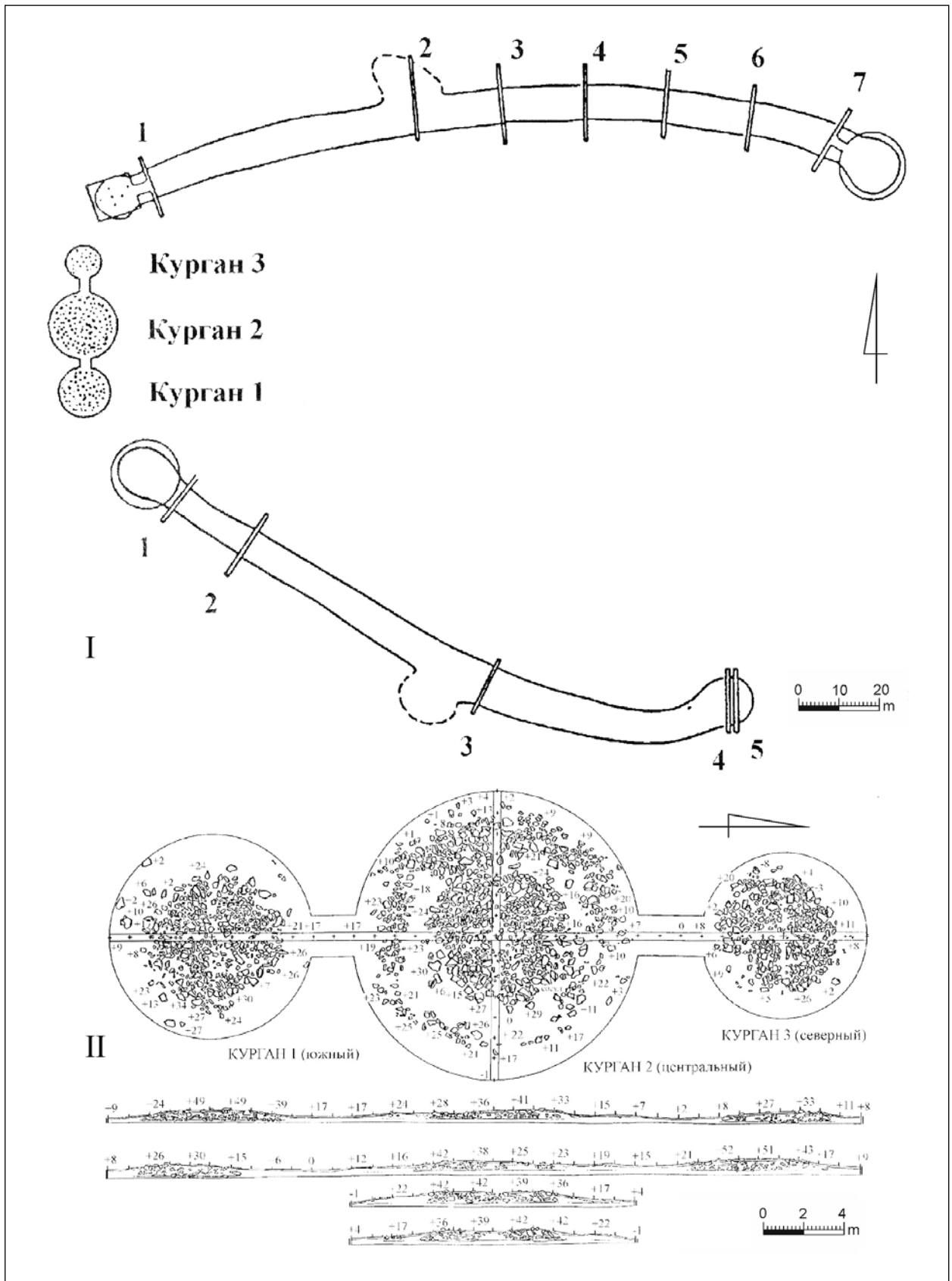


Рис. 93. Солончанка I [69]. I: План комплекса; II: План и разрезы центрального сооружения (ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999)  
 Fig. 93. Solonchanka I [69]. I: Plan of the complex; II: Plan and profiles of the central mounds (LYUBCHANSKIY–TAIROV 1999)

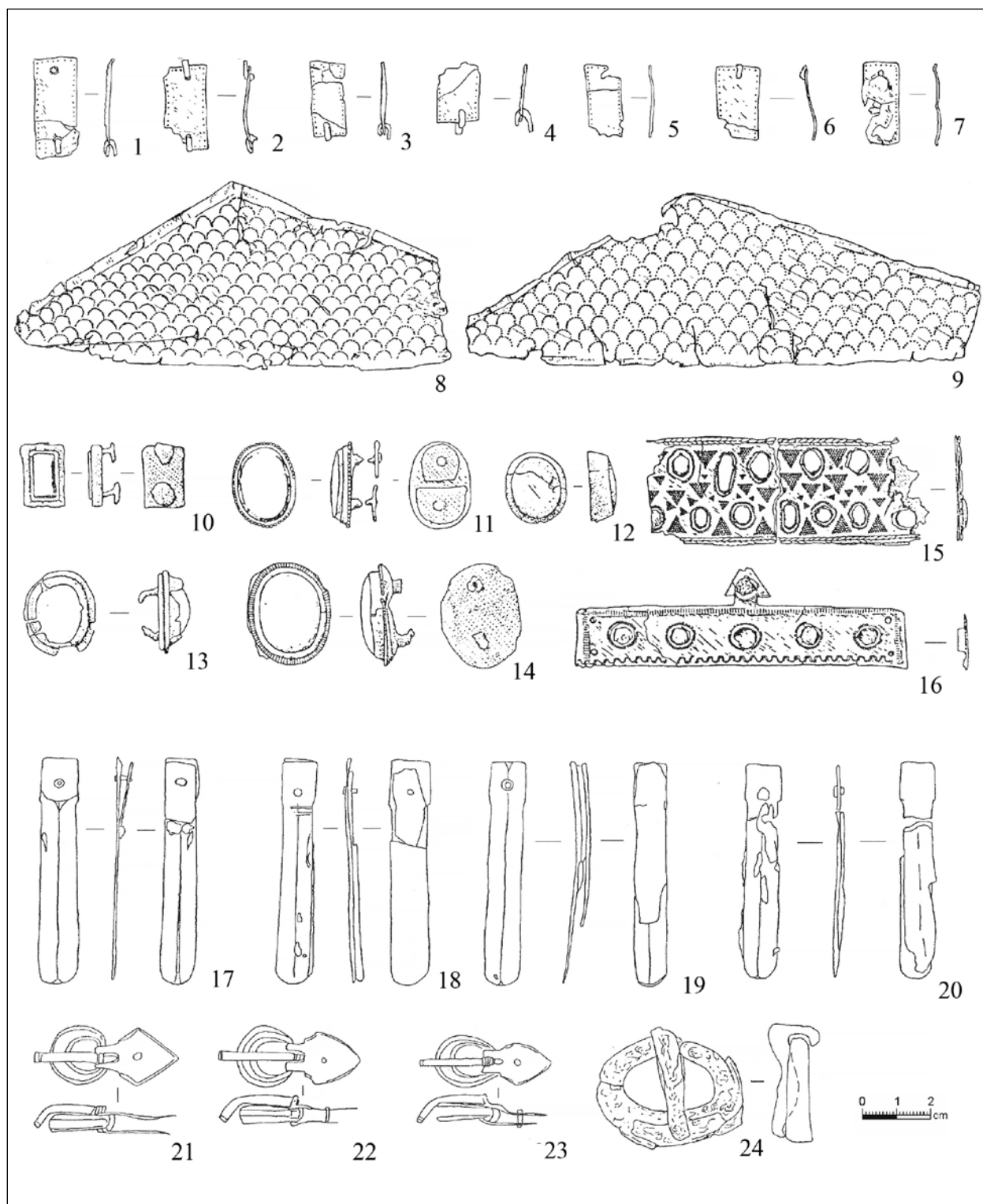


Рис. 94. Солончанка I [69]. Инвентарь из северной и южной насыпи. 1–7: Серебряные пластины из кургана 1; 8–9: Золотые накладки ленчиков седла из кургана 1; 10–15: Полихромные украшения из кургана 1; 16: Полихромное украшение из кургана 3; 17–20: Уздечные украшения из кургана 3; 21–23: Серебряные пряжки из кургана 3; 24: Железная подпружинная пряжка из кургана 3 (ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999)

Fig. 94. Solonchanka I [69]. Artifacts from the North and South mounds. 1–7: Silver plates from mound 1; 8–9: Gold linings of saddle ribbons from mound 1; 10–15: Polychrome items from mound 1; 16: Polychrome items from mound 3; 17–20: Bridle items from mound 3; 21–23: Silver buckles from mound 3; 24: Iron spring buckle from mound 3 (LYUBCHANSKII–TAIROV 1999)

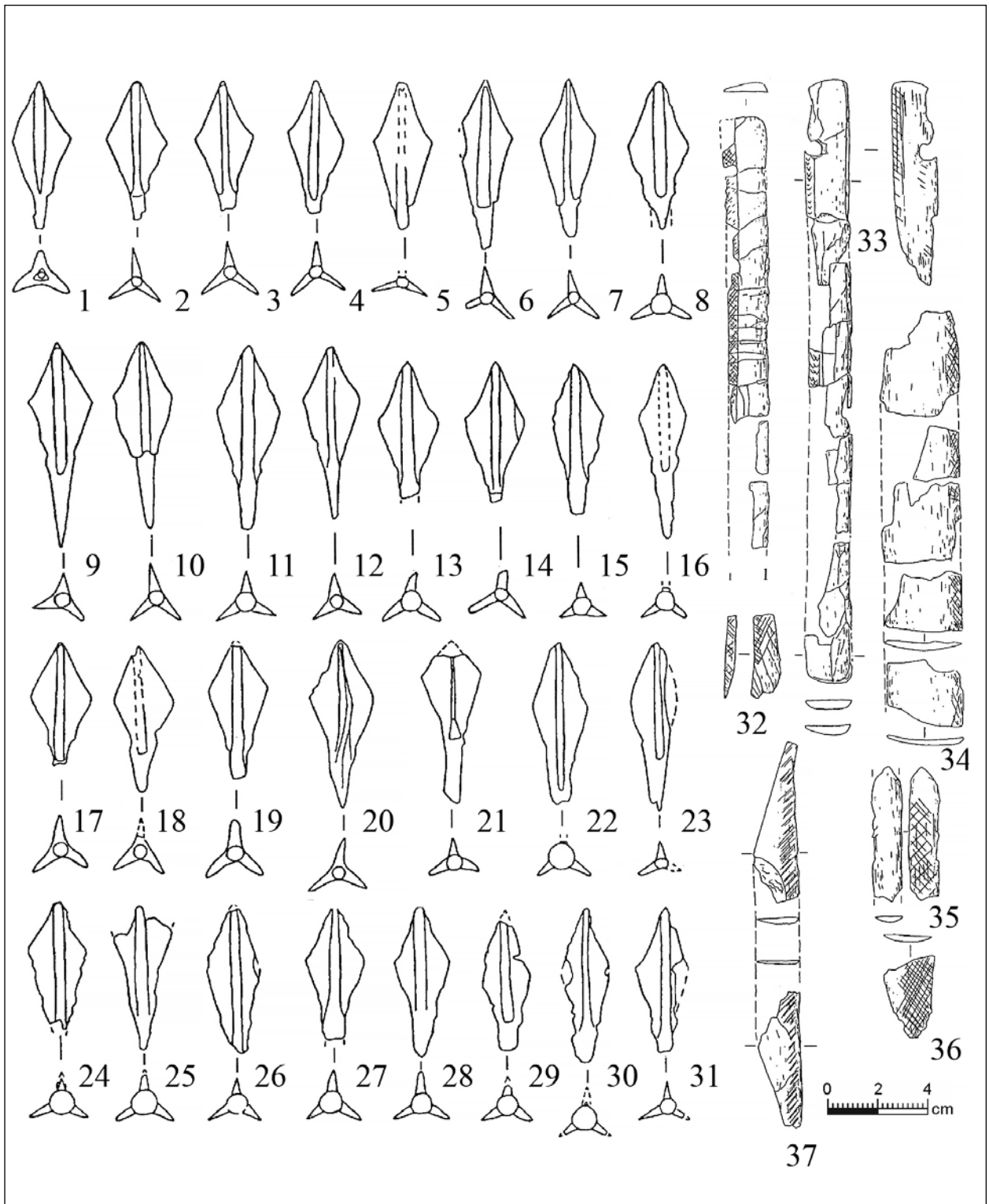


Рис. 95. Солончанка I [69]. Инвентарь. Предметы вооружения из кургана 1. 1–31: Наконечники стрел; 32–36: Костяные накладки сложносоставного лука (ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАЙРОВ 1999)

Fig. 95. Solonchanka I [69]. Artifacts. Weapons items from mound 1. 1–31: Arrowheads; 32–36: Bone overlays of compound bow (LYUBCHANSKII–TAIROV 1999)

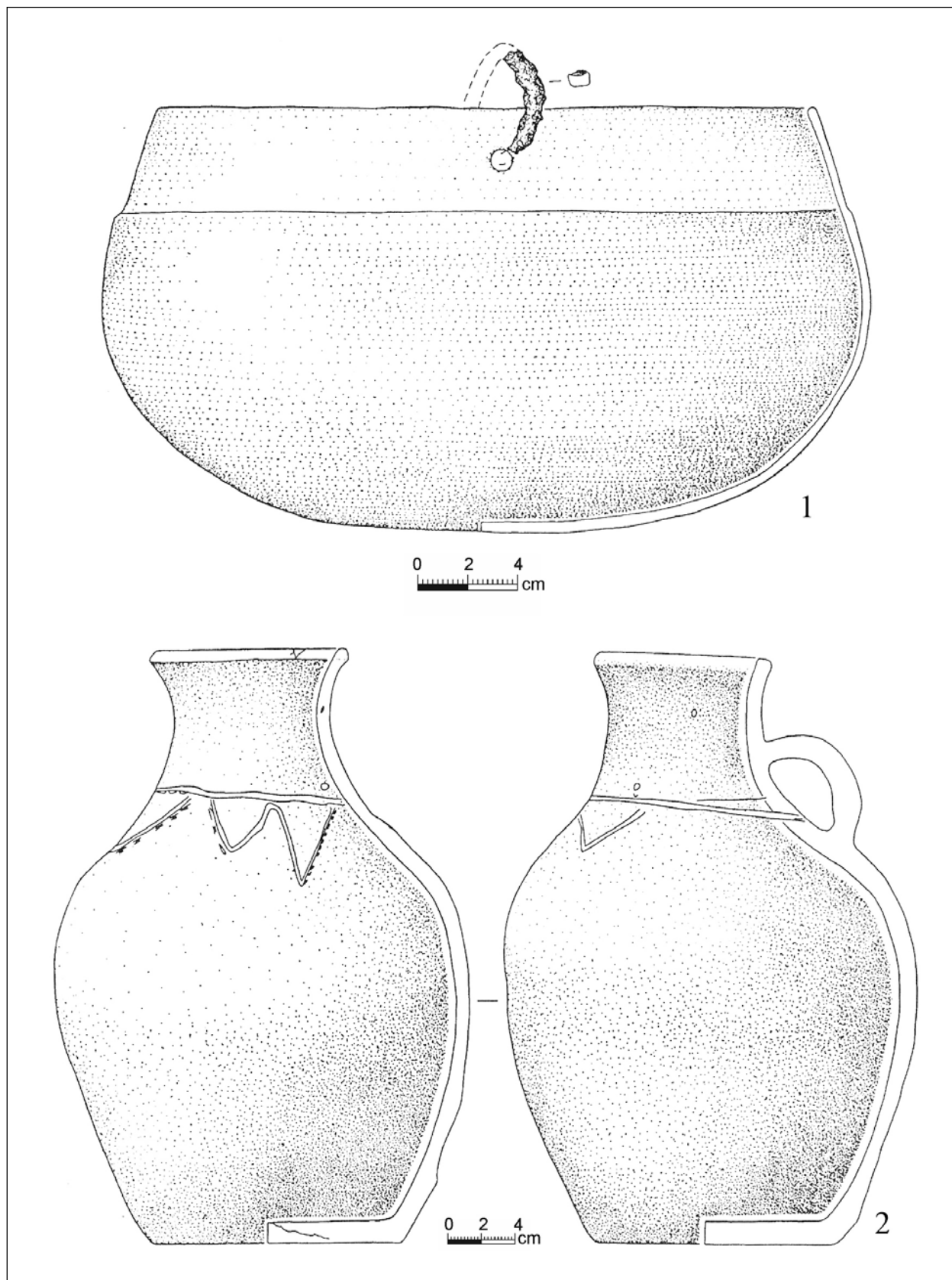


Рис. 96. Солончанка I [69]. 1: Медный котелок из кургана 1; 2: Гончарный кувшин из кургана 2 (ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАЙРОВ 1999)  
Fig. 96. Solonchanka I [69]. Artifacts. 1: Copper pot from mound 1; 2: Potter's jar from mound 2 (LYUBCHANSKIY–TAIROV 1999)



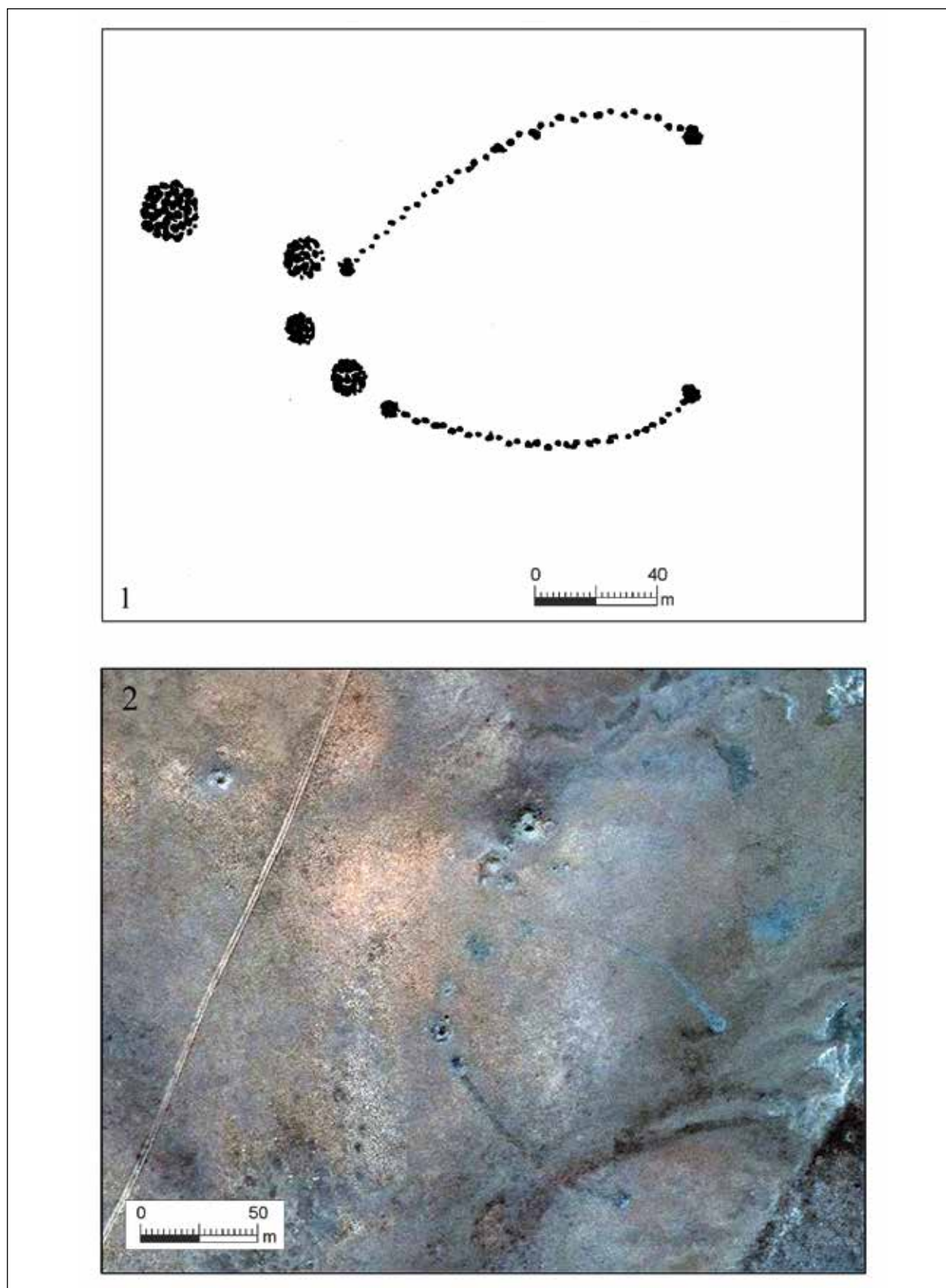


Рис. 97. Карасай [457]. 1: План комплекса 1958 г.; 2: Космоснимок (КАДЫРБАЕВ 1958)  
Fig. 97. Karasai [457]. 1: Plan of the complex in 1958; 2: Satellite image (KADYRBAEV 1958)

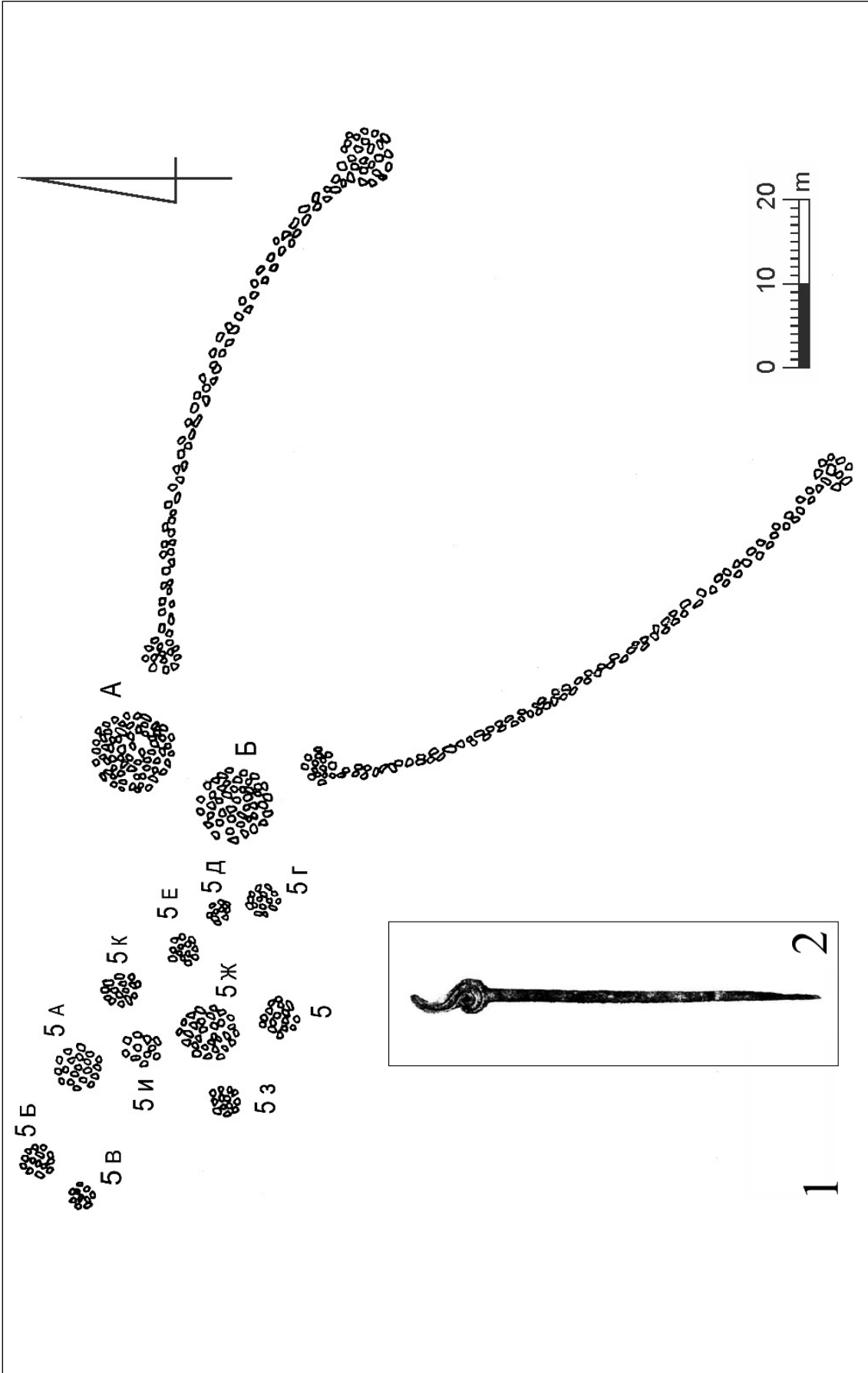


Рис. 98. Карамурун [297]. 1: План комплекса; 2: Костяная игла из могильной ямы северной насыпи (Кадырбаев 1966)  
Fig. 98. Karamurun [297]. 1: Plan of the complex; 2: Bone needle (early iron age) from the grave pit of the Northern mound (Kadyrbayev 1966)

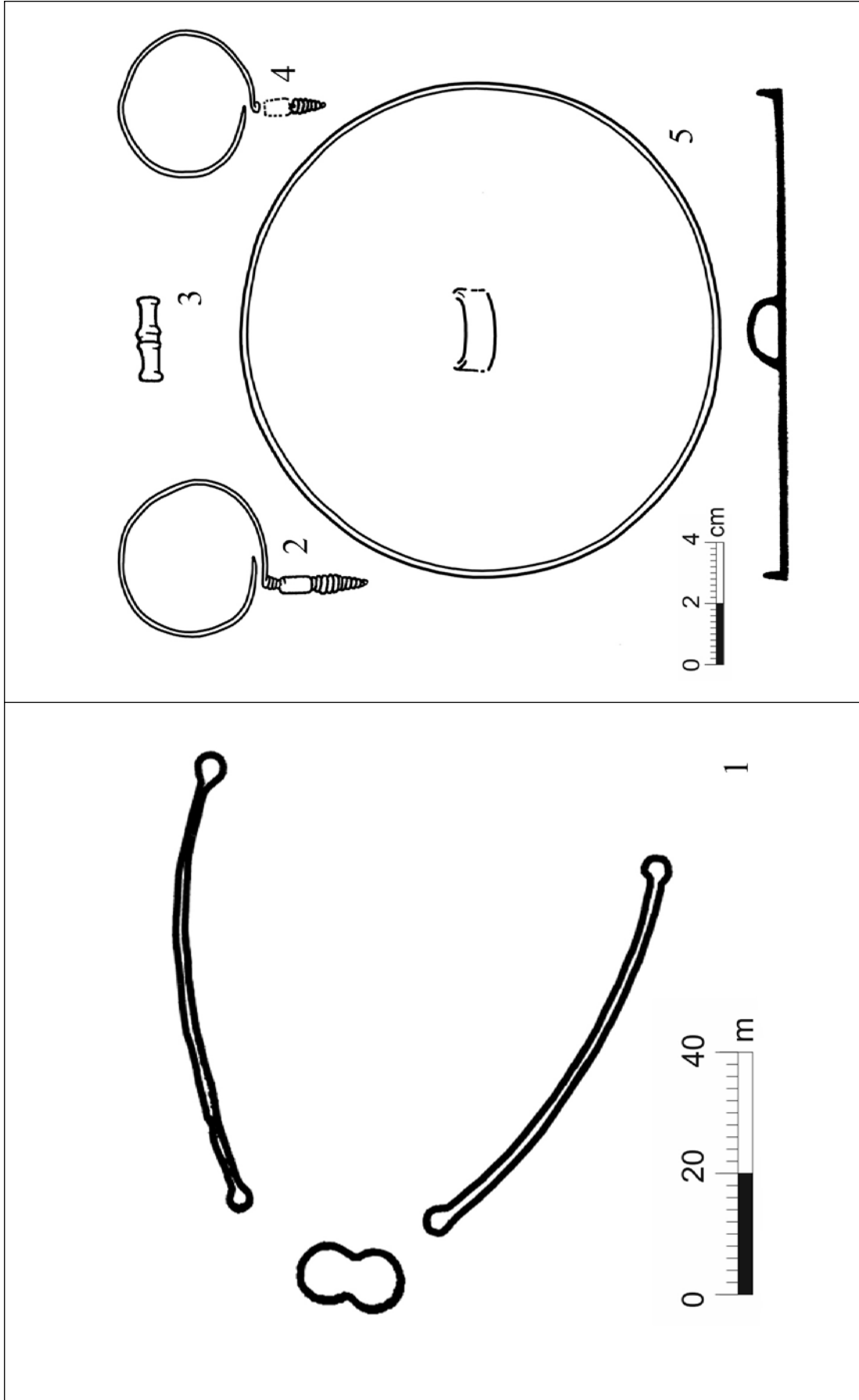


Рис. 99. Большое Чебачье [260]. 1: План комплекса; 2-5: Инвентарь из погребения раннего железного века (Грязнов 1956)

Fig. 99. Bol'shoye Chebач'e [260]. 1: Plan of the complex; 2-5: Artifacts from an early iron age burial (GRIAZNOV 1956)

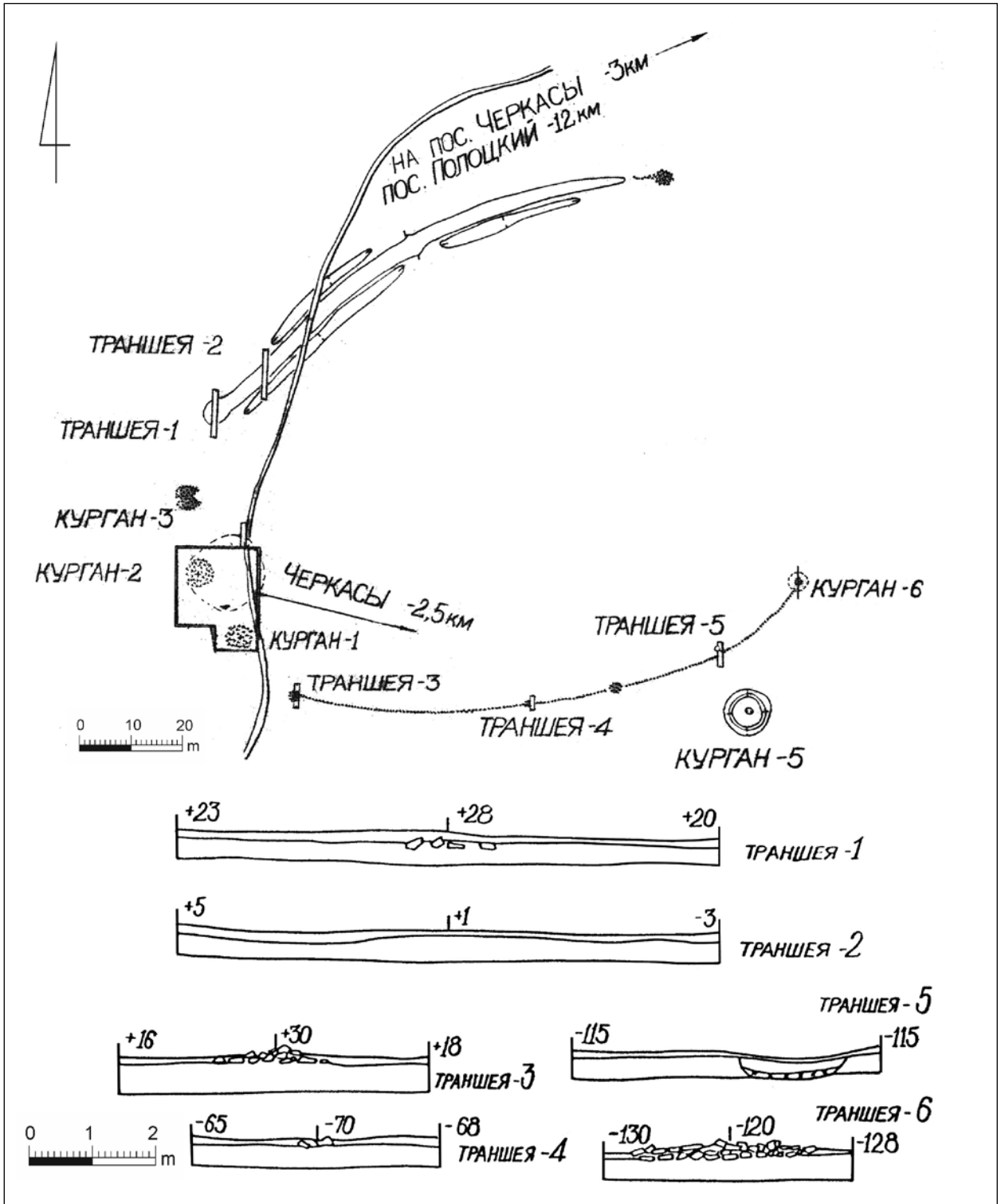


Рис. 100. Крутая Гора [63]. План комплекса и разрезы участков (Иванова 1988; Гаврилюк-Иванова-Любчанский 2004)  
 Fig. 100. Krutaya Gora [63]. The plan of the complex profiles and sections (Ivanova 1988; Gavrilyuk-Ivanova-Lyubchanskii 2004)

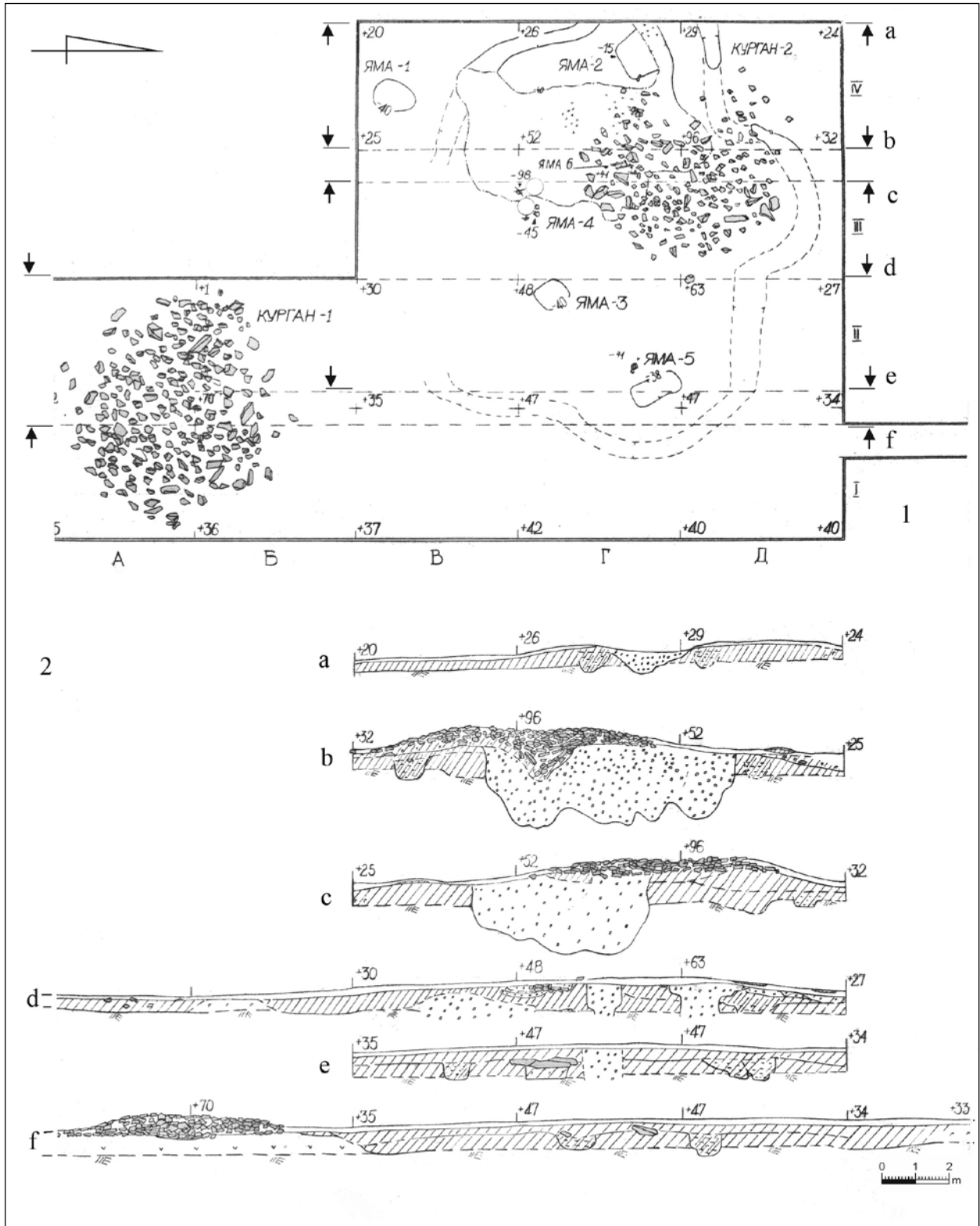


Рис. 101. Крутая Гора [63]. План раскопа и профили центрального сооружения (Иванова 1988; Гаврилюк–Иванова–Любчанский 2004)

Fig. 101. Krutaya Gora [63]. Excavation plan and profiles of the central mounds (Ivanova 1988; Gavrilyuk–Ivanova–Lyubchanskii 2004)

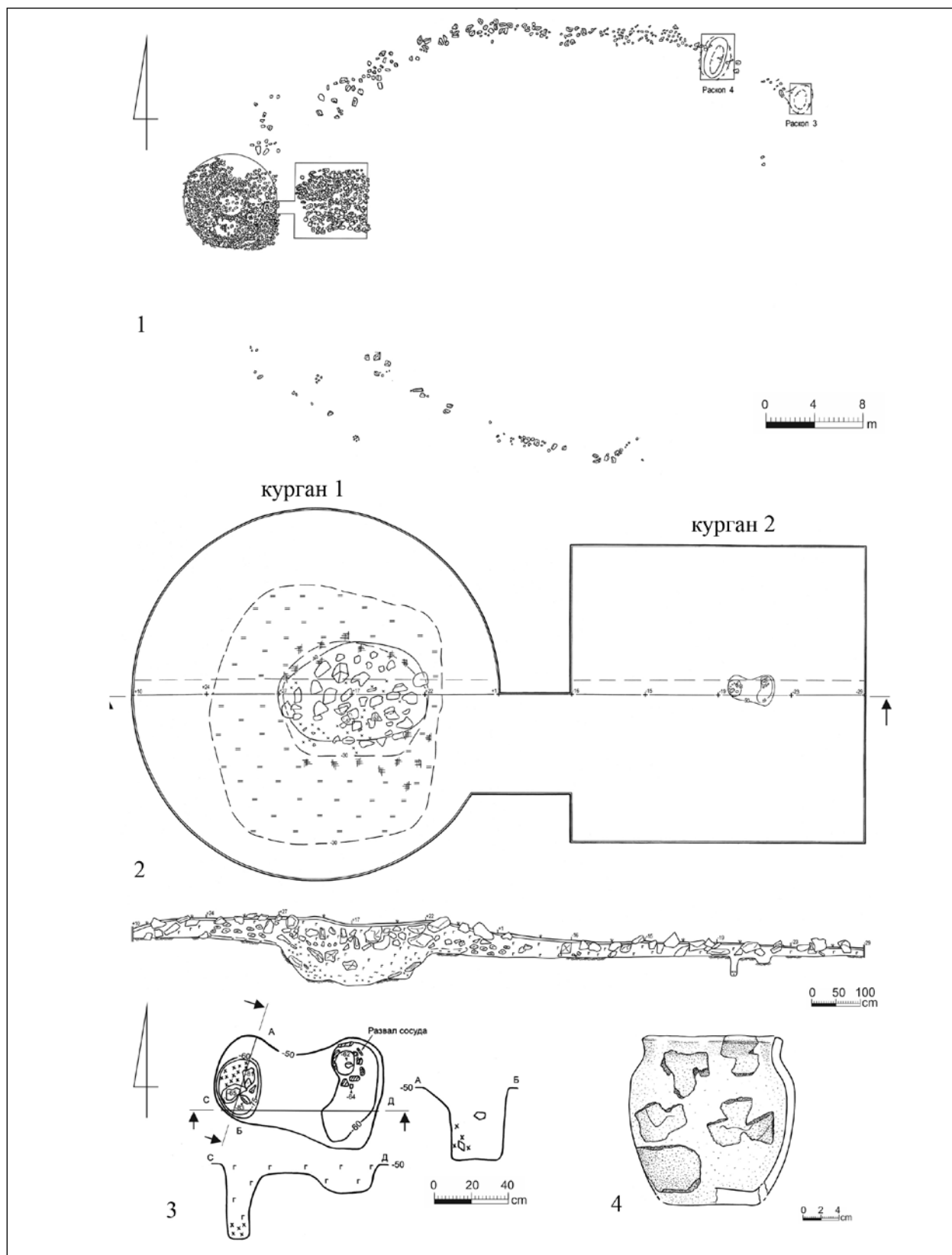


Рис. 102. Елизаветпольский [25]. 1: План комплекса; 2: План и разрез центрального сооружения; 3: Яма из восточного кургана; 4: Сосуд из восточного кургана (ТАЙРОВ 2008)

Fig. 102. Elizavetpol'skii [25]. 1: Plan of the complex; 2: Plan and profile of the central mounds; 3: Pit from the Eastern mound; 4: Pot from the Eastern mound (ТАЙРОВ 2008)

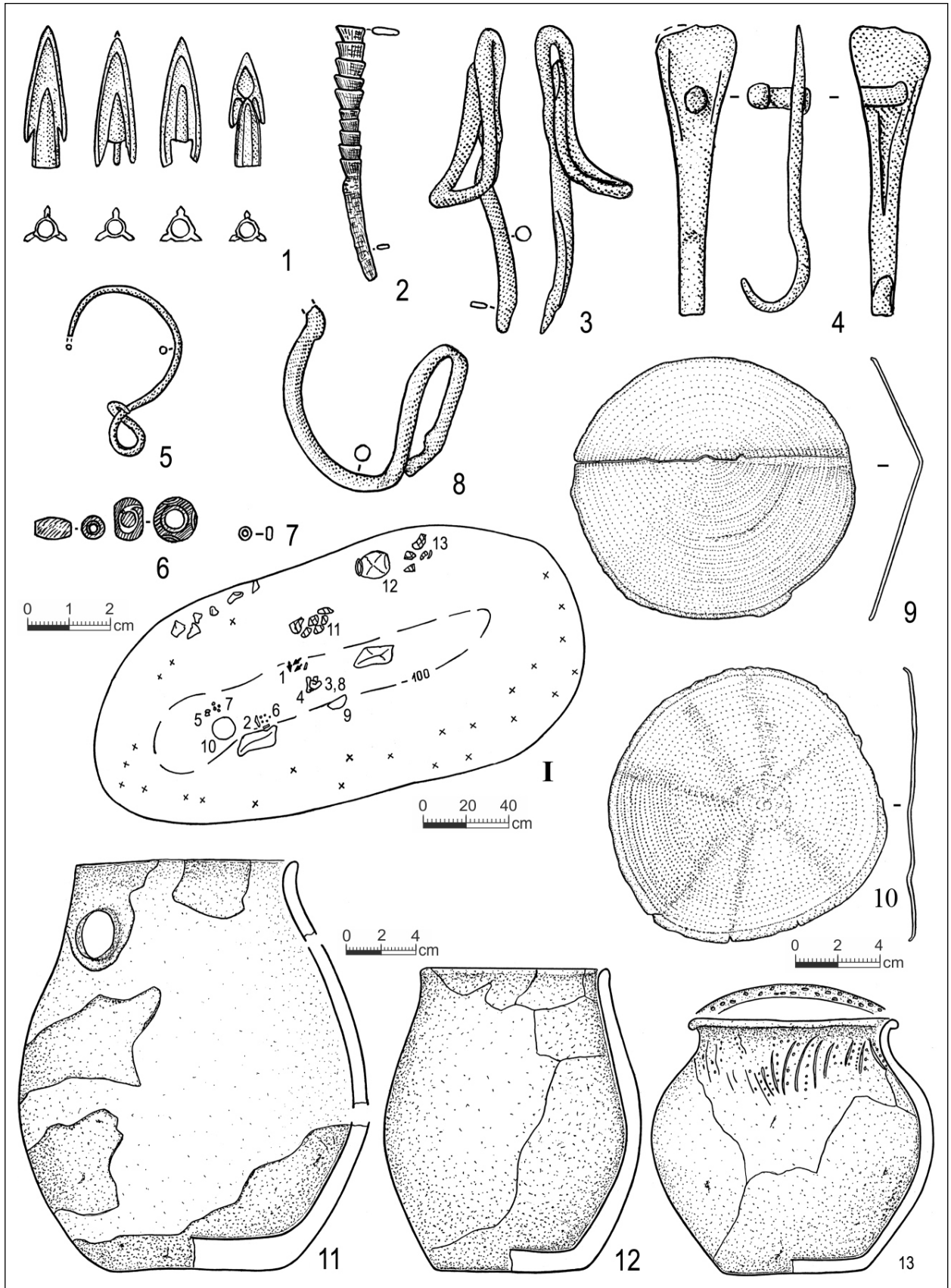


Рис. 103. Елизаветпольский [25]. Яма и инвентарь раннего железного века из западного кургана (Тайров 2008)  
 Fig. 103. Elizavetpol'skii [25]. Pit and early Iron Age artifacts from the Western mound (Тайров 2008)

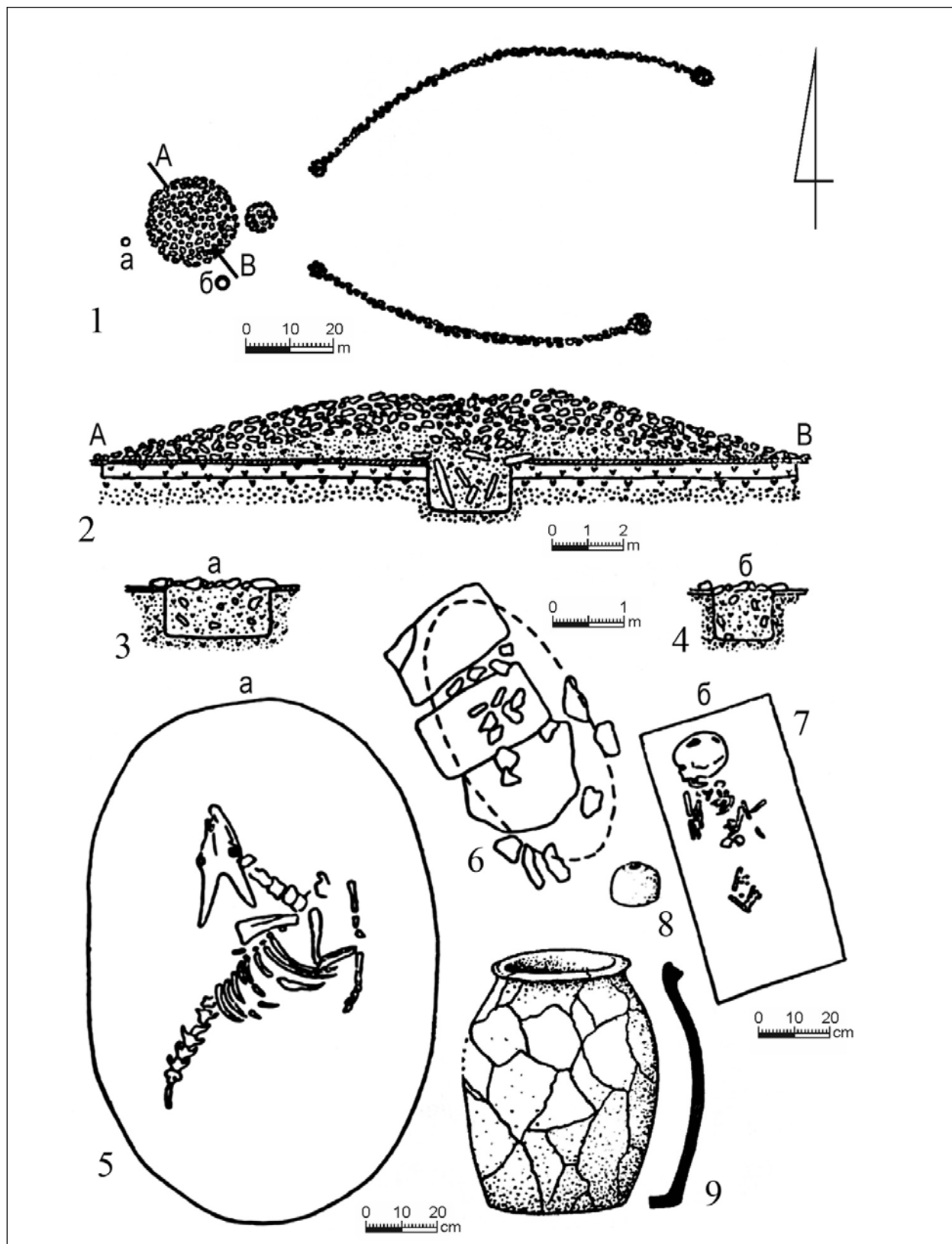


Рис. 104. Кара-Бие, курган 15 [465]. 1: План комплекса; 2: Разрез центральной насыпи; 3–4: Разрезы вымосток рядом с центральным сооружением; 5–8: Западный курган; 9: Сосуд из восточного кургана (КАДЫРБАЕВ 1959а)

Fig. 104. Kara-Bie, kurgan 15 [465]. 1: Plan of the complex; 2: Profile of the Central embankment; 3–4: Profiles of the paving next to the central mounds; 5–8: The Western mound; 9: A pot from the Eastern mound (KADYRBAEV 1959a)



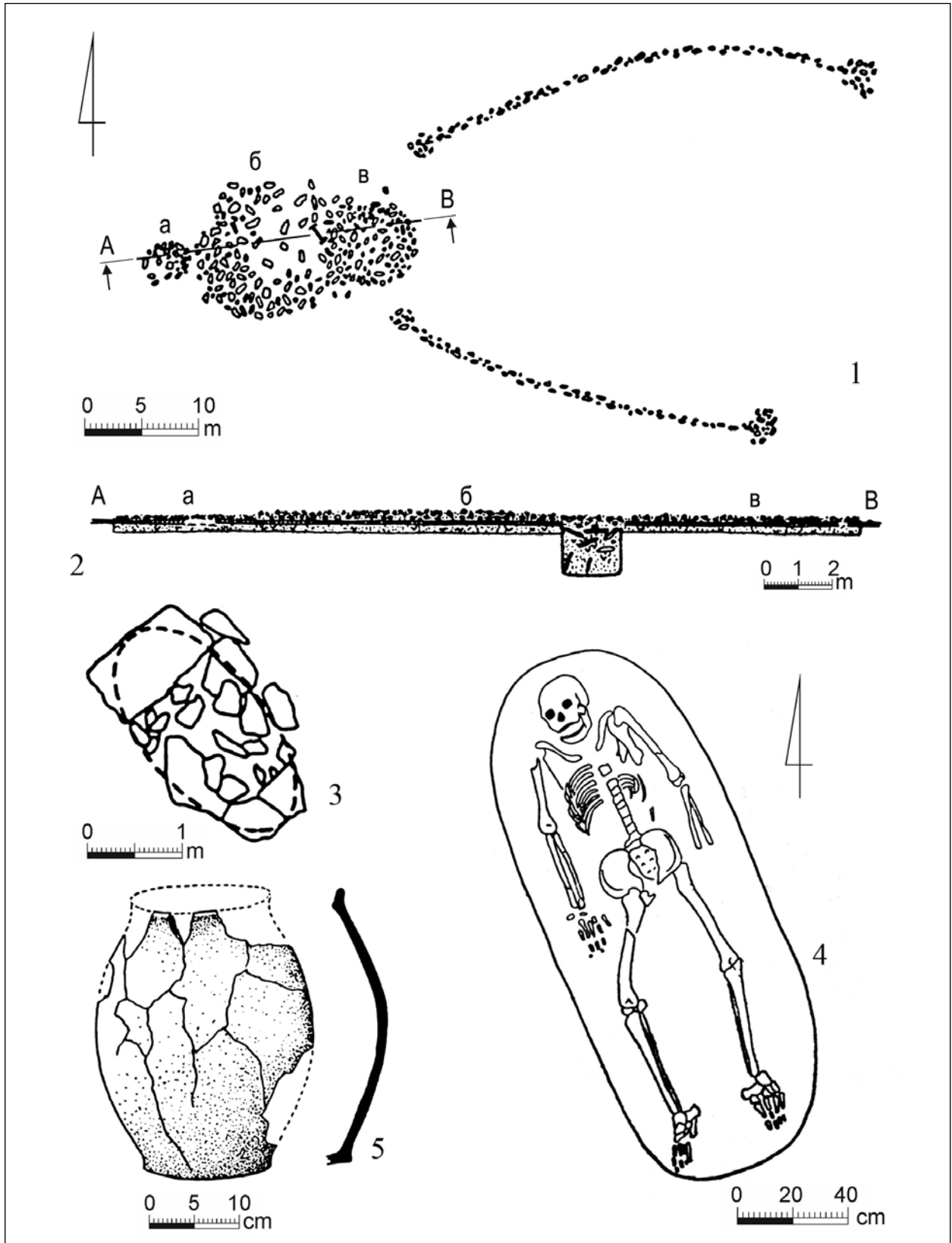


Рис. 105. Ельшибек [530]. 1: План; 2: Разрез центрального сооружения; 3–4: Могильная яма в большом кургане (б); 5: Сосуд из восточной насыпи (в) (КАДЫРБАЕВ 1959а)

Fig. 105. El'shibek [530]. 1: Plan; 2: Profile of the Central structure; 3–4: Grave pit in a large mound (б); 5: Pot from the Eastern mound (в) (KADYRBAEV 1959a)

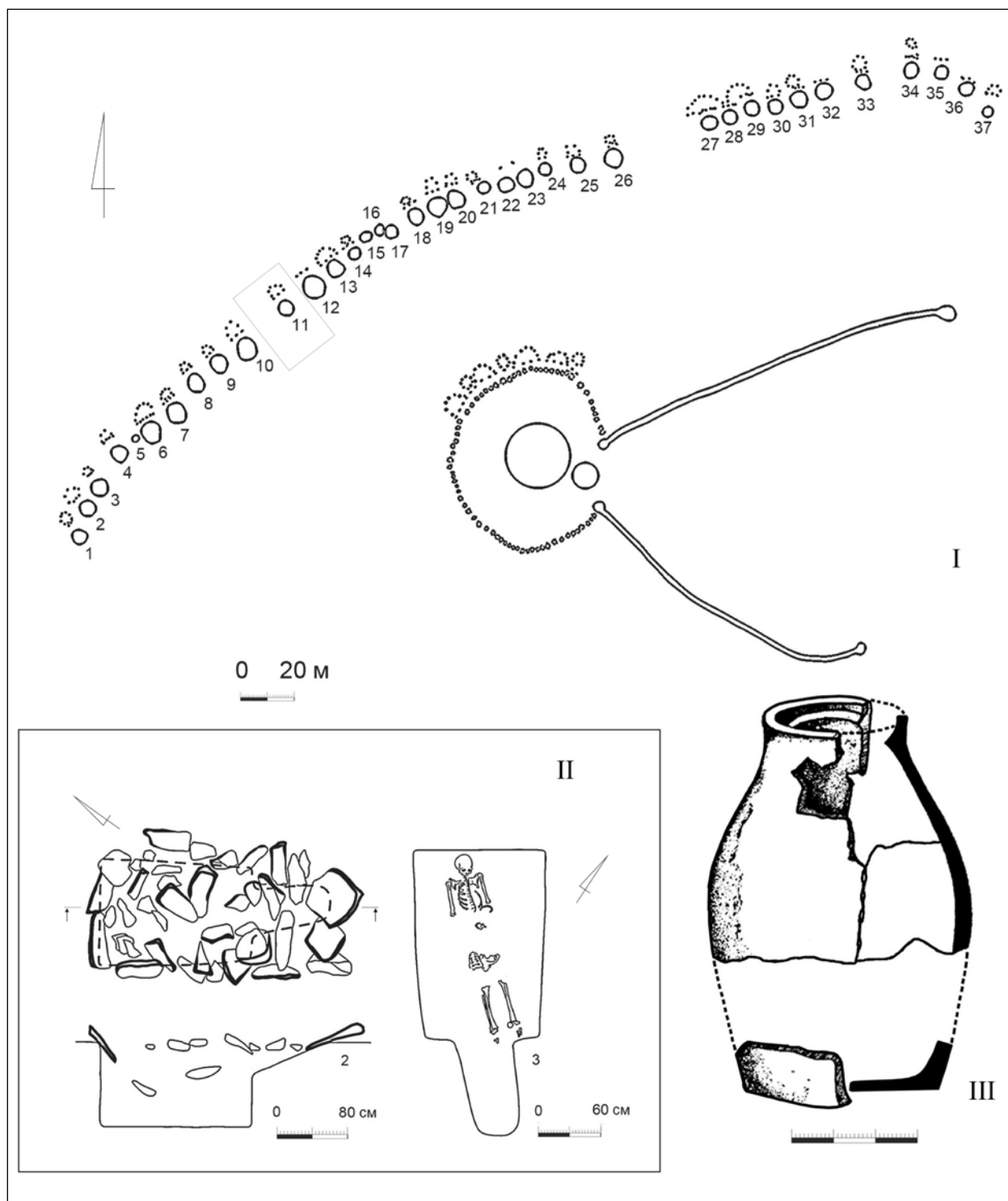


Рис. 106. 37 воинов [462]. I: План комплекса; II: Погребение из кургана II (цепочка северных выкладок); III: Сосуд  
(КАДЫРБАЕВ 1958; БЕЙСЕНОВ 2015б)

Fig. 106. 37 voinov [462]. I: Plan of the complex; II: Burial from mound II (a number of Northern stone placings); III: Pot  
(KADYRBAEV 1958; BEISENOV 2015b)

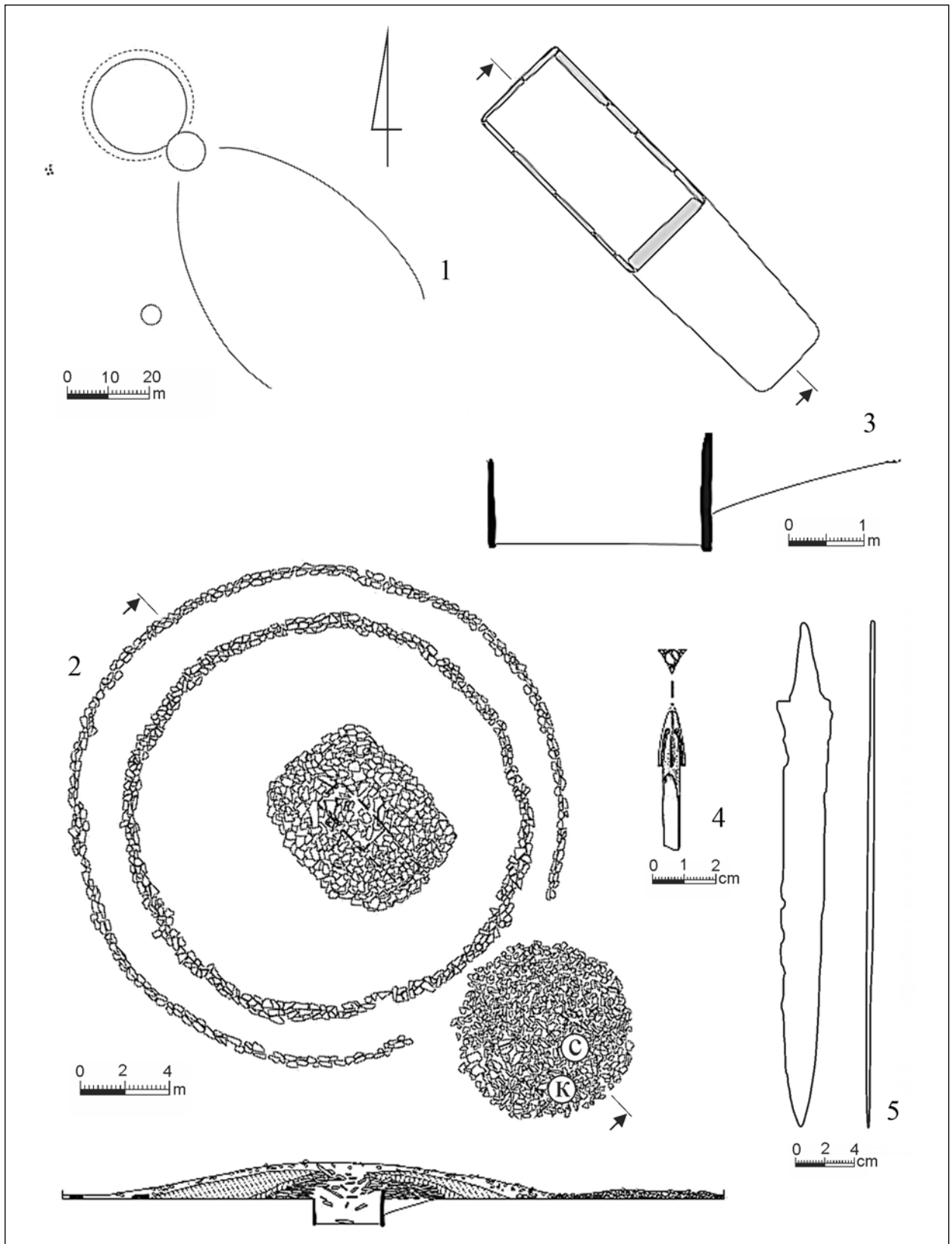


Рис. 107. Назар [379]. 1: План комплекса; 2: План и разрез центрального сооружения; 3: Могильная яма под западным курганом; 4: Наконечник стрелы из ямы западного кургана; 5: Кинжал из восточной насыпи (Бейсенов 2016)

Fig. 107. Nazar [379]. 1: Plan of the complex; 2: Plan and profile of the central mound; 3: Grave pit under the Western mound; 4: Arrowhead from the Western mound pit; 5: Dagger from the Eastern mound (BEISENOV 2016)

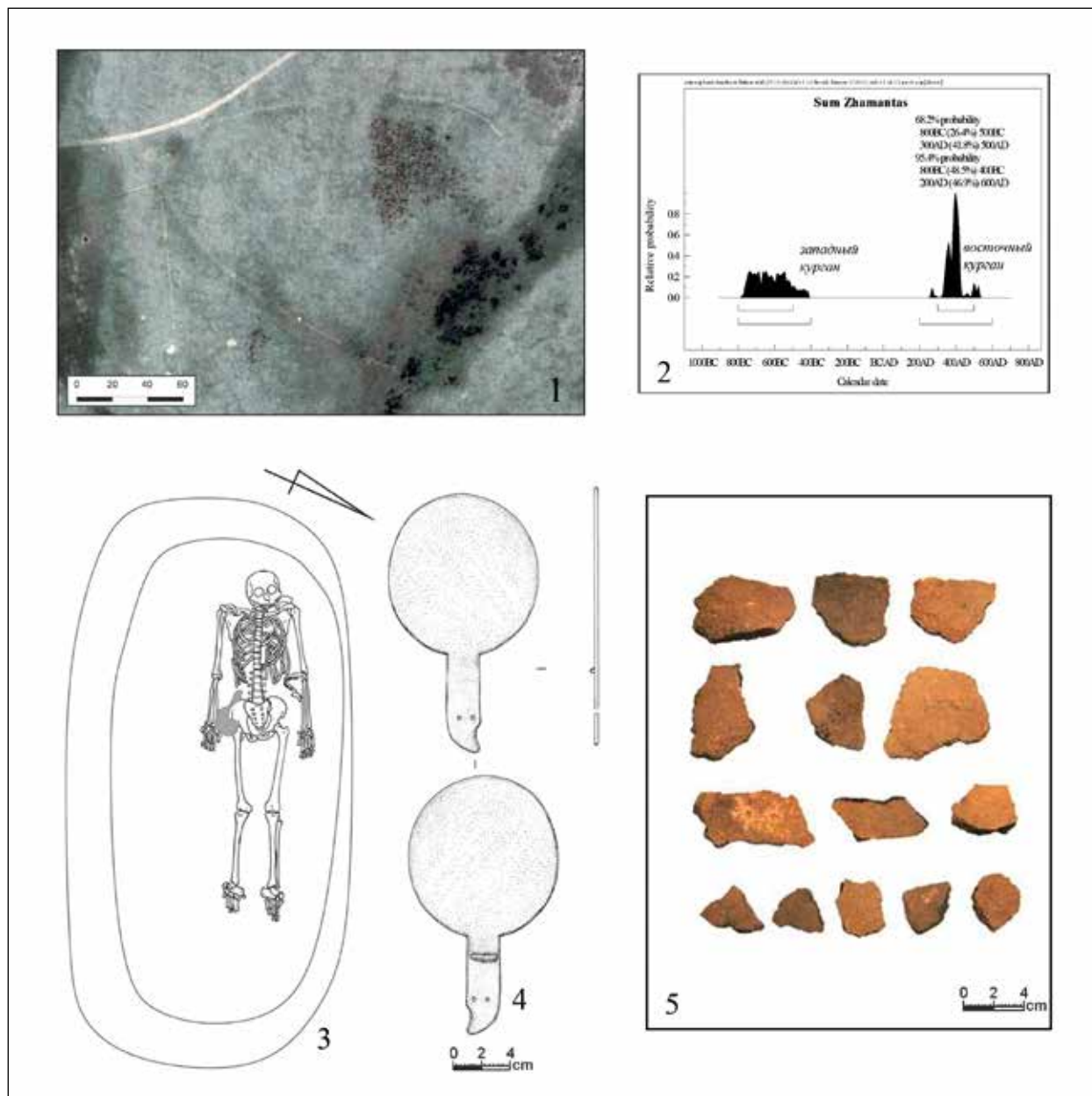


Рис. 108. Жамантас [398]. 1: Космоснимок; 2: Радиоуглеродные даты из западного и восточного кургана; 3: Погребение из западного кургана; 4: Зеркало из погребения западного кургана; 5: Фрагменты сосуда из восточной насыпи (БЕЙСЕНОВ–ДУЙСЕНБАЙ–СВЯТКО 2017)

Fig. 108. Zhamantas [398]. 1: Satellite image; 2: Radiocarbon dates from the Western and Eastern mound; 3: Burial from the Western mound; 4: Mirror from the burial of the Western mound; 5: Fragments of a vessel from the Eastern mound (BEISENOV–DUYSHENBAI–SVYATKO 2017)

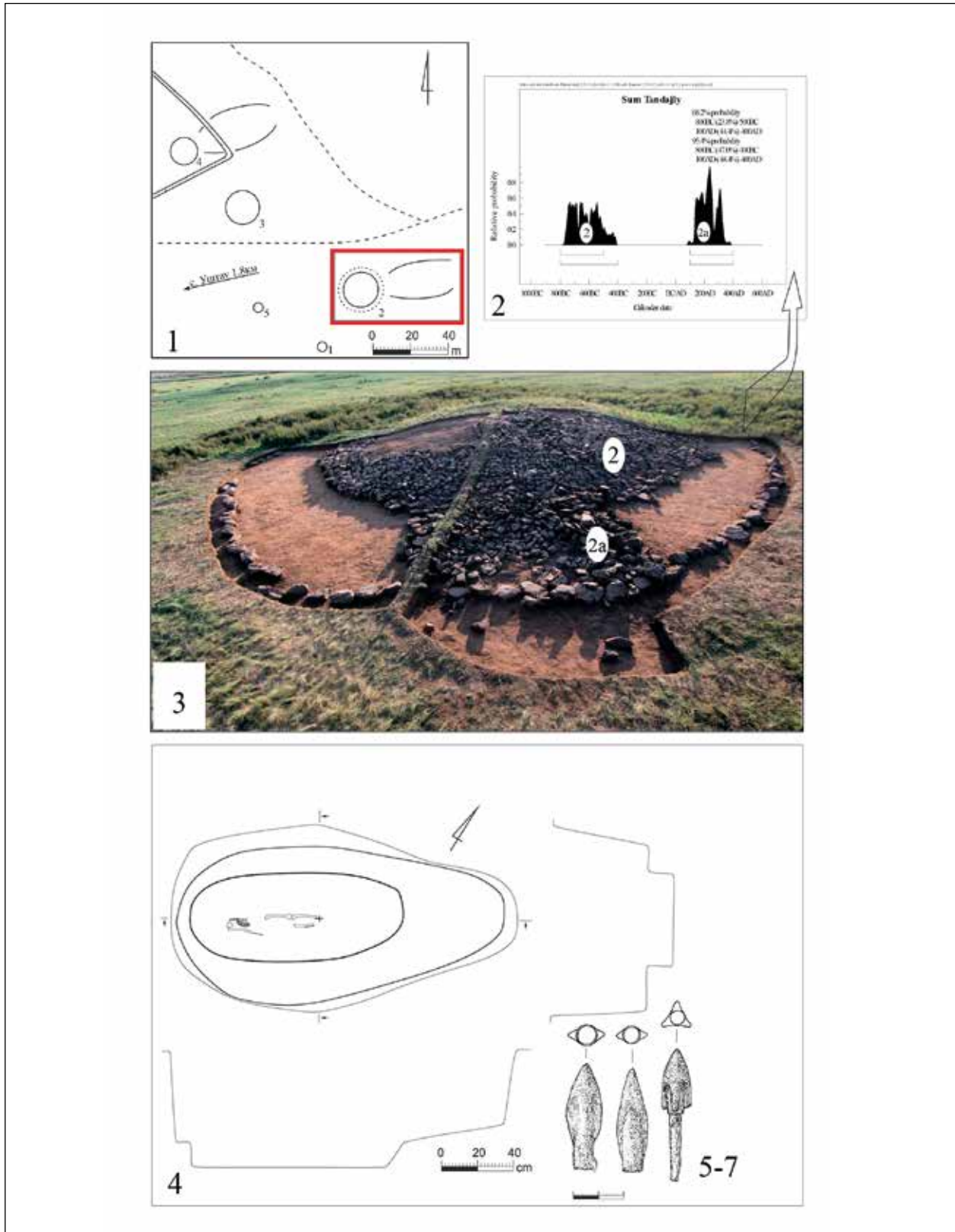


Рис. 109. Тандайлы-2 [351, 352]. 1: План памятника; 2: Радиоуглеродные даты из комплекса кургана 2 [352]; 3: Общий вид центрального сооружения кургана 2 [352]; 4–7: Могильная яма из западного кургана и инвентарь [352] (БЕЙСЕНОВ И ДР. 2016)

Fig. 109. Tandaily-2 [351, 352]. 1: Plan of the monument; 2: Radiocarbon dates from the mound complex 2 [352]; 3: General view of the Central structure of mound 2 [352]; 4–7: Grave pit from the Western mound and artifacts [352] (BEISENOV ET AL. 2016)

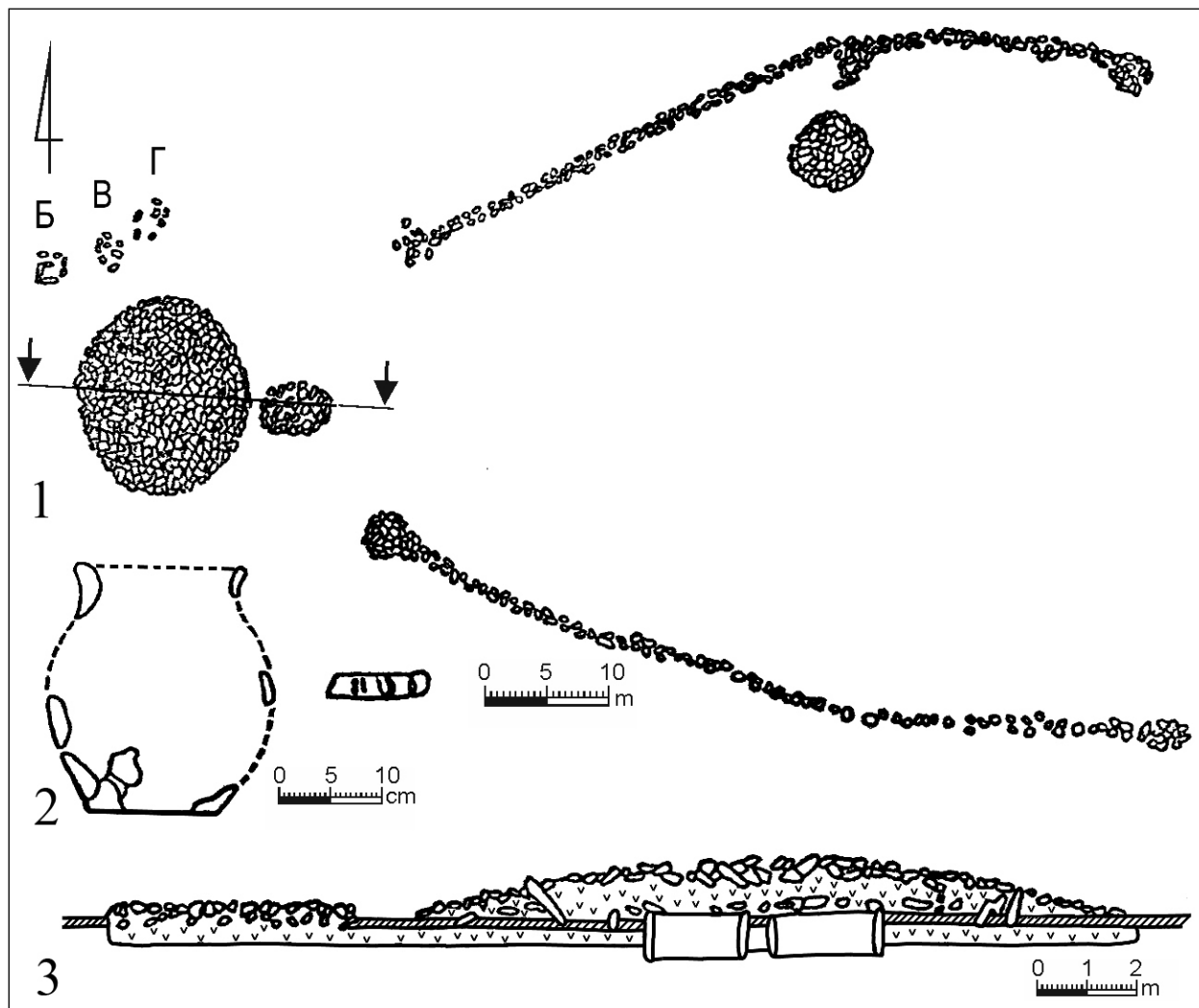


Рис. 110. Сангуыр II, курган 1 [502]. 1: План комплекса; 2: Сосуд из восточной насыпи; 3: Разрез центрального сооружения (КАДЫРБАЕВ 1961)

Fig. 110. Sanguyr II, kurgan 1 [502]. 1: Plan of the complex; 2: Pot from the Eastern mound; 3: Profile of the central mound (KADYRBAEV 1961)

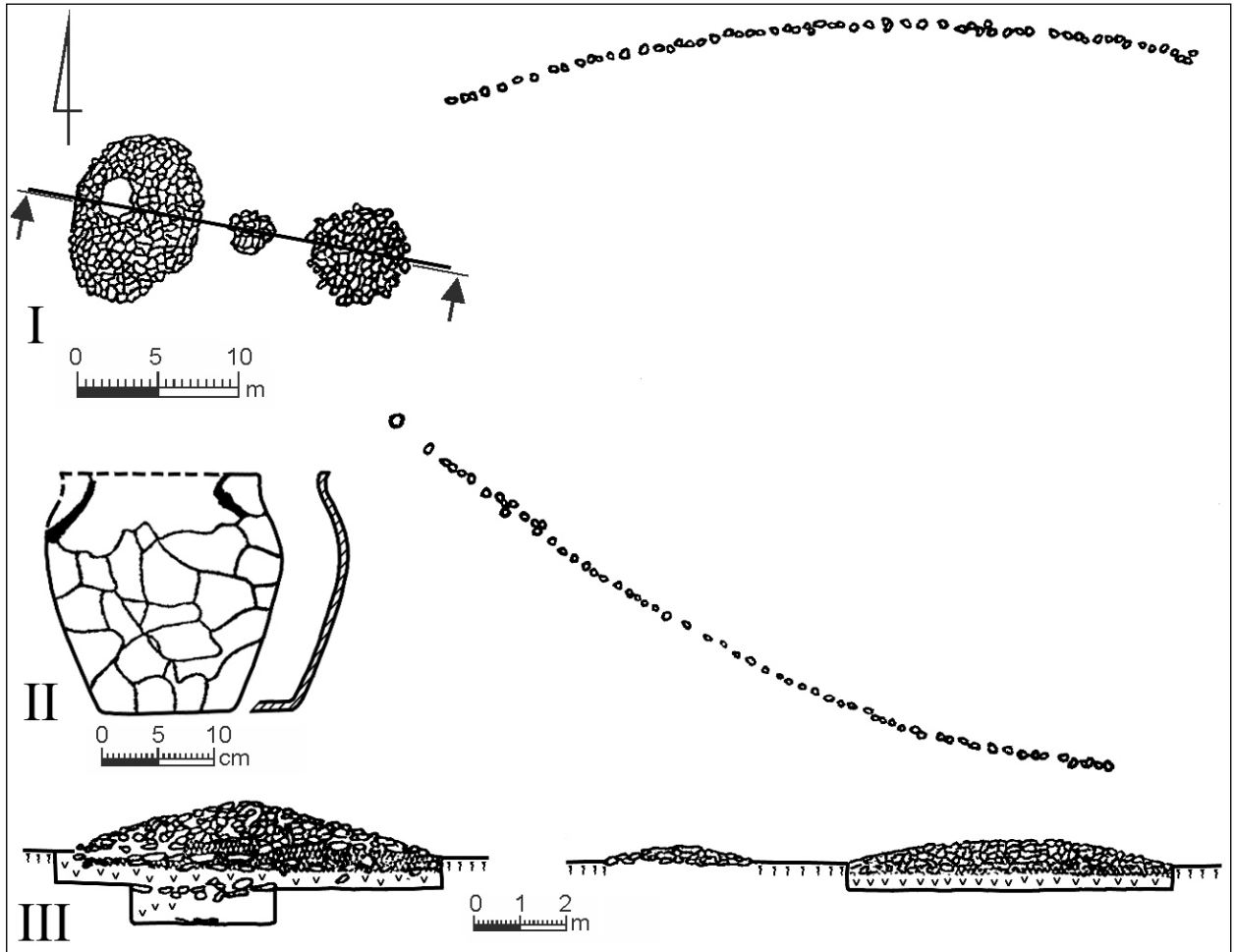


Рис. 111. Сангуыр II, курган 2 [503]. I: План; II: Сосуд из восточной насыпи; III: Разрез центрального сооружения  
(КАДЫРБАЕВ 1961)

Fig. 111. Sanguyr II, kurgan 2 [503]. I: Plan of the complex; II: Pot from the Eastern mound; III: Profile of the central mound  
(KADYRBAEV 1961)

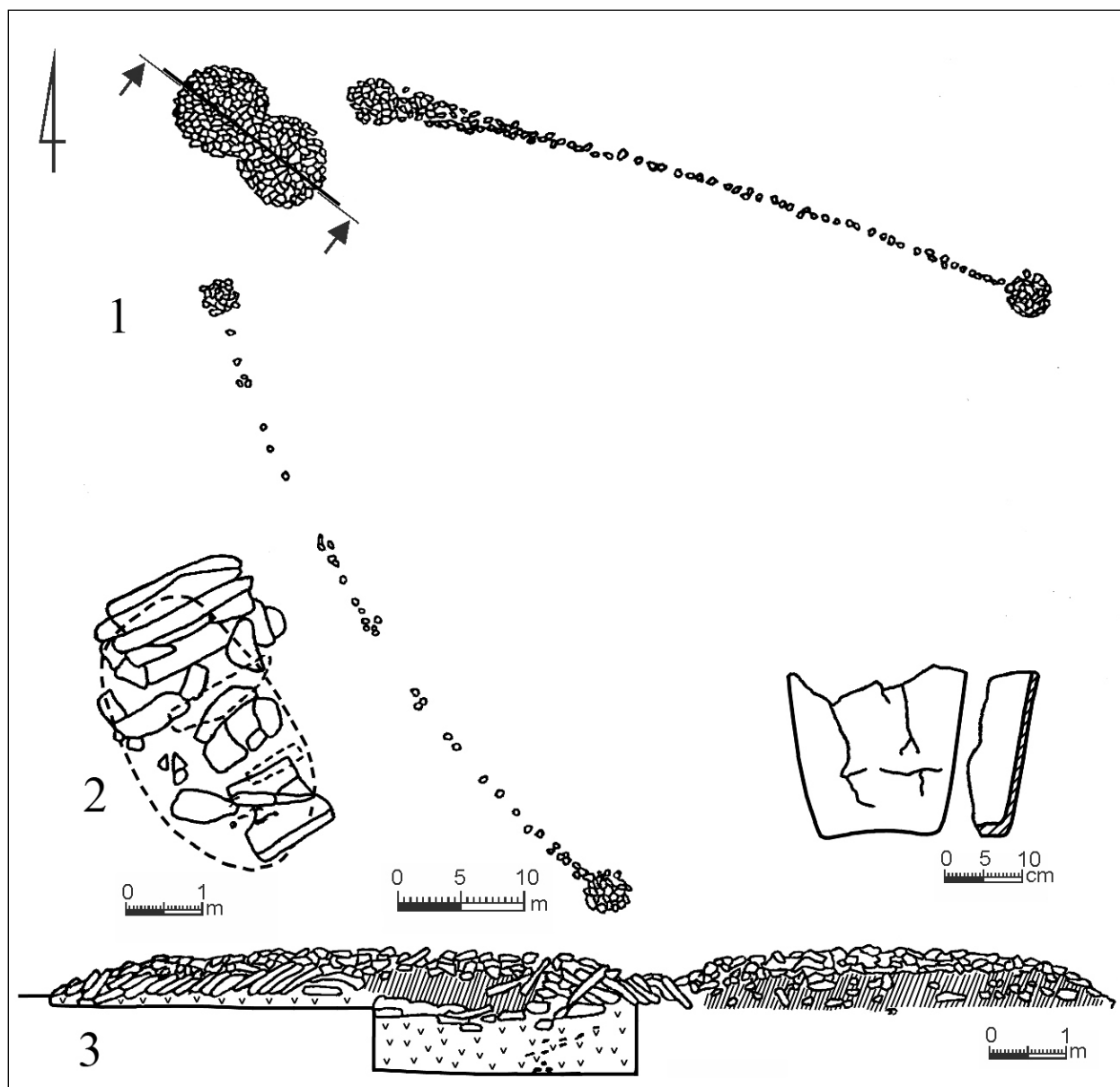


Рис. 112. Сангуыр II, курган 3 [504]. 1: План; 2: Перекрытие могильной ямы из западной насыпи; 3: Разрез центрального сооружения (КАДЫРБАЕВ 1961)

Fig. 112. Sanguyr II, kurgan 3 [504]. 1: Plan; 2: Covering the grave pit from the Western mound; 3: Section of the central mounds (KADYRBAEV 1961)



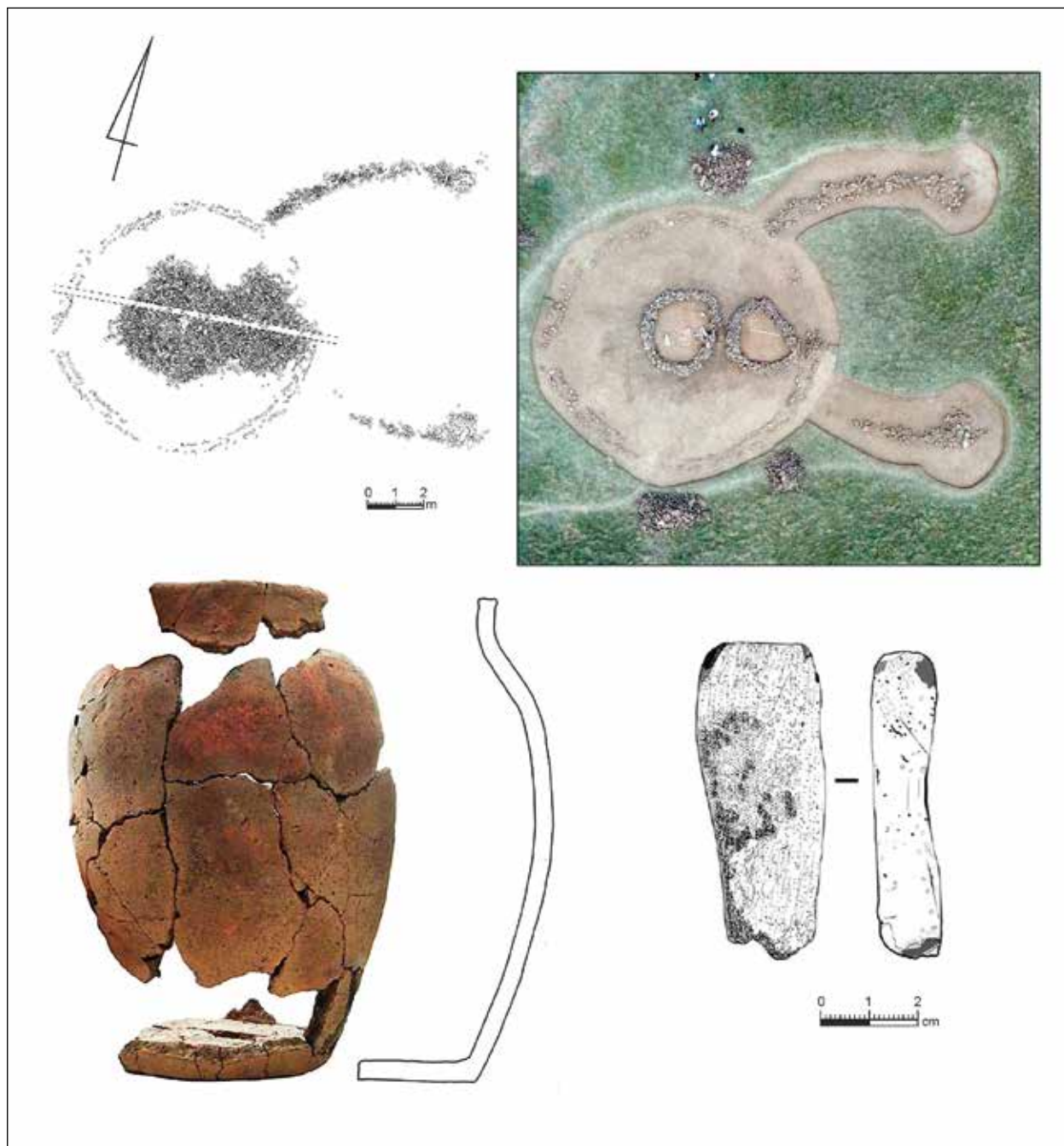


Рис. 113. Каратобе, курган 6 [544]. 1: План комплекса; 2: Снимок второго горизонта; 3: Сосуд из восточной насыпи;  
4: Каменное изделие из восточной насыпи (Айткали и др. 2019; Айткали и др. 2019а)

Fig. 113. Karatobe, kurgan 6 [544]. 1: Plan of the complex; 2: Snapshot of the second horizon; 3: Pot from the Eastern mound;  
4: Stone product from the Eastern mound (AITKALI ET AL. 2019; AITKALI ET AL. 2019a)

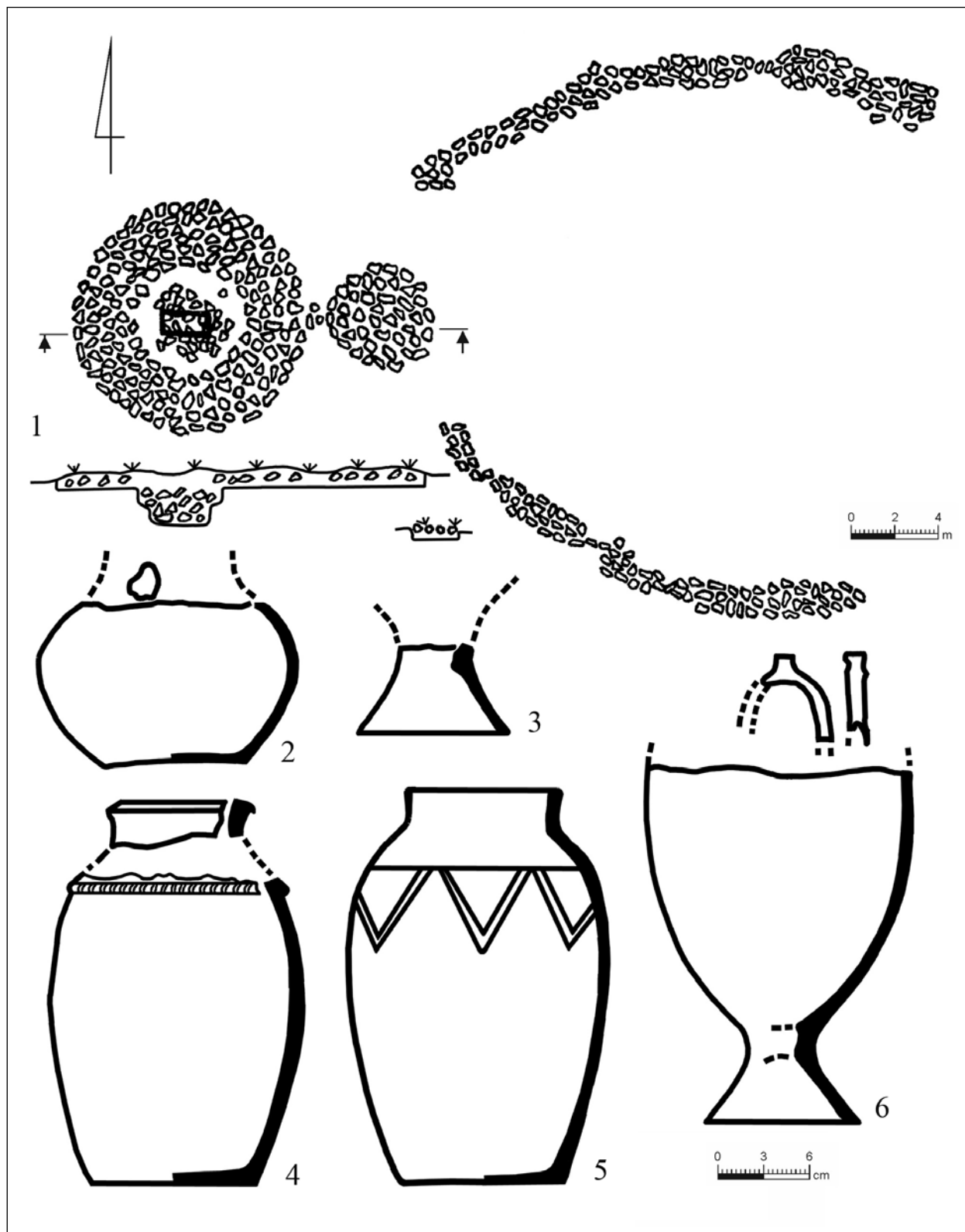


Рис. 114. Кызылтас [591–593?]. 1: План комплекса курган 1 [591]; 2–6: Керамика из курганов; 6: Курган 1 [591]; 3: Одиночный курган у с. Ленинка [592]; 4: Кызылтас 2, малый курган; 5: Кызылтас, курган 2 [593?]; 6: Курган 1 [591] (АРСЛАНОВА 1975)

Fig. 114. Kyzyltas [591–593?]. 1: Complex plan mound 1 [591]; 2–6: Ceramic from mound; 6: 1 mound [591]; 3: Single mound at Leninka village [592]; 4: 2 Kyzyltas, small mound; 5: Kyzyltas, mound 2 [593?]; 6: 1 mound [591] (ARSLANOVA 1975)

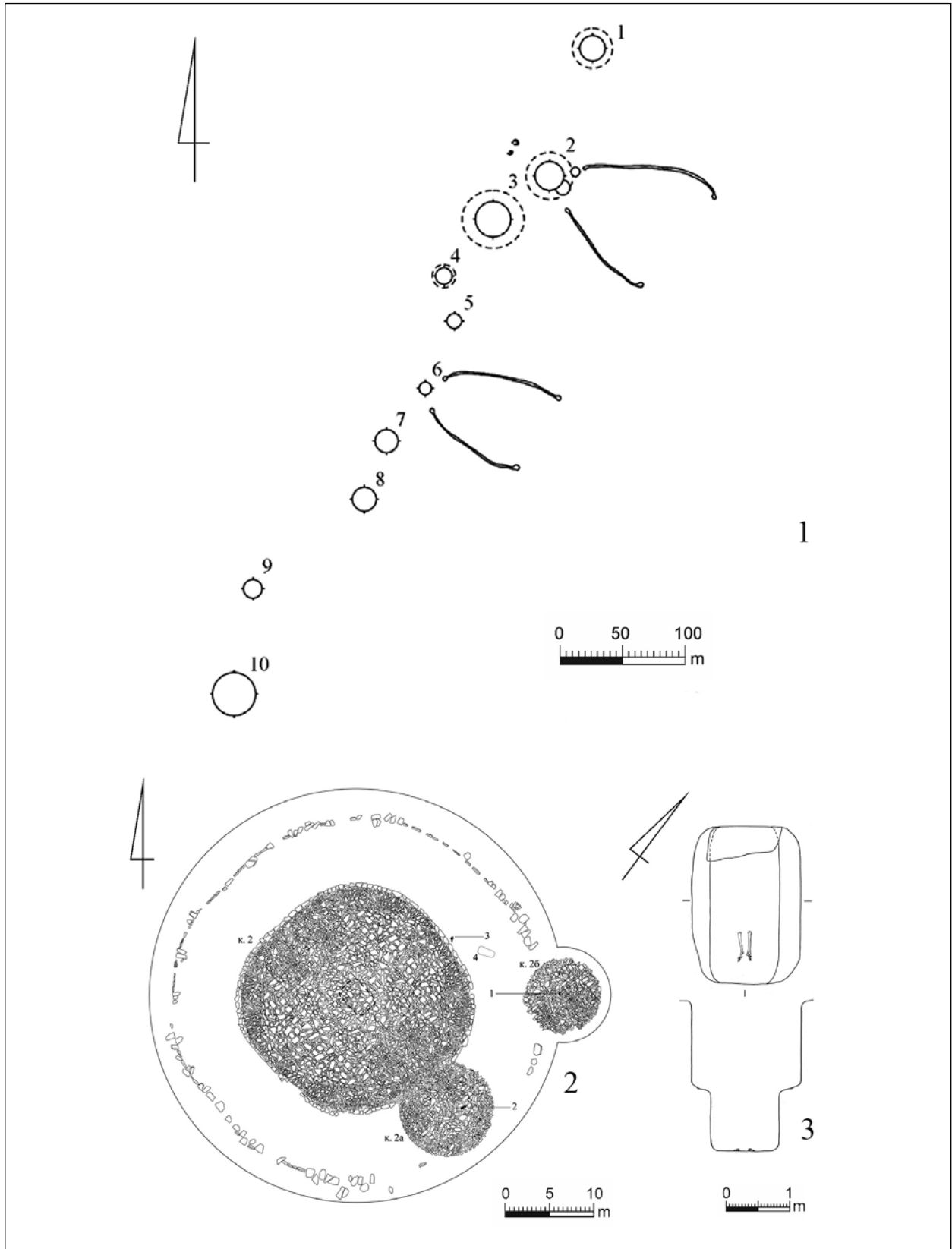


Рис. 115. Кызылшилик [340, 341]. 1: План памятника; 2: Центральное сооружение кургана 2; 3: Могильная яма под курганом 2 (БЕЙСЕНОВ–КАСЕНАЛИН 2018)

Fig. 115. Kyzylshilik [340, 341]. 1: Burial ground plan 2: Central structure of mound 2; 3: Grave pit under mound 2 (BEISENOV–KASENALIN 2018)

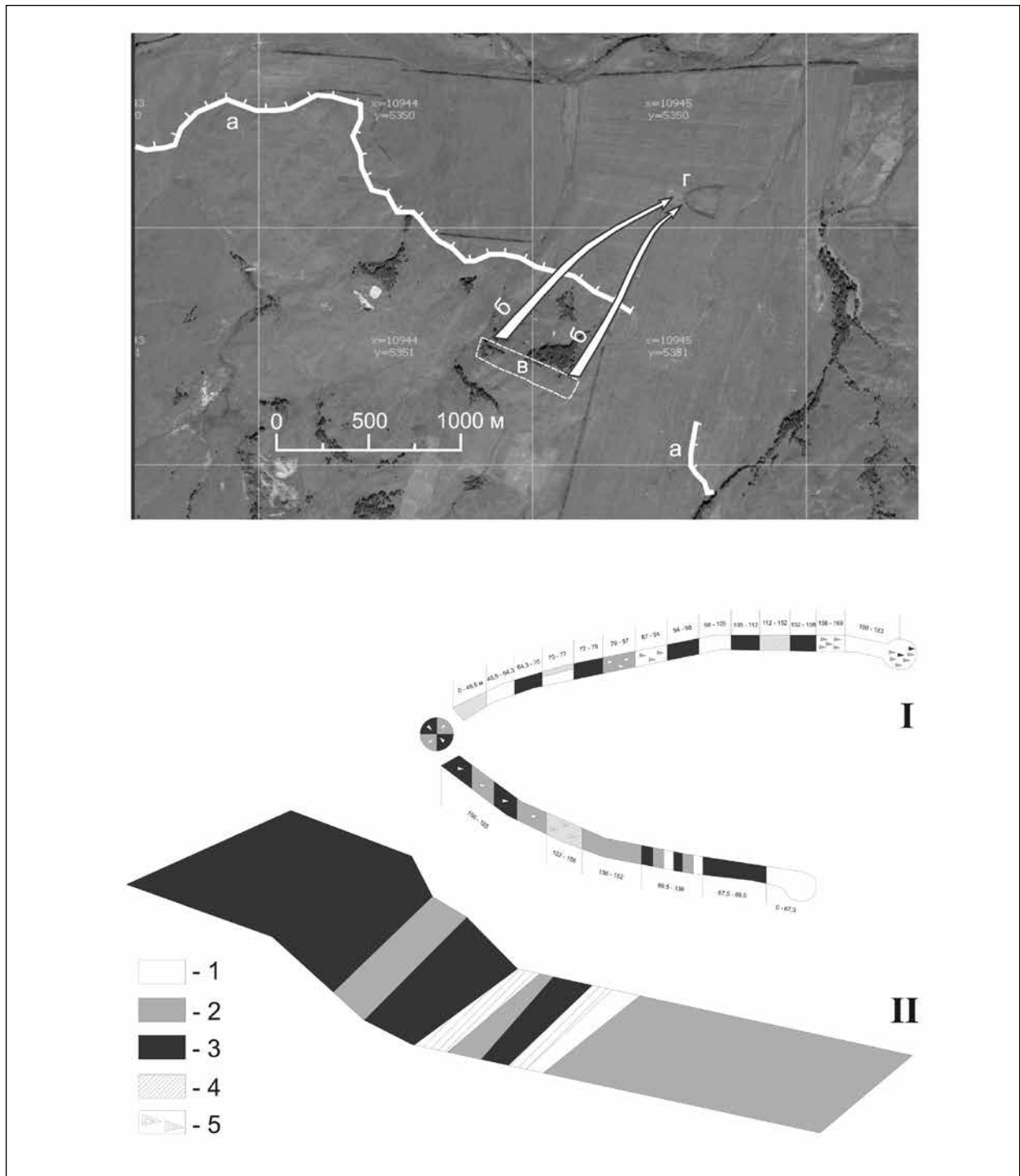


Рис. 116. Схема расположения кургана с «усами» Суходол, источников каменного сырья и наиболее удобных путей доставки (космоснимок с условными обозначениями); а: Тектонический уступ; б: наиболее удобные пути доставки; в: место сбора каменного материала; г: курган с «усами» Суходол; I–II: Схема увязки конструкций кургана с «усами» Суходол (I) с литологией его местонахождения (II); I: Изображение литологического состава интервалов кургана с «усами» Суходол (без масштаба); II: Геологическая карта-лента; 1: Кварц; 2: Базальт; 3: Габбро; 4: Гранит; 5: Включения серпентинита (НИКОЛЬСКИЙ–ГРУДОЧКО 2015)

Fig. 116. The layout of the kurgan with “mustache” Sukhodol, sources of stone raw material and the most convenient ways of delivery (satellite image with legend); а: Tectonic scarp; б: The most convenient way of delivery; в: Gathering place of stone material; г: The barrow with “mustache” Sukhodol; I, II: Scheme of linking structures of barrows with “mustache” Sukhodol (I) the lithology of its location (II); I: Picture lithology intervals of barrows with “mustache” Sukhodol (no scale); II: Geological map of the tape; 1: Quartz; 2: Basalt; 3: Gabbro; 4: Granite; 5: The inclusion of serpentinite (NIKOL'SKII–GRUDCHKO 2015)

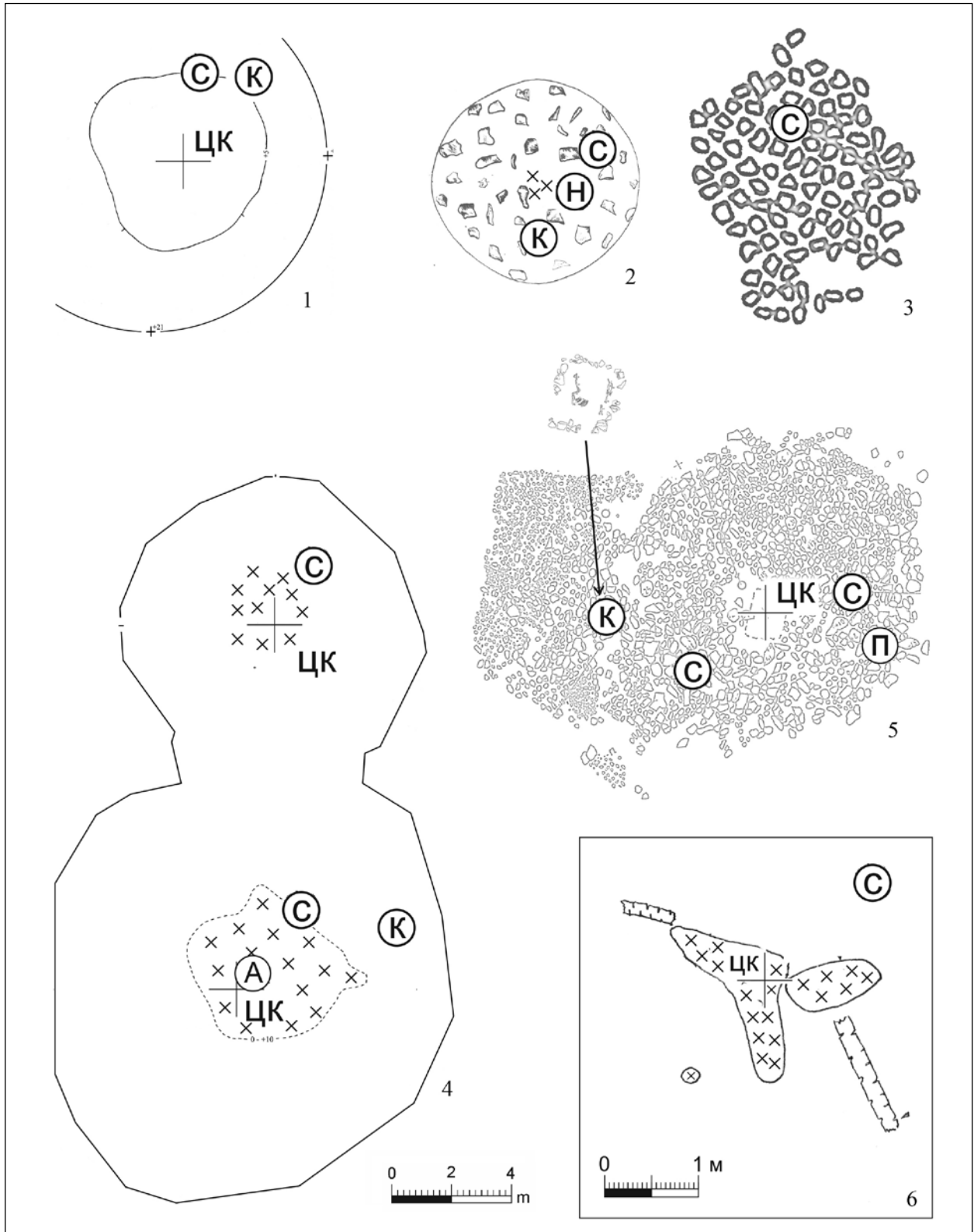


Рис. 117. Следы обрядовых действий под насытью курганов с «усами». 1: Суходол; 2: Нижнедавлетовский; 3: Зевакино, курган 1; 4: Сарбулат-1; 5: Солончанка IX; 6: Оленина Отнога; С: Сосуд; К: Кость; Н: Наконечник копья; А: Абразив; П: Каменный пест (Арсланова 1975; Костюков 1991; Костюков 2004; Любчанский–Бытковский 2006)

Fig. 117. Traces of the ritual of kurgans with "mustache". 1: Suhodol; 2: Nizhnedavletovskii; 3: Zevakino, kurgan 1; 4: Sarbulat-1; 5: Solonchanka IX; 6: Olenina Otnoга; К: Bones; Н: Spearhead; А: Abrasive; П: Stone pest (ARSLANOVA 1975; KOSTYUKOV 1991; KOSTYUKOV 2004; LYUBCHANSKII-BYTKOVSKI 2006)

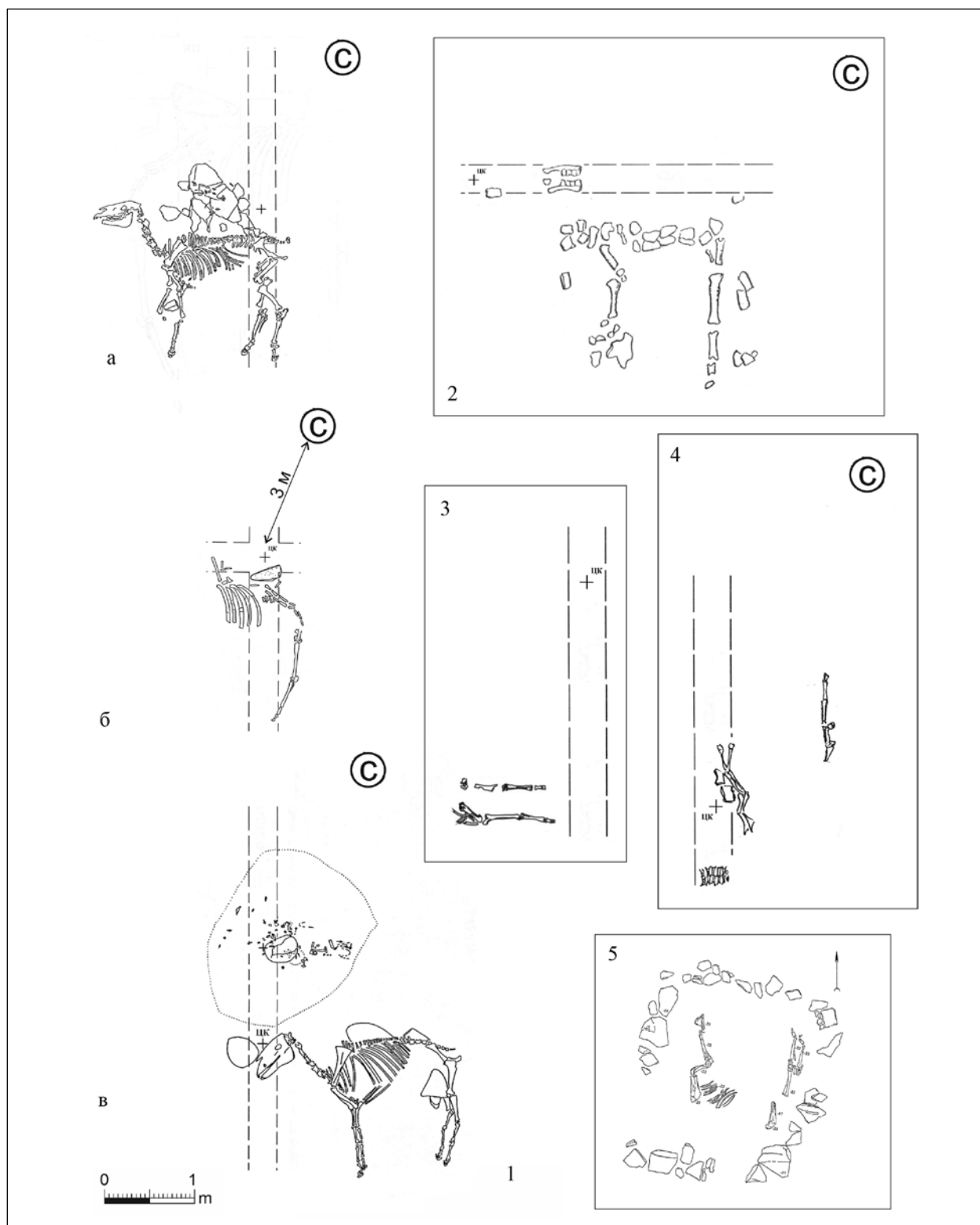


Рис. 118. Следы обрядовых действий под насыпью курганов с «усами». 1: Солончанка I; а: Северный курган; б: Центральный курган; в: Южный курган; 2: Селенташ; 3: Кырыкунгир; 4: Кызыл-Жар; 5: Солончанка IX; C: сосуд (БОТАЛОВ 1989; УСМАНОВА–МАЗНИЧЕНКО 1993; ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999; ЛЮБЧАНСКИЙ–БЫТКОВСКИЙ 2006; ҮМІТҚАЛИЕВ–АЙТАБАЕВ–ӘБДІҒАЛИ 2016)

Fig. 118. Traces of the ritual of kurgans with “mustache”. 1: Solonchanka I; а: The North kurgan; б: The Central kurgan; в: South kurgan; 2: Selentash; 3: Kyrykungir; 4: Kyzyl-Zhar; 5: Solonchanka IX; C: Pot (BOTALOV 1989; USMANOVA–MAZNIICHENKO 1993; LYUBCHANSKII–TAIROV 1999; LYUBCHANSKII–BYTKOVSKI 2006; ҮМІТҚАЛИЕВ–АЙТАБАЕВ–ӘБДІҒАЛИ 2016)

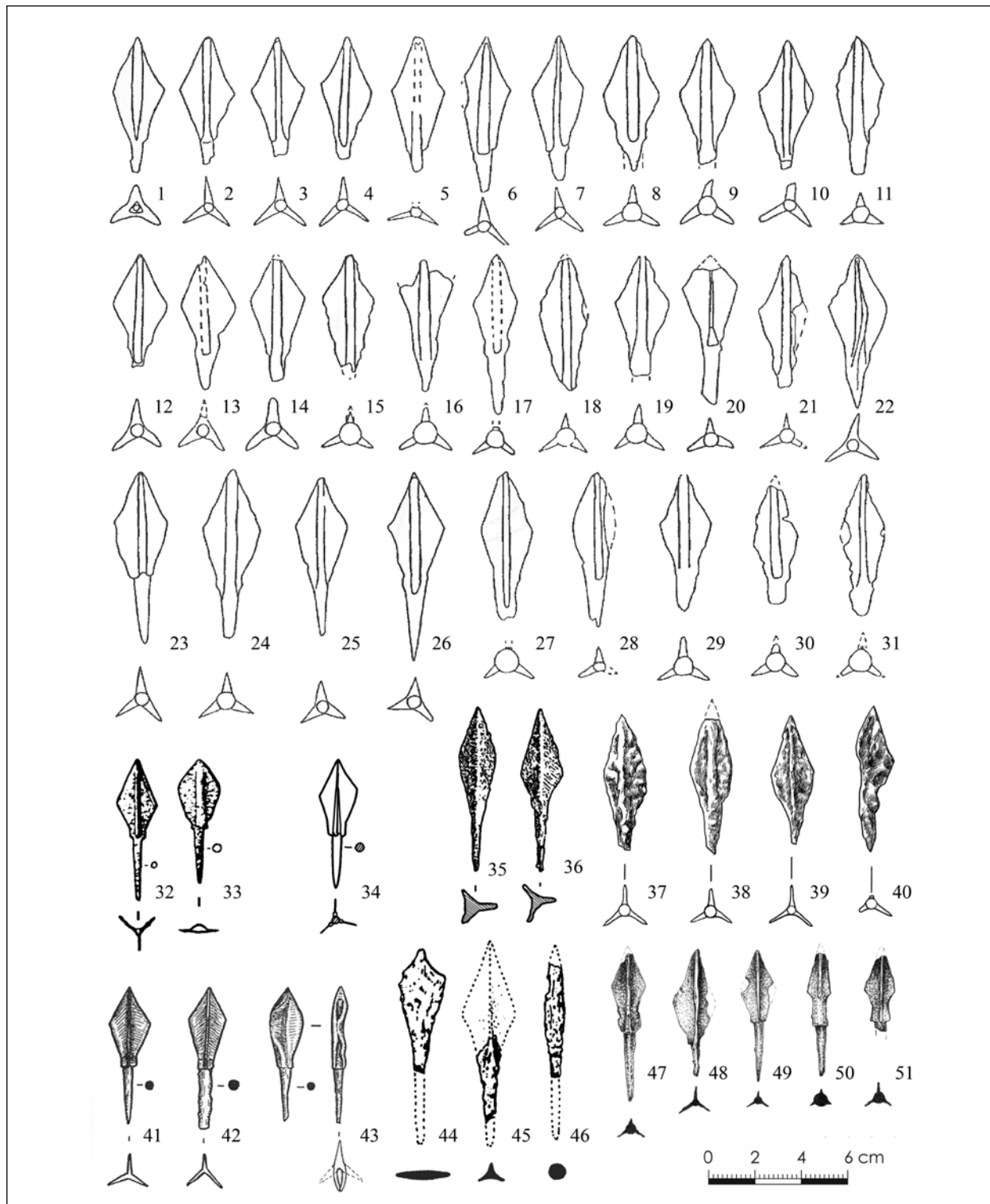


Рис. 119. Наконечники стрел из курганов с «усами». 1–31: Солончанка I (ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999); 32–33: Городищенское IX (БОТАЛОВ–ГУЦАЛОВ 2000); 34: Ижевский-2 (БЕЙСЕНОВ–ВОЛОШИН 2002); 35, 36: Коктал (КАДЫРБАЕВ 1959); 37–40: Атасу-2 (БЕЙСЕНОВ и др. 2018); 41–43: Султантемировский (СУНГАТОВ 2003); 44–46: Зевакино (BÓNA 1991); 47–51: Унирек-2 (КУРМАНКУЛОВ–УТУБАЕВ–КАСЕНОВА 2018)

Fig. 119. Arrowheads of the kurgans with “mustache”. 1–31: Solonchanka I (LYUBCHANSKII–TAIROV 1999); 32–33: Gorodishenskoe IX (BOTALOV–GUCALOV 2000); 34: Izhevskii-2 (BEISENOV–VOLOSHIN 2002); 35, 36: Koktal (KADYRBAEV 1959); 37–40: Atasu-2 (BEISENOV ET AL. 2018); 41–43: Sultantemirovskij (SUNGATOV 2003); 44–46: Zevakino (BÓNA 1991); 47–51: Unirek-2 (KURMANKULOV–UTUBAEV–KASENOVA 2018).

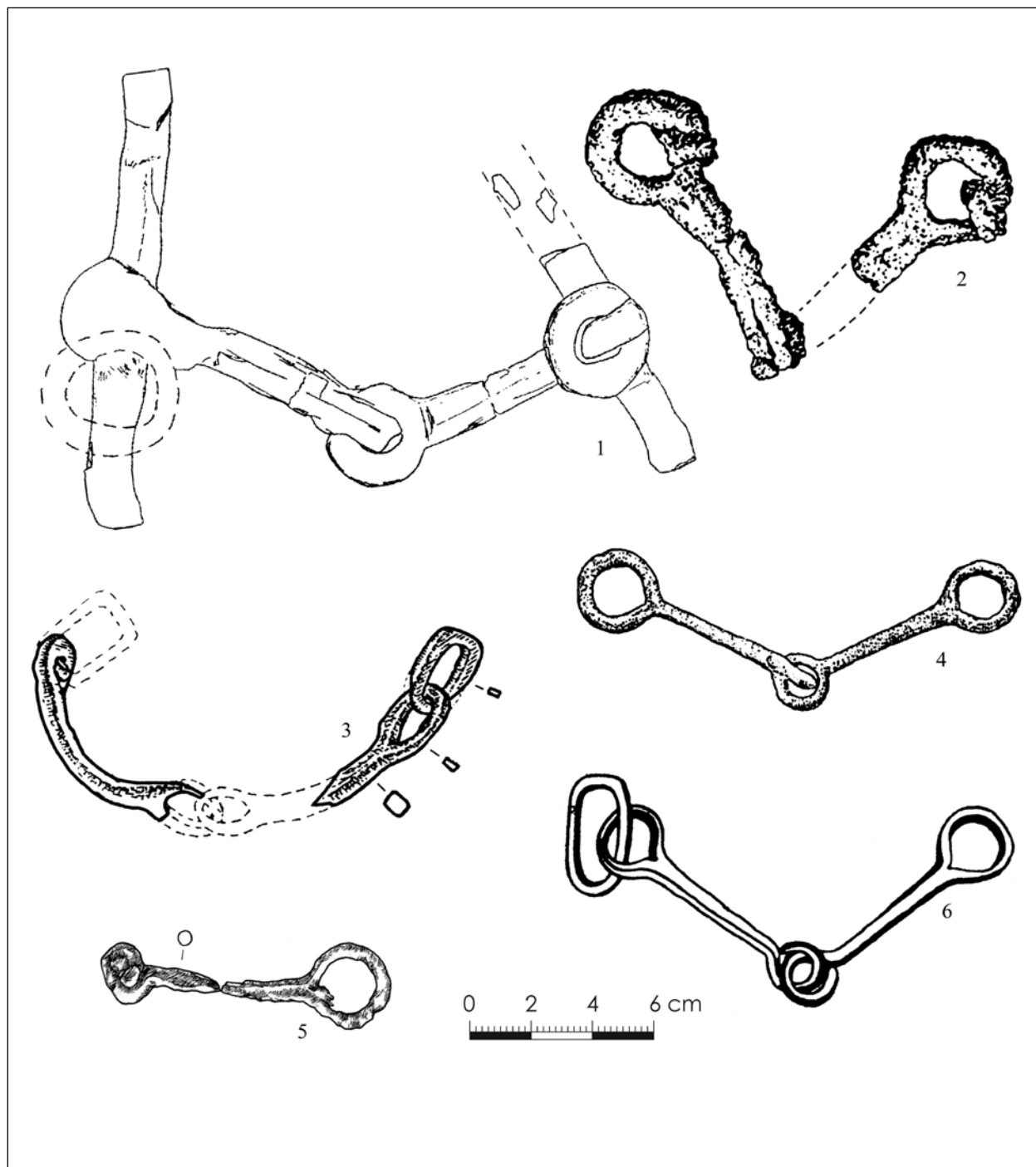


Рис. 120. Удила из курганов с «усами». 1: Солончанка I (Любчанский–Таиров 1999); 2: Канаттас, курган 19 (Кадырбаев 1959a); 3: Султантемировский (Сунгатов 2003); 4: Коктал (Кадырбаев 1959); 5: Атасу-2 (Бейсенов и др. 2018); 6: Беркутты (Ахинжанов 1977)

Fig. 120. Bit of kurgans with "mustache". 1: Solonchanka I (LYUBCHANSKII–TAIROV 1999); 2: Kanattas, kurgan 19 (KADYRBAEV 1959a); 3: Sultantemirovsky (SUNGATOV 2003); 4: Koktal (KADYRBAEV 1959); 5: Atasu-2 (BEISENOV ET AL. 2018); 6: Berkutty (AHINZHANOV 1977)



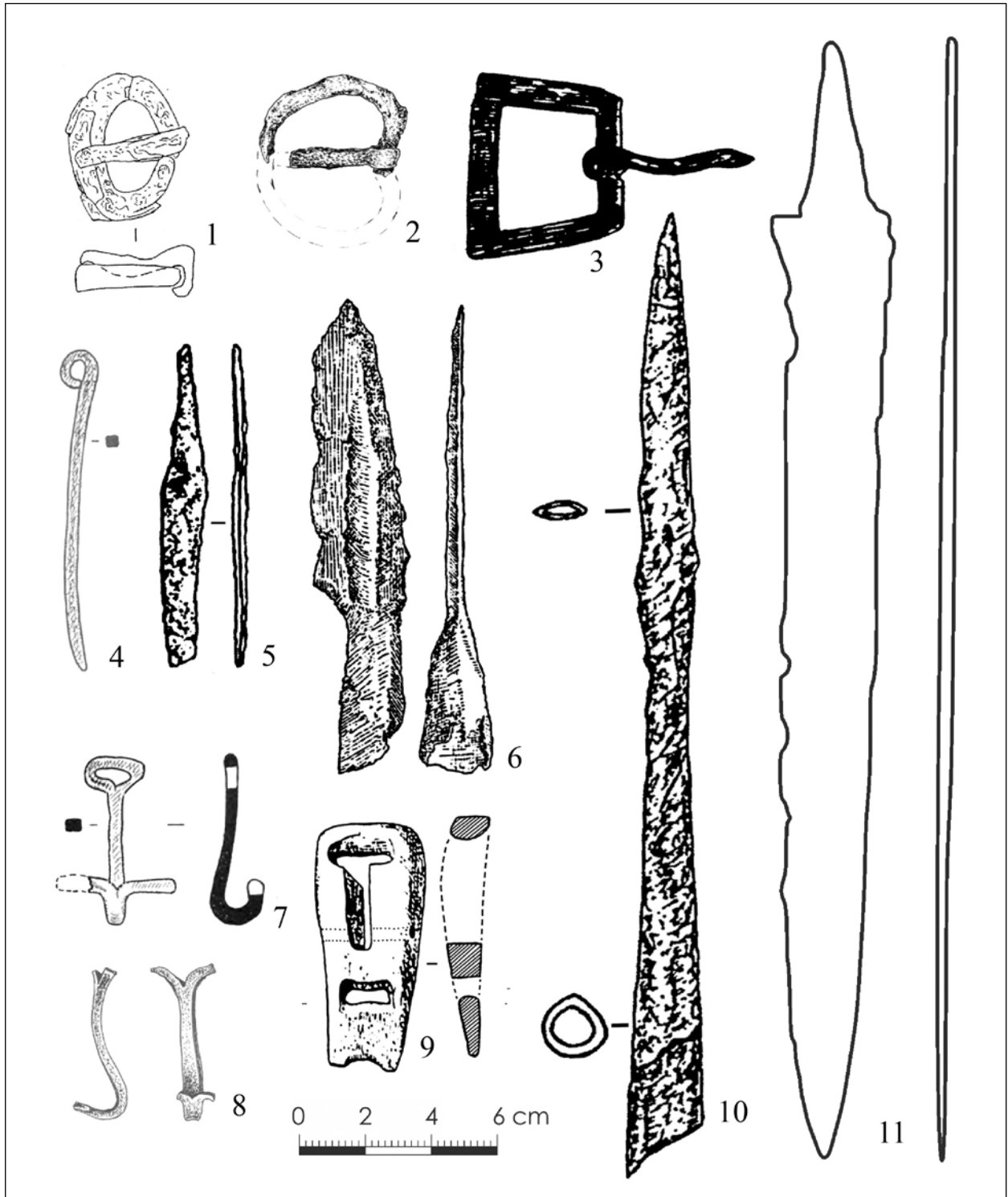


Рис. 121. Инвентарь из курганов с «усами». 1: Солончанка I (Любчанский–Тайров 1999); 2, 8: Унирек-2 (Курманкулов–Утубаев–Касенова 2018); 3: Беркутты (Ахинжанов 1977); 4, 7: Султантемировский (Сунгатов 2003); 5: Ак-Кайракты (Свиридов 2004); 6: Коктал (Кадырбаев 1959); 9: Канаттас, курган 19 (Кадырбаев 1959а); 10: Нижнедавлетовский (Боталов–Тайров–Любчанский 2006); 11: Назар (Бейсенов 2016)

Fig. 121. Artifacts of kurgans with “mustache”. 1: Solonchanka I (Lyubchanskii–Tairov 1999); 2, 8: Unirek-2 (Kurmankulov–Utubaev–Kasanova 2018); 3: Berkutty (Akhinzhanov 1977); 4, 7: Sultantemirovskii (Sungatov 2003); 5: Ak-Kajraky (Sviridov 2004); 6: Koktal (Kadyrbaev 1959); 9: Kanattas, kurgan 19 (Kadyrbaev 1959a); 10: Nizhnedavletovskii (Botalov–Tairov–Lyubchanskii 2006); 11: Nazar (Beisenov 2016)

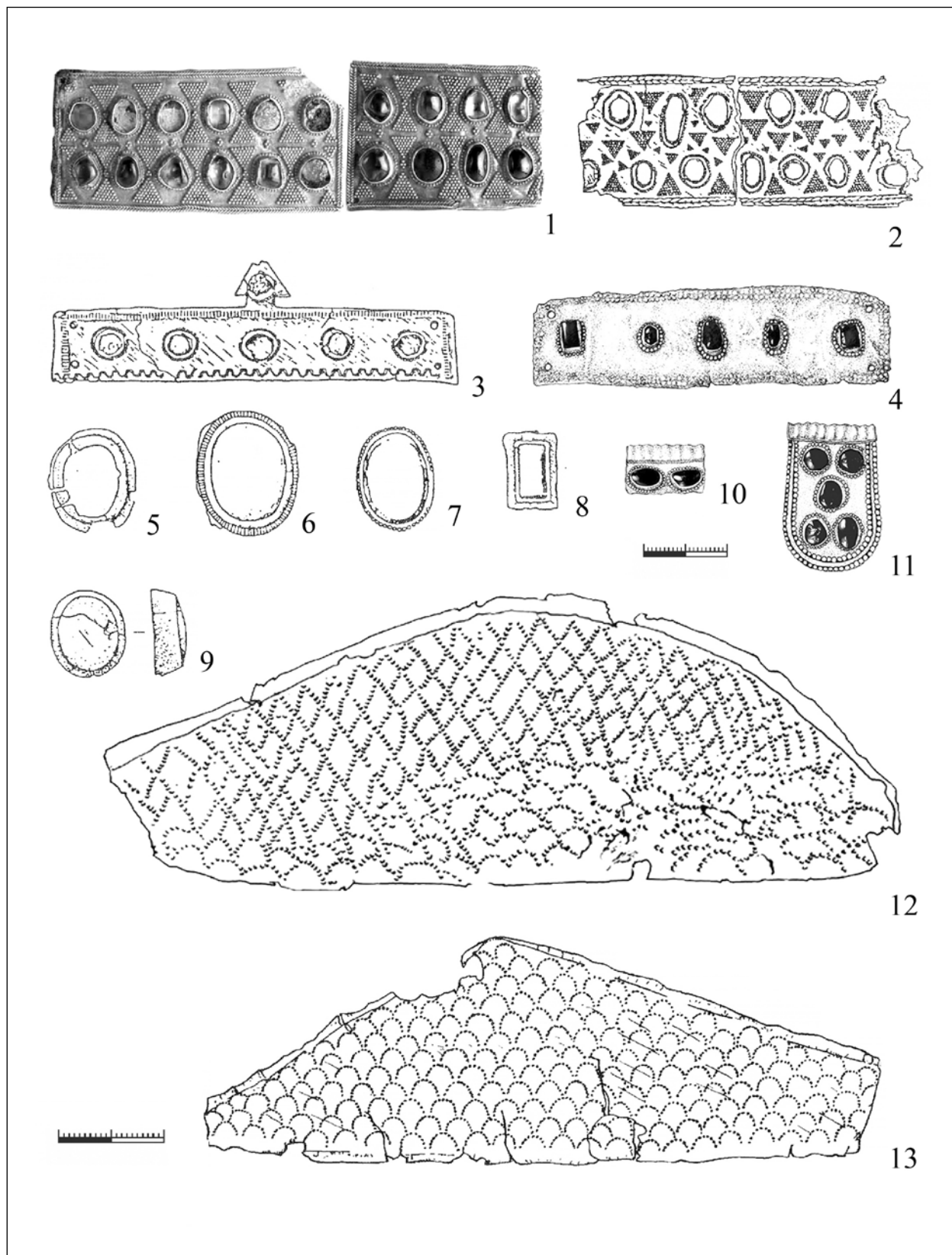


Рис. 122. Украшения из курганов с «усами». 1: Канаттас, курган 19 (САМАСHEV 2013); 2, 3, 5–9, 13: Солончанка I (ЛЮБЧАНСКИЙ–ТАИРОВ 1999); 4, 10–12: Атасу-2 (БЕЙСЕHOV И ДР. 2018)

Fig. 122. Jewelry items of kurgans with "mustache". 1: Kanattas, kurgan 19 (SAMASHEV 2013); 2, 3, 5–9, 13: Solonchanka I (LYUBCHANSKIY–TAIROV 1999); 4, 10–12: Atasu-2 (BEISENOV ET AL. 2018)

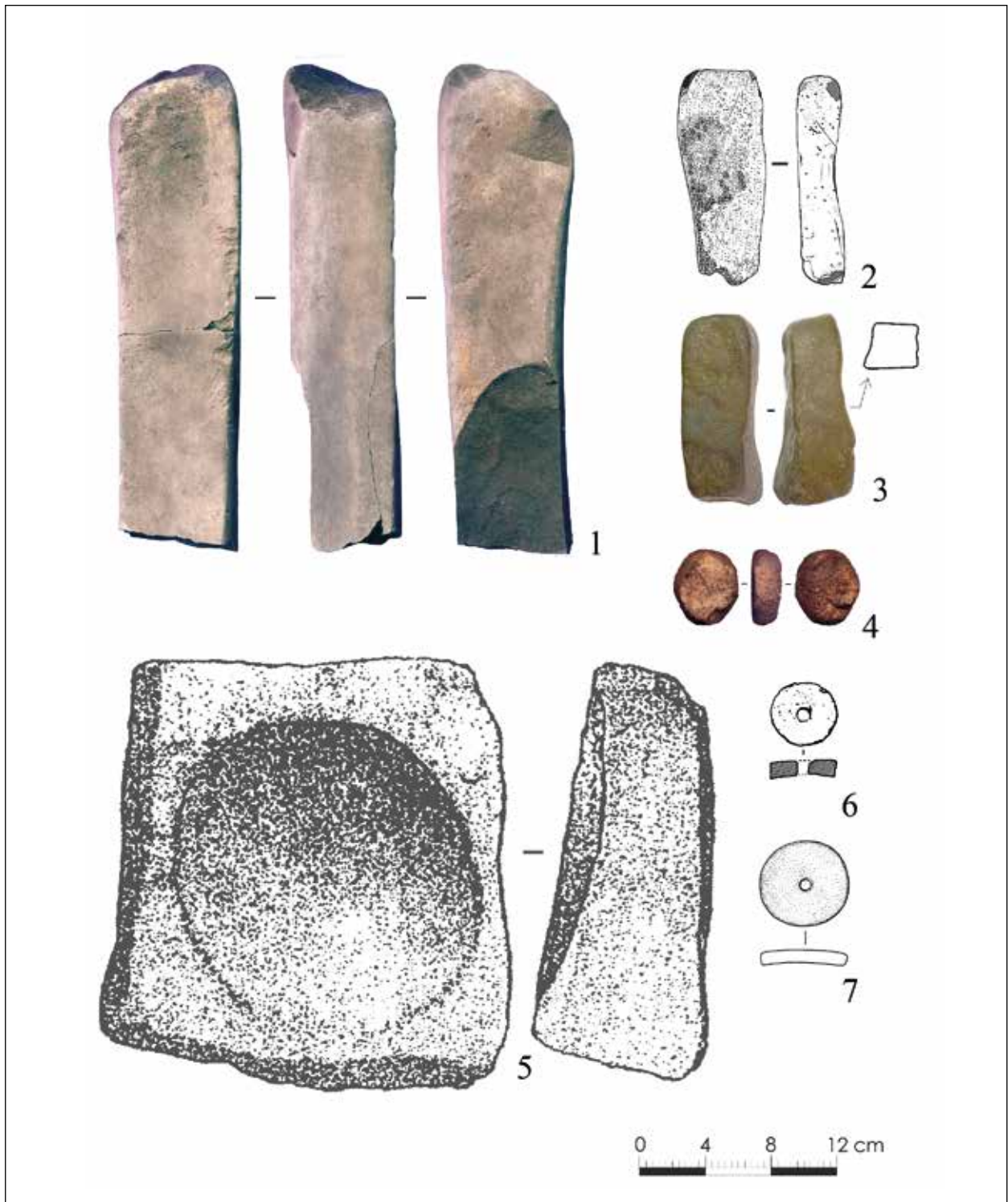


Рис. 123. Каменные и керамические изделия из курганов с «усами». 1: Абразивный камень (Сарбулат-1) (Костюков 2004); 2: Точильный камень (Каратобе, курган 6) (Айткали и др. 2019; Айткали и др. 2019a); 3: Каменный пест (Солончанка IX) (фото автора); 4: Каменное дисковидное изделие (Сарбулат-1) (Костюков 2004); 5: Каменное изделие (Ижевский-2) (Бейсенов–Волошин 2002); 6–7: Керамические пряслица; 6: Канаттас, курган 19 (Кадырбаев 1959a); 7: Кабантау (Бейсенов и др. 2018a)

Fig. 123. Stone and ceramic artifacts of kurgans with “mustache”. 1: Abrasive stone (Sarbulat-1) (KOSTYUKOV 2004); 2: whetstone (Karatobe, kurgan 6) (AITKALI ET AL. 2019; AITKALI ET AL. 2019a); 3: Stone pest (Solonchanka IX) (photo by the author); 4: Stone disc-shaped artifact (Sarbulat-1) (KOSTYUKOV 2004); 5: Stone artifact (Izhevsk-2) (BEISENOV–VOLOSHIN 2002); 6–7: Ceramic spinning wheels; 6: Kanattas, kurgan 19 (KADYRBAEV 1959a); 7: Kabantau (BEISENOV ET AL. 2018a)

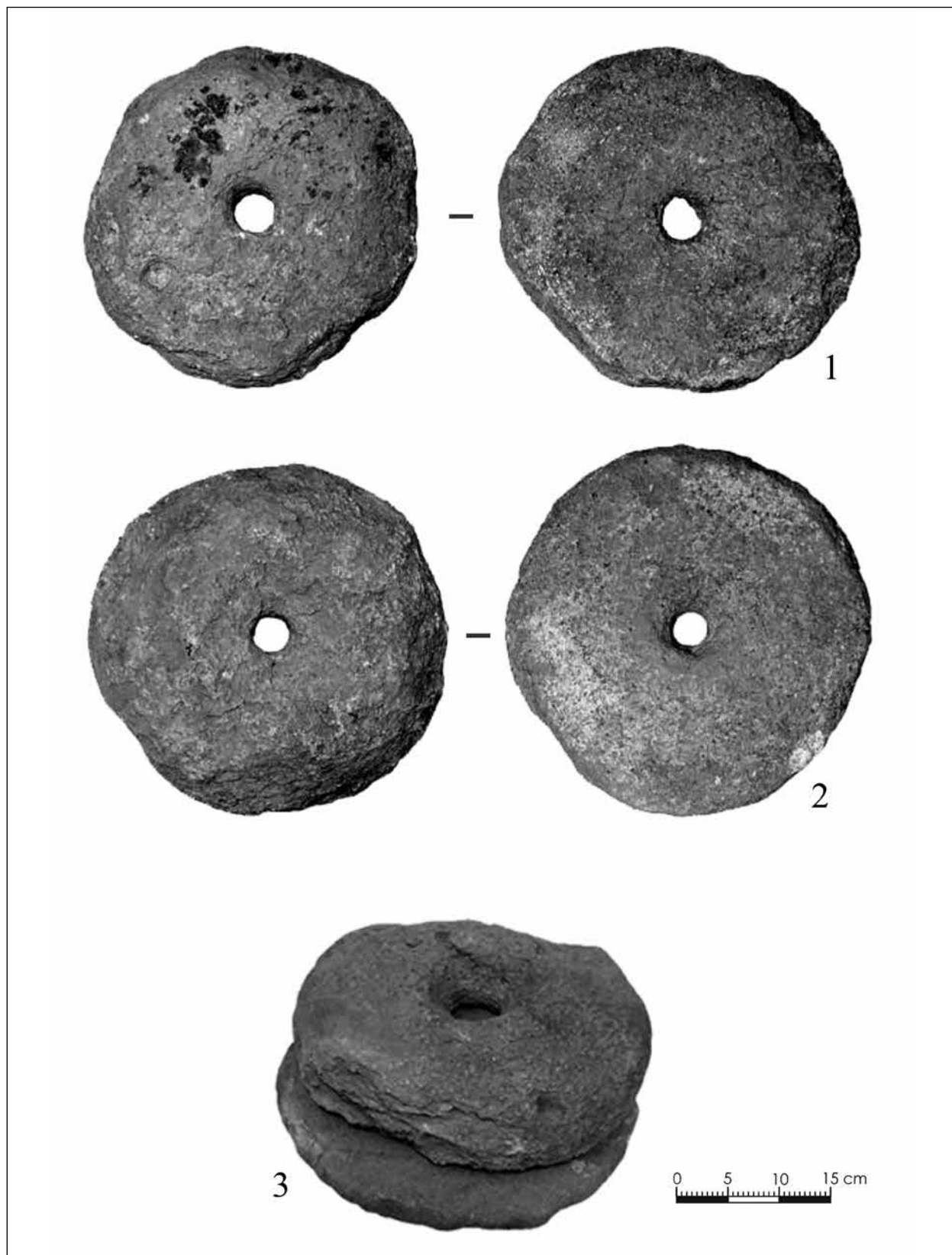


Рис. 124. Каменные жернова из курганов с «усами» Центрального Казахстана. 1, 2: Кабакиши; 3: Караоба (БЕЙСЕНОВ–ШУЛЬГА–ЛОМАН 2017)

Fig. 124. Stone millstones from kurgans with "mustache" of Central Kazakhstan. 1, 2: Kabakshi; 3: Karaoba (BEISENOV–SHUL'GA–LOMAN 2017)

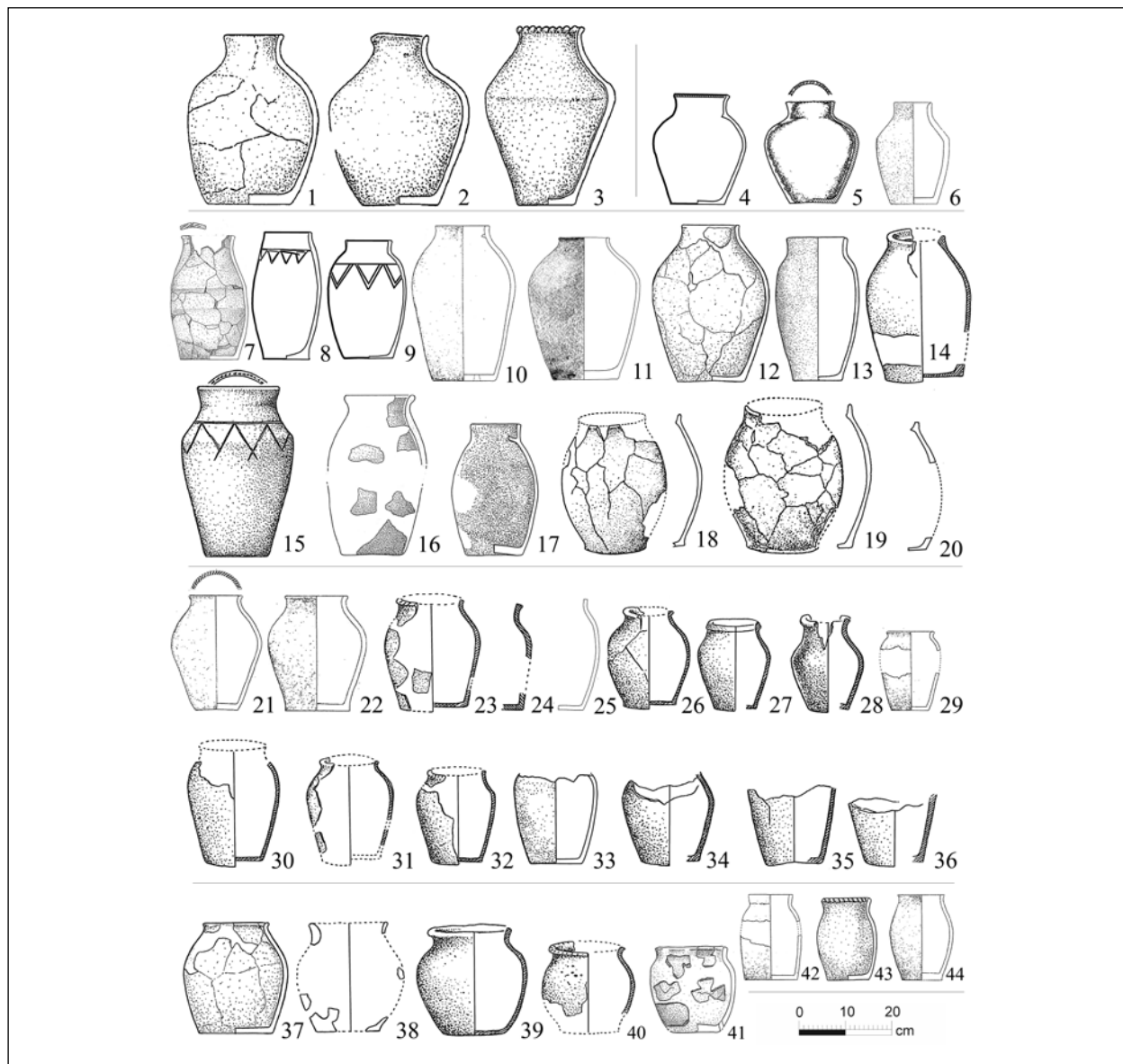


Рис. 125. Керамика из курганов с «усами» (начало). 1: Кызыл-Жар, курган 1; 2: Городищенское IX; 3: Кызыл-Жар, курган 3; 4: Зевакино, курган 3; 5: Шедерты, курган 2; 6: Каратал-5, курган с «усами» 2; 7: Суходол; 8: Зевакино, курган 2; 9: Кызылтас, курган 2; 10: Аксу-Аюлы-3, курган с «усами» 1; 11: Кабантау; 12: Сарбулат-1, южный курган; 13: Султантемировский I; 14: 37 воинов / Корпетај; 15: Селенташ, курган 6; 16: Кайнсай, курган 14; 17: Новоактюбинский; 18: Ельшибек; 19: Кара-Бие, курган 1; 20: Бугулы, курган 13; 21: Сабындыколь, курган с «усами» 1; 22: Бирлик, курган с «усами» 15; 24: Тасмола, курган 19; 25: Каратобе, курган 6; 27: Ботакара, курган 55 (?); 28: Тасмола, курган 19; 29: Сабындыколь, курган с «усами» 1; 32: Канаттас, курган 19 (?); 33: Ижевский-2, курган 1; 35: Сангуыр II, курган 3; 37: Сарбулат-1, северный курган; 38: Сангуыр II, курган 1; 39, 40: Егиз-Койтас, курган 5 (?); 41: Елизаветпольский; 42: Кабакиш, курган с «усами» 1; 43: Оленина Отнога; 44: Бирлик, курган с «усами» 15; 23, 26, 30–31, 34, 36: Центральный Казахстан (местонахождение не определено)

Fig. 125. Ceramics from kurgans with "moustache" (beginning). 1: Kyzyl-Zhar, kurgan 1; 2: Gorodishhenskoe IX; 3: Kyzyl-Zhar, kurgan 3; 4: Zevakino, kurgan 3; 5: Shederty, kurgan 2; 6: Karatal-5, kurgan with "mustache" 2; 7: Suhodol; 8: Zevakino, kurgan 2; 9: Kyzyltas, kurgan 2; 10: Aksu-Aiuly-3, kurgan with "mustache" 1; 11: Kabantau; 12: Sarbulat-1, South kurgan; 13: Sultantemirovskii I; 14; 37 voinov / Korpetaj; 15: Selentash, kurgan 6; 16: Kainsay, kurgan 14; 17: Novoaktjubinskii; 18: El'shibek; 19: Kara-Bie, kurgan 1; 20: Buguly, kurgan 13; 21: Sabyndykol', kurgan with "mustache" 1; 22: Birlik, kurgan with "mustache" 15; 24: Tasmola, kurgan 19; 25: Karatobe, kurgan 6; 27: Botakara, kurgan 55 (?); 28: Tasmola, kurgan 19; 29: Sabyndykol', kurgan with "mustache" 1; 32: Kanattas, kurgan 19 (?); 33: Izhevskii-2, kurgan 1; 35: Sanguyr II, kurgan 3; 37: Sarbulat-1, North kurgan; 38: Sanguyr II, kurgan 1; 39, 40: Egiz-Koytas, kurgan 5 (?); 41: Elizavetpol'skij; 42: Kabakshi, kurgan with "mustache" 1; 43: Olenina Otnoga; 44: Birlik, kurgan with "mustache" 15; 23, 26, 30–31, 34, 36: Central Kazakhstan (location unknown)

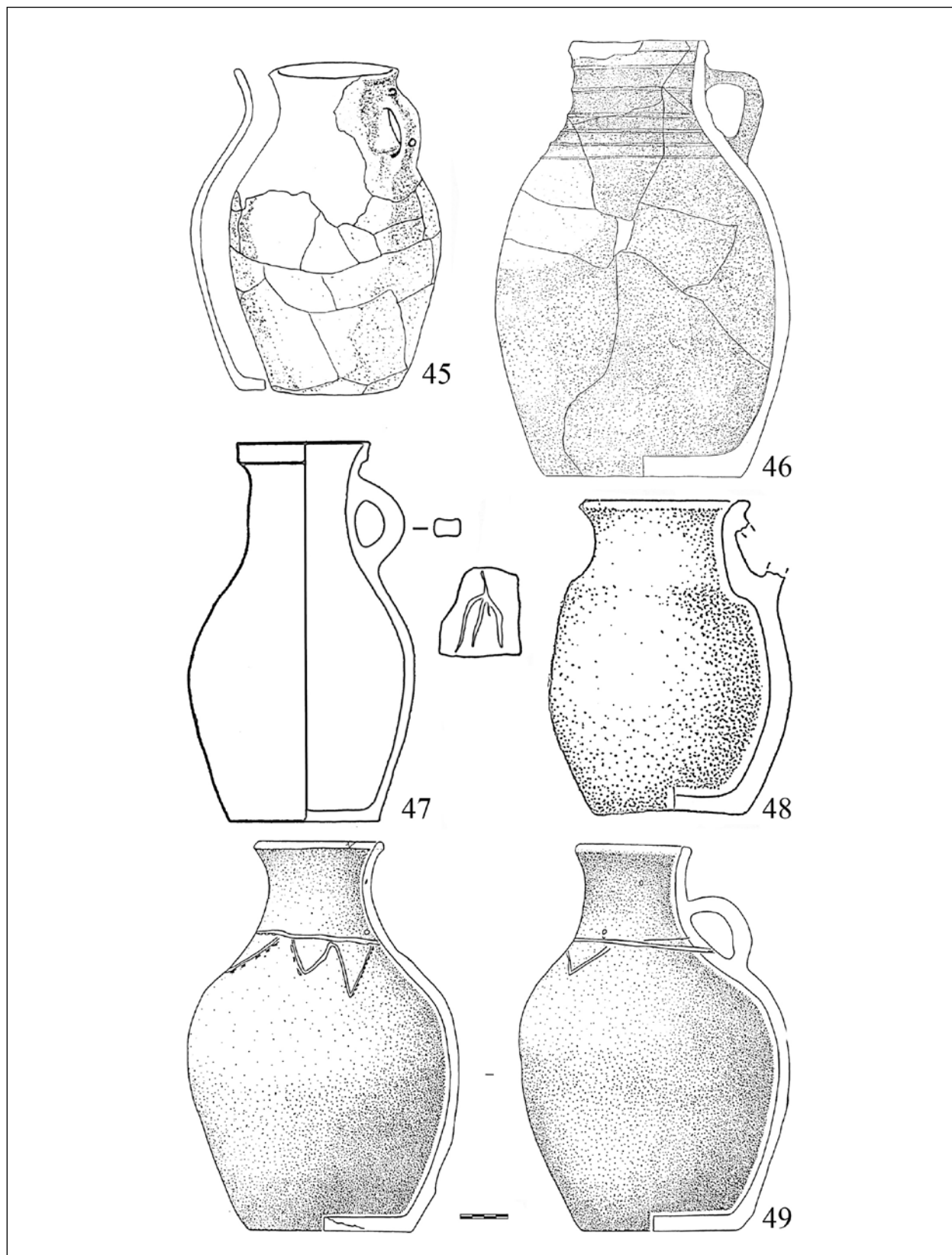


Рис. 125. Керамика из курганов с «усами» (продолжение). 45: Акмустафа-2; 46: Солончанка IX; 47: Беркутты;  
48: Селенташ, курган 5; 49: Солончанка I

Fig. 125. Ceramics from kurgans with "moustache" (continuation). 45: Akmustafa-2; 46: Solonchanka IX; 47: Berkutty;  
48: Selentash, kurgan 5; 49: Solonchanka I

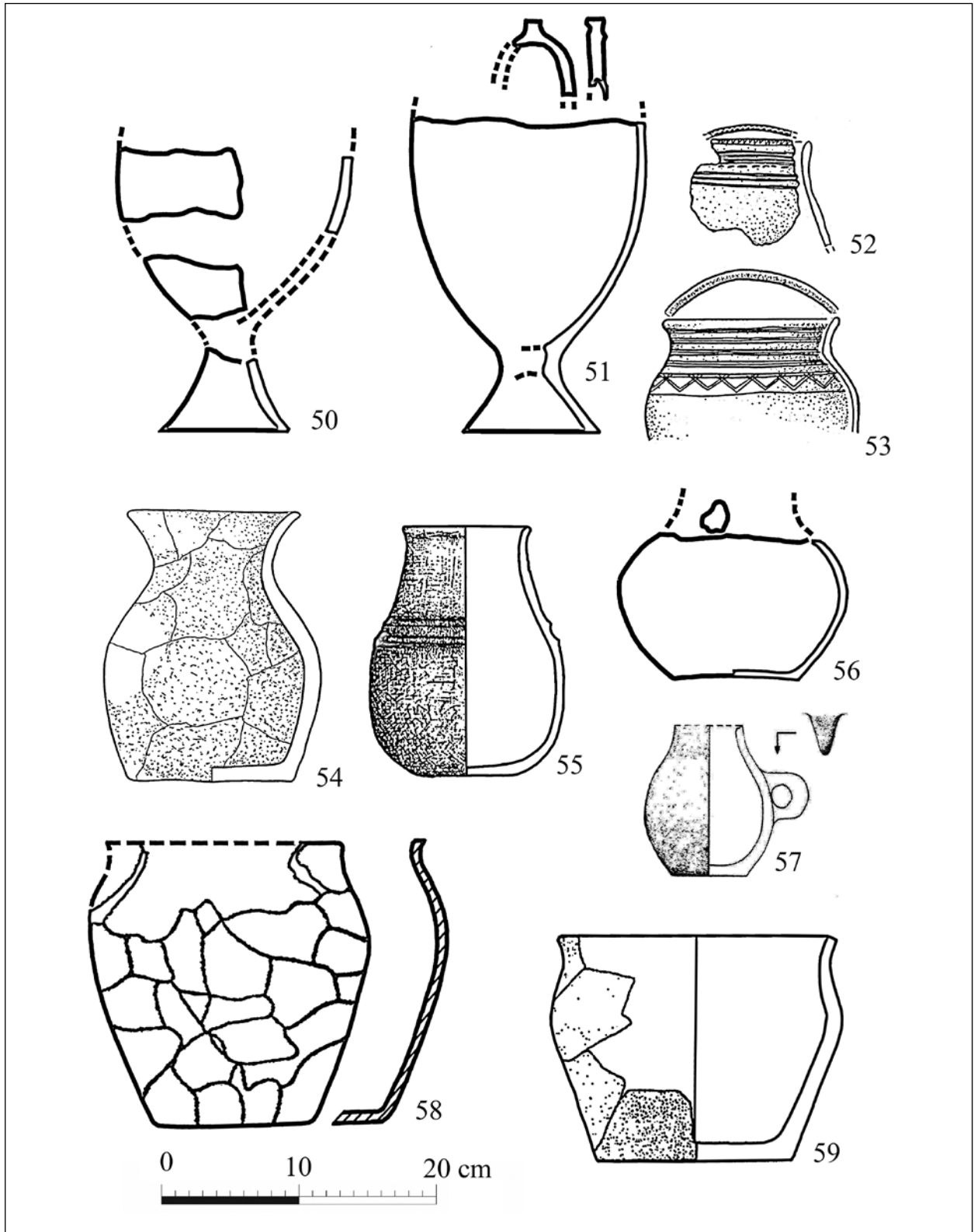


Рис. 125. Керамика из курганов с «усами» (окончание). 50: Зевакино, курган 2; 51: Кызылтас, курган 1; 52: Селенташ, курган 5; 53: Кайнсай, курган 14; 54: Новокондуровский; 55: Султантемировский; 56: Кызылтас, курган 1; 57: Бирлик, курган с «усами» 15; 58: Сангуыр II, курган 2; 59: Ижевский-2, курган 2

Fig. 125. Ceramics from kurgans with "moustache" (ending). 50: Zevakino, kurgan 2; 51: Kyzyltas, kurgan 1; 52: Selentash, kurgan 5; 53: Kainsay, kurgan 14; 54: Novokondurovskii; 55: Sultantemirovskii; 56: Kyzyltas, kurgan 1; 57: Birlik, kurgan with "moustache" 15; 58: Sanguyr II, kurgan 2; 59: Izhevskii-2, kurgan 2

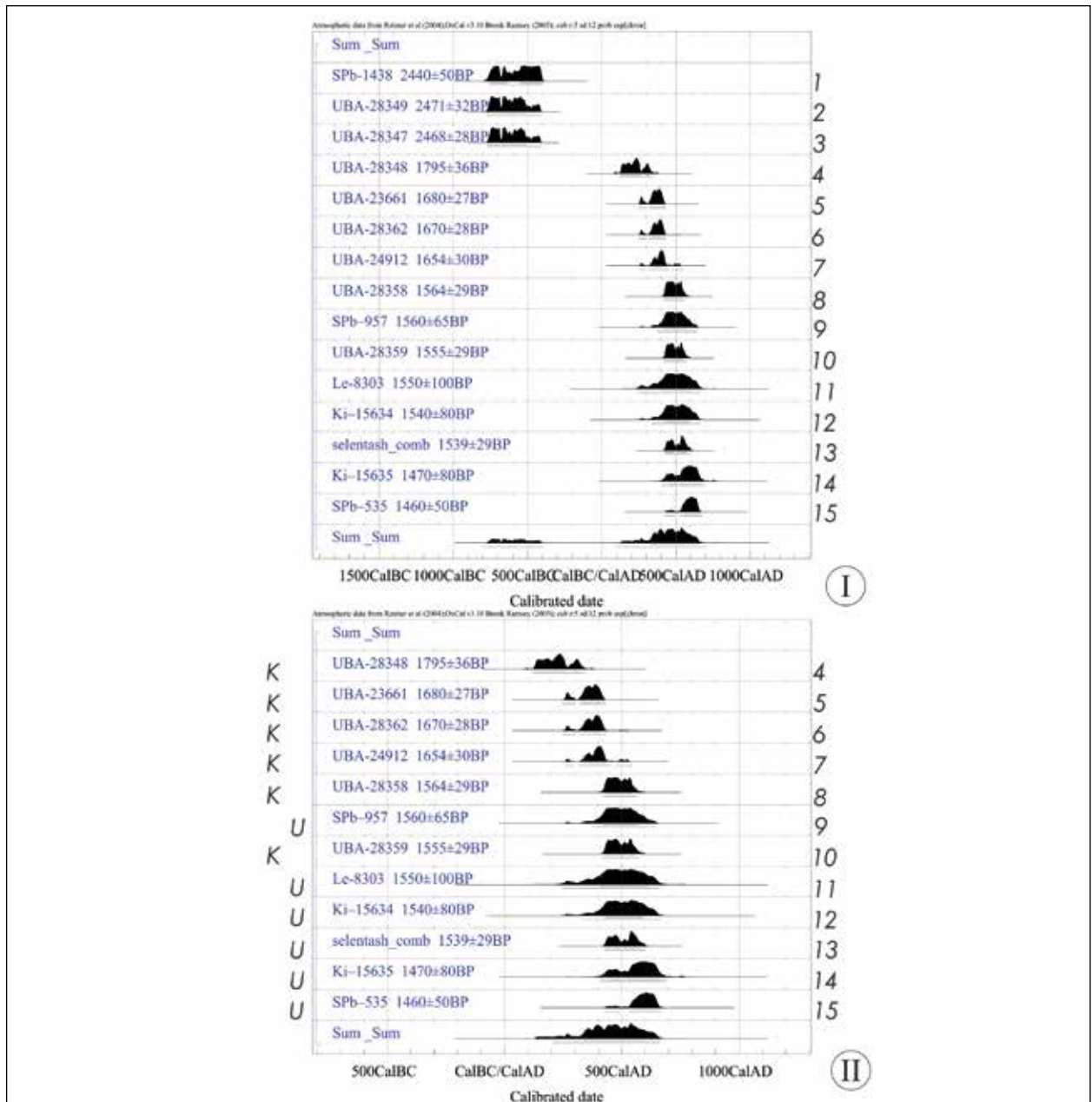


Рис. 126. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами». I: Все даты; II: Даты без учета ранних комплексов; K: Центральный Казахстан; U: Южный Урал; 1: Кырыкунгир (Бейсенов–Умиткалиев–Кулькова 2016); 2: Жамантас, западная насыпь (Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017); 3: Тандайлы 2, курган 2 (западная насыпь); 4: Тандайлы 2, курган 2а (восточная насыпь) (Бейсенов и др. 2016); 5: Койтас, восточная насыпь; 6: Бесоба, восточная насыпь (Бейсенов 2017); 7: Жамантас, восточная насыпь (Бейсенов–Дуйсенбай–Святко 2017); 8: Кабантау (восточная площадка северного «уса») (Бейсенов и др. 2018а); 9: Рымникский (Грудочко–Епимахов 2015); 10: Кабантау, восточная площадка северного «уса» (Бейсенов и др. 2018а); 11: Суходол, курган 5; 12: Сарбулат-1, курган 2; 13: Селенташ; 14: Кайнсай, курган 14; 15: Городищенское IX, курган 5 (Боталов 2009; Боталов 2013; Грудочко–Епимахов 2015)

Fig. 126. Radiocarbon chronology of kurgans with "moustache". I: All dates; II: Dates excluding early complexes; K: Central Kazakhstan; U: Southern Urals; 1: Kyrykungir (BEISENOV–UMITKALIEV–KULKOVA 2016); 2: Zhamantas, Western mound (BEISENOV–DUYSHENBAI–SVJATKO 2017); 3: Tandaily 2, kurgan 2 (Western mound); 4: Tandaily 2, kurgan 2a (Eastern mound) (BEISENOV ET AL. 2016); 5: Koytas, Eastern mound; 6: Besoba, Eastern mound (BEISENOV 2017); 7: Zhamantas, Eastern mound (BEISENOV–DUYSHENBAI–SVJATKO 2017); 8: Kabantau (Eastern platform of the Northern "moustache") (BEISENOV ET AL. 2018a); 9: Rymnikskij (GRUDOCHKO–EPIMACHOV 2015); 10: Kabantau (Eastern platform of the Northern "moustache") (BEISENOV ET AL. 2018a); 11: Suhodol, kurgan 5; 12: Sarbulat-1, kurgan 2; 13: Selentash; 14: Kainsay, kurgan 14; 15: Gorodishenskoe IX, kurgan 5 (BOTALOV 2009; BOTALOV 2013; GRUDOCHKO–EPIMACHOV 2015)



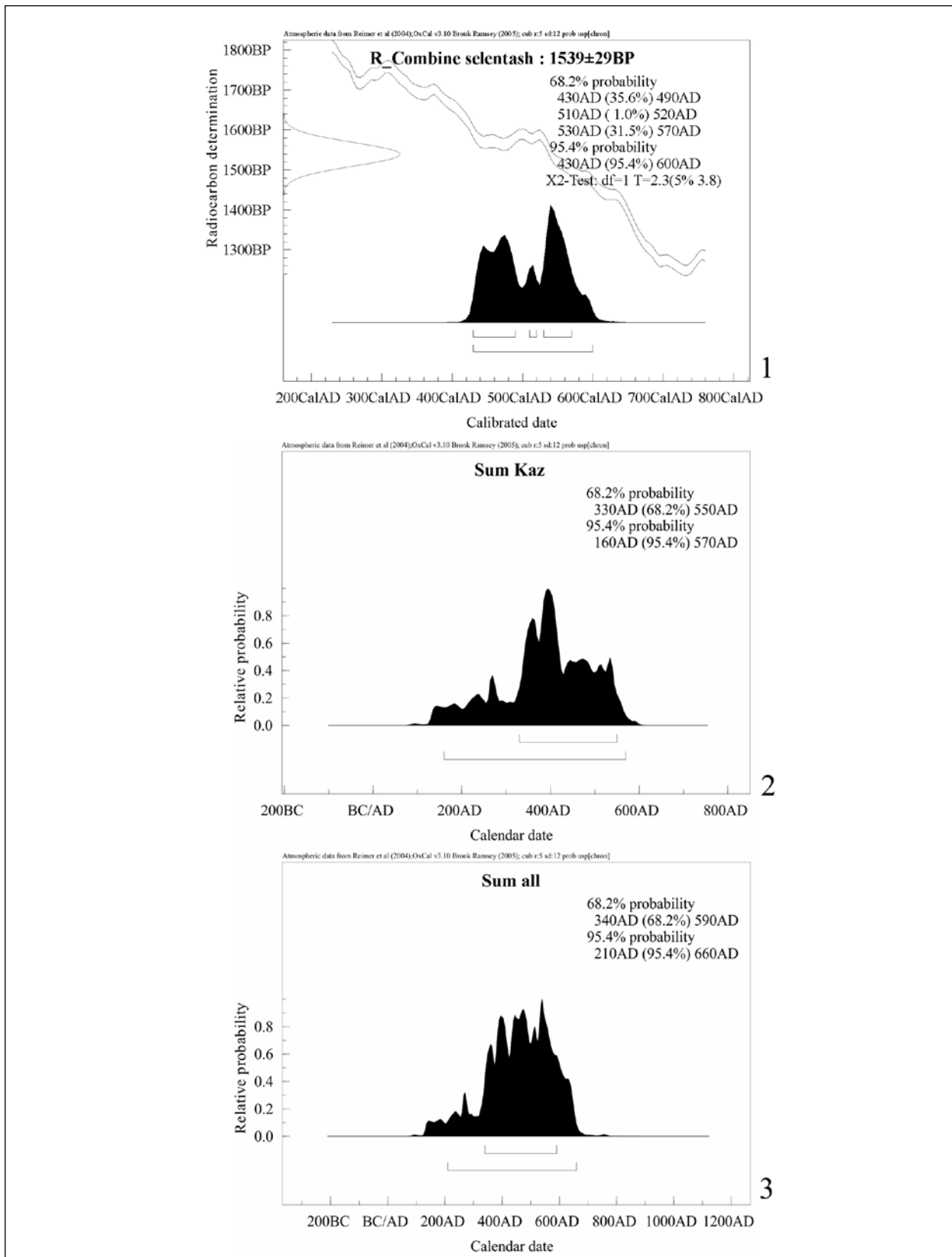


Рис. 127. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами». 1: Комбинированные даты для комплекса Селенташ; 2: Суммирование дат по комплексам Казахстана; 3: Суммирование всех дат

Fig. 127. Radiocarbon chronology of kurgans with "moustache". 1: Combined dates for the Selentash complex; 2: Summing dates for complexes in Kazakhstan; 3: Summing all dates

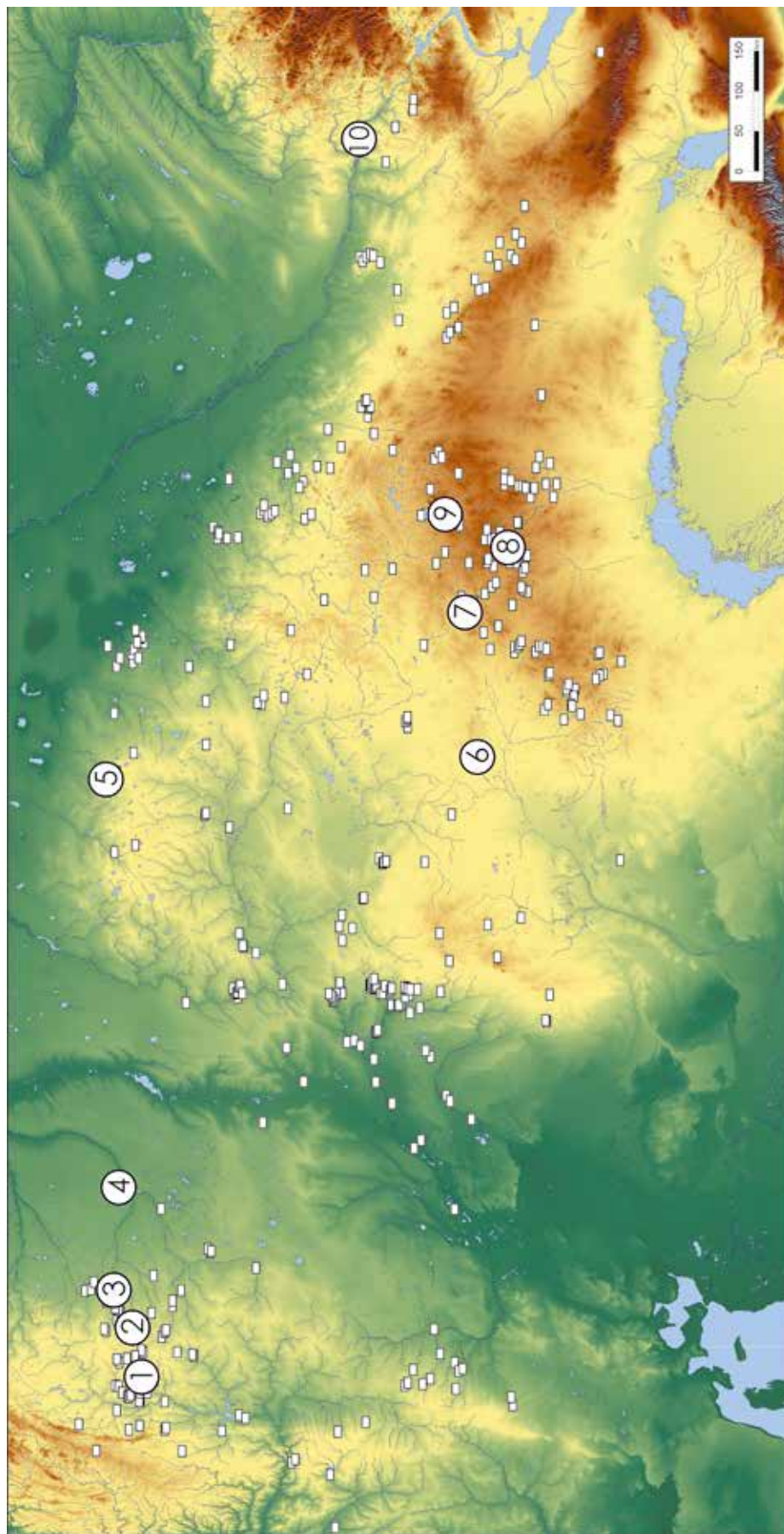


Рис. 128. Карта погребальных комплексов второй половины IV–VI вв. урало-казахстанских степей. 1: Аркаим (Боталов 2009); 2: Каменный Амбар-5, курганы 5–6 (Костюков 1995); 3: Городищенское IX, курган 5 (Боталов 2009); 4: Халвай III (Шевнина–Логвин 2015); 5: Боровое (Щучье) (Бернштам 1951); 6: Кара-Агач (Козырев 1905); 7: Енбекшил, курган 2 (Бейсенов–Веселовская 2013); 8: Канаттас, курган 19 (Кадырбаев 1959а); 9: Назар-2 (Бейсенов–Китов 2013); 10: Зевакино, курган 1 (Арсланова 1975)

Fig. 128. Map of burial complexes of the second half of the IV–VI centuries of the Ural-Kazakhstan steppes. 1: Arkaim (Botalov 2009); 2: Kamennij Ambar-5, kurgans 5–6 (Kostjukov 1995); 3: Gorodishhenskoe IX, kurgan 5 (Botalov 2009); 4: Halvaj III (Shevchina–Logvin 2015); 5: Borovoe (Shchuch'e) (Bernshtam 1951); 6: Kara-Agach (Kozyrev 1905); 7: Enbekshil, kurgan 2 (Beisenov–Veselovskaja 2013); 8: Kanattas, kurgan 19 (Kadyrbayev 1959a); 9: Nazar-2 (Beisenov–Kitov 2013); 10: Zevakino, kurgan 1 (Arslanova 1975)

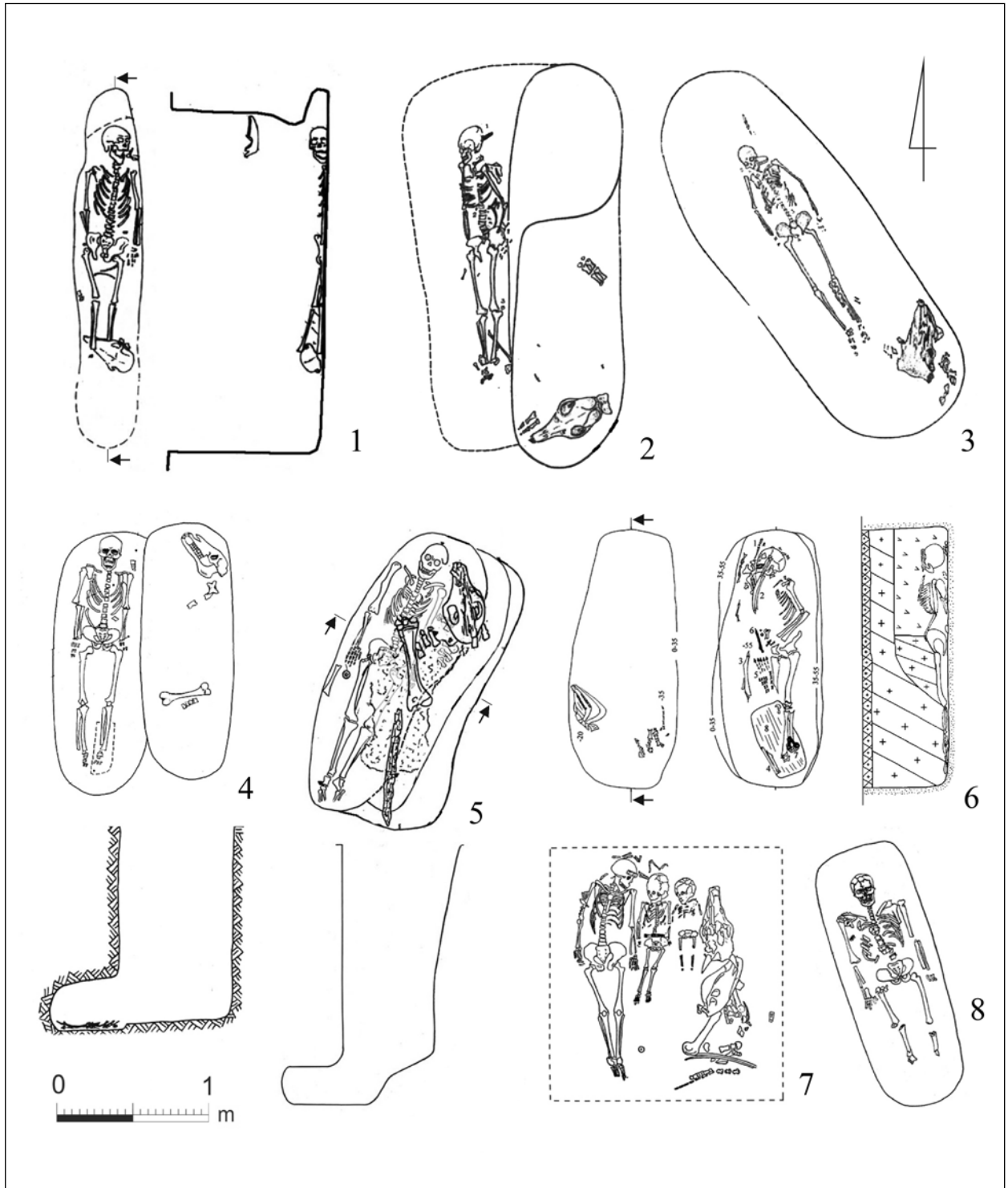


Рис. 129. Погребальные комплексы второй половины IV–VI вв. урало-казахстанских степей. 1: Аркаим; 2–3: Каменный Амбар (КОСТЮКОВ 1995); 4: Енбекшил (БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013); 5: Городищенское IX, курган 5 (БОТАЛОВ 2009); 6: Халвай III (ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015); 7: Канаттас, курган 19 (КАДЫРБАЕВ 1959а); 8: Назар-2 (БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013)

Fig. 129. Burial complexes of the second half of the IV–VI centuries of the Ural-Kazakhstan steppes. 1: Arkaim; 2–3: Kamennyj Ambar (KOSTYUKOV 1995); 4: Enbekshil (BEISENOV–VESELOVSKAJA 2013); 5: Gorodishhenskoe IX, kurgan 5 (BOTALOV 2009); 6: Halvaj III (SHEVNINA–LOGVIN 2015); 7: Kanattas, kurgan 19 (KADYRBAEV 1959a); 8: Nazar-2 (BEISENOV–KITOV 2013)

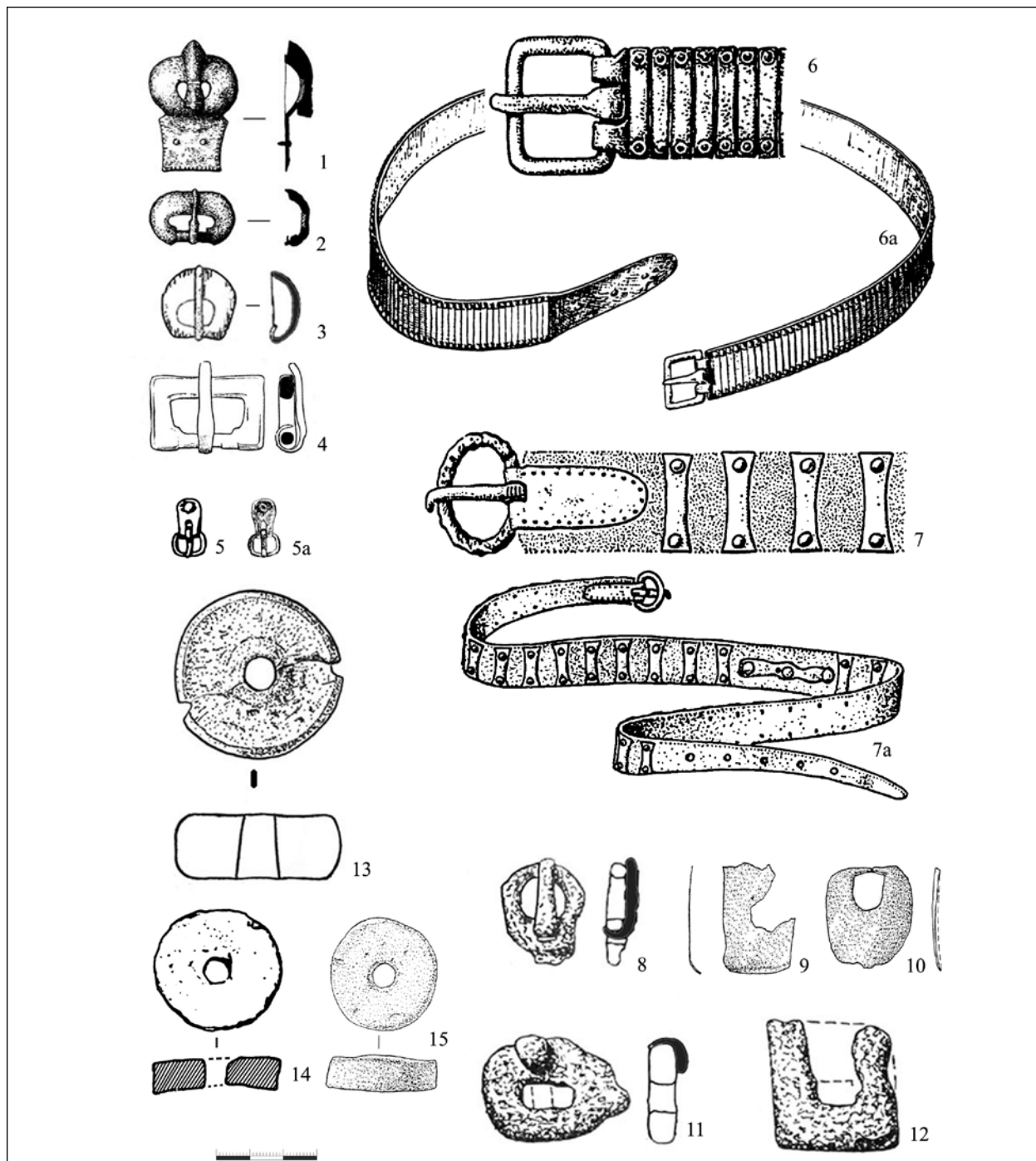


Рис. 130. Инвентарь из погребальных памятников второй половины IV–VI вв. урало-казахстанских степей.

1–2: Каменный Амбар, курган 6 (КОСТЮКОВ 1995); 3, 8, 11, 12: Аркаим (БОТАЛОВ 2009); 4: Боровое (БЕРНШТАМ 1951); 5–6, 14: Канаттас, курган 19 (КАДЫРБАЕВ 1959а; АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КАЗАХСТАНА 1960); 7: Зевакино, курган 1 (АРСЛАНОВА 1975; БОНА 1991); 13: Городищенское IX, курган 5 (БОТАЛОВ 2009); 9–10, 15: Енбекшил, курган 2 (БЕЙСЕНОВ–ВЕСЕЛОВСКАЯ 2013); 5–5а: Варианты рисунков пряжки из комплекса Канаттас, кургана 19; 6а: Реконструкция пояса из комплекса Канаттас, курган 19; 7а: Реконструкция пояса из комплекса Зевакино, курган 1

Fig. 130. Artifacts from burial complexes of the second half of the IV–VI centuries of the Ural-Kazakhstan steppes. 1–2: Kamennyj Ambar; kurgan 6 (KOSTYUKOV 1995); 3, 8, 11, 12: Arkaim (BOTALOV 2009); 4: Borovoe (BERNSHTAM 1951); 5–6, 14: Kanattas, kurgan 19 (KADYRBAEV 1959a; ARCHAEOLOGICAL MAP OF KAZAKHSTAN 1960); 7: Zevakino, kurgan 1 (ARSLANOVA 1975; BONA 1991); 13: Gorodishhenskoe IX, kurgan 5 (BOTALOV 2009); 9–10, 15: Enbekshil, kurgan 2 (BEISENOV–VESELOVSKAJA 2013); 5–5a: variants of buckle drawings from the Kanattas complex, kurgan 19; 6a: Reconstruction of the belt from the Kanattas complex, kurgan 19; 7a: Reconstruction of the belt from the Zevakino complex, kurgan 1

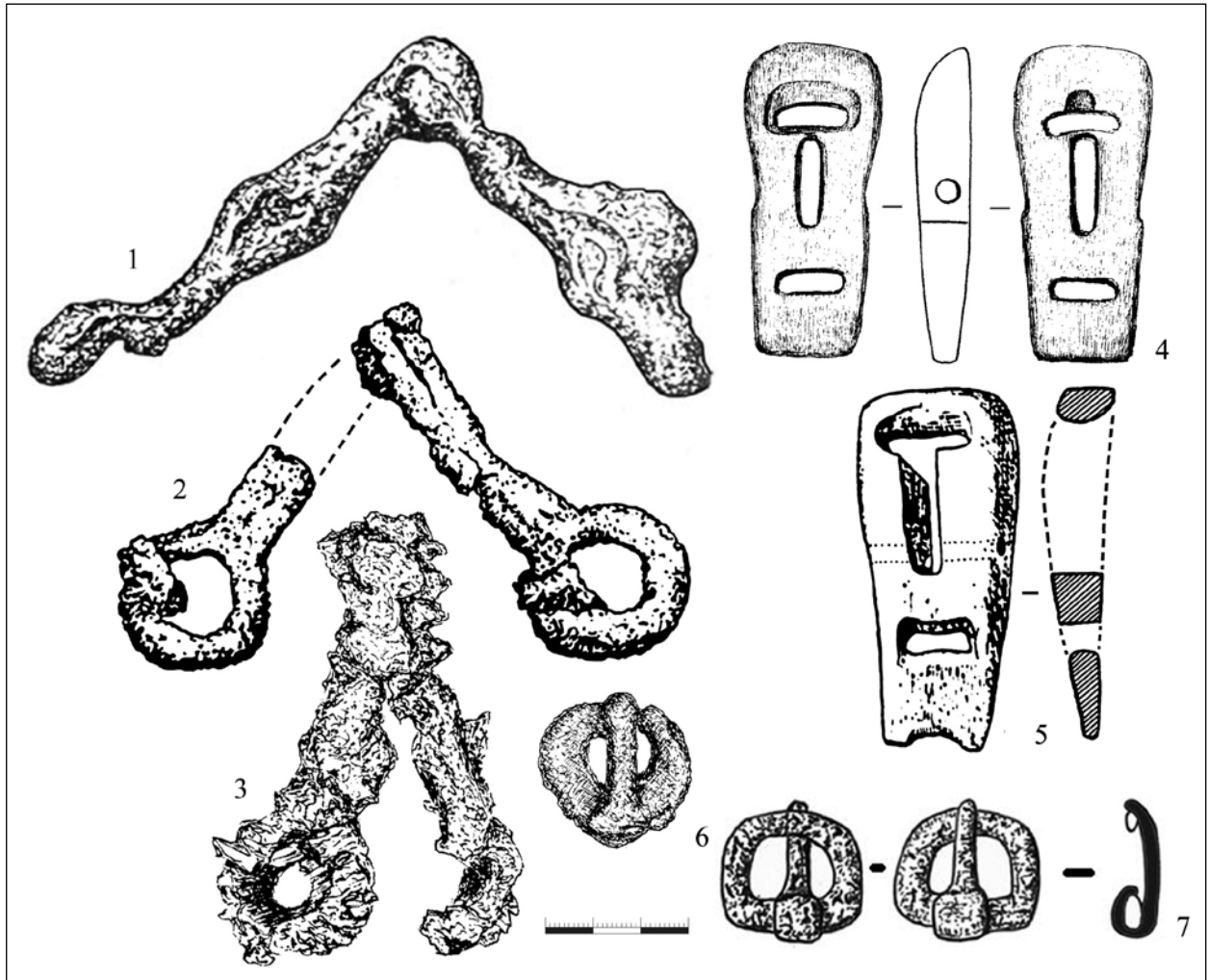


Рис. 131. Предметы конской упряжи из погребальных памятников второй половины IV–VI вв. урало-казахстанских степей. 1: Аркаим (БОТАЛОВ 2009); 2, 5: Канаттас, курган 19 (КАДЫРБАЕВ 1959а); 3–4, 6: Халвай III (ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015); 7: Городищенское IX, курган 5 (БОТАЛОВ 2009)

Fig. 131. Items of horse harness from burial complexes of the second half of the IV–VI centuries. Ural-Kazakhstan steppes. 1: Arkaim (BOTALOV 2009); 2, 5: Kanattas, kurgan 19 (KADYRBAEV 1959a); 3–4, 6: Halvaj III (SHEVNINA–LOGVIN 2015); 7: Gorodishhenskoe IX, kurgan 5 (BOTALOV 2009)

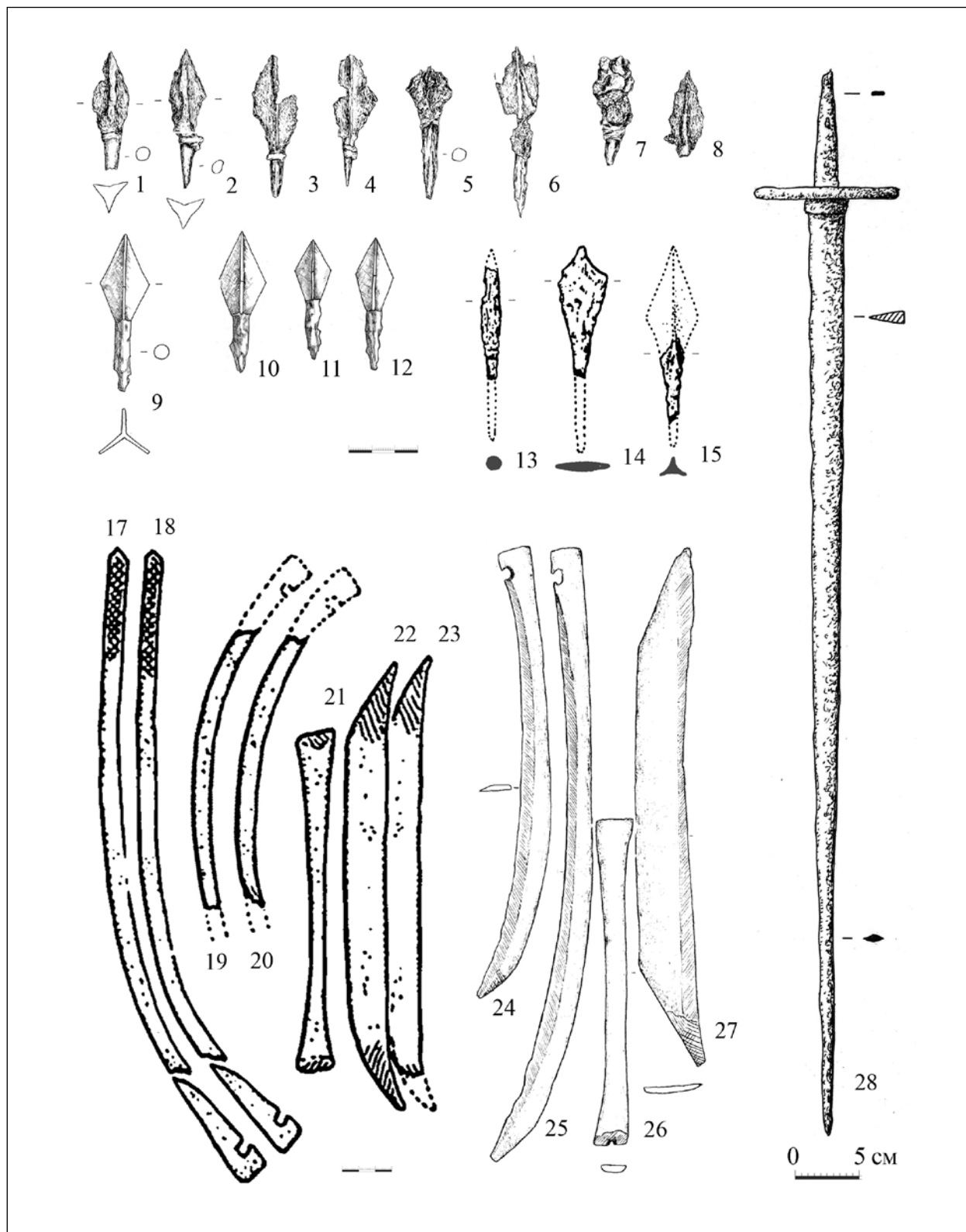


Рис. 132. Предметы вооружения из погребальных памятников второй половины IV–VI вв. урало-казахстанских степей.  
1–8, 24–27: Халвай III (ШЕВНИНА–ЛОГВИН 2015); 13–23: Зевакино, курган 1 (BÓNA 1991); 9–12, 28: Назар-2  
(БЕЙСЕНОВ–КИТОВ 2013)

Fig. 132. Weapons items from burial complexes of the second half of the IV–VI centuries of the Ural-Kazakhstan steppes.  
1–8, 24–27: Halvaj III (SHEVNINA–LOGVIN 2015); 13–23: Zevakino, kurgan 1 (BÓNA 1991); 9–12, 28: Nazar-2  
(BEISENOV–KITOV 2013)

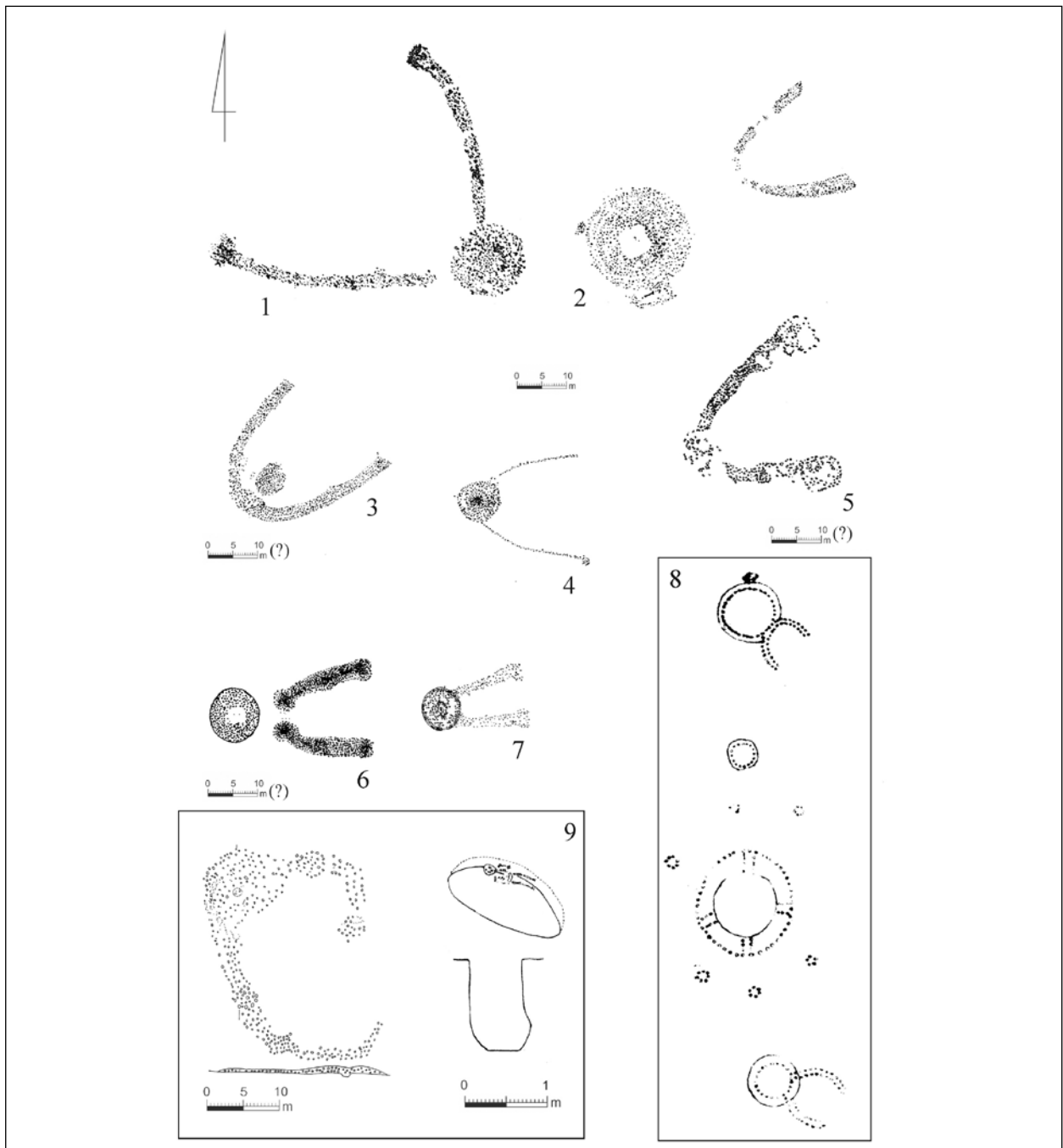


Рис. 133. Курганы с «усами» Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. 1–2: Тоба (уезд Толи, округ Чугучак) (Чэнго Цзичэн 2011; Шао Хуйцзо 2018); 3: Курганы на вершине горы Сара (Хобоксар-Монгольский автономный уезд, округ Чугучак); 4: Харцологе (Хобоксар-Монгольский автономный уезд, округ Чугучак); 5: Сунге (уезд Толи, округ Чугучак); 6: Шанхуэй / Шанхуэра (уезд Юйминь, округ Чугучак) (Шао Хуйцзо 2018); 7: Тори-Мяо (Хобоксар-Монгольский автономный уезд, округ Чугучак) (Чэнго Цзичэн 2011); 8: Йоулутосы (уезд Токсун, городской округ Турфан) (Чжан Ючжун 1996; Шао Хуйцзо 2018); 9: Наньцюань (городской уезд Фукан, Чанцзи-Хуэйский автономный округ) (Чжан Ючжун 1996а)

Fig. 133. Kurgans with “moustache” of the Xinjiang Uygur Autonomous region of China. 1–2: Toba (Toli District, Chuguchak County) (CHJENGO CZICHJEN 2011; SHAO HUIJCU 2018); 3: Mounds on top of the Sara mountain (Hoboksar-Mongolian Autonomous District, Chuguchak County); 4: Harctologe (Hoboksar-Mongolian Autonomous District, Chuguchak County); 5: Sunge (Toli District, Chuguchak County); 6: Shanhujej / Shanhujera (Yumin District, Chuguchak County) (SHAO HUIJCU 2018); 7: Tori-Mjao (Hoboksar-Mongolian Autonomous District, Chuguchak County) (CHJENGO CZICHJEN 2011); 8: Joulutosy (Toksun District, Turfan city County) (CHZHAN JUCHZHUN 1996; SHAO HUIJCU 2018); 9: Nan’cjuan’ (Fukan city District, Changji Hui Autonomous County) (CHZHAN JUCHZHUN 1996a)



Рис. 134. Антропологические реконструкции по материалам могильника Каменный Амбар 5. 1: Курган 5; 2: Курган 6 (БОТАЛОВ 2013; Музей «Народы и технологии Урала», Южно-Уральский государственный университет)

Fig. 134. Anthropological reconstructions based on the materials of the burial ground Kamennyj Ambar. 1: Kurgan 5; 2: Kurgan 6 (BOTALOV 2013; Museum of Nationalities and Technology of the South Urals, South Ural State University)



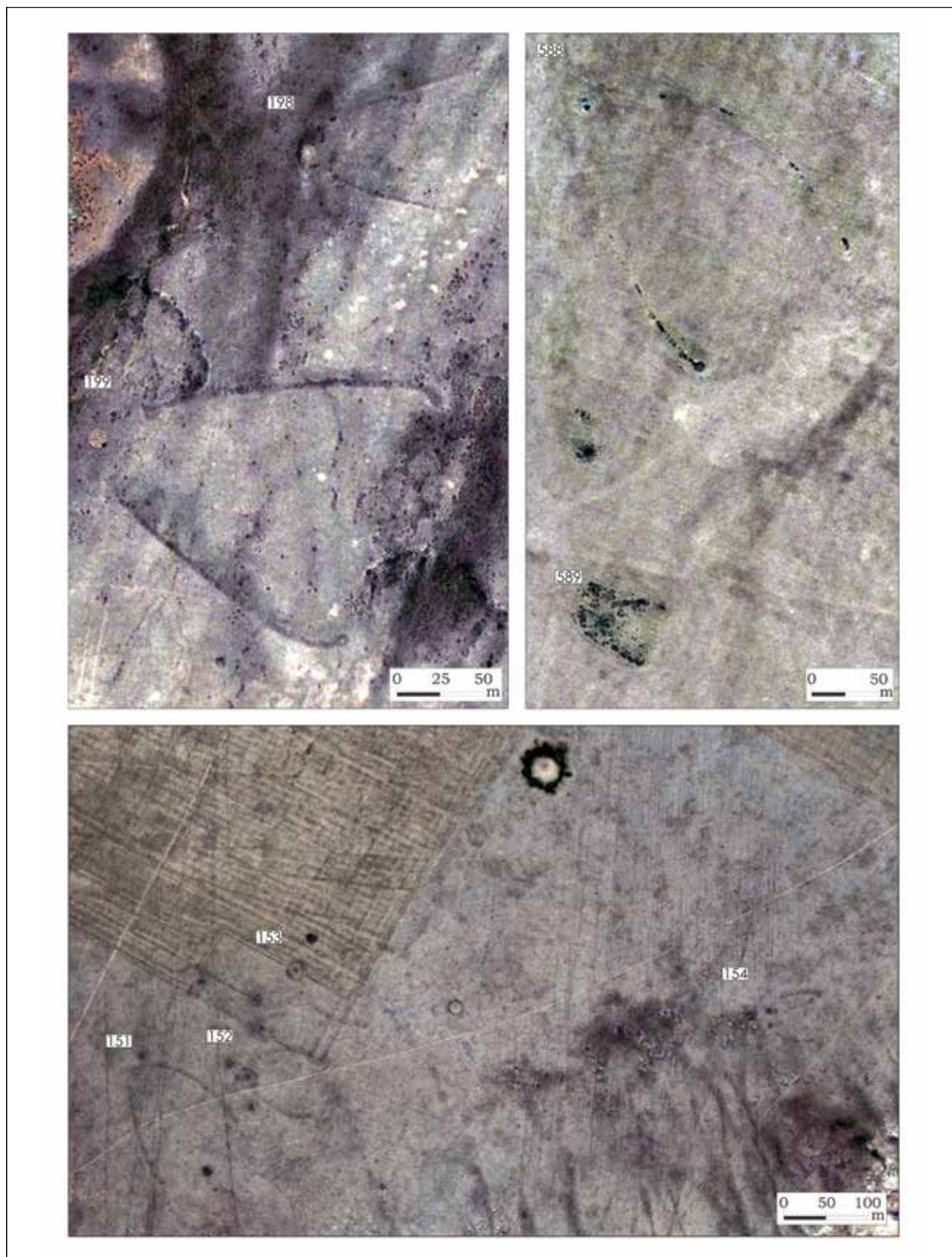


Рис. 135. Курганы с «усами» Тургая [151–154, 198, 199] и Восточного Казахстана [588, 589] по данным космоснимков (SAS.Планета)

Fig. 135. Kurgans with “moustache” of Turgay [151–154, 198, 199] and East Kazakhstan [588, 589] according to satellite images (SAS.PLANET)



Рис. 136. Курганы с «усами» Тургая [182] и Центрального Казахстана [431] по данным космоснимков (SAS.Планета)  
Fig. 136. Kurgans with “moustache” of Turgay [182] and Central Kazakhstan [431] according to satellite images (SAS.PLANET)

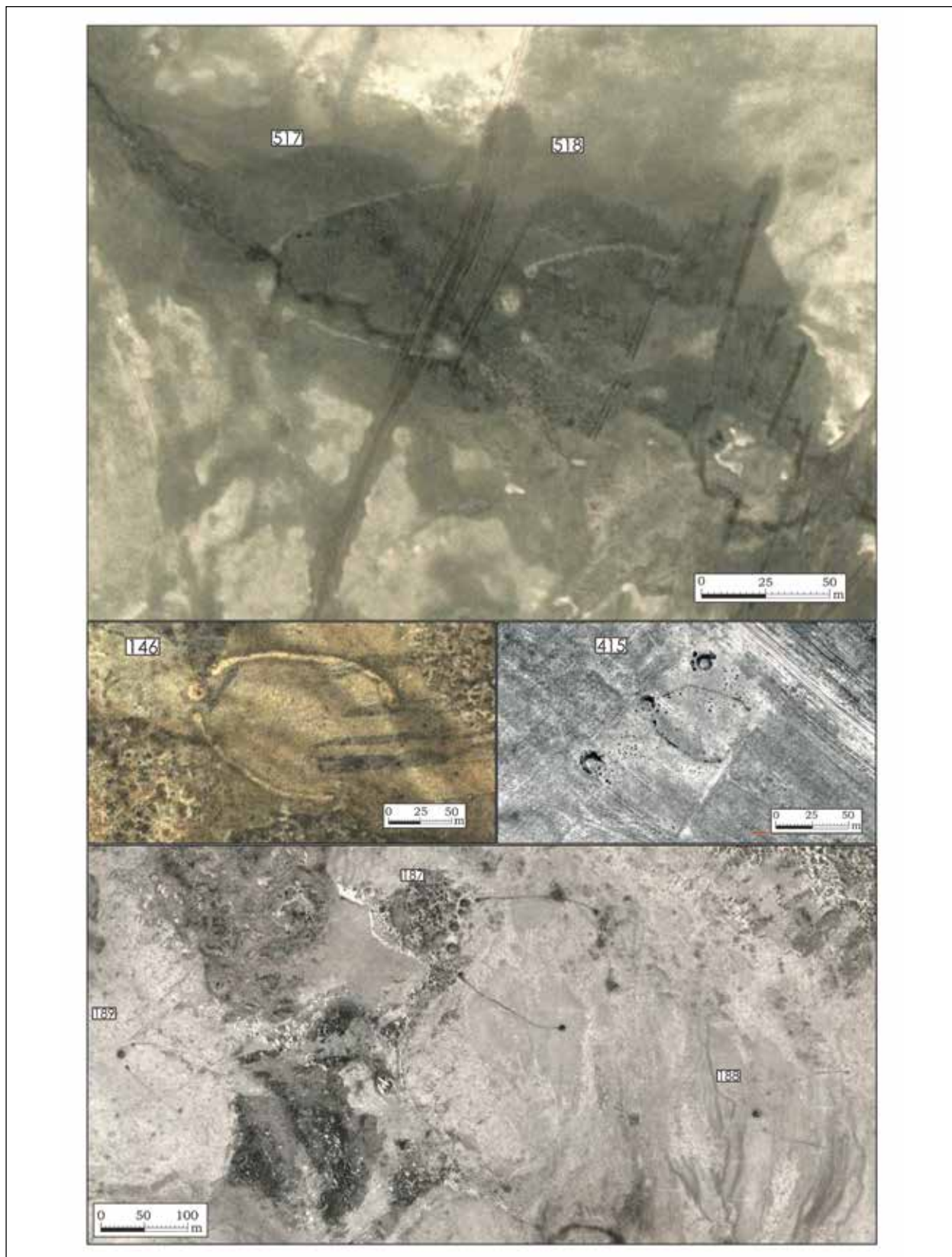


Рис. 137. Курганы с «усами» Тургая [146, 187–189] и Центрального Казахстана [415, 517, 518] по данным космоснимков (SAS.Планета)

Fig. 137. Kurgans with “moustache” of Turgay [146, 187–189] and Central Kazakhstan [415, 517, 518] according to satellite images (SAS.PLANET)



Рис. 138. Курганы с «усами» Южного Зауралья. 1: Городищенское IX [15]; 2: Новокондуровский 1 [62]; Каменный Амбар 7 [22] (фото: С. М. Арканов)

Fig. 138. Kurgans with "moustache" of the Southern Trans-Urals. 1: Gorodishhenskoe IX [15]; 2: Novokondurovskij 1 [62]; Kamennii Ambar 7 [22] (photo: S. M. Arkanov)

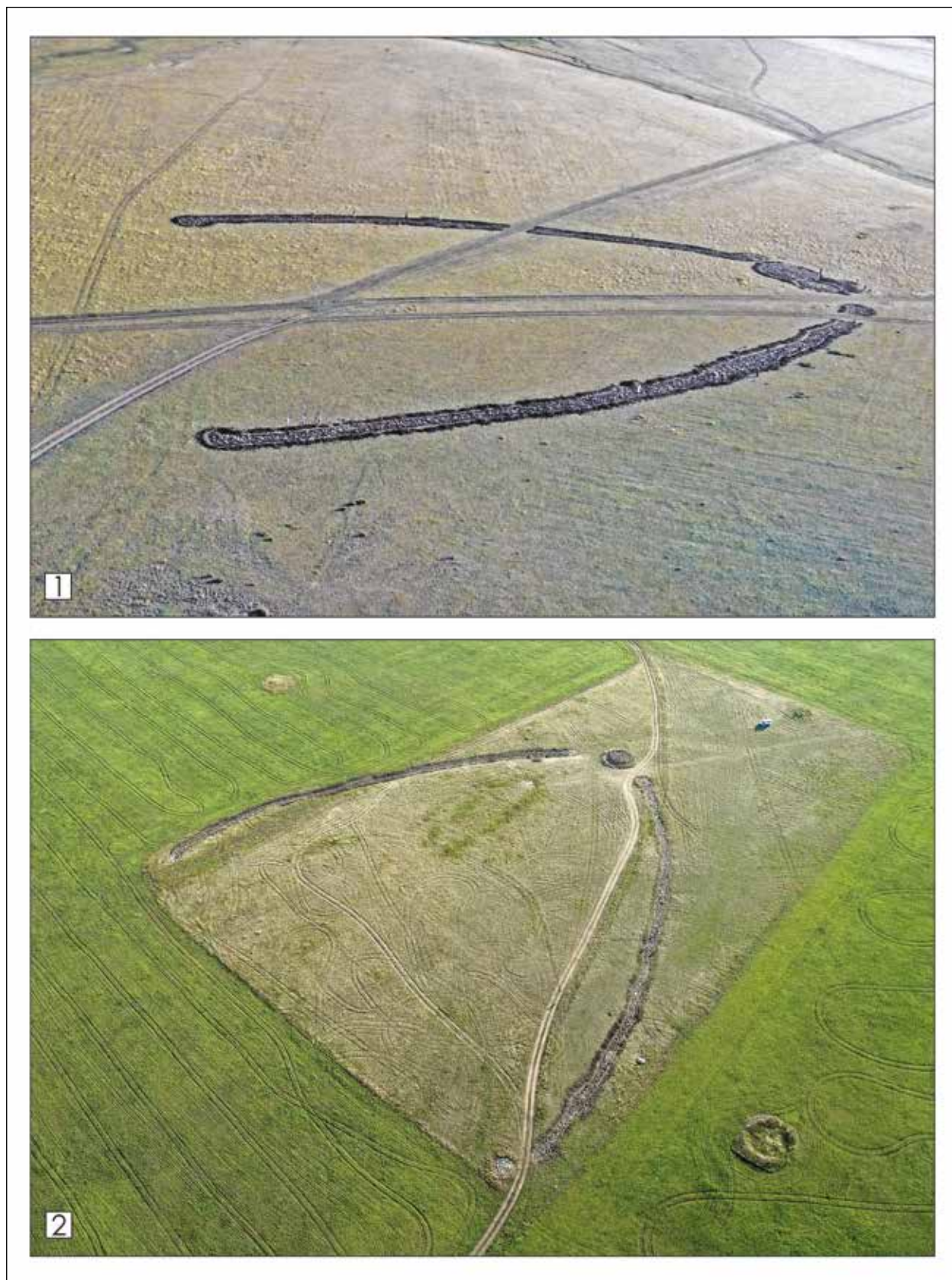


Рис. 139. Курганы с «усами» Южного Зауралья. 1: Сарбулат-1 [20]; 2: Суходол, курган 5 [21] (фото: С. М. Арканов)  
Fig. 139. Kurgans with "moustache" of the Southern Trans-Urals. 1: Sarbulat-1 [20]; 2: Suhodol, kurgan 5 [21]  
(photo: S. M. Arkanov)



Рис. 140. Курган с «усами» Солончанка I [69]. 1: Общій вид центрального сооруже́ния (вид с се́вера);  
2: Фигурки лоша́док in situ из ю́жного кургана (ТАИРОВ 1997)

Fig. 140. Kurgan with "moustache" Solonchanka I [69]. 1: General view of the central mounds (view from the North);  
2: Figures of horses in situ from the southern mound (ТАИРОВ 1997)

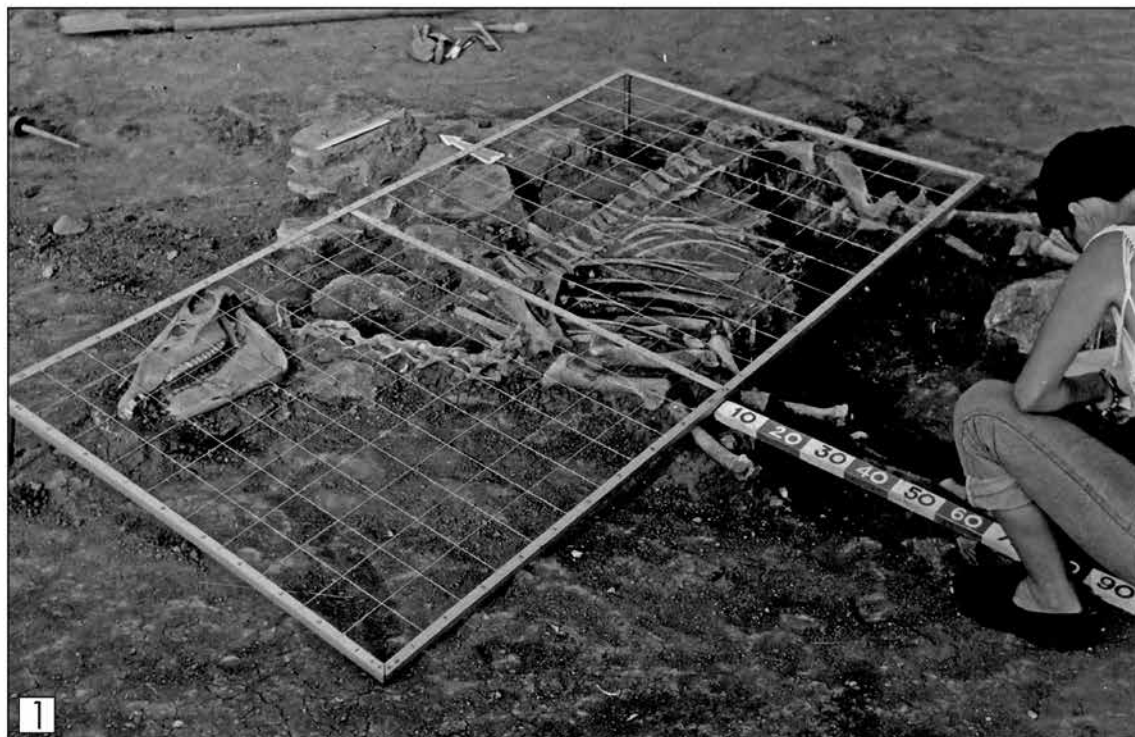


Рис. 141. Курган с «усами» Солончанка I [69]. 1: Зарисовка костяка лошади из северного кургана;  
2: Костяк лошади из южного кургана (ТАИРОВ 1997)

Fig. 141. Kurgan with "moustache" Solonchanka I [69]. 1: Drawing of a horse's backbone from the North mound;  
2: A horse's backbone from the South mound (ТАИРОВ 1997)

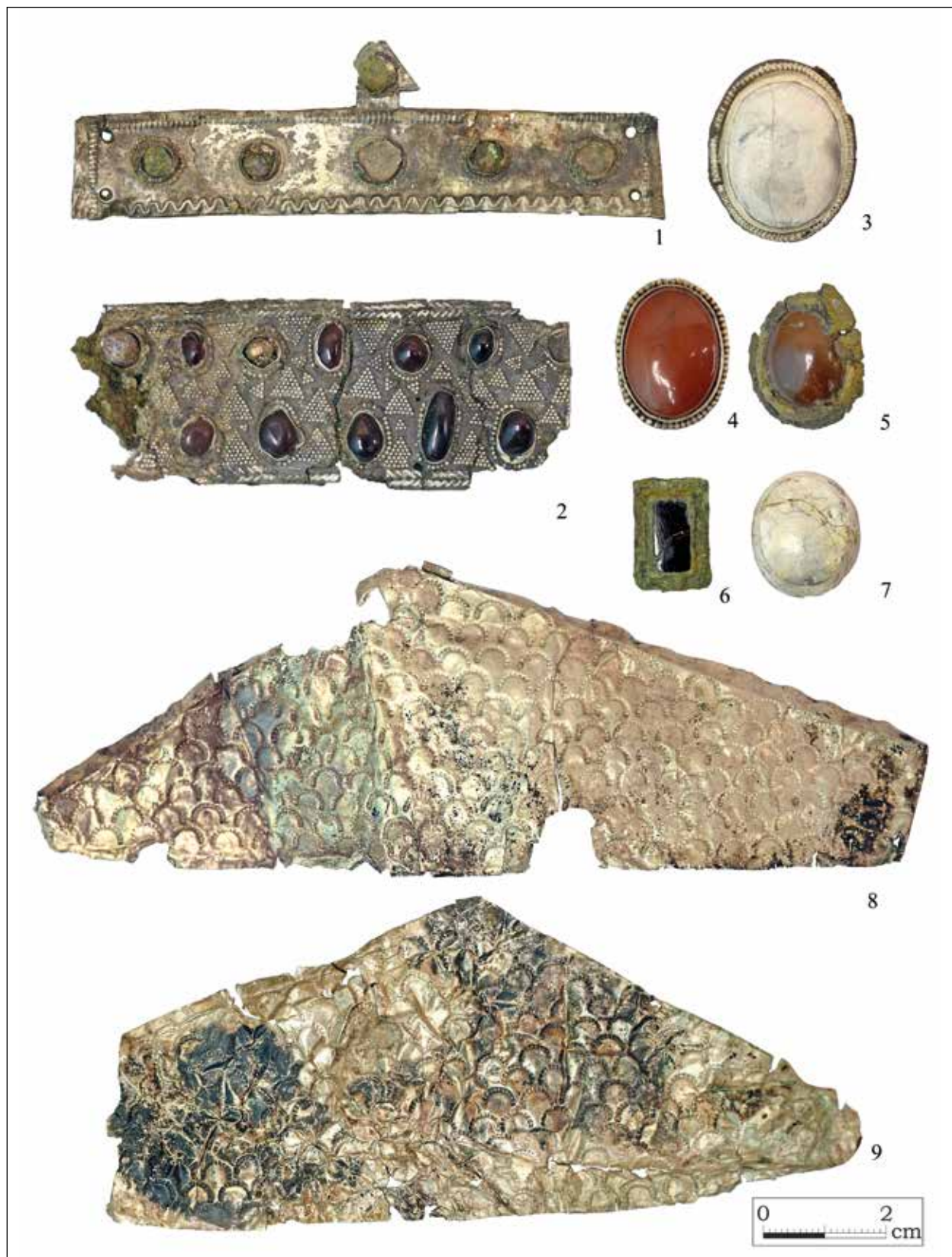


Рис. 142. Курган с «усами» Солончанка I [69]. Предметы из северного (1) и южного (2–9) курганов (Фонды Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», фото автора)

Fig. 142. Kurgan with "moustache" Solonchanka I [69]. Artifacts from the North (1) and South (2–9) mounds (Chelyabinsk state historical and cultural reserve „Arkaim”; author's photo)



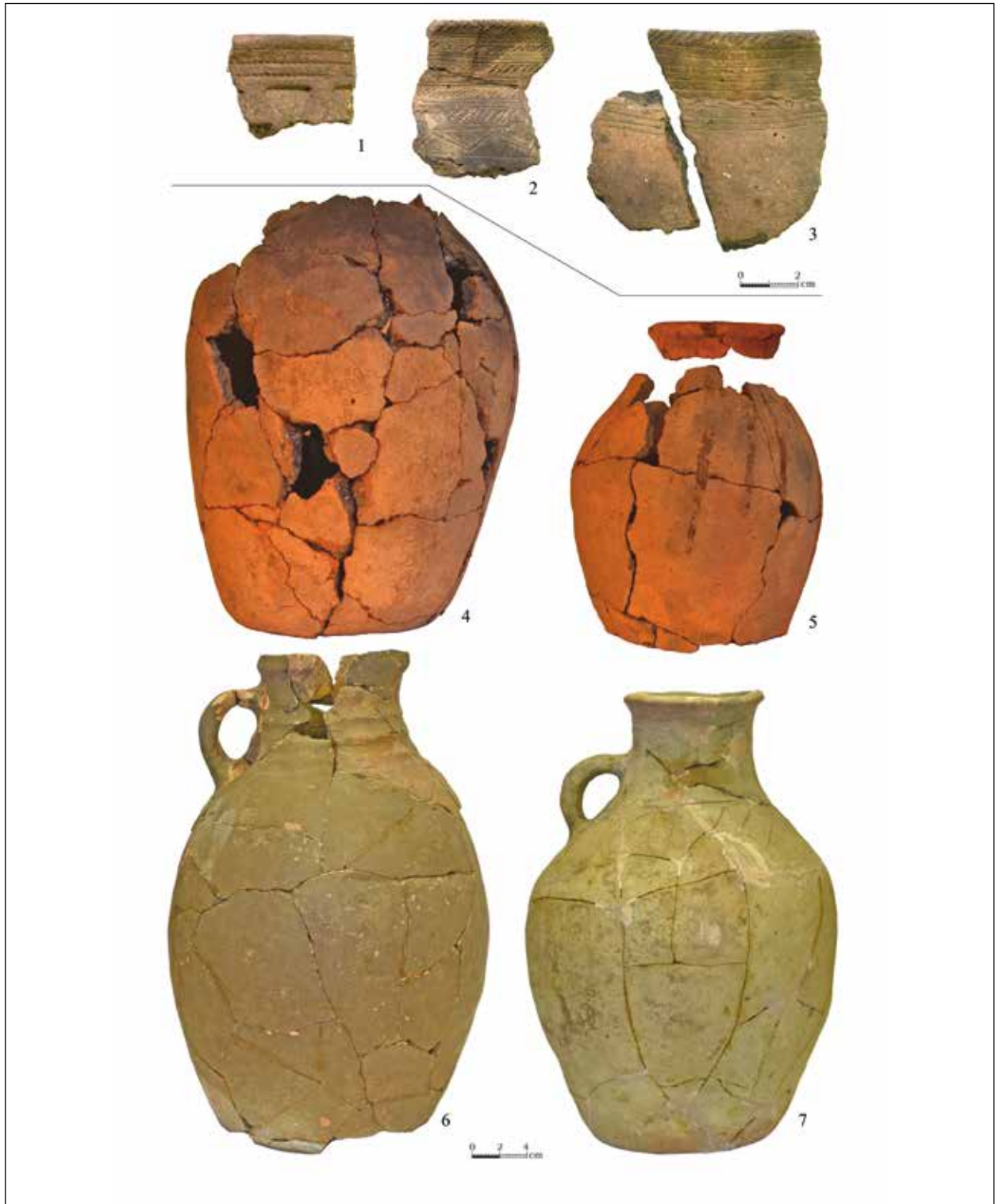
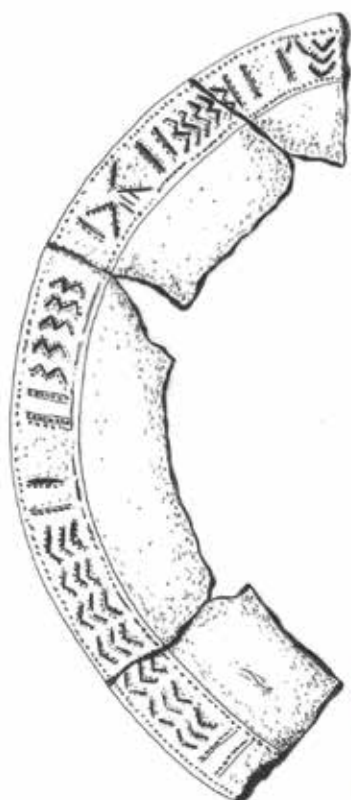


Рис. 143. Керамическая посуда из курганов с «усами». 1, 3: Селенташ, курган 5; 2: Кайнсай (Фонды Лаборатории экспериментальной археологии УНЦ изучения природы и человека ЧелГУ, фото автора); 4: Сарбулат-1, южный курган; 5: Сарбулат-1, северный курган (Костюков 2004; фото: В. П. Костюков); 6: Солончанка IX; 7: Солончанка I (Фонды Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим», фото автора)

Fig. 143. Pottery from the kurgans with "moustache". 1, 3: Selentash, kurgan 5; 2: Kajnsaj (Laboratory of experimental archaeology of the educational and scientific center for the study of nature and humans, author's photo); 4: Sarbulat-1, South kurgan; 5: Sarbulat-1, North kurgan (Kostyukov 2004; photos of V. P. Kostyukov); 6: Solonchanka IX; 7: Solonchanka I (Chelyabinsk state historical and cultural reserve „Arkaim”; author's photo)

A KÖTET MEGJELENÉSÉNEK TÁMOGATÓI



A Salisbury Kft. a régészet és műtárgyvédelem terén hazánk egyik legrégebben működő magánvállalkozása.

Országosan akkreditált vállalkozásként a régészeti munkák és az örökségvédelem területén a legkorszerűbb technológia segítségével nyújt teljes körű szolgáltatásokat.

[www.salisbury.hu](http://www.salisbury.hu)



## ÁSATÁRS Kulturális

Régészeti Szolgáltató és Kereskedelmi  
Korlátolt Felelősségű Társaság



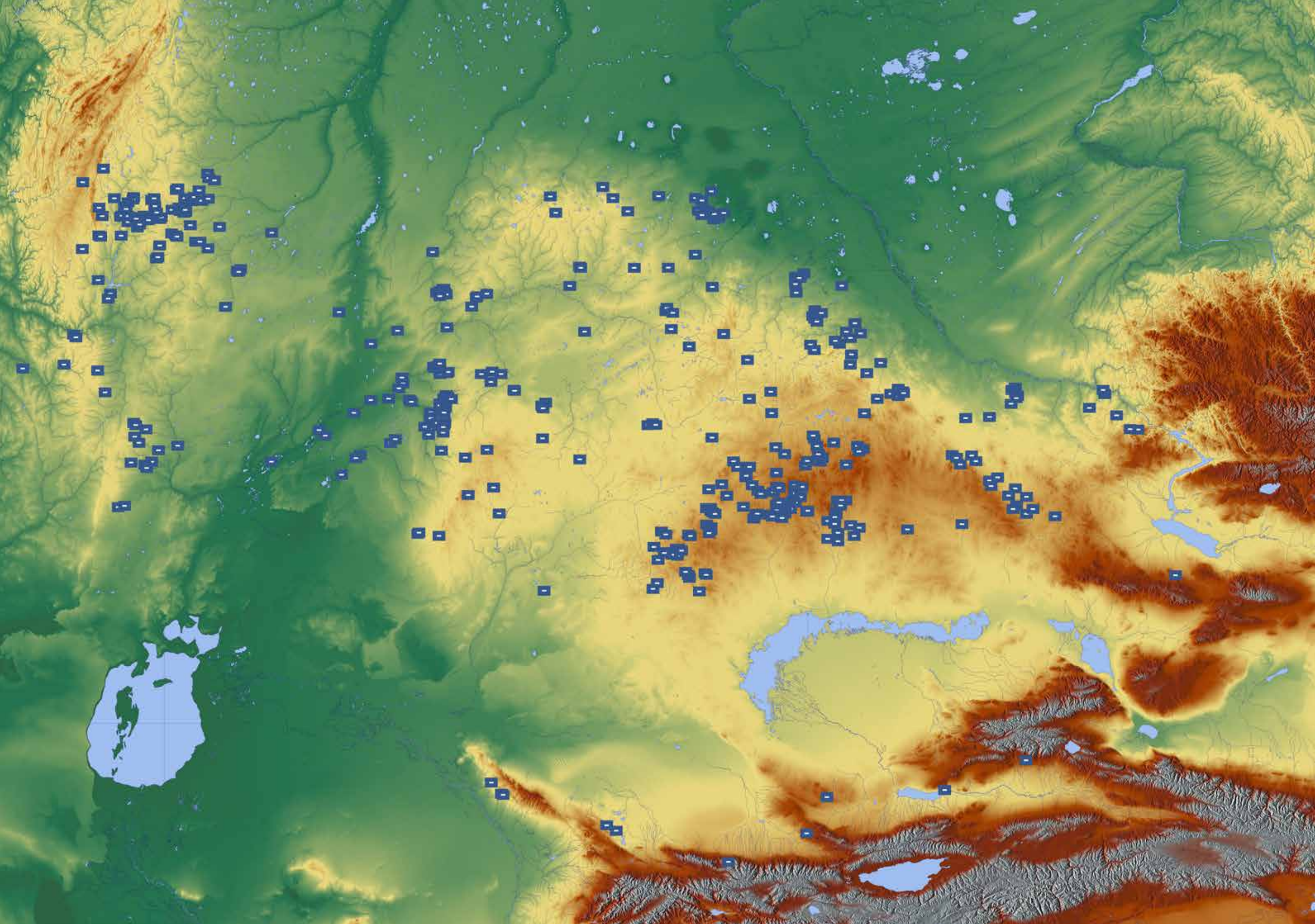
### TEVÉKENYSÉGI KÖRÖK

- megelőző feltárások, leletmentések szakmai-technikai lebonyolítása, ásatásvezetés
- régész és technikus biztosítása
- terepbejárások, egyéb régészeti terepmunkák
- régészeti kézi földmunka
- szakértői tevékenység, hatásvizsgálatok, ERD-k
- lelet- és adattári anyag leltározása
- régészeti feldolgozások: dokumentáció készítés, leletanyag rajzolása, fotózása, publikálás
- régészeti leletanyag restaurálása
- légifotózás

6000 Kecskemét, Futár u. 12.



[www.asatarskft.hu](http://www.asatarskft.hu)



Ivan V. Grudochko

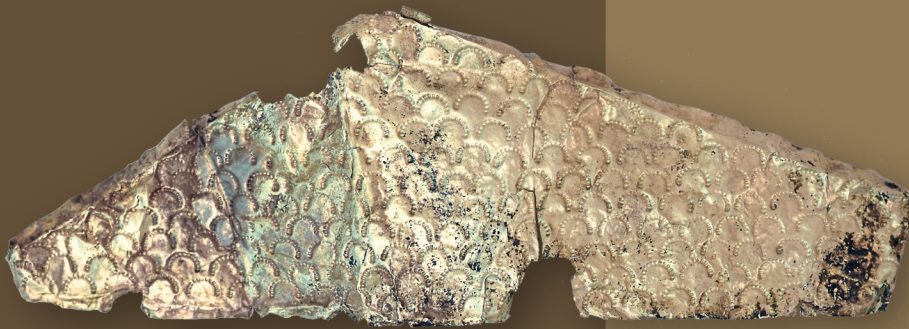
Kurgans with 'moustache'

The epoch of the late prehistory  
and Early Middle Ages of  
the Ural-Kazakhstan steppes (4<sup>th</sup>–7<sup>th</sup> AD)

Иван В. Грудочко

Курганы с «усами»

Эпоха поздней древности и раннего  
средневековья урало-казахстанских  
степей (IV–VII вв. н. э.)



[www.martinopitz.hu](http://www.martinopitz.hu)

